ИСТОРІЯ

80го ПѢХОТНАГО КАБАРДИНСКАГО

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА

КНЯЗЯ БАРЯТИНСКАГО ПОЛКА.

(1726—1880).

ТОМЪ 1.

Составилъ **А. Зиссерманъ.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Граціанскаго. Невскій, № 46.
1881.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Державному Шефу.

Ваше Императорское Величество!

Принимаю смѣлость повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества составленную мною исторію 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго, генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, полка, имѣющаго счастіе считать своимъ шефомъ ВАСЪ, Всемилостивѣйшій Государь.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Арнольдъ Зиссерманъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе . . . . I.

I.

Походъ Петра I-го въ Персію. 1

II.

Низовый корпусъ и его усиленіе новыми пятью полками. — Изъ этихъ полковъ 1-й фонъ-Девица, послѣ Ранокуцкій, затѣмъ названъ Кабардинскимъ. 12

III.

Военныя происшествія въ занятыхъ провинціяхъ.—Упраздненіе шамхала, смиреніе уцмія. — Оставленіе русскими войсками Решта и Гиляни. — Первое дѣло съ чеченцами. — Дѣло съ 20,000 крымскихъ татаръ. — Измѣна уцмія и взятіе штурмомъ Башлы. — Возвращеніе корпуса въ Россію. 23

IV.

Война съ Турціею въ Крыму 1736—1739. 35

V.

Война съ Швеціею 1740—41.—Расположеніе полка въ Петербургѣ и окрестностяхъ для карауловъ.—Выступленіе полка въ Ригу и пребываніе въ Прибалтійскомъ краѣ 13 лѣтъ.—Откомандированіе одной роты въ составъ новыхъ гренадерскихъ полковъ.— Выступленіе одного батальона въ Пруссію.—Отправленіе другого батальона моремъ къ Кольбергу. — Распредѣленіе батальона по разнымъ полкамъ. — Неизвѣстность нахожденія другого батальона. — Возвращеніе войскъ въ Россію и назначеніе полку квартиръ въ Выборгѣ. 51

VI.

Обстоятельства приведшія Россію къ войнѣ съ Турціею въ 1769 г. 65

СТРАН.

VII.

Объявленіе Портою войны.—Безпорядки въ Константинополѣ.—Выступленіе визиря въ походъ. — Переводъ плѣннаго русскаго посольства въ турецкій лагерь. 72

VIII.

Планъ кампаніи, составленный турками.—Планъ кампаніи для русской арміи. — Сборъ арміи въ Кіевѣ и отправленіе туда Кабардинскаго полка.—Выступленіе къ Бугу.—Подступы къ Хотину.—Разбитіе турокъ.—Отступленіе русской арміи за Днѣстръ.—Новое наступленіе къ Днѣстру. — Мелкія стычки и нападеніе турокъ 2 іюля. — Бомбардированіе Хотина. — Сраженіе 29 августа.—Взятіе турецкихъ шанцевъ.—Занятіе Хотина.—Назначеніе графа Румянцева главнокомандующимъ. 80

IX.

Распоряженія Румянцева къ устройству арміи. — Выступленіе къ Днѣстру.—Препятствія отъ ненастья и чумы. — Пораженіе турокъ при Ларгѣ. — Побѣда при Кагулѣ. — Отзывы объ отличившихся офицерахъ Кабардинскаго полка. 95

X.

Унынiе турокъ.—Взятіе Измаила и Киліи. — Взятіе Аккермана.—Весенніе поиски и экспедиція за Дунай.—Взятіе Тульчи и блистательныя экспедиціи Вейсмана къ Бабадагу и Исакчи.—Возвращеніе Кабардинскаго полка на зимнія квартиры въ Аккерманъ. — Покореніе Крыма и начало мирныхъ переговоровъ.—Производство отличившихся офицеровъ. 97

XI.

Дипломатическія интриги и желаніе посредничества.—Проэктъ мирныхъ условій. — Союзъ Австріи съ Турціей и угрозы Россіи. — Прекращеніе мирныхъ переговоровъ. — Возобновленіе поисковъ за Дунай.—Экспедиція полковника Клички къ Карасу. — Пораженіе здѣсь турецкаго отряда Вейсманомъ. — Переправа арміи черезъ Дунай противъ Силистріи.—Сраженіе и отбитый штурмъ.—Захватъ передоваго редута Кличкой. — Отступленіе отъ Силистріи.—Пораженіе Нуманъ-паши и смерть Вейсмана.—Обратный переходъ арміи за Дунай. — Движеніе къ Бабадагу, Карасу и Базарджику. — Неудачная атака Варны. — Возвращеніе войскъ на зиму за Дунай. — Начало дѣйствій 1774 г. и открытіе вновь мирныхъ переговоровъ. — Сраженіе при Козлуджи. — Движеніе къ Шумлѣ и легкихъ отрядовъ за Балканы. — Заключеніе Кючукъ-Кайнарджискаго мира. — Условія трактата. — Возвращеніе арміи за Дунай 127

СТРАН.

XII.

Росписаніе арміи.—Политическое положеніе Турціи послѣ мира.—Уклоненіе отъ исполненія трактата, особенно на счетъ Крыма.—Необходимость военныхъ предосторожностей на Кубани и Терекѣ.—Зачисленіе Кабардинскаго полка въ Астраханскій корпусъ.—Выступленіе полка изъ Быхова.—Прибытіе на Моздокскую линію въ Георгіевскъ.—Возбужденіе враждебности горцевъ противъ русскихъ и начало Кавказской войны.—Появленіе Шихъ-Мансура.—Несчастная экспедиція противъ него.—Движеніе Шихъ-Мансура въ Кабарду и встрѣча съ отрядомъ полковника Нагеля.—Пораженіе горцевъ.—Уходъ Мансура за Кубань . . 149

XIII.

Политическія интриги, вызвавшія войну.—Манифестъ объ открытіи дѣйствій.—Мнѣніе Вольнея о Турціи.—Распоряженіе Потемкина о дѣйствіяхъ на Кавказѣ.—Движеніе за Кубань и дѣла съ горцами.—Экспедиція генерала Текелли и ея послѣдствія.—Дѣйствія его въ 1788 году за Кубанью и у Анапы.—Возвращеніе и разореніе по пути черкескихъ ауловъ.—Результаты похода. 165

XIV.

Походъ генерала Бибикова къ Анапѣ въ 1789 г.—Переписка по этому поводу Екатерины съ княземъ Потемкинымъ.—Движеніе Баталъ-паши къ Кубани и пораженіе его отрядомъ генералъ-маіора Германа.—Взятіе Гудовичемъ крѣпости Анапы.—Окончаніе турецкой войны и заключеніе мира въ Яссахъ.—Инструкціи Потемкина госпиталямъ 182

XV.

Отсутствіе свѣдѣній о дѣйствіяхъ на Кавказѣ съ 1791 по 1800 г.—Походъ графа Зубова въ Персію 1796 г.—Взятіе Дербента . . 204

XVI.

Приготовленія къ дальнѣйшему походу.—Заявленіе покорности дагестанскими владѣльцами.—Прибытіе подкрѣпленій и движеніе къ Баку.—Переправа чрезъ р. Самуръ.—Занятіе Кубы и Баку.—Бѣгство Шейхъ-Али-хана.—Несчастное дѣло подполковника Бакунина.—Переходъ корпуса чрезъ Куру.—Движеніе отряда къ Ганжѣ и занятіе ея.—Предположеніе къ устройству крѣпостей и торговаго города у Джавата.—Смерть Екатерины и отозваніе войскъ обратно въ Россію 230

XVII.

Опасности угрожавшія Грузіи.—Окончательнне занятіе ея русскими войсками.—Движеніе Кабардинскаго полка въ 1800 г. въ Тиф-

СТРАН.

лиссъ.—Вступленіе въ городъ и встрѣча.—Раздоры и интриги царевичей противъ царя Георгія.—Обращеніе царевича Александра къ Омаръ-хану Аварскому за помощью и его наступленіе къ Грузіи.—Выступленіе Лазарева ему на встрѣчу съ отрядомъ.—Дѣло на Іорѣ 7 ноября и пораженіе лезгинскихъ скопищъ. . . . 255

XVIII.

Кардонная служба полка.—Мелкія стычки съ лезгинцами.—Движеніе Гулякова за Алазань. — Пораженіе Джарскихъ лезгинъ и взятіе Бѣлокани.—Занятіе Джары.—Изъявленіе лезгинами покорности.—Неисполненіе ими условій и возобновленіе нападеній . 169

XIX.

Нападеніе лезгинъ на отрядъ.—Дѣло 31 декабря на Алазани.—Занятіе Джары.—Движеніе въ Закатальское ущелье и смерть Гулякова.—Отступленіе отряда за Алазань. — Назначеніе шефомъ полка князя Орбельяна.—Взглядъ на общее положеніе края. — Возобновленіе нападеній лезгинъ. — Отправленіе батальона Кабардинскаго полка въ Кахетію.—Дѣло съ хевсурами близъ Тіонетъ.—Нападеніе лезгинъ на фортъ Александровскій.—Слабость нашихъ силъ.—Движеніе за Алазань и занятіе Катехъ. . . . 285

XX.

Возбужденіе безпорядковъ въ краѣ.—Возстаніе въ Имеретіи.—Отправленіе туда двухъ батальоновъ Кабардинскаго полка. — Движеніе ихъ двумя колоннами и бой съ имеретинцами.—Соединеніе обѣихъ колоннъ.—Прибытіе подкрѣпленій и движеніе къ Кутаису.—Усмиреніе бунта.—Возвращеніе батальоновъ въ Тифлисъ.—Стычки на Алазани.—Расположеніе частей полка. — Происшествія въ полку.—Вторженіе персіянъ и турокъ. — Возмущеніе въ Ананурѣ и Грузіи. — Нападеніе на штабъ полка и избіеніе людей 2-го батальона. — Назначеніе шефомъ полковника Тихановскаго.—Дѣйствія противъ кахетинскихъ возмутителей.—Усмиреніе возстанія. 300

XXI.

Экспедиція въ Хевсурію.—Набѣгъ въ Чечню и взглядъ на образъ дѣйствій войскъ императора Александра I. — Инструкція Ермолова.—Его предположенія.—Дѣятельность полка на Алазани.—Перемѣна командировъ. 320

XXII.

Выступленіе двухъ батальоновъ на Кавказскую линію. — Начало наступательныхъ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ. — Прибытіе отряда на Сунжу и постройка крѣпости Грозной.—Дѣла съ че-

СТРАН.

ченцами.—Происшествіе въ Сунженскомъ аулѣ. — Враждебныя дѣйствія Аварскаго хана.—Пораженіе колонны въ Башлы и возмущеніе въ Дагестанѣ.—Выступленіе отряда изъ Грозной.—Заложеніе крѣпости Внезапной и движеніе въ Тарки.—Выступленіе къ Параулу и пораженіе горцевъ Кабардинскимъ батальономъ.—Движеніе къ Дженгутаю и занятіе его съ боя.—Разореніе Малаго Дженгутая.—Возвращеніе отряда въ Тарки и оттуда на Терекъ.—Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій горцевъ Дагестана, подстрекаемыхъ Персіей.—Сборъ отряда у Андреевой и занятіе нѣкоторыхъ пунктовъ.—Прибытіе аварскаго хана въ сосѣдство съ Андреевой и волненіе среди окрестнаго населенія.—Дѣло у Болтугая двухъ ротъ Кабардинскаго полка. — Бѣгство непріятеля и водвореніе спокойствія.– Награды въ полкъ.—Посылка колонны для наказанія при-теречныхъ чеченцевъ.—Взятіе штурмомъ аула Дадаюртъ.—Разореніе качкалыковскихъ ауловъ и возвращеніе отряда въ Дагестанъ 337

XXIII.

Нападеніе акушинцевъ на шамхала Тарковскаго.—Движеніе отрядовъ въ Тарки.—Выступленіе въ Акушу.—Пораженіе 15 тысячъ горцевъ.—Изъявленіе покорности акушинцами. — Расположеніе отряда въ Мехтулинскомъ владѣніи.—Награды за дѣла. — Чрезвычайное событіе для полка, неожиданно переименованнаго въ Ширванскій.—Послѣдствія этого.—Рекогносцировка за Сунжей — Вырубка просѣкъ.—Работы для обезпеченія лѣваго фланга линіи.—Слухи о разрывѣ съ Турціей и мѣры къ предупрежденію волненій.—Набѣги въ Кабарду.—Рекогносцировки Ермоловымъ Кабарды и устройство въ ней укрѣпленій. — Кордонная служба полка 355

XXIV.

Обстоятельства, приведшія къ войнѣ съ Персіею. — Посольство Ермолова и продолжительныя старанія избѣжать разрыва. — Посольство князя Меньшикова и неожиданное вторженіе персіянъ въ Грузію.—Кампанія 1826 года.—Оставленіе Ермоловымъ Кавказа и назначеніе Паскевича. 375

XXV.

Кампанія 1827 г.—Прибытіе въ дѣйствующій корпусъ двухъ бат. Кабардинскаго полка.—Взятіе Абасъ-Абата. — Пораженіе персіянъ при Джеванъ-Булахѣ и въ нѣсколькихъ другихъ дѣлахъ.—Взятіе Сардаръ-Абата.—Взятіе Эривани 392

XXVI.

Движеніе авангарда внутрь Персіи. — Занятіе Маранды. — Занятіе Тавриза.—Мирные переговоры и пріѣздъ принца Аббасъ-Мирзы.—

СТРАН.

Прекращеніе переговоровъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій.— Занятіе Урміи.—Заключеніе мира и окончаніе кампаніи . . . 409

XXVII.

Война съ Турціею.—Обстоятельства, вызвавшія войну.— Открытіе кампаніи и взятіе Карса.—Взятіе Ахалкалаки.—Осада Ахалцыха, разбитіе двухъ пашей и штурмъ крѣпости.—Возвращеніе на зимнія квартиры. — Расположеніе Кабардинскихъ батальоновъ въ Персіи.—Выступленіе ихъ оттуда къ Баязету и Карсу. . . . 427

XXVIII.

Кампанія 1829 года.—Предварительныя распоряженія.—Выступленіе главной квартиры въ Ахалкалаки и Ардаганъ.—Передвиженіе отряда Панкратьева. — Пораженіе турецкаго корпуса и сосредоточеніе русскихъ войскъ у Катуплы.—Движеніе на Саганлугъ. — Пораженіе турокъ 19-го іюня. 439

XXIX.

Взятіе укрѣпленнаго лагеря на Милли-Дюзѣ.—Послѣдствія нашихъ побѣдъ 19 и 20 іюня. — Движеніе къ Эрзеруму. — Сдача города на капитуляцію и плѣненіе сераскира. 456

XXX.

Движеніе къ Байбурту и занятіе его.—Несчастное дѣло ген.-маіора Бурцова при Хартѣ. — Выступленіе туда части главныхъ силъ и взятіе Харта. Движеніе гр. Паскевича къ Сивасу. — Возвращеніе въ Эрзерумъ. — Волненіе жителей и попытки турокъ возобновить наступательныя дѣйствія.—Вторичный походъ гр. Паскевича къ Байбурту и пораженіе турокъ. — Извѣстія о заключеніи мира и прекращеніи войны. — Возвращеніе корпуса въ Грузію и оставленіе части его съ Кабардинскими батальонами въ Эрзерумѣ. — Возвращеніе полка въ Нальчикъ. — Полученныя награды. 479

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Какъ всякому, любящему отечество свое, утѣшно читать похвальныхъ дѣлъ своихъ собратьевъ памятники, то не сумнѣнно желательно таковые и сохранять».

Акад. наукъ, при изданіи военныхъ реляцій въ 1770 году

Совершенно естественно со стороны всякаго государства желаніе, чтобы армія его вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ была образцовою, чтобы она стояла на высотѣ своего назначенія—охранять честь и достоинство страны, ея цѣлость и независимость.

Вооруженіе, снабженіе всѣми потребностями, обученіе, хорошій корпусъ офицеровъ, кадры опытныхъ сержантовъ—составляютъ первыя, важнѣйшія основанія хорошей арміи; еще важнѣе—нравственно строгая дисциплина, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, и, какъ вѣнецъ достоинства арміи, духъ ея. Это и есть та нравственная сила, при посредствѣ которой переносятся тягчайшія лишенія, преодолѣваются неодолимыя преграды, малымъ числомъ побиваются большія непріятельскія полчища, однимъ словомъ, это та сила, которая «горами двигаетъ».

Таковъ былъ исконный духъ русской арміи, и онъ то главнѣйше побѣждалъ непріятеля на поляхъ Италіи и Богеміи, на берегахъ Дуная и Аму-Дарьи; благодаря этому духу, возможны были суворовскіе переходы чрезъ Альпы, преодолѣніе невѣроятнѣйшихъ трудностей въ многолѣтней кавказской войнѣ, защита Севастополя, совершеніе хивинскаго похода, наконецъ, новѣйшій зимній переходъ чрезъ Балканы, оборона Шипки, Баязета, штурмъ Карса и т. д.

Поддерживать этотъ духъ въ арміи, укрѣплять его,—чрезвычайно важно, особенно теперь, когда короткіе сроки службы и часто измѣняющійся составъ полковъ уже не даютъ тѣхъ, нѣкогда наполнявшихъ наши ряды, сѣдыхъ усачей, собиравшихъ вокругъ себя кучки слушателей, служившихъ живыми преданіями полковыхъ событій. Славные подвиги героевъ предшественниковъ, окружавшихъ одно и тоже знамя, эпизоды сраженій, походовъ, въ которыхъ „нашъ" полкъ отличался и т. п., должны быть электрическими искрами.

Тотъ плохой военный человѣкъ, который не увлекается разсказами о геройскихъ подвигахъ, о безстрашіи, о какомъ нибудь смѣломъ, рискованномъ поступкѣ. При чтеніи или слушаніи такого разсказа, военнаго человѣка должно, какъ говорится, подмывать; его фантазія должна разыгриваться и мечтать о возможности совершенія имъ самимъ такихъ же подвиговъ.

Въ этихъ видахъ чрезвычайно полезно изданіе исторій старыхъ полковъ. Чтеніе подробныхъ разсказовъ о совершенныхъ полкомъ походахъ, сраженіяхъ,

въ которыхъ онъ участвовалъ и отличался, наконецъ, о той роли, какую полкъ въ полномъ составѣ, или часть его, или даже отдѣльныя личности, въ немъ служившія, играли въ знаменитыхъ битвахъ, не могутъ не возвышать духа и не дѣйствовать благотворно въ смыслѣ возбужденія энергіи, стремленія подражать и сдѣлаться достойными послѣдователями славныхъ предшественниковъ. Для облегченія такого чтенія солдатамъ, полезно составлять въ полкахъ выписки изъ исторіи, и въ простомъ, рельефномъ изложеніи, безъ длиннотъ, доступнымъ пониманію простыхъ людей языкомъ, разсказывать о болѣе выдающихся эпизодахъ.

Недавно Государь Императоръ, еще бывши Наслѣдникомъ, въ приказѣ по гвардейскому корпусу, изволилъ, между прочимъ, выразиться: «значеніе исторіи войнъ понятно всякому военному; она доставляетъ лучшіе уроки для будущаго. Исторіи полковъ служатъ однимъ изъ вѣрныхъ залоговъ нравственной силы частей войскъ: сохраняя основныя традиціи и боевыя преданія, онѣ составляютъ одно изъ средствъ для поддержанія славы и чести полковъ; изъ примѣровъ прошлаго молодежь пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе къ своей части и рвеніе къ подвигамъ въ будущихъ войнахъ».

Хорошо составленная исторія полка можетъ быть прочтена съ удовольствіемъ не только военнымъ, но и всякимъ образованнымъ человѣкомъ, интересующимся нашею исторіею, нашими «дѣлами давно минувшихъ дней», выдвинувшими Россію въ рангъ великой европейской державы. Читатель можетъ позна-

комиться изъ такой книги нетолько съ походами и сраженіями, но и съ типическими чертами простаго русскаго человѣка, который въ тяжкой, особенно въ прежнее время, солдатской долѣ являлся по истинѣ изумительнымъ героемъ, и не только въ тѣсномъ военномъ смыслѣ, а вообще, какъ христіанинъ, какъ человѣкъ. Какая выносливость, покорность, преданность долгу, какое самоотверженіе и, при всей кажущейся грубости и невѣжествѣ, человѣчность!

Въ числѣ старѣйшихъ, доблестнѣйшихъ полковъ кавказской арміи считается Кабардинскій пѣхотный полкъ. Я имѣлъ честь одно время служить въ немъ и теперь взялся составить его исторію. Задача чрезвычайно трудная. Прослѣдить дѣйствія полка за періодъ его дѣятельности на Кавказѣ (съ 1777 года), не говоря о предшествовавшемъ времени (съ 1726 года); яркими красками обрисовать ту исключительную, выдающуюся роль, которую полкъ игралъ въ рядахъ кавказской арміи, особенно въ послѣдній періодъ войны съ Шамилемъ; даже просто составить перечень дѣлъ, въ которыхъ полкъ участвовалъ, и набросать картину жизни, какую пришлось провести кавказскимъ полкамъ, занимавшимъ передовые пункты, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, — требуетъ много времени, труда, обилія матеріаловъ, а, главное, болѣе таланта и умѣнья, чѣмъ мои.

Исторія Кабардинскаго полка представляетъ еще особенную трудность: полкъ не участвовалъ въ знаменитыхъ сраженіяхъ подъ Аустерлицемъ, Прейсишъ-

Эйлау, или Фридландомъ, ни подъ Бородинымъ, или Краснымъ, ни при Лейпцигѣ и Парижѣ; наконецъ, ни при Башъ-Кадыкларѣ, или Кюрюкъ-Дара, ни при Карсѣ, или Эрзерумѣ въ послѣдней войнѣ. Для полковъ, участвовавшихъ въ этихъ кровопролитныхъ битвахъ, покрывшихъ русскую армію навсегда неувядаемою славою, довольно нѣсколькихъ страницъ изъ донесеній и записокъ очевидцевъ той эпохи, чтобы уже засвидѣтельствовать о своей славной боевой дѣятельности. Не то Кабардинскому полку: ни сраженій и походовъ съ всемірнымъ, историческимъ значеніемъ, ни громкихъ географическихъ названій,— какъ Бородино, Лейпцигъ, Севастополь *); а между тѣмъ старая, прочно утвердившаяся и на Кавказѣ, и за его предѣлами, слава полка несомнѣнна. Мало того: полку пришлось два раза пріобрѣтать свою славу. По причинамъ, о которыхъ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, генералъ Ермоловъ въ 1819 году включилъ весь Кабардинскій полкъ, въ полномъ составѣ, въ ряды только что прибывшаго изъ Россіи на Кавказъ Ширванскаго полка, такъ что славныя дѣла конца 1819 года въ Дагестанѣ, въ которыхъ главную роль играли два батальона Кабардинскаго полка, а за тѣмъ и всѣ подвиги Персидско-Турецкой кампаніи 1826 — 1829 годовъ, ими же совершенные, подъ начальствомъ штабъ и оберъ офицеровъ Кабардинцевъ, были уже приписаны Шир-

---

*) За исключеніемъ, впрочемъ, побѣдъ Румянцева въ турецкую войну 1769 — 1774 г., въ которыхъ Кабардинскій полкъ принималъ дѣятельно участіе.

ванскому полку. Имя же Кабардинскаго было присвоено Казанскому полку, хотя тоже давно находившемуся на Кавказѣ, но только на сѣверномъ, и не имѣвшему случая заявить себя тамъ такими подвигами, которые составляютъ прочную славу.

Однако само имя Кабардинскаго полка уже постояло за себя: не прошло десяти, пятнадцати лѣтъ, какъ лѣтописи кавказской войны были полны этимъ именемъ, и за Кубанью, за Сунжей, въ нѣдрахъ Дагестана, вездѣ, гдѣ тогда наши отряды вели ожесточенные бои съ усилившимися подъ властью Шамиля горцами, самые кровавые эпизоды, самые изумительные геройскіе подвиги связаны съ именемъ Кабардинскаго полка. Такова сила преданія, сохраняемая въ какой-либо военной части!

Командовать Кабардинскимъ полкомъ считалось особою честью; къ этому стремились самые честолюбивѣйшіе военные люди, пріѣзжавшіе на Кавказъ искать славы и отличій; иностранные офицеры, въ этихъ же видахъ переходившіе въ русскую службу на Кавказъ, преимущественно избирали нашъ полкъ; цѣлый рядъ полковыхъ командировъ достигъ высшихъ ступеней въ арміи. Наконецъ, послѣ кончины шефа, князя Барятинскаго, въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II осчастливилъ полкъ принятіемъ на себя званія шефа. Тоже соизволилъ сдѣлать и нынѣ благополучно царствующій Императоръ, очевидно, желая этимъ показать полку, что его боевая служба извѣстна и оцѣнена.

Какимъ же образомъ, почему создалась такая громкая слава полка? Вотъ это и старался я выяснить въ

историческомъ изслѣдованіи всего прошлаго Кабардинцевъ.

Исторія стараго кавказскаго полка не есть только перечень нѣсколькихъ походовъ и сраженій, съ промежутками иногда въ десятки лѣтъ, проведенными въ мирныхъ, монотонныхъ стоянкахъ въ городахъ и мѣстечкахъ, какъ это было съ большинствомъ полковъ нашей арміи. Тутъ непрерывающаяся, изо дня въ день, борьба й съ людьми, и съ природой; здѣсь солдатъ былъ и воинъ, и косарь, и огородникъ, и мастеровой,—и лѣсъ рубилъ, и угли жегъ, и табуны пасъ, и овчины выдѣлывалъ. И все съ ружьемъ въ рукахъ, вѣчно на сторожѣ, вѣчно подъ угрозой горской пули и кинжала. Что перенесъ при такой обстановкѣ кавказскій солдатъ, когда служба продолжалась 25 — 30 лѣтъ?.. По какимъ горнымъ тропинкамъ выходилъ онъ со своимъ 18-ти-фунтовымъ ружьемъ, со своею торбою пудовою, шанцевымъ инструментомъ и сапожищами, сплошь подбитыми гвоздями? Чрезъ какія лѣсныя трущобы и колючіе кустарники приходилось ему продираться, оставляя на нихъ клочки своей солдатской одежды, поражаемый въ это время со всѣхъ сторонъ, и съ вершины деревъ, мѣткою чеченскою пулею? Какіе бѣшенные потоки переходилъ онъ лѣтомъ и зимою въ бродъ, не имѣя времени обсушиться? А эти бѣганія на тревоги на хвостѣ кавалеріи, по шести верстъ въ часъ; эти горные переходы по 50—70 верстъ въ сутки?... Да что, всего не перечтешь! Въ старыя времена, по привычкѣ ежедневно видѣть, оно какъ-то не особенно и въ глаза кидалось, а теперь,

какъ вспомнишь, просто диву даешься—что за богатыри это были! Безъ утомленія, безъ устали, безъ страха и упрека....

Кабардинскій полкъ, родившись, такъ сказать, въ Азіи и сдѣлавшій первые шаги на своемъ поприщѣ противъ азіятцевъ, какъ бы судьбой уже былъ предназначенъ для борьбы почти исключительно съ ними. Изъ полутораста лѣтъ своего существованія, только тридцать пришлось ему провести на сѣверѣ и западѣ, въ весьма незначительныхъ дѣйствіяхъ противъ европейцевъ, всѣ же остальныя 125 лѣтъ—рядъ походовъ и битвъ съ персіянами, турками, кавказскими и кочевыми племенами. На этой аренѣ онъ создалъ и свою громкую славу и выработалъ свой собственный, типическій обликъ.

Наблюдательному человѣку не могли не кидаться въ глаза эти типическія особенности большинства старыхъ кавказскихъ полковъ, выработавшихся, само собою, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, образа войны, преобладавшихъ элементовъ въ офицерскомъ обществѣ и проч. Наши собригадники Куринцы, напримѣръ, смотрѣли какими-то партизанами, пѣшими наѣздниками, въ родѣ линейныхъ казаковъ, удальцами, готовыми наскочить, истребить и разсыпаться по лѣсу, дѣйствуя какъ и ближайшій врагъ-чеченецъ; Кабардинцы же, при той же ловкости и расторопности въ лѣсномъ бою, представляли видъ большей регулярности, стройности, изысканности и въ движеніяхъ, и въ одеждѣ; въ Дагестанѣ, напримѣръ, Апшеронцы такъ ужъ и съ виду выказывали свои изумительныя ка-

чества взобраться на всякую кручу, пройти по всякой тропинкѣ и прогнать всякаго засѣвшаго за камнями горца, тогда какъ Ширванцы невольно напоминали штурмовую колонну, стройно двигающуюся съ ружьями на перевѣсъ. Куринцы въ Чечнѣ, Апшеронцы въ Дагестанѣ, Тифлисцы и Мингрельцы на лезгинской линіи представлялись по преимуществу какъ бы авангардными бойцами, легкими войсками, тогда какъ Кабардинцы, не уступая въ этого рода дѣйствіяхъ первымъ, вмѣстѣ съ Ширванцами, Эриванскими и Грузинскими гренадерами, казались предназначенными для болѣе рѣшительныхъ ударовъ.

Мало того, даже бригады одной и той же дивизіи носили какой-то особый отпечатокъ: въ егерской бригадѣ господствовало удальство и особаго рода товарищество для кутежей и для всякихъ дѣлъ; все считалось трынь-травой, лишь бы быть молодцомъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ; тогда какъ въ мушкетерской бригадѣ было больше хозяйственности и солидности; у офицера лучшая лошадь, и лучшее платье, и солдаты даже какъ будто выглядятъ артельщиками; въ егерской бригадѣ отношеніе офицеровъ къ солдату какое-то снисходительно-дружественное, въ мушкетерской строго-педантически-равнодушное и т. д. Оттѣнковъ было много кидавшихся въ глаза. Кромѣ этого, каждый изъ кавказскихъ полковъ, въ прежнее время, при долгосрочной службѣ, усвоивалъ себѣ особенный кодексъ хозяйственныхъ, житейскихъ правилъ и обычаевъ, и составлялъ отдѣльный мірокъ, съ своими собствен-

ными интересами. Само собою, я говорю о временахъ, давно минувшихъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ; теперь нѣтъ уже ни егерей, ни мушкетеровъ, ни прежнихъ условій жизни, и, вѣроятно, все измѣнилось до неузнаваемости.

При самомъ искреннѣйшемъ желаніи, не жалѣя труда и старанія, я не могъ написать такую исторію, въ которой предстала бы предъ глазами читателя полная картина существованія полка, его радостей и печалей (бывали, вѣдь, и тѣ и другія); исторію, которая составила бы и для самаго полка, и для другихъ, особенно военныхъ читателей, интересное, небезполезное чтеніе. Это тѣмъ болѣе было мнѣ трудно, что кромѣ матеріаловъ, найденныхъ въ петербургскомъ и московскомъ архивахъ главнаго штаба, да частію въ тифлисскомъ, я имѣлъ подъ рукой весьма мало источниковъ.

Полковаго архива не существуетъ вовсе; его съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ огонь. Еще на походѣ въ Турцію въ 1768 году полкъ оставилъ свой архивъ въ Кіевѣ, но тамъ онъ исчезъ безслѣдно, не взирая на многократные розыски. Затѣмъ, при возмущеніи въ Кахетіи въ 1812 году, погибъ опять архивъ, а пожары въ Нальчикѣ, Внезапной, два раза въ Хасавъ-Юртѣ, въ 1856 и 1864 годахъ, довершили остальное. Впрочемъ, сомнительно, чтобы въ старыхъ полкахъ вообще сохранилось много архивовъ въ цѣлости и чтобы въ нихъ оказались существенно важные для исторіи матеріалы.

На приглашеніе лицъ, служившихъ въ полку,

командовавшихъ имъ, я не получилъ отвѣта... Единственное исключенie составили бывшій командиръ полка И. А. Клингеръ, доставившій мнѣ нѣсколько свѣдѣній и указаній, да Г. К. Властовъ, служившій нѣсколько лѣтъ въ полку, снабдившій меня экземпляромъ его воспоминаній, въ которыхъ я почерпнулъ нѣкоторыя черты жизни полка въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ. Затѣмъ матеріалами еще служили: исторіи полковника Петрова обѣихъ турецкихъ войнъ (1769—1775 и 1787 —1791 годовъ), брошюра В. В. Комарова о походѣ Петра I въ Персію, статьи Н. Ф. Дубровина о походѣ графа Зубова въ Персію и къ исторіи завоеванія нами Кавказа, исторія войны 1828—29 г. Ушакова, описаніе экспедиціи 1839 г гр. Д. А. Милютина, нѣкоторыя статьи газеты „Кавказъ" и другихъ изданій, хранящихся въ библіотекѣ главнаго штаба, а также отрывки дневника барона Николаи, бывшаго командира полка и друг. Я не считалъ нужнымъ дѣлать ссылки, съ показаніемъ страницъ и проч., потому что это испещряетъ текстъ, затрудняетъ чтеніе и совершенно безполезно въ книгѣ, непретендующей на серьезное значеніе научнаго руководства или образца. Всякій составитель полковой исторіи обратится къ тѣмъ же источникамъ, указаннымъ въ каталогѣ библіотеки главнаго штаба, и самъ найдетъ тамъ нужныя ему указанія; для обыкновеннаго же читателя, не занятаго спеціальными изслѣдованіями, интересны только факты, разсказъ о давно минувшихъ событіяхъ, съ которыми связано имя полка.

Долженъ однако сказать, что я не ограничивался чтеніемъ вышеприведенныхъ книгъ и статей и извлеченіями изъ нихъ; я все-таки прочитывалъ цѣликомъ и архивныя дѣла, изъ которыхъ авторы черпали матеріалъ, чтобы, во 1-хъ, найти подробности, до Кабардинскаго полка относящіяся, во 2-хъ, усвоить себѣ собственный взглядъ на событія и не быть лишь повторителемъ чужихъ словъ.

Разборъ старыхъ архивныхъ матеріаловъ прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка сопряжены съ крайними затрудненіями: разбросанность, не систематичность подшивки, большіе, иногда въ нѣсколько лѣтъ, пропуски, поблекшія отъ времени чернила, варварскій, непривычный нашему глазу почеркъ и слогъ, и много другихъ неудобствъ, не говоря о разъѣздахъ между Петербургомъ, Москвою и Тифлисомъ, приходилось преодолѣвать, чтобы по возможности воспроизвести лѣтопись безъ перерывовъ, по крайней мѣрѣ крупныхъ, и шагъ за шагомъ прослѣдить за жизнью полка. Много облегчало мнѣ собственное, подробное знакомство съ Кавказомъ, его войсками, туземцами, мѣстными условіями и давними событіями, по разсказамъ очевидцевъ и чтенію старыхъ дѣлъ въ разныхъ управленіяхъ.

Какъ только я, по несомнѣннымъ источникамъ, убѣждался, что полкъ входилъ въ составъ какого-либо корпуса или отряда, то хотя бы и не могъ розыскать свѣдѣній или ясныхъ указаній о степени участія полка въ дѣйствіяхъ этого корпуса, я считалъ однако за лучшее излагать общій ходъ событій, сопровож-

давшихъ дѣла всего отряда, потому что, во-первыхъ, скорѣе слѣдуетъ допустить, что полкъ, входя въ составъ войскъ дѣйствующихъ противъ непріятеля, участвовалъ въ бояхъ, а не оставался безъ очереди, гдѣ нибудь въ резервѣ; во-вторыхъ, безъ общихъ историческихъ обозрѣній не только самихъ войнъ, но и связанныхъ съ ними политическихъ сношеній, исторія полка приняла бы слишкомъ узкій, спеціальный характеръ и для большинства читателей была бы лишена интереса; втретьихъ, наконецъ, очеркъ главнѣйшихъ военно-политическихъ событій XVIII столѣтія, въ теченіе коего Россія, по толчку, данному геніемъ Петра, изъ тѣсной рамки полуазіятскаго Московскаго царства понеслась на всѣхъ парахъ къ тѣмъ предѣламъ могущества и всемірнаго значенія, на которыхъ мы ее видимъ теперь,—такіе очерки, хотя бы и много разъ уже повторенныя, все еще найдутъ въ массѣ военныхъ, фронтовыхъ читателей многихъ, для которыхъ они окажутся не вполнѣ извѣстными, интересными и поучительными. Не говорю уже, что болѣе или менѣе подробный очеркъ собственно кавказской войны явится новостью для всей массы читателей.

Все это необходимо имѣть въ виду и снисходительно относиться къ настоящему пятилѣтнему посильному труду моему. Мною руководило желаніе послужить Кабардинскому полку, сохранивъ отъ забвенія перечень его болѣе полуторавѣковой боевой службы, его славные подвиги на разныхъ театрахъ войны и особенно на Кавказѣ.

Буду вполнѣ счастливъ и вознагражденъ, если читатели найдутъ, что я выполнилъ задачу—хоть отчасти.

Въ Бозѣ почившій Царь-Освободитель, еще не задолго до мученической кончины своей, Всемилостивѣйше соблаговолилъ даровать нужныя средства на изданіе настоящей исторіи, безъ чего и самое появленіе ея въ свѣтъ было бы невозможно.

Генералъ-фельдмаршалъ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ.

I.

Походъ Петра I-го въ Персію.

Каспійское море, имѣющее и теперь огромную важность въ торговомъ отношеніи, имѣло еще болѣе значенія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Черное море было въ то время недоступно для Россіи. Берега его принадлежали всегда враждебному намъ мусульманскому царству османовъ и ихъ вассаламъ крымскимъ ханамъ. Нынѣшній Новороссійскій край—была сплошная незаселенная степь, обширное поле, по которому рыскали многочисленныя татарскія орды, представлявшія неодолимое препятствіе для торговли, главное условіе коей—спокойствіе и обезпеченность. Геній Петра Великаго, само собою, не могъ не оцѣнить этихъ условій. Весь преданный заботамъ о возвеличеніи и упроченіи благосостоянія безпредѣльно любимой имъ Россіи, онъ думалъ обратить къ Каспійскому морю, бывшему естественнымъ торговымъ путемъ для Персіи, Закавказья и части Средней Азіи, и индо-европейскую торговлю, которая тогда, при отсутствіи пароходовъ, Суэзкаго канала и всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій по части быстроты сношеній, могла поспорить съ кружнымъ морскимъ путемъ парусныхъ кораблей. Эта мысль великаго царя опиралась къ тому же и на фактическихъ данныхъ: путь въ Индію былъ извѣстенъ русскимъ купцамъ еще до Петра, персіяне и хивинцы привозили къ намъ не рѣдко индійскіе товары. Вслѣдствіе опасности, представлявшейся на этомъ пути отъ хищныхъ кочевниковъ, торговыя сношенія не могли сдѣлаться постоянными и правильными: но при благоразумныхъ энергическихъ мѣрахъ, за которыми у такого человѣка, какимъ былъ Петръ, дѣло бы не стало, развитіе торговли, безъ сомнѣнія, пошло бы успѣшно.

Возможность этого была доказана еще въ началѣ царствованія Петра удачнымъ путешествіемъ русскаго купца *Маленькаго* съ товарами въ Персію и въ Индію. Онъ былъ снабженъ отъ правительства грамотами и подарками къ шаху и индійскому моголу. *Маленькій* проѣхалъ чрезъ Персію въ Индію, представлялся великому моголу, вручилъ ему подарки, нѣсколько разъ былъ призываемъ для переговоровъ и получилъ небольшаго бѣлаго слона въ подарокъ нашему Государю. Затѣмъ онъ посѣтилъ Акиру, Дели, Суратъ, моремъ доѣхалъ до Бендеръ-Абаси и, послѣ пяти лѣтъ путешествія, умеръ на обратномъ пути въ Шемахѣ; всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, пропали; а прикащикъ его Андрей Семеновъ, давшій показанія о поѣздкѣ *Маленькаго*, не былъ посвященъ въ сущность переговоровъ.

Кромѣ этого, персидскія провинціи, прилегающія къ Каспійскому морю, привлекали вниманіе еще и своими естественными богатствами: нефть, вино, шелкъ добывались тамъ въ значительныхъ размѣрахъ.

Наконецъ, тогдашнее положеніе юговосточной Россіи было самымъ слабымъ мѣстомъ государства и настоятельно требовало занятія каспійскаго прибрежья и Кавказа. Безпрестанные набѣги закубанскихъ и горскихъ татаръ, подстрекаемыхъ турками и крымцами, ясно указывали на неотложность этой мѣры. Достаточно такого примѣра, какъ разореніе въ 1715 году крымскимъ ханомъ Бѣлгорода, а закубанскими горцами и некрасовцами Царицына, Саратова, Астрахани, даже части Казанской губерніи; чтобы представить себѣ бѣдственное положеніе юговосточной Россіи, требовавшей рѣшительныхъ мѣръ для своей безопасности. Самая лучшая оборона въ этомъ случаѣ—было наступленіе въ земли безпокойныхъ сосѣдей и покореніе ихъ.

Подробное описаніе всѣхъ, возникшихъ вслѣдствіе стеченія этихъ обстоятельствъ дѣйствій противъ закубанцевъ и кабардинцевъ, а также попытокъ войти въ ближайшія отношенія съ среднеазіятскими и прикаспійскими владѣтелями, не входитъ въ программу настоящаго труда. Я коснулся этого въ общихъ чертахъ только для уясненія послѣдовательности об-

стоятельствъ, вызвавшихъ походъ Петра Великаго въ Персію въ 1722-мъ году; а походъ этотъ и былъ, такъ сказать, тою почвою, на которой зародился Кабардинскій полкъ.

Ближайшимъ поводомъ къ походу были еще другія обстоятельства. Въ то время шахомъ персидскимъ былъ Гусейнъ, человѣкъ слабый и бездарный; при немъ происходили всевозможные безпорядки и своеволія. Воинственные афганцы, подъ предводительствомъ Миръ-Вейза, человѣка пронырливаго и предпріимчиваго, возстали, умертвили персидскаго правителя и овладѣли Кандагаромъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Шахъ-Гусейнъ просилъ помощи у своихъ вассаловъ, шамхала тарковскаго и уцмія кайтахскаго, которые и послали на помощь войско подъ начальствомъ казыкумыхскаго хана Сурхая. Въ Ширвани присоединился къ нему съ 1000 человѣками атаманъ разбойниковъ Даудъ-бекъ, агентъ Турціи, и склонилъ къ измѣнѣ Сурхая, подъ предлогомъ освобожденія истинныхъ мусульманъ, т. е. всѣхъ жителей Дагестана и большей части Ширвани, исповѣдующихъ секту сунни, отъ власти персіянъ, принадлежащихъ къ сектѣ шіитовъ. Быстро усилившись, измѣнники взяли Шемаху, умертвили областнаго хана, вырѣзали шіитовъ и убили многихъ, находившихся тамъ русскихъ купцовъ (1713 г.).

Петръ Великій потребовалъ отъ Персіи удовлетворенія, а въ 1715 году отправилъ туда посломъ извѣстнаго Артемія Волынскаго. По прибытіи Волынскаго, сынъ афганскаго Миръ-Вейза Миръ-Махмудъ вздумалъ низвергнуть съ престола самого шаха. Волынскій въ письмѣ къ Государю, указывая на слабость Персіи, предлагалъ занять и заселить русскими южный берегъ Каспійскаго моря, а то имъ завладѣютъ афганцы; такого занятія нами прикаспійскихъ областей желалъ отчасти самъ шахъ, тревожимый бунтовщиками. Это предложеніе совпадало съ предположеніями государя и онъ тотчасъ занялся приготовленіями къ походу. Были посланы офицеры для описи береговъ моря, гаваней и рѣкъ отъ устья Волги до Астрабада, а капитанъ Баскаковъ былъ отправленъ сухимъ путемъ чрезъ Астрахань, Тарки, Баку и Шемаху въ Персію для со-

Тип. В. Грачёвскаго, Нев. 46

ставленія военно-статистическаго обзора береговаго пространства западной части моря.

Чтобы обезпечить себя отъ вмѣшательства въ предстоящее дѣло Турціи, давно уже стремившейся овладѣть всѣми областями Кавказа до Каспійскаго моря, предусмотрительный государь заключилъ еще въ концѣ 1720 г. въ Константинополѣ трактатъ *вѣчнаго* мира, въ коемъ подтверждались всѣ прежде заключенныя съ нею условія.

Весь 1721 г. прошелъ въ дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ предстоящему дальнему походу; по всему поволжью, строились суда для перевозки войскъ; съ кавказскими горскими князьями, чрезъ посланнаго Петромъ дворянина Погожева, заведены были сношенія, кончившіяся изъявленіемъ покорности и преданности не только кабардинцами, уже гораздо прежде признавшими верховенство надъ собою русскаго государя, но и шамхаломъ тарковскимъ и владѣтелемъ кумыкскимъ.

15-го мая 1722 г. императоръ Петръ отплылъ изъ Москвы по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ до Нижняго, а затѣмъ по Волгѣ до Астрахани, куда и прибылъ 15 іюня. Отсюда была разослана прокламація на татарскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, въ которой извѣщались жители персидскихъ областей, что дружественный, пресвѣтлый, *всесильный* и *грозный* шахъ персидскій, при всемъ желаніи, не можетъ дать удовлетворенія за убійство въ Шемахѣ и ограбленіе на четыре милліона рублей русскихъ купцовъ, такъ какъ *слабость силъ его* въ томъ ему препятствуютъ; а потому русское государство, коего выгоды и честь оскорблены сими злоумышленниками, рѣшилось выступить лично съ побѣдоноснымъ войскомъ для наказанія мятежниковъ и полученія сатисфакціи. Всѣмъ жителямъ, подданнымъ шаха и Турціи, гарантировалась безопасность, если они будутъ мирно оставаться въ своихъ домахъ, не содѣйствуя мятежникамъ ни тайно, ни явно; въ противномъ случаѣ, они тоже будутъ сочтены врагами и подвергнутся преслѣдованію огнемъ и мечемъ.

Болѣе мѣсяца продолжались въ Астрахани приготовленія. Наконецъ, 18-го іюля, флотилія изъ 274 судовъ, съ пѣхотою (4 гренад. и 18 мушкетер. бат. отъ разныхъ полковъ) и съѣст-

ными припасами, вышла подъ начальствомъ адмирала гр. Апраксина изъ Астрахани. Калалерія же была направлена изъ Царицына сухимъ путемъ. 27-го іюля десантныя войска вышли на берегъ при Аграханскомъ мысѣ и императоръ первый ступилъ на землю, въ спровожденіи одного офицера, одного деньщика и 5-ти гребцовъ съ ружьями. Здѣсь отрядъ остановился на нѣсколько дней, въ ожиданіи прибытія конницы, которая много потерпѣла во время похода отъ недостатка воды и корма.

Командовавшій ею генералъ-маіоръ Кропотовъ отрядилъ часть драгунъ и казаковъ для занятія укрѣпленной деревни Эндери (Андреевой), жители коей, по увѣреніямъ астраханскаго губернатора Волынскаго, противиться не будутъ. Случилось иначе: 23 іюля, недалеко отъ деревни, на узкой лѣсной дорожкѣ, 5,000 горцевъ напали на нашъ отрядъ; начальникъ—бригадиръ Ветерани, вмѣсто того, чтобы поспѣшить выйти изъ тѣснины, вздумалъ остановиться для сопротивленія, спѣшилъ драгунъ и подвергъ людей напрасной потерѣ отъ сыпавшихся градомъ пуль и стрѣлъ. Между тѣмъ полковникъ Наумовъ, по совѣщанію съ нѣсколькими офицерами, видя напрасную гибель людей, рѣшился ударить съ частью драгунъ на аулъ. Не спросясь разрѣшенія Ветерани, онъ ворвался въ Андрееву и обратилъ богатый, огромный аулъ съ 3000 домами въ пепелъ, захвативъ значительную добычу и заставивъ горцевъ прекратить дѣло въ лѣсу. Потеря наша заключалась однако изъ 80-ти убитыхъ и нѣсколькихъ десятковъ раненныхъ драгунъ.

По присоединеніи кавалеріи къ арміи, ей данъ былъ нѣсколько-дневный отдыхъ и такимъ образомъ изъ аграханскаго лагеря войска выступили только 5-го августа, а 6-го прибыли къ берегу р. Сулака, чрезъ который и переправились на паромахъ. Здѣсь представились государю аксаевскій султанъ и посланникъ отъ шамхала, изъявляя покорность Россіи. 11-го числа императоръ прибылъ съ авангардомъ въ Тарки и принялъ депутацію отъ дербентскаго правителя, тоже поручавшаго себя въ покровительство наше и ожидавшаго единственно отъ насъ защиты отъ предпріятій мятежниковъ Сурхая и

Тип. В. Грацiанскаго, Невс., 46

Дауд̆ъ-бека. Поэтому, полковникъ Наумовъ съ нѣсколькими казаками былъ тотчасъ отправленъ въ Дербентъ, куда онъ, по счастливой случайности, прибылъ въ одно время съ подходившею моремъ флотиліею капитана фонъ-Вердена. Наибъ дербентскій сдалъ городъ и мы безъ всякой потери овладѣли важнымъ пунктомъ, прикрывавшимъ весь береговой путь вдоль Каспійскаго моря.

Движеніе арміи къ Дербенту отъ Тарки встрѣтило только сопротивленіе отъ султана отемишскаго, который съ 10 тысячами человѣкъ напалъ на авангардъ нашъ, но былъ разбитъ.

23-го числа Государь прибылъ въ Дербентъ, принявъ ключи отъ города, въ которомъ оказалось 238 пушекъ. «Теперь, сказалъ Петръ, я поставилъ ногу въ краяхъ Кавказа и получилъ крѣпкое основаніе на водахъ Каспія».

Легкость, съ какою произошло занятіе Дербента, подавала надежду на такое же овладѣніе городомъ Баку, тѣмъ болѣе, что тамошніе жители письменно поздравили Петра съ прибытіемъ и предлагали свои услуги. Туда былъ отправленъ поручикъ Лунинъ съ прокламаціею, обѣщавшею защищать городъ отъ возмутителей и снабжать изъ Дербента жизненными припасами; жители отвергли однако это предложеніе, надѣясь самимъ защититься. Государь рѣшился продолжать походъ до Баку и силою принудить жителей къ покорности; но бѣдствіе постигшее наши транспортныя суда, сѣвшія на мель, причемъ большая часть провіанта подмокла, заставили отложить экспедицію до другаго времени. Такой же участи подвергся и новый транспортъ, посланный изъ Астрахани.

Все это было поводомъ созыва военнаго совѣта, который, принявъ во вниманіе, что войскамъ оставалось только на мѣсяцъ продовольствія, положилъ возвратиться въ Астрахань, оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ. Такое рѣшеніе было крайне несоотвѣтственно намѣреніямъ Императора, собиравшагося въ эту кампанію проникнуть до рѣки Куры, при устьѣ ея устроить городъ для торговли съ персіянами и армянами, потомъ двинуться вверхъ по Курѣ къ Тифлису, скрѣпить дружественныя узы съ грузинскимъ царемъ Вахтангомъ и чрезъ Тарки возвратиться къ русскимъ границамъ. Однако Императоръ по-

слушался заключенія военнаго совѣта и 7-го сентября выступилъ изъ Дербента обратно, 29-го—сѣлъ на суда въ Аграхани, а 4-го октября прибылъ въ Астрахань. Часть войска была оставлена для работъ въ новостроившейся близь Сулака крѣпости Св. Креста, остальныя послѣдовали за Государемъ и, послѣ весьма бурнаго плаванія, прибыли тоже въ Астрахань.

Казалось, походъ былъ конченъ. Но въ Астрахани получено было донесеніе нашего консула въ Рящѣ *), Абрамова, что городъ, угрожаемый бунтовщиками, проситъ покровительства. Тоже подтверждалъ и рящскій визирь въ письмѣ губернатору. Петръ поспѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ; на скоро собрали 14 судовъ, годныхъ къ плаванію, посадили на нихъ два баталіона, подъ командою Полковника Шипова, и 6-го Ноября отправили къ персидскимъ берегамъ. Послѣ различныхъ колебаній лукавыхъ персіянъ, уже успѣвшихъ измѣнить свои намѣренія, Шиповъ наконецъ вступилъ въ Рящъ (Рештъ) съ пятью ротами, оставивъ двѣ для прикрытія мѣста высадки, у Перибазара.

Этотъ шагъ нашъ на персидской землѣ нужно считать главнымъ источникомъ послѣдующихъ двѣнадцати лѣтнихъ дѣйствій.

Между тѣмъ возмущенія и безпорядки въ Персіи не утихали и власть афганцевъ все усиливалась. Въ октябрѣ 1723 года Миръ-Магмутъ овладѣлъ Испаганью и заключилъ престарѣлаго шаха Гусейна въ темницу. Сынъ его Тахмаспбъ вступилъ на престолъ, но не смѣлъ и подумать объ изгнаніи враговъ; едва удерживаясь въ Адейрбеджанѣ, онъ оставилъ большую часть своего государства въ рукахъ афганцевъ.

Въ такомъ положеніи, еще до взятія Испагани, Гусейнъ-Шахъ съ большою готовностью принялъ предложенія императора Петра оказать ему помощь, взамѣнъ коей признать право Россіи на западный берегъ Каспійскаго моря. Для переговоровъ съ нами назначенъ былъ особый посолъ Измаилъ-бекъ, который, получивъ повелѣнія и отъ новаго шаха Тахмасиба, выѣхалъ въ Рящъ и далѣе въ Астрахань, а въ сентябрѣ 1723

*) Современное названіе—Рештъ.

года, былъ заключенъ чрезъ него договоръ между Россіею и Персіею, по которому, «за дружбу и сильное вспоможеніе противу враговъ къ удержанію на шахскомъ престолѣ», намъ *уступались въ вѣчное владѣніе* Дербентъ и Баку, со всѣми къ нимъ принадлежащими по Каспійскому морю землями, а также *провинціи Гилянъ, Мазандаранъ и Астрабадъ.*

Спокойствіе нашего гарнизона въ Рящѣ продолжалось не долго. Визирь, смекнувъ, что подъ нашимъ управленіемъ его самовластью будетъ положенъ предѣлъ, началъ обнаруживать враждебное расположеніе, собирая вооруженныя толпы окрестныхъ жителей. Это вынудило Шипова озаботиться о своей безопасности и устроить кое какія укрѣпленія.

Послѣ долгихъ препирательствъ и угрожающихъ требованій удалиться изъ города, визирь, соединясь съ двумя другими сосѣдними правителями, собралъ до 15-ти тысячъ человѣкъ при 4-хъ орудіяхъ и открылъ пальбу по нашему укрѣпленію. Ночью персіяне съ чисто азіятскою безпечностью преспокойно спали, чѣмъ Шиповъ и воспользовался: около полуночи послалъ одну роту чрезъ ворота, выходившія въ поле, чтобы зайти непріятелю въ тылъ, а двѣ другія въ городскія ворота для атаки съ фронта: застигнутые нечаянно съ двухъ сторонъ, сонныя толпы безъ затрудненія обращены были въ бѣгство съ крупною потерею.

Устрашенные первымъ опытомъ, персіяне отказались отъ дальнѣйшихъ попытокъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени прибыли съ бригадиромъ Левашовымъ подкрѣпленія. Составился отрядъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 500 драгунъ и части казаковъ.

Во время своего похода и изъ послѣдующихъ происшествій императоръ Петръ убѣдился, что въ такой странѣ, гдѣ недостатокъ продовольствія затрудняетъ движеніе значительныхъ корпусовъ, многочисленное войско приноситъ болѣе вреда чѣмъ пользы, тѣмъ болѣе, что сражаться приходится не съ регулярными арміями, а съ толпами мятежниковъ и хищниковъ, которыхъ небольшіе отряды регулярныхъ войскъ обращаютъ въ бѣгство. Поэтому онъ рѣшился распространенія

дальнѣйшихъ успѣховъ достигать отправленіемъ частныхъ экспедицій противъ главныхъ пунктовъ морскаго берега, и такимъ образомъ могло бы совершиться постепенно и безъ большихъ потерь покореніе всего прибрежья.

Первая такая экспедиція, подъ командою генералъ-маіора Матюшкина, была отправлена для овладѣнія Баку. 25-го Іюля 1723 г., послѣ довольно упорнаго сопротивленія, крѣпость была взята, въ ней оставленъ гарнизонъ, подъ командою бригадира князя Барятинскаго, а Матюшкинъ, произведенный за это въ генералъ-лейтенанты, возвратился въ Астрахань. Спустя нѣкоторое время, посланный съ частью гарнизона подполковникъ Зимбулатовъ овладѣлъ безъ труда Сальянскою областью и расположился на одномъ изъ острововъ р. Куры. Владѣтельница Сальянъ (имя ея остается неизвѣстнымъ) приняла русскихъ съ притворною радостью, но, негодуя на успѣхи ихъ, питала самые злые умыслы, которые и привела въ исполненіе самымъ коварнымъ, азіятскимъ способомъ: пригласивъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ на пиръ, она приказала подкупленнымъ убійцамъ ихъ умертвить. Тогда персіяне напали на оставшихся въ лагерѣ солдатъ, которые, послѣ упорнаго сопротивленія, отступили къ устью Куры и оттуда моремъ возвратились въ Баку.

Происшествіе это не имѣло однако вліянія на общій ходъ дѣлъ. Войска наши все болѣе укрѣплялись на прибрежьи и расширяли раціонъ завоеваній. Изъ Ряща былъ отправленъ 23-го апрѣля 1723 года полковникъ Нейбутъ съ отрядомъ для овладѣнія Кескеромъ. Встрѣтивъ на дорогѣ персидское укрѣпленіе Сагманъ, онъ взялъ его штурмомъ, овладѣвъ 5-ю пушками, и 3-го мая вступилъ въ Кескеръ.

Въ этомъ же году государь возложилъ на генералъ-лейтенанта Матюшкина управленіе всѣми дѣйствіями въ Персіи. Прибывъ въ концѣ декабря съ небольшимъ подкрѣпленіемъ въ Рящъ, онъ нашелъ дѣла въ довольно затруднительномъ положеніи. 20.000 персіянъ угрожали городу нападеніемъ, въ которомъ нашихъ войскъ было около 5.000. На письмо генерала Матюшкина къ шаху, что послѣ заключеннаго съ его посломъ Измаилъ-бегомъ договора, такія дѣйствія со стороны

персіянъ крайне неблаговидны, отвѣта не послѣдовало; а посла Измаила при шахскомъ дворѣ считали измѣнникомъ, такъ что этотъ представитель всемогущаго шаха не рѣшился возвратиться домой и оставался въ Астрахани, гдѣ и умеръ.

Съ началомъ 1725 г. персіяне открыли наступательныя дѣйствія противъ укрѣпленнаго Караванъ-сарая, въ которомъ помѣщался нашъ рящскій гарнизонъ. Но всѣ попытки этихъ весьма хвастливыхъ, но еще болѣе трусливыхъ воиновъ кончались неудачно.

Такъ продолжалось цѣлыхъ два мѣсяца. Въ мартѣ персіяне прекратили нападеніе на Рящъ и стали угрожать сообщеніямъ нашимъ съ приморскимъ пунктомъ высадки, Перибазаромъ. Засѣвъ въ лѣсу, на противуположномъ берегу быстрой рѣки, вдоль которой проходитъ дорога, они стрѣляли по нашимъ конвоямъ; затѣмъ, усилившись новыми подкрѣпленіями, они собирались перейти рѣку; но высланныя колонны разбили ихъ на голову. Послѣ этого непріятель отступилъ въ Лашамоданъ и устроивалъ тамъ укрѣпленіе. Посланная туда колонна, послѣ упорнаго сопротивленія, выгнала персіянъ и заняла мѣстечко 24-го мая. Бѣжавшій визирь ушелъ въ Фуминъ и опять началъ собирать войска. Генералъ Матюшкинъ отправилъ противъ него полковника Черноцова съ отрядомъ въ 1.000 человѣкъ пѣхоты и драгунъ; визирь былъ снова разбитъ и наши заняли Фуминъ.

Дагестанскіе жители тоже не отставали въ враждебныхъ предпріятіяхъ противъ насъ. Подстрекаемый Турціей, уцмій кайтахскій поколебалъ вѣрность шамхала. Собравъ многотысячную толпу горцевъ, кумыковъ и ногайцевъ, они окружили Аграханскій редутъ; но бывшій тамъ съ 50 пѣхотинцами и сотней гребенскихъ (терскихъ) казаковъ подполковникъ Масловъ, послѣ отчаянной защиты, пробился на встрѣчу спѣшившей къ нему въ помощь ротѣ, и орда, потерявъ 60 человѣкъ, ушла во свояси.

Для наказанія шамхала за измѣну, генералъ Матюшкинъ собралъ значительный отрядъ изъ 4000 регулярныхъ войскъ и до 7000 казаковъ и калмыковъ, и двинулъ ихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Кропотова въ шамхальство, подверг-

шееся жестокому разоренію. Съ нашей стороны при этомъ движеніи было убитыхъ 67 и раненыхъ 82. — За этимъ послѣдовало еще нѣсколько мелкихъ экспедицій съ тою же цѣлью.

Я счелъ не лишнимъ изложить вкратцѣ рядъ этихъ дѣйствій нашихъ войскъ, потому что характеръ дѣйствій той эпохи для насъ, кавказцевъ, имѣетъ особый интересъ. Это были какъ бы зародыши того образа войны, который пришлось намъ чрезъ три четверти вѣка послѣ этого вести уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, для покоренія Кавказа.—Рѣшимость съ небольшими частями атаковывать многочисленныя толпы, предпріимчивость и нѣкоторая самостоятельность дѣйствій младшихъ офицеровъ, навыкъ оріентироваться въ самой пересѣченной мѣстности, пользоваться ея выгодами и создавать различныя мѣтко—практическія примѣненія,—всѣ эти качества, отличавшія всегда большинство кавказскихъ офицеровъ, очевидно передавались преемственно однимъ полковымъ поколѣніемъ другому и совершенствовались продолжительною практикою, выпавшею на долю старыхъ кавказскихъ полковъ, которыхъ сама судьба какъ бы предназначала исключительно для борьбы съ Азіей. Родившись въ Персіи, большинство изъ нихъ, за исключеніемъ тридцати-лѣтняго періода (1749—1769), проведеннаго въ Финляндіи и Пруссіи, остальные сто двадцать пять лѣтъ своего существованія безсмѣнно провели въ борьбѣ съ турками, персіянами и всевозможными азіятскими ордами.

II.

Низовый корпусъ и его усиленіе новыми пятью полками.—Изъ этихъ полковъ 1-й фонъ-Девица, послѣ Ранокуцкій, затѣмъ названъ Кабардинскимъ.

Между тѣмъ не стало Великаго Петра. Всеобъемлющій геній угасъ слишкомъ рано для блага и величія государства. Его взгляды и предначертанія, проникавшія въ далекое будущее, оказались не подъ силу его ближайшимъ преемникамъ. Министры Екатерины I-й смотрѣли на утвержденіе нашего владычества на Каспійскомъ морѣ—не съ точки зрѣнія будущихъ выгодъ, а какъ на дѣло данной минуты, дѣло, вызывавшее пока лишь тягостныя издержки на содержаніе тамъ войскъ, безъ которыхъ нельзя было бы удержать въ покорности населеніе занятыхъ областей; а тягость усиливалась еще тѣмъ болѣе, что многочисленные гарнизоны, отъ непривычнаго климата, скверныхъ гигіеническихъ условій, дурнаго содержанія и почти отсутствія медицинскихъ пособій, несли громадную убыль больными и требовали постояннаго пополненія. И нельзя отказать такому взгляду въ основательности: тогдашней бѣдной, рѣдко населенной Россіи слишкомъ тягостны были такія грандіозныя предпріятія, и если не имѣлось въ виду получить тутъ же соотвѣтствующее вознагражденіе, то слѣдовало безотлагательно отказаться отъ всего предпріятія. Но—съ одной стороны уваженіе къ памяти великаго Государя, съ другой—опасеніе, чтобы турки не овладѣли берегами Каспійскаго моря,—что прервало бы наши сообщенія съ Персіею и всецѣло передало бы ее въ руки турокъ, — заставили отложить отказъ отъ этого дѣла и отправить къ Матюшкину новыя подкрѣпленія... Такимъ образомъ продлилось тамъ пребываніе нашихъ войскъ, подъ названіемъ Низоваго корпуса, еще на цѣлыхъ девять лѣтъ.

Корпусъ былъ расположенъ частями въ Саратовѣ, Царицынѣ, Астрахани и по всему каспійскому прибрежью. Числительность его была 20,000 человѣкъ, но изъ нихъ больныхъ было до 5,000, или 25°/o наличнаго состава! Три тысячи составляли защиту Ряща, а около 12 т. прикрывали всю страну отъ береговъ Сулака до Баку, на разстояніи 400 верстъ.

Императоръ Петръ еще при жизни своей, въ 1724 году, считалъ необходимымъ усилить корпусъ, оставшійся въ персидскихъ провинціяхъ, для болѣе энергическихъ дѣйствій, и повелѣлъ сформировать въ Москвѣ новыхъ пять пѣхотныхъ полковъ. Но, за смертью его, распоряженіе это осталось неисполненнымъ.

Въ это время изъ Царьграда были получены отъ нашихъ резидентовъ донесенія «о турецкомъ нареканіи о насильныхъ дѣйствіяхъ Россіи въ персидскихъ краяхъ». По этому поводу въ коммисіи иностранныхъ дѣлъ былъ собранъ тайный совѣтъ, на которомъ положено отправить въ Персію подкрѣпленія. 15 ноября 1725 г., послѣ утвержденія заключеній тайнаго совѣта императрицею Екатериною I-ю, коллегія иностранныхъ дѣлъ донесла объ этомъ сенату, а сей 7 декабря послалъ военной коллегіи указъ, который я счелъ умѣстнымъ привести здѣсь въ подлинникѣ, какъ равно и нѣкоторые послѣдующіе указы, потому что они и есть тѣ акты, коими вызванъ къ бытію Кабардинскій полкъ; къ тому же они разъясняютъ окончательно темныя мѣста хроники полковъ, въ одно время съ нашимъ сформированныхъ.

«По Ея Императорскаго Величества указу, Правительствующій Сенатъ приказали: 1) *для посылки въ Гилянъ первымъ вешнимъ временемъ пять полковъ* инфантеріи, отправить военной коллегіи нынѣ наступающимъ зимнимъ путемъ въ Казань, чтобъ оные полки, какъ скоро весною ледъ вскроется, оттуда отправить въ Астрахань безъ всякаго замедленія было можно, и для того отправленія сдѣлать въ Казани, или на Ветлугѣ, сорокъ бударъ, покупкою или подрядомъ, по наряду изъ камеръ-коллегіи, такою пропорціею, чтобъ можно было въ нихъ посадить по двѣсти человѣкъ съ мундиромъ и аммуниціею, и положить на дорожное проѣздъ

Тип. В. Грацiанскаго, Невс., 46

до Астрахани провіанта, и чтобъ оные суда къ веснѣ совсѣмъ были въ готовности, дабы отъ того, по вскрытіи льду тѣмъ войскамъ нималаго задержанія не было; 2) для отправленія тѣхъ войскъ изъ Астрахани и для забранія аммуниціи и провіанта, ластовые и другіе мореходные суда, сколько оныхъ потребно, изготовить въ Астрахани, и которые нынѣ есть на лицо, а надлежитъ ихъ починить или что въ добавку къ наличнымъ сдѣлать, то исправлять и вновь дѣлать съ великимъ поспѣшеніемъ, чтобъ въ назначенное къ походу время тѣмъ войскамъ итить безъ всякаго задержанія было можно, и для того адмиралтейской коллегіи въ Астрахань отправить кого жъ изъ флагмановъ, которому и всю тамошнюю морскую команду поручить; 3) *вышеписанные пять полковъ пѣхотныхъ* послать изъ командированныхъ, какъ о томъ командированіи *прежній* Ея Императорскаго Величества *указъ повелѣваетъ* и отправить ихъ изъ Астрахани прямо въ Гилянь. Незаимывая *) крѣпости Святаго жъ Креста къ Дербени, чтобъ отъ того замедленія не было, а конницы регулярныхъ и не регулярныхъ, сколько потребно по разсужденію тамошняго командира, взять отъ команды, которая при крѣпости Св. Креста, съ такимъ опредѣленіемъ, какъ о томъ указомъ Ея Императорскаго Величества опредѣлено; 4) о пріуготовленіи тѣмъ прибавочнымъ пяти полкамъ провіанта, генералу-провіантмейстеру подтвердить указомъ, чтобъ по прежнимъ даннымъ ему указамъ въ томъ корпусѣ провіанта, имѣлъ онъ въ готовности впредь на годъ, сверхъ тѣхъ прибавочныхъ не меньше какъ на пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, и смотрѣть ему накрѣпко, дабы въ тамошнихъ мѣстахъ въ дачѣ провіанта нималаго оскудѣнія не было; 5) о прочихъ же тамошнихъ поступкахъ, а именно, что съ вящею силою въ Персіи дѣйствовать нежели донынѣ, о строеніи крѣпости на р. Курѣ и о посылкѣ туда инженера Дебринея и отдѣленіи отъ корпуса обрѣтающагося у крѣпости Св. Креста двѣнадцати тысячъ регулярнаго и иррегулярнаго войска для усмиренія тамошнихъ народовъ, которые въ позиціи Россійской, и о взятіи тѣхъ войскъ генералъ-маіору Румянцеву къ себѣ, какъ онъ для

*) Т. е. не заходя въ кр. Св. Креста на Сулакѣ и въ Дербентъ.

разграниченія прибудетъ, также и о прочемъ, что по докладу тайнаго совѣта министровъ, указомъ Ея Императорскаго Величества опредѣлено, чинить потому Ея Императорскаго Величества указу; 6) которые сто лодокъ по первому сенатскому указу дѣлать велѣно въ Нижнемъ Новгородѣ, тѣ согнать тѣми жъ солдатами, которые наряжены будутъ въ Гилянъ, и Военной Коллегіи чинить о томъ по вышеозначенному Ея Императорскаго Величества указу, а въ адмиралтейскую и въ камеръ-коллегію и къ генералу провіантмейстеру о чемъ куда надлежитъ указы изъ Сената посланы».

Вслѣдствіе этого сенатскаго указа военная коллегія того же 9-го Декабря постановила: «По имянному Ея Величества указу прошедшаго Декабря 3-го дня, въ которомъ объявлено въ присланной изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ при промеморіи извѣстій, того Ноября 15-го числа для отправленія въ Низовой корпусъ пяти полковъ пѣхоты, командировать изъ пѣпѣхотныхъ же полковъ, кромѣ Ингерманландскаго и Астраханскаго, а именно изъ Лесіева и Кампенгаузенова по двѣ роты, а изъ прочихъ тридцати шести по одной ротѣ, итого всѣхъ 40 ротъ въ полномъ комплектѣ, съ указаннымъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, а чего въ дополненіе оныхъ 5-ти полковъ полковаго нижняго штабу не достанетъ, квартермистровъ, адъютантовъ, обозныхъ, аудиторовъ, коммисаровъ, провіантмейстеровъ, фискаловъ, писарей, профосовъ, барабанщиковъ, и оныхъ командировать изъ полковъ команды генерала Бона по 4-ре человѣка, а изъ команды генерала Лассія по одному человѣку каждаго ранга, а командировать оныхъ всѣхъ офицеровъ изъ каждаго полка по очереди, а унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ изъ каждаго полка и ротъ и капральства по пропорціи въ равенствѣ, выбравъ и добрыхъ, и здоровыхъ, съ ружьемъ, мундиромъ и аммуниціею, и съ патронными ящиками, и что при ротѣ быть надлежитъ, и отправить ихъ всѣхъ въ Москву нынѣшнимъ зимнимъ первымъ путемъ въ самой скорости, дабы въ Москву прибыли изъ ближнихъ мѣстъ въ нынѣшнемъ Декабрѣ, а изъ дальныхъ въ будущемъ Январѣ мѣсяцахъ. Да къ тѣмъ же полкамъ командировать штабъ-офицеровъ отъ пѣхотныхъ же полковъ изъ старшихъ, кромѣ Ингер-

манландскаго и Астраханскаго, и тѣхъ кои нынѣ удѣлъ въ дальнихъ мѣстахъ и въ Низовомъ корпусѣ, назначенныхъ къ новышенію чиновъ, а именно Полковниковъ: Казанскаго Ѳеодора Буларта, Шлиссельбургскаго — Карла Гохмута, Алартова — Дмитрія Порецкаго, Невскаго — Князя Михаила Щербатова, Тобольскаго—Михаила Бѣльскаго; Подполковниковъ: Великолуцкаго — Семена Полозова, Нарвскаго — Андрея Девсона, С.-Петербургскаго — Василія Маслова, Копорскаго — Антона Дубасова, да изъ заполошныхъ *)—Василія Тютчева, котораго числить въ Галицкомъ полку; Маіоровъ: Ростовскаго—Василія Белезова, Новгородскаго—Григорія Засѣдскаго, Вологодскаго —Петра Лутовинова, Воронежскаго—Савву Шушерина, Черниговскаго—Никифора Кольчугина; и которыя роты въ командированіи будутъ отъ оныхъ полковъ и тѣ роты отправить съ тѣми Штабъ-офицерами и явиться имъ въ Москвѣ всѣмъ *Генералу Бону, которому сочинить изъ тѣхъ ротъ полки, со всякою полковою аммуниціею и тягостью, что положено по табели 1720 года* и сочиня тѣ полки, ему, Генералу Бону, отправить изъ Москвы нынѣшнимъ же зимнимъ путемъ въ Казань съ генералъ - лейтенантомъ Штафомъ, да съ полковникомъ Штернъ-Шанцомъ, которому быть за бригадира, и какъ будетъ вешній первый водяной путь и имъ съ тѣми полками марштровать въ Астрахань на судахъ, какія имъ для того опредѣлены будутъ и дабы оные прибыли туда въ первой половинѣ Марта мѣсяца не отложно».

Въ упоминаемомъ же указѣ Императрицы Екатерины 3 Декабря 1725 г. на имя военной коллегіи сказано; «въ командированныхъ пяти полкахъ штабъ офицеровъ командировать, а именно: полковниковъ, подполковниковъ, маіоровъ, по списку сряду головъ, а не выборомъ, кромѣ тѣхъ, которые нынѣ назначены въ оберъ-коменданты и коменданты, и чтобъ въ оставшихся полкахъ отъ которыхъ возьмутся полковники, были подполковники и маіоры, а отъ которыхъ возьмутся подполковники были полковники и маіоры, а отъ которыхъ возьмутся маіоры были полковники и подполковники и доложить, чтобъ

*) Вѣроятно изъ запасныхъ (?).

Рядовой гренадерской роты «1723 года».

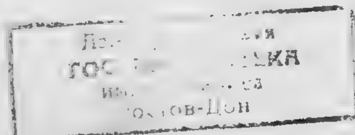
Тип. В. Грачевскаго, Невс., 46

оные были въ тѣхъ командированныхъ полкахъ по два или по три года съ перемѣною, а солдатъ командировать изо-всѣхъ полковъ, а знамена дать во всякой полкъ по два, на баталіонъ по одному, а *званіе имъ (полкамъ) имѣть по полковникамъ.*»

Въ дополненіе къ этому, 19-го декабря военная коллегія еще постановила· «1725 года декабря въ 10 день, по указу Ея Императорскаго Величества, государственная военная коллегія приказали: о командированіи въ Москву отъ пѣхотныхъ полковъ опредѣленныхъ ротъ для сочиненія пяти полковъ, кои велѣно отправить въ Низовой корпусъ, послать къ командамъ въ подтвержденіе другіе Ея Императорскаго Величества указы: а понеже въ оные полки по прежнимъ указамъ опредѣлено отправить изъ гренадерскихъ двухъ полковъ по двѣ, итого четыре роты, а въ тѣхъ пяти полкахъ надобно быть гренадерскимъ пяти ротамъ, того ради для учиненія той пятой роты въ опредѣленныхъ отъ другихъ полковъ ротахъ велѣть отправить отъ каждаго полка гренадеровъ по четыре человѣка въ указномъ числѣ, оные же роты, а какъ въ Москву прибудутъ и изъ нихъ учинить пятую роту, какъ въ каждомъ полку оные надлежитъ и о томъ къ генералу и ордена святаго Александра кавалеру Балку послать указъ.»

Такимъ образомъ, въ началѣ 1726 г., въ Москвѣ, генералъ Бонъ *) сформировалъ пять пѣхотныхъ полковъ, въ составѣ одной гренадерской и осьми фузелерныхъ ротъ въ каждомъ, изъ людей взятыхъ отъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ арміи, за исключеніемъ Ингерманландскаго и Астраханскаго, отъ которыхъ по неизвѣстнымъ причинамъ людей не требовалось. Эти сформированные полки, согласно указу, получили названія по фамиліямъ своихъ командировъ, а именно: 1-й—Фонъ-Девица, 2-й—Ведпнга, 3-й Дубасова, 4-й Маслова, 5-й Фонъ-Лукьевъ. По прибытіи въ составъ Низоваго корпуса, полки сохраняли свои названія, не взирая на то, что всѣ прочіе полки тамъ бывшіе, по докладу генерала Матюшкина, императоромъ Петромъ еще

*) А не генералъ Матюшкинъ какъ сказано въ «хроникѣ полковъ русской арміи.

2-го іюня 1724 г. приказано было именовать «по мѣстамъ,» т. е. по мѣстностямъ, занятымъ въ Персіи.

По свѣдѣніямъ за 1729 годъ полки сохраняли еще все тѣже названія; но въ началѣ августа 1731 г. первый полкъ назывался уже не Фонъ-Девица, а Фонъ-Френикъ-Биръ, т. е. по имени новаго командира. Въ томъ же мѣсяцѣ однако генералъ-фельдмаршалъ князь Долгоруковъ, отъ 15 числа, подалъ слѣдующій рапортъ въ военную коллегію: «генералъ и кавалеръ господинъ Левашевъ письмомъ своимъ, отпущеннымъ изъ Гиляни прошедшаго іюня отъ 26-го, полученнымъ въ Москвѣ сего августа 3-го числа, объявляетъ обрѣтающіеся въ Низовомъ корпусѣ *пять полковъ*, которые пишутся командированными съ нумерами, сначала изъ Москвы и до нынѣ именуются по именамъ полковничьимъ, а во всѣхъ-де полкахъ уже прежніе полковники неоднократно перемѣнилися и помянутые полки именами новыхъ полковниковъ называются, а иные-де полки умершихъ полковниковъ именами именуются, и впредъ полковники перемѣняться будутъ, и что новый полковникъ прибудетъ, то полку новое имя перемѣнится, и отъ чего-де полкамъ званіи основательны быть не могутъ и происходя конфузіи и о взысканіяхъ въ прежнихъ дѣлахъ чинятся помѣшательства, чего ради для лучшаго исправленія помянутые полки наименовалъ онъ, генералъ и кавалеръ, не перемѣнными званіями, а именно: *Фонъ-Феникъ-Бировъ полкъ первый*, — *Ранокуцкой*, Ступишинъ второй, — Ленкоранской, Дубасовъ третій, — Кергеруцкой, Масловъ (а нынѣ Барыковъ) четвертый,—Астаринской, Фонъ-Лукьевъ пятой,—Аджаруцкой, а прежніе нумера при оныхъ полкахъ оставлены для того, понеже-де оные полки съ прочими полками по указу мѣшать не велѣно; оныежъ-де имѣются на подушномъ окладѣ, а прочія изъ Гилянскихъ доходовъ на жалованьи; и о вышеписанномъ государственной военной коллегіи симъ доношу во извѣстіе.

Вслѣдствіе этого состоялось слѣдующее постановленіе коллегіи: «По указу Ея Императорскаго Величества государственная военная коллегія, по доношенію генерала фельдмаршала и кавалера Князя Василія Владиміровича Долгорукаго,

минувшаго августа 17-го дня приказали: о именованіи командированныхъ въ Низовой корпусъ пѣхотныхъ пяти полковъ, кои состояли подъ именами полковниковъ и изъ здѣшнихъ полковъ выключены, а именно: перваго—Ранокуцкимъ, втораго—Ленкоранскимъ, третьяго—Кергеруцкимъ, четвертаго—Астаринскимъ, пятаго—Аджаруцкимъ для извѣстія въ Кригсъ-Комисаріатъ и въ Провіантскую Канцелярію послать указы и въ табеляхъ писать ихъ по вышеозначеннымъ званіямъ.»

Затѣмъ 31 октября 1732 г. военная коллегія представила императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующій докладъ; «Сего октября 24 дня, писалъ въ военную коллегію генералъ и кавалеръ Левашевъ, что шаха персидскаго посолъ Мирза-Ибрагимъ, съ которымъ въ Гиляни по указу Вашего Императорскаго Величества, между Вашимъ Величествомъ и шахомъ персидскимъ мирный трактатъ учиненъ чрезъ посланныхъ съ нимъ генераломъ, для провожденія и удовольства подводъ и фуража секретаря Мирзы-Мухамедъ-Алія и перваго слугу Мирхасана, къ нему генералу приказывалъ и яко-бы по дружбѣ спрашивать велѣлъ, многіе-де россійскіе бывшіе въ Персіи полки и до нынѣ званіями персидскихъ провинцій именуются, которыя-де провинціи, по трактату по Куру рѣку въ персидской сторонѣ оставлены и по званію-де тѣхъ полковъ не имѣется-ли съ россійской стороны въ персидскія провинціи, въ Гилянь и въ прочія мѣста, вновь ко вступленію намѣренія, чтобъ онъ генералъ о томъ имъ знать далъ; на что помянутымъ отъ него сказано, что между Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и шахомъ персидскимъ учиненной трактатъ, со стороны Вашего Императорскаго Величества во всемъ въ своей силѣ, всегда не нарушимо содержанъ будетъ и дабы шахово Величество и онъ посолъ въ томъ сомнѣнія не имѣли и тако чтобъ шахъ персидской и по легкомыслію вся Персія въ томъ не сомнѣвалися и не конфузилися, или по непостоянству персидскому, учиненной трактатъ не былъ бы въ чемъ поврежденъ, до будущаго Вашего Императорскаго Величества указа, *полки персидскихъ провинцій званія имъвшія наименовалъ онъ новыми званіями*, которымъ при семъ прилагается реэстръ.

Того ради, военная коллегія всеподданнѣйше требуетъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго указа, оные полки отъ сего времени прежними званіями или вновь отъ него генерала данными именовать.

РЕЭСТРЪ

полкамъ Персидскаго корпуса.

Прежняго званія.		*Вновь наименованы.*
Рящинской.		Каспійской.
Астрабатской		Апшеронской.
Мизандронской		Ставропольской.
Гирканской.		Сулацкой.
Зинзилинской.		Аграханской.
Кескерской.		Кавказской.
Бакинской.	по прежнему.	Бакинской.
Ширванской.		Ширванской.
Дербентской.		Дербентской.
Дагестанской		Дагестанской.
Ранокуцкой		*Кабардинской.*
Ленкоранской		Нашебурской.
Кергеруцкой.		Сальянской.
Астаринской		Низовской.
Аджеруцкой.		Навагинской.
Куринской.	по прежнему.	Куринской.
Тенгинской.		Тенгинской.

На подлинномъ докладѣ написано тако: «Именовать новыми званіями по приложенному при семъ реэстру, токмо впредь безъ доклада Нашего полкамъ званіе не перемѣнять». Анна.

Названіе полка «Ранокуцкій» произошло слѣдующимъ образомъ: Въ 3-мъ пунктѣ договора, заключеннаго Россіею съ предводителемъ афганцевъ Эшрефомъ, въ Рящѣ, въ маѣ 1728 года, между прочимъ сказано: «обоихъ сторонъ между провинціями, землями, городами со всѣми къ нимъ принадлежностями разграниченіе имѣетъ быть по сему. За Дербентомъ отъ моря внутрь земли до рѣкъ Куры и Аракса, гдѣ Араксъ въ Курѣ впадаетъ, по учиненнымъ тамъ границамъ съ Турецкою Портою, да будутъ всѣ прилученныя къ Имперіи Рос-

сійской поморскія провинціи безъ перерыву и Халканская, и Терымъ, и весь Дари-Марсъ до полуразстоянія отъ Темижана къ Теника-Дупу прежними своими границами оныхъ обѣихъ сторонъ владѣнія, безъ всякаго спору, да раздѣляютъ и охраняютъ и Мусулинская и Шафтенская, и Кутумская съ Рудбаромъ провинціи, и Гургуцкой и *Ранокуцкой* и Зинской, и Гаркинской магалы» и т. д. Слѣдовательно, названіе было дано полку по имени магала (уѣзда), находящагося въ Персіи, въ Гилянской провинціи. Названіе же Кабардинскій дано полку по извѣстной кавказской провинціи Кабарда, одна изъ первыхъ, признавшихъ надъ собою власть Россіи, и вотъ уже полтораста лѣтъ полкъ съ честью носитъ это имя.

Оказывается, что въ хроникѣ полковъ русской арміи свѣдѣнія о Кабардинскомъ и вообще о тѣхъ пяти полкахъ, о которыхъ выше сказано, невѣрны, во первыхъ потому, что ихъ формировалъ не генералъ Матюшкинъ, находившійся въ Персіи, а генералъ Бонъ въ Москвѣ, и что названіе Ранокуцкій вовсе не было первымъ у Кабардинскаго полка, а дано ему уже чрезъ четыре съ половиною года, послѣ двухъ названій по фамиліямъ командировъ. За время пребыванія полковъ, составлявшихъ Низовый корпусъ въ Персіи, мѣсячныхъ отчетовъ или вообще какихъ либо болѣе или менѣе полныхъ свѣдѣній не сохранилось; съ трудомъ находились кое какія обрывки, разсѣянныя въ разныхъ дѣлахъ; поэтому о строевомъ составѣ или вообще событіяхъ, близко полка касающихся, почти ничего сказать нельзя.

Въ случайно попавшемся мнѣ въ московскомъ архивѣ рапортѣ за 1729 годъ значится, что къ 1-му мая того года въ полку фонъ-Девица было: здоровыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ 30, а урядниковъ, рядовыхъ и неслужащихъ (т. е. нестроевыхъ) 426, больныхъ: офицеръ 1 и нижнихъ чиновъ 66, до комплекта не доставало: штабъ и оберъ-офицеровъ 15, нижнижнихъ чиновъ 767. Но такъ какъ полкъ въ 1726 году былъ отправленъ въ полномъ составѣ, то должно предполагать, что эта убыль произошла въ теченіи 3-хъ лѣтъ. Пропорція ужасная!

Вотъ еще одно свѣдѣніе, до полка относящееся, и откры-

тое совершенно случайно въ томъ же архивѣ. Въ найденныхъ при пожиткахъ какого-то умершаго генералъ-маіора Фаминцына письмахъ 1730 и 1731 годовъ, касавшихся до дѣлъ о персидскихъ провинціяхъ, оказался реэстръ «коликое число въ Низовомъ корпусѣ штабъ-офицеровъ и сколько нынѣ имъ на перемѣну командировано, и кто въ которые полки кому на перемѣну назначены, и сколько перемѣнить надлежитъ». Въ этомъ реэстрѣ есть между прочимъ слѣдующій проектъ:

Нынѣ послать на перемѣну:	Нынѣ въ Низовомъ корпусѣ обрѣтаются:
Полковникъ Басобръ . . .	Въ Астарѣ.
Подполковникъ Молчановъ .	Въ Девицовѣ. Нѣтъ (?).
Маіоръ Гнамъ	«Тоже» т. е. въ Девицовѣ.

Что это значитъ—навѣрно сказать трудно: было ли только предположеніе послать этихъ офицеровъ въ полкъ, или они дѣйствительно были въ немъ? Какой смыслъ отмѣтки «Нѣтъ?» Впрочемъ, по спискамъ за 1733 годъ видно, что преміеръ-маіоръ Филипъ Гнамъ былъ въ Кабардинскомъ полку, изъ коего 13 декабря 1734 г. исключенъ умершимъ.

Дальше, въ числѣ показанныхъ писемъ, оказались нѣсколько отъ полковника фонъ-Девица; первое, отъ 20 апрѣля 1730 г.: «объ обидахъ въ Измаганѣ обывателямъ отъ нѣкоего хана»; второе, отъ 8 мая: «о прибытіи шаха Тахмасиба, будто будетъ въ Казвинѣ»; третье, отъ 19 іюня: «о несогласіи тамошнихъ народовъ». Очевидно, что первый командиръ нашего полка фонъ-Девицъ былъ и управляющимъ какою нибудь провинціею изъ занятыхъ русскими войсками, вѣроятно Астаринскою, въ которой, судя по отмѣткѣ (см. выше), стоялъ полкъ.

Возвращаюсь однако къ событіямъ, сопровождавшимъ пребываніе русскихъ войскъ въ Персіи. Не имѣя никакихъ данныхъ для опредѣленія частной дѣятельности одного нашего полка, я невольно долженъ продолжать вкратцѣ изложеніе происшествій, до всего Низоваго корпуса касающихся, въ теченіи остальнаго времени пребыванія его вокругъ Каспійскаго моря.

III.

Военныя происшествія въ занятыхъ провинціяхъ. -- Упраздненіе шамхала, смиреніе уцмія.—Оставленіе русскими войсками Решта и Гиляни.—Первое дѣло съ Чеченцами.—Дѣло съ 20,000 Крымскихъ татаръ. — Измѣна уцмія и взятіе штурмомъ Башлы.—Возвращеніе корпуса въ Россію.

Жестокое наказаніе шамхала въ 1725 году не осталось безъ послѣдствій; разные мелкіе владѣтели поспѣшили покориться, въ томъ числѣ и Табасарань. Одинъ уцмій продолжалъ еще волновать населеніе. Для усмиренія его, генералъ Матюшкинъ назначилъ отрядъ изъ 9,000 чел., выступившій изъ крѣпости Св. Креста 18-го мая 1726 г. Со вступленіемъ войскъ во владѣніе шамхала, этотъ первостепенный владѣтель уже не только не думалъ о сопротивленіи, а напротивъ явился къ генералъ-маіору Кропотову, предавая себя въ руки русскаго правительства. Его отправили въ Россію, а званіе шамхала упразднили. Это событіе такъ подѣйствовало на непокорнаго уцмія, что онъ немедленно смирился, а его примѣру послѣдовали Кубечинцы и Акушинцы.

Въ Гилянѣ нападенія и стычки не прекращались. Постоянно поражаемый непріятель появлялся съ новыми силами. Но тамъ командовалъ нашими войсками генералъ-маіоръ Левашевъ, выказавшій замѣчательныя способности и какъ политикъ, и какъ военный администраторъ, и какъ боевой генералъ. Всѣ враждебныя дѣйствія персіянъ кончались только ихъ совершеннымъ пораженіемъ, при самой ничтожной потерѣ съ нашей стороны.

Въ 1727 году, назначенный на мѣсто уволеннаго по болѣзни генерала Матюшкина, генералъ князь Долгоруковъ счелъ, по политическимъ соображеніямъ, необходимымъ занять весь берегъ моря отъ Ряща до Сальянъ. Экспедиція эта, съ колон-

ною изъ 500 человѣкъ пѣхоты и 300 драгунъ, была совершена безъ кровопролитія. Астара, Ленкоранъ и Кызылъ-агачъ покорились. Въ Астарѣ и Джилѣ были возведены два полевыхъ укрѣпленія; а князь Долгоруковъ обошелъ берегомъ моря до Куры, оттуда въ Баку и Дербентъ.

Мелкія нападенія и возмущенія въ Гиляни все еще не прекращались: персіяне съ настойчивостью насъ тревожили, стараясь затруднять наши сообщенія между занятыми укрѣпленіями; но, по обыкновенію, терпѣли вездѣ напрасный уронъ. Появившійся въ раздираемой бѣдствіями Персіи самозванецъ Измаилъ, выдававшій себя за сына и законнаго наслѣдника шаха, тоже вздумалъ напасть на насъ съ двухъ сторонъ—отъ Кескера и Лагиджана. При первой встрѣчѣ съ колонною маіора Мартынова, 24 октября, непріятель, по обыкновенію, обратился въ бѣгство; у Лагиджана же, куда прибылъ самъ генералъ Левашевъ, самозванца уже не застали, но за то встрѣтились съ другимъ противникомъ—персидскимъ визиремъ, котораго и разбили на голову, отнявъ у него три пушки и нѣсколько плѣнныхъ. Лагиджанъ былъ занятъ и тамъ оставленъ гарнизонъ съ подполковникомъ Фишбекеромъ.

1727 годъ заключился жаркимъ дѣломъ съ новымъ непріятелемъ. Одинъ изъ военноначальниковъ афганистанскихъ, самовластно распоряжавшихся большею частью персидскаго государства, вздумалъ овладѣть и провинціями, занятыми русскими войсками. Въ декабрѣ мѣсяцѣ Салданъ-ханъ съ 4,000 человѣкъ прибылъ въ Мазандеранъ и потребовалъ отъ генерала Левашева очищенія Гиляни. Въ отвѣтъ на это было потребовано отъ него немедленно оставить Мазандеранъ, какъ провинцію, принадлежащую Россіи. Салдалъ-ханъ рѣшился попытать счастія и двинулся къ Лагиджану. На встрѣчу ему выступилъ маіоръ Юрасовъ съ 250 ч., и 20 декабря афганцы потерпѣли жестокое пораженіе, потерявъ до 600 челов. и 450 лошадей; у насъ было 6 убитыхъ и 28 раненыхъ. Мы, подобно древнимъ грекамъ, не считали враговъ: 250 противъ 4-хъ тысячъ, молодецкое ура, ударъ въ штыки—и толпы бѣгутъ въ паническомъ страхѣ!..

Кончина Екатерины I, вступленіе на престолъ малолѣт-

няго Петра II, даже паденіе Меньшикова, руководившаго всѣми дѣлами, и переходъ власти въ руки князей Долгоруковыхъ не измѣнили взглядовъ правительства на персидскія дѣла. Ими и тяготились, и не хотѣли употребить энергическихъ мѣръ для упроченія за собою предшествовавшихъ успѣховъ, и въ тоже время не рѣшались отказаться отъ всего... Въ подкрѣпленіе князю Долгорукову посланы были два полка пѣхоты изъ Казани и Воронежа, да въ Царицынѣ предположили сформировать особый корпусъ изъ шести полковъ и нѣсколькихъ тысячъ казаковъ, въ видѣ резерва Низовому корпусу.

Начало 1728 г. ознаменовалось встрѣчами нашихъ войскъ съ полчищами самозванца Измаила. Разбитый въ январѣ при Шефи и за р. Кисмою, онъ въ мартѣ появился на дорогѣ къ Рутуму. Генералъ Левашевъ послалъ противъ него подполковника Шепинга съ 300 человѣкъ. Непріятель былъ разбитъ, опрокинутъ въ рѣку Кизиль-Узейнъ и потерялъ до 150 человѣкъ.

Князь Долгоруковъ, произведенный въ фельдмаршалы уѣхалъ въ Петербургъ, раздѣливъ командованіе въ занятомъ краѣ на двѣ части: въ Гиляни оставилъ генерала Левашева, а прочія мѣстности поручилъ генералу Румянцеву, находившемуся въ Дербентѣ. Въ концѣ года послана была имъ экспедиція для наказанія и усмиренія обитавшихъ въ верховьяхъ рѣки Самура куреловъ (?) «свирѣпыхъ» людей, производившихъ частые набѣги на кубинскихъ и дербентскихъ жителей. Въ октябрѣ выступилъ съ этою цѣлью отрядъ подъ начальствомъ полковника Лукая, который разоривъ одну курельскую деревню, отступилъ къ Каласуару (?), куда явились курельскіе старшины и изъявили покорность.

Военныя происшествія 1729 г. начались появленіемъ самозванца Измаила въ муганской степи съ 2.000 человѣкъ. Противъ него былъ посланъ капитанъ Патцынъ съ 600 солдатъ. Разбитый на голову, Измаилъ бѣжалъ съ нѣсколькими человѣками въ турецкія владѣнія, гдѣ жители его умертвили.

Между тѣмъ Сурхай-Ханъ, (владѣтель казикумыхскій) не отказавшійся отъ своихъ притязаній на куреловъ, рѣшился снова возмутить ихъ противъ насъ, поручивъ это сыну сво-

ему Качаю. Генералъ Румянцевъ выслалъ противу него маіора Безобразова съ баталіономъ и нѣсколькими милиціонерами, но когда это не подѣйствовало, выступилъ и самъ съ драгунами и казаками. Присоединивъ къ себѣ баталіонъ, генералъ у аула Магмутъ атаковалъ 4000 скопище Качая, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство, при чемъ Качай убитъ и нѣсколько сотъ человѣкъ татаръ и куреловъ усѣяли поле сраженія. Разоривъ въ наказаніе 12 курельскихъ ауловъ, Румянцевъ возвратился въ Дербентъ. Потеря наша состояла изъ 11 убитыхъ и 57 раненыхъ.

Въ теченіи 1730 г. нашимъ войскамъ пришлось только одинъ разъ вступить въ бой съ персіянами Кергерутской области.— Возмутившись, они прервали сообщенія между Рящемъ и Астарою. Отправленный туда отрядъ въ 500 человѣкъ съ полковникомъ Ступицынымъ разсѣялъ бунтовщиковъ, сжегъ нѣсколько деревень и возстановилъ сообщенія.

Между тѣмъ скончался Петръ II, воцарилась Анна Іоанновна и министры ея, желая окончательно раздѣлаться съ персидскими дѣлами, воспользовались предлогомъ извѣщенія шаха объ этой перемѣмѣ царствованія—вступили съ нимъ въ переговоры, для чего въ Рящъ былъ посланъ дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Шафировъ. Къ шаху отправили проектъ трактата, по которому предлагалось возвратить ему всѣ запятыя области на правомъ берегу р. Куры, остальныя же оставить еще временно въ рукахъ Россіи, до окончанія продолжавшейся тогда войны между персіянами и турками.

Отвѣта еще никакого не было, а намъ слѣдовало удерживать свою власть въ завоеванныхъ провинціяхъ. Но персіяне не унимались, въ гилянской области мятежи не прекращались. Такъ, въ апрѣлѣ 1731 г., былъ посланъ капитанъ Бундовъ съ 300 человѣкъ взять и уничтожить ретраншаментъ въ Фуминѣ, служившій пристанищемъ враждебныхъ шаекъ. Дѣло было выполнено молодецки, укрѣпленіе взято съ нѣсколькими плѣнными и разрушено. Въ маѣ бунтовщики напали на Кергерутскую область. Тотъ же капитанъ Бундовъ настигъ ихъ и разсѣялъ послѣ жаркаго боя, потерявъ изъ 300 бывшихъ съ нимъ человѣкъ, 1 офицера и 65 рядовыхъ. Очевидно, не-

пріятель въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ уже успѣлъ пріучится къ бою и побѣда стала обходиться дороже. Совершенно тѣ же явленія намъ придется впослѣдствіи замѣчать, когда разсказъ коснется борьбы нашей на Кавказѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Въ 1732 г. разбитый турками шахъ персидскій, вынужденный уступить имъ огромную часть своего царства, въ томъ числѣ Эривань, Нахичевань, Тифлисъ и Шемаху съ Дагестаномъ,—рѣшился наконецъ вступить въ переговоры и съ нами. Въ Рящѣ былъ заключенъ трактатъ, по коему часть занятыхъ нами областей возвращалась шаху теперь же, а часть чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ ратификаціи договора, съ однимъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы Персія ни въ какомъ случаѣ не уступала этихъ провинцій какой либо другой державѣ.— Подразумѣвалась Турція, которую мы, въ предвидѣніи неизбѣжныхъ съ нею столкновеній, боялись допустить усилиться вообще и на Каспійскомъ прибрежьи въ особенности.

По силѣ этого договора, генералъ Левашевъ вышелъ 15-го іюня изъ Ряща, присоединилъ по пути къ себѣ всѣ гарнизоны и 3-го сентября прибылъ въ Баку.

Но пока происходили всѣ эти дипломатическія дѣйствія, военныя тоже не совсѣмъ прекращались. То бунтовались кочующіе на Кумѣ калмыки, то тавлинцы (горцы) нападали на казачьи поселенія у р. Прорвы (рукавъ Терека) и вездѣ подоспѣвавшими колоннами, спѣшившими изъ крѣпости Св. Креста, были разбиваемы. Но неугомонность кавказскихъ наѣздниковъ не унималась такими уроками. Пройдетъ два-три мѣсяца, пораженіе уже забыто; какой нибудь фанатикъ мулла, или честолюбивый старшина заговоритъ на тему необходимости изгнанія кафыровъ изъ такого близкаго къ нимъ сосѣдства, и опять собираются толпы людей, родившихся съ оружіемъ, выросшихъ среди воинственной обстановки и готовыхъ идти въ драку съ кѣмъ угодно,—и для удовлетворенія врожденной страсти къ кипятящей кровь боевой опасности, и по кровожаднымъ инстинктамъ, свойственнымъ всякому полудикому человѣку и, наконецъ, въ надеждѣ на добычу, особенно на плѣнныхъ.

Въ концѣ іюня до 10,000 горцевъ собрались у деревни Че-

чень. Командовавшій въ крѣпости Св. Креста генералъ графъ Дугласъ рѣшился разсѣять это скопище и 4 іюля выступилъ съ 1,200 чел. пѣхоты и до 500 казаковъ. Дойдя до Андреевой, онъ получилъ свѣдѣніе, что будто бы горцы, узнавъ о его приближеніи, бѣжали, и поэтому графъ нашолъ достаточнымъ отправить къ Чеченю подполковника Коха съ 300 пѣхоты и 200 казаковъ, а самъ остался у Андреевой. — Кохъ пришелъ 7-го іюля въ Чечень, сжегъ его и отступилъ; но при этомъ мы потеряли 125 убитыхъ и 75 раненыхъ!.,. Должно думать, во первыхъ, что генералъ Дугласъ поддался фальшивому слуху о бѣгствѣ непріятельскаго скопища, во вторыхъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія о характерѣ лѣсной войны съ чеченцами, рѣшившись послать 500 человѣкъ, вмѣсто того чтобы идти со всею колонною, въ третьихъ, что при отступленіи произошелъ какой нибудь безпорядокъ; иначе трудно объяснить себѣ такую, относительно значительную потерю. Чеченцы же и тогда, значитъ, держались своей системы: отступать при нашемъ наступленіи и зло насѣдать при нашемъ отступленіи. Съ этой системой нашему и Куринскому полкамъ больше всѣхъ пришлось впослѣдствіи познакомиться.

Наступилъ 1733 годъ. Дѣятельный и знакомый съ мѣстными условіями генералъ Левашевъ, по болѣзни, получилъ увольненіе, а на мѣсто его командующимъ былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій.

Предъ своимъ выѣздомъ, Левашевъ изъ крѣпости Св. Креста, отъ 31 Декабря 1732 года, доносилъ военной коллегіи слѣдующее: «хотя я полки, изъ Гиляни со мною прибывшіе, съ перваго времени не отдалялъ отъ Бакинскаго магазейна, по деревнямъ оные поставлены были, а нынѣ усмотря всѣ мѣста и надобности всего персидскаго корпуса, полкамъ опредѣлилъ быть по сему: полкамъ, которымъ въ Россію выходить, поставлены при портахъ, чтобы весною удобнѣе было на суда садиться; полки же, которымъ въ Персіи быть опредѣлено поставлены: въ Баку—Бакинскій, Ширванскій, Сальянскій, Куринскій, въ Низовой—Низовскій да Навагинскій. Въ Дербентъ—Дербентскій, Апшеронскій, *Кабардинскій*, Нашебургскій и одинъ баталіонъ Дагестанскаго; въ крѣпости Св. Креста — Тенгин-

скій и Дагестанскій, и до весны изъ помянутыхъ полковъ близъ назначенныхъ имъ мѣстъ поставлены по деревнямъ. А рапортомъ отъ 21 марта 1733 года Левашевъ изъ той же крѣпости Св. Креста, гдѣ онъ оставался въ ожиданіи прибытія своего преемника, доносилъ, что оставшіеся въ Персіи полки, въ томъ числѣ и Кабардинскій, по случаю великаго въ нихъ недостатка въ людяхъ, укомплектовалъ людьми изъ полковъ, назначенныхъ къ отправленію въ Россію.

Вслѣдствіе дороговизны всѣхъ припасовъ, полки получали усиленное содержаніе. Когда состоялся указъ Петра I, чтобы по недостатку денегъ въ казнѣ вычитать одну четверть жалованья со всѣхъ чиновъ, то изъ этого исключили всѣхъ офицеровъ, неимѣющихъ деревень, а также находившихся въ Низовомъ корпусѣ, ибо они «терпятъ убытокъ отъ персіянъ, не принимающихъ нашихъ денегъ въ цѣнѣ.»

Необходимость удерживать въ спокойствіи все населеніе заставляло быть постоянно на сторожѣ; ослаблять гарнизоны въ Баку и Дербентѣ нельзя было. Такимъ образомъ, въ случаѣ надобности, въ поле можно было вывести незначительный отрядъ только изъ крѣпости Св. Креста, гдѣ и сосредоточивалась половина всего корпуса. При такихъ обстоятельствахъ, у насъ явился совершенно новый, неожиданный въ этой мѣстности непріятель. Крымскій ханъ, по приказанію Порты, отправилъ 20,000 татаръ, съ тѣмъ чтобы они пробрались чрезъ наши владѣнія въ Шемаху и на Араксъ, для подкрѣпленія турецкой арміи, угрожаемой персіянами, не прекращавшими тогда многолѣтней ожесточенной войны съ Турціею.

Нашъ посланникъ въ Константинополѣ предупреждалъ Порту не посылать татаръ этимъ путемъ, но она не уважила нашего протеста.

Принцъ Гомбургскій, чтобы не пропустить татаръ, выслалъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Дмитрія Федоровича Еропкина *) къ Червленной отрядъ изъ 1,000 человѣкъ пѣхоты и 1,000 драгунъ съ 10 орудіями. Между тѣмъ татары перепра-

*) Извѣстный впослѣдствіи усмиритель бунта въ Москвѣ, во время моровой язвы.

вились выше Червленной, чрезъ Терекъ, переплыли чрезъ Сунжу и стали у аула A Чеченя. Движеніемъ этимъ они могли отрѣзать Еропкину сообщеніе съ крѣпостью Св. Креста, а потому онъ поспѣшилъ перейти на правый берегъ Терека къ Щедрину. Принцъ Гомбургскій, узнавъ объ этомъ, послалъ съ маіоромъ Гейкингомъ 500 человѣкъ въ подкрѣпленіе Дербентскаго гарнизона, а самъ прибылъ въ Герстель (?) *).

Предводитель татарскаго войска Султанъ-Фахты-Гирей прислалъ къ нему парламентера, требуя пропуска. Завязались переговоры, окончившіеся ничѣмъ. Султанъ рѣшился очистить себѣ путь силой и присоединивъ къ себѣ нѣсколько тысячъ чеченцевъ двинулся къ Горечаю (?). Мѣсто это, весьма важное для прикрытія лѣваго крыла нашего расположенія, не было защищено; поэтому принцъ Гомбургскій приказалъ Гейкингу, вмѣсто Дербента, спѣшить въ Горечай и поступить тамъ подъ начальство полковника князя Волконскаго.

11-го іюля татары двинулись къ Горечаю (не теперешній ли это Горячеводскъ близъ кр. Грозной или Истису (горячая вода) на Кумыкской плоскости?) и атаковали Волконскаго. Построивъ свой отрядецъ въ каре, онъ мужественно держался, чтобы дать принцу время подоспѣть къ нему. Но принцъ почему то послалъ сначала только 200 казаковъ, а затѣмъ уже со всѣми бывшими съ нимъ войсками выступилъ изъ Герстеля и едва къ 7-ми часамъ вечера прибылъ къ Горечаю. Князь Волконскій, уже долго выдерживавшій неравный бой, былъ близокъ къ совершенному пораженію, когда наконецъ показалась колонна принца Гомбургскаго... Не давая ему построиться, татары съ саблями въ рукахъ бросились на него въ атаку и, не взирая на усиленный пушечный и ружейный огонь, заставили лѣвый флангъ отступить. Казалось, побѣда окончательно склонялась на сторону татаръ, но въ послѣднюю минуту сосредоточеніе огня всѣхъ нашихъ пушекъ на толпу, тѣснившую лѣвый флангъ, произвело въ непріятелѣ страшный безпорядокъ и онъ бѣжалъ, потерявъ до 1,000 человѣкъ убитыхъ. Съ нашей стороны убито 53 и ранено 78, въ томъ чи-

*) Не Герзель-аулъ ли (?).

слѣ генералъ Еропкинъ саблею по лицу. И такъ 2,500 русскихъ войскъ разбили 25,000 татаръ и чеченцевъ; сражались, значитъ, одинъ противъ десяти!

Не взирая на отступленіе татаръ къ Чечену, дагестанскія племена ободрились прибытіемъ такого единовѣрнаго подкрѣпленія и рѣшились опять попытаться сбросить съ себя русскую власть. 3,000 горцевъ присоединились къ разбитому Султану-Фахты-Гирею. Уцмій Кара-Кайтахскій, склонясь на увѣщанія врага нашего Сурхая, заправлявшаго Шемахою, приготовлялся къ возмущенію; даже ближайшіе аулы къ крѣпости Св. Креста по Сулаку выказывали признаки волненій... Въ такихъ обстоятельствахъ принцъ Гомбургскій, считая себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, не рѣшился держаться въ полѣ и заперся въ крѣпости...

Я убѣжденъ, что ни одинъ изъ предшественниковъ нѣмецкаго принца—ни Матюшкинъ, ни Левашевъ, ни Румянцевъ не заперлись бы въ крѣпости... Это было не въ духѣ нашихъ войскъ. И, главное, рѣшеніе запереться въ крѣпости послѣдовало послѣ разбитія въ десять разъ сильнѣйшаго непріятеля, при самыхъ дурныхъ для насъ условіяхъ, когда колонна князя Волконскаго болѣе семи часовъ одна держалась противъ всей татарской орды. Энергическій генералъ не далъ бы имъ опомниться, двинулся бы къ Чеченю и горячимъ преслѣдованіемъ, безъ сомнѣнія, заставилъ бы разсѣяться, а не давалъ бы возможности оправиться и подкрѣпляться сочувствующими горцами.

Результатомъ отступленія принца въ крѣпость Св. Креста было движеніе Султана-Фахты-Гирея съ его крымцами къ Дербенту, возмущеніе Табасарани и уцмійскихъ владѣній, заставившихъ командовавшаго въ Дербентѣ генералъ-маіора Бутурлина снять со всѣхъ постовъ и укрѣпленій гарнизоны и сосредоточиться уже для защиты только самаго города. Попытки татаръ противъ Дербента не имѣли однако никакого успѣха и, послѣ нѣсколькихъ стычекъ подъ стѣнами города, они обошли его и двинулись къ Шемахѣ. Цѣли своей они достигли.

Съ уходомъ татаръ, уцмій остался одинъ и опасаясь воз-

мездія за свою измѣну обратился съ просьбою о помощи къ Сурхай-Хану Шемахинскому. Узнавъ объ этомъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій на этотъ разъ выказалъ болѣе рѣшимости и соображенія: онъ счелъ необходимымъ предупредить прибытіе помощи къ уцмію и наказать его примѣрно, не откладывая дѣла. Для этого генералъ-маіоръ Еропкинъ былъ двинутъ съ двухтысячнымъ отрядомъ и тремя пушками въ Дербентъ, а спустя нѣсколько дней выступилъ туда же и самъ принцъ Гомбургскій, съ 500 человѣкъ казаковъ. Дербентскій гарнизонъ такимъ образомъ усилился значительно и 17-го сентября Еропкинъ съ отрядомъ въ 6 т. человѣкъ и нѣсколькими орудіями, двинулся къ главной резиденціи уцмія аулу Башлы, сильно укрѣпленному и природою, и искусственными средствами. 21-го числа аулъ былъ взятъ штурмомъ, при чемъ захвачено четыре пушки, убито защитниковъ до 400. Но и наша потеря была немала: 29 убитыхъ и 343 раненыхъ. (Замѣчательна непропорціональность числа раненыхъ къ убитымъ,— что должно приписать плохому огнестрѣльному оружію непріятеля).

Взятіе Башлы навело страхъ на окрестное населеніе и оно смирилось, а для удостовѣренія въ своей покорности—табасаранцы сами настойчиво преслѣдовали бѣжавшаго уцмія, не давая ему собраться съ новыми силами; онъ вынужденъ былъ удалиться въ горы

Когда въ Петербургѣ узнали о движеніи татаръ чрезъ наши владѣнія, что причинило правительству не мало безпокойства, то императрица Анна Іоанновна тотчасъ же нашла нужнымъ отправить назадъ генерала Левашева на смѣну принцу Гомбургскому, распорядительность коего очевидно не особенно понравилась въ столицѣ.

Въ 1734 году, хотя уже давно извѣстна была рѣшимость нашего двора возвратить Персіи всѣ занятыя области и въ Тегеранъ былъ отправленъ чрезвычайный посолъ князь Голицынъ, но все же до окончательнаго заключенія и ратификаціи договора, зависѣвшихъ отъ шаха, въ свою очередь запутаннаго въ критическія обстоятельства, вслѣдствіе борьбы съ афганцами и продолжительной войны съ Турціею, — намъ

приходилось удерживаться въ занятыхъ позиціяхъ, не допускать населенія до враждебныхъ дѣйствій и усмирять вспыхивавшія возмущенія. Въ этомъ году уже упоминавшіеся прежде курелы (вѣроятно жители нынѣшняго Самурскаго округа, вверхъ по р. Самуру отъ Ахты) опять возмутились и генералъ Еропкинъ ходилъ ихъ усмирять, при чемъ сжегъ 14 ауловъ.

Наконецъ 10-го марта 1735 года, князь Голицынъ, находившійся съ шахомъ подъ Ганжею, (нынѣшній Елисаветополь) которую персіяне осаждали,—заключилъ окончательный договоръ, вслѣдствіе коего мы обязывались немедленно очистить всѣ области, принадлежавшія Персіи до похода Петра Великаго, а шахъ обязывался не заключать съ Турціею мира, пока она тоже не возвратитъ ему всѣхъ захваченныхъ персидскихъ областей. Генералъ Левашевъ сдалъ персіянамъ Баку и Дербентъ, срылъ укрѣпленіе Св. Креста и выступилъ со всѣми войсками въ Астрахань, куда и прибылъ въ концѣ 1735 года.

Такимъ образомъ окончилось 13-ти лѣтнее пребываніе нашихъ войскъ на прибрежьи Каспійскаго моря. Грандіозные замыслы Петра Великаго, бывшіе поводомъ движенія туда, не осуществились и значительныя жертвы людьми и деньгами не имѣли никакихъ результатовъ. Достигнутъ былъ только одинъ, немаловажный впрочемъ, нравственный успѣхъ: мы утвердили въ персіянахъ и другихъ азіатскихъ народахъ высокое мнѣніе о непоколебимомъ мужествѣ русскихъ войскъ, объ ихъ непобѣдимости, о высокихъ качествахъ начальствовавшихъ ими офицеровъ и такихъ генераловъ, какъ Матюшкинъ, Левашевъ и нѣкоторые другіе, умѣвшихъ съ незначительными силами бороться на громадномъ пространствѣ съ многочисленными воинственными толпами.

Большинство полковъ, для которыхъ занятыя нами прикаспійскія области были колыбелью, возмужали и окрѣпли въ борьбѣ съ природой, тяжелыми непривычными для русскаго человѣка мѣстными условіями и особенностями малой войны, требующей выносливости, энергіи и смѣтливости. Имъ пришлось выносить удушливый, разслабляющій 40° жаръ, утолять жажду скверной водой, дѣлать утомительные длинные пере-

ходы то по песчаному прибрежью, при свирѣпствующихъ тамъ нерѣдко въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ вѣтрахъ — ураганахъ, то по лѣсамъ и горнымъ тѣснинамъ, идти одному противу десятерыхъ въ бой, израненному попадаться въ руки варваровъ, а отдыхомъ считать пребываніе въ уединенныхъ укрѣпленіяхъ или азіатскихъ городахъ, среди враждебнаго населенія, вдали отъ всего русскаго, всего христіанскаго. И нѣтъ сомнѣнія, что эта школа и выработала изъ нихъ нѣсколько такихъ полковъ, какъ Кабардинскій, Куринскій, Апшеронскій, доказавшихъ въ послѣдующіе полтораста лѣтъ на всѣхъ возможныхъ театрахъ войны, въ Турціи, Финляндіи, Пруссіи, на Кавказѣ, что они не только съумѣли сохранить переданные имъ петровскими прадѣдами качества, но и усовершенствовать ихъ до высшей степени, создавшей имъ ту вполнѣ заслуженную, громкую славу, которою по нынѣ гордятся и они, и вся русская армія.

IV.

Война съ Турціею въ Крыму 1736—1739.

«Люблю матушку Россію за то, что въ какомъ нибудь углу ея да дерутся». Слова эти, сказанныя извѣстнымъ героемъ, генераломъ Кульневымъ, были совершенно вѣрнымъ отголоскомъ воинственнаго духа нашей арміи, закаленной въ теченіи всего XVIII столѣтія въ безпрерывныхъ, можно сказать, не прекращавщихся битвахъ, не только на окраинахъ нашего обширнаго отечества, но и далеко за предѣлами его, въ Европѣ и Азіи.

Русскій солдатъ являлся вездѣ со всегдашнимъ своимъ непоколебимымъ мужествомъ, выносливостью, строгою дисциплиною, заслуживъ себѣ, даже отъ всѣхъ противниковъ, имя храбрѣйшаго.

Исторія каждаго изъ старыхъ полковъ русской арміи, а въ особенности кавказскихъ, неизбѣжно принимаетъ характеръ военной эпопеи. Вся жизнь полка, за весьма рѣдкими промежутками, проходила среди боевой обстановки, среди грохота битвъ, въ облакахъ пороховаго дыма. Для мирнаго, такъ сказать, гарнизоннаго существованія, старымъ кавказскимъ полкамъ не удѣлялось времени; и это не только въ теченіи кавказской службы, но и до нея.

Изъ предшествовавшихъ главъ читатель уже видѣлъ, что Кабардинскій полкъ, сформированный на походѣ, проведшій первыя тринадцать лѣтъ своего существованія въ непріятельской странѣ, въ постоянныхъ встрѣчахъ съ враждебными полчищами, прибылъ въ концѣ 1735 года въ Астрахань. Отсюда онъ тотъ же часъ былъ двинутъ вверхъ по Волгѣ къ рѣкѣ Медвѣдицѣ и расположенъ на зимнія квартиры въ ста-

ницахъ Островской и Усть-Медвѣдицкой. И что же? Изъ спецификаціи состоявшихъ подъ командой генерала-аншефа Левашова войскъ видно, что 22-го Марта 1736 года, при крѣпости Св. Анны, (на лѣвомъ берегу рѣки Дона, въ 15 верстахъ выше Старочеркаска) въ вѣдѣніи генералъ-лейтенанта Загряжскаго, находился и Кабардинскій полкъ. Слѣдовательно, не пришлось ему и одного мѣсяца отдохнуть, привести въ порядокъ свое снаряженіе, какъ его уже двинули на новый театръ военныхъ дѣйствій.

Неудачный походъ Петра I на Прутъ, гдѣ онъ былъ окруженъ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, имѣлъ послѣдствіемъ уступку Турціи нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ томъ числѣ Азова, овладѣніе коимъ стоило Петру такихъ большихъ жертвъ. Это дало Турціи возможность окончательно убить нашу, едва зарождавшуюся торговлю на Черномъ морѣ и производить безнаказанно опустошительные набѣги на наши южныя окраины. Нынѣшнія Кіевская, Полтавская и Харьковская губерніи страдали невыносимо отъ дикихъ ордъ, насылаемыхъ крымскимъ ханомъ. Сотнями выжигались села, тысячами увлекались плѣнные, раздаваемые въ тяжкое рабство по Крыму и всему Черноморскому прибрежью. Устроенная для ихъ охраны Украинская линія оказывалась слабою защитой противъ этихъ дикихъ полчищъ, носившихся на своихъ быстрыхъ коняхъ тучами по степи. Многократныя представленія нашихъ пословъ въ Константинополѣ или оставались безъ всякаго вниманія, или Порта отдѣлывалась пустыми ссылками на ея безсиліе удержать крымцевъ отъ набѣговъ, тогда какъ она, имѣя въ Крыму сильныя крѣпости со значительными гарнизонами, легко могла держать хана въ повиновеніи. Ко всему этому присоединилось выше описанное движеніе двадцати тысячъ татаръ, чрезъ занятыя нами персидскія провинціи и вмѣшательство Порты, подстрекаемой Франціей, въ польскія дѣла.

Всѣ эти обстоятельства окончательно вывели изъ терпѣнія наше правительство и вынудили его обратиться къ единственной дѣйствительной мѣрѣ въ дѣлахъ съ азіятцами, къ силѣ оружія. Заключивъ съ Австріей союзъ для совмѣстныхъ

дѣйствій противъ турокъ, императрица Анна Іоановна объявила 2-го іюня 1736 года Портѣ войну.

Сформированы были двѣ арміи: одна подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха, для наступленія со стороны Кіева по Днѣпру въ Крымъ, другая — фельдмаршала графа Ласси, для дѣйствій противъ Азова и оттуда по прибрежью Азовскаго моря на сѣверную часть Крыма.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда украинская армія графа Миниха еще не была готова къ выступленію, онъ, чтобы не терять напрасно времени, до прибытія графа Ласси, находившагося съ войсками въ Богеміи, пріѣхалъ на Донъ, собралъ бывшія подъ рукой войска и выступилъ къ Азову, предписавъ предварительно генералу Левашову слѣдовать съ его Низовымъ корпусомъ съ Волги къ крѣпости Св. Анны, гдѣ полки его нѣкоторое время должны были заняться заготовленіемъ нужныхъ для осады туровъ, фашинъ и т. п. Объ этомъ былъ отданъ приказъ, начало коего я привожу здѣсь дословно, ради характеристики тогдашнихъ формъ военнаго дѣлопроизводства: «Благороднымъ и высокопочтеннымъ разныхъ характеровъ господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ отъ кавалеріи и отъ инфантеріи, въ Донскую экспедицію опредѣленнымъ, такожде и тѣмъ, которые при остальныхъ людяхъ съ полковыми тягостями обрѣтаются (вѣрно оставшихся на зимнихъ квартирахъ), симъ ордеромъ наикрѣпчайше подтверждается на счетъ заготовленія туровъ, фашинъ» и т. д. Подпись: «*Вашихъ Благородей слуга* Василій Левашовъ».

15-го марта графъ Минихъ началъ осаду Азова удачнымъ занятіемъ противу крѣпости острова Лютика и затѣмъ устройствомъ нѣсколькихъ батарей, а 26-го марта, по прибытіи Левашова съ его корпусомъ, въ томъ числѣ и Кабардинскаго полка, сдалъ ему начальство и уѣхалъ къ своей арміи. Осадныя работы продолжались при безпрестанныхъ вылазкахъ турецкаго гарнизона, стычкахъ съ янычарами, нападавшими то на наши обозы, то па передовые редуты.

4-го мая прибылъ наконецъ къ Азову фельдмаршалъ Ласси и усилилъ работы. Противъ отдѣльнаго непріятельскаго укрѣпленія, названнаго въ нашихъ реляціяхъ полисадомъ, былъ

нами устроенъ шанецъ, на который янычары вели атаку съ особою настойчивостію; но всякій разъ были отбрасываемы съ значительнымъ урономъ. Въ десятыхъ числахъ іюня полковнику Ломану, съ колонной изъ тысячи человѣкъ, поручено было взять полисадъ: Ломанъ пошелъ на штурмъ и ворвался въ укрѣпленіе; туда ввезли артиллерію и начали жестоко громить городъ; раздались громы взрывовъ, вспыхнулъ пожаръ...

20-го іюня крѣпость сдалась на капитуляцію; сдавшійся гарнизонъ состоялъ изъ 3,643 человѣкъ, а съ жителями до 6,000. Потеря гарнизона и городскаго населенія простиралась до 2,728 душъ. Пушекъ и мортиръ взято 227; снарядовъ, пороху, свинца и проч. найдены громадные запасы. Русскихъ плѣнныхъ освобождено 221 человѣкъ. Наша потеря за время осады, по донесеніямъ штаба, состояла изъ 240 человѣкъ убитыхъ и около 1,000 раненыхъ, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка: убитыхъ 1 капралъ, 2 гренадера и 2 мушкетера, раненыхъ подпоручикъ (фамилія неизвѣстна), 1 сержантъ, 9 гренадеровъ, 13 мушкетеровъ и 2 барабанщика; впрочемъ, едва ли эта цифра вполнѣ вѣрна.

Изъ представлявшихся дежурными по осаднымъ работамъ ежедневныхъ рапортовъ, между прочимъ видно, что 14 іюня генералъ-маіоръ Еропкинъ показалъ въ числѣ потери этого дня 2-хъ человѣкъ Кабардинскаго полка убитыми. Но такихъ рапортичекъ, къ сожалѣнію, сохранилось весьма мало, да и тѣ большею частью показывали убыль общимъ числомъ, не поименовывая частей войскъ. Вообще въ тогдашнихъ донесеніяхъ и реляціяхъ, за рѣдкими исключеніями, именовали полки, а говорили просто: столько-то пѣхоты, драгунъ и проч. Это чрезвычайно затрудняетъ изысканія о дѣйствіяхъ полка и вынуждаетъ разсказывать многое, быть можетъ, не прямо до полка относящееся.

Въ дѣлахъ военно-ученаго архива нашелъ я еще два рапорта полковаго лекаря Шлиссельбургскаго полка Шрейбера, завѣдывавшаго общимъ лазаретомъ въ лагерѣ подъ Азовомъ (на нѣмецкомъ языкѣ), изъ коихъ видно, что съ 4 по 11 іюня 1736 года въ Кабардинскомъ полку было больныхъ 33, раненыхъ 27 (вотъ уже и разница противъ отчетовъ штаба о

потерѣ); выздоровѣло 20, умерло 3, а съ 12 по 25 число — больныхъ 50, раненыхъ 19, выздоровѣло 11, умеръ 1.

Донесеніе о взятіи Азова и ключи города были доставлены въ Петербургъ сыномъ фельдмаршала, подполковникомъ Ласси, и произвели чрезвычайную радость. 2-го іюля, за благодарственнымъ молебствіемъ въ Петропавловскомъ соборѣ, было читано особое печатное объявленіе, въ которомъ между прочимъ сказано: «и тако Всемогущаго Бога помощью сей непріятельскій городъ, изъ котораго Всероссійскимъ границамъ и подданнымъ толь великія обиды и *чювственныя* (sic) разоренія приключены, и который отъ вѣроломныхъ турокъ въ 1711 году, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, отъ Россійскаго государства оторванъ былъ, къ вѣчной безопасности тамошнихъ всероссійскихъ границъ и подданныхъ, славнымъ Ея Величества оружіемъ по прежнему къ Россійской Имперіи присовокупленъ».

Такія были времена! Азовъ, этотъ смиренный, нынѣ заштатный городишко Ростовскаго уѣзда, былъ грозною турецкою крѣпостью, изъ коей высылались хищническія орды на Малороссію... Но шагъ за шагомъ, въ теченіе полутора вѣка, поливая кровью каждую пядь земли, оттѣсняли мы мусульманскую орду отъ Дона и Днѣстра, отъ Азовскаго и Черноморскаго прибрежій, а все еще послѣднее слово этой борьбы не сказано...

По взятіи Азова, графъ Ласси оставилъ тамъ съ большею частью войскъ генерала Левашева, а самъ, взявъ четыре пѣхотныхъ и одинъ драгунскій полки съ казаками, отправился въ Крымъ, полагая тамъ встрѣтить графа Миниха *). Перейдя черезъ рѣку Міусъ, онъ узналъ, что Минихъ уже отступилъ на Днѣпръ и потому Ласси тоже ушелъ въ Изюмъ.

*) Предъ выступленіемъ были потребованы рапорты о наличномъ состояніи полковъ, изъ нихъ видно, что къ 1-му августа въ Кабардинскомъ полку было на лицо: полковаго штаба 4, унтеръ-штаба 17, оберъ-офицеровъ 29, унтеръ-офицеровъ 27, капраловъ 31, гренадеръ 128, мушкетеровъ 1089, нестроевыхъ 100. Въ командировкахъ—дальнихъ: унтеръ-штабу 1, оберъ-офицеровъ 3, унтеръ-офицеровъ 1, капраловъ 3, гренадеровъ 7, мушкетеровъ 153, нестроевыхъ 7; въ ближнихъ:—оберъ-штабу 1, оберъ-офицеровъ 15 (?),

Хорошо случилось, что графъ Ласси во время узналъ объ отступленіи арміи Миниха изъ Крыма, а то онъ со своими пятью полками—около 6 т. человѣкъ—очутился бы лицомъ къ лицу со всѣми турецко-татарскими силами и, нѣтъ сомнѣнія, подвергся бы совершенному истребленію, тѣмъ болѣе безъ достаточныхъ запасовъ продовольствія, въ странѣ спаленной зноемъ, страдающей недостаткомъ воды, которую приходилось возить съ собою отъ одного перехода къ другому. Должно думать, что такой опытный и предусмотрительный генералъ, какъ графъ Минихъ, не могъ упустить изъ вида необходимость извѣстить Ласси о своемъ отступленіи? Вѣроятнѣе всего, что посланный имъ съ бумагами нарочный попалъ въ руки непріятеля.

Такъ кончились дѣйствія 1736 года. Кромѣ овладѣнія Азовомъ, другихъ результатовъ достигнуто не было. Часть арміи графа Ласси, въ составъ коей входилъ Кабардинскій полкъ, осталась въ Азовѣ и его окрестностяхъ, часть занимала крѣпость Св. Анны,—остальныя расположились на зиму въ Изюмѣ.

1737 годъ начался нашествіемъ пятидесяти тысячъ татаръ на Украйну. Небольшой передовой отрядъ нашъ былъ разбитъ, командовавшій имъ генералъ-маіоръ Лесли палъ, а сынъ его съ нѣсколькими уцѣлѣвшими людьми взятъ въ плѣнъ. Татары доходили почти до Полтавы, истребляя на пути огнемъ и мечемъ наши населенія. Встрѣченные между Пселомъ и Ворсклой колонной полковника Свѣчина, они вступили съ нимъ въ бой и, вѣроятно, эту горсть людей (около 400 человѣкъ) постигла бы таже участь какъ и отрядъ Лесли; но они получили извѣстіе, что со всѣхъ сторонъ спѣшатъ сильные отряды и потому рѣшились отступить. Застигнутые въ степяхъ сильными буранами и мятелями, татары потеряли множество людей и лошадей, побросавъ большинство несчастныхъ плѣнныхъ.

унтеръ-офицеровъ 12, капраловъ 10, гренадеръ 36 (?), мушкетеровъ 342 (?), нестроевыхъ 27. Должно полагать, что дальніе командировки—это при полковыхъ тяжестяхъ оставленныхъ или на Медвѣдицѣ, или въ крѣпости Святой Анны, а ближніе въ гарнизонѣ взятой крѣпости Азова, куда назначили отъ всѣхъ частей изнуренныхъ и слабосильныхъ людей.

Въ апрѣлѣ фельдмаршалъ Ласси получилъ приказаніе со всею арміей (20 пѣхотныхъ, 13 драгунскихъ полковъ, нѣсколько тысячъ казаковъ и калмыковъ) слѣдовать въ Крымъ, для овладѣнія восточною частью отъ Еникале до Кафы (Θеодосіи). Въ первыхъ числахъ мая, съ частью войскъ, расположенныхъ у Изюма и Бахмута, онъ выступилъ чрезъ Міусъ къ Калміусу (гдѣ нынѣшній Маріуполь), а корпусъ генерала Левашова былъ отправленъ на лодкахъ изъ Азова къ Таганрогу; отсюда нѣсколько гренадерскихъ ротъ пошли сухимъ путемъ на соединеніе къ арміи, а остальные баталіоны на судахъ флотиліи вице-адмирала Бредаля должны были плыть моремъ; но флотилія потерпѣла аварію отъ сильной бури и нѣкоторый уронъ при встрѣчѣ съ турецкими кораблями, вынуждена была возвратиться и высадить войска, двинувшіяся тоже сухимъ путемъ вслѣдъ за арміей.

Имѣющіяся по этому предмету въ дѣлахъ того времени свѣдѣнія такъ отрывочны, что весьма трудно свести ихъ въ какое нибудь общее цѣлое. Изъ вѣдомостей видно, между прочимъ, что подъ начальствомъ командира Бакинскаго пѣхотнаго полка Бахметева на судахъ было 2 т. пѣхоты, въ числѣ коей отъ Кабардинскаго полка 1 премiеръ маіоръ, 1 канониръ, 1 поручикъ, 2 прапорщика, 2 сержанта, 4 капрала, 2 барабанщика, и 223 рядовыхъ. Въ общей же вѣдомости выступившихъ изъ Азова до Таганрога войскъ показано 26 мая 1737 года: нашего полка полковникъ 1, подполковникъ 1, маіоръ 1, адъютантъ 1, коммисаръ 1, лекарь 1, попъ 1, писарь 1, гобоистовъ русскихъ 6, (въ иныхъ полкахъ были и нѣмцы) профосовъ 2, барабанщикъ 1, — все это подъ названіемъ оберъштаба, то есть полковой штабъ; затѣмъ унтеръ-штабъ: капитановъ 4, поручиковъ 5, подпоручиковъ 5, прапорщиковъ 6, сержантовъ 10, каптенармусовъ 6, подпрапорщиковъ 3, фурiеровъ 5, капраловъ 19, барабанщиковъ 18, флейщиковъ 2, фельдшеровъ 7, гренадеръ 107, мушкетеровъ 498, нестроевыхъ 24.

Вице-адмиралъ Бредаль въ приказѣ по флотиліи объявилъ значеніе сигналовъ, подаваемыхъ разными флагами, и порядокъ слѣдованія, по старшинству судовыхъ капитановъ; изъ

приказа видно, что вторымъ былъ капитанъ Питеръ-де-Фримерій, въ вѣдѣніи коего и плыли Кабардинскій и Дербентскій полки.

30-го мая армія прибыла къ Бердѣ (Бердянскъ), 10 іюня перешла чрезъ Молочныя Воды, гдѣ оставила подъ особымъ прикрытіемъ всѣхъ больныхъ, а 15-го числа стала у рѣки Конскія Воды и устроила ретраншементъ на 500 человѣкъ.

Въ этомъ мѣстѣ произошелъ эпизодъ, о которомъ не мѣшаетъ разсказать. Всѣ генералы, за исключеніемъ одного генералъ-маіора Шпигеля, узнавъ, что фельдмаршалъ Ласси намѣренъ совершить движеніе по Арабатской стрѣлкѣ, нашли это предпріятіе слишкомъ опаснымъ, грозящимъ гибелью всей арміи, и явились къ нему съ требованіемъ оставить этотъ планъ, а въ противномъ случаѣ они уѣдутъ назадъ. На убѣжденіе графа Ласси, что всякое военное предпріятіе сопряжено съ опасностями и что предполагаемое имъ движеніе имѣетъ свои выгоды и невыгоды, генералы продолжали настаивать на своемъ требованіи и осмѣлились прибѣгнуть къ угрозамъ. Тогда Ласси объявилъ имъ, что можетъ обойтись безъ нихъ, потребовалъ секретаря, приказалъ написать имъ отпускные паспорты и назначить казаковъ въ конвой. Генералы во время опомнились, стали просить извиненія и дѣло уладилось. Это, безъ сомнѣнія, единственный въ своемъ родѣ примѣръ такого явнаго нарушенія дисциплины въ военное время генералами, обязанными служить примѣромъ всѣмъ подчиненнымъ! Случай этотъ могъ имѣть гибельныя послѣдствія, если бы войска вздумали послѣдовать примѣру своихъ генераловъ. Должно полагать, что все осталось въ тайнѣ, ибо изъ дѣлъ того времени ничего дальнѣйшаго по этому поводу не видно.

21-го іюня армія дошла до Геническа, оттуда въ Арабатъ и 23-го къ Чекряку. На маршѣ казаки встрѣчались съ татарскими партіями и разоряли ближайшіе аулы. 2-го іюля графъ Ласси совершилъ замѣчательную переправу чрезъ Гнилое море (Сивашъ). Кавалерія перешла вплавь, а пѣхота и тяжести на плотахъ, устроенныхъ изъ бочекъ, въ которыхъ возилась вода. При дальнѣйшемъ движеніи къ рѣкѣ Салгиру, авангардъ былъ

сильно атакованъ татарами, но они были разбиты и, бѣжавъ, оставили въ рукахъ нашихъ казаковъ до шестисотъ плѣнныхъ.

14-го іюля былъ взятъ, послѣ довольно сильнаго сопротивленія, Карасу-Базаръ, въ которомъ захвачена богатая добыча, а казаки и калмыки въ то же время доходили до Акъ-Мечети и Бахчисарая, разоривъ нѣсколько десятковъ татарскихъ деревень.

Всѣ эти движенія по голымъ, почти пустыннымъ степямъ были сопряжены съ неимовѣрными трудами и лишеніями. Палящій зной, недостатокъ и дурное качество воды, порча татарами и безъ того рѣдкихъ и скудныхъ колодцевъ, невозможность найти въ странѣ какое либо продовольствіе, которое приходилось везти съ собою на десяткахъ тысячъ подводъ, требовавшихъ для своего прикрытія чуть не половину арміи, стѣсняли до крайности ея движенія. Чтобъ имѣть понятіе объ обозѣ, слѣдовавшемъ съ войсками, представляю разсчетъ, извлеченный изъ дѣлъ: для провіанта, соли и другихъ припасовъ 18 тысячъ паръ воловъ: въ каждомъ драгунскомъ полку 391, а въ пѣхотномъ 547 лошадей, на которыхъ везлись съ собою понтоны, жернова, брусья для рогатокъ, часть продовольствія, бочки съ водой, сбитнемъ, виномъ, уксусомъ. Кромѣ того имѣлось еще 900 верблюдовъ. И все это только для части арміи въ 20,000 человѣкъ! Прибавивъ къ этому драгунскихъ, казачьихъ, артиллерійскихъ и офицерскихъ лошадей, можно себѣ представить какое количество фуража требовалось для прокормленія и какое количество воды для напоенія этихъ табуновъ и стадъ! А траву между тѣмъ сжигалъ и зной солнечный и огонь, пускаемый татарами по вѣтру, такъ что онъ нерѣдко грозилъ опасностью всей арміи, и ей приходилось окапываться наскоро рвами... Одно присутствіе такихъ обозовъ должно было парализовать самые лучшіе планы. Ко всему этому, движенія арміи производились какимъ-то допотопнымъ, для насъ совершенно непонятнымъ способомъ. Каждый полкъ составлялъ каре, имѣя по угламъ пушки, а въ срединѣ свой обозъ; всѣ эти каре составляли одно общее, въ видѣ какого-то громаднаго ящика, внутри коего слѣдовала вся кавалерія, парки, весь ненеобозримый общій обозъ... При приближеніи непріятеля все

останавливалось, ставились кругомъ рогатки и копья, и прикрываясь ими, отражалось пальбой нападеніе... При переходѣ въ наступленіе рогатки снимались, полковые каре двигались впередъ и кавалерія направлялась на фланги. Само собою, такъ дѣлалось на маршѣ, а не при сраженіяхъ, когда мы начинали прямо съ атаки турокъ. Эти рогатки и копья, остатокъ воинской изобрѣтательности XVII столѣтія, были тотчасъ по окончаніи неудачнаго похода на Прутъ въ 1711 году уничтожены; но графъ Минихъ, не имѣвшій случая видѣть ихъ примѣненія и убѣдиться въ ихъ не только безполезности, но положительномъ вредѣ, счелъ нужнымъ въ 1736 году для войны противъ татаръ ввести ихъ вновь. Это увеличило и безъ того громадные обозы, пріучало войска полагаться не на свою стойкость, мѣткость стрѣльбы и успѣхъ быстраго натиска, а разсчитывать на искуственныя закрытія; это же чрезвычайно затрудняло переходъ къ наступленію.

Послѣ подобнаго марша, въ теченіи длиннаго дня, подъ палящими лучами іюльскаго солнца, въ тогдашней неудобной обмундировкѣ и тяжеломъ вооруженіи, приходилось войскамъ проводить холодныя ночи на открытомъ воздухѣ, на голой землѣ, безъ палатокъ; болѣзни развивались чрезмѣрно, а медицинской части почти вовсе не было: люди, не умѣвшіе даже хорошо кровь бросить, считались лекарями. Нѣсколько дѣйствительныхъ медиковъ были исключительно нѣмцы, незнавшіе русскаго языка, подававшіе даже свои рапорты и отчеты о состояніи лазаретовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Можно себѣ представить, каково было лѣченіе людей, съ которыми докторъ не могъ объясниться... Впрочемъ, заботливость о войскахъ, принимая въ соображеніе тогдашнія условія и средства, не подлежитъ упрекамъ. Такъ, изъ приказа генерала Левашова отъ 11 апрѣля 1739 г. видно, что въ числѣ различныхъ распоряженій, предъ выступленіемъ въ походъ, предписывалось полкамъ имѣть съ собою, по примѣрамъ прошлаго года, сбитень, вино (водку) и уксусъ; провіанта въ обозѣ на пять мѣсяцевъ, да на людяхъ «на первый часъ» въ ранцахъ по четверику сухарей, или «оные въ толчу передѣлать». Всѣмъ офицерамъ тоже отпускался казенный провіантъ.—Для исправленія обозовъ и пополненія нужнаго числа

лошадей и быковъ каждому полку отпущено по 500 руб. (Для того времени сумма значительная). Отъ всѣхъ полковъ приказано собрать тысячу человѣкъ слабыхъ и изнуренныхъ, а по прибытіи рекрутъ и ихъ тысячу человѣкъ, и всѣхъ этихъ людей подъ командою подполковника Евлахова оставить въ Азовѣ.—Въ каждомъ полку имѣть съ собою на ожидаемыхъ рекрутъ оружіе и мундиры на сто человѣкъ. Изъ находящихся въ командировкахъ людей, гончарей оставить въ Азовѣ (вѣроятно заготовлять кирпичъ для построекъ) а «оловяничной науки» (вѣрно заготовляющихъ патроны?) взятъ съ собою. Всѣмъ полковымъ казначеямъ тоже быть въ походѣ, а не оставаться въ Азовѣ какъ прежде, подъ предлогомъ пріема и повѣрки аммуничныхъ вещей.

При всемъ томъ однако, послѣ трехмѣсячнаго похода, уже начиналъ чувствоваться недостатокъ въ продовольствіи, выгорѣвшая степь не могла прокормить воловъ и лошадей, падавшихъ сотнями, вода становилась чуть не рѣдкостью, люди и животныя изнурялись, — приходилось начинать отступленіе, не достигнувъ и малой доли предположенной цѣли.

Въ теченіи этого времени армія графа Миниха, двигаясь по Днѣпру, подошла къ Очакову, который, послѣ продолжительной, чрезвычайно упорной обороны, вынужденъ былъ сдаться. Турки понесли громадную потерю: назначенный комендантомъ Очакова генералъ Бахметьевъ доносилъ, что похоронилъ до семнадцати тысячъ труповъ, да тысячъ до трехъ погибло подъ развалинами взорванныхъ зданій и потонуло, спасаясь на свои суда. Наша потеря была тоже не мала и состояла изъ 3,810 человѣкъ, въ томъ числѣ пять генераловъ и два бригадира. Но эта потеря все же ничтожна въ сравненіи съ убылью отъ изнуренія и болѣзней, понесенныхъ арміей при движеніяхъ къ Очакову и особенно обратно, по разоренной, пустынной странѣ.

Обо всемъ касающемся дѣйствій арміи графа Миниха я упоминаю только вскользь и говорю съ нѣсколько большею подробностью объ арміи графа Ласси, потому что въ составъ послѣдней входилъ Кабардинскій полкъ, и все мое вниманіе сосредоточивается преимущественно на событіяхъ, имѣющихъ

болѣе прямое къ нему отношеніе. Не могу однако не упомянуть здѣсь объ одномъ эпизодѣ, случившемся въ арміи Миниха, не безъинтересномъ для военныхъ читателей. При отступленіи арміи къ Днѣпру, одинъ изъ дивизіонныхъ генераловъ, Загряжскій, отправилъ безъ разрѣшенія большую часть кавалеріи на фуражировку, подъ командой полковника Тютчева. Этотъ, распустивъ въ безпорядкѣ фуражировъ по степи, не принялъ никакихъ предписываемыхъ въ такихъ случаяхъ, предосторожностей. Нагрянули татары и произошла кровавая катастрофа: 500 человѣкъ было убито, 600 взято въ плѣнъ, до 2,000 лошадей угнано, да не подоспѣй пѣхота, не спасся бы ни одинъ человѣкъ... Фельдмаршалъ Минихъ, крайне раздраженный этимъ происшествіемъ, не далъ пощады виновнымъ: Тютчевъ былъ разстрѣлянъ, Загряжскій, бригадиръ князь Кантакузинъ и нѣсколько офицеровъ разжалованы въ солдаты.

Это одинъ изъ многихъ примѣровъ, какъ опасно презрительно относиться къ непріятелю, кто бы онъ ни былъ, и какъ важно никогда, въ военное время, не забывать азбучныхъ правилъ полевой службы.

31-го іюля армія Ласси возвратилась къ Молочной; послѣ нѣкотораго отдыха, снявъ людей съ ретраншамента, пришли къ Бердѣ, откуда графъ Ласси отпустилъ генерала Левашева съ его восмью пѣхотными полками (персидскими, какъ ихъ называли) къ Азову, а съ остальными отправился въ Харьковъ.

Изъ различныхъ распоряженій предшествовавшихъ походу 1737 года обращаетъ на себя вниманіе одно: всѣмъ унтеръ-офицерамъ, вмѣсто эспантоновъ и аллебардъ, велѣно было дать ружья со штыками, а барабанщикамъ и флейщикамъ—пистолеты, чѣмъ въ каждой части увеличивалось на сотню число людей, могущихъ наносить непріятелю вредъ.

Наступилъ 1738 годъ и опять обѣимъ арміямъ приказано было выступать въ Крымъ.

Фельдмаршалъ Ласси собралъ войска съ зимнихъ квартиръ у Бахмута и выступилъ къ Волчьимъ водамъ, гдѣ 8-го мая присоединились къ нему полки Левашова изъ-подъ Азова.

Корпусъ раздѣлилъ онъ на двѣ дивизіи: первую генерала Левашова, вторую генералъ-лейтенанта де-Брилли, въ эту входили Кабардинскій полкъ, а также и Куринскій, такъ что ихъ можно считать уже около полутораста лѣтъ ближайшими сослуживцами *). Каждая дивизія должна была слѣдовать въ двухъ колоннахъ, имѣя впереди всѣ гренадерскія роты. Въ этомъ заключалась вся разница марша противъ предшествовавшихъ лѣтъ; все же прочее совершалось, словно по шаблону, тѣмъ же порядкомъ.

8-го іюля дошли до Молочной, гдѣ устроили редутъ и оставили всѣхъ больныхъ при маіорѣ Мусинѣ-Пушкинѣ. Отсюда двинулись къ Перекопу, назначенному на этотъ разъ цѣлью дѣйствій.

Ставъ въ виду Перекопа, у котораго былъ расположенъ тридцатитысячный корпусъ турецкихъ войскъ, графъ Ласси счелъ болѣе выгоднымъ зайти ему въ тылъ, и съ этою цѣлью рѣшилъ повторить уже разъ удавшуюся ему переправу чрезъ Гнилое море. По сдѣланной ротмистромъ Шабельскимъ рекогносцировкѣ, оказалось, что вслѣдствіе продолжительной засухи, переправу совершить легко. 26-го іюля перешли благополучно Сивашъ, прогнали стоявшихъ на другомъ берегу татаръ, а 27-го числа подошли къ Перекопу съ другой стороны. Это заставило турецкаго пашу съ корпусомъ немедленно отступить внутрь Крыма, предоставивъ коменданту Перекопа защищаться какъ знаетъ.

На требованіе сдать городъ, турецкій комендантъ отвѣчалъ съ вполнѣ похвальною гордостью, что его дѣло защищать крѣпости, а не сдавать ихъ. Послѣ такого воинственнаго отвѣта слѣдовало ожидать упорной обороны. Но у азіятцевъ между словомъ и дѣломъ всегда цѣлая пропасть. Такъ случилось и въ этотъ разъ: устроивъ батареи, Ласси открылъ сильный огонь по городу; на другой день, 28 числа, непріятельскія пушки были во многихъ мѣстахъ сбиты, а въ городѣ произошелъ пожаръ, и храбрый комендантъ прислалъ парламентера

---

*) Хотя впослѣдствіи имъ многіе годы пришлось провести совершенно въ разныхъ, далекихъ другъ отъ друга мѣстахъ.

для заключенія капитуляціи. Гарнизонъ, въ числѣ 2,400 человѣкъ, сдался военноплѣннымъ, взято 87 пушекъ, множество пороха, ядеръ и всякихъ запасовъ, освобождены 22 человѣка русскихъ плѣнныхъ. Наша же потеря ограничивалась пятью убитыми и 22 ранеными. Въ городъ были введены десять гренадерскихъ ротъ.

Окончивъ такъ удачно первую часть кампаніи, графъ Ласси выступилъ внутрь полуострова, съ цѣлью взять Кафу (Ѳеодосію). На второй день похода, 20,000 татаръ внезапно атаковали аріергардъ нашъ, состоявшій изъ украинскихъ казаковъ; не выдержавъ натиска, казаки побѣжали. На помощь имъ двинулся генералъ-маіоръ Шпигель съ драгунами и донскими казаками, но татары стремительно атаковали и ихъ. Произошла кровопролитная сѣча, стоившая намъ до 600 человѣкъ и самъ Шпигель былъ раненъ саблей въ лицо. Подоспѣвшая пѣхота заставила наконецъ татаръ отступить, съ потерей, по словамъ реляціи, до 2,000 человѣкъ.

Дальнѣйшее движеніе арміи представило неимовѣрныя трудности. Край былъ разоренъ, трава выжжена, колодцы завалены; къ тому же буря разметала нашу флотилію, слѣдовавшую къ берегамъ Крыма съ подкрѣпленіями и всякими припасами. По общему совѣщанію генералитета, рѣшено было отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія и возвратиться обратно.

Прибывъ въ Перекопъ, армія простояла здѣсь нѣсколько дней, разрушила всѣ укрѣпленія и въ концѣ августа, прежнимъ путемъ, двинулась въ Украйну на зимнія квартиры, куда и прибыла въ началѣ октября. Перекопъ три года сряду былъ занимаемъ съ боя, то Минихомъ, то Ласси, и всякій разъ, разоривъ укрѣпленія, его бросали, чтобы на слѣдующій годъ опять брать.

Зиму 1738—39 годовъ войска обѣихъ армій были постоянно тревожимы татарскими набѣгами на украинскія села, а весной опять направились въ Крымъ, совершенно также, какъ и въ предшествовавшія три года. Тѣ же медленныя, трудныя движенія, тѣ же недостатки, тотъ же унылый видъ разореннаго края. Въ этомъ году условія оказались даже еще хуже, чѣмъ въ предшествовавшіе. Уже у Молочныхъ Водъ Ласси

долженъ былъ остановить армію, за крайнимъ недостаткомъ корма и водопоя для скота. Бездѣйствіе производило уныніе на войска.

Чтобы хоть чѣмъ нибудь прервать это тягостное состояніе, фельдмаршалъ рѣшился сдѣлать на легкѣ движеніе впередъ. Взявъ всѣ гренадерскія роты, часть драгунъ и пѣхоты, да казаковъ, всего около 6,000 человѣкъ, онъ выступилъ къ Геническу, простоялъ тутъ нѣсколько дней, подошелъ къ Перекопу, на этотъ разъ уже не занятому турками и брошенному жителями. Видя кругомъ совершенное опустошеніе, не дозволявшее и помышлять о продолженіи марша внутрь страны, графъ Ласси возвратился къ Молочной, забралъ всѣ войска и ушелъ въ Украйну, не достигнувъ положительно ни малѣйшаго результата. А нужно замѣтить, что въ этомъ году турки уже видимо оказывали намъ весьма слабое сопротивленіе. Великій визирь не могъ собрать и 30,000 корпуса для отправленія въ Крымъ; жалованье войскамъ не платилось еще и въ предъидущемъ году, продовольствовали ихъ скудно, предоставляя питаться реквизиціями, солдаты разбѣгались сотнями, предаваясь мародерству.

Въ этомъ же 1739 году, фельдмаршалъ Минихъ двинулся на Днѣстръ, одержалъ блистательную побѣду надъ турками при Ставучанахъ, взялъ у нихъ сильную крѣпость Хотинъ, вступилъ въ Яссы, гдѣ Молдавія, въ лицѣ своихъ представителей, явилась къ нему, прося покровительства, и всѣми этими дѣлами, такъ сказать, скрасилъ предшествовавшіе походы въ Крымъ, которые хотя и покрыли вполнѣ заслуженною славой наши неутомимыя, стойкія войска, доказавшія свою доблесть при взятіи Азова, Очакова и при нѣсколькихъ встрѣчахъ съ непріятелемъ въ полѣ, но далеко не соотвѣтствовали достигнутыми результатами громаднымъ потерямъ и жертвамъ, потраченнымъ на эти четырехлѣтніе крымскіе походы.

Между тѣмъ, наши союзники австрійцы терпѣли отъ турокъ безпрестанныя пораженія... Нѣсколько разъ разбитые, они настойчиво требовали отъ насъ высылки имъ въ помощь 30,000 корпуса и обвиняли Миниха въ недостаточно-энерги-

ческихъ дѣйствіяхъ. Но когда имъ вспомогательнаго корпуса не послали, главнѣйше, впрочемъ, по нежеланію польскаго правительства пропустить его чрезъ свои земли, тогда австрійцы поспѣшили заключить съ Портой миръ, безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ правительствомъ. Причемъ, по обыкновенію, не обошлось безъ интригъ противъ насъ же.

Это обстоятельство, въ связи съ начавшимъ высказываться враждебнымъ настроеніемъ противъ насъ Швеціи, подстрекаемой Франціей, побудили и нашъ дворъ въ свою очередь согласиться на мирные переговоры, тѣмъ болѣе, что четырехлѣтнія кампаніи поглотили, какъ уже сказано, слишкомъ большія жертвы.

18-го сентября былъ заключенъ миръ; все завоеванное возвращалось туркамъ, которые уступали намъ лишъ отъ владѣній Крымскаго хана незначительную полосу степи къ югу отъ Украйны.

Странная судьба выпала нашей политикѣ въ царствованіе Анны Іоанновны: побѣдивъ непріятеля, завоевавъ у него съ великими пожертвованіями мѣстности—крайне важныя, заключатъ миръ, какъ бы послѣ страшнаго пораженія!... Такъ, отдали персіянамъ все взятое у нихъ Петромъ, да еще такъ отдали, что какъ будто шахъ оказывалъ намъ великую милость и мы нѣсколько лѣтъ смиренно выжидали его соизволенія. Такъ, возвратили туркамъ всѣ плоды четырехлѣтнихъ тяжкихъ жертвъ!...

Нужно было еще почти тридцать лѣтъ, чтобы дѣло наше съ царствомъ османовъ попало въ лучшія руки. Распоряженія и соображенія стали исходить отъ Екатерины II, исполнителями явились Румянцевы, Суворовы, Репнины, Потемкины, и результаты оказались совсѣмъ другіе.

V.

Война съ Швецiею 1740—41. — Расположенiе полка въ Петербургѣ и окрестностяхъ для карауловъ. — Выступленiе полка въ Ригу и пребыванiе въ Прибалтiйскомъ краѣ 13 лѣтъ. — Откомандированiе одной роты въ составъ новыхъ гренадерскихъ полковъ. — Выступленiе одного батальона въ Пруссiю. — Отправленiе другого батальона моремъ къ Кольбергу. — Распредѣленiе батальона по разнымъ полкамъ. — Неизвѣстность нахожденiя другого батальона. — Возвращенiе войскъ въ Россiю и назначенiе полку квартиръ въ Выборгѣ.

Еще не была вполнѣ окончена вышеописанная война съ Турцiей, еще не успѣли войска передохнуть отъ четырехлѣтнихъ тяжелыхъ компанiй, какъ боевая гроза уже стала приближаться съ противуположнаго полюса. Францiя, съ помощью денежныхъ субсидiй, располагала политикою Швецiи, въ которой боролись тогда двѣ сильныя партiи, Горна и Гилленборга. Первая, болѣе благомыслящая и солидная, заботилась о внутреннемъ благосостоянiи своей страны и внѣшнемъ спокойствiи, считая необходимымъ жить въ согласiи съ Россiею, предвидя въ случаѣ войны съ нею только новыя потери. Гилленборгъ же былъ вождемъ всѣхъ безпокойныхъ людей, требовавшихъ войны, въ надеждѣ возвратить себѣ все, потерянное по Ништатскому миру. Подстрекаемые Францiею, старавшеюся отвлечь насъ отъ союза съ Австрiею противъ Пруссiи, приверженцы Гилленборга одержали верхъ и убѣдивъ своего короля въ совершенномъ безсилiи Россiи, на престолѣ коей былъ тогда младенецъ Iоаннъ III, а дѣлами заправляла неопытная, слабая Анна Леопольдовна, — вынудили его объявить намъ войну подъ разными ничтожными предлогами, между прочимъ, какъ сказано было въ шведскомъ манифестѣ, съ цѣлью освободить Россiю отъ господства иноземцевъ и возвести на престолъ Елисавету Петровну.

Шведскій манифестъ надѣлалъ въ Петербургѣ большой тревоги. Флотъ нашъ, благодаря бироновскому режиму, былъ въ самомъ жалкомъ состояніи и адмиралтейство затруднялось вывести въ море хоть одинъ годный корабль. Къ счастью, шведы не воспользовались своимъ преимуществомъ въ этомъ отношеніи и, вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій съ моря, обратили свои главныя усилія на сухопутную войну въ Финляндіи, но здѣсь они встрѣтили насъ болѣе готовыми.

Еще въ 1740 году, въ предвидѣніи враждебныхъ дѣйствій со стороны Швеціи, большая часть войскъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму противу турокъ, была двинута на Сѣверъ. Генералъ Левашевъ съ его *персидскими* полками прибылъ въ Петербургъ. Фельдмаршалъ Ласси получилъ командованіе надъ всею арміею, готовившеюся вступить въ борьбу съ шведами.

Лѣтомъ 1741 г. начались военныя дѣйствія. Главныя наши силы сосредоточились у Выборга, а часть войскъ, съ генераломъ Левашевымъ, была посажена на галерный флотъ, направленный къ Аландскимъ островамъ. Въ числѣ этого дессанта были нѣсколько полковъ Низоваго корпуса и гренадерскія роты отъ прочихъ полковъ, въ томъ числѣ и Кабардинскаго, оставленнаго въ Петербургѣ, въ составѣ дивизіи генералъ-лейтенанта Хрущева, бригады генералъ-маіора Ѳедора Головина. Послѣ полкъ былъ выведенъ къ Фридрихсгаму и употребленъ на фортификаціонныя работы, «безъ отягощенія и съ платою зарабочихъ денегъ». Въ полку показано на лицо: мушкетеръ и рейтаръ 924, прочихъ чиновъ 95. (За исключеніемъ гренадеръ ушедшихъ въ Дерптъ).

Такимъ образомъ нашему полку не пришлось принять дѣятельнаго участія въ достопамятныхъ побѣдахъ графа Ласси надъ шведами, даже гренадерскимъ ротамъ, бывшимъ въ дессантѣ, не выпало на долю никакого серьезнаго дѣла. Вся кампанія 1741—1742 годовъ совершилась на землѣ финляндской, при незначительномъ содѣйствіи дессантныхъ войскъ, оказавшихся, впрочемъ, весьма полезными, особенно подъ Гельсингфорсомъ, гдѣ своею высадкою окончательно вынудили шведскую армію положить оружіе.

Придерживаясь преимущественно своей спеціальной цѣли,

т. е. всего касающагося Кабардинскаго полка, я не считаю нужнымъ подробно расказывать объ этой шведской войнѣ, покрывшей славой наши войска. Недавніе учители Петра и его молодой арміи, по какимъ то необъяснимымъ причинамъ, все это время выказывали неспособность, малодушіе, просто паническую трусость—поразительныя! Потерпѣвъ при первой встрѣчѣ съ нашими войсками подъ Вильманстрандомъ сильное пораженіе, они затѣмъ все только отступали, бросали самыя крѣпчайшія свои позиціи, бѣжали при первомъ появленіи нашего авангарда, наконецъ, припертые у Гельсингфорса къ морю, сдались въ плѣнъ!.. Съ нашей стороны небыло ни превосходства силъ, ни превосходства вооруженія; напротивъ, оно было на сторонѣ непріятеля, обладавшаго къ тому же болѣе интеллигентнымъ составомъ офицеровъ; кромѣ того онъ занималъ страну съ гористо-лѣсистою, пересѣченною мѣстностью, чрезвычайно удобною для обороны и крайне трудною для наступающаго, которому на каждомъ шагу скалы, глубокіе овраги и быстрыя рѣки ставили неодолимыя преграды. Шведы были у себя, имѣя на своей сторонѣ сочувствіе и содѣйствіе всего мѣстнаго населенія,—при всемъ томъ терпѣли пораженія, такія, что читая тогдашнія донесенія, просто глазомъ своимъ не вѣришъ...

Вся Финляндія намъ покорилась, вся шведская артиллерія, всѣ обозы и припасы остались въ нашихъ рукахъ. Вмѣсто горделивыхъ притязаній отнять у насъ Выборгъ, Карелію, Ингерманландію и даже Петербургъ, шведы должны были просить мира, уступивъ намъ Финляндію до р. Кимени, съ Вильманстрандомъ, Фридрихсгамомъ и остальную часть Кареліи съ крѣпостью Нейшлотомъ. Главнокомандующіе ихъ были преданы суду и сложили головы на плахѣ... По истинѣ, рѣдко когда можно было такъ кстати привести древнюю поговорку: «если Богъ хочетъ кого наказать, то прежде отниметъ разумъ»... *).

*) Во время этой войны, по предложенію принца Антона Ульриха, русскимъ войскамъ были отпущены полушубки. Привожу это свѣдѣніе именно потому, что вопросъ о полушубкахъ для войскъ до сихъ поръ остается у насъ вопросомъ открытымъ. 140 лѣтъ онъ, значитъ, тянется и никакъ не можетъ получить окончательнаго разрѣшенія!

Между тѣмъ изъ Выборга полкъ нашъ перевезли въ Кронштадтъ, а послѣ въ Царское Село, въ составъ 1-й дивизіи графа Румянцева, а въ 1744 году, по росписанію, полку назначены квартиры въ г. Олонцѣ, въ командѣ графа Ушакова; въ 1745 опять въ Петербургѣ и Царскомъ Селѣ.

По окончаніи шведской войны наступилъ довольно продолжительный промежутокъ мирнаго времени. По Высочайше утвержденному росписанію всѣхъ войскъ на винтеръ и *вѣчныя* квартиры, Кабардинскій полкъ назначенъ въ Петербургъ. Тогда-же военною коллегіею были изданы штаты для полковъ и въ пѣхотныхъ положено имѣть по 1661 человѣку, за исключеніемъ полковъ вышедшихъ изъ Персіи, въ которыхъ положено только по 1565 чел. Между прочимъ утверждены были формы смотровыхъ вѣдомостей, въ которыхъ была графа— противу штабъ и оберъ-офицеровъ—съ слѣдующимъ не безъ интереснымъ вопросомъ въ заголовкѣ! «которые грамотѣ и писать умѣютъ, или не умѣютъ»...

Войска расположенныя въ Петербургѣ подчинялись генералу графу Ушакову, а генералъ-аншефъ Левашевъ назначенъ командующимъ въ Москву. Кабардинскій полкъ разстался съ своимъ начальникомъ, подъ командою коего пробылъ безсмѣнно пятнадцать лѣтъ.

Три года оставался полкъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ на гарнизонной службѣ и, безъ сомнѣнія, въ усиленныхъ фронтовыхъ занятіяхъ.

Интересны между прочимъ цыфры расхода людей въ городѣ. Кромѣ разныхъ служебныхъ командировокъ, у разныхъ генераловъ, камергеровъ, гофмейстеровъ, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и даже у иностранныхъ пословъ находилось 449 человѣкъ,—у нѣкоторыхъ лицъ по 10—15!... При кабинетѣ Ея Величества» для нѣкоторыхъ дѣлъ и посылокъ» состояли Кабардинскаго полка: полковникъ Иванъ Вульфъ, капитанъ Ѳедоръ Калачевъ, поручикъ фонъ-Шмиденъ и прапорщикъ Тимофей Малѣевъ. По случаю предстоявшаго полку похода, военная коллегія писала въ кабинетъ и просила отослать этихъ офицеровъ; но что послѣдовало дальше свѣдѣній нѣтъ.

Наконецъ въ 1746 году для усиленія корпуса графа Ласси, расположеннаго въ Прибалтійскомъ краѣ, приказано было двинуть изъ Петербурга въ числѣ другихъ и Кабардинскій полкъ въ Ригу, въ команду генерала Кейта. Графъ Ушаковъ, донося о выступленіи полка 12 февраля, съ каковаго времени онъ уже долженъ считаться въ вѣдѣніи главнокомандующаго графа Ласси, присовокуплялъ, что: 1) въ полку на лицо штабъ-офицеръ 1, разныхъ нестроевыхъ 18, оберъ-офицеровъ 12, и нижнихъ чиновъ 1142; 3) что до выступленія полкъ разнымъ экзерциціямъ и стрѣльбѣ плутонгами *дѣланію изъ 4-хъ въ 3-е шереногъ* (?) обучался; въ 3) что г.г. *штабъ и оберъ-офицеры*, вмѣсто эспантоновъ, *фузеями съ штыками* исправляются. Изъ постановленія же военной коллегіи въ маѣ 1746 г. видно, что въ Кабардинскомъ полку недоставало въ комплектѣ 102 человѣка, не имѣлось оберъ-офицерскихъ гренадерскихъ шапокъ съ золотымъ галуномъ и не состояло до тѣхъ поръ положенныхъ при каждомъ полку 12-ти артиллерійскихъ служителей, 12 артиллерійскихъ и 58-мь подъемныхъ лошадей,» вслѣдствіе чего отъ артиллерійской конторы Кабардинскому полку, у коего артиллеріи вовсе не было, нынѣ таковая съ людьми и лошадьми, противу прочихъ полковъ, опредѣлено отпустить въ Петербургѣ.»

Полку однако вмѣсто Риги назначено было слѣдовать въ Ревель; но 13-го іюня фельдмаршалъ Ласси доносилъ, что полкъ въ числѣ другихъ прибылъ изъ Эстляндіи къ Пернову, расположенъ въ лагерѣ, занимаясь экзерциціями и производится пальба въ учрежденныхъ 4, 6 и 8-й плутонгахъ. Вообще тогда строго подтверждалось объ упражненіи войскъ въ стрѣльбѣ и велѣно было отпустить всѣмъ пороху. — 23 іюня полкъ былъ передвинутъ къ устью рѣки Салы, въ 104 верстахъ отъ Риги. Интересно, что въ 1745 — 46 годахъ военная коллегія разовъ десять подтверждала, чтобы всѣ находящіеся въ разныхъ командировкахъ *по ревизіи, сбору податей* и проч. генералы, штабъ и оберъ-офицеры немедленно явились къ своимъ полкамъ, въ противномъ случаѣ будутъ безъ суда разжалованы въ солдаты.

По Высочайше утвержденному 8-го сентября 1764 года

журналу военной коллегіи, полкъ въ числѣ другихъ назначенъ на зимнія квартиры въ венденскій и перновскій уѣзды Лифляндіи. (Въ это время Куринскій полкъ стоялъ въ Кизлярѣ, а Ширванскій—въ Сибири! Вотъ какъ разсѣяли персидско-крымскихъ сослуживцевъ!

Въ 1747 году 18 декабря графъ Румянцевъ доносилъ, что въ Кабардинскомъ полку состояло штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 19, унтеръ-офицеровъ, бомбардировъ и капраловъ 32, гренадеръ 93, мушкетеровъ и рейтаровъ 764, нестроевыхъ 25.

Затѣмъ въ январѣ 1748 года рѣшено было отправить корпусъ на помощь Англіи и Голландіи, поражаемыхъ Франціею; но нашему полку не суждено было принять участія и въ этомъ блестящемъ походѣ князя Репнина, когда быстрымъ появленіемъ своимъ на берегахъ Рейна онъ заставилъ противниковъ приступить къ мирнымъ переговорамъ. Кабардинскому полку велѣно было расположиться въ Курляндіи, а затѣмъ онъ попалъ опять на старыя квартиры въ Ревель и Рогервикъ подъ команду генерала де-Брилли По росписаніямъ, учиненнымъ въ сентябрѣ 1751 года, полкъ показанъ въ корпусѣ генерала Фермора при Фридрихсгамѣ, а 7 го мая и 20 сентября 1758 г. Кабардинскій полкъ по прежнему показанъ расположеннымъ въ Ревелѣ и Рогервикѣ, въ полной готовности выступить по первому приказанію.

Съ тѣхъ поръ, перечитавъ со всевозможнымъ вниманіемъ имѣющіяся въ военно-ученомъ архивѣ и московскомъ отдѣленіи дѣла тѣхъ временъ, я не нашелъ никакихъ указаній, по коимъ можно было бы предположить передвиженіе полка куда либо до конца ноября 1759 года, когда одинъ баталіонъ изъ Розервика уже былъ направленъ въ Пруссію; это приводитъ меня къ полному убѣжденію, что полкъ почти 13 лѣтъ провелъ все въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ. Сказать что нибудь о жизни полка за эти 13 лѣтъ, мирно проведенныхъ въ Рогервикѣ, я, само собою, не могу: никакихъ свѣдѣній въ дѣлахъ объ этомъ нѣтъ, полковаго архива не существуетъ, записокъ ничьихъ нѣтъ, да и едва ли въ тѣ времена кто нибудь занимался такимъ дѣломъ. Должно думать что полкъ зимою

бездѣйствовалъ, неся гарнизонную службу, а лѣтомъ выходилъ въ кампаменты, обучаясь муштрованію, стрѣльбѣ плутонгами и проч.

Въ 1756 году во вновь формирующійся корпусъ въ гренадерскіе полки взята была изъ Кабардинскаго полка рота, прибывшая въ Петербургъ, въ вѣдѣніи капитана Захарія Шестакова, изъ 5 унтеръ-офицеровъ и 99 гренадеръ, при поручикѣ Сушковѣ и подпоручикѣ Кроминѣ, сданныхъ въ Новгородѣ капитану фонъ-Рару. Но при этомъ имѣется еще рапортъ Шестакова, отъ 16-го декабря 1756 года изъ деревни Спасская Полѣсья, что въ его командѣ были еще капитанъ Барыковъ и подпоручикъ Палицынъ, которыхъ онъ по приказанію подполковника Невѣдомскаго отправилъ къ нему, а на случай они къ командѣ уже болѣе не возвратятся, то представляетъ свѣдѣніе о состоящихъ на сихъ офицерахъ долгахъ, для распоряженія о взысканіи таковыхъ; а равно приложены и формулярные ихъ списки. Эти приложенія не лишены своего рода интереса. Оба офицера должны были подпоручику Зимнинскому, поручику Самсонову и прапорщику Горюшину, да разнымъ гренадерамъ, фурьерамъ и солдатамъ, также въ ротныя суммы — первый 75 руб. 14 к., — второй 65 руб. Барыковъ изъ дворянъ, за нимъ 84 души крестьянъ, въ службѣ съ 1729 г., въ походахъ не бывалъ, но во время турецкой войны состоялъ кабинетнымъ курьеромъ и былъ въ разныхъ трудныхъ посылкахъ къ арміи и въ Константинополь; въ 1750 году былъ подъ судомъ за поколоченіе ямщика и разжалованъ въ рядовые, и «учинено въ три воскресные дня публичное церковное покаяніе». (Должно думать что *поколоченіе* ямщика кончилось смертью). Въ 1755 году, по приказу отъ полка, за сильное пьянство и за неподлежащій крикъ штрафованъ не въ очередь въ караулъ на недѣлю и въ работу на недѣлю же (въ это время онъ былъ однако уже подпоручикомъ), а Палицынъ за играніе въ карты былъ назначенъ въ городовой караулъ на недѣлю. Но съ тѣхъ поръ оба уже вели себя порядочно и аттестованы къ повышенію чинами достойными.

Я съ подробнѣйшею точностью провѣрилъ всѣ старинныя,

полуславянскими каракулями (для насъ почти іероглифами) писанныя бумаги, чтобы не пропустить въ лѣтописи полка участія его въ тѣхъ достопамятнославныхъ побѣдахъ нашихъ войскъ надъ величайшимъ полководцемъ своего времени, Фридрихомъ Великимъ. Но всѣ мои труды оказались напрасными. Какъ сказано, полкъ не трогался изъ своихъ долголѣтнихъ квартиръ, всѣ движенія ограничивались все тѣмъ же сѣверозападнымъ финляндско-нѣмецкимъ раіономъ, и онъ долженъ былъ просто онѣмечиться, оставаясь столько лѣтъ среди мирныхъ бюргеровъ, тѣмъ болѣе, что изъ пяти штабъ-офицеровъ, только одинъ сверхкомплектный секундъ-маіоръ Мальцовъ былъ русскій, а остальные четверо все нѣмцы: Кличка Австріецъ, Майновъ, фонъ-Штрандманъ и фонъ-Гартогъ — остзейцы. Впрочемъ, нужно отдать имъ справедливость, не взирая на свое не русское происхожденіе, водили они полкъ въ дѣло молодецки, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Въ 1759 году дѣла въ Пруссіи принимали такой оборотъ, что потребовалось рѣшительное усиленіе бывшей тамъ арміи нашей, занимавшей всю восточную Пруссію, но не могшей въ союзѣ съ Австріей сломить геніальнаго противника. Изъ произведеннаго въ томъ году рекрутскаго набора, въ распоряженіе начальника дивизіи (въ составъ коей входилъ Кабардинскій полкъ) графа Александра Ивановича Шувалова было назначено 20,499 рекрутъ, изъ коихъ 7,500 онъ долженъ былъ передать въ Ригу, для слѣдованія въ Пруссію на укомплектованіе сформированныхъ третьихъ баталіоновъ нѣкоторыхъ полковъ.

Чтобы судить объ условіяхъ отбыванія въ тѣ времена воинской повинности, при ужасномъ состояніи путей сообщенія, громадныхъ пространствахъ, почти отсутствіи медицинской части и проч., не безъинтересно привести донесеніе графа Шувалова, отъ 24-го мая 1759., изъ коего видно, что изъ двадцати тысячъ рекрутъ бѣжало 849, по дорогѣ за болѣзнію оставлено 844, въ петербургскій госпиталь поступило 1,566 и умерло 3,129!! Изъ отправленныхъ же въ Ригу 6,658 рекрутъ бѣжало 21, больныхъ по дорогѣ оставлено 596, умерло 640, почти 10% всего числа! «Какъ посравнить вѣкъ нынѣшній

и вѣкъ минувшій?»... Впрочемъ, нужно сказать, что и въ прусской арміи, не взирая на болѣе выгодныя мѣстныя и климатическія условія, едва ли многимъ лучше было, судя по огромному числу дезертировъ, являвшихся въ наши отряды ежедневно.

2-го октября того же года графъ Шуваловъ доносилъ, что расположенная въ Рогервикѣ команда Кабардинскаго полка *обстоитъ* въ полной готовности къ выступленію сухимъ путемъ; а 20 декабря наконецъ донесъ, что начиная съ 27 ноября по 20 декабря команды отъ полковъ его дивизіи выступили въ походъ въ Пруссію, въ томъ числѣ отъ Кабардинскаго полка: 1 секундъ-маіоръ, 1 подлекарь, 2 капитана, 2 поручика, 2 подпоручика, сержантовъ 8, каптенармусовъ 4, фурьеровъ 16, ротныхъ писарей и цирюльниковъ по 4, барабанщиковъ 8, рядовыхъ 600, кузнецовъ, плотниковъ, извощиковъ и деньщиковъ 42 (слѣдовательно баталіонъ?) и подъемныхъ лошадей 80, фуръ 4, палубъ 4, патронныхъ ящиковъ 4, лазаретныхъ линеекъ 4, и дровней 54.

По прибытіи этихъ баталіоновъ въ теченіи декабря къ Вислѣ, они были расположены на зимнія квартиры отъ Кульма чрезъ Грауденцъ до Прусской границы.

Такъ какъ я вообще обращаю главнѣйшее вниманіе на относящееся непосредственно къ полку, то по этому читатель не долженъ сѣтовать на меня, что я не разсказываю о ходѣ военныхъ дѣйствій, о достопамятныхъ сраженіяхъ и подвигахъ въ семилѣтнюю войну; я самъ крайне жалѣю, что лишаюсь такого обильнаго, благодарнаго матеріала для краснорѣчивыхъ, увлекающихъ военнаго читателя страницъ; но что же дѣлать? я долженъ держаться своей тѣсной рамки полковой, а не общевоенной исторіи. За то впослѣдствіи, когда театръ войны былъ перенесенъ на Востокъ, когда мы послѣ тридцати-лѣтняго промежутка опять встрѣтились съ старыми знакомцами—турками, татарами и вообще съ Азіей, однимъ словомъ попали въ стихію, для которой полкъ какъ будто былъ созданъ, представится полная возможность пользоваться богатымъ матеріаломъ и воспроизводить картины битвъ, связан-

ныхъ съ именами Великой Екатерины и ея орловъ—Репнина, Суворова, Румянцева и другихъ.

Весь 1760 годъ прошелъ безъ особенно замѣчательныхъ дѣйствій, а Кабардинскій баталіонъ, пришедшій, какъ мы видѣли на Вислу—такъ сказать изчезъ куда-то, и всѣ мои попытки открыть его слѣдъ остались тщетными; ни въ одно росписаніе онъ не попалъ, хотя изъ дѣлъ видно, что всѣ баталіоны, расположенные по рѣкѣ для прикрытія вагенбурговъ и магазиновъ, состояли подъ командою генер.-маіора Трейдена и нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось отражать нападенія летучихъ отрядовъ прусскихъ,—о чемъ доносилось подробно. Я рѣшительно не могу себѣ объяснить какъ могло случиться, что баталіонъ пропущенъ въ нѣсколькихъ росписаніяхъ и дизлокаціяхъ того времени, весьма аккуратно составлявшихся въ штабѣ фельдмаршала графа Бутурлина.

Насталъ 1761 годъ, императрица Елисавета Петровна рѣшилась съ настойчивостью продолжать войну съ прусскимъ королемъ. Успѣхи предшествовавшихъ дѣйствій, вслѣдствіе коихъ мы владѣли фактически значительною частью восточной Пруссіи, (въ Кенигсбергѣ пребывалъ нашъ губернаторъ — генералъ-поручикъ Суворовъ, отецъ впослѣдствіи знаменитаго генералиссимуса), не могли однако сломить упорно защищавшагося Фридриха Великаго. Силезія все еще не была возвращена Австріи.

Зиму войска провели на кантониръ-квартирахъ. Весною должны были начаться усиленныя наступательныя дѣйствія и особый корпусъ подъ начальствомъ гр. Румянцева имѣлъ назначеніе вступить въ Померанію и взять приморскую крѣпость Кольбергъ. Для усиленія этого корпуса, были отправлены съ эскадрою вице-адмирала Полянскаго баталіоны, находившіеся въ Прибалтійскомъ краѣ, въ томъ числѣ изъ Ревеля 13 іюля Кабардинскій, въ составѣ 1 премьеръ-маіора, 1 адъютанта, 3 капитановъ, 3 поручиковъ, 7 подпоручиковъ, 2 прапорщиковъ, 6 сержантовъ, 3 каптенармусовъ, 2 писарей, 3 цирюльниковъ, 8 барабанщиковъ, 1 флейщикъ, 67 гренадеръ, 367 мушкетеровъ, 1 слесаря, 2 плотниковъ, 16 извощиковъ и 22 деньщиковъ; при нихъ знамена съ *дротики* и *подтоки*, артилле-

рія, обозъ, вся сбруя, только безъ лошадей. Всѣ эти сухопутныя войска находились подъ начальствомъ бригадира Дурново.

Плаваніе эскадры было самое плачевное. Съ 16 іюня по 19 іюля Полянскій на кораблѣ «Св. Климентъ Папа-Римскій» за противными вѣтрами и штормами въ теченіи 20 дней никакъ не могъ добраться отъ Данцига до Ругенвальдской бухты; то суда повредились, то ихъ уносило вѣтромъ въ разныя стороны и они опять появлялись въ Данцигѣ. Онъ просилъ не винить его, ибо все произошло «отъ сердитаго элемента». Очевидно ссылки на погоду дѣлались только въ свое оправданіе, а вѣрнѣе—состояніе флота было жалкое. Воображаю, что пришлось перенести несчастнымъ, непривычнымъ къ морю солдатамъ, набитымъ въ корабельные трюмы, какъ сельди.

Наконецъ, къ 20 іюля большая часть судовъ подошла къ Ругенвальду, но тутъ начались новыя бѣдствія при высадкѣ. Лодки разбивались, прибой былъ очень силенъ и выгрузка тяжелой осадной артиллеріи причиняла чрезвычайныя затрудненія. Нетерпѣніе гр. Румянцева, которому давно уже слѣдовало выступить, истощилось; онъ посылалъ приказанія за приказаніями о скорѣйшей высадкѣ и выгрузкѣ, и вынужденъ былъ 31 іюля послать генералъ-маіора князя Долгорукова принять мѣры къ немедленному движенію прибывшихъ на судахъ баталіоновъ въ его лагерь, расположенный въ 20-ти верстахъ отъ Ругенвальда. Бригадиръ Дурново, высадившійся еще 21 іюля съ частью баталіоновъ, тронулся къ корпусу, перешедшему между тѣмъ въ Кесменъ, съ 4-мя баталіонами, оставивъ прочіе, въ томъ числѣ и Кабардинскій, подъ командою полковника Кашкина для выгрузки орудій. Какъ Дурново совершилъ свое движеніе,—видно изъ того, что первый переходъ въ 7 верстъ онъ сдѣлалъ въ 35 часовъ! Графъ Румянцевъ потерялъ всякое терпѣніе и опять послалъ князя Долгорукова принять строжайшія мѣры къ устраненію этой непонятной медленности. Отъ всѣхъ полковъ велѣно было собрать и послать къ прибывшимъ баталіонамъ обозъ; для Кабардинскаго было назначено 17 повозокъ и 61 лошадь; для офицеровъ же разрѣшено вытребовать подводы отъ жителей. Долгоруковъ, ускоривъ движеніе Дурново, приказалъ оставить у Ругенвальда сборную команду въ 500 человѣкъ, а

самому идти немедленно къ корпусу, бросивъ всѣ излишнія тяжести и вещи на произволъ судьбы, если маркитанты не захотятъ взять ихъ за какую нибудь цѣну. Прибывшія-же съ баталіонами *рогатки,* (?!) какъ совершенно не нужныя, сдать обратно на корабли для доставленія въ Россію.

И такъ Кабардинскій баталіонъ только 2-го августа прибылъ окончательно къ корпусу гр. Румянцева при сел. Альтенъ, оставивъ болѣе ста человѣкъ въ сборной командѣ при выгрузкѣ артиллеріи. Полтора мѣсяца было употреблено на перевозку десанта изъ Ревеля къ Кольбергу.

Предъ выступленіемъ корпуса, графъ Румянцевъ составилъ всѣмъ своимъ войскамъ подробное росписаніе, сдѣлавъ предварительно слѣдующее распоряженіе: «въ разсужденіи, что въ прибывшихъ баталіонахъ люди къ воинскимъ дѣйствіямъ не съубыкновенны (sic) и противу непріятеля никогда не бывали, коихъ нынѣ однихъ противу того употребить не безопасно, а когда ихъ съ старыми помѣшать, гораздо надежнѣе быть можетъ, для того: раздѣлить людей прибывшихъ баталіоновъ по полкамъ,—240 человѣкъ Кабардинскаго съ знаменами къ Воронежскому полку; одну роту съ знаменемъ же къ Вятскому полку; часть людей въ помощь осадной артиллеріи, у коей фурлейтовъ нѣтъ; гренадеръ же свести съ гренадерами Тобольскаго и Московскаго полковъ, составя двѣ комплектныя роты; пушки забрать и передать въ сводные гренадерскіе полки; штабъ-офицеровъ отъ прибывшихъ баталіоновъ опредѣлить въ разные полки».

Затѣмъ 5 августа прибылъ къ отряду остававшійся въ Ругенвальдѣ секундъ-маіоръ Петровскій съ сборною командою въ 545 человѣкъ, люди были раскассированы по назначеннымъ частямъ и графъ Румянцевъ двинулся 9-го августа къ Кальбергу.

Послѣ такой незавидной роли, выпавшей нашему баталіону, я счелъ совершенно излишнимъ описывать дѣйствія корпуса гр. Румянцева. Во всѣхъ назначеніяхъ, командировкахъ, реляціяхъ имени Кабардинцевъ уже не встрѣчалось, говорилось о Воронежскомъ, Вятскомъ полкахъ, или сводныхъ гренадерскихъ баталіонахъ, носившихъ №№ по порядку; баталіонъ,

расплывшійся въ этихъ частяхъ, пересталъ существовать какъ самостоятельная военная часть, и дальнѣйшая судьба единичныхъ людей баталіона ничего общаго съ исторіею Кабардинскаго полка не имѣетъ.

Между тѣмъ, графъ Бутурлинъ, предъ отдѣленіемъ отъ арміи корпуса Румянцева, еще разъ 19 мая 1761 года составилъ общее росписаніе всей своей арміи, дѣйствовавшей въ Пруссіи, въ томъ числѣ и 11 баталіоновъ на Вислѣ въ вѣдѣніи генералъ-маіора Трейдена состоявшимъ; но и въ этотъ разъ Кабардинскій баталіонъ тамъ не обозначенъ. Допустить такую грубую ошибку въ дежурствѣ арміи, т. е. пропускъ цѣлаго баталіона, и не разъ, а три раза въ послѣдовательныхъ росписаніяхъ, невозможно. Остается предположить, что вскорѣ по прибытіи на Вислу нашъ баталіонъ могъ быть опять вытребованъ назадъ въ Россію, и хотя никакихъ письменныхъ свѣдѣній объ этомъ я не нашелъ, но нахожу моей догадкѣ подтвержденіе въ росписаніи, сдѣланномъ военною коллегіею 30 августа 1761 г. всѣмъ полкамъ, расположеннымъ внутри Россіи на будущую зиму, въ коемъ Кабардинскому назначается опять Рогервикъ. Вообще за эти годы 1760—62 выходитъ какая-то неясность на счетъ мѣстъ нахожденія нераскассированнаго баталіона и быть можетъ сформированія другаго, вмѣсто распредѣленнаго по полкамъ корпуса графа Румянцева.

Затѣмъ, въ январѣ, 1762 года, генералъ-маіору Яковлеву было предписано всѣ полки корпуса графа Румянцева укомплектовать по штату 2 баталіоновъ и 2-хъ гренадерскихъ ротъ каждый, употребивъ для того прибывшіе на судахъ баталіоны. Такимъ образомъ нашъ одинъ баталіонъ окончательно упразднился, а другой какъ бы исчезъ *).

Посмотримъ какими путями возродился опять къ жизни Кабардинскій полкъ, чтобы дальнѣйшимъ своимъ существованіемъ

*) Въ числѣ тогдашнихъ распоряженій интересно изданное графомъ Бутурлинымъ распредѣленіе, въ видѣ сокращенія обозовъ, по коему генералу-аншефу имѣть 50, генералъ-поручику 30, генералъ-маіору 20, штабъ-офицерамъ по 10 и оберъ-офицерамъ по 7 лошадей!! Но такъ какъ и затѣмъ многіе держали лишнихъ лошадей, то Румянцевъ въ своей дивизіи отобралъ у генераловъ и офицеровъ 65 лошадей и роздалъ ихъ въ артиллерію и въ обозъ.

доказать «съубыкновенность къ воинскимъ дѣйствіямъ» не хуже тѣхъ старыхъ Воронежскихъ и Вятскихъ, съ которыми считали нужнымъ его «помѣшать», дабы «гораздо безопаснѣе было»...

Со смертью Елисаветы Петровны и вступленіемъ на престолъ Петра III, извѣстнаго поклонника и почитателя Фридриха Великаго, война тотчасъ прекратилась. Всѣ завоеванія были возвращены Пруссіи и армія наша уже стала готовиться къ совершенно неожиданному движенію въ Данію, чтобы воевать съ нею за дорогіе новому императору голштинскіе интересы... Но внезапная кончина его и воцареніе Екатерины II остановили движеніе арміи къ Гамбургу; ей приказано было возвратиться въ отечество, послѣ осьмилѣтняго отсутствія.

Послѣдовавшія затѣмъ шесть лѣтъ были преимущественно посвящены польскимъ дѣламъ, ходъ коихъ по стеченію различныхъ обстоятельствъ, привелъ къ столкновенію съ Турціей... Кабардинскій полкъ, зачисленный въ финляндскую дивизію, былъ назначенъ къ постоянному расположенію въ Выборгѣ. Интересно мнѣніе высказанное военною коллегіей при учиненіи въ 1763 г. 19 февраля общей дизлокаціи всей арміи, на счетъ того, что полки слѣдуетъ располагать въ городахъ. Съ одной стороны, говоритъ коллегія, они послужатъ къ умноженію жителей въ городахъ, ихъ благоустройству, развитію торговой и промышленной дѣятельности, съ другой — дадутъ войскамъ возможность находиться подъ постояннымъ надзоромъ своихъ командировъ, удалятъ солдатъ отъ общенія съ крестьянами; офицеры же будутъ находиться въ обществѣ.

VI.

Обстоятельства приведшія Россію къ войнѣ съ Турціею въ 1769 году.

Переходя теперь къ разсказу о войнѣ 1769—74 годовъ, войнѣ, покрывшей славой наши войска, нанесшей османскому царству первый сильный ударъ, я считаю умѣстнымъ привести здѣсь подлинныя слова рескрипта, даннаго императрицей Екатериной генералъ-аншефу князю Александру Михайловичу Голицыну, при назначеніи его главнокомандующимъ первою арміей.

«Когда по избраніи нынѣ владѣющаго польскаго короля, мы положили древнія имперіи нашей обязательства съ республикою привести въ дѣйство и возстановить похищенныя насильствомъ отъ усилившихся католиковъ права гражданскаго равенства нашихъ единовѣрныхъ и другихъ христіанскихъ исповѣдниковъ, находящихся въ подданствѣ короны польской, и мы за сіе дѣло прямымъ уже образомъ принялись, тогда настали въ Польшѣ двѣ разныя партіи, одна намъ доброжелательная, а другая ей противная, которая себя употребляла по временамъ и обстоятельствамъ орудіемъ завистниковъ и недоброжелателей нашей собственной славы и пользы нашей имперіи. Мы, испытавъ самыми дѣяніями, что по существительному католицкаго закона зараженію противу всѣхъ христіанъ разныхъ съ нимъ исповѣданій, не возможно было никакою негоціяціею достигнуть намъ своего намѣренія, но паче всякое заступленіе подвергало нашихъ единовѣрныхъ и другихъ дисидентовъ новому и большему отъ католиковъ притѣсненію, а покамѣсть мы такимъ образомъ односторонне посредствомъ намъ тогда доброжелательной партіи дѣйствовали, противная ей сторона оказывала свои неспокойства, чтобъ тѣмъ черезъ

наше покровительство и подъ видомъ нашихъ дѣлъ не опровергали въ свою пользу фундаментальную издревле конституцію ихъ вольнаго правленія, разсудили мы симъ положеніемъ духовъ (то есть настроеніемъ?) сугубо воспользоваться и къ споспѣшествованію диссидентскаго дѣла, и къ обезпеченію на будущія времена непоколебимаго имперіи нашей интереса, въ сохраненіи навсегда настоящаго республиканскаго образа правленія въ Польшѣ, съ ея вольнымъ избраніемъ королей своихъ, а соединя оба предмета и привлекши тѣмъ къ себѣ нѣкоторую знатную часть противной партіи, узаконили подъ нашимъ ручательствомъ и возстановленіе въ равенство всѣхъ диссидентовъ и непремѣнныя положенія форму польскаго правленія. Тѣмъ противные партизаны, кои всегда дѣйствовали по наущенію ненавистниковъ успѣхамъ дѣлъ нашихъ, не поддаваясь къ нашимъ видамъ, намѣрились тѣмъ самымъ завести насъ въ доскональное разрушеніе всего нами дѣланнаго, и озлобясь за свою въ томъ ошибку, а съ другой стороны изыскавъ себѣ наивящее подкрѣпленіе отъ посторонних ихъ единомышленниковъ, предали свое отечество внутреннимъ замѣшательствамъ, и какъ скоро по окончаніи дѣлъ на прошедшемъ сеймѣ войска наши обратились въ возвратный путь, они начали дѣлать по разнымъ мѣстамъ фанатическія возмущенія противъ насъ самихъ. Явные предводители сихъ бунтовщичьихъ шаекъ, будучи всѣ нашими войсками разбиты, переселились въ турецкіе предѣлы, оставя свое отечество въ крайнемъ замѣшательствѣ духовъ, а тамъ, будучи подкрѣпляемы непрестанными и всегдашними интригами и коварствомъ ненавистниковъ и великости, и силы нашей имперіи, (и какъ мы удостовѣрительныя извѣстія имѣемъ) съ предоставленіемъ турецкому султану въ вѣчное подданство всей Польской Подоліи, возбудили турецкую подлость и его самого нарушить съ нами вѣчный миръ. Всѣмъ нынѣ уже извѣстно, что сія громада варваровъ намъ войну объявила, съ заточеніемъ въ семибашенный замокъ нашего министра, со всею его свитою, противу мнѣнія и желанія всѣхъ знатнѣйшихъ турокъ, составляющихъ совѣтъ и правительство государства.

«Франція есть та держава, которая главнѣйше все свое

коварство истощила для упражненія насъ сею войною. Она извлекла изъ вѣнскаго двора, по ея съ нимъ тѣсному союзу, обѣщаніе нейтралитета, и тѣмъ больше ободрила Порту къ настоящему предпріятію, показавъ ей всю возможность пріобрѣтенія себѣ Подоліи введеніемъ своихъ силъ внутрь Польши противъ насъ, и распространеніемъ въ оной еще большихъ внутреннихъ замѣшательствъ, что осязательно доказываетъ турецкой войны объявленіе, ибо Порта, не взирая на то, что она послѣ кончины покойнаго короля польскаго, тотчасъ дала формальное свое намъ соглашеніе о выборѣ Піаста, или по избраніи онаго признала его во всемъ достоинствѣ чрезъ принятіе торжественнаго посольства и что потомъ ни дѣломъ, ни словомъ никогда ничего вопреки тому не оказала, но паче при производимыхъ нынѣ съ нами замѣшательствахъ, по сейчасъ ея молдавскіе командиры всякое уваженіе къ польскимъ короннымъ войскамъ дѣлаютъ и содержатъ дружескую переписку и обсылки чрезъ переводчиковъ съ назначеннымъ отъ польскаго короля короннымъ регементаремъ графомъ Браницкимъ, командующимъ тѣми войсками въ Молдавіи. Но при всемъ томъ Порта теперь въ своей военной декларацiи уже явнымъ образомъ опровергаетъ законное избраніе сего короля, да сомнѣнія нѣтъ, чтобъ оное не по точному наущенію Франціи написано было. Мы прямо изъ Парижа достовѣрно знаемъ, что польская корона тамъ предоставлена была принцу Конде съ женидьбою его на эрцгерцогинѣ Австрійской, отчего однакожъ, какъ оказывается, сей принцъ отрекся, но уповательно же, что молодой курфистъ Саксонскій столько претительности не окажетъ, особливо если бы Франціи удалось сдѣлать ему избраніе, въ которомъ нынѣ есть предѣлъ польской области, безъ ея безпосредственнаго соучастія подъ однимъ турецкимъ оружіемъ, ибо сей молодой владѣлецъ имѣетъ теперь отъ тридцати до сорока тысячъ своего войска, для утвержденія единожды сдѣланнаго.

«Французскій дворъ за наши дѣла въ Польшѣ, въ Швеціи и въ Даніи и за возрастающую очевидно знатность и силу имперіи нашей не поставитъ никакой цѣны для себя высокою, если бы такимъ образомъ превозмогъ онъ въ одно время, и

намъ персонально сдѣлать уничиженіе и имперіи нашей отомстить за прежнее ея низверженіе съ польскаго королевства Станислава Лещинскаго.

«Нашъ верховный долгъ передъ собственнымъ нашимъ достоинствомъ и честію имперіи нашей разрушить сей обоюдный ковъ нашего потаеннаго врага всѣми намъ отъ Бога дарованными силами, для твердости и благополучія нашего любезнаго отечества. Мы по извѣданной нами въ васъ вѣрности и отличному искусству въ военномъ дѣлѣ, всемилостивѣйше восхотѣли поручить вашему предводительству и главной командѣ назначенную отъ насъ армію къ наступательнымъ дѣйствіямъ».

Далѣе слѣдовали 29 пунктовъ, указывавшихъ различные способы оборонительныхъ и наступательныхъ дѣйствій противъ турокъ, подробности сбора арміи къ Кіеву и слѣдованія къ берегамъ Днѣстра, ея продовольствія и проч. Вообще, войну рѣшено было вести наступательную и рѣшительную, не взирая, что численность нашей арміи предполагалась въ половину меньше турецкой и что мы должны были прикрывать свои границы на огромныхъ пространствахъ и отъ польскихъ конфедератовъ, и отъ крымскихъ татаръ.

Изъ приведеннаго рескрипта читатель можетъ видѣть политическія усложненія, или попросту дипломатическія интриги, вызвавшія первую войну Екатерины съ Турціей.

Польскіе конфедераты, подстрекаемые Франціей, старались во чтобы то ни стало вовлечь Турцію въ войну съ нами. Нити всей интриги сосредоточивались въ рукахъ французскаго посла въ Константинополѣ Сенъ-При. Въ теченіе долгаго времени однако не могли подвинуть султана на такой опасный шагъ. Тогда французскій первый министръ Шуазель отправилъ въ Царьградъ другаго агента, Толея, который долженъ былъ склонить конфедератовъ предложить Турціи Подолію и Волынь, уже принадлежавшія прежде Портѣ и возвращенныя Польшѣ въ 1699 году по Карловицкому трактату.

Польскіе лже-патріоты, во главѣ коихъ стоялъ прибывшій въ Константинополь графъ Потоцкій, лишь бы доставить торжество своей партіи, согласились даже и на это. Они предложили Портѣ отъ имени польской націи, вслучаѣ благопо-

лучнаго исхода войны съ Россіей, уступить двѣ лучшія свои провинціи; другими словами, три милліона христіанскаго населенія отдать въ варварскія руки мусульманской орды...

Соблазнительное предложеніе это, вмѣстѣ съ увѣренностію, что вся польская нація приметъ сторону Турціи, что наконецъ Франція будетъ содѣйствовать ей, увлекли султана, возбуждаемаго подкупленными министрами. Забывъ свое привычное бездѣйствіе, онъ сталъ самъ всѣмъ распоряжаться и входить во всѣ мелочи.

Суевѣрный и необразованный султанъ Мустафа вѣрилъ въ предсказанія астрологовъ, и потому прежде нежели рѣшился начать войну, обратился къ одному изъ шарлатановъ, который напророчилъ ему, что нынѣшняя война будетъ для него счастлива и благополучна. Сверхъ того ему очень хотѣлось имѣть прозваніе *гази* (побѣдитель). Читая описаніе подвиговъ отца своего Ахмета III подъ Прутомъ, онъ думалъ, что побѣждать вообще очень легко, и еще при вступленіи своемъ на престолъ мечталъ о побѣдахъ, о посѣщеніи Вѣны во главѣ своей арміи, о возвращеніи Венгріи и тому подобное, о которыхъ впослѣдствіи забылъ въ сералѣ, предавшись разврату.

Теперь ему казалось, что сама судьба посылаетъ ему случай распространить свои владѣнія, и потому онъ заранѣе уже приказалъ во всѣхъ мечетяхъ именовать себя «газіемъ».

Но не всѣ надѣялись на успѣшный результатъ этой войны. Верховный визирь Мусинъ-Заде, Магометъ-паша и Рейсъ-Эфенди предостерегали султана отъ обманчивыхъ внушеній польскихъ конфедератовъ и версальскаго кабинета. Они выставляли ему на видъ слабость Порты, беззащитность ея границъ, дурное состояніе дунайскихъ крѣпостей, и потому просили по крайней мѣрѣ помедлить окончательнымъ разрывомъ съ Россіей, съ намѣреніемъ выиграть время и выждать болѣе подходящій предлогъ для объявленія войны.

Случай этотъ вскорѣ представился происшествіями въ мѣстечкѣ Балта, принадлежавшимъ крымскому хану, разоренномъ гайдамаками *).

---

*) Балта нынѣ уѣздный городъ Подольской губерніи.

Верховный визирь потребовалъ отъ посла нашего въ Константинополѣ, Обрѣзкова, рѣшительнаго удовлетворенія. Русское правительство строго предписало сдѣлать изслѣдованіе къ отысканію виновныхъ и гайдамацкая партія, сдѣлавшая набѣгъ, была переловлена. Для удовлетворенія Порты, виновныхъ раздѣлили на три части: наиболѣе виновныхъ наказали въ самой Балтѣ при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, другую на польскихъ границахъ, а третью на мѣстѣ жительства гайдамаковъ. Удовлетвореніе было дано блистательное, единственно только во избѣжаніе предлога къ войнѣ; хотя, правду говоря, нападенія гайдамаковъ на татарскія поселенія были вовсе нерѣдкостью и служили отместкой крымцамъ за ихъ еще болѣе частые набѣги, остававшіеся безъ всякаго наказанія. Но какъ только въ должность вступилъ новый визирь, то въ угоду султану, нетерпѣливо мечтавшему о побѣдахъ, тотчасъ снова поднялъ допросъ о Балтѣ.

Утромъ 6-го октября 1768 года, нашъ посолъ Обрѣзковъ съ большою церемоніей былъ приведенъ къ визирю. Четыре янычара визирьской гвардіи вели четыре богато-убранныхъ коней и открывали шествіе, за ними шло до двадцати служителей въ ливреяхъ и четыре драгомана. Обрѣзковъ и его свита шли сзади. Придя къ дому, занимаемому визиремъ, Обрѣзковъ подождавъ около получаса, былъ введенъ въ большіе пріемные покои, гдѣ собралось уже множество посѣтителей и всѣ министры Порты.

Развалившись на софѣ и не вставъ при входѣ Обрѣзкова, визирь, не давъ ему времени договорить обыкновеннаго привѣтствія, перебилъ его словами: «Я призвалъ васъ для того, чтобы покончить дѣло, которое тянется уже слишкомъ долго. Теперь вопросъ идетъ не о совѣщаніяхъ, вы ихъ уже довольно имѣли съ Рейсъ-Эфенди, и изъ нихъ ясно видно, что вы только старались протянуть время обманчивыми обѣщаніями, которыхъ никогда не исполняли». Вынувъ потомъ изъ кармана нѣсколько бумагъ, составленныхъ нашимъ резидентомъ съ турецкимъ министромъ въ 1764 году, визирь продолжалъ: «не обязались ли вы исполнить то-то и то-то (тутъ онъ вступилъ въ подробности), и въ особенности вы обязались, что

не оставите въ Польшѣ, и то на очень короткое время, болѣе семи тысячъ человѣкъ, безъ артиллеріи? Однако теперь тамъ вы имѣете болѣе тридцати тысячъ».

«Правда, отвѣчалъ Обрѣзковъ, что обстоятельства заставили ввести въ Польшу болѣе войска».

«Сколько тамъ въ настоящее время»?

«Около двадцати пяти тысячъ».

«Хорошо же, измѣнникъ, закричалъ визирь, хорошо клятвопреступникъ! Не сдѣлали-ль вы сами признанія въ своей невѣрности? и вы не краснѣете предъ Богомъ и людьми за вашу неумѣренность и обманы, когда, къ стыду человѣчества, ваши войска овладѣли страной, которая вамъ не принадлежитъ? И развѣ мы не видали вашихъ пушекъ на нашихъ границахъ, разрушившихъ одинъ изъ дворцевъ крымскаго хана (Балту)».

Обрѣзковъ началъ защищать политику Россіи.

«Оставимъ это, снова перебилъ визирь,—когда ваши войска очистятъ Польшу»?

«Когда окончатся смятенія».

«Намъ не того нужно. Можете ли вы обязаться, что по полученіи отъ васъ письма, войска ваши очистятъ Польшу? и можете ли вы, въ гарантію вашихъ словъ, поручиться союзными вамъ министрами»?

«Я напишу, отвѣчалъ Обрѣзковъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Министръ Пруссіи, какъ я надѣюсь, можетъ васъ въ этомъ удостовѣрить».

«Вы не хотите меня понять; намъ не нужно ваше писаніе, и мы не хотимъ ждать отвѣта; я хочу теперь же формальнаго обязательства и гарантіи вашихъ союзниковъ; я ихъ знаю, и министръ Пруссіи есть только одинъ изъ нихъ».

«Все, что я могу сдѣлать, возразилъ Обрѣзковъ, это—пригласить гг. министровъ сдѣлать поручительство, что войска наши выйдутъ изъ Польши, когда дѣло тамъ будетъ окончено. Болѣе я ничего не въ правѣ обѣщать».

«А, хорошо! И такъ я вамъ объявляю, что высочайшій, могущественнѣйшій, страшнѣйшій и непобѣдимый императоръ

мой, котораго Богъ да продлитъ на вѣки славу и могущество, объявляетъ вамъ войну».

«Россія не желаетъ войны, сказалъ Обрѣзковъ, но всѣми силами будетъ поддерживать ту, которую ей объявили».

«Идите и дожидайтесь приказанія въ другихъ комнатахъ», сказалъ визирь.

Тутъ онъ показалъ Обрѣзкову рукой на сосѣднія двери.

Когда Обрѣзковъ удалился, многіе министры Порты подходили къ нему и уговаривали согласиться на условія, требуемыя визиремъ, на что Обрѣзковъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ столько полномочія, чтобы рѣшить этотъ вопросъ.

Этотъ окончательный отвѣтъ былъ переданъ визирю. Тогда составленъ былъ актъ о бывшей аудіенціи и отправленъ къ султану. Вслѣдъ затѣмъ у Обрѣзкова снятъ былъ почетный караулъ, и ему объявили, что онъ и его свита отправятся въ семибашенный замокъ. Обрѣзковъ отвѣчалъ: «что онъ долженъ покориться необходимости; но что съ этого момента онъ слагаетъ съ себя званіе посланника Россіи, и потому, чтобы къ нему не обращались болѣе ни съ какими переговорами». Послѣ этого Обрѣзковъ и восьмнадцать человѣкъ его свиты были отправлены изъ Перы въ семибашенный замокъ, небольшую крѣпостцу, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, съ семью башнями. Она была построена еще при греческихъ императорахъ, для дѣланія монеты и храненія царскихъ сокровищъ. Во многихъ мѣстахъ видны греческія надписи и гербы. Турки обратили эту крѣпостцу въ тюрьму, куда сажали важныхъ преступниковъ и изъ которой рѣдко кто возвращался живой.

Въ эту-то тюрьму были брошены нашъ посолъ и его свита, въ подземельѣ, куда свѣтъ едва проникалъ сверху, чрезъ небольшое окошко въ потолкѣ. Отъ спертаго воздуха и тѣсноты, говоритъ очевидецъ, наши заключенные начали пухнуть. Сперва они думали, что полнѣютъ и шутя начали поздравлять другъ друга; но потомъ уже, опасаясь за самую жизнь, начали просить коменданта размѣстить ихъ свободнѣе, думая, что имъ позволятъ жить въ комендантскомъ домѣ. Комендантъ замка, старикъ 70-ти лѣтъ, былъ вообще человѣкъ снисходи-

тельный къ заключеннымъ, но, не рѣшаясь перевести ихъ изъ подземелья, онъ прибавилъ имъ только двѣ конуры.

Въ особенности чувствовалъ себя дурно Обрѣзковъ, какъ человѣкъ, лѣта котораго требовали иныхъ удобствъ жизни. Опухоль все болѣе и болѣе развивалась, такъ, что заключенные просили прислать имъ доктора и чрезъ нѣсколько дней грекъ Лука, бывшій домашнимъ докторомъ у Халиль-паши, былъ присланъ въ замокъ.

20 октября Халиль-паша былъ назначенъ визиремъ на мѣсто Селиктаря, который, какъ говорили, сошелъ съ ума, и пробывъ визиремъ 28 дней былъ отправленъ въ Кандію.

Новый визирь былъ извѣстенъ большими способностями; онъ прошелъ всѣ степени бюрократіи, начиная съ нисшихъ; слылъ человѣкомъ практическимъ, прямымъ и безкорыстнымъ но былъ чрезвычайно вспыльчивъ. Благодаря личнымъ качествамъ визиря и доктора Луки, заключенные наши были переведены въ комендантскій домъ, гдѣ имъ было уже гораздо лучше, и гдѣ они находились до выступленія ихъ въ походъ, вмѣстѣ съ турецкою арміей.

VII.

Объявленіе ортою войны.—Безпорядки въ Константинополѣ.—Выступленіе визира въ ходъ.—Переводъ плѣннаго русскаго посольства въ турецкій лагерь.

По арестованіи Обрѣзкова, Турція окончательно рѣшилась объявить войну Россіи.

Бросивъ жребій войны, Турція желала убѣдиться, въ какомъ отношеніи находятся иностранныя державы къ польскому вопросу. Вѣнскій посолъ, на вопросъ визиря объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ: «что Австрія не забыла дружбы, которую оказала ей Порта, когда отклонялась отъ предложенія Пруссіи объявить ей войну, и потому она желаетъ сохраненія съ Портой тѣхъ же миролюбивыхъ отношеній, которыя постановлены были по трактату 1747 года».

Эту политику Австріи подтверждалъ и французскій кабинетъ, увѣряя, что императрица-королева австрійская Марія Терезія искренно желаетъ ослабленія Россіи и полнаго освобожденія Польши отъ ея вліянія, хотя бы для того предстояло военное вмѣшательство Турціи.

Англія была въ то время озабочена волненіями въ сѣвероамериканскихъ ея колоніяхъ и потому не принимала рѣшительнаго участія въ дѣлѣ Польши. Посланникъ ея Муррей представилъ султану ноту, въ которой Англія брала на себя посредничество согласить Порту и Россію, прежде нежели война начнется. При этомъ Муррей однако объявилъ, что Англія не приметъ союза Россіи противъ Турціи.

И такъ, готовясь начать войну съ Россіей, Турція ласкала себя надеждой на помощь Австріи и Франціи, разсчитывая въ особенности на послѣднюю, но пока ни та ни другая факти-

чески не заявили себя въ пользу Турціи, если не считать помощью интриги Шуазеля. Въ этомъ отношеніи Франція не скупилась на совѣты и благопріятныя предсказанія. Она увѣряла Порту, что легко поднять противъ Россіи всѣхъ калмыковъ, татаръ и всѣхъ казаковъ по Волгѣ и Дону. По ея словамъ, вся Россія готова была подняться на Россію!... Но въ сущности Порта имѣла только одного слабаго союзника—польскую конфедерацію.

Де-Бретейль, французскій посланникъ въ Гагѣ, писалъ отъ 11-го октября Шуазелю: «я знаю ужасъ, въ которомъ находится Россія, узнавъ о разрывѣ съ Турціей, и я убѣжденъ, что если произойдетъ что нибудь серіозное, гордая Екатерина найдется въ такомъ затрудненіи, изъ котораго не легко ей будетъ выйти. Партія недовольныхъ воспользуется затруднительностію ея положенія и взволнуетъ крестьянъ».

Не довольствуясь этимъ, легкомысленная проницательность де-Брейтейля продиктовала слѣдующія строки, отъ 9-го октября: «Я знаю отвращеніе русскаго народа къ войнѣ съ Турціей и я увѣренъ, что нація не проститъ Екатеринѣ того, что она вовлекла ее въ эту войну по причинѣ, во всѣхъ отношеніяхъ чуждой ея интересамъ».

Между тѣмъ съ нашей стороны были сдѣланы различныя попытки къ освобожденію посольства изъ заточенія, но напрасно.

Приготовленія къ предстоявшей войнѣ съ обѣихъ сторонъ производились весьма дѣятельно, и весна 1769 года должна была огласить берега Днѣстра и Днѣпра громомъ оружія. Съ появленіемъ на политическомъ горизонтѣ враждебныхъ отношеній между Турціей и Россіей, тлѣющая въ обыкновенное время подъ пепломъ ненависть черногорцевъ къ своимъ утѣснителямъ вырывалась наружу.

Турція, знавшая очень хорошо, каково бороться съ этими героями-горцами въ ихъ трудно доступныхъ трущобахъ, очень боялась возстанія Черной горы и была крайне смущена, узнавъ о вспыхнувшемъ въ Черногоріи и разлившемся по всей Албаніи, Болгаріи, Босніи, Македоніи Герцеговинѣ возстаніи. Общая вражда славянскихъ племенъ къ поработителю ожидала только удобнаго случая, чтобы подняться. Къ тому же они были

одобрены воззваніями императрицы Екатерины, отъ 19-го января 1769 года, гдѣ въ заключеніе сказано было, что «наше удовольствіе будетъ величайшее видѣть христіанскія области изъ поноснаго порабощенія избавляемыя и народы руководствомъ нашимъ вступающіе въ слѣды своихъ предковъ, къ чему мы и впредь всѣ средства подавать не отречемся, дозволяя имъ наше покровительство и милость для сохраненія всѣхъ тѣхъ выгодностей, которыя они своимъ храбрымъ подвигомъ въ сей нашей войнѣ съ вѣроломнымъ непріятелемъ одержатъ».

Самъ султанъ мало зналъ опасности современнаго состоянія Порты. Надменный и ослѣпленный своимъ мнимымъ могуществомъ, онъ въ манифестѣ къ народу выразился такимъ образомъ: «мы указали россійскому двору и дали ему наше императорское повелѣніе, чтобы онъ безо всякаго отлагательства вывелъ свои войска изъ Польши. Но упомянутый дворъ того нашего повелѣнія не исполнилъ и черезъ то явно оказался преслушнымъ. Чтобы за такое не послушаніе наказать его чувствительнѣйшимъ образомъ, мы объявили ему войну. Для того всѣ ревностные мусульмане должны всѣми силами намъ въ томъ вспомоществовать и стараться безвѣрнымъ москвитянамъ дѣлать всякое зло и вредъ и проч.» Министры Порты вели въ это время между собой постоянную войну, рыли другъ другу яму, слѣдствіемъ чего было безпрестанное паденіе и смѣна верховныхъ визирей.

Новый визирь, Халиль, съ гибкостью придворнаго соединялъ основательное знаніе гражданскихъ дѣлъ и восточной словесности, но былъ плохимъ полководцемъ; военно поприще было для него совершенно ново. Сбиваемый совѣтами пашей, онъ не могъ рѣшиться на что нибудь окончательно и потому всѣ дѣйствія его въ предстоящей кампаніи, какъ увидимъ впослѣдствіи, носятъ въ себѣ доказательства нерѣшительности, медленности и отсутствія общей связи.

Таково было состояніе Турціи, когда она начинала войну съ Россіей. Понимая трудность предстоящей борьбы, Порта рѣшилась составить огромную армію, какой еще никогда не выставляла и которая предполагалась вдвое болѣе арміи, вы-

ставленной противъ насъ въ войну 1739 года, т. е. должна была доходить до 600.000 человѣкъ.

Турецкія войска стекались изъ Анатоліи, Албаніи, Румеліи и Босніи къ Адріанополю, 6,000 янычаръ прибыли изъ Карса. Лезгинцы обѣщали выставить 20,000 человѣкъ, Крымскій ханъ собралъ до 60,000, Абда-паша Сигнахскій (?) собралъ до 2,000 войска, составленнаго изъ воровъ и разбойниковъ. Одинъ кавалерійскій отрядъ былъ собранъ въ Требизондѣ; сдѣланъ наборъ въ Смирнѣ. Войска эти, по прибытіи въ Константинополь, разсыпались по городу и его окрестностямъ и пустились грабить. Въ городѣ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ; пришедшіе войска бросились грабить всѣ—пекарни, убивать христіанъ, которые принуждены были собраться для общей защиты. Произошла стычка, въ которой пало нѣсколько мусульманъ. Это еще болѣе раздражило послѣднихъ противъ христіанъ, что едва не повлекло за собой важныхъ послѣдствій, потому что въ числѣ прочихъ былъ оскорбленъ уполномоченный Австріи.

«Доброжелатели Мустафы, писала Екатерина II Вольтеру, вовлекли его въ сію войну противъ его желанія и воли. Войска его открыли войну грабежемъ и зажигательствомъ собственныхъ земель, и при выступленіи янычаръ изъ столицы сочтено болѣе тысячи человѣкъ убитыхъ. Въ глазахъ самого султана и его визиря били, таскали за волосы и ограбили цесарскаго посланника, его жену и дѣтей, и никто не осмѣлился воспрепятствовать этому буйству. Вотъ сколько правительство это слабо и неустроено. И симъ-то ужаснымъ привидѣніемъ думаютъ устрашить меня»!

Отдаленность опасности и превратное понятіе о русскихъ силахъ были причиной, что турки, имѣя въ виду одинъ только грабежъ и обогащеніе, на которое они такъ много разсчитывали, были воодушевлены до дикаго энтузіазма. «О, бѣдная бѣдная Россія, восклицали одни, теперь ты совсѣмъ погибла, и никто тебѣ пособить не можетъ, и не спасетъ отъ острія нашихъ сабель,» Другіе въ невѣжествѣ толковали «что они загонятъ русскихъ въ какія-то темныя страны, на край земли; покорятъ всю имперію и возвратятся домой съ добычей и множе-

ствомъ плѣнныхъ обоего пола. Многіе янычары, въ доказательство своей неустрашимости и пренебреженія къ физическимъ страданіямъ, ранили себя ножами; иные проткнувъ насквозь руку и не вынимая ножа шли такимъ образомъ по городу, пока отъ истекавшей крови не падали въ обморокъ. Султанъ и султанши присутствовали при этомъ выступленіи. Въ послѣдующіе дни продолжалось выступленіе къ Даудъ-Баши, а 16-го марта выѣхалъ и самъ визирь съ магометовымъ зеленымъ знаменемъ. Поднятіе этого знамени всегда сопровождается особеннымъ торжествомъ; такъ было и теперь: шествіе открывали улемы, а за ними слѣдовалъ главный муфтій. Во время шествія пѣли молитвы, въ которыхъ особенно замѣчательно мѣсто гласящее, «чтобы дьяволъ забралъ къ себѣ всѣхъ христіанъ». За знаменемъ ѣхалъ визирь, окруженный свитой болѣе 200 человѣкъ; за ними слѣдовали еще эмиры, напѣвая гимны.

Во время поднятія магометова знамени, австрійскій посланникъ Броньяръ, съ женой и тремя взрослыми дочерьми, отправился въ одну кофейню въ той улицѣ, по которой проходила церемонія, чтобъ удобнѣе ее видѣть. Ѣхавшіе впереди эмиры начали кричать чтобы гнать, бить и убивать всѣхъ христіанъ, которые дерзнутъ взглянуть на магометово знамя. Толпа ворвалась въ кофейню гдѣ находился австрійскій посланникъ и гдѣ было много христіанъ. Ограбивъ прежде всего всѣхъ, вырвавъ съ кровью изъ ушей у женщинъ серьги, несчастныхъ начали бить палками, таскать за волосы или за ноги по улицамъ и полумертвыхъ бросали въ грязныя канавы. Этой же участи подверглось и семейство австрійскаго посланника, жена котораго была въ это время беременна. Спустя два дня послѣ описаннаго случая, Броньяръ явился къ визирю и потребовалъ свои паспорты. При аудіенціи Броньяръ ни слова не сказалъ о происшедшемъ. Визирь, чтобы поправить дѣло, рѣшился только теперь назвать заключенный съ Австріей миръ послѣ Бѣлградскаго перемирія—«вѣчнымъ» вмѣсто «непрерывнаго», какъ онъ называлъ его до сихъ поръ, думая этимъ смягчить гнѣвъ Австріи.

Вслѣдъ затѣмъ турецкое правительство прислало Бронья-

ру свои извиненія по поводу нанесенныхъ ему обидъ и при этомъ ему поднесены были въ подарокъ соболья шуба цѣной въ 2,000 піастровъ и въ тавую же цѣну нарядъ для его жены. Въ извинительномъ письмѣ было сказано что, «смиреніе, съ которымъ онъ перенесъ нанесенную ему обиду, достойно подвиговъ святыхъ». Броньяръ не постыдился принять подарки и готовъ былъ молчать. Но австрійскій министръ Кауницъ ѣдко высказалъ ему неприличность его поведенія и послалъ на его мѣсто Тугута.

Вмѣстѣ съ выступленіемъ визиря изъ Константинополя отправлены были при арміи и наши арестанты. За ними прислали верховыхъ лошадей и команду янычаръ. Лошади имѣли ужасный видъ, онѣ едва передвигали ноги, на нѣкоторыхъ, вмѣсто сѣделъ были обрывки войлоковъ безъ стремянъ, все было придумано для того, чтобы подвергнуть общему посмѣянію несчастное посольство. Окруженное янычарами, оно проѣхало весь городъ; улицы были полны народа, который потому только не предалъ ихъ истязанію, что они охранялись янычарами. За то всякаго рода ругательства сыпались со всѣхъ сторонъ. «Чтобы вамъ не было ни пути, ни дороги», кричали одни, не исключая и женщинъ. «Ихъ всѣхъ нужно перерѣзать», замѣчали другіе. Многіе же христіане, бывшіе свидѣтелями этого печальнаго шествія, не могли удержаться отъ слезъ.

Прибывъ въ лагерь, посольство наше было поставлено не далеко отъ визирской палатки и шатра *лелекъ*, въ которомъ обыкновенно совершаются казни. Не мало времени простояли они тутъ въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія и готовились уже къ смерти. Турки во множествѣ сбѣжались къ лелеку, также думая что несчастныхъ будутъ казнить, и грубыя шутки съ ругательствами сыпались со всѣхъ сторонъ. Нужно еще сказать, что вовсе это время шелъ сильный дождь, промочившій всѣхъ до послѣдней нитки. Наконецъ посольство наше было отведено къ мѣсту, гдѣ для него приказано было разбить палатку. Не скоро ее разбили, а потомъ пришлось еще далеко за полночь быть по колѣно въ грязи пока, изъ Эдикуля привезены были постели и вещи несчастныхъ.

VIII.

Планъ кампаніи составленный турками.—Планъ кампаніи для русской арміи.—Сборъ арміи въ Кіевѣ и отправленіе туда Кабардинскаго полка.—Выступленіе къ Бугу.—Подступы къ Хотину.—Разбитіе турокъ. — Отступленіе русской арміи за Днѣстръ.—Новое наступленіе къ Днѣстру.—Мелкія стычки и нападеніе турокъ 2 іюля.—Бомбардированіе Хотина. — Сраженіе 29 августа.—Взятіе турецкихъ шанцевъ.—Занятіе Хотина. — Назначеніе графа Румянцева главнокомандующимъ.

Планъ турокъ для предстоящей кампаніи, по своей грандіозности, ясно изобличаетъ легкомысленную хвастливость и самоувѣренность, всегда отличавшія польскую націю. Только Потоцкій и его друзья могли внушить Портѣ мысль о возможности осуществленія такого плана. Пользуясь слабостью русскаго пограничнаго пространства, предполагалось произвести вторженіе въ русскіе предѣлы на трехъ пунктахъ и сообразно съ тѣмъ составить три арміи. Главная, съ верховнымъ визиремъ, должна была весной 1769 года двинуться къ Днѣстру и перейти его у Хотина. Къ его приходу Потоцкій и Каменецкій епископъ Красинскій обѣщали заготовить на всю турецкую армію (400,000 человѣкъ) въ достаточномъ количествѣ провіантъ и порохъ и выставить 80,000 конфедератовъ! По занятіи польской крѣпости Каменца-Подольскаго, предполагалось быстро двинуться къ Варшавѣ, свергнуть Станислава Понятовскаго, избрать новаго короля, вытѣснить или уничтожить въ Польшѣ русскіе слабые отряды и двинуться вслѣдъ затѣмъ къ Днѣстру двумя колоннами: одною на Кіевъ, другою на Смоленскъ. Сила этой арміи, имѣвшей въ мартѣ мѣсяцѣ собраться у Адріанополя назначалась болѣе 400,000 человѣкъ!! Между тѣмъ другая армія, до 60,000 человѣкъ, съ крымскимъ ханомъ, должна была вторгнуться въ Россію съ

юга; третья армія имѣла дѣйствовать по направленію къ Астрахани. Для этого снаряжена была сильная флотилія на Черномъ морѣ, съ помощью которой слѣдовало овладѣть Таганрогомъ и Азовомъ, а усилившись подвластными Турціи кавказскими племенами, изъ коихъ одни лезгины обѣщали выставить 50,000, повести наступленіе къ Астрахани.

Планъ нашъ отличался, напротивъ, крайнею скромностью. Рѣшено было сформировать тоже три арміи. Первую изъ 80 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ князя Александра Михайловича Голицына, для наступательныхъ дѣйствій со стороны Днѣстра, дабы такимъ образомъ предупредить вступленіе непріятеля въ наши предѣлы и не допустить до движенія внутрь Польши, стараясь сколь возможно его безпокоить, изнурять и уничтожать его запасные магазины. Въ случаѣ если бы турки успѣли въ соединеніи съ конфедератами пробраться въ Польшу, то князь Голицынъ долженъ былъ стараться прикрыть Литву и избѣгать генеральныхъ сраженій. Вторую изъ 40,000, подъ командой графа Румянцева, съ цѣлью хотя главнѣйше оборонительною, но активною. Для этого онъ долженъ былъ занять Азовъ, волновать Крымъ, препятствовать его сообщеніямъ съ Анатоліей,—къ чему назначалась эскадра судовъ, строившихся въ Воронежѣ и Павловскѣ. Кромѣ того были сформированы особыя отряды генераловъ Берга и Медема, усиленные донскими казаками и калмыками, для движенія въ Крымъ, къ устьямъ Волги и къ Кавказскимъ горамъ, а также на Кубань, для возмущенія подвластныхъ Турціи племенъ. Третью въ 40,000 человѣкъ, подъ начальствомъ графа Тотлебена, для движенія къ Грузіи и поднятія тамошнихъ народовъ противъ турокъ. Наконецъ снаряжены въ Средиземное море эскадры, подъ командой графа Алексѣя Орлова, другая адмирала Спиридова и третья контръ-адмирала Эльфинстона, чтобы угрожать южнымъ берегамъ Турціи и ободрять возставшихъ христіанъ Балканскаго полуострова.

Остановившись на такомъ планѣ предстоявшей войны, приступлено было къ различнымъ приготовленіямъ и снаряженіямъ арміи. Назначеннымъ въ составъ 1-й арміи полкамъ, въ томъ числѣ Кабардинскому, велѣно было двинуться въ Кіевъ.

Въ началѣ ноября 1768 года, они выступили изъ своихъ квартиръ. Въ жестокую слякоть и стужу, по тогдашнимъ путямъ сообщенія, пришлось полку нашему промаршировать отъ Выборга до Кіева *).

Между тѣмъ непріятель воспользовался зимнимъ временемъ, чтобы нанести намъ по возможности какой-нибудь вредъ. Крымская орда открыла дѣйствія вторженіемъ въ нынѣшній Елисаветградскій уѣздъ и высылкой партіи въ принадлежавшіе Польшѣ уѣзды Подоліи. При слабости нашихъ кордоновъ, татары успѣли выжечь множество деревень и увести болѣе тысячи душъ плѣнныхъ, изъ коихъ всѣ женщины покрасивѣе были отправлены въ подарокъ султану. Затѣмъ, съ приближеніемъ нѣсколькихъ нашихъ отрядовъ, ханъ отступилъ за Днѣстръ. Въ тоже время другая орда дѣйствовала въ Бахмутскомъ уѣздѣ, гдѣ однако не имѣла большаго успѣха, ибо жители заблаговременно успѣли удалиться. Потери наши ограничивались нѣсколькими стами плѣнныхъ и пропажей разнаго имущества и скота. А съ польскими конфедератами происходили безпрестанныя стычки, въ которыхъ они безъ исключенія терпѣли пораженіе и обращались въ бѣгство. Между прочимъ, отрядомъ генералъ-маіора князя Прозоровскаго у нихъ 26-го февраля были взяты укрѣпленные на Днѣстрѣ пункты, мѣстечко Жванецъ и Окопъ, что имѣло весьма полезные результаты, облегчая всей арміи переходъ черезъ рѣку къ Хотину.

Сосредоточившаяся у Кіева первая армія 25-го марта вы-

---

*) Предъ выступленіемъ изъ Петербурга, полкъ былъ укомплектованъ до полнаго состава 10-ти ротъ, для чего въ полкъ были переведены изъ другихъ полковъ финляндской дивизіи 100 гренадеръ и 200 мушкетеръ.— Въ полку числились: командиръ, бригадиръ баронъ Игельштромъ, (32 лѣтъ) подполковникъ Эллерсъ (51 года, изъ Саксонскаго шляхетства) преміеръ-маіоръ Левашовъ, секундъ-маіоръ фонъ-Сваненбергъ, капитаны: Ботовъ, графъ Мелинъ, Поповцевъ, фонъ-Лепель, (28 лѣтъ, изъ датской службы), быстро двигавшійся въ чинахъ; (1 января 1870 г. произведенъ въ секундъ, а 23-го сентября въ преміеръ-маіоры), Новокшеновъ, Дурново баронъ Ферзенъ 1, баронъ Ферзенъ 2-й, Спиридоновъ: поручики; Пущинъ 1-й, Пущинъ 2-й, Рейникенъ, полковой квартермистръ Денисовъ, Долгово-Сабуровъ, Козловъ, фонъ-Ладе (изъ мекленбургской службы).

ступила къ Бугу на Меджибожъ *), а 1-го апрѣля боевая линія наша протянулась между Днѣстромъ и Бугомъ, въ полной готовности въ нѣсколько дней собраться и перейти за Днѣстръ. Кабардинскій полкъ, бывшій въ 7-й бригадѣ съ 4-мъ Московскимъ и Копорскимъ полками, выступилъ 22 марта изъ Хмѣльника на Летичевъ. Непріятель же былъ еще далеко. Главная армія визиря только 31-го марта выступила изъ Адріанополя къ Исакчи и на Днѣстрѣ могла появиться развѣ въ іюнѣ. Вообще турки съ начала компаніи безполезно теряли время и упустили удобную минуту для вторженія въ Польщу. Всѣ ихъ приготовленія шли очень медленно. Мостъ у Исакчи черезъ Дунай, начатый въ октябрѣ и стоившій уже 250,000 левовъ, все еще не былъ готовъ; провіантскіе магазины не были наполнены... **).

11-го апрѣля первая армія собралась у мѣстечка Минковцы и расположилась въ боевомъ порядкѣ, въ двѣ линіи, съ резервами, а 14-го выступила къ деревнѣ Калюшъ на берегу Днѣстра: По наведеніи двухъ понтонныхъ мостовъ, авангардъ перешелъ на ту сторону и приступилъ къ устройству тетъ-де-

---

*) Въ числѣ различныхъ распоряженій князя Голицына интересно предписаніе генералу-аншефу Олицу, отъ 28-го ноября 1768 г., въ коемъ излагалась необходимость для предстоящей войны *рогатокъ* и по прилагаемымъ 4-мъ рисункамъ (я ихъ къ сожалѣнію не нашелъ) приказано построить въ каждомъ полку по 70 рогатокъ и для возки ихъ по три одноконныхъ фуры; имѣть также съ собою роспуски подъ жернова, которые, впрочемъ, оставались въ м. Полонномъ при магазинахъ.

**) Приказомъ отъ 6 апрѣля князь Голицынъ освободилъ нижнихъ чиновъ отъ пудры и большихъ косъ, съ тѣмъ чтобы имѣли волоса въ бумажкахъ, а косы, у кого своихъ волосъ весьма недостаточно, привязывать малыя клеенки (?). Должно быть очень удобно было людямъ въ походѣ въ косахъ и пудрѣ!.. 15 апрѣля приказомъ объявлялось по арміи, чтобы всѣ свои письма доставляли въ дежурство, а оно уже будетъ разсылать чрезъ губернскія канцеляріи и военныя конторы въ Кіевъ, Москву и Петербургъ, тѣмъ же путемъ и отвѣты будутъ доставляться. Князь Голицынъ чрезвычайно ограничилъ обозъ; разрѣшено было имѣть генераламъ по одной, всѣмъ штабъ-офицерамъ полка одну, оберъ-офицерамъ на полкъ двѣ повозки, палатокъ имъ не полагалось. Строжайше подтверждалось имѣть наблюденія за нижними чинами чтобы не отлучались отъ своихъ командъ, не грабить и не обижать жителей; а были даже случаи кражи въ лагерѣ лошадей, у своихъ генераловъ!..

пона. 15-го перешла и вся армія на легкѣ, оставивъ тяжести на лѣвомъ берегу. 17-го числа армія перешла въ Новоселицы, вблизи коей высланный изъ Хотина турецкій отрядъ Кераманъ-паши былъ разбитъ нашимъ авангардомъ, 18-го числа безпрепятственно подступившимъ къ крѣпости Хотину. Войска наши были крайне утомлены жаромъ и недостаткомъ воды, а также безпрестанными крутыми подъемами и спусками, заставлявшими артиллерію постоянно спускать на канатахъ. Поэтому въ тотъ день противъ крѣпости ничего не было предпринято, и армія расположилась въ пяти верстахъ отъ Хотина лагеремъ.

19-го апрѣля князь Голицынъ придвинулъ армію ближе къ крѣпости и построилъ ее въ боевой порядокъ, въ двѣ линіи. По совершеніи молебствія по случаю дня Св. Пасхи, на высоты были выставлены батареи и открыта сильная пальба по расположенному передъ крѣпостью непріятельскому лагерю.

Благодаря искуству извѣстнаго нашего артиллерійскаго генерала Мелиссино, мы въ ту эпоху огнемъ артиллеріи такъ превосходили непріятеля, что большинство пораженій ему нанесенныхъ, почти включительно должно отнести къ заслугамъ артиллеристовъ, хотя въ нѣсколькихъ рѣшительныхъ столкновеніяхъ только геройство и презрѣніе къ смерти нашихъ пѣхотныхъ солдатъ рѣшали дѣло, не взирая на то, что насъ бывало менѣе одного противъ десяти. Я сказалъ *пѣхотныхъ*, потому что, судя по всѣмъ тогдашнимъ донесеніямъ и отзывамъ такихъ авторитетовъ какъ графъ Румянцевъ, кавалерія наша была на очень низкой степени развитія. Плохо вооруженная, на изнѣженныхъ лошадяхъ, неповоротливая, она рѣдко приносила ту пользу, какую слѣдовало отъ нея ожидать.

Послѣ трехчасовой канонады у непріятеля въ окопахъ разорвало нѣсколько чугунныхъ орудій, и онъ, не выдержавъ нашего огня, въ 6 часовъ бѣжалъ частію въ Хотинъ, частію къ Бендерамъ, выславъ предварительно для удержанія насъ отъ преслѣдованія кавалерійскій отрядъ, аттаковавшій нашъ правый флангъ; но и этотъ отрядъ былъ разстроенъ дѣйствіемъ артиллеріи и бѣжалъ. Тогда князь Голицынъ направилъ

сильную колонну для овладѣнія окопами. При этомъ было взято у турокъ семь пушекъ, три знамени и 25 плѣнныхъ, съ потерей у насъ 5 убитыхъ и 36 раненыхъ, но, къ сожалѣнію, въ числѣ ~~нихъ~~ генерала князя Долгорукова, вскорѣ умершаго.

Непріятель окончательно заперся въ крѣпости, сжегъ форштадтъ и выгналъ изъ города всѣхъ христіанъ и евреевъ, предварительно ограбленныхъ. Затѣмъ сутки производилась по крѣпости безполезная канонада, а 20 числа, отслуживъ благодарственное молебствіе при пушечныхъ и оружейныхъ залпахъ, князь Голицынъ отступилъ обратно за Днѣстръ... Причиной было не имѣніе осадной артиллеріи, недостатокъ продовольствія и разоренное состояніе Молдавіи, въ коей нельзя было ничего достать.

При отступленіи непріятельская конница напала на слѣдовавшій въ головѣ арміи обозъ и семейства переселенцевъ, надѣлала большой кутерьмы, при чемъ мы потеряли 180 человѣкъ и только прибытіе сильныхъ подкрѣпленій спасло обозъ отъ истребленія. Случай этотъ былъ послѣдствіемъ непростительной несообразительности: обозъ всей арміи, въ виду непріятеля, обладавшаго многочисленною ловкою кавалеріей, слѣдовалъ подъ прикрытіемъ *одной роты* Архангелогородскаго пѣхотнаго полка.

Князь Голицынъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться успѣхомъ, ободрить населеніе Молдавіи, ожидавшее съ нетерпѣніемъ нашего приближенія для возстанія противъ ненавистнаго ига, отступилъ, утѣшаясь наивною мыслью, что его диверсія къ Хотину весьма устрашила непріятеля и привела его въ робость, тогда какъ именно отступленіе за Днѣстръ должно было ободрить турокъ и дать имъ тему для самыхъ хвастливыхъ разсказовъ. Они воспользовались нашимъ уходомъ, всѣ свободныя войска изъ Хотина разсѣяли по Молдавіи и грабили и безчинствовали на волѣ, въ отместку за выказанныя къ намъ жителями, особенно духовенствомъ, симпатіи.

Между тѣмъ Голицынъ, расположивъ армію вблизи магазиновъ, усилилъ ее еще нѣсколькими прибывшими полками, вполнѣ обезпеченный продовольствіемъ и фуражемъ, выбралъ

у мѣстечка Меджибожа крѣпкую позицію и сталъ выжидать непріятеля, чтобы дать ему рѣшительное сраженіе!..

Такія дѣйствія очевидно не могли понравиться императрицѣ. Она извѣстила Голицына, что считаетъ недѣйствительнымъ предлогъ, побудившій его отступить, что онъ могъ магазины придвинуть къ себѣ, а не отступать къ нимъ, что оставаясь за Днѣстромъ онъ могъ разгонять мелкіе отряды турокъ, разсѣявшихся по Молдавіи, и овладѣть Хотиномъ, въ которомъ оставалось едва нѣсколько тысячъ изнуреннаго гарнизона.

Получивъ эти замѣчанія, Голицынъ собралъ 19-го мая военный совѣтъ изъ 20 генераловъ. Мнѣнія расходились діаметрально. Одни съ чрезмѣрною робостью опасались идти за Днѣстръ, другіе настаивали на этомъ, расходясь только въ пунктахъ переправы и расположенія арміи; нѣкоторые находили возможнымъ внезапно нагрянуть на Хотинъ, овладѣть крѣпостью и приписывали этому большое значеніе; другіе опять полагали, что взять крѣпость можно только правильною осадой и что овладѣніе ею для насъ не имѣетъ особаго значенія. Самъ Голицынъ оставался при своемъ мнѣніи, что слѣдуетъ оставаться на мѣстѣ и ожидать противника на нашу сторону рѣки, чтобы дать ему сраженіе.

Такимъ образомъ продолжалось наше бездѣйствіе, дававшее возможность туркамъ свободно двигаться, стягивать свои разбросанные отряды и безнаказанно распоряжаться всею Молдавіей; а наконецъ 3-го іюня прибылъ и самъ великій визирь съ 200,000 человѣкъ, при 140 пушкахъ, къ Пруту, у Рябой Могилы.

Здѣсь явился къ визирю посломъ отъ конфедераціи графъ Потоцкій, со свитой изъ 150 человѣкъ, и, испросивъ аудіенцію, рѣшился подвергнуться всѣмъ униженіямъ, лишь бы снискать расположеніе визиря. Приближаясь къ нему, Потоцкій сдѣлалъ земной поклонъ, поцѣловалъ полу его шубы и именемъ націи сказалъ: «Вся польская нація повергаетъ себя подъ защиту лучезарнаго, непобѣдимѣйшаго и святѣйшаго Магометова знамени, страшнаго всѣмъ христіанамъ, которому да пошлетъ Богъ на русскихъ совершенную побѣду». Но и

это ползаніе у ногъ татарскаго паши, это невѣроятное униженіе имени христіанской націи (едва ли, впрочемъ, дававшей Потоцкому полномочіе на это) не особенно подѣйствовали на надменнаго визиря: онъ весьма презрительно сказалъ, что всѣ эти конфедераты бѣглецы, несчастныя жертвы раздора, безразсудства и слабости непостоянной, безхарактерной націи, что онъ и на Польшу смотритъ какъ на врага, что онъ готовъ дать имъ только убѣжище, а не помощь, что онъ и безъ нихъ будетъ поражать враговъ своихъ и т. д. Потоцкій, съ самоотверженіемъ достойнымъ лучшей цѣли, продолжалъ проглатывать всѣ обиды и повторялъ, что всѣ поляки льстятъ себя надеждой, что блистательная Порта, уже столько разъ имъ помогавшая, и теперь не откажетъ въ содѣйствіи къ возвращенію потерянной свободы (?). «Скажите ему, возразилъ визирь, что Порта никогда не помогала невѣрнымъ, а имѣла многія причины жаловаться на поляковъ; пусть онъ не воображаетъ, что имѣетъ здѣсь дѣло съ христіанскою державой, привыкшею играть истиной и ложью. Знаете ли вы, обратился визирь къ пашамъ, что эти люди называютъ свободой? Это—право жить безъ всякаго закона». (Rulhière, Histoire de Pologne III, p. 252 и рукопись императорской публичной библіотеки). «Что до *тебя*, заключилъ свою рѣчь визирь, обращаясь къ Потоцкому, то ты имѣешь находиться для слѣдованія съ твоими людьми на ту сторону Днѣстра при Магометъ-пашѣ Румели, назначенномъ сераскиромъ Польши (?!)».

Затѣмъ начались различныя соображенія о способѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, и нѣтъ возможности безъ смѣха читать этихъ, столь свойственныхъ легкомысленному характеру однихъ и невѣжественной напыщенности другихъ, мальчишески хвастливыхъ предположеній и разсчетовъ!... То сто тысячъ конфедератовъ двигаются съ одной стороны, а двѣсти тысячъ турокъ съ другой, восемьдесятъ тысячъ татаръ съ третьей, и разоривъ всю Новороссію, уничтоживъ вездѣ русскія войска, они дѣлятъ добычу дружескимъ образомъ: одни берутъ Смоленскъ, Черниговъ и проч., другимъ отдаютъ Кіевское воеводство и, всѣхъ враждебныхъ конфедераціи крестьянъ, а также диссидентовъ съ ихъ женами, имуществомъ и т. д...

А кончилось дѣло тѣмъ, что вмѣсто сотенъ тысячъ, едва являлись десятки, большею частью сброда, и всякое движенiе парализовалось неустройствомъ продовольственной части. Наконецъ визирь рѣшился начать дѣйствiя и двинулъ часть орды къ Хотину, другую къ Бендерамъ, а татаръ къ Елисаветграду.

Князь Голицынъ, узнавъ объ этомъ, собралъ 5-го iюня военный совѣтъ, на коемъ рѣшено было атаковать часть непрiятеля, перешедшаго по сю сторону Днѣстра, а всей армiи двинуться къ Каменецъ-Подольску для удержанiя турокъ, сосредоточенныхъ въ Хотинѣ, отъ переправы.

8-го iюня полки выступили изъ своихъ квартиръ и 13-го сосредоточились въ мѣстечкѣ Ярмолинцы. Здѣсь Голицынъ опять собралъ совѣтъ (эти безпрестанныя обращенiя къ совѣтамъ уже достаточно характеризуютъ князя Александра Михайловича, и ожидать отъ него рѣшительныхъ дѣйствiй нечего было), на коемъ постановили продолжать движенiе и стать на берегу Днѣстра, выславъ сильный корпусъ на ту сторону для препятствованiя подвоза непрiятелю припасовъ. Если бы турки вздумали атаковать этотъ корпусъ, то наша армiя должна была или воспользоваться этимъ и напасть на Хотинъ, или присоединиться къ атакованному корпусу и общими силами разбить непрiятеля.

Не стану утомлять вниманiе читателя разсказами о разныхъ авангардныхъ дѣлахъ и стычкахъ, тѣмъ болѣе, что онѣ почти исключительно происходили съ легкими войсками генералъ-маiора князя Прозоровскаго, въ составъ коихъ не входилъ Кабардинскiй полкъ. Я ограничусь краткимъ перечнемъ болѣе важныхъ дѣлъ, въ коихъ войска наши, не взирая на свою малочисленность, на относительно плохое состоянiе кавалерiи и неудобную мѣстность, все-таки наносили туркамъ пораженiя, не давъ имъ возможности похвастать хотя бы однимъ, имѣющимъ значенiе успѣхомъ.

19-го iюня были разбиты и прогнаны за рѣку главныя части турецкаго корпуса, уже успѣвшаго на половину переправиться. 29-го числа непрiятельскiй отрядъ, шедшiй изъ Яссъ къ Хотину, атаковалъ нашъ авангардъ, но разбитый бѣжалъ

назадъ за Прутъ; въ тоже время разсѣяна шайка конфедератовъ, подъ начальствомъ Твардовскаго, имѣвшаго цѣлью уничтожить нашъ провіантскій магазинъ въ Станиславовѣ, причемъ панъ Твардовскій взятъ въ плѣнъ. 30-го числа турки все нападали на авангардъ главной арміи, двигавшейся за Днѣпромъ къ Хотину, но артиллерійскимъ огнемъ прогонялись съ потерями.

1-го іюля армія наша расположилась въ шести верстахъ отъ крѣпости при селѣ Пашковцахъ, съ намѣреніемъ остановить на другой день непріятеля, но онъ самъ помогъ намъ разбить себя: предполагая, что расположенныя предъ нимъ войска составляютъ только незначительную часть русской арміи, а виднѣвшійся за рѣкой небольшой нашъ отрядъ для прикрытія переправы принявъ за главную армію, непріятель рѣшился самъ напасть на насъ и разбить по одиночкѣ.

Такимъ образомъ, 3-го іюля обѣ стороны готовились къ атакѣ, но турки насъ предупредили и въ пять часовъ утра повели наступленіе на передовую колонну, высланную для занятія лѣсистыхъ высотъ. Первый натискъ турокъ, по обыкновенію, былъ стремителенъ и наша конница была смята; лѣвый флангъ былъ разстроенъ; съ фронта турки подскакивали, рубили рогатки, врывались за нихъ, не взирая на сильный огонь; минута казалась критическою, но въ это время выдвигаются изъ резерва два гренадерскіе баталіона, съ двухъ сторонъ атакуютъ турокъ и заставляютъ отступать. Собравшись съ силами, непріятель возобновляетъ разъ-другой свои натиски, но безуспѣшно. Гренадеры просили позволенія бросить рогатки и идти на непріятеля... (Какое рутинное, упрямое непониманіе! Никакъ не могли отрѣшиться отъ рогатокъ).

Въ восемь часовъ утра подошли къ мѣсту сраженія всѣ остальныя наши войска и князь Голицынъ построилъ одно общее баталіонное каре, двинулся съ цѣлью вогнать непріятеля въ ретраншаментъ подъ Хотиномъ, чтобы тамъ атаковать его. Но едва армія прошла съ версту, какъ турки огромною массой стремительно напали на нее со всѣхъ сторонъ. Безсвязныя атаки, хотя и отважно веденныя, не могли поколебать нашей пѣхоты; видя безуспѣшность ихъ, турки обратились на

кавалерію и стали ее тѣснить; но подоспѣвшіе батальоны, особенно четыре легкихъ орудія, отбили и эти попытки, такъ что непріятель бросился отступать частію за Прутъ, частію въ ретраншементъ.

На другой день мы собрались атаковать его, но непріятель очистилъ укрѣпленіе и ушелъ въ Хотинъ. Затѣмъ было приступлено къ блокадѣ и бомбардированію крѣпости.

Положеніе гарнизона было весьма затруднительно; многочисленность скопившихся въ немъ войскъ стѣсняла и увеличивала потери; всѣ лошади уже попадали отъ недостатка корма и воды; отъ развившейся заразы и нашихъ выстрѣловъ уже погибло до двухъ тысячъ человѣкъ; боевые и продовольственные припасы были на исходѣ; но гарнизонъ продолжалъ упорно обороняться, ободренный извѣстіемъ о приближеніи подкрѣпленія изъ крымскихъ татаръ. И дѣйствительно, 22-го іюля показались войска крымскаго хана. Чтобы соединиться съ крѣпостью, имъ необходимо было сбить съ позиціи нашъ авангардъ; но генералъ-маіоръ князь Прозоровскій, благодаря дѣйствію артиллеріи, держался, отбивая всѣ атаки. Наконецъ татары повели еще одну стремительную на него атаку и не взирая на сильнѣйшій огонь нѣсколькихъ десятковъ орудій, ворвались въ промежутокъ между авангардомъ и главною арміей, угрожая отрѣзать войска князя Прозоровскаго. Въ это время бывшая въ резервѣ тяжелая кавалерія наша бросилась во флангъ татаръ и, при содѣйствіи учащеннаго картечнаго огня нашихъ батарей, обратила ихъ въ бѣгство. Въ то же время была отбита и сдѣланная гарнизономъ Хотина вылазка, такъ что крѣпость потеряла всякую надежду на подкрѣпленіе и полученіе припасовъ и осталась въ отчаянномъ положеніи. По суткамъ люди не получали пропитанія и только страхъ казни удерживалъ ихъ еще отъ явнаго возмущенія. Плѣнные и дезертиры показывали, что и турки, и конфедераты готовы бы сдаться, если бы не боялись мщенія русскихъ. Посланныя съ парламентерами увѣренія въ пощадѣ и человѣколюбіи, лишь бы гарнизонъ сдалъ крѣпость, не проливая напрасно крови, не имѣли успѣха, ибо Потоцкій настаивалъ, что отбитое подкрѣпленіе крымскаго хана вызоветъ присылку болѣе

сильнаго, даже можетъ быть подъ предводительствомъ самаго великаго визиря, продолжавшаго все еще стоять у Рябой Могилы. 26-го іюля опять показался значительный непріятель, до пятидесяти тысячъ человѣкъ; это былъ Молдаванчи-паша съ отрядомъ турокъ и крымскою ордой, двигавшеюся на выручку Хотина. Еще до прибытія ихъ князь Голицынъ, по совѣту своихъ генераловъ, считая себя недостаточно сильнымъ для нападенія на это новое подкрѣпленіе, озаботился принять оборонительныя мѣры и для большей безопасности придвинулъ авангардъ Прозоровскаго къ главнымъ силамъ. Такимъ образомъ Молдаванчи-паша, послѣ нѣсколькихъ слабыхъ атакъ, сдѣланныхъ на наши войска, какъ бы для очистки совѣсти, достигъ своей цѣли, то есть соединился съ осажденными и сталъ лагеремъ подъ крѣпостью. У противника образовались превосходныя силы, не менѣе 120 тысячъ, дававшія возможность повести общую сильную атаку на нашу армію или угрожать ея сообщеніямъ.

Князь Голицынъ поспѣшилъ по этому поводу собрать военный совѣтъ, кончившійся, по обыкновенію, крайнею разноголосицей, и «длинной рѣчи краткій смыслъ» былъ тотъ, что армія наша вторично отступила за Днѣстръ, для того чтобы привести все въ исправное состояніе, снабдить себя осадною артиллеріей и проч. Турки ободрились и приписали себѣ славу блистательной побѣды...

Между тѣмъ визирь съ своими 200,000 человѣкъ стоялъ въ бездѣйствіи у Рябой Могилы. Паши воровали деньги, не отпуская войскамъ продовольствія, а тѣ занимались мародерствомъ и тысячами разбѣгались; дисциплины почти не существовало; извѣстія о пораженіяхъ при встрѣчахъ съ русскими волновали орду и она доходила до угрозъ самому визирю, такъ что онъ былъ вынужденъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманывать свое войско, разнося, напримѣръ, съ торжествомъ нѣсколькихъ церковныхъ хоругвей, взятыхъ при ограбленіи какой-то церкви, и увѣряя что это семь знаменъ, отбитыхъ въ сраженіи у русскихъ. Кончились, однако, дѣла по-турецки: визирь былъ вызванъ въ Адріанополь, получивъ на поѣздку знатную сумму денегъ, а по прибытіи туда былъ обез-

главленъ, вмѣстѣ съ своимъ переводчикомъ Драки и съ молдавскимъ господаремъ Гикою. Три головы были выставлены въ Стамбулѣ, съ надписями: надъ визирскою, что онъ злоупотреблялъ властью, допустивъ въ войскахъ безпорядки, не пошелъ на выручку Хотина и т. д.; надъ Драки — что онъ измѣнникъ и въ согласіи съ Гикою причинилъ много вреда, а надъ господаремъ, тоже за измѣну и присвоеніе себѣ 400 мѣшковъ денегъ, выданныхъ ему на покупку припасовъ.

На мѣсто визиря былъ назначенъ Молдаванчи-паша. Онъ началъ болѣе энергическія дѣйствія и турецкія партіи стали ежедневно переправляться на нашу сторону, впрочемъ каждый разъ прогонялись съ урономъ. 29-го августа онъ рѣшился дать намъ генеральное сраженіе и, перейдя чрезъ Днѣстръ, атаковалъ передовой отрядъ графа Брюса. Сначала турки имѣли большой успѣхъ, вслѣдствіе громаднаго превосходства въ силахъ, и отбили у насъ четыре орудія, но когда подошли подкрѣпленія и мы въ свою очередь атаковали съ фланга окружившихъ наши три пѣхотные полка турокъ, тѣ не выдержали удара въ штыки и бѣжали. Сраженіе продолжалось весь день, непріятель былъ разбитъ и отступилъ за Днѣстръ съ значительною потерей, особенно отъ блистательнаго дѣйствія артиллеріи генерала Мелиссино. Мы потеряли болѣе 500 человѣкъ, (въ томъ числѣ 10 Кабардинцевъ) и 1,600 лошадей, захваченныхъ турками въ тылу арміи отъ обозовъ.

Донесеніе о побѣдѣ, вмѣстѣ съ десятью знаменами взятыми у турокъ, было послано въ Петербургъ съ полковникомъ княземъ Голицынымъ; въ реляціи, въ числѣ особенно отличившихся, поименованы Кабардинскаго полка маіоръ Юрій Бибиковъ, поручики Рейникенъ и Ферзенъ, оба раненые, и маіоръ датской службы Мольтке, который, находясь при Ростовскомъ карабинерномъ полку (драгунскомъ). отличился особою отвагой и былъ раненъ саблей въ руку. Я упоминаю здѣсь о послѣднемъ собственно потому, что это былъ безъ сомнѣнія родственникъ нынѣшняго знаменитаго Schlachten-denker'а графа Мольтке (какъ извѣстно, происходящаго изъ Даніи), считающагося нашимъ фельдмаршаломъ и шефомъ Рязанскаго пѣхотнаго полка; видно что военная доблесть—принадлежность этой фамиліи.

6-го сентября Молдаванчи-паша рѣшился еще разъ перейти Днѣстръ и укрѣпиться на нашемъ берегу, чтобъ обезпечить свободу своимъ фуражирамъ, вынужденнымъ тутъ искать продовольствія для лошадей, погибавшихъ въ Хотинѣ отъ совершенной безкормицы. Князь Голицынъ рѣшился атаковать устроенный турками редутъ и назначилъ для этого десять гренадерскихъ баталіоновъ*), которые, не взирая на глубину наполненнаго грязью рва и усиленный огонь непріятеля, ворвались въ укрѣпленіе, выгнали его защитниковъ и съ громаднымъ урономъ прогнали за Днѣстръ; но и мы потеряли при этомъ убитыми и ранеными 29 офицеровъ и 575 человѣкъ! Изъ нашего полка безъ вѣсти пропало 8 человѣкъ, тяжело ранены, поручики: Рейникенъ и Ферзенъ и 24 гренадера. Кромѣ этихъ двухъ офицеровъ, отличились и были представлены къ наградамъ, другой братъ капитанъ Ферзенъ, капитанъ Спиридоновъ, поручики: Пущинъ, Козловъ, Фридриксъ, Ермолаевъ, подпоручики: Ферзенъ, Трантъ, Тылкинъ, Залупинъ, Свѣчинъ, Гревсъ; прапорщики: Ецунскій, Августовъ (объ нихъ Игельштромъ особенно ходатайствовалъ) Морозовъ и Калмыковъ. Но болѣе всѣхъ отличился и вызвалъ особенную объ себѣ реляцію подпоручикъ Тылкинъ. Онъ былъ командированъ въ распоряженіе извѣстнаго героя полковника Вейсмана, для сопровожденія его колонны до непріятельскихъ шанцевъ, по знанію имъ мѣстности, ибо прежде на тѣхъ батареяхъ и шанцахъ безсмѣнно за дежурнаго адъютанта находился. По приводѣ колонны къ мѣсту, принялъ участіе въ атакѣ и самъ захватилъ непріятельское знамя, представленное въ главный штабъ. Намъ слѣдуетъ почтить память молодца Тылкина, который среди чужой колонны не уронилъ имени Кабардинцевъ.

Послѣ этого пораженія и истребленія множества мелкихъ партій, не успѣвшихъ перебраться за разлившуюся вдругъ

*) Гренадерскихъ баталіоновъ было только четыре, остальные шесть были сводные изъ ротъ всѣхъ полковъ; наши роты были съ Муромскими,— командиръ маіоръ Кафтыревъ. Это распоряженіе одобрилъ также и графъ Румянцевъ и сводные гренадерскіе баталіоны оставались до конца войны.

рѣку, съ нашей стороны устроили сильную батарею и открыли такую кононаду по Хотину, что Молдаванчи-паша долженъ былъ снять свой лагерь и удалиться; а вслѣдъ затѣмъ и гарнизонъ крѣпости скрытно отступилъ, бросивъ порученныя его защитѣ твердыни.

9-го сентября наши войска заняли Хотинъ безъ выстрѣла. Въ немъ найдено значительное количество всякихъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ и гарнизонъ очевидно бѣжалъ не отъ недостатка продовольствія. Нѣсколько оставшихся въ городѣ жителей говорили, что турецкое войско просто возмутилось противъ своего начальства за претерпѣваемыя постоянно пораженія.

Взятіе Хотина скрасило безплодность предшествовавшихъ нерѣшительныхъ дѣйствій князя Голицына, но задолго до этого, тотчасъ послѣ вторичнаго отступленія за Днѣстръ, императрица уже рѣшилась отозвать его изъ арміи и 13-го августа писала, что считаетъ необходимымъ лично совѣщаться съ нимъ о дѣлахъ, дабы на этомъ основать впредь свои распоряженія, и дружески увѣряла его, что это не есть гнѣвъ съ ея стороны. При этомъ онъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы.

Главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Румянцевъ, вступившій 18-го сентября въ командованіе арміей. Чуяли ли турки; какая гроза собирается надъ ихъ головами?

Въ теченіе осени наши отряды заняли Молдавію и Валахію; турецкія главныя силы отступили за Дунай, а русская армія расположилась въ Подольской губерніи, сначала на кантониръ-квартирахъ. Кабардинскій полкъ въ дивизіи генералъ-поручика Рененкампфа стоялъ въ деревнѣ Терновкѣ; за исключеніемъ двухъ ротъ, командированныхъ въ польское мѣстечко Полонное для прикрытія провіантскаго магазина, а съ 15-го октября на зимнихъ квартирахъ уже въ дивизіи генерала Племянникова, въ селѣ Голосковѣ.

IX.

Распоряженія Румянцева къ устройству арміи. — Выступленіе къ Днѣстру. — Препятствія отъ ненастья и чумы. — Пораженіе турокъ при Ларгѣ. — Побѣда при Кагулѣ. — Отзывъ объ отличившихся офицерахъ Кабардинскаго полка.

Въ теченіи зимы 1769—70 года обѣ стороны дѣятельно готовились къ новой кампаніи. Французскій министръ Шуазель писалъ одному изъ своихъ пословъ, что твердость султана, безчисленныя приготовленія, негодованіе за дурной исходъ прошедшей кампаніи, готовятъ усилія, противъ коихъ русскіе въ свою очередь не устоятъ, если они по прежнему будутъ разсчитывать только на одно счастіе, доставившее имъ побѣду, которой они не содѣйствовали ни своими качествами, ни дѣйствіями».

Намъ не слѣдуетъ ни удивляться, ни негодовать на подобные отзывы. И сто лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время традиціонная враждебность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и завистъ, и боязнь почти всей Европы, особенно ея политическихъ дѣятелей, не перестаютъ осыпать насъ всяческими клеветами...

Императрица Екатерина ничуть не стѣснялась всѣми этими враждебностями и почти не обращала на нихъ никакого вниманія. Она прямо шла къ цѣли. Если поглубже вникнуть въ значеніе дружбы западныхъ державъ къ Турціи, — дружбы, въ надеждѣ на которую Порта всякій разъ только и рѣшалась на войну съ Россіей, то окажется что весь результатъ этой дружбы и всѣхъ усиленныхъ поддержекъ Европы, много-много что отсрочилъ роковую катастрофу... Предотвратить же ее могла, быть можетъ, искренняя дружба съ Россіей, основанная на освобожденіи славянъ отъ непосредственнаго подчиненія Портѣ.

Графъ Румянцевъ настаивалъ на необходимости дѣлать всевозможныя приготовленія для будущей кампаніи, которой онъ придавалъ болѣе важности чѣмъ минувшей. При всей своей рѣшительности и отвагѣ, онъ былъ изъ числа полководцевъ, вѣрныхъ правилу «не пренебрегать никакимъ врагомъ». Первою заботой его было доставленіе войскамъ покойныхъ зимнихъ квартиръ, чтобы недостатки арміи могли съ удобствомъ быть исправлены.

Въ войскахъ былъ большой некомплектъ людей, особенно отъ раскомандированныхъ для прикрытія госпиталей и магазиновъ; въ плохомъ состояніи также была обувь и одежда.

Графъ Румянцевъ приказалъ отдѣлить отъ полковъ слабыхъ людей для занятія гарнизоновъ, а на ихъ мѣсто вытребовалъ здоровыхъ, надежныхъ солдатъ изъ ротъ оставшихся въ Россіи; недостающее число пополнялось рекрутами, на обученіе коихъ было обращено особое вниманіе, и притомъ не по рутинному тогдашнему способу, а преимущественно требовалось пріученіе къ мѣткой стрѣльбѣ, быстрое построеніе колоннъ и каре и т. п. Величайшая опрятность и строжайшая военная дисциплина была первымъ условіемъ. «Потворствомъ», говорилъ Румянцевъ, «можно испортить лучшую армію». По части госпитальной и особенно продовольственной тоже были сдѣланы самыя подробныя и, по тогдашнимъ условіямъ, наилучшія распоряженія.

Не лишены интереса нѣкоторыя цыфры, извлеченныя изъ строевыхъ рапортовъ въ походное дежурство арміи. Напримѣръ, въ Кабардинскомъ полку, за декабрь 1769 г.: поймано изъ бѣговъ 3, умерло 33, бѣжали 1 рядовой, 1 деньщикъ; въ февраля 1770 г.: поймано 7, умерло 15, бѣжалъ 1; въ мартѣ убито 9, бѣжали 1 каптенармусъ, 9 рядовыхъ, умеръ полковой священникъ и 34 рядовыхъ. Въ апрѣлѣ бѣжало 11 человѣкъ, умерло: 1 подпоручикъ и 21 нижнихъ чиновъ; въ маѣ изъ поповичей и солдатскихъ дѣтей зачислено въ полкъ 221; бѣжали: 1 барабанщикъ, 1 флейщикъ и 32 нижнихъ чиновъ! Въ іюнѣ умерло: 1 прапорщикъ и 53 нижнихъ чиновъ; бѣжало 12 человѣкъ. Въ августѣ бѣжало 17, а поймано 11; въ октябрѣ умерло 44, утонуло 5, но бѣжало

уже только 2. Не слѣдуетъ забывать, что весь составъ полка тогда былъ не болѣе 1,200 человѣкъ; слѣдовательно процентъ бѣглыхъ съ марта по октябрь ясно показывалъ, что въ это время въ полку происходили какія нибудь особыя злоупотребленія или жестокости со стороны командующихъ, съ прекращеніемъ коихъ дезертирство сократилось до нормальной, такъ сказать, цыфры, колебавшейся въ тѣ времена въ нашемъ полку между 1—4—5 въ мѣсяцъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ нормальныя цыфры были 8—10—15 человѣкъ... Какія причины вызывали усиленіе побѣговъ, остается, само собою, внѣ всякой возможности разъясненія: кромѣ нѣсколькихъ строевыхъ рапортовъ, въ архивахъ никакихъ другихъ данныхъ неоказывается.

По составленному плану*) кампаніи, главное назначеніе первой арміи состояло въ окончательномъ удержаніи за собою пространства между Прутомъ и Серетомъ, до впаденія ихъ въ Дунай. Такимъ образомъ турецкія войска должны были быть удержаны за Дунаемъ и лишены возможности перейти рѣку отъ Браилова до Виддина; а вторая армія должна была овладѣть Бендерами и прикрывать наши южныя границы со стороны Очакова и Крыма.

Понимая затруднительность своего положенія, Порта истощала всѣ средства для отраженія грозившей опасности. Но неудачи минувшей войны охладили многихъ рѣшительныхъ людей, бывшихъ во главѣ партіи, требовавшей объявленія войны Россіи.

Изъ Анатоліи прибыло не болѣе 40,000 человѣкъ, усилившихъ турецкую армію, собранную къ веснѣ у Адріанополя. Паши трапезондскій, эрзерумскій и карскій назначались дѣйствовать противъ грузинскихъ князей и къ сторонѣ Крыма. Для возбужденія энтузіазма къ войнѣ, султанъ обѣщалъ лично

*) Въ это же время графъ Румянцевъ произвелъ многія измѣненія въ составѣ офицеровъ. Изъ Кабардинскаго полка по болѣзни и *по вольности дворянства* переведены въ гарнизоны и уволены отъ службы 14 человѣкъ, всѣ съ повышеніемъ въ чинѣ; поручикъ Фридрихсъ произведенъ въ капитаны съ переводомъ въ Венгерскій гусарскій полкъ, а нашъ храбрый капитанъ Францъ Ренненъ въ вновь формируемый Петербургскій легіонъ.

предводить арміей, но вскорѣ рѣшился предоставить главное начальство надъ нею верховному визирю, а самъ снова удалился въ свой гаремъ.

Нуждаясь въ деньгахъ, султанъ уменьшилъ роскошь въ сералѣ и даже запретилъ женщинамъ носить богатыя платья. Золотой сервизъ свой, стоившій два милліона талеровъ, онъ приказалъ перелить въ деньги.

А сборъ войскъ шелъ вообще медленно. До 12,000 человѣкъ визирской арміи, оставивъ въ прошломъ году Магометово знамя, не хотѣли выйти изъ Константинополя для новой кампаніи и бродили въ городѣ и по его окрестностямъ. Намѣстникъ визиря въ столицѣ, чтобы принудить ихъ идти въ походъ, прибѣгнулъ къ оригинальному средству. Онъ собралъ множество женщинъ и подговорилъ ихъ убѣдить бродившихъ солдатъ идти въ походъ. Женщины эти употребляли сначала ласки, но когда это средство не помогло, онѣ начали называть бѣглецовъ трусами. Тогда солдаты избили подговоренныхъ женщинъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ раздѣли и въ такомъ видѣ гоняли по городу.

Для обузданія своевольныхъ, султанъ приказалъ въ Константинополѣ поставить нѣсколько висѣлицъ, на которыхъ были многіе виновные повѣшены за ребро; иные же посажены на колъ. Ночью висѣлицы были сломаны и на стѣнахъ сераля появилась надпись, относившаяся къ султану: «доставь намъ миръ, или будешь лишенъ жизни». Султанъ назначилъ 1,000 талеровъ за отысканіе виновныхъ, но всѣ попытки остались тщетными.

Дѣла въ Черногоріи шли дурно; черногорцы распространили свои набѣги до самой Македоніи. Степанъ Малый взялъ Подгорицу и еще два важные пункта, нанеся значительный уронъ туркамъ, что показывало недостаточность высланнаго въ Черногорію 13,000 турецкаго отряда.

Въ началѣ мая въ Бабадагѣ было до 150,000 человѣкъ, которые направлялись въ Исакчи. Во главѣ этихъ войскъ находился верховный визирь съ пресловутымъ зеленымъ магометовымъ знаменемъ, относительно коего турки находились въ постоянномъ заблужденіи. Они думали что христіане, увидя

въ бою магометово знамя, должны непремѣнно ослѣпнуть или бѣжать. Эмиры старались поддержать это заблужденіе для приданія бодрости мусульманамъ. Впрочемъ настоящее магометово знамя, какъ говорятъ, давно уже было потеряно въ войнѣ съ австрійцами.

Войска, собранныя въ Бабадагѣ, далеко не имѣли уже той увѣренности въ успѣхѣ, какъ въ прошломъ году. Къ тому же распространился не выгодный для турокъ слухъ по поводу открытія, сдѣланнаго въ то время на островѣ Мальтѣ, въ церкви города Валетты. Въ стѣнѣ этого храма будто бы открытъ былъ потайной шкафъ, въ которомъ найдены были разныя бумаги Мальтійскаго ордена; тутъ же находились вырѣзанныя на слоновой кости нѣкоторыя изрѣченія, которымъ молва придала значеніе пророчества. Въ одномъ изъ такихъ изрѣченій было сказано: «что Константинополь достанется Русскимъ»... *).

Время къ открытію кампаніи приближалось, а состояніе арміи графа Румянцева во многихъ отношеніяхъ не было удовлетворительно, не доставало людей, а наличные были плохо одѣты и обуты. Исправить эти недостатки къ предстоящему походу не было никакой надежды, однако графъ Румянцевъ дѣятельно готовился къ выступленію и ожидалъ только исправленія дорогъ, совершенно распустившихся отъ дождей. Но какъ раннее начало кампаніи могло обезпечить успѣхъ предстоящихъ дѣйствій, не давая противнику времени собраться и усилиться, а потому нужно было употребить всѣ усилія къ открытію похода.

Предъ выступленіемъ съ зимнихъ квартиръ, графъ Румянцевъ, имѣя въ виду большой некомплектъ, массу больныхъ и откомандированныхъ людей, приказалъ сформировать для похода роты исключительно изъ наличныхъ здоровыхъ людей, а больныхъ, малосильныхъ и т. п. зачислить въ другія роты, которыя и оставить на мѣстѣ впредь до выздоровленія и пополненія годными людьми, по мѣрѣ чего отправлять уже сформированныя роты къ своимъ частямъ. Такимъ образомъ въ Кабардинскомъ полку составилось всего 5 ротъ и къ нимъ присоединили 2 роты Невскаго пѣхотнаго полка, оставленнаго

*) Всѣ эти подробности см. «Исторію первой турецкой войны» полковн. Петрова.

въ Польшѣ. Въ 1769 г., предъ выступленіемъ изъ взятаго Хотина, тоже для усиленія численности нашего полка, къ нему прибавили одну роту Бѣлозерскаго полка, оставленнаго въ гарнизонѣ Хотина. Кабардинскій полкъ почти постоянно оставался въ колоннѣ бригадира Игельштрома, пользовавшагося извѣстностью одного изъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ того времени, а онъ, какъ бывшій командиръ полка, не хотѣлъ разставаться съ своими лихими сослуживцами, съ которыми составилъ себѣ репутацію. Такимъ образомъ, во все время пятилѣтней войны, полкъ не выходилъ изъ дѣйствующихъ колоннъ и не оставлялся въ гарнизонахъ и вагенбургахъ.

23-го апрѣля армія графа Румянцева начала выступать частями изъ расположенія на зимнихъ квартирахъ къ Хотину, гдѣ назначалось сборное мѣсто и устроенъ былъ мостъ для переправы чрезъ Днѣстръ. Для удобства движенія, вся армія была раздѣлена на семь колоннъ; 4-я и 5-я колонны (3-я дивизія, въ которой состоялъ Кабардинскій полкъ) при генералъ-аншефѣ Олицѣ слѣдовали отъ мѣстечка Грудекъ на Вишневецъ, Стефанешки и Должокъ.

Безпрерывные дожди до того испортили дороги, что графъ Румянцевъ принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько лишнихъ роздыховъ противъ назначенныхъ въ маршрутѣ, отчего войска пришли къ Хотину только 12-го мая и стали лагеремъ на берегу Днѣстра противъ крѣпости. Тутъ графъ Румянцевъ простоялъ еще нѣсколько дней, чтобъ отставшіе обозы могли присоединиться къ своимъ частямъ; но для дальнѣйшаго движенія впередъ представилось неожиданно новое препятствіе: явилась чума...

Хотя появленіе заразы въ Молдавіи угрожало нашему отряду, въ ней расположенному, и могло значительно стѣснить дѣйствія графа Румянцева, но онъ рѣшился въ точности исполнить повелѣніе императрицы, состоявшее въ томъ, чтобъ безъ крайней надобности не оставлять занятыхъ земель. До сихъ поръ опасности отъ заразы подвергался одинъ Молдавскій корпусъ. Но съ открытіемъ кампаніи и главныя силы Румянцева по необходимости должны были имѣть тѣсную связь съ войсками, расположенными въ Молдавіи, что могло также

распространить заразу и между ними. Тѣмъ не менѣе выжидать времени, пока повѣтріе ослабѣетъ, графъ Румянцевъ не рѣшался, потому что это могло вселить непріятелю мысль о затруднительности нашего положенія и сверхъ того давало ему время усилиться въ Молдавіи.

Онъ рѣшился продолжать движеніе впередъ; а для предохраненія войскъ отъ заразы предполагалъ избѣгать сношеній съ Хотиномъ. Затѣмъ, въ тѣхъ же видахъ, не вступая въ Молдавію, двигаться по лѣвому берегу Прута, мѣстами малонаселенными, гдѣ моровое повѣтріе еще не проявлялось. Притомъ же такое направленіе соотвѣтствовало и стратегическимъ соображеніямъ, потому что ставило армію графа Румянцева въ болѣе тѣсную связь со второю арміей.

Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, графъ Румянцевъ перешелъ 15-го мая Днѣстръ у Хотина, не входя въ городъ. А между тѣмъ турецкая армія, какъ медленно ни собирались ея части, все таки достигла значительной цифры 200,000, тогда какъ у Румянцева было съ казаками и пр. 31,000 человѣкъ.

Турки открыли наступательныя дѣйствія: начались безпрестанныя стычки съ передовыми войсками Молдавскаго корпуса. Ужасные дожди препятствовали движенію и Румянцевъ долженъ былъ простоять на мѣстѣ до 25-го мая, а затѣмъ двинулся небольшими переходами впередъ, упражняя войска въ построеніяхъ и движеніяхъ вновь введенными походными и боевыми колоннами. Преодолѣвая большія трудности по испорченнымъ, гористымъ дорогамъ, гдѣ артиллерію и обозы приходилось тащить на людяхъ, армія при всемъ желаніи поспѣшить, вынуждена была дѣлать небольшіе переходы. Наконецъ, 9-го іюня, Румянцевъ расположился на Прутѣ и вошелъ въ связь съ отдѣльнымъ Молдавскимъ корпусомъ, находившимся въ виду сильнаго непріятеля, въ опасномъ положеніи; 10-го іюня авангардъ нашъ уже имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, а 15-го турки были разбиты у Рябой Могилы. Послѣ этого армія наша двинулась къ рѣкѣ Серетъ.

Предвидѣлась близость сильнѣйшаго столкновенія съ главными турецкими силами и неизбѣжность быстрыхъ передви-

женій. Поэтому графъ Румянцевъ обратилъ особое вниманіе на обезпеченіе войскъ хлѣбомъ; а тутъ какъ нарочно язва въ Хотинѣ и окрестностяхъ не уменьшалась, а транспортъ съ продовольствіемъ долженъ былъ проходить черезъ Днѣстръ у Хотина. Но приняты были всѣ мѣры предосторожности, а такихъ полководцевъ какъ Румянцевъ ничто въ тупикъ не ставитъ. Не взирая на свою малочисленность и на то, что непріятель въ сильныхъ массахъ находился на берегахъ Прута, не взирая на невозможность остановиться на основательномъ соображеніи—что намѣренъ предпринять противникъ, главнокомандующій нашъ, руководствуясь нѣкоторыми извѣстіями и сообщеніями перебѣжчиковъ, убѣдился, что намъ готовятъ ударъ на лѣвомъ берегу Прута и сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, заключавшіяся въ томъ, главнѣйше, что, какъ выразился Румянцевъ на собраніи генераловъ, «слава и достоинство наше не терпятъ, чтобы сносить присутствіе непріятеля стоящаго въ виду насъ, не наступая на него, и потому слѣдуетъ атаковать».

Послѣ ежедневныхъ авангардныхъ стычекъ, 7-го іюля произошелъ знаменитый бой въ долинѣ рѣки Ларги, гдѣ 80,000 турокъ было разбито 15,000 русскихъ войскъ и притомъ съ весьма ничтожною потерей. Румянцевъ первый въ Россіи получилъ за это орденъ Георгія 1-го класса.

Визирь не особенно смутился пораженіемъ его войскъ при Ларгѣ и все еще оставался въ увѣренности, что самъ онъ съ своими силами непобѣдимъ и что стоитъ только лично ему перейти Дунай, чтобъ уничтожить русскихъ. На собранномъ совѣтѣ паши съ восторгомъ выслушали его намѣреніе атаковать насъ, тѣмъ болѣе что, по свѣденіямъ, русскія войска нуждаются въ продовольствіи и крымскій ханъ обѣщалъ атаковать ихъ съ тыла въ то время какъ визирь атакуетъ съ фронта. Раздѣливъ свою армію на три колонны, визирь оставилъ себѣ центръ, а фланги поручилъ двумъ лучшимъ пашамъ, для поощренія коихъ пожаловалъ имъ по шубѣ. Всѣ поклялись не отступать, не разбивъ русскихъ. Такимъ образомъ состоялось движеніе визиря къ озеру Кагулу.

При всемъ желаніи тотчасъ двинуться на непріятеля, графъ

Румянцевъ не считалъ однако возможнымъ тронуться, не имѣя съ собою по крайней мѣрѣ семидневнаго провіанта, почему и послалъ приказаніе о немедленномъ слѣдованіи обозовъ, а для ускоренія, на встрѣчу, выслалъ полковыя повозки, вооруживъ и усилилъ погоньщиковъ. Въ ожиданіи прибытія провіанта, графъ Румянцевъ не могъ двинуться далѣе и тѣмъ самымъ далъ непріятелю возможность усилить турецкія войска на Кагулѣ всею арміей визиря, такъ что она возрасла до 50,000 пѣхоты и 100,000 конницы. Кромѣ того 80,000 татаръ стояли у озера Ялпуха, намѣреваясь атаковать наши обозы и транспортъ шедшій отъ Фальчи, послѣ чего татары могли напасть на нашу армію съ тыла. Такимъ образомъ положеніе графа Румянцева было слѣдующее: предъ фронтомъ его стояло 150,000 турокъ; вправо и влѣво длинныя озера Кагулъ и Ялпухъ, препятствовавшія свободному движенію; продовольствія оставалось дня на три или на четыре. Положеніе крайне опасное. Въ случаѣ неудачи, армія была бы приведена въ совершенную крайность; запертая въ узкомъ пространствѣ между двухъ рѣкъ и большихъ озеръ, атакованная съ фронта и съ тыла противникомъ въ десять разъ сильнѣйшимъ, она, по мнѣнію турокъ, должна была положить оружіе.

Выйти изъ этого опаснаго положенія графъ Румянцевъ могъ легко,—ему стоило только отступить къ Фальчи, соединиться съ своими транспортами, и обезпечивъ себя продовольствіемъ выжидать нападенія противника на избранной позиціи. Тогда, даже въ случаѣ потери сраженія, онъ могъ отступить на соединеніе со второю арміей и совокупными силами снова перейдти въ наступленіе. Но вѣрный своему правилу: «не сносить присутствія непріятеля, не атаковавъ его», онъ, какъ древній римлянинъ, не считалъ числа непріятеля, а искалъ только гдѣ онъ.

Намѣреваясь идти на встрѣчу верховнаго визиря, графъ Румянцевъ приказалъ армейскимъ обозамъ, слѣдовавшимъ отъ Фальчи къ рѣкѣ Сальчѣ, перейти къ рѣкѣ Кагулу, въ обезпеченіе ихъ отъ нападенія татаръ изъ-за Ялпуха.

Турки, замѣтивъ неподвижность графа Румянцева, думали что она происходитъ отъ сознанія собственнаго безсилія. По-

этому въ 10 часовъ утра, 20-го іюля, они снялись съ своей позиціи и двинулись къ селенію Грачени. Графъ Румянцевъ, взойдя на высокій холмъ, наблюдалъ движенія непріятеля, который остановился къ вечеру верстахъ въ двухъ не доходя Троянова вала, и, казалось, выбиралъ позицію.

Несмотря на сравнительную малочисленность русской арміи, въ которой, за отдѣленіемъ до 6,000 человѣкъ въ прикрытіе транспортовъ, оставалось всего до 17,000 человѣкъ, графъ Румянцевъ, разсматривая непріятеля въ подзорную трубу, обратился къ окружавшему его штабу и сказалъ: «если турки осмѣлятся въ томъ мѣстѣ разбить хоть одну палатку, я ихъ атакую въ ту же ночь». Непріятель дѣйствительно началъ разбивать свой лагерь верстахъ въ семи отъ нашихъ войскъ, на лѣвомъ берегу рѣки Кагула, близь ея устья. Въ послѣдствіи мы узнали, что послѣ рекогносцировки нашей позиціи 19-го іюля, визирь составилъ слѣдующій планъ къ атакѣ: показывая видъ наступленія на нашъ центръ, онъ всѣ главныя силы свои хотѣлъ устремить на лѣвое крыло, стараясь опрокинуть насъ въ рѣку Кагулъ. Въ тоже время крымскій ханъ, услышавъ выстрѣлы, немедленно долженъ былъ перейти рѣку Сальчу и всѣми своими силами ударить на насъ съ тыла. Приближеніе визиря къ нашей позиціи не оставляло сомнѣнія въ его намѣреніи атаковать насъ. Плѣнные дѣйствительно утверждали, что визирь и ханъ намѣрены произвести атаку 21-го іюля. При такихъ обстоятельствахъ важнѣе всего было выиграть время.

Главное дѣло состояло теперь въ томъ, чтобы предупредить нападеніе противника и атаковать турокъ прежде, нежели татары успѣютъ напасть на насъ съ другой стороны. Для этого въ часъ ночи на 21 іюля войска выступили съ позиціи и заняли назначенныя имъ мѣста. Соблюдая возможную тишину, продолжали слѣдовать къ Троянову валу. Во время этого движенія въ непріятельскомъ лагерѣ произошла фальшивая тревога, раздались ружейные выстрѣлы и нѣсколько лошадей въ полной сбруѣ подбѣжали къ нашему фронту; вскорѣ однако спокойствіе въ турецкомъ лагерѣ снова возстановилось, но уже во всю остальную ночь всѣ находились на-

сторожѣ, какъ бы предчувствуя приближеніе нашихъ войскъ, хотя ихъ еще и не было видно. На разсвѣтѣ войска наши перешли Трояновъ валъ и выстроились въ линію. Лишь только непріятель замѣтилъ атакующихъ, какъ выслалъ изъ лагеря огромныя массы конницы, которая, растянувшись предъ всѣмъ нашимъ фронтомъ, повела атаку на всю линію. Каре наши остановились и открыли жестокую пальбу по непріятелю. Въ особенности былъ губителенъ огонь батарей Мелиссино. Дѣйствіемъ артиллеріи непріятель былъ отбитъ отъ нашего центра.

Отбитый здѣсь, непріятель бросился вправо, для усиленія атаки на колонны генерала Брюсса и князя Репнина. Пользуясь лощиной, бывшею между кареями, непріятель спустился въ нее и ударилъ на эти каре, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. (Въ каре Брюсса былъ Кабардинскій полкъ). Пока здѣсь происходилъ усиленный бой, Румянцевъ отправилъ изъ атакованныхъ колоннъ резервы, имѣвшіе назначеніе занять лощину и угрожать туркамъ въ ихъ пути отступленія къ лагерю и ретраншаментамъ.

Этотъ маневръ вполнѣ удался. Непріятель, боясь потерять отступленіе, съ оглушительнымъ крикомъ кинулся изъ лощины къ ретраншаменту, подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ нашей артиллеріи. По отступленіи непріятеля въ этомъ пунктѣ, конница турецкая, атаковавшая прочіе каре на правомъ и лѣвомъ флангахъ, также поспѣшно отступила. Потерпѣвъ неудачу въ центрѣ и на правомъ своемъ флангѣ, непріятель не былъ счастливъ и на лѣвомъ, гдѣ генералъ Бауръ не только умѣлъ отразить его, но, перейдя въ наступленіе подъ жаркимъ огнемъ, штурмовалъ 25 пушечную батарею и взялъ ее, а затѣмъ и ретраншаментъ, овладѣвъ всего 93 орудіями.

Отразивъ такимъ образомъ первый жестокій натискъ противника, войска наши въ 8 часу утра двинулись далѣе къ главному ретраншаменту, весьма скоро и искусно устроенному турками для прикрытія своего лагеря.

Когда наши войска подошли на близкое разстояніе къ этому укрѣпленію, непріятель открылъ свои большія батареи, направляя преимущественно огонь на каре генераловъ Олица

и Племянникова. Эта послѣдняя колонна уже приближалась къ ретраншаменту, оставалось пройти нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ 10,000 янычаръ, составлявшихъ гордость турокъ, какъ отборное войско, спустились въ лощину, бывшую между центромъ и лѣвымъ флангомъ укрѣпленія, и съ отчаянною стремительностью, выхвативъ сабли, ринулись на каре, ворвались въ него, смяли нѣкоторыя части и бросились на другія сзади. Смятеніе произошло ужасное; все каре было разстроено; въ рукахъ янычаръ было уже два нашихъ знамени и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ; многіе солдаты спасались бѣгствомъ, стараясь укрыться въ каре генерала Олица, приводя и его въ разстройство. Замѣтивъ все это и опасаясь за участь центральнаго каре, графъ Румянцевъ обратился къ принцу Браунштейгскому, бывшему около него, и очень спокойно сказалъ: «Теперь настало наше дѣло». Съ этими словами онъ поскакалъ изъ каре Олица къ бѣгущимъ войскамъ Племянникова и однимъ словомъ: «ребята, стой!» удержалъ бѣгущихъ, которые видя что графъ Румянцевъ подвергается личной опасности отъ янычаръ, сгруппировались около него. Вмѣстѣ съ тѣмъ послано было приказаніе произвести жесточайшій огонь изъ батареи Мелиссино на янычаръ, кавалеріи ударить на нихъ же съ двухъ сторонъ. Генералъ Бауръ, вступившій уже въ ретраншаментъ, отправилъ отъ себя баталіонъ егерей для атаки янычаръ слѣва и для продольнаго обстрѣливанія бывшаго предъ ретраншаментомъ рва, въ которомъ также засѣли янычары, наконецъ 1-й гренадерскій полкъ, воспользовавшись замѣшательствомъ, произведеннымъ взорваніемъ заряднаго ящика, бросился въ штыки. Янычары, потерпѣвшіе много отъ взорваннаго ящика, были обращены въ бѣгство и кавалеріи нашей пришлось только преслѣдовать ихъ. Въ тоже время наши разстроенныя части были приведены въ порядокъ, а боковыя колонны успѣли занять весь ретраншаментъ и отбить захваченныя турками знамена.

Приведенный въ ужасъ непріятель, потерявъ свои укрѣпленія, артиллерію и обозы, увидѣлъ что корпусъ князя Репнина заходитъ ему въ тылъ, и, думая только о своемъ спасеніи, оставилъ въ 9 часовъ утра весь лагерь и обратился въ

совершенное бѣгство, поражаемый фланговыми выстрѣлами изъ корпуса князя Репнина.

Напрасно верховный визирь Халиль-паша, съ саблей въ рукѣ, старался остановить бѣгущихъ; слова его пропадали напрасно; не больше пользы принесли и его просьбы во имя пророка и султана... Въ отвѣтъ ему турки кричали: «нѣтъ силъ сбить русскихъ, которые поражаютъ насъ огнемъ какъ молніей». Напрасно такъ же Мустафа-паша, стоявшій сзади арміи, рубилъ отступавшимъ уши и носы; никто никого уже не слушалъ, всякій искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Во время отступленія турки встрѣтили отрядъ анатолійскихъ войскъ, состоявшій большею частію изъ курдовъ, извѣстныхъ воровъ и разбойниковъ. Отрядъ этотъ выступилъ утромъ изъ Картала, слѣдовалъ на присоединеніе къ визирю при Кагулѣ; увидѣвъ же бѣгущихъ турокъ, онъ, вмѣсто помощи, напалъ на нихъ и ограбилъ что могъ.

Поспѣшность, съ какою непріятель отступалъ, и усталость людей, бывшихъ на ногахъ съ часу пополуночи, послѣ боя продолжавшаго съ пяти часовъ до половины десятаго, не позволили продолжать преслѣдованіе далѣе четырехъ верстъ. Только кавалерія была выслана впередъ. Затѣмъ графъ Румянцевъ занялъ позицію сзади бывшаго непріятельскаго лагеря.

Трофеи наши въ этомъ знаменитомъ сраженіи состояли изъ ста сорока хорошихъ пушекъ на лафетахъ, со всѣми принадлежностями; всего непріятельскаго багажа, обоза и лагеря. Множество палатокъ, верблюдовъ, скота, разной посуды, экипажей, фуръ съ припасами и прочаго досталось побѣдителямъ. Даже денежная казна визиря была оставлена на полѣ битвы; но казаки или арнауты успѣли раздѣлить ее между собой прежде чѣмъ о томъ узнали. Казначей визиря, попавшій въ плѣнъ, подтвердилъ потерю визирской казны и указывалъ даже на муловъ, отмѣченныхъ особыми знаками, которые возили ее на себѣ. Графъ Румянцевъ велѣлъ отыскать захватившихъ денежную сумму, но поиски были напрасны. Потеря непріятеля въ людяхъ была чрезвычайно велика, на полѣ предъ ретраншаментомъ, въ самомъ ретраншаментѣ и

въ лагерѣ поднято 3,000 труповъ. По пути отступленія непріятеля отъ мѣста сраженія, на разстояніи до семи верстъ, вездѣ лежали груды тѣлъ. По умѣренному счету, непріятель потерялъ до 20,000 человѣкъ подъ Кагуломъ, нѣкоторые же плѣнные увѣряли, что турки считали потерю свою до 40,000.

Безъ сомнѣнія, эта цыфра преувеличена: вѣроятно не малое число турокъ разбѣжалось послѣ такого рѣшительнаго пораженія. Въ особенности пострадала турецкая пѣхота. Послѣ этой битвы янычары потеряли свое грозное нѣкогда значеніе и славное имя. У насъ убито 353, безъ вѣсти пропало 11, ранено 550 человѣкъ.

Отправивъ съ донесеніемъ о побѣдѣ бригадира Озерова, того самаго который съ первымъ гренадерскимъ полкомъ рѣшилъ побѣду, графъ Румянцевъ выразился такъ: «Да позволено мнѣ будетъ, всемилостивѣйшая государыня, настоящее дѣло уподобить дѣламъ древнихъ римлянъ, коимъ ваше величество мнѣ велѣли подражать: не такъ ли армія вашего императорскаго величества теперь поступаетъ, когда не спрашиваетъ какъ великъ непріятель, а ищетъ только гдѣ онъ».

Отдавая полную справедливость начальникамъ войскъ разбившихъ визиря, а также и тѣхъ, которыя во все время боя прикрывали съ полнымъ успѣхомъ тылъ арміи и ея транспорты отъ нападеній крымскаго хана, графъ Румянцевъ доносилъ что «прочіе всѣ чины арміи не требуютъ моей похвалы: дѣла ихъ, когда они величайшія силы непріятеля сокрушали толь малымъ числомъ, наилучшимъ служатъ доводомъ, сколь они храбры и усердны къ повелѣніямъ своей монархини». «Къ ихъ славѣ»—продолжаетъ графъ Румянцевъ—«я присоединю ту только истину, что я прошелъ все пространство степи до береговъ дунайскихъ, не дѣлая предъ непріятелемъ нигдѣ полевыхъ укрѣпленій, а поставлялъ ихъ мужество и добрую волю во всякомъ мѣстѣ за непреоборимую преграду».

Кагульская битва доставила безсмертную славу графу Румянцеву въ потомствѣ. Императрица возвела его за это дѣло въ званіе фельдмаршала. Пренебреженіе къ опасности, когда графъ Румянцевъ выскакалъ изъ дивизіи Олица къ разстроенному каре Племянникова, окруженному янычарами; его твер-

дый и спокойный голосъ: «ребята, стой», наконецъ, небывалое приведеніе въ порядокъ разбитаго совершенно и перемѣшавшагося съ превосходнымъ непріятелемъ каре, заслуживаютъ полнаго удивленія. Сама императрица, въ рескриптѣ къ графу Румянцеву, говоритъ объ этомъ предметѣ такъ: «Одно ваше слово «стой!» проложило путь новой славѣ, ибо по сіе время едва ли слыхано было, чтобъ въ какомъ либо народѣ, тѣми же людьми, и на томъ же мѣстѣ, вновь формировался разорванный однажды каре, въ виду непріятеля, и чтобъ еще въ тотъ же часъ, идучи впередъ, имѣлъ онъ участіе въ побѣдѣ». Не менѣе лестно было и письмо короля Фридриха Великаго къ графу Румянцеву, съ поздравленіемъ съ Кагульской побѣдой.

Конечно, успѣхъ возстановленія каре былъ слѣдствіемъ нравственныхъ достоинствъ графа Румянцева. Онъ былъ любимъ войсками, солдаты имѣли къ нему неограниченное довѣріе. Одного присутствія его было достаточно для возбужденія мужества; къ тому же онъ подвергался личной опасности, и потому всѣ старались сгруппироваться около него. Затѣмъ распоряженія, сдѣланныя во время атаки янычаръ, рѣшили побѣду.

Побѣда подъ Кагуломъ останется навсегда памятникомъ геніальнаго полководца и несравненныхъ качествъ русскихъ войскъ. Великою заслугой графа Румянцева въ эту кампанію была еще и радикальная реформа въ нашей тактикѣ. Для удержанія непріятельской конницы, вмѣсто рогатокъ, онъ началъ употреблять усиленное дѣйствіе артиллеріи, ставя ее цѣлыми батареями предъ фронтомъ каре, отдѣльное положеніе которыхъ давало возможность взаимной обороны. Такъ подана была помощь изъ центральнаго каре Племянникову и Брюссу. Сверхъ того, отдѣльные каре могли удобно двигаться по всякой мѣстности и легко обходить препятствія, не разстроиваясь. Уничтоженіе рогатокъ, которыя служили трусу заградой, а храброму помѣхой, еще болѣе увеличило подвижность пѣхоты противъ кавалеріи. До какой степени простирались во всѣхъ этихъ, а также послѣдующихъ сраженіяхъ заслуги собственно Кабардинскаго пѣхотнаго полка, можно судить отчасти по

количеству награжденныхъ офицеровъ полка, которыхъ графъ Румянцевъ произвелъ въ слѣдующіе чины 13 человѣкъ изъ тогдашняго ограниченнаго комплекта, а еще болѣе по той исключительной, чрезвычайной рекомендаціи, которую графъ дѣлалъ о командирѣ полка полковникѣ Францѣ Кличка *). Объ немъ сказано, «что во время замѣшательства въ нашихъ атаковавшихъ ретраншаментъ колоннахъ и какъ непріятель выскочилъ на нихъ, Кличка поднялся съ своимъ полкомъ на гору и овладѣлъ ретраншаментомъ» **), за что въ награду испрашивалось ему: «Старостово по его иностранству» (то есть въ Западномъ краѣ имѣніе). Вслѣдъ затѣмъ новое представленіе за послѣдующія дѣла и блистательныя дѣйствія особо съ полкомъ за Дунаемъ, за что удостоенъ Георгія 3-й степени, кромѣ старости. Вообще реляціи о полковникѣ Кличка вовсе не стереотипныя фразы, встрѣчающіяся противъ большинства представленныхъ къ наградамъ. Видно, что это былъ замѣчательный штабъ-офицеръ. Наконецъ, онъ—не аристократъ, безъ всякихъ связей, удостоился быть отправленнымъ въ Петербургъ для личнаго представленія донесенія императрицѣ и изложенія подробностей дѣйствій. Во многихъ реляціяхъ войны 1769 — 1775 г., кромѣ полковника Клички и командира Кабардинскаго егерскаго баталіона подполковника Мекноба, тоже замѣчательнаго боеваго офицера, безпрестанно упоминаются капитаны Рейникенъ и Денисовъ,—первый изъ лифляндскихъ дворянъ, воспитанникъ кадетскаго корпуса, второй изъ солдатскихъ дѣтей; оба ротные командиры, часто посылались съ особыми небольшими колоннами, отличавшіеся распорядительностью и замѣчательною отвагою. Точно также въ каждомъ донесеніи о какомъ нибудь жаркомъ дѣлѣ упоминается подпоручикъ Иванъ Щеголевъ, изъ солдатскихъ же

*) Принялъ полкъ отъ Игельштрома.

**) Въ сраженіи при Кагулѣ 21 іюля въ полку было на лицо: 4 штабъ-офицера, 18 оберъ-офицеровъ, 56 унтеръ-офицеровъ, 26 музыкантовъ и нестроевыхъ, 620 рядовыхъ и 28 артиллеристовъ. Графъ Румянцевъ произвелъ отличившихся слѣдующихъ нашихъ офицеровъ: Долгово-Сабуровъ и Корсовъ въ капитаны, секундъ-маіоръ Ферзенъ въ премьеръ-маіоры, сержантъ Рагозинъ въ прапорщики. Ординарцемъ при графѣ былъ нашего полка прапорщикъ Казиміръ Барбатонъ.

дѣтей, какъ обращавшій на себя вниманіе особою храбростью. Сохранимъ же память о доблестныхъ предшественникахъ нашихъ кабардинцахъ, бывшихъ главными созидателями славы полка; пусть имена ихъ вспоминаются у насъ съ почтеніемъ и служатъ добрымъ примѣромъ послѣдующимъ полковымъ поколѣніямъ.

Полкъ былъ счастливъ на командировъ, большинство коихъ извѣстно въ военной исторіи своимъ выдающимся положеніемъ. Предъ Кличкой командовалъ Игельштромъ, извѣстный впослѣдствіи боевой генералъ, командовавшій въ Варшавѣ войсками, гдѣ, обманутый іезуитскими ласками, былъ усыпленъ и подвергся внезапному нападенію возмутившагося населенія. Служилъ въ Кабардинскомъ полку и Германъ, извѣстный побѣдитель Баталъ-паши, впослѣдствіи начальникъ несчастной голландской экспедиціи при Павлѣ, умершій въ плѣну, и много другихъ историческихъ людей. Это не могло не дѣйствовать на образованіе въ полку славныхъ боевыхъ преданій, передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Надменный непріятель, до кагульскаго пораженія все еще надѣявшійся на счастливый для него исходъ кампаніи, теперь смирился и потерялъ всякую энергію. Визирь утѣшался тѣмъ, что такъ видно Богу угодно было не допустить его до побѣды, а войска его удивились великодушію побѣдителей, которые, имѣя возможность, не истребляли ихъ и обращались такъ милостиво съ плѣнными. Отступивъ за Дунай, турки помышляли только о защитѣ своихъ крѣпостей, крымскій же ханъ съ своей ордой, при ругательствахъ турецкаго населенія, удалился въ Аккерманъ.

XX.

Уныніе турокъ.—Взятіе Измаила и Киліи.—Взятіе Аккермана.—Весенніе поиски и экспедиція за Дунай.—Взятіе Тульчи и блистательныя экспедиціи Вейсмана къ Бабадагу и Исакчи.—Возвращеніе Кабардинскаго полка на зимнія квартиры въ Аккерманъ.—Покореніе Крыма и начало мирныхъ переговоровъ.—Производство отличившихся офицеровъ.

Побѣда при Кагулѣ заключила собою почти всю кампанію. До нея непріятель надѣялся и даже былъ убѣжденъ въ успѣшномъ исходѣ для него войны, ибо предшествовавшія проигранныя сраженія носили характеръ частныхъ пораженій, понесенныхъ татарами, худшими войсками; но пораженіе самого визиря убило окончательно энергію непріятеля. Визирь, утѣшаясь великодушіемъ побѣдителя, какъ истый фаталистъ, приписывалъ все волѣ судебъ...

Впослѣдствіи, одинъ захваченный въ плѣнъ грекъ, Рензыевъ, бывшій въ близкихъ сношеніяхъ съ пашами и важными турками, разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ послѣ пораженія при Кагулѣ визирь Халиль-паша горько плакалъ, приписывая все гнѣву Аллаха на народъ турецкій, потому что одинъ «русскій гонитъ сто турокъ, робкихъ и нигдѣ не умѣющихъ стоять».

Великодушіе русскихъ побѣдителей сдѣлалось вскорѣ извѣстно въ самомъ Константинополѣ, гдѣ насъ считали, по разсказамъ, ужасными варварами, а теперь уже стали говорить, что не желаютъ дольше воевать и считать врагами такихъ людей, которые послѣ побѣды могли ихъ истребить, но, напротивъ, оказали такое добродушіе.

Съ этихъ поръ задача турокъ уже ограничилась защитой своихъ придунайскихъ крѣпостей, между тѣмъ, какъ намъ, напротивъ, открывалась возможность перенести войну за Ду-

най. Графъ Румянцевъ двинулъ большую часть своей арміи къ берегамъ великой славянской рѣки и разнымъ отдѣльнымъ отрядамъ поручилъ овладѣніе крѣпостями и городами турокъ на лѣвомъ берегу. 3-я дивизія, въ составъ коей входилъ Кабардинскій полкъ, была назначена на нижнее теченіе. Дивизія эта, сначала подъ командою князя Репнина, а послѣ генерала Вейсмана, совершила много такихъ геройскихъ подвиговъ, что они составляютъ украшеніе нашихъ военныхъ лѣтописей. Весьма видными дѣятелями на этомъ театрѣ войны были: бригадиръ Игельштромъ бывшій и полковникъ Кличка настоящій (1770—74) командиръ Кабардинскаго полка. Какъ только предстояло какое нибудь особое отважное предпріятіе, колонны поручались какъ прежнимъ главнокомандующимъ, княземъ Голицынымъ, такъ и графомъ Румянцевымъ, нѣсколькимъ лицамъ, пріобрѣвшимъ особую извѣстность боевыхъ офицеровъ, и въ числѣ ихъ всякій разъ встрѣчаются имена Игельштрома и Клички.

26 іюля 1770 г. былъ занятъ Измаилъ почти безъ всякой потери, ибо нельзя же считать потерей 21 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, когда непріятель, при одномъ преслѣдованіи, потерялъ 927 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько пашей и до 1,000 убитыхъ. Взято 37 орудій, множество всякихъ запасовъ, снарядовъ и проч., такъ что въ теченіи пяти дней, съ 21 іюля, непріятель потерялъ 205 орудій. Въ числѣ отличившихся показаны: Кабардинскаго полка капитанъ фонъ-Гартогъ, поручики: князь Прозоровскій и Пострѣловъ, произведенные графомъ Румянцевымъ въ слѣдующіе чины.

Отсюда перешли ко взятію Киліи, причемъ встрѣтились уже гораздо большія препятствія и упорное сопротивленіе. На нашу усиленную канонаду турки отвѣчали мѣткимъ огнемъ изъ многочисленныхъ орудій; дѣлали сильныя вылазки и вообще дѣйствовали мужественно. Наконецъ, 19 августа, турки рѣшились сдать крѣпость, съ тѣмъ, чтобы гарнизонъ имѣлъ свободный выходъ съ оружіемъ и всѣми пожитками, а артиллерія и всѣ военные запасы остаются русскимъ. На этихъ условіяхъ пала Килія и 21 августа ключи ея были поднесены князю Репнину. Намъ достались 68 мортиръ, 23 пушки, масса

ядеръ, пороха и проч. Кабардинцы имѣли 2-хъ офицеровъ и 10 рядовыхъ ранеными.

Эти постоянныя неудачи и потери вызвали среди янычаръ возмущеніе, они овладѣли магометовымъ знаменемъ и хотѣли двинуться въ Константинополь, для сверженія султана съ престола. Кое-какъ удалось убѣдить бунтовщиковъ не оставлять арміи, ибо безъ нихъ русскіе тоже прямо пойдутъ въ Константинополь и овладѣютъ всѣмъ государствомъ. Однако они требовали во чтобы то ни стало заключить миръ, такъ какъ войну эту считаютъ несправедливою и противною волѣ Божіей, а затѣмъ принять русскихъ за лучшихъ друзей Порты.—Съ этимъ отправили въ Стамбулъ казначея Руцнамъ-пашу, и тамъ былъ собранъ совѣтъ изъ полутора тысячъ человѣкъ разныхъ членовъ Дивана, которые единодушно требовали мира. Одинъ султанъ противился, доказывая, что миръ при такихъ условіяхъ былъ бы безчестіемъ. Нѣкоторые стали его поддерживать, поднялся крикъ, раздались угрозы и въ концѣ султанъ, удаливъ нѣкоторыхъ членовъ, не допустилъ восторжествовать партіи мира.

По занятіи Киліи и приведеніи ея въ оборонительное состояніе, вниманіе наше было обращено на Аккерманъ. Послѣ рекогносцировки, произведенной маіоромъ Кабардинскаго полка Ферзеномъ, туда былъ отправленъ бригадиръ Игельштромъ съ отрядомъ. Не взирая на значительность укрѣпленій, дававшихъ возможность упорной защиты, рѣшительный бригадиръ нашъ приступилъ къ энергическимъ дѣйствіямъ. 15 сентября открыли сильную бомбардировку, затѣмъ потребовали сдачи; но турки убили парламентера. Видя упорную защиту, Игельштромъ заложилъ въ восьми саженяхъ отъ контръ-эскарпа сапу. Въ это время были взяты Бендеры и главнокомандующій второй арміей графъ Панинъ отдѣлилъ отъ своихъ войскъ въ подкрѣпленіе Игельштрома 5 баталіоновъ и 10 орудій. Когда подкопы къ крѣпости стали уже близиться, а турки убѣдились окончательно въ паденіи Бендеръ, они 28 сентября сдали Аккерманъ на такихъ же условіяхъ, какъ Килію. Потеря наша во время осады заключалась изъ 23 убитыхъ— въ томъ числѣ Кабардинскаго полка капитанъ Долгово-Сабу-

ровъ—и 109 раненыхъ. Орудій взято 40 и большое число снарядовъ. Въ городъ былъ введенъ Кабардинскій полкъ.

Во всѣхъ прописанныхъ дѣлахъ полкъ принималъ самое выдающееся, дѣятельное участіе, и полковой командиръ Кличка былъ отправленъ въ Петербургъ для поднесенія императрицѣ ключей города Аккермана и словеснаго доклада подробностей дѣлъ. Въ донесеніи своемъ Румянцевъ выразился, что «противники наши познали черезъ кровь свою, что ихъ спасеніе есть покоряться, а не противиться мечу русскому» *).

По вѣдомости за сентябрь мѣсяцъ сего года (1771) значится въ полку въ строю: 1 штабъ-офицеръ, 11 оберъ-офицеровъ, 42 унтеръ-офицеровъ, 25 музыкантовъ, рядовыхъ 468 и рекрутъ 68, да 28 артиллеристовъ, всего около 600 человѣкъ; больныхъ и въ командировкахъ, за исключеніемъ роты, оставленной въ польскомъ мѣстечкѣ Полонномъ, для прикрытія провіантскаго магазина, 300 человѣкъ. Для пріема вещей изъ коммиссаріата, былъ посланъ въ Москву капитанъ Ботовъ, гдѣ ему между прочимъ были отпущены для полка 1,577 паръ *шерстяныхъ носковъ*. Заботливость для того времени замѣчательная, тѣмъ болѣе, что о шерстяныхъ чулкахъ и въ настоящее время никакихъ положеній не существуетъ.

Между тѣмъ началось вмѣшательство дипломатіи. Австрія и Пруссія приступили къ посредничеству, но Англія всѣми мѣрами старалась этому препятствовать, желая, чтобъ ее избрали въ посредники. Порта не поддавалась убѣжденіямъ приступить къ мирнымъ переговорамъ и все еще надѣялась увлечь Австрію въ войну съ Россіей. Для этого Рейсъ-эффенди придумалъ новое средство соблазнить ее. Онъ по секрету сообщилъ австрійскому посланнику слѣдующую мысль: если русскіе будутъ выгнаны изъ Польши, то отъ воли Австріи будетъ

*) Донесеніе свое о взятіи Аккермана Игельштромъ отправилъ къ графу Румянцеву съ маіоромъ Кабардинскаго полка, изъ датчанъ, Лепелемъ, рекомендуя какъ оказавшихъ особыя отличія: его, Лепеля, капитана Денисова, поручиковъ Свѣчина, Федорова, Гревса и Горстмана, подпоручиковъ Ляпина и Короткаго, прапорщиковъ Рейнсдорфа и Менгдена, юнкеровъ Плотникова, Морозова, Путнова, Ахапкина и барона Вольфа, но преимущественно представлялъ вниманію главнокомандующаго заслуги капитана Поповцева, коему были даваемы особыя важныя порученія.

зависѣть или возвести на польскій престолъ короля по своему выбору, или раздѣлить съ Турціей владѣнія Польши. Истина этого факта не подлежитъ сомнѣнію и приведенный текстъ находится въ шифрованной депешѣ Тугута, отъ 24 марта 1770, хранящейся въ вѣнскомъ архивѣ государственныхъ дѣлъ.

Выходитъ, что Турціи принадлежитъ первая мысль о раздѣлѣ Польши, представители коей такъ много расчитывали на помощь Порты! Впрочемъ, сами поляки предложившіе туркамъ, въ видѣ вознагражденія за объявленіе Россіи войны, Подолію и Волынь, дали поводъ Портѣ къ такимъ мыслямъ.

Австрія отклонила это предложеніе подъ предлогомъ, что еще не настало время привести въ исполненіе такой обширный планъ, долженствующій вызвать большое пролитіе крови.

Переписка, возникшая у графа Румянцева съ великимъ визиремъ на счетъ возможности приступить къ мирнымъ переговорамъ, тоже кончилась ничѣмъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ сдѣланъ поискъ къ Тульчѣ, въ которомъ главную роль игралъ егерскій баталіонъ Кабардинскаго полка, маіора Мекноба. Всѣхъ людей у него было 350 человѣкъ. Не взирая на сильно укрѣпленный тульчинскій замокъ и расположенный вблизи лагерь, храбрый Мекнобъ раздѣлилъ свой баталіонъ на двѣ колонны по 100 человѣкъ, съ 50 человѣкъ въ резервѣ каждой; остальные 50 егерей оставлены для прикрытія судовъ, на которыхъ отрядъ приплылъ въ Тульчу. Геройская атака была поведена такъ внезапно и стремительно, егеря съ такою отвагой послѣдовали за своими офицерами, Вульфомъ, Марковниковымъ и Сонинымъ (всѣ Кабардинцы), что турки, ошеломленные, едва успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ и бѣжали, оставивъ намъ весь лагерь и 13 орудій! Ихъ было до 1,500 человѣкъ. Нашъ уронъ заключался въ 23 раненыхъ. По благополучномъ возвращеніи въ Измаилъ, графъ Румянцевъ произвелъ всѣхъ офицеровъ въ слѣдующіе чины, а нижнимъ чинамъ пожаловалъ по рублю на человѣка.

Послѣ этого войска овладѣли наконецъ еще и Браиловымъ, весьма упорно защищавшимся и отбившимъ предъ тѣмъ, съ громадными у насъ потерями, штурмъ генерала Глѣбова.

Затѣмъ армія расположилась на зимнія квартиры, занявъ Яссы и Букарештъ. Кабардинскій полкъ остался въ Аккерманѣ.

Смертность въ войскахъ была однако чрезмѣрная. Такъ, въ вѣдомости представленной полкомъ въ январѣ 1772 года значится, что въ ноябрѣ и декабрѣ умерло отъ ранъ 5 рядовыхъ и 1 рекрутъ, а отъ болѣзней 15 унтеръ-офицеровъ, 171 рядовыхъ, 130 рекрутъ и 46 нестроевыхъ. Пропорція страшная, если вспомнить, что весь полкъ, за исключеніемъ двухъ ротъ оставшихся въ Польшѣ для прикрытія магазиновъ, состоялъ изъ восьми ротъ, менѣе ста человѣкъ въ каждой. А между тѣмъ свѣденій о какой нибудь эпидеміи за это время я не нашелъ; стоянка же въ городѣ могла доставить нѣкоторыя большія удобства, чѣмъ въ лагерѣ. Въ добавокъ къ этой смертности и побѣги были тогда сильно распространены. Въ той же вѣдомости показаны бѣжавшими 1 унтеръ-офицеръ, 22 рядовыхъ, 5 рекрутъ и 7 нестроевыхъ; а нужно замѣтить, что Кабардинскій полкъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые и числомъ умершихъ и дезертировъ вовсе не выдавались изъ ряда другихъ; напротивъ, были полки, постоянно отличавшіеся огромными цифрами въ графѣ о бѣглыхъ. Рядомъ съ этими цифрами ежемѣсячно доносилось объ обратно пойманныхъ изъ бѣговъ и всякій разъ отъ 7—10—15 человѣкъ, подвергавшихся жестокому наказанію шпицрутенами отъ трехъ до шести, даже до восьми тысячъ ударовъ (просто невѣроятно)! И опять ни объясненія причины, ни какого либо замѣчанія начальствующихъ лицъ, или другихъ распоряженій, по поводу усилившихся побѣговъ, въ дѣлахъ не оказалось. Очевидно, въ тѣ времена это не считалось чѣмъ нибудь особеннымъ...

Намъ теперь такое дезертирство кажется чуть не баснею. Въ настоящее время, когда солдату не грозитъ жестокость наказанія за малѣйшій проступокъ, побѣгъ сталъ рѣдкостью, ибо сознаніе постыдности поступка, короткій срокъ предстоящей службы и человѣчное обращеніе, удерживаютъ солдата въ предѣлахъ своего долга. Но достойно вниманія, что тѣ же войска, изъ среды коихъ ежедневно дезертировали десятками не только рядовые, но даже и сержанты, когда доходило до

встрѣчи съ непріятелемъ, вели себя геройски и побѣждали, будучи всегда малочисленнѣе противника! Чего же можно ждать теперь, когда врожденныя свойства выносливости, покорности, смѣтки, презрѣнія къ смерти, геройской отваги осталось, а кабала, шпицрутены, нищенское содержаніе исчезли и замѣнены совершенно противоположными порядками?.. Не въ правѣ ли мы ожидать отъ нынѣшнихъ солдатъ подвиговъ, не уступающихъ героямъ Кагула?

Зима съ 1770 по 71 годъ прошла въ безпрестанныхъ обоюдныхъ поискахъ или набѣгахъ и стычкахъ. То турки переправлялись черезъ Дунай, нападали на валахскія села, угоняли скотъ и, преслѣдуемые казаками, уходили болѣе или менѣе удачно; то мы небольшими отрядами внезапно атаковывали турецкіе укрѣпленія и лагери, большею частію съ успѣхомъ, благодаря неожиданности, быстротѣ и отвагѣ. Здѣсь не мѣсто разсказывать о всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ, потому, что—какъ я уже упоминалъ—держусь спеціальнѣе всего касающагося Кабардинскаго полка, и подробнѣе говорю о дѣйствіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ; интересующіеся же подробною исторіею войны 1769—75 года могутъ обратиться къ весьма обстоятельному сочиненію полковника Петрова, изд. 1866 и 1874 годовъ.

Лѣвое крыло арміи составляло корпусъ генерала Вейсмана, сосредоточенный въ вершинѣ Ялпуха и наблюдавшій теченіе Дуная отъ Прута до Чернаго моря. Кабардинскій полкъ, какъ уже сказано, занималъ Аккерманъ *).

Генералъ Вейсманъ былъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ арміи, которые занимаютъ выдающееся положеніе; еще въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, онъ, подобно Игельштрому, Гудовичу, Кречетникову, назначался всегда на самыя важнѣйшія, опаснѣйшія предпріятія. Графъ Румянцевъ особенно уважалъ Вейсмана и за его энергическій образъ дѣйствій, и за его

---

*) Въ этомъ году по спискамъ полка показаны нѣсколько новыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ прапорщикъ Казиміръ Барбатонъ, находившійся ординарцемъ у графа Румянцева. (Подробные списки офицеровъ по годамъ, на сколько ихъ можно было собрать, будутъ приложены въ концѣ втораго тома).

соображенія, всегда совпадавшія съ предположеніями самаго фельдмаршала. Съ своей стороны Вейсманъ точно также относился къ командиру Кабардинскаго полка Кличкѣ: какъ только предполагалось какое нибудь смѣлое движеніе, какой нибудь поискъ, требовавшіе и быстроты соображенія, и энергическаго дѣйствія и отваги, тотчасъ назначался начальникомъ такой экспедиціи полковникъ Кличка. Само собой, такое положеніе командира не могло не отражаться во всѣхъ отношеніяхъ благопріятнѣйшимъ образомъ на самомъ полкѣ; первенствующая роль въ лихихъ военныхъ предпріятіяхъ всегда дѣйствуетъ чрезвычайнымъ, ободряющимъ образомъ не только на офицеровъ, но даже на солдатъ; является увѣренность въ превосходствѣ, въ отличаемости; люди начинаютъ съ нѣкоторою гордостью считать себя какъ бы выше другихъ. Нѣсколько лѣтъ такого положенія достаточны, чтобы полкъ, особенно офицерскій кружокъ, уже усвоилъ себѣ извѣстную нравственную физіономію и репутацію среди прочихъ войскъ. Кто изъ служившихъ въ военное время не помнитъ съ какою завистью, съ какимъ ропотомъ на свою судьбу передавались новости, что вотъ-де такой-то полкъ ходилъ въ набѣгъ, совершилъ такой-то подвигъ или вообще молодецкое дѣло, отличился, будетъ награжденъ; а мы стой тутъ въ лагерѣ, карауль обозы и т. п. Каково же, когда это повторяется постоянно, нѣсколько лѣтъ сряду и всѣ разсказы связываются все съ тѣмъ же именемъ? Невольно образуется убѣжденіе въ отличныхъ качествахъ этого безпрерывно упоминаемаго лица или, все равно, полка; собственное убѣжденіе подтверждается чужимъ, молва распространяется, послѣдующія дѣла поддерживаютъ пріобрѣтенную извѣстность, и вотъ создана слава, передающаяся уже и исторіей, и устными преданіями. Такой-то жребій и выпалъ на долю Кабардинскаго полка.

Изъ предшествовавшихъ главъ читатель могъ видѣть, что для подробнаго обозначенія роли Кабардинскаго полка въ Персіи и Дагестанѣ, въ первый періодъ его существованія, затѣмъ въ Крыму съ графомъ Ласси, никакихъ источниковъ и данныхъ не имѣется. Еще менѣе таковыхъ для эпохи шведской войны 1741—1743 и семилѣтней войны, въ которыхъ

самое участіе полка было, такъ сказать, пассивное. Я, поэтому имѣю полное основаніе заключить, что извѣстность Кабардинскаго полка, какъ выдающейся боевой единицы, началась только съ кампаніи противъ турокъ 1769 года и съ назначеніемъ командиромъ полковника Франца Кличкп, служившаго до того въ Ярославскомъ пѣхотномъ полку. Кромѣ приведенныхъ выше дѣствій его съ полкомъ, ниже будутъ разсказаны еще нѣсколько блистательно совершенныхъ имъ экспедицій, замѣчательныхъ и по своей смѣлости, и еще болѣе по чрезвычайной военной распорядительности Кличкп. Такимъ образомъ ему, хоть иностранцу, но славянину, владѣвшему къ тому же и письменно русскимъ языкомъ (судя по формуляру), полкъ обязанъ заложеніемъ фундамента его вѣковой славы, и всѣмъ, дорожащимъ этою славой, по справедливости, слѣдуетъ сохранить въ памяти и произносить съ уваженіемъ имя полковника Франца Клички.

Съ наступленіемъ весенняго времени 1771 г. графъ Румянцевъ предположилъ развить въ большихъ размѣрахъ набѣги за Дунай, считая это лучшимъ средствомъ для пресѣченія непріятельскихъ поисковъ. Съ этою цѣлью были употреблены усиленныя мѣры къ созданію дунайской флотиліи, давшей возможность отправлять за рѣку болѣе значительные отряды.

Первый серьезный поискъ былъ порученъ генералу Вейсману противъ Тульчи. 24 марта отрядъ нашъ, состоявшій всего изъ 720 пѣхотинцевъ и 30 артиллеристовъ безъ орудій, овладѣлъ всѣми тульчинскими батареями, сильно защищаемою мечетью и разбилъ довольно упорно оборонявшихся турокъ, бѣжавшихъ къ Бабадагу. Дѣло просто изумительное, если вспомнить, что турокъ было до пяти тысячъ, въ томъ числѣ половина конницы, что у нихъ было двадцать девять пушекъ, а у насъ ни одной, что они владѣли укрѣпленными закрытіями и ежеминутно могли ждать подкрѣпленій, которыя дѣйствительно и прибыли тотчасъ послѣ окончанія дѣла и когда нашъ отрядъ совершилъ уже отступленіе внѣ круга опасности.

Изъ взятыхъ двадцати девяти пушекъ только четыре мѣд-

ныя увезены были нами, остальныя заклепаны, восемь большихъ судовъ были сожжены, а на пятнадцать меньшихъ были посажены семейства грековъ и молдаванъ, изъявившихъ желаніе переѣхать въ Измаилъ; взято кромѣ того шесть знаменъ и 50 плѣнныхъ. Наша же потеря заключалась въ 18 убитыхъ и 78 раненыхъ, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка капитанъ Нолькенъ, вскорѣ отъ раны умершій, и 9 рядовыхъ. Судя по многимъ донесеніямъ, Нолькенъ былъ отличный боевой офицеръ, неоднократно посылавшійся съ отдѣльными порученіями.

Графъ Румянцевъ былъ очень доволенъ этимъ дѣломъ и выдалъ въ награду всѣмъ рядовымъ по 1 рублю, а унтеръ-офицерамъ по 2 рубля.

16-го апрѣля былъ произведенъ Вейсманомъ такой же поискъ на Исакчу. Весь отрядъ состоялъ изъ 1,650 человѣкъ, при двухъ легкихъ орудіяхъ, и, не взирая на 6,000 турецкихъ защитниковъ и 51 пушку, Исакча была взята со всею ея артиллеріей, всѣми судами и громадными запасами хлѣба, разныхъ корабельныхъ и военныхъ принадлежностей и проч. Не имѣя возможности увезти все съ собою, пришлось большую часть добычи уничтожить; а о размѣрахъ ея можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: до 30,000 четвертей разнаго хлѣба, 2,400 палатокъ, 3,000 сажень корабельнаго каната и т. п. Убитыхъ непріятель оставилъ до 400 человѣкъ, въ плѣнъ взято 86, кромѣ множества разныхъ работавшихъ у турокъ на укрѣпленіяхъ армянъ и болгаръ. Наша потеря состояла изъ 14 убитыхъ, 6 офицеровъ и 83 раненыхъ солдатъ, въ томъ числѣ Кабардинцевъ 1 унтеръ-офицеръ и 6 рядовыхъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ совершенъ былъ вторичный поискъ къ Тульчѣ, для удержанія этимъ способомъ турокъ отъ приготовленной ими переправы въ верхней части Дуная на расположенный въ Валахіи слабый корпусъ князя Рѣпнина. Въ этотъ разъ генералу Вейсману пришлось преодолѣть неимовѣрныя препятствія и упорнѣйшую защиту укрѣпленій Тульчи. Была минута, когда двинувшіеся на штурмъ солдаты замялись, осыпаемые градомъ пуль. Храбрый генералъ первый бросился въ двухсаженный глубокій крѣпостной ровъ, за нимъ

баталіонный командиръ и этотъ примѣръ увлекъ людей, приставившихъ лѣстницы и по нимъ взобравшихся къ амбразурамъ... Замокъ съ 23 пушками былъ взятъ, до 300 человѣкъ защитниковъ переколото. Вообще въ этотъ разъ и трофеи были гораздо значительнѣе и результаты важнѣе; но за то и потеря наша простиралась до 67 убитыхъ и 300 раненыхъ.

Пораженіе турокъ въ Тульчѣ повергло ихъ въ совершенное отчаяніе и они громко кричали: видно на то воля Божія, чтобы народъ нашъ пропалъ. Тутъ было до 15,000 человѣкъ лучшихъ войскъ, которыхъ визирь приготовлялъ къ набѣгу на Измаилъ. Теперь уже было не до набѣговъ и все вниманіе было обращено на комплектованіе арміи. Каковы были направленныя съ этою цѣлью усилія турецкаго правительства можно судить по тому, что велѣно было всѣхъ, даже отъ 10 до 15 лѣтъ, способныхъ носить оружіе, забирать въ армію.

Чрезъ нѣкоторое время генералу Вейсману приказано было сдѣлать нападеніе на бѣжавшихъ въ Турцію нашихъ раскольниковъ филипповцевъ или липованъ, поселившихся на правомъ берегу Дуная, при отдѣленіи отъ него Георгіевскаго гирла. Походя во всемъ на русскихъ, они часто обманывали наши передовыя войска, называя себя бѣжавшими изъ плѣна, а между тѣмъ, разузнавъ о нашихъ силахъ, расположеніи и проч., увѣдомляли о томъ турокъ. Вообще непріятель имѣлъ въ нихъ самыхъ лучшихъ шпіоновъ.

Экспедиція противъ этихъ раскольниковъ была поручена полковнику Кличкѣ. 18-го іюля онъ посадилъ въ Измаилѣ 800 человѣкъ и на 26 запорожскихъ лодкахъ пустился внизъ по Дунаю. Въ полдень 19-го числа флотилія прибыла къ устью Рущакъ и остановилась скрытно въ камышахъ; затѣмъ въ сумерки отрядъ вступилъ въ третій рукавъ Дуная и сдѣлалъ еще до 70 верстъ. Сильная буря разбросала лодки и Кличка долженъ былъ остановиться для ихъ сбора. Свернувъ послѣ того въ Дунаевецъ, отрядъ на разсвѣтѣ 20-го числа открылъ два непріятельскихъ лагеря съ батареей въ нѣсколько орудій. Не взирая на открытый по отряду картечный огонь, полковникъ Кличка выстроился и построилъ людей для атаки батареи; но турки не дождались нападенія и сѣвъ на

коней ускакали къ Бабадагу. Тогда, оставивъ часть колонны съ маіоромъ Кабардинскаго полка Ферзеномъ для прикрытія судовъ и взятыхъ турецкихъ пяти пушекъ, съ другою частью Кличка двинулся къ деревнямъ филипповцевъ. Большинство ихъ успѣло спастись бѣгствомъ, нѣсколько человѣкъ было переколото, нѣкоторые взяты въ плѣнъ. Оба лагеря, запасъ пороха и нѣсколько скота захвачены въ добычу; деревня Мурыгино и еще́ другая сожжены, тяжелыя орудія брошены въ воду.

На обратномъ пути отряда противный вѣтеръ замедлилъ движеніе и потому пришлось проходить 21-го числа мимо непріятельскаго лагеря, у Бештени, днемъ. Непріятель занялъ берегъ пѣхотой съ двумя орудіями и огонь ихъ, при медленномъ движеніи вверхъ по рѣкѣ, могъ быть весьма опасенъ; поэтому Кличка высадивъ баталіонъ, атаковалъ и прогналъ противника, занялъ высоту Бештене и приказалъ прочимъ судамъ подъ его прикрытіемъ проходить. Въ это время турки получили подкрѣпленія и двинулись съ двухъ сторонъ для занятія высоты, на которой стоялъ Кличка съ баталіономъ; но высланные по лощинкамъ стрѣлки мѣткимъ огнемъ заставили турокъ опять отступить; однако со стороны Бабадага показались новыя пѣхотныя подкрѣпленія, и полковникъ Кличка счелъ нужнымъ начать отступленіе къ своимъ лодкамъ. Непріятель со всѣхъ сторонъ кинулся въ атаку, но наши медленно, отражая непріятеля то ружейнымъ огнемъ, то движеніемъ въ штыки, продолжали свое отступленіе, а когда непріятель, не оставляя преслѣдованія, приблизился къ берегу, по немъ открыли огонь изъ нѣсколькихъ орудій, бывшихъ на лодкахъ, что и вынудило его въ свою очередь отступить. Сѣвъ на суда, отрядъ подвергался еще нѣсколько разъ огню съ береговыхъ батарей и наконецъ 22-го іюля возвратился въ Измаилъ. Вся потеря наша заключалась изъ 8 убитыхъ, 4 офицеровъ и 35 раненыхъ солдатъ, въ томъ числѣ 7 нашего полка.

Въ началѣ августа была сдѣлана попытка овладѣть Журжею; но штурмъ былъ неудаченъ и громадныя потери понесены напрасно; однихъ офицеровъ было 17 убито и 81 раненыхъ, а нижнихъ чиновъ до 2,000. Въ штурмѣ этомъ Ка-

бардинскій полкъ не принималъ участія, но премьеръ-маіоръ Рахмановъ нашего полка показанъ однимъ изъ первыхъ, влѣзшихъ съ нѣсколькими гренадерами на брустверъ подъ убійственнымъ огнемъ. Вѣроятно Рахмановъ былъ прикомандированъ къ одному изъ сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ.

Время проходило все въ такихъ обоюдныхъ поискахъ и внезапныхъ нападеніяхъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ были получены свѣдѣнія, что слабому отряду генералъ-поручика Эссена, наблюдавшему верхнее теченіе Дуная и прикрывавшему Валахію, угрожаетъ опасность нападенія значительныхъ турецкихъ силъ, сосредоточивающихся на Ольтѣ. Чтобъ озаботить визиря со стороны Исакчи и отвлечь его вниманіе къ Мачину, графъ Румянцевъ поручилъ генералу Вейсману произвести усиленный поискъ за Дунай. Результаты этой диверсіи, благодаря военной геніальности Вейсмана, превзошли самыя смѣлыя ожиданія.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, достаточно сказать, что Вейсманъ, съ 8 баталіонами, при 20 орудіяхъ, 5 эскадронами гусаръ и 300 казаковъ, не только опять овладѣлъ Тульчею, но рѣшился нанести пораженіе самому визирю, расположенному въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Бабадагомъ, съ корпусомъ, силу коего свѣдѣнія опредѣляли между 25 и 40 тысячами человѣкъ! Раздѣливъ отрядъ на двѣ половины и поручивъ ихъ лучшимъ, любимымъ своимъ помощникамъ генералъ-маіору Озерову (бригадному командиру) и полковнику Кличкѣ, а въ авангардѣ высылая постоянно заслужившій уже извѣстность егерскій баталіонъ Кабардинскаго полка маіора Мекноба, генералъ Вейсманъ преодолѣлъ всѣ препятствія и прогналъ визиря изъ Бабадага, овладѣлъ всѣмъ его лагеремъ и городомъ. Однихъ пушекъ взято болѣе 60, палатокъ 10,000! Кличка, занявшій городъ, забралъ все что можно было, остальное истребилъ, и самъ городъ былъ почти уничтоженъ. Пушки отправлены въ Тульчу частью на обывательскихъ, частью на казачьихъ лошадяхъ. Затѣмъ, 23-го числа, Вейсманъ выступилъ къ Исакчѣ. Гарнизонъ, уже знавшій о бѣгствѣ визиря и не имѣвшій надежды на поддержку, рѣшился пробиться къ Мачину. Встрѣченные нашею кавалеріей и авангарднымъ бата-

ліономъ, турки понесли значительныя потери, однако пробились и бѣжали по мачинской дорогѣ, не зная, что между тѣмъ Мачинъ уже нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ взятъ другимъ отрядомъ генералъ-маіора Милорадовича. 24-го октября Вейсманъ занялъ Исакчу. Изъ захваченныхъ 80 пушекъ, 23 большихъ сброшены въ Дунай, остальныя увезены. Цѣлый день войска были заняты стаскиваніемъ огромныхъ запасовъ и боевыхъ принадлежностей, нагрузили сколько можно на суда, все остальное бросили въ рѣку; укрѣпленія разрыли, замокъ взорвали, городъ обращенъ въ груду пепла...

26-го числа отрядъ пошелъ сухимъ путемъ обратно къ Тульчѣ, а 28-го возвратился въ Измаилъ, переселивъ на лѣвый берегъ Дуная до 16 тысячъ душъ. Кромѣ взятыхъ у непріятеля 170 пушекъ, 36 разной величины судовъ, знаменъ и пр., понесенныя турками потери отъ разоренія городовъ, уничтоженія лагерей и громадныхъ запасовъ, по самому скромному исчисленію Вейсмана, должны были превышать четыре милліона рублей. Наша потеря за все время этой блистательной экспедиціи заключалась въ 20 убитыхъ и 80 раненыхъ, изъ коихъ 4 унтеръ-офицера и 19 рядовыхъ раненыхъ и 6 солдатъ убитыхъ Кабардинскаго полка.

Послѣ всѣхъ этихъ пораженій ожидать еще какихъ нибудь наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ уже нельзя было и потому графъ Румянцевъ расположилъ армію на зимнія квартиры. Кабардинскій полкъ занялъ опять Аккерманъ.

Какъ велико было число взятыхъ у непріятеля пушекъ, можно судить потому, что по представленію графа Румянцева императрица разрѣшила перечеканить всѣ мѣдныя орудія въ монеты по образцу и достоинству употреблявшихся въ Польшѣ и Дунайскихъ княжествахъ, въ которыхъ эта монета только и могла ходить. Вмѣсто герба, на одной сторонѣ изображалась голова быка въ овальной рамкѣ, съ короной подъ рамкой; на другой сторонѣ подпись цѣны въ 1 или 3 деньги. Баронъ Гартенбергъ, взявшій на себя чеканку этой монеты, обязался платить въ казну по 7 р. 50 к. за пудъ мѣди и по 60,000 руб. отъ полумилліона сдѣланной монеты.

1771 г. заключился, кромѣ описанныхъ дѣйствій, еще по-

кореніемъ Крыма княземъ Долгоруковымъ. Все это вынудило наконецъ султана Мустафу III искать примиренія съ Россіей.

За кампанію 1771 г. графъ Румянцевъ, по рекомендаціямъ корпусныхъ командировъ, произвелъ въ нашемъ полку особенно отличавшихся въ сраженіяхъ—поручиковъ: Федорова, Берендса, Гревса, Метихина, Ляпина, Апрѣлева, Рагозина и фонъ-Гартога въ капитаны; прапорщиковъ Морозова, Голберна, Щеголева, Ватсера и полковаго адъютанта Полоротова въ подпоручики; капитана Рахманова въ маіоры, въ Ярославскій полкъ; поручика фонъ-Деринга въ капитаны, съ оставленіемъ въ полку, на основаніи особаго указа о состоящихъ въ русской службѣ датскихъ офицерахъ.

XI.

Дипломатическія интриги и желаніе посредничества. — Проэктъ мирныхъ условій.—Союзъ Австріи съ Турціей и угрозы Россіи.—Прекращеніе мирныхъ переговоровъ.—Возобновленіе поисковъ за Дунай.—Экспедиція полковника Клички въ Карасу. — Пораженіе здѣсь турецкаго отряда Вейсманомъ.—Переправа арміи чрезъ Дунай противъ Силистріи.—Сраженіе и отбитый штурмъ.—Захватъ передоваго редута Кличкой.—Отступленіе отъ Силистріи.—Пораженіе Нуманъ-паши и смерть Вейсмана.—Обратный переходъ арміи за Дунай.—Движеніе къ Бабадагу, Карасу и Базарджику.—Неудачная атака Варны.—Возвращеніе войскъ на зиму за Дунай.—Начало дѣйствій 1774 г. и открытіе вновь мирныхъ переговоровъ.—Сраженіе при Козлуджи.—Движеніе къ Шумлѣ и легкихъ отрядовъ за Балканы.—Заключеніе Кючукъ-Кайнарджискаго мира.—Условія трактата.—Возвращеніе арміи за Дунай.

Весь 1772 г. прошелъ въ переговорахъ съ Турціей о мирѣ и военныя дѣйствія на Дунаѣ проявлялись только въ теченіе зимы, да и то были совершенно незначительны, ограничиваясь стычками небольшихъ партій.

Сношенія графа Румянцева съ визиремъ начались еще въ 1770 г., но не повели ни къ чему. Императрица Екатерина первымъ желаніемъ, предварительно трактованія о мирѣ, ставила немедленное освобожденіе посланника Обрѣзкова со свитой. Порта же не рѣшалась на это на томъ основаніи будто бы, что войска турецкія, увидя свободнымъ русскаго посла, подумаютъ что уже заключенъ миръ и разойдутся по домамъ (?). Отвѣты султана были проникнуты такою неопредѣленностью, которая обыкновенно служитъ признакомъ нежеланія говорить о дѣлѣ прямо, обнаруживаетъ заднія мысли или постороннія вліянія, заставляющія колебаться. Иначе и быть не могло: султанъ былъ жертвой происковъ иностранныхъ агентовъ при его дворѣ, которые убѣждали его, что миръ съ Россіей безъ посредничества другихъ державъ бу-

детъ очень тягостнымъ для Турціи. Для поддержанія такого убѣжденія употреблялись всѣ усилія, причемъ главную роль играли ложь, клевета, интриги и пр. аттрибуты той политической системы, которая основывается на извѣстномъ принципѣ: всѣ средства хороши, когда ведутъ къ цѣли.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ увѣрялъ, что въ Россіи рѣшительный недостатокъ денегъ, за то масса заговоровъ и волненій. Австрійскій резидентъ подстрекалъ Порту предпринять четвертую кампанію, или по крайней мѣрѣ показывать къ тому готовность, чтобы смутить Россію и вынудить у нея уступки. Султанъ, хотя и желалъ уже мира, но долженъ былъ внимать этимъ совѣтамъ, боясь, въ случаѣ заключенія постыднаго мира, за свою жизнь или, по меньшей мѣрѣ, за престолъ.

Австріи не нравилось занятіе русскими Молдавіи и Валахіи. Кауницъ, этотъ отецъ дипломатической казуистики, далъ понять, что переходъ русскихъ черезъ Дунай *озаботитъ* Австрію и можетъ породить важныя послѣдствія. Пруссія, наконецъ, преслѣдовавшая свои виды на Польшу, которыхъ нельзя было осуществить, если бы Россія заключила миръ съ Турціей не касаясь польскихъ дѣлъ, тоже работала въ Стамбулѣ такъ, чтобы безъ ея и австрійскаго посредничества не могло обойтись; такъ, что султанъ рѣшительно объявилъ о нежеланіи вступить въ переговоры безъ посредства иностранныхъ державъ. Онъ надѣялся на помощь Австріи и Франціи, обѣщавшихъ ему, въ случаѣ крайности, свою поддержку.

Въ Петербургѣ мнѣнія раздѣлились. Управлявшій иностранными дѣлами графъ Панинъ находилъ возможнымъ вступить въ переговоры при посредствѣ Австріи и Пруссіи. Графъ же Григорій Орловъ, оба Чернышева и вице-канцлеръ князь Гагаринъ энергически возстали не только противъ иностраннаго посредничества, но и противъ заявленія готовности со стороны Россіи приступить къ переговорамъ; они настаивали, что честь Россіи требуетъ продолженія войны до тѣхъ поръ, пока Турція сама не попроситъ мира. Между тѣмъ былъ составленъ проектъ условій, на которыхъ Россія могла заключить миръ. Требовалась уступка Кабарды; возвращеніе Азова

со всѣми землями до Берды; независимость крымскихъ татаръ; оставленіе грузинскимъ владѣтелямъ ихъ земель и городовъ, русскимъ оружіемъ имъ возращенныхъ; полная амнистія христіанамъ и магометанамъ, участвовавшимъ въ войнѣ и предоставленіе имъ свободы религіи. Военное вознагражденіе въ 25 милліоновъ рублей, а до уплаты этой суммы—занятіе Молдавіи и Валахіи, съ тѣмъ, чтобы ежегодно доходами ихъ пополнять одинъ милліонъ въ счетъ контрибуціи; такимъ образомъ, провинціи могли оставаться въ нашихъ рукахъ 25 лѣтъ, съ обязательствомъ не производить тамъ никакихъ перемѣнъ, а по полученіи слѣдуемой суммы тотчасъ очистить. Наконецъ, для развитія нашей морской торговли, требовать предоставленія русскому флоту всѣхъ правъ и привиллегій, какія даны другимъ державамъ, и полную свободу плаванія русскихъ кораблей по Черному и Средиземному морямъ, съ уступкой на послѣднемъ какого-либо острова.

Прусскій король, получивъ эти условія, отказался предложить ихъ Турціи и Австріи, которая ни въ какомъ случаѣ не согласится допустить занятія Дунайскихъ княжествъ и готова будетъ даже объявить Россіи войну. Сама же Австрія въ это время придвигала войска къ границамъ и со стороны княжествъ, и со стороны Польши, а съ Турціей заключила секретный договоръ, по коему гарантировала ей возвращеніе всѣхъ земель, занятыхъ русскими войсками въ эту войну, для достиженія каковой цѣли Австрія принимала вооруженное положеніе и, въ случаѣ надобности, готова была объявить намъ войну. За это Турція должна была заплатить Австріи 24 милліона гульденовъ и отдать часть Валахіи до праваго берега рѣки Ольты. Кромѣ того Австрія завязала еще секретныя сношенія съ Франціей и Пруссіей, стараясь привлечь ихъ для совмѣстныхъ дѣйствій.

Я не буду слѣдить за дальнѣйшими перипетіями этой дипломатической кампаніи, включившей въ кругъ своихъ дѣйствій еще важнѣйшій вопросъ—о первомъ раздѣлѣ Польши, причемъ пущены были въ ходъ всѣ возможные макіавелизмы, чтобъ увѣрить всю Европу, будто бы первая мысль и главная вина въ этомъ на сторонѣ Екатерины, между тѣмъ какъ мысль за-

родилась въ Турціи, была подхвачена и съ крайнею настойчивостью поддержана въ Берлинѣ, да и въ Вѣнѣ принята съ большимъ удовольствіемъ, прикрытымъ слезами сожалѣнія... Кстати сказать, первый приступъ же и сдѣланъ былъ Австріей, занявшей безъ всякаго повода польское герцогство Ципсъ. Обо всемъ этомъ любознательные читатели могутъ найти много спеціальныхъ историческихъ указаній и въ названной уже выше исторіи г. Петрова. Я же возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ и исключительно тѣмъ, въ которыхъ участвовалъ герой моего разсказа—Кабардинскій полкъ, состоявшій въ это время въ бригадѣ съ Выборгскимъ полкомъ.

Остатокъ 1772 г. прошелъ въ переговорахъ о перемиріи, затѣмъ о мирѣ. Сначала въ Журжѣ, потомъ въ Фокшанахъ, наконецъ въ Букурештѣ изощрялись представители воюющихъ и посредствующихъ державъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ и подвигахъ, не вѣря одинъ другому ни на полслова... Возникали несогласія, перемиріе прекращалось, опять возобновлялись переговоры, съ продленіемъ перемирія; однако въ февралѣ 1773 г. дѣло окончательно разстроилось и дипломаты оставили Букурештъ. Съ 15-го должны были открыться военныя дѣйствія и императрица указывала графу Румянцеву необходимость тотчасъ открыть кампанію, пользуясь раздробленіемъ турецкихъ войскъ, распущенныхъ на зиму по домамъ. Но осторожный полководецъ не находилъ возможности открыть дѣйствія ранѣе конца апрѣля или мая мѣсяца. Во всемъ ощущался въ арміи большой недостатокъ, рекруты еще не прибыли, нѣсколько полковъ отосланныхъ въ Польшу не возвращались, доставка продовольствія чрезвычайно затруднялась, и, до возможности имѣть подножный кормъ, переправа за Дунай была не исполнима. Румянцевъ полагалъ единственно полезнымъ способомъ дѣйствій—тревожить малыми отрядами турокъ за Дунаемъ, удерживая ихъ этимъ отъ наступленія въ занятыя нами провинціи; при этомъ, зная что такой осторожный образъ дѣйствій не могъ нравиться въ Петербургѣ, онъ присовокуплялъ, что: «я не имѣвъ и въ лучшемъ вѣкѣ большихъ способностей и искуства, нынѣ, ежели не отъ долговременныхъ трудовъ, но отъ частыхъ припадковъ, чувствую оскудѣніе въ

силахъ и не могу имѣть довольной довѣренности къ своимъ средствамъ и мѣроположеніямъ»..

До полученія окончательныхъ разрѣшеній изъ Петербурга, Румянцевъ открылъ въ мартѣ мѣсяцѣ дѣйствія по своей системѣ и приказалъ отдѣльнымъ отрядамъ тревожить непріятеля за Дунаемъ. Когда же отъ императрицы было получено настояніе о немедленномъ перенесеніи оружія за Дунай, чего графъ Румянцевъ, въ виду усилившейся въ войскахъ болѣзненности отъ цынги, неприбытія подкрѣпленій и совершеннаго отсутствія фуража и подножнаго корма исполнить не могъ, онъ потребовалъ отъ главныхъ начальниковъ арміи ихъ мнѣнія, чтобы не брать на себя одного отвѣтственности за уклоненіе отъ исполненія воли императрицы. Всѣ поступившія, вслѣдствіе этого, заявленія командовавшихъ генераловъ, въ томъ числѣ и отважнаго, рѣшительнаго Вейсмана, клонились къ тому, что ранѣе половины мая вообще ничего рѣшительнаго за Дунаемъ предпринять невозможно, да и то въ томъ случаѣ, если ввѣренные имъ корпуса будутъ значительно усилены.

Въ апрѣлѣ, однако, набѣги за Дунай приняли болѣе серьезный характеръ и первый рѣшительный поискъ въ Карасу былъ сдѣланъ по приказанію генерала Вейсмана. Для этого, по обыкновенію, онъ избралъ своего любимѣйшаго сотрудника, командира Кабардинскаго полка, назначивъ въ его распоряженіе 1,000 человѣкъ пѣхоты, 1,400 казаковъ и 6 полевыхъ орудій.

Въ ночь на 16 апрѣля, полковникъ Кличка высадился на правый берегъ Дуная возлѣ Тульчи. Сбивъ небольшой авангардъ турокъ, онъ направился прямо къ Бабадагу и двигался такъ форсировано, что не взирая на многія мѣстныя препятствія и отсутствіе проводниковъ, къ вечеру былъ уже не далѣе 20 верстъ отъ Бабадага, а къ разсвѣту 17-го числа явился подъ этимъ городомъ. Вышедшіе на встрѣчу турецкія войска были сбиты съ позиціи и отступили, уничтоживъ за собою мостъ заранѣе приготовленными горючими матеріалами. Но Кличка распорядился возобновленіемъ моста, что и было исполнено подъ выстрѣлами турокъ; переправившіеся казаки атаковали ихъ и съ значительнымъ урономъ обратили въ

бѣгство. Отрядъ послѣдовалъ за ними, встрѣчая на пути слѣды поспѣшнаго отступленія непріятеля, въ видѣ брошенныхъ лошадей, разнаго оружія и имущества.

Въ 14 верстахъ отъ Бабадага у моста Чахтай, отрядъ ночевалъ, а на другой день совершилъ переходъ 20 верстъ до Ташаула, но настигнуть бѣжавшихъ не успѣлъ. Только посланныя впередъ казачьи партіи привели не мало плѣнныхъ молдавскихъ семействъ, уводимыхъ турками, и разнаго обоза. Забравъ въ Ташаулѣ найденный складъ матеріаловъ для наводки моста, отрядъ 19-го апрѣля продолжалъ движеніе къ Карамурату, гоня передъ собою непріятельскія партіи, захватывая десятки плѣнныхъ и фуръ съ разнымъ имуществомъ. По всѣмъ окрестностямъ распространилась паника, многіе турки являлись съ покорностью и готовностью переселиться за Дунай. Подойдя къ Карасу, у котораго непріятель расположилъ, подъ сильнымъ прикрытіемъ, цѣлый таборъ уведенныхъ молдавскихъ семействъ, полковникъ Кличка тотчасъ атаковалъ казаками это прикрытіе и овладѣлъ 330 повозокъ. Бѣжавшій непріятель заперся въ Карауманѣ, гдѣ былъ сильно укрѣпленный, вооруженный шестью пушками, замокъ и большой складъ разныхъ военныхъ припасовъ. Кличка, не давая времени опомниться объятому страхомъ противнику, окружилъ замокъ и устроилъ двѣ батареи; а между тѣмъ потребовалъ безусловной сдачи, на что турки послѣ краткаго колебанія и согласились. Забравъ съ собою три пушки и много новаго шанцоваго инструмента, остальныя орудія, 20 бочекъ пороха и проч. Кличка приказалъ бросить въ море, замокъ взорвалъ на воздухъ и двинулся обратно къ Тульчѣ. Въ обѣ стороны были разосланы партіи казаковъ, подъ защитой коихъ многія христіанскія семейства присоединились къ отряду, для слѣдованія на лѣвый берегъ Дуная.

Такимъ образомъ возвратился отрядъ въ Измаилъ, приведя съ собою однихъ плѣнныхъ турокъ 3,336 человѣкъ, много скота и другой добычи. Въ донесеніи своемъ генералу Вейсману объ этой экспедиціи, полковникъ Кличка съ похвалой отозвался о состоявшемъ при немъ волонтерѣ испанскомъ графѣ Деласказасѣ.

Съ половины мая графъ Румянцевъ нашелъ наконецъ возможность начать наступленіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и придвинулся съ главными силами отъ Яссъ ближе къ Дунаю, а генералъ-маіору Вейсману поручилъ совершить за рѣку усиленный поискъ.

Получивъ свѣдѣніе, что турки расположились лагеремъ у Карасу, Вейсманъ 26-го мая, съ отрядомъ въ 6,500 человѣкъ при 38 орудіяхъ, перешелъ Дунай и остановился у Карамурата, въ 16-ти верстахъ отъ непріятеля. На другой день отрядъ, обойдя Карасу съ тыла, атаковалъ турецкій лагерь и сильный прикрывавшій его ретраншаментъ, разбилъ непріятеля, обратившагося съ большими потерями въ бѣгство, и овладѣлъ 16 пушками съ значительными запасами. Наша потеря заключалась въ 58 убитыхъ и 121 раненыхъ.

Этотъ удачный поискъ ускорилъ переходъ за Дунай главной арміи. Графъ Румянцевъ, по личномъ осмотрѣ мѣстъ переправы, выбралъ таковую у Гуробалы; но такъ какъ тутъ былъ расположенъ турецкій отрядъ въ 6,000 человѣкъ съ 13 пушками, который могъ въ короткое время получить подкрѣпленія, то главнокомандующій нашелъ нужнымъ прежде уничтожить этотъ отрядъ, что и возложилъ на генерала Вейсмана, которому приказалъ изъ Карасу двинуться въ тылъ гуробальскаго непріятельскаго отряда и атаковать его; для поддержки Вейсмана одновременно направлена часть корпуса генерала Потемкина за Дунай со стороны Силистріи.

7-го іюня, наши войска появились передъ Гуробалой; но непріятель, видя приближеніе русскихъ съ двухъ сторонъ и готовую къ переправѣ армію Румянцева, поспѣшилъ удалиться къ Силистріи. Авангардъ Вейсмана настойчиво преслѣдовалъ турокъ, захватилъ у нихъ 8 пушекъ, весь обозъ съ запасами, 60 плѣнныхъ и проч. Важнѣе всего было, что отъ этихъ плѣнныхъ узнали подробности о силахъ непріятельскихъ и ихъ расположеніи на равныхъ пунктахъ; свѣдѣнія эти, о полученіи коихъ Румянцевъ уже давно напрасно старался, были весьма кстати и послужили указаніемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій.

9-го и 10 іюня, армія переправилась наконецъ за Дунай и открыла дѣйствія противъ крѣпости Силистріи.

12-го рекогносцировка нечаянно обратилась въ упорное сраженіе, окончившееся разбитіемъ на голову турокъ, лишившихся 18 орудій, лагеря, обоза и пр. Главная роль въ распоряженіяхъ принадлежала генералу Вейсману, а сильнѣйшія атаки непріятеля пришлось выдержать Кабардинскому егерскому баталіону Мекноба.

На требованіе сдать крѣпость, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, Сераскиръ-паша прислалъ весьма гордый отвѣтъ, извѣщая о своей готовности противиться всѣмъ силамъ русскихъ, которымъ не отдастъ не только крѣпости, но ни единаго камня и ни единаго гвоздя. Въ доказательство своей силы и рѣшимости, паша выслалъ почти половину своихъ войскъ, которыя занявъ окрестные сады, сбили наши передовые пикеты.

Соображая дальнѣйшія дѣйствія противъ Силистріи, графъ Румянцевъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости овладѣть однимъ горнымъ редутомъ. Нападеніе на него назначено было 18-го іюня съ разныхъ сторонъ, но главная атака возложена на генераловъ Потемкина и Вейсмана, колонна коего состояла изъ Кабардинскаго и Ширванскаго полковъ, да гренадерскаго баталіона Блюхера.

18-го числа, съ разсвѣтомъ, по сигнальной ракетѣ, батареи наши открыли по редуту огонь, а двѣ колонны изъ корпуса Потемкина двинулись въ атаку. Подходя уже близко къ редуту начальникъ одной изъ колоннъ былъ убитъ, войска пришли въ замѣшательство; этимъ воспользовались турки и выйдя большею массою изъ редута, съ обнаженными саблями кинулись на колонну и опрокинули ее; та же участь постигла и другую лѣвую колонну, обратившуюся въ бѣгство и разстроившую тѣмъ резервъ... Опрокинувъ обѣ колонны, торжествующій непріятель, съ громкими радостными криками вывелъ почти всѣ войска изъ редута и энергически бросился за отбитыми русскими колоннами. Въ это время, стоявшій правѣе генералъ Вейсманъ, увидѣвъ бѣгство разстроенныхъ нашихъ колоннъ, тотчасъ поручилъ постоянно отличавщемуся своею храбростью и искусствомъ полковнику Кличкѣ поддержать атаку. Тотъ двинулся съ Ширванскимъ батальономъ впередъ

и, пользуясь малочисленностью оставшихся въ редутѣ турокъ, выбилъ ихъ штыками и занялъ укрѣпленіе, овладѣвъ 10 пушками. Кабардинскій же полкъ съ полковникомъ Леонтьевымъ бросился въ атаку въ тылъ непріятеля, преслѣдовавшаго отбитыя въ началѣ штурма русскія колонны. Видя это наступленіе, турецкая конница прекратила преслѣдованіе и, поражаемая сильнымъ огнемъ Кабардинцевъ, бросилась обратно къ своему редуту, но вдругъ была встрѣчена такимъ огнемъ изъ своихъ же орудій, что съ громадными потерями совершенно разстроенныя толпы обратились въ бѣгство къ крѣпости.

Послѣ шестичасоваго сраженія редутъ окончательно остался въ нашихъ рукахъ и былъ занятъ отрядомъ генерала Вейсмана. Весь успѣхъ дѣла, по справедливости, принадлежалъ лихому командиру Кабардинскаго полка и его колоннѣ, состоявшей главнѣйше изъ Кабардинскаго и Ширванскаго полковъ. Потеря нашего полка въ этомъ дѣлѣ была 52 человѣка нижнихъ чиновъ и три офицера—капитанъ Горсманъ, подпоручики Семеновъ и Гербель, изъ коихъ первый на третій день отъ ранъ умеръ.

Въ тотъ же день къ Силистріи подошли значительныя подкрѣпленія туркамъ и ожидались на слѣдующій день еще большія. Непріятель могъ вывести тогда изъ крѣпости до 50,000 человѣкъ въ чрезвычайно пересѣченной мѣстности и потому графъ Румянцевъ не счелъ безопаснымъ, со своими ограниченными силами, оставаться въ занятой позиціи. Только что взятый редутъ приказано было бросить и колонна Вейсмана соединилась съ войсками Потемкина.

19-го числа, за сильнымъ дождемъ, никакихъ движеній не производилось; а 20-го іюня вся армія отступила пять верстъ назадъ и расположилась за рѣкой Гирлицей. По произведенной рекогносцировкѣ оказалось что непріятель въ весьма значительныхъ силахъ расположился на лѣвомъ флангѣ нашей арміи близъ Кучукъ-Кайнарджи, что давало ему возможность угрожать нашему тылу при отступленіи къ переправѣ. Поэтому графъ Румянцевъ, усиливъ корпусъ генерала Вейсмана кавалеріей, отправилъ его противъ турецкой позиціи, съ приказаніемъ постараться обойти прикрытія ея фронта и ата-

ковать; во всякомъ же случаѣ не допускать непріятеля до нашей Гуробальской переправы у Сатунова и па сообщенія, ведущія къ ней изъ Силистріи. Самъ же Румянцевъ со своею арміей, не желая рисковать переправой, 22 іюня отступилъ и остановился въ шести верстахъ отъ нея.

Войска, противъ которыхъ направился отрядъ Вейсмана, состояли изъ 30 тысячъ человѣкъ отборнаго турецкаго войска, между коими были какія то *Далкиличъ*, давшіе присягу сражаться только саблями. Предводитель ихъ Нуманъ-паша былъ у турокъ на счету искуснѣйшихъ полководцевъ, заявивъ себя удачными дѣйствіями въ Грузіи. Онъ намѣревался выйти на единственный путь сообщенія русской арміи съ Гуробальскою переправой, овладѣть дефилемъ при устьѣ рѣки Гирлицы и атаковать съ тыла, тогда какъ въ то же время она будетъ съ другой стороны атакована войсками изъ Силистріи, и такимъ образомъ разсчитывалъ на совершенное уничтоженіе нашей арміи, въ каковомъ смыслѣ дано было приказаніе визиремъ, который грозилъ пашамъ гнѣвомъ султана и судомъ Божіимъ, если останется въ живыхъ хоть одинъ человѣкъ изъ русской арміи...

Генералъ-маіоръ Вейсманъ, проведя ночь у Куюджукъ, съ геройскою неустрашимостью, не обращая вниманія на чрезвычайныя затрудненія мѣстности, прикрывавшія непріятеля, двинулся 22-го іюня впередъ. Въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Клички, находился Кабардинскій полкъ, два гренадерскихъ баталіона и нѣсколько егерей, да казачій полкъ.

Турецкій лагерь при Кючукъ-Кайнарджи находился на крутой возвышенности, вершина коей увѣнчана была прочнымъ ретраншаментомъ, занятымъ всею непріятельскою пѣхотой; многочисленные рвы и рытвины прикрывали фронтъ его со стороны наступленія нашего отряда. Сверхъ того, впереди позиціи противника, проходило длинное дефиле, занятое конницей. Авангардъ преодолѣлъ всѣ мѣстныя препятствія и выбилъ турокъ изъ дефиле; но при выходѣ изъ него былъ встрѣченъ жесточайшимъ огнемъ артиллеріи изъ ретраншамента, а затѣмъ отчаянною атакой многочисленной непріятельской кавалеріи, окружившей небольшое каре Клички со

всѣхъ сторонъ. Каре пришло въ разстройство, казаки были опрокинуты, и еслибы не отличное дѣйствіе нашей артиллеріи, во время подкрѣпленной пятью орудіями изъ главнаго отряда, то авангарду пришлось бы плохо. Въ то же время Вейсманъ съ главными своими силами, то-есть всего шестью баталіонами, пройдя дефиле, построился въ каре лѣвѣе Клички и двинулся на ретраншаментъ. Скрытая въ немъ турецкая пѣхота, въ числѣ 10,000 человѣкъ, съ замѣчательною храбростью ударила въ сабли на каре Вейсмана, врываясь во всѣ фасы... Но храбрѣйшій изъ храбрыхъ Вейсманъ, стоявшій не внутри каре, а въ шеренгѣ перваго фаса, умѣлъ подавать гдѣ нужно помощь и возбудить солдатъ къ необыкновенному мужеству. Онъ столько разъ водилъ ихъ къ побѣдамъ, что довѣріе къ нему въ войскахъ было безгранично. Каре продолжало держаться и отбивать атаки турокъ, надѣявшихся на свою многочисленность и насѣдавшихъ съ необычною имъ дерзостью. Наконецъ противникъ былъ опрокинутъ; но это стоило намъ слишкомъ дорого: герой Вейсманъ палъ, сраженный ружейною пулею, пробившею ему руку и грудь въ сердце! Озлобленные смертью любимаго начальника, войска съ ожесточеніемъ двинулись на ретраншаментъ, вокругъ котораго засѣла во рвахъ и рытвинахъ турецкая пѣхота. Но это не могло остановить нашихъ войскъ; они овладѣли ретраншаментомъ; заняли непріятельскій лагерь, а турки бѣжали, преслѣдуемые четырьмя кавалерійскими полками нашими, бывшими въ аріергардѣ.

Начальство надъ отрядомъ принялъ генералъ-маіоръ князь Голицынъ. Потери непріятеля были громадны; весь лагерь съ двадцатью пятью орудіями и канцелярія Нуманъ-паши съ интересными бумагами достались намъ. Съ нашей стороны уронъ относительно былъ не великъ, всего до 170 человѣкъ, но, какъ сказано, мы лишились героя, стоившаго цѣлаго корпуса. Изъ Кабардинскаго полка убыль ограничивалась 14 солдатами и въ третій разъ раненъ былъ храбрый капитанъ Рейникенъ.

Не взирая на эту побѣду, графъ Румянцевъ не нашелъ однако ни возможнымъ, ни полезнымъ оставаться за Дунаемъ и 25-го іюня началъ обратную переправу; а отрядъ Вейсма-

на поручилъ генералъ-маіору Рейзеру, съ тѣмъ чтобы онъ возвратился въ Измаилъ правымъ берегомъ Дуная, совершая по пути поиски и вредя гдѣ можно непріятелю. Такимъ образомъ, 5-го іюля эта колонна возвратилась въ Бессарабію.

Визирь, въ виду отступленія нашей арміи, тотчасъ рѣшился предпринять одновременно со всѣхъ пунктовъ наступленіе и вторженіе за Дунай. Начало этихъ дѣйствій турокъ увѣнчалось нѣкоторыми частными успѣхами, но графъ Румянцевъ не придавалъ имъ важнаго значенія; онъ подтвердилъ только частнымъ начальникамъ быть въ постоянной готовности къ встрѣчѣ непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ составилъ новое росписаніе своей арміи, причемъ лѣвое крыло, въ составъ коего входилъ Кабардинскій полкъ, поручилъ начальству генералъ-поручика Унгерна, возложивъ на него наблюденіе за всею нижнею частью Дуная отъ Прута до Днѣстра и Чернаго моря, производя мелкіе поиски для тревоженія непріятеля и разузнаванія о его намѣреніяхъ. Генералъ Унгернъ, давъ своимъ войскамъ мѣсячный отдыхъ, принявъ мѣры къ закрытію устьевъ Дуная, чтобы воспрепятствовать входу непріятельскихъ судовъ изъ Чернаго моря въ рѣку, и обезпечивъ оборону лѣваго берега распредѣленіемъ гарнизоновъ и наблюдательныхъ постовъ, рѣшился предпринять наступательное движеніе къ Бабадагу.

4-го августа, Унгернъ перешелъ черезъ Дунай у Измаила съ отрядомъ, всего около 5,000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. 6-го числа онъ подошелъ къ Бабадагу, не встрѣчая нигдѣ непріятеля; казаки и гусары были высланы впередъ въ обѣ стороны къ Карасу и Караурману, куда визирь поспѣшилъ отправить сильныя подкрѣпленія.

Въ теченіи августа и сентября отрядъ Унгерна оставался у Бабадага, производя легкими войсками поиски, между коими выдавался нѣкоторымъ значеніемъ одинъ, совершенный 14-го сентября, причемъ было взято Кюстенджи и захвачена не малая добыча.

Наконецъ, визирь, весьма недовольный бездѣйствіемъ паши, стоявшаго въ Карасу съ 20,000 корпусомъ, послалъ ему изъ Шумлы еще подкрѣпленіе и приказалъ немедленно открыть па-

ступленіе противъ нашего отряда. Но при первой же встрѣчѣ, 1-го сентября, съ нашимъ авангардомъ былъ разбитъ и бѣжалъ. Генералъ Унгернъ перешелъ къ Чехтаю и, въ связи съ отрядами генералъ-маіора Суворова и князя Долгорукова, долженъ былъ рѣшительно наступать къ Карасу для пораженія сосредоточенныхъ тамъ турецкихъ силъ до 25,000 человѣкъ. 17 го сентября Унгернъ и Долгоруковъ двинулись къ Карасу, подойдя къ нему совершенно неожиданно для непріятеля, большая часть коего въ смущеніи пустилась, по обыкновенію, на утекъ. Преслѣдуемые по пятамъ кавалеріей, турки потеряли до 800 человѣкъ однихъ плѣнныхъ, со своимъ пашей, весь лагерь, одиннадцать пушекъ, множество запасовъ и проч. Наша потеря ограничилась 4 убитыми и 26 ранеными.

Отсюда отряды наши двинулись къ Базарджику, также легко взятому, съ двадцатью тремя пушками и большими продовольственными запасами. Турки въ совершенной паникѣ бѣжали при появленіи нашихъ войскъ.

Легкость всѣхъ этихъ побѣдъ и внѣшнее разстройство непріятеля побудили графа Румянцева поручить расположившимся въ Базарджикѣ отрядамъ употребить усилія для овладѣнія Варной и особенно Шумлой, гдѣ была главная квартира визиря, но не было почти никакихъ войскъ, дѣйствуя одновременно противъ обѣихъ крѣпостей. При этомъ, для обезпеченія тыла нашихъ войскъ со стороны Силистріи, Румянцевымъ были приняты особыя мѣры.

По произведеннымъ рекогносцировкамъ оказалось, что Варна слабо защищена незначительнымъ гарнизономъ и хотя имѣла сильные верки, съ прочною каменною оградой, глубокимъ рвомъ и палисадомъ, но, по мнѣнію Унгерна, могла быть взята открытою атакой; почему онъ и порѣшилъ штурмовать Варну 30-го октября.

Раздѣливъ отрядъ на три колонны, Унгернъ подступилъ къ крѣпости и послѣ сильной канонады двинулъ баталіоны на штурмъ. Но уже не было съ войсками ни Вейсмана, ни Клички *). Лѣвая колонна генералъ-маіора Рейзера загрязла

*) Не задолго передъ тѣмъ уволенъ, по болѣзни, въ отпускъ на годъ.

со своими пушками въ какихъ-то рытвинахъ и, потерявъ прислугу и лошадей, перебитыхъ огнемъ изъ за-стѣнъ, бросила орудія и отступила на пушечный выстрѣлъ; остальныя двѣ колонны сначала храбро, подъ сильнымъ огнемъ, подошли къ крѣпостному рву, но тутъ въ рѣшительную минуту, когда слѣдовало крикнуть ура и идти въ штыки, люди заколебались, смѣшались, начали отступать... Штурмъ былъ отбитъ. Мы потеряли 700 человѣкъ и 6 орудій *).

Долгоруковъ, слишкомъ осторожный, не взирая на настоянія графа Румянцева, то медленно двигался впередъ къ Шумлѣ, то стоялъ на мѣстѣ и кончилъ тѣмъ, что остался въ Базарджикѣ.

Желая ослабить дурное впечатлѣніе, произведенное въ войскахъ Унгерна неудачнымъ штурмомъ Варны, графъ Румянцевъ писалъ ему, «что одна неудача еще ничего не доказываетъ, что ускорять отступленія нѣтъ никакой надобности, потому что непріятель не рѣшившійся преслѣдовать насъ въ день неудачи, конечно не можетъ предпринять ничего рѣшительнаго въ настоящее время. Видя одну смѣлость нашихъ войскъ, покусившихся на открытый приступъ противъ такой крѣпости какъ Варна, непріятель, несмотря на неудачу штурма, долженъ во всякомъ случаѣ отдать справедливость нашему мужеству и считать себя счастливымъ, что могъ удержаться въ крѣпости; а о дѣйствіяхъ въ открытомъ полѣ не можетъ имѣть и рѣчи».

Однако одобренія эти не повели ни къ чему. Ни Унгернъ, ни Долгоруковъ не соотвѣтствовали своему назначенію. Не удержи болѣзнь графа Румянцева въ Брапловѣ, онъ бы самъ былъ съ войсками за Дунаемъ и, безъ сомнѣнія, Шумла и Варна видѣли бы русскихъ гостей въ своихъ стѣнахъ.

Послѣ весьма труднаго отступленія, по грязнымъ дорогамъ, съ большимъ числомъ раненыхъ, ежеминутно опасавшихся нечаяннаго нападенія турокъ, часть отряда Унгерна

---

*) Судя по тому, что изъ Кабардинскаго полка подъ Варной убыло только убитыми 1 барабанщикъ и 4 мушкетера, должно думать, что полкъ былъ не впереди штурмующихъ. Точнаго опредѣленія на этотъ счетъ я не могъ найти въ дѣлахъ.

наконецъ достигла Измаила, а вслѣдъ за нею прибылъ и самъ онъ съ остальными войсками, пройдя берегомъ моря и разоривъ нѣсколько приморскихъ поселеній, въ томъ числѣ города Мангалію, Балчикъ, Каварну.

На этомъ окончились дѣйствія 1773 года, по крайней мѣрѣ для лѣваго крыла арміи, слѣдовательно и для спеціально меня интересующаго Кабардинскаго полка. Онъ опять былъ расположенъ на зиму въ Аккерманѣ и, за отсутствіемъ полковника Клички, состоялъ въ командованіи старшаго штабъ-офицера, премьеръ-маіора фонъ-Гартога.

На 1744 годъ графъ Румянцевъ предполагалъ, минуя всевозможныя препятствія и неблагопріятныя мѣстныя условія, перенести дѣйствія за Дунай, а въ тоже время вести атаку Очакова. Но внезапная смерть султана Мустафы, которому турки приписывали и самую войну и всѣ свои неудачи, и вступленіе на османскій престолъ Абдулъ-Гамида измѣнили обстоятельства. Новый султанъ, не имѣя никагого понятія о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, желалъ ознаменовать свое восшествіе на престолъ рѣшительными дѣйствіями; онъ призывалъ подданныхъ къ оружію, обѣщалъ войскамъ разныя льготы и милости. А паши, желая обратить на себя вниманіе новаго повелителя, готовились перейти Дунай и открыть наступательныя дѣйствія. Но войска наши вездѣ были на сторожѣ, въ готовности отразить всякое покушеніе, хотя за громадною убылью и неприбытіемъ всѣхъ назначенныхъ рекрутъ, а также за несвоевременною доставкой коммисаріатскихъ вещей, армія находилась въ крайне жалкомъ матеріальномъ состояніи.

Въ половинѣ апрѣля однако все было приведено въ болѣе или менѣе исправный видъ и армія тронулась со своихъ зимнихъ квартиръ на указанныя мѣста, съ тѣмъ чтобы въ началѣ мая открыть дѣйствія.

На этотъ разъ лѣвымъ крыломъ начальствовалъ генералъ-поручикъ Каменскій. Ему назначено было, какъ и въ прошедшемъ году, переправиться за Дунай и расположиться у Карасу, а между тѣмъ авангардъ, въ томъ числѣ и егеря на-

шего подполковника Мекноба, уже переправились и стояли у Бабадага.

Между тѣмъ, при посредствѣ прусскаго посла Цегедина, визирь возобновилъ мирные переговоры; но условія нами требуемыя и предлагаемыя турками такъ далеко расходились, что графъ Румянцевъ, очень хорошо понимавшій свойства турецкаго характера, счелъ самымъ лучшимъ подкрѣпить мирные переговоры военными дѣйствіями. Для этого прежде всего было двинуто лѣвое крыло генерала Каменскаго, поддерживаемое отдѣльнымъ отрядомъ Суворова изъ Гирсова. Каменскій долженъ былъ условиться съ Суворовымъ относительно общаго наступленія; отъ такихъ боевыхъ, опытныхъ генераловъ можно было ожидать вполнѣ самостоятельныхъ дѣйствій. Сойдясь для совѣщаній, они нашли, что составленный въ Петербургѣ планъ, состоявшій въ томъ чтобъ открыть кампанію усиліями овладѣть Варной и Силистріей—неудобенъ. Они рѣшили разбить прежде непріятеля въ полѣ и имѣть въ виду Шумлу, какъ мѣстопребываніе визиря и пунктъ сосредоточенія главныхъ силъ противника. Графъ Румянцевъ одобрилъ этотъ планъ, дополнивъ его нѣкоторыми подробностями.

Вслѣдствіе этихъ предположеній, состоялось движеніе и занятіе съ боя Базарджика, затѣмъ сраженіе 9-го іюня при Козлуджи. Сраженіе продолжалось восемь часовъ; турки высказали, особенно въ началѣ, много отваги и энергіи, иныя части нашихъ войскъ должны были даже ретироваться; но въ концѣ-концовъ нѣкоторыя каре, въ томъ числѣ Кабардинскаго полка маіора Ферзена, предводимыя лично Суворовымъ, тогда только что начинавшимъ пріобрѣтать извѣстность боеваго генерала, одолѣли непріятеля и нанесли ему полнѣйшее пораженіе.

Послѣ этого слѣдовало немедленно двинуться къ Шумлѣ и, пользуясь пораженіемъ турокъ, разбѣгавшихся въ разныя стороны, такъ что, по свѣдѣніямъ, при визирѣ едва оставалась тысяча человѣкъ, овладѣть этою важною крѣпостью. Но весьма трудныя дороги и малый запасъ провіанта заставили Каменскаго собрать новый совѣтъ для рѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ наступленіи къ Шумлѣ и отвѣтъ данъ былъ отри-

цательный... Это тѣмъ болѣе странно, что въ совѣтѣ участвовали Суворовъ, Милорадовичъ, Прозоровскій, Озеровъ, всѣ генералы, уже доказавшіе въ эту кампанію свои военныя способности и мужественную рѣшимость.

Графъ Румянцевъ остался очень недоволенъ рѣшеніемъ военнаго совѣта и указывалъ, что занятіе Шумлы должно быть главною цѣлью стремленій корпуса Каменскаго, что слѣдовало пользоваться благопріятными обстоятельствами и не терять времени. «Не дни, да часы, а и моменты въ такомъ положеніи дороги,» писалъ онъ и требовалъ движенія къ Шумлѣ; отказаться же отъ овладѣнія ею тогда только, если окажется для этого неизбѣжность правильной осады.

Вслѣдствіе этого, Каменскій выступилъ 14-го числа въ Еникіой, въ 25 верстахъ отъ Шумлы, а 16-го числа подошелъ къ Енибазару, гдѣ 5,000 турокъ напали на нашъ авангардъ, но были разбиты. На другой день корпусъ перешелъ къ деревнѣ Буланокъ, въ пяти верстахъ отъ крѣпости. Однако на открытую атаку Каменскій не рѣшался и съ цѣлью вызвать непріятеля въ поле разослалъ казачьи партіи по окрестностямъ жечь и разорять села. Между тѣмъ заготовлялись фашины и предполагалось предпринять во всякомъ случаѣ что нибудь рѣшительное противъ Шумлы, въ которой визирь опять уже успѣлъ собрать до 30,000 человѣкъ.

По приказанію графа Румянцева посланы были разъѣзды за Балканы, чтобы встревожить край. Кавалерійскій отрядъ прибылъ въ Афлаторъ, разставивъ по пути на разстояніи 20—25 верстъ казачьи партіи въ 50—100 человѣкъ; а бригадиръ Заборовскій съ авангардомъ доходилъ до селенія Челыванъ и разбилъ тамъ четырехъ-тысячный турецкій отрядъ. При этомъ особенно отличился нашего полка подпоручикъ Иванъ Щеголевъ, который со ста егерями велъ атаку впереди всѣхъ. Изъ представленія объ немъ подполковника Мекноба видно, что Щеголевъ, изъ солдатскихъ дѣтей, во всѣхъ дѣлахъ этой кампаніи отличался особой отвагой, былъ раненъ въ голову, контуженъ въ грудь, не оставлялъ фронта; а въ послѣднемъ ночномъ дѣлѣ въ Балканахъ онъ, съ своими ста человѣками охотниковъ, держался противъ окружившихъ его

турокъ долго, до прибытія подкрѣпленій; затѣмъ, при деревнѣ, Чалыкъ-Кавокъ Щеголевъ опять былъ въ авангардѣ съ своими охотниками и первый атаковалъ занявшихъ тѣснину турокъ; а 6-го іюля, съ 50 егерями, обошелъ лѣвую сторону дефиле, выгналъ засѣвшаго тамъ непріятеля и прикрывалъ все время, пока не прошелъ весь обозъ отряда.

Въ этомъ же движеніи за Балканы отличился и нашъ Капитанъ Францъ Ренникенъ, отбившій 25 іюня, съ своей гренадерской ротой ночное нападеніе турокъ, о чемъ командиръ своднаго гренадерскаго баталіона, маіоръ Новгородскаго пѣхотнаго полка Нестеровъ сдѣлалъ особое донесеніе. Не менѣе мужества и особенно распорядительности оказалъ и капитанъ Денисовъ, который, сопровождая съ ротой транспортъ продовольствія для отряда, былъ окруженъ турками, но отбился и доставилъ провіантъ благополучно.

Между тѣмъ Каменскій все болѣе и болѣе сближался съ крѣпостью, блокада становилась тѣснѣе, всѣ пути сообщенія были отрѣзаны, въ Шумлѣ началъ чувствоваться уже недостатокъ въ продовольствіи, особенно въ фуражѣ для многочисленной кавалеріи; однимъ словомъ, для крѣпости очевидно наступила критическая минута. Но въ это время получено было предписаніе Румянцева не предпринимать уже ничего рѣшительнаго, ибо ведутся дѣятельные переговоры о мирѣ. Каменскій же полагалъ, что для чести русскаго оружія необходимо одержать какой нибудь успѣхъ надъ непріятелемъ и потому рѣшился овладѣть однимъ изъ ретраншаментовъ. 7-го іюля, съ довольно значительной потерей, укрѣпленіе было взято, а 9-го отрядъ отступилъ отъ крѣпости. Послѣдняя жертва была совершенно напрасна, и графъ Румянцевъ замѣтилъ это Каменскому, сказавъ, что «теперь намъ потеря и одного человѣка дороже ста убитыхъ турокъ».

10-го іюля былъ заключенъ извѣстный Кючукъ-Кайнарджійскій миръ. Кампанія кончилась.

Всѣ перипетіи мирныхъ переговоровъ, подробности условій, отношенія къ дѣлу другихъ державъ и проч. не относятся до предмета моего спеціальнаго изслѣдованія, да и достаточно извѣстны изъ многихъ обстоятельныхъ историче-

скихъ сочиненій. Мнѣ довольно ограничиться указаніемъ главныхъ пунктовъ договора.

1) Россія получила право плаванія по всѣмъ водамъ Оттоманской имперіи, съ привилегіями торговлѣ такими же, какія были предоставлены Англіи и Франціи.

2) Крымскій полуостровъ объявлялся независимымъ отъ Турціи и составлялъ нейтральную полосу между ею и Россіей. Керчь и Еникале съ ихъ уѣздами присоединялись къ намъ, равно всѣ земли между Бердой и Днѣпромъ, между Бугомъ и Днѣстромъ до польской границы, а также замокъ Кинбурнъ съ округомъ.

3) Нашъ посланникъ ставился равнымъ австрійскому; во всѣхъ городахъ разрѣшалось намъ имѣть консуловъ; открывался свободный путь богомольцамъ къ святымъ мѣстамъ, подъ защитой мѣстныхъ властей, а въ Константинополѣ разрѣшалось построить православную церковь, кромѣ посольской домовой.

4) Обезпечивались всеобщая амнистія христіанамъ, принимавшимъ какое либо участіе въ войнѣ, различныя облегченія для населенія Молдавіи и Валахіи, возвращеніе ихъ монастырямъ отобранныхъ земель, право нашихъ пословъ защищать интересы княжествъ и проч., равно не требовать съ нихъ за все время войны и еще въ послѣдующіе два года никакихъ податей и налоговъ.

5) Азовъ съ его уѣздомъ, въ границахъ 1700 года, уступался Россіи.

6) Обѣ Кабарды, Малая и Большая, должны были оставаться подъ вліяніемъ крымскаго хана и по его указаніямъ опредѣлить свои отношенія къ Россіи.

7) Уничтожалась навсегда дань съ Грузіи отроками и отроковицами, возстановлялись права мѣстныхъ владѣтелей, устранялось всякое вмѣшательство Турціи въ ихъ внутреннія дѣла, разрѣшалось исправленіе разрушенныхъ церквей, и пр. Однимъ словомъ, не забыты были интересы христіанскаго населенія и выговорено все, что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и условіямъ, можно было.

8) Турція должна была заплатить контрибуцію въ четыре съ половиной милліона рублей, уплачиваемыхъ въ три срока.

Не нужно забывать, что тогда Турція все еще считалась сильною державой, которую ни одно изъ европейскихъ государствъ не дерзало третировать свысока; на Австрію она еще нагоняла страхъ изрядный, а Польша, какъ мы видѣли, даже полагала въ ея могуществѣ найти покровителя. Мы же, напротивъ, были куда слабѣе и бѣднѣе. При такихъ обстоятельствахъ, заключенный миръ, дѣйствительно, могъ назваться блистательнымъ для насъ и крайне прискорбнымъ для Порты оттоманской.

Румянцевъ оказался отличнымъ дипломатомъ. Представляя подписанный договоръ для ратификаціи, онъ писалъ Екатеринѣ: «Если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ вопросить до образа, коимъ было трактовано сіе дѣло?—отвѣчу: безъ всякихъ обрядовъ министеріальныхъ, а единственно скорою ухваткою военною, соотвѣтствуя положенію оружія съ одной стороны превозмогающаго, а съ другой до крайности утѣсненнаго».

А прусскій посланникъ въ Константинополѣ Цегединъ писалъ Румянцеву, что едва онъ полагалъ что конгресъ открылся, а уже получилъ извѣстіе, что миръ подписанъ. Это называется faire la paix en militaire; (дѣлать—заключать—миръ по военному.) держа въ одной рукѣ перо для подписанія договора, въ другой шпагу, дабы заставить противника дѣлать что требуютъ. «Я не льстецъ, но долженъ сказать, что вы вели войну какъ отличный генералъ, и заключили миръ какъ искусный министръ». Нѣкоторые изъ иностранныхъ пословъ не упустили случая повести интриги, уговаривая султана не давать ратификаціи договору, заключенному визиремъ вскорѣ послѣ того умершимъ. Ему ставили на видъ слабость нашей арміи и несоотвѣтствіе унизительныхъ условій съ могуществомъ его имперіи. Но Порта достаточно испытала на себѣ удары этой слабой арміи и осталась глуха къ совѣтамъ. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ, бросились въ другую сторону: нельзя ли попользоваться чѣмъ нибудь на счетъ побѣжденнаго. И дѣйствительно, Австрія вздумала потребовать себѣ часть придунайскихъ княжествъ и заняла своими войсками нѣкоторыя пограничныя мѣста, но встрѣтивъ неодобрительный

по этому случаю отзывъ нашего правительства, Австрія, въ виду окончательно подписаннаго мира, отказалась отъ своей коварной попытки.

Суетная спѣсь тогдашней турецкой имперіи была сбита и оттоманская гордость поубавлена.

Заслуги графа Румянцева были оцѣнены достойнѣйшимъ образомъ и награждены со щедростью, истинно царскою.

«Возвѣщая миръ, рукъ вашихъ твореніе, сказано въ высочайшемъ рескриптѣ къ нему отъ 12-го августа, возвѣстили вы намъ въ то же время чрезъ оный и знаменитѣйшую вашу услугу предъ нами и отечествомъ. Мы объемлемъ ее вовсемъ пространствѣ тѣхъ трудовъ и подвиговъ, коими вы чрезъ все время войны ополчаться долженствовали къ преломленію силъ и высокомѣрія непріятеля, обыкшаго донынѣ въ счастливыхъ своихъ войнахъ предписывать другимъ законы жестокіе» и т. д.

Вотъ списокъ наградъ полученныхъ Румянцевымъ: 1) чинъ фельдмаршала, 2) Георгія 1-й степени, 3) титулъ Задунайскаго для прославленія опаснаго перехода черезъ Дунай, 4) грамоту съ прописаніемъ всѣхъ его побѣдъ, 5) жезлъ украшенный алмазами, 7) масличную вѣтвь, алмазами украшенную, 8) орденъ св. Андрея Первозваннаго съ алмазами, 9) медаль выбита съ его изображеніемъ «въ честь его и для поощренія потомства», 10) пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссіи, 11) сто тысячъ рублей на постройку дома, 12) серебряный сервизъ для стола, 13) картинную галлерею для украшенія дома. Кромѣ всего этого, Екатерина желала, чтобъ онъ, подобно римскимъ полководцамъ, имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу чрезъ тріумфальныя ворота... Но самъ Румянцевъ отъ этого рѣшительно отказался.

Затѣмъ армія наша двинулась обратно за Дунай. Корпусъ Каменскаго, въ составѣ коего былъ Кабардинскій полкъ, 30-го іюля прибылъ въ Измаилъ; войска оставались до начала слѣдующаго 1775 года въ княжествахъ и Бессарабіи, до исполненія Турціей всѣхъ условій трактата.

Во все время кампаніи составъ дивизій безпрестанно измѣнялся и полки попадали изъ одной въ другую; такъ, изъ строеваго рапорта 1-й дивизіи 1-й арміи за генварь 1775 г.

видно, что Кабардинскій полкъ уже числился въ этой дивизіи, бывшей подъ командою генералъ-поручика Глѣбова. Въ полку показано на лицо: 3 штабъ-офицера, 1 квартирмейстеръ, 1 адъютантъ, 2 комиссара, 1 лекарь, 1 подлекарь. *Унтеръ-штаба* нижнихъ чиновъ 72, ротнаго *примо-плана* 5 капитановъ, 7 поручиковъ, 8 подпоручиковъ, 7 прапорщиковъ, 85 унтеръ-офицеровъ и капраловъ, 257 гренадеръ, 842 мушкатера, 58 егерей, 141 неслужащихъ, (т. е. нестроевыхъ) въ томъ числѣ профосы и положенный по штату 1762 г. изданному при Петрѣ III *живодеръ* (?). Лошадей артиллерійскихъ 30, полковыхъ 133, а прибавочныхъ (т. е. временныхъ) 7 погоньщиковъ, 38 лошадей и 56 воловъ. Больныхъ при полку 65, въ отлучкахъ въ Россіи: 1 полковникъ, 1 подполковникъ, 2 капитана, 1 подпоручикъ и 14 солдатъ. Въ разныхъ госпиталяхъ: 1 поручикъ, 1 подпоручикъ, 1 подлекарь и нижнихъ чиновъ 78. Въ командировкахъ по лагерю 1 капитанъ, 2 поручика, 1 подпоручикъ, 22 нижнихъ чина. Не доставало до комплекта: 1 капитанъ, 1 подпоручикъ, 136 мушкетеръ. И такъ, чисто боевая сила по списку была 1,242 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; а исключивъ больныхъ и раскомандированныхъ оставалось 1082, изъ коихъ нужно скинуть сколько нибудь на свой полковой расходъ, и тогда окажется, что въ дѣло едва ли могло быть выведено 1000 штыковъ, изъ 1,680 состоявшихъ по спискамъ!

Не взирая на всѣ измѣнившіяся къ лучшему условія службы, передвиженія, продовольствіи, леченія и т. д., и въ нынѣшнее время неизбѣжны почти такія же сокращенія дѣйствительнаго числа людей противъ числящихся по спискамъ. Это уже какъ бы роковой законъ войны, и войска, минуя потери въ сраженіяхъ, имѣть свойство *таять*, какъ снѣгъ весною. Какія мѣры не принимались, какъ ни пополнялись ряды предъ выступленіемъ въ походъ, а въ дѣло или полевую работу (постройка укрѣпленій, рубка просѣкъ и т. п.) если выходилъ батальонъ въ половинномъ составѣ, противъ штатнаго числа, то на Кавказѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, приходилось считать это весьма удовлетворительнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ послѣдней войнѣ (1877—78) повторялось тоже самое.

XII.

Росписаніе. арміи.—Политическое положеніе Турціи послѣ мира. — Уклоненіе отъ исполненія трактата, особенно на счетъ Крыма.—Необходимость военныхъ предосторожностей на Кубани и Терекѣ.—Зачисленіе Кабардинскаго полка въ Астраханскій корпусъ.—Выступленіе полка изъ Быхова.—Прибытіе на Моздокскую линію въ Георгіевскъ.—Возбужденіе враждебности горцевъ противъ русскихъ и начало Кавказской войны.—Появленіе Шихъ-Мансура.—Несчастная экспедиція противъ него.—Движеніе Шихъ-Мансура въ Кабарду и встрѣча съ отрядомъ полковника Нагеля.—Пораженіе горцевъ.—Уходъ Мансура за Кубань.

2-го августа 1774 года, предсѣдатель военной коллегіи, графъ Захаръ Чернышевъ, препроводилъ къ графу Румянцеву утвержденное императрицей новое росписаніе арміи, въ которомъ значилось, что Кабардинскій полкъ зачисленъ по прежнему въ составъ 5-й Финляндской дивизіи, генералъ-аншефа графа Брюса и штабъ-квартира ему назначена въ Выборгѣ.

Какъ образчикъ тогдашнихъ отношеній высшихъ сановниковъ другъ къ другу, привожу здѣсь изъ письма графа Чернышева къ Румянцеву нѣсколько словъ: «теперь остается мнѣ достигнуть еще того счастливаго времени, въ которое удостоится современникъ вашъ обнять здѣсь милостиваго своего графа и къ неописанному удовольствію видѣть въ немъ того великаго мужа, которому общество должно (т. е. обязано) и славою побѣдъ, и полезностью мира, и перемѣною, приносимою 10-мъ днемъ іюля прискорбнаго напоминанія въ торжественную радость.» Прискорбное напоминаніе 10-го іюля это—унизительный трактатъ на Прутѣ Петра съ визиремъ, (1711 г.).

Дѣйствительно, лучше отомстить за Прутъ, чѣмъ это сдѣлалъ Румянцевъ при Кагулѣ, трудно было и придумать. Побѣды Миниха всетаки далеко не въ такой степени поразили

въ корень могущество имперіи Османовъ. Только со времени ударовъ Румянцева можно считать судьбу ея рѣшенною: толчекъ былъ такой, что сотрясеніе, не останавливаясь, дошло до нашихъ дней...

Зиму 1774—75 Кабардинскій полкъ провелъ сначала въ селеніяхъ Гулпешти и Бретулени, близь Кишинева, затѣмъ близь Каменца-Подольскаго въ мѣстечкѣ Маковѣ, наконецъ выступилъ по маршруту изъ Хотина, вмѣстѣ съ 1-мъ Московскимъ полкомъ, чрезъ Овручъ, Мозырь, Оршу, Великіе Луки и Порховъ, въ Выборгъ.

Пока полкъ совершаетъ свой длинный, трудный походъ по тогдашнимъ ужаснымъ дорогамъ, въ распутицу, необходимо бросить взглядъ на политическое положеніе дѣлъ, какъ оно обрисовалось вскорѣ по заключеніи мира. Безъ этого не будутъ ясны послѣдующія событія, приведшіе полкъ къ совершенно неожиданнымъ, новымъ дѣламъ.

Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, закончивъ въ 1774 году многолѣтнюю войну Россіи съ Турціей, ясно показалъ Европѣ, что Турція уже не то могущественное государство, какимъ она была во времена Селима и Солимана. Изнѣженная, гаремная жизнь ея правителей, развивая роскошь, вызывала вмѣстѣ съ тѣмъ предосудительныя средства для ея удовлетворенія. Воздержность и чисто боевая жизнь прежнихъ Османовъ мало по малу замѣнилась разлагающею всякій здоровый организмъ жизнью въ сералѣ. Народная сила Порты стала блѣднымъ призракомъ угасшаго величія, хотя турки и не сознавали этого. Такъ человѣкъ, пораженный чахоткой, каждый день идя быстро къ могилѣ, не вѣритъ своему безсилію и упорно отвергаетъ самое свойство страшной болѣзни...

Ревностно исповѣдуя коранъ, поклонники Магомета свято вѣрятъ въ предопредѣленіе и, не смотря на всѣ испытанія, которымъ подвергалась Порта за все время ея политическаго существованія, турки до послѣдняго времени покоились на словахъ корана, признавая себя тѣмъ избраннымъ народомъ, которому будто бы предназначено покорить всѣ прочіе народы міра, и что по этому Турція есть государство, существованіе котораго вѣчно и несокрушимо. Если дѣйствительные факты

указывали на частыя пораженія Турціи, то магометане объясняли ихъ не своею слабостію, но гнѣвомъ Магомета, и смотрѣли на нихъ, какъ на временныя лишь бѣдствія. Бѣдствія эти они сравнивали съ облакомъ, которое хотя и закрываетъ лучи солнца, но никогда не уменьшитъ ни его свѣта, ни благодатной теплоты. «Придетъ время, облако разсѣется, и на ясномъ небѣ снова заблеститъ неугасаемое солнце.» Это религіозное вѣрованіе, примѣненное къ политикѣ, порождало въ туркахъ убѣжденіе, что если всѣ европейскіе «князьки и корольки,» какъ они ихъ презрительно называли, соединятся вмѣстѣ и пойдутъ противъ Порты, то послѣдняя, если только захочетъ Магометъ, непремѣнно останется побѣдительницей...

Въ доказательство несомнѣнности такого предопредѣленія, обыкновенно указывалось на печальный для христіанъ исходъ крестовыхъ походовъ. Да, наконецъ, мусульманинъ, который сомнѣвается въ этой истинѣ, совершаетъ страшное преступленіе, заявляетъ себя дурнымъ магометаниномъ и не избѣгнетъ должнаго наказанія.

Этимъ религіознымъ фанатизмомъ объясняется, почему предъ началомъ всякой войны турки всегда принимаютъ ее съ энтузіазмомъ. Оттоманы не сомнѣваются въ томъ, что, находясь подъ защитой Магометова знамени, они сокрушатъ въ прахъ своихъ враговъ и что при видѣ этого знамени христіане должны или ослѣпнуть, или же, по крайней мѣрѣ, лишиться возможности вредить правовѣрнымъ.

Религіозный элементъ управляетъ всѣми личными и общественными дѣйствіями турокъ. При такой же беззавѣтной вѣрѣ въ предопредѣленія судьбы, подчиняющейся однако велѣніямъ ихъ пророка, при такомъ религіозномъ фанатизмѣ, не удивительно если турки оставались въ горделивомъ убѣжденіи своего превосходства и въ надеждѣ на лучшіе дни, не взирая на всѣ наносимые имъ жестокіе удары. Нужны были послѣднія событія 1877—78 годовъ, нужно было русскимъ войскамъ появиться у стѣнъ Стамбула, чтобы сильно подорвать всѣ эти убѣжденія даже въ темной массѣ турецкаго народа. Но уже занесенный надъ головой рѣшительный ударъ

былъ остановленъ, и потому можно будетъ опять увѣрять въ силѣ покровительства Магомета избранному народу...

Турокъ бываетъ храбръ не потому, что онъ любитъ свое отечество, или считаетъ обязанностію свято исполнить свой долгъ, но потому, что, по обѣщанію Магомета, всякій убитый подъ его знаменемъ наслѣдуетъ седьмое небо, причемъ каждому правовѣрному, соразмѣрно его подвигамъ и заслугамъ, предназначено будетъ большое число красивѣйшихъ гурій. Подъ вліяніемъ ожиданія седьмаго неба, турокъ нерѣдко готовъ выносить чрезвычайные труды и лишенія военнаго времени, нося въ себѣ прежде всего убѣжденіе, что онъ исполняетъ волю пророка.

Благотворительность турка относительно единовѣрца и вѣчная ненависть противъ гяура, желаніе вредить ему всѣми возможными средствами, опять таки не обусловливаются личными качествами мусульманина, но являются какъ результатъ поученія корана, какъ желаніе исполнить завѣтъ Магомета и получить право обитать въ его раю, который онъ обставилъ всѣми картинами чувственнаго соблазна.

Понятны, поэтому, слова сказанныя Ибрагимомъ-эфенди-Мутеферикъ, однимъ изъ умнѣйшихъ турокъ XVIII вѣка: «вѣра и имперія есть два близнеца, которые не могутъ жить одинъ безъ другаго. Вѣра Магомета продлится до страшнаго суда Божія, святые законы ея несокрушимы до конца вселенной.» Опредѣленіе вполнѣ вѣрное, только заключеніе несбыточное въ отношеніи имперіи; именно потому что вѣра, такъ сказать, синонимъ турецкаго государства, единственный фундаментъ, на которомъ все зданіе зиждется, эта имперія въ Европѣ, съ христіанскими подданными, существовать не можетъ, и съ той минуты, какъ матеріальная сила Османовъ стала слабѣть, имперія уже была обречена на гибель. Кто понималъ духовный міръ турокъ и ихъ упорное, фаталистическое вѣрованіе въ судьбу, руководимую Магометомъ, тотъ никогда и не сомнѣвался въ этомъ; никогда не придавалъ никакого значенія всѣмъ пустымъ фразамъ о реформахъ, либеральныхъ учрежденіяхъ въ пользу христіанъ и проч. Послѣднія сто лѣтъ, подгнившее зданіе Порты держалось искусствен-

но, подпорками, подставляемыми соперничествующими между собою христіанскими державами. Теперь однако насталъ критическій моментъ: отъ вѣры отказаться нельзя, приходится отказаться отъ имперіи...

Въ Азіи господство можетъ длиться еще долго, хотя и тамъ христіане Сиріи и армяне малой Азіи могутъ возбудить со временемъ рѣшительное вмѣшательство европейскихъ державъ и впослѣдствіи стать причиной совершеннаго исчезновенія оттоманскаго владычества, которому протекторатъ Англіи дастъ послѣдній толчекъ...

По ученію корана, вся жизнь мусульманина должна быть направлена къ тому, чтобы доставить торжество религіи Магомета и искоренить враговъ его, христіанъ. Понятно, что ничего, кромѣ заклятой вражды, къ христіанскому міру турокъ питать не можетъ. Вынуждаемый къ другому образу дѣйствій въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ, турокъ чувствуетъ двойное оскорбленіе: и какъ мусульманинъ, и какъ господинъ рабовъ своихъ; звѣрства надъ ними совершаемыя, оправдываются религіей и всѣмъ его міровоззрѣніемъ. Такимъ онъ былъ, такимъ и останется навсегда, съ тою разницей, что съ упраздненіемъ османской имперіи, съ исчезновеніемъ съ европейской почвы пашей, низамовъ, заптіевъ и прочихъ атрибутовъ государственной власти, атрибутовъ турецкаго первенства надъ гяурами,—всякій турокъ, не ушедшій въ Азію, покорится волѣ судебъ и, затаивъ въ душѣ ненависть, обратится въ покорнаго, мирнаго подданнаго христіанскаго правительства, чему примѣровъ много у насъ въ Россіи.

Сохраняя вѣчную вражду къ христіанамъ, турки тѣмъ не менѣе всегда старались перенять у нихъ все пригодное къ военному дѣлу. Это подражаніе порождало въ нихъ мысль, что они всегда идутъ въ уровень съ современнымъ состояніемъ военнаго искусства въ Европѣ и даже стоятъ во главѣ его. Но фактическое паденіе Порты начало обнаруживаться уже съ конца XVII столѣтія. Побѣды Собѣскаго и Монтекукули доказали, что счастіе измѣнило оружію страшныхъ до того Османовъ. Затѣмъ послѣдовали частыя пораженія турокъ Евгеніемъ Савойскимъ и Минихомъ.

Наконецъ, по словамъ Вольнея, война Россіи въ 1769—1774 обнаружила окончательно слабость Порты. При видѣ безчисленныхъ турецкихъ полчищъ, уничтожаемыхъ горстью русскихъ, при видѣ цѣлыхъ флотовъ, обращенныхъ въ пепелъ, провинцій, занятыхъ и покоренныхъ русскими, при видѣ общаго страха и тревоги, распространившихся до самаго Константинополя, вся Европа поняла, что съ этого времени турецкая имперія стала не болѣе какъ призракомъ, и что этотъ колоссъ, распаявшійся во всѣхъ своихъ связкахъ, ожидаетъ только толчка, чтобы развалиться въ дребезги.

Трактатъ 1774 года былъ предвѣстникомъ такого толчка. Напрасно Порта возмущалась дерзостью невѣрныхъ; она должна была испытать тяжесть насилія, которое такъ часто сама на другихъ налагала. Она должна была уступить значительное пространство между Днѣстромъ и Бугомъ, равно какъ и порты въ Крыму и на Кубани; она принуждена была признать независимость крымскихъ татаръ, своихъ вассаловъ и союзниковъ по религіи и крови; она должна была открыть своему врагу воды Чернаго моря, съ котораго видны константинопольскіе минареты и, къ довершенію оскорбленія, видѣть русскіе корабли, плывущими мимо воротъ сераля, чтобы, пройдя въ Средиземное море, обогащаться произведеніями Порты, знакомиться съ ея владѣніями, для болѣе легкаго на нихъ нападенія со временемъ и пріобрѣтать силы, которыя направятся потомъ на пораженіе Порты.

Чего же можно было ожидать отъ такого положенія вещей, при которомъ такъ сильно страдали интересы Турціи? Того, что не замедлило обнаружиться: что турки, съ сожалѣніемъ уступая необходимости, исполнятъ свои обязательства только на половину; что русскіе, опираясь на свои пріобрѣтенныя побѣдами права, будутъ настойчиво требовать ихъ исполненія; турки станутъ прибѣгать къ разнымъ уверткамъ и объясненіямъ, что неминуемо приведетъ къ новой войнѣ.

Россія дѣйствительно не разсчитывала, что кучукъ-кайнарджійскій миръ будетъ добросовѣстно исполненъ Турціей. Князь Репнинъ, въ качествѣ русскаго чрезвычайнаго посла прибывшій въ Константинополь въ 1774 году, для обмѣна ра-

тификацій, былъ принятъ тамъ съ особеннымъ вниманіемъ и ему оказывалось явное предпочтеніе предъ послами другихъ державъ. Но когда всѣ церемоніи закончились и князь Репнинъ уѣзжалъ изъ Константинополя, то великій визирь, прощаясь съ нимъ, какъ съ частнымъ человѣкомъ, прямо сказалъ ему, что если Крымъ будетъ независимъ, а Керчь и Эникале останутся во власти русскихъ, то онъ не ручается что кайнарджійскій миръ, вынужденный у Порты силой, будетъ продолжителенъ.

Само собою, Россіи не оставалось ничего болѣе, какъ заблаговременно принять мѣры къ обезпеченію пріобрѣтенныхъ нѣсколько лѣтнею, дорого стоившею войною успѣховъ и стать въ такое положеніе, чтобы при возобновленіи враждебныхъ дѣйствій имѣть какъ можно меньше слабыхъ мѣстъ, защита коихъ парализуетъ энергію и рѣшительность дѣйствій на главномъ театрѣ войны, гдѣ рѣшается судьба дѣла.

Къ числу самыхъ ненавистныхъ пунктовъ мирнаго трактата, турки причисляли тотъ, которымъ Крымскій полуостровъ объявлялся независимымъ отъ Порты, а обѣ Кабарды *) оставались подъ вліяніемъ крымскаго хана и подъ его вліяніемъ должны были опредѣлить свои отношенія къ Россіи. Турецкіе дипломаты, участвовавшіе въ переговорахъ о мирѣ, употребляли величайшія усилія отстоять это положеніе, доказывая что отдѣлить Крымъ и все татарское владѣніе отъ состава Порты значитъ нанести смертельный ударъ ея политическому состоянію, потому что самая религія мусульманская тому противится. Султанъ — глава всего магометанскаго міра, и уже поэтому всѣ татары должны признавать его господство надъ собою. Весь мусульманскій міръ въ Азіи и Египтѣ не допуститъ такого отдѣленія и ополчится на поддержку своего владыки; изнурительная война станетъ безконечною. Подъ всѣми этими фразами скрывалась, впрочемъ, болѣе практическая мысль: блистательная Порта вполнѣ сознавала, что неорганизованныя орды татарскія не представляли элементовъ для самостоятельнаго политическаго существованія и, выведенныя

*) Малая и Большая.

изъ-подъ непосредственной власти султана, рано или поздно должны будутъ покориться Россіи. Этому-то и силились турки воспротивиться. Но когда никакое краснорѣчіе и угрозы на Румянцева не подѣйствовали и онъ «военною ухваткой», т. е. рѣшительнымъ движеніемъ войскъ къ Шумлѣ, заставилъ турецкихъ дипломатовъ подписать предложенныя условія, тогда Порта прибѣгла къ излюбленному образу дѣйствій: къ хитростямъ, интригамъ, всевозможнымъ уверткамъ, фальшивымъ заявленіямъ и пр., чтобы данныя обязательства остались на бумагѣ. Выгадывать время до послѣдней крайности, въ надеждѣ, что, авось, великій пророкъ преложитъ гнѣвъ на милость и дѣло кончится не такъ какъ началось, было всегда главною задачей османскихъ политиковъ, которые, подписывая договоръ, въ тоже время думали о томъ, какъ бы его не исполнить.

Турки не выводили своихъ войскъ изъ Крыма, хотя наши уже были выведены; они содѣйствовали враждебному намъ хану Девлетъ-Гирею возвратиться въ Бахчисарай и свергнуть своего предшественника, казнить всѣхъ его приверженцевъ за расположеніе къ Россіи; употребляли всѣ средства возбуждать противъ насъ Кабарду и закубанскія племена, которыя своими набѣгами должны были тревожить занятые нами еще въ 1736 году пункты отъ берега Каспія до Моздока. Девлетъ-Гирей напрямикъ объявилъ, что Кабарда должна остаться по прежнему подъ его властью, а самъ онъ будетъ считать себя вассаломъ султана.

Такимъ образомъ, не взирая на заключенный миръ, приходилось продолжать военныя предосторожности, и большая часть войскъ была расположены вблизи Крыма и по юго-западной границѣ, а также двинуты были на Кубань и къ сторонѣ Терека для образованія укрѣпленной линіи и обезпеченія спокойствія, какъ въ отошедшихъ по трактату къ Россіи земляхъ, такъ и на помянутой Моздокской линіи.

Кабардинскій полкъ, не получившій еще послѣ полковника Клички командира, подъ командой старшаго штабъ-офицера маіора фонъ-Гартога, успѣлъ дойти до города Быхова (Могилевской губерніи), какъ вдругъ получено было новое росписа-

ніе арміи, по которому полкъ, вмѣсто Финляндской дивизіи, назначенъ въ Астраханскій корпусъ, подчинявшійся астраханскому губернатору генералъ-поручику Якоби. Составъ этого корпуса былъ слѣдующій: Владимірскій драгунскій, Кабардинскій пѣхотный полки, Моздокскій и шесть вновь сформированныхъ гарнизонныхъ баталіоновъ, а равно астраханскіе, моздокскіе, терскіе, гребенскіе, волжскіе и семейные казаки.

Получивъ наконецъ новаго командира въ лицѣ полковника Ладыженскаго, Кабардинскій полкъ выступилъ чрезъ Алексинъ, Данковъ, Козловъ, Хоперскъ, Царицынъ въ Астрахань и, оставивъ здѣсь часть тяжестей при небольшой командѣ, двинулся дальше на такъ называвшуюся Моздокскую линію, подчинявшуюся астраханскому губернатору. Это было въ 1776 году, и вотъ уже болѣе ста лѣтъ полкъ, какъ бы соотвѣтственно своему кавказскому имени, не выходилъ изъ кавказскаго края, проведя большую часть своей боевой жизни въ ближайшей окрестности Кабарды.

Первое расположеніе полка было въ крѣпости Новогеоргіевской, которую самъ онъ и устраивалъ, отдѣляя баталіоны на постройку другихъ сосѣднихъ укрѣпленій: Павловскаго, Маріевскаго и др. Время проходило въ работахъ, изрѣдка въ мелкихъ стычкахъ съ хищническими шайками, для преслѣдованія коихъ высылались роты и т. п. Нерѣдко горцы пытались взять самый Георгіевскъ, штурмовали его и всякій разъ были отражаемы съ большимъ урономъ. Подполковникъ нашего полка Германъ былъ строителемъ какъ этого, такъ и вообще всѣхъ укрѣпленій между Азовомъ и Моздокомъ, а комендантомъ Георгіевска при нападеніи черкесовъ, особенно усилившихся въ 1779 году, былъ нашего же полка секундъ-маіоръ Карлъ Рикъ. Никакихъ особенно выдающихся военныхъ эпизодовъ за это время не встрѣчается. Но съ окончательнымъ занятіемъ нашимъ въ 1783 году Крыма и переходомъ въ наше владѣніе всей части Кавказа между Кубанью и Терекомъ, а равно заключеннаго съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ договора о защитѣ его отъ турокъ и персіянъ, недовольные крымскіе татары, особенно изъ духовныхъ, въ связи

съ турецкими эмиссарами, проникаютъ на Кавказъ, усиливаютъ враждебность тамошнихъ племенъ противъ русскихъ, возбуждаютъ религіозный фанатизмъ, увлекаютъ ихъ въ наступательныя дѣйствія на наши посты и поселенія, вызываютъ тѣмъ и съ нашей стороны соотвѣтственныя военныя дѣйствія и движенія за Кубань, внутрь ихъ населеній. Начинается рядъ стычекъ и кровопролитныхъ встрѣчъ—родоначальниковъ кавказской войны, длившейся до 1864 года, цѣлыхъ восемьдесятъ лѣтъ!...

До 1785 года, впрочемъ, все это происходило въ весьма незначительныхъ размѣрахъ и носило характеръ весьма мелкой войны. Въ этомъ же году появилась личность, давшая разомъ сильный толчекъ враждебнымъ дѣйствіямъ кавказскаго населенія противъ насъ. Это былъ извѣстный Шихъ-Мансуръ, чеченецъ-пастухъ, воспитанникъ одного изъ ученыхъ муллъ, но не въ Бухарѣ, какъ до сихъ поръ полагали, а въ одномъ изъ сосѣднихъ дагестанскихъ ауловъ, фанатикъ, возвѣстившій гибель Россіи и славу кавказскихъ народовъ. Его страстныя рѣчи, льстившія тщеславію привыкшихъ къ необузданной свободѣ туземцевъ, начали привлекать къ нему толпы приверженцевъ.

Для захвата Шихъ-Мансура былъ отправленъ небольшой отрядъ, подъ командой полковника Астраханскаго пѣхотнаго полка Піери. Вѣроятно, совершенно неопытный, или уже слишкомъ презрительно относившійся къ врагу, этотъ полковникъ былъ на голову разбитъ Шихъ-Мансуромъ съ чеченцами, и небольшой отрядъ нашъ почти истребленъ. Вотъ что доносилъ по этому поводу, 19-го іюля 1785 года, изъ Наура генералъ-поручикъ Леонтьевъ командовавшему кавказскимъ корпусомъ генералъ-поручику Павлу Сергѣевичу Потемкину: «Подношу вашему превосходительству копію съ ордера, даннаго отъ меня полковнику Піери объ отрядѣ за Сунжу части войскъ, для *снизверженія мечтающагося тамъ лже-пророка*, который находился тогда въ своемъ домѣ, не имѣя при себѣ никакихъ скопищъ, а предавшіеся ему въ послушаніе были всѣ заняты домашними упражненіями въ снятіи на поляхъ своего хлѣба, о чемъ будучи я больше мѣсяца на линіи пользовался одина-

кими свѣдѣніями чрезъ надежнѣйшихъ и всѣми испытанныхъ конфидентовъ. Отрядъ коего составленъ былъ изъ Астраханскаго полка, Кабардинскаго егерскаго баталіона, двухъ гренадерскихъ ротъ Тамбовскаго полка и ста человѣкъ казаковъ Семейнаго войска, переправленъ же за Терекъ у Калиновской станицы, съ которой стороны отнюдь не ожидалъ лже-пророкъ движенія, и предписано было слѣдовать къ Сунжѣ всемѣрно скрытнѣе, располагая временемъ такъ, чтобы по предмету *развратниковой безпечности* (sic) и какъ онъ, дѣлая токмо примѣчаніе за деташементомъ бригадира Апраксина, поставленнымъ въ его виду, со времени когда приготовлялся онъ устремиться на Владикавказскую крѣпость, въ ночь на 7-е число (іюля) отправить за Сунжу Кабардинскій баталіонъ, который бы на разстояніи менѣе пяти верстъ отъ берега до Алды, прибывъ въ деревню, атаковалъ домъ лже-пророка и, захватя его со всѣми при немъ бывшими, доставили ночью же къ нему на переправу, а до того долженъ былъ самъ Піери съ прочими войсками прикрывать оную, развѣ бы отъ какой неосторожности произошло что противное успѣху, тогда маршировать самому къ исполненію предписаннаго; но сіе едва ли бы могло быть, поелику: 1) провожать было велѣно отъ переправы чрезъ лѣсъ въ деревню совершенно знающимъ путь и вѣрнѣйшимъ людямъ; 2) домъ лже-пророка въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни, а тѣмъ паче, 3) жители не вѣдая сего намѣренія были безо всякаго помышленія о сопротивленіи; 7-е число и для того предопредѣлилъ я, что въ тотъ день на случай потребности обузданія вѣроломныхъ велѣно было отъ меня бригадиру Апраксину, съ его деташементомъ приблизиться къ Амирханову броду, ближе коего переправлялся полковникъ Піери. Противное коего поступленіе есть причиною потери людей, каковую усмотрѣть изволите.

«Я, сверхъ моего чаянія, получа 6-го числа среди самаго дня свѣдѣніе, что Піери перешелъ самъ за Сунжу, другое затѣмъ вдругъ что возвращаясь изъ-за оной въ лѣсу отрядъ его отрѣзанъ злодѣями и дѣлается ужасная драка, что убитъ уже самъ Піери и отбиты двѣ полковыя пушки; знавъ оное прибытіе туда еще деташемента бригадира Апраксина, хотя

тотчасъ послалъ полковника Савельева съ Моздокскимъ казачьимъ полкомъ и двумя орудіями, но успѣть ему помощью было уже поздно. Свидѣтельствуетъ объясненіе полковника Томары, находившагося при отрядѣ Піери съ моего дозволенія и по своей доброй волѣ, равно оберъ-офицеровъ тамъ же бывшихъ, до чего пренебрегъ покойный Піери злодѣйствомъ преисполненнымъ тамошними народами, что и переправу, не слѣдуя данному отъ меня наставленію, оставилъ безъ надлежащаго закрытія, проходя лѣсъ по дорогѣ въ деревню не сдѣлалъ никакого учрежденія къ безпечному своему обращенію служащаго, давъ при томъ пушечными выстрѣлами и барабаннымъ боемъ время собраться чеченцамъ изъ окрестныхъ деревень и засѣсть въ лѣсу на дорогѣ ему предлежащей; нижнихъ чиновъ отряда своего между тѣмъ допустилъ до четырехъ часовъ пользоваться не позволенною добычей скота и экипажа (имущества?) брошеннаго алдинскими жителями, кои отъ нечаяннаго нашествія войска скрылись стремглавъ въ лѣсъ, окружающій ихъ деревню. Такимъ образомъ наши, будучи встрѣчены непріятелемъ на обратномъ пути въ густотѣ лѣса, какъ ни храбро побѣждали ихъ (?!); но подвергнули и себя чрезвычайной потерѣ. Со стороны чеченцевъ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, убито болѣе трехсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ родной братъ лже-пророка и сорокъ человѣкъ почетныхъ, вящше же наказаны они на другой и третій день послѣ происшествія деташементомъ бригадира Апраксина.»

Изъ приложенной къ этому рапорту вѣдомости видно, что потеря отряда заключалась въ полковникѣ Піери, одномъ капитанѣ и 110 человѣкъ убитыхъ Астраханскаго полка, одномъ штабъ-офицерѣ (маіоръ Сергѣй Комарской), четырехъ оберъ-офицерахъ и 402-хъ нижнихъ чиновъ Кабардинскаго баталіона и одномъ офицерѣ и 65 человѣкахъ Томскаго полка, всего двухъ штабъ и шести оберъ-офицерахъ и 576 нижнихъ чиновъ. О казакахъ ничего не упомянуто, но, безъ сомнѣнія, и у нихъ погибло не мало, такъ что можно смѣло считать потерю болѣе 600 человѣкъ убитыхъ и два орудія *), не го-

*) Въ послѣдствіи обѣ пушки были выкуплены у чеченцевъ за сто рублей.

Рядовой мушкетерской роты «1785 года».

воря о раненыхъ, о которыхъ свѣдѣній нѣтъ, а впрочемъ, очень быть можетъ, что спаслись отъ гибели только одни не раненые. По позднѣйшимъ извѣстіямъ, генералъ Леонтьевъ полагалъ, что изъ числа показанныхъ убитыми нѣкоторые офицеры и до двухъ сотъ солдатъ находились въ плѣну. Такъ или иначе, потеря ужасная и особенно пострадалъ нашъ Кабардинскій баталіонъ.

Сунжа, Алды, чеченцы, бѣгство при появленіи отряда, отчаянное нападеніе при отступленіи въ лѣсу. Какъ все это напоминаетъ болѣе близкое намъ время сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ! Оказывается, что шестьюдесятью пятью годами ранѣе тѣ же Алды, въ которые столько разъ дѣлались изъ Грозной набѣги въ наше время, уже были объектомъ притяженія для русскихъ войскъ и дорого чеченцы съ нихъ взяли за первый урокъ .. Полковникъ Піерп очевидно не только не исполнилъ въ точности полученнаго приказанія, но и двигался безъ всякихъ предосторожностей, полагая что имѣетъ дѣло съ аравой, бѣгущей при первомъ появленіи штыковъ. Пораженіе отряда Піерп слѣдуетъ, такимъ образомъ, считать первымъ въ ряду немногихъ, выпавшихъ на долю русскихъ войскъ на Кавказѣ. Понятно, какъ оно должно было поднять фонды Шихъ-Мансура!

Это вскорѣ и обнаружилось. Вѣсть о печальной участи русскаго отряда мигомъ разнеслась по горамъ и отъ всѣхъ кавказскихъ племенъ подъ знамя проповѣдника устремились толпы новыхъ приверженцевъ. Съ этими силами онъ кинулся на Кизляръ, на мелкія наши укрѣпленія, и затѣмъ къ Большой Кабардѣ, съ тѣмъ, чтобы, соединясь здѣсь со всѣми кабардинцами, общими силами устремиться на русскія войска.

Генералъ-поручикъ Потемкинъ, начальствовавшій тогда всѣми войсками такъ называемаго Кавказскаго корпуса, (прочія же войска, расположенныя по низовьямъ Кубани до Тамани, составляли Кубанскій корпусъ, или «часть», по тогдашнему именованію) а также и входившими въ составъ Астраханскаго, отправилъ противъ надвигавшагося непріятеля нашего полковаго командира полковника Нагеля *), съ четырьмя баталіо-

*) Назначенъ изъ драгунъ на мѣсто Ладыженскаго, произведеннаго въ бригадиры и назначеннаго комендантомъ въ Оренбургѣ.

нами, двумя эскадронами драгунъ и нѣсколькими сотнями казаковъ. Отрядъ настигъ хвостъ непріятельскихъ скопищъ въ лѣсахъ, на гребняхъ высотъ противъ Моздока, и нанесъ ему сильное пораженіе. Бывшій уже далеко впереди Шихъ-Мансуръ повернулъ назадъ, окружилъ нашу колонну со всѣхъ сторонъ и запрудилъ всѣ ручьи, изъ коихъ наши войска доставали воду. 1-го ноября къ нему присоединились новыя толпы изъ Малой, частью и изъ Большой Кабарды, и онъ рѣшился на другой день атаковать отрядъ полковника Нагеля.

2-го ноября 1785 года, въ 7 часовъ утра, огромныя толпы окружили нашихъ со всѣхъ сторонъ. Правое крыло атаковали кабардинцы (то есть жители Кабарды), лѣвое тавлинцы, то есть горцы-лезгины, самъ Мансуръ съ кумыками дѣйствовалъ въ тылу, а спереди чеченцы занимали лѣсистую лощину. Наступающія толпы везли предъ собою подвижные щиты изъ фашинника въ два ряда, между которыми была насыпана земля, и вели атаку съ отчаянною отвагой. Нѣсколько разъ отбиваемые штыками, они опять собирались и Шихъ-Мансуръ бросалъ ихъ на наши каре. Болѣе семи часовъ длился бой, но всѣ отчаянныя, отважныя попытки непріятеля не могли сломить стойкости нашихъ рядовъ и наконецъ, когда полковникъ Нагель въ свою очередь перешелъ въ наступленіе, горцы были прогнаны и разсѣяны. Здѣсь особенно отличились обѣ гренадерскія роты Кабардинскаго полка, получившія за это дѣло награду по два рубля на человѣка.

Дѣло было славное,—отместка за пораженіе Піери, предвѣстникъ многихъ славныхъ дѣлъ и пораженій воинственныхъ горцевъ. Кабардинскій полкъ проходилъ первые уроки въ той школѣ, въ которой суждено ему было пріобрѣсти свою огромную славу, уже зародившуюся на Дунаѣ. Имя полковника Нагеля, связанное со славнымъ дѣломъ пораженія Шихъ-Мансура, принадлежитъ нашему полку, такъ же какъ имя Игельштрома и Клички, столь отличаемыхъ графомъ Румянцевымъ.

Дѣло это посбило кавказскимъ джигитамъ спѣси, но не заставило ихъ отказаться отъ продолженія враждебныхъ предпріятій. Предпріимчивый Шихъ-Мансуръ ушелъ за Кубань и

перенесъ дѣйствія въ вершины рѣкъ Урупа и Зеленчуковъ, гдѣ онъ удобно могъ быть поддержанъ всѣми закубанскими племенами (черкесами) и турецкими пашами, занимавшими приморскія крѣпости. Я не буду останавливаться на подробностяхъ цѣлаго ряда, болѣе или менѣе горячихъ стычекъ съ непріятелемъ, потому что онѣ почти всегда кончались пораженіями его и доказывали очевидное преимущество регулярнаго, дисциплинованнаго войска надъ безпорядочными, хоть и весьма воинственными, храбрыми толпами; а еще болѣе потому, что положительныхъ данныхъ для опредѣленія въ этихъ стычкахъ степени участія нашего полка я нигдѣ найти не могъ. Есть глухія указанія на участіе въ дѣйствіяхъ противъ враждебныхъ закубанцевъ, но гдѣ, когда, какой части полка, подробностей нѣтъ. Видно, только что полкъ былъ въ бригадѣ съ Тифлисскимъ, подъ командой генералъ-маіора Карла Салемана.

Въ тогдашнее время не было такого строгаго порядка въ военномъ дѣлопроизводствѣ, какой введенъ теперь. Правильнаго представленія журналовъ о военныхъ происшествіяхъ незамѣтно; по крайней мѣрѣ въ архивахъ, при всемъ стараніи, я ихъ не нахожу; попадаются только отрывочныя, не періодически представлявшіяся свѣдѣнія; весьма быть можетъ, что и крайнее несовершенство тогдашнихъ почтовыхъ сообщеній тому причиной. Въ донесеніяхъ же о болѣе крупныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, начальники отрядовъ весьма рѣдко поименовывали тѣ части войскъ, которыя составляли отряды; они ограничивались большею частью общими цифрами, столько-то человѣкъ пѣхоты, драгунъ и казаковъ. Особенно бѣдны архивы именно матеріаломъ для эпохи кавказскихъ дѣйствій съ 1776 года по 1800 годъ. Все это въ высшей степени затрудняетъ изысканія для подробнаго и вѣрнаго опредѣленія участія извѣстнаго полка въ тѣхъ или другихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, съ 1777 года, то есть съ прибытія чрезъ Астрахань на Кавказъ, Кабардинскій полкъ стоялъ въ крѣпости Новогеоргіевской и, какъ уже выше сказано, нѣсколько разъ отбивалъ атаки на нее кабардинцевъ и

другихъ горцевъ, участвовалъ и внѣ крѣпости въ кратковременныхъ движеніяхъ противъ скопищъ, дѣлавшихъ набѣги на Моздокскую линію; одинъ баталіонъ, подъ командою подполковника Германа, переведеннаго въ 1777 году изъ генеральнаго штаба въ нашъ полкъ, постоянно находился для работъ по возведенію укрѣпленій на всей линіи до Азова. Къ этому же почти времени относится и командированіе Германа, пользовавшагося вѣроятно извѣстностью хорошаго инженера, въ Херсонъ, гдѣ онъ, по распоряженію свѣтлѣйшаго князя Потемкина, производилъ всѣ главныя постройки этого новозаложеннаго города и порта.

Такъ продолжалось до знаменитаго пораженія Шихъ-Мансура въ 1785 году, послѣ чего враждебныя столкновенія участились, но все еще не принимали явно наступательнаго съ нашей стороны характера. Совсѣмъ новый характеръ приняла кавказская борьба только съ 1787 года, т. е. съ объявленія Россіи второй турецкой войны. Послѣдующія событія, связанныя съ судьбой Кабардинскаго пѣхотнаго полка, находятся въ такой зависимости отъ этой войны, что я долженъ прежде сказать нѣсколько словъ объ ея возникновеніи.

XIII.

Политическія интриги, вызвавшія войну.—Манифестъ объ открытіи дѣйствій.—Мнѣніе Вольнея о Турціи.—Распоряженіе Потемкина о дѣйствіяхъ на Кавказѣ.—Движеніе за Кубань и дѣла съ горцами. Экспедиція генерала Текелли и ея послѣдствія.—Дѣйствія его въ 1788 году за Кубанью и у Анапы.—Возвращеніе и разореніе по пути черкескихъ ауловъ.—Результаты похода.

Успѣхи русскаго оружія, присоединеніе Крыма и признаніе Грузіей протектората Россіи, возбуждали въ Турціи вражду, въ Европѣ зависть и опасеніе за «равновѣсіе.»

Къ тому же, 6-го августа 1786 года послѣдовала смерть прусскаго короля Фридриха Великаго, который, отдыхая на лаврахъ прежнихъ побѣдъ, смотрѣлъ спокойно на русскую политику на Востокѣ, желая только сохранить дружественныя отношенія къ Россіи.

Преемникъ же Фридриха Великаго выказывалъ менѣе политической сдержанности и готовъ былъ открыто возбуждать противъ Россіи враговъ ея.

Война съ Турціей представлялась только вопросомъ времени. Франція и Англія употребляли усилія возбуждать Порту къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Но современныя политическія событія въ Европѣ не позволяли державамъ проявлять болѣе существеннымъ образомъ ихъ зависть и недоброжелательство къ императрицѣ Екатеринѣ, что и было причиной, почему Порта, готовясь къ войнѣ, не рѣшилась еще объявить ее. Съ своей стороны, тоже безпрерывно готовясь къ новой войнѣ съ Турціей, Екатерина старалась насколько могла сохранить дружескія отношенія—къ Швеціи и устроила свиданіе съ королемъ Густавомъ въ Фридрихсгамѣ; но это не устранило его враждебнаго настроенія къ Россіи, чѣмъ Пруссія и воспользовалась, чтобы возбудить Турцію противъ насъ.

Дѣйствительно, едва императрица Екатерина возвратилась изъ своего извѣстнаго путешествія въ южную Россію, прибывъ 11-го іюля 1787 года въ Царское Село, какъ въ Константинополѣ явно обнаружилось намѣреніе начать враждебныя дѣйствія противъ Россіи.

Безо всякаго опредѣленнаго повода, русскій посланникъ Булгаковъ былъ призванъ 15-го іюля на конференцію къ Рейсъ-эфенди (министру иностранныхъ дѣлъ), и отъ него потребовали: 1) чтобы Россія отказалась отъ покровительства, принятаго ею надъ Грузіей и царемъ Карталинскимъ, не вмѣшивалась бы въ дѣла тамошнія и вывела бы оттуда свои войска (которыхъ тогда, впрочемъ, тамъ вовсе не было); 2) чтобы Россія выдала молдавскаго господаря Маврокордато, которому она дала убѣжище за его преданность русскимъ интересамъ, 3) чтобы русскій вице-консулъ въ Яссахъ Селунскій былъ смѣненъ; турки обвиняли его въ томъ, что будто бы онъ способствовалъ побѣгу господаря Маврокордато и высылалъ въ Россію турецкихъ подданныхъ; 4) чтобы въ пользу Турціи предоставлено было 39 соленыхъ озеръ въ Кинбурнскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ Россіи; 5) чтобы Россія признала пребываніе турецкихъ консуловъ въ Крыму и вообще въ предѣлахъ имперіи; 6) Турція требовала права осматривать всѣ русскія торговыя суда, плавающія на принадлежащихъ ей моряхъ, воспрещая имъ имѣть турецкихъ матросовъ и вывозить кофе, масло, сарачинское пшено и другіе товары, что равнялось запрещенію самаго права торговли, выговореннаго трактатами 7) пошлина съ турецкихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, не должна превышать 3% ихъ стоимости.

Къ этимъ неимовѣрнымъ требованіямъ рейсъ-эфенди прибавилъ, что Россія должна дать положительный отвѣтъ не позже 15-го или 20-го августа, что, въ виду дальняго разстоянія столицъ обѣихъ имперій, представлялось физически невозможнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ, 5-го августа 1787 года, Булгаковъ вторично былъ призванъ въ засѣданіе Дивана, причемъ къ прежнимъ требованіямъ Порта присоединила новое, совершенно уже ни съ чѣмъ несообразное, чтобы Россія возвратила Турціи Крымъ и признала недѣйствительными всѣ заключенные съ нею трак-

таты, начиная съ кайнарджійскаго. Булгаковъ, конечно, отказалъ на отрѣзъ и тотчасъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ.

Напрасно французскій посланникъ Шуазель и австрійскій интернунцій Губертъ старались объ освобожденіи Булгакова. Порта осталась непреклонною и манифестомъ 13 (24) августа объявила войну Россіи. Но Турція плохо разсчитала, думая упредить союзъ между Россіей и Австріей. Въ ноябрѣ Марія-Терезія скончалась, а преемникъ ея, Іосифъ II, писалъ императрицѣ Екатеринѣ: «получивъ извѣстіе, что одинъ изъ слугъ вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, другой слуга вашъ, посылаю противъ мусульманъ всю мою армію...» Впрочемъ, союзъ этотъ никакой пользы Россіи не принесъ и бить турокъ пришлось однимъ русскимъ войскамъ; а въ концѣ явились обычныя австрійскія дипломатическія интриги, съ коими труднѣе справляться, чѣмъ съ турецкими войсками.

Со своей стороны, Екатерина, 9-го сентября 1787 года, издала манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, объявлялось: «Оттоманская Порта, утвердивъ торжественными договорами предъ лицомъ свѣта вѣчный миръ съ Россіей, опять и вѣроломно нарушила всю святость онаго, а въ доказательство объявленія войны имперіи нашей, въ 5 день августа, арестовавъ нашего полномочнаго министра и посланника дѣйствительнаго статскаго совѣтника Булгакова, посадила его въ Семибашенный замокъ (Эдди-Кале).

«Кому неизвѣстно противъ Порты наше поведеніе? Посему приключенію мы еще вновь принуждаемы предложить оное предъ очи цѣлаго свѣта.

«Послѣднюю войну въ 1768 году объявила намъ Порта столь нагло и также несправедливо, какъ настоящую. Извлеченный мечъ принужденіемъ сколько нанесъ пагубъ врагу, весь міръ о томъ знаетъ. Оружіе наше овладѣло Молдавіею, Валахіею и Бессарабіею, а отъ оныхъ, перейдя Дунай, господствовало равнымъ образомъ, поражая войска Турціи въ Болгаріи. Морскія наши силы въ Средиземномъ морѣ, низloживъ

всякое себѣ сопротивленіе отъ флага оттоманскаго, владѣли многими островами въ Архипелагѣ.

«Среди побѣдъ и толикихъ пріобрѣтеній, когда уже силы турецкія по своему истощенію не могли противустоять побѣдоносному оружію нашему и воспретить внести пламя военное во внутрь наичувствительнѣйшей ихъ державы, лишь Порта сими побѣдами потрясенная взыскала отъ насъ мира, мы хотя знали всю нужду и изнуреніе, въ которыя она себя ввергнула, но онаго не отринули и рукою побѣдительною приняли договоры для насъ умѣреннѣйшіе, а побѣжденнымъ и спасительные, и преполезные, ибо уступили всѣ наши пространныя завоеванія, оставивъ только за собою замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и съ угломъ земли между Бугомъ и Днѣпромъ, да двѣ крѣпости: Керчь и Эникале, пожертвовавъ впрочемъ изъ человѣколюбія всѣми выгодами и знатными убытками, въ войнѣ понесенными, общему покою взаимныхъ имперій, высказывая чрезъ то, что и въ счастливой войнѣ не пріобрѣтенія, а спокойствіе государства нашимъ было предметомъ. Таковъ былъ мирный трактатъ, заключенный графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ въ Кайнарджи.

«Отъ первыхъ дней мира встрѣчая часто худую вѣру и стѣсненіе нашихъ выгодъ въ торговлѣ, которую симъ трактатомъ безпредѣльно дозволяла намъ Порта на сушѣ и на водахъ, по примѣру государствъ, коимъ она въ томъ вяще благопріятствуетъ, думали мы, заключа съ оною особливый торговый трактатъ ко взаимнымъ пользамъ государствъ, связать оными безпрерывное согласіе между подданныхъ и отдалить навсегда ясными постановленіями до того бывшія распри. Теперь скажемъ какими поступками воздавала Порта незазорному нашему расположенію пребывать съ нею въ вѣчной дружбѣ».

Приведя цѣлый рядъ нарушеній Кайнарджійскаго трактата и коварный путь турецкой политики, устремившейся къ прежнему порабощенію Крыма изгнаніемъ хана Сагибъ-Гирея, не очищеніе Тамани, подстрекательства закубанскихъ племенъ къ нападеніямъ на наши поселенія, безпрерывныя тревоги на русскихъ границахъ, вынуждавшія держать тамъ значительныя военныя силы, вѣроломное убіеніе покровительствуемаго нами

молдавскаго господаря Гики, варварства въ христіанскихъ провинціяхъ придунайскихъ, нападенія посредствомъ лезгинъ на покровительствуемую Россіей Грузію, наконецъ послѣднія наглыя требованія, предъявленныя нашему послу и арестъ его, Екатерина заключаетъ манифестъ свой слѣдующими словами: «Всякъ безпристрастный да судитъ о положеніи дѣлъ, которыя изображаемъ мы во всей ихъ истинѣ. Видима тутъ наша непрерывная любовь къ истинѣ и покою, объемлющимъ блаженство рода человѣческаго; видимы снисходительство и средства, что употребляли мы втунѣ къ удержанію съ турками мира. Въ другой уже разъ, среди миролюбивыхъ нашихъ намѣреній,врагъ имени христіанства вызываетъ насъ на брань противъ нашей воли. Новое вѣроломство, вновь попранные союзы мира, неуваженіе къ правамъ народнымъ, дерзновенно оскорбленное достоинство короны нашей, употребилъ онъ яко способы движущіе противуборство. Ополчаясь потому оружіемъ ко брани не волею нашею, но похотѣніемъ и злобою враждующихъ на насъ воздвигнутой, указали мы теперь собрать наши арміи и предводителямъ оныхъ фельдмаршаломъ графу Румянцеву и князю Потемкину дѣйствовать противу непріятеля».

Началась вторая турецкая война, не менѣе роковая для Турціи чѣмъ первая. Судьба толкала имперію оттомановъ въ ту бездну, надъ которою она очутилась въ наше время, въ одномъ шагѣ отъ окончательнаго паденія...

Европа должна была желать измѣненія политико-экономическихъ условій Турціи. Она должна была желать, чтобы все населеніе этой богатой страны получило возможность правильно развивать свои промышленныя силы. Предоставленные сами себѣ, турки всегда оставались турками, что неизбѣжно должно было привести самую Турцію къ разложенію.

«Можно-ли, спрашивалъ Вольней, чтобы государство постоянно опустошалось и не пришло къ разрушенію? И можно ли вести богатую торговлю со страной, которая идетъ къ разоренію?»

Обращаясь къ тѣмъ, которые еще въ XVII столѣтіи доказывали, что сохраненіе турецкой имперіи въ томъ видѣ, въ

какомъ она существуетъ, важно для равновѣсія въ Европѣ и что по этому Турцію нужно поддерживать даже матеріально, Вольней говоритъ: «когда должникъ разоряется, то немыслимо чтобы это было выгодно его кредитору.»

Далѣе, на вопросъ, дѣйствительно ли выгодно существованіе Турціи въ ея настоящемъ положеніи? Вольней возражалъ: «хорошо ли понимаютъ смыслъ, которымъ прикрытъ этотъ вопросъ. Понимаютъ ли что подвергнутый анализу вопросъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: выгодно ли чтобы многочисленный народъ остался подчиненъ правительству, которое не носитъ на себѣ даже и образа человѣческаго? Выгодно ли, чтобы милліоны людей были отданы на мученіе двухъ или трехъ сотъ разбойниковъ, именующихъ себя властителями? Выгодно ли, чтобы лучшая въ мірѣ почва оставалась не воздѣланною, или не приносила и одной десятой части продуктовъ, которые она можетъ дать, или можетъ ли быть выгодно, чтобы черное населеніе въ Гвинеѣ оставалось дикимъ и глупымъ, потому что изъ него можно было набирать рабовъ? И развѣ то, что считается преступленіемъ и убійствомъ въ частномъ человѣкѣ считается добродѣтелью въ правительствѣ? Развѣ справедливость общества къ обществу не таже, какая бываетъ въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому? Но между народами какъ и между частными лицами, когда дѣйствуетъ одинъ матеріальный интересъ, напрасно обращаться къ доводамъ разсудка!»

Къ такимъ справедливымъ словамъ Европа оставалась глуха. Эгоистическіе разсчеты, затаенныя цѣли, общее недовѣріе, зависть, недоброжелательство, ошибочные взгляды, все это было и осталось причиной того положенія дѣлъ, которое превратилось въ такъ называемый «восточный вопросъ», вотъ уже почти два столѣтія тяготѣющій надъ спокойствіемъ всей Европы, ожидающій своего окончательнаго разрѣшенія, съ неизбѣжными, повидимому, новыми потоками крови.

Князь Потемкинъ, главнокомандующій екатеринославскою арміей, распредѣлилъ кругъ дѣйствія своей арміи *), далъ

*) Кабардинскій полкъ входилъ въ бригаду генералъ-маіора Степана Апраксина, вмѣстѣ съ Тифлисскимъ и Троицкимъ полками.

подчиненнымъ ему войскамъ Кавказскаго и Кубанскаго корпусовъ слѣдующее назначеніе: прикрытіе пространства между Чернымъ и Каспійскимъ морями, гдѣ турки съ помощью горцевъ приготовляли сильное развлеченіе нашихъ силъ. Наилучшимъ способомъ достигнуть этого сочтено было дѣйствовать наступательно въ Закубанскомъ краѣ, по направленію къ прибрежной турецкой крѣпости Анапѣ. Этимъ наказывались черкесскія племена за нападенія на наши поселенія по новой Кавказской линіи и удерживались страхомъ за свои собственныя жилища, а также парализовалась предпріимчивость турокъ, разсчитывавшихъ на содѣйствіе закубанскаго населенія въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ.

Назначенному главнымъ начальникомъ войскъ на Кавказѣ, генералъ-аншефу Текелли было, поэтому, предписано двинуться за Кубань, соображая свои дѣйствія съ генералъ-поручикомъ Потемкинымъ, командовавшимъ частью войскъ, расположенныхъ на низовьяхъ Кубани.

Была уже осень. Генералы Текелли и Потемкинъ собирались дать войскамъ отдыхъ и прекратить всякія военныя дѣйствія, сообразуясь съ пріостановленіемъ таковыхъ на главномъ театрѣ войны подъ Очаковымъ. Но предпріимчивый Шихъ-Мансуръ продолжалъ возмущать закубанскія племена и въ первыхъ числахъ сентября собралъ значительныя силы при вершинахъ рѣкъ Большаго и Малаго Зеленчуковъ и Урупа. Нѣсколько турокъ изъ Суджукъ-Кале, разглашая объявленіе Турціей войны Россіи, подстрекали закубанцевъ ворваться въ наши границы. Генералъ Потемкинъ, *) чтобы предупредить ихъ набѣги, переправился 20-го сентября тремя колоннами за Кубань. Первая находилась подъ личнымъ его предводительствомъ, второю начальствовалъ генералъ-маіоръ Ратіевъ, третьею полковникъ Ребиндеръ, а генералъ-маіору Елагину предписано съ четвертою колонной, перейдя также Кубань, занять удобную позицію и прикрывать дѣйствія прочихъ колоннъ отъ непріятельскихъ покушеній съ тыла.

Полковникъ Ребиндеръ, направленный кратчайшимъ путемъ,

---

*) Павелъ Сергѣевичъ, двоюродный братъ свѣтлѣйшаго.

дошелъ первый со своею колонной до Чильхова-коша, *) гдѣ находилось до 60-ти арбъ, уставленныхъ обозомъ. При приближеніи передовыхъ войскъ, татары, составлявшіе прикрытіе табора, произнося данную имъ отъ Шихъ-Мансура молитву, дрались съ ослѣпленіемъ отчаянія, но принуждены были наконецъ отступить, оставивъ до четырехъ сотъ тѣлъ на мѣстѣ. Наши солдаты поражали ихъ безпощадно и овладѣли обозомъ.

Между тѣмъ Шихъ-Мансуръ собралъ свои толпы и на разсвѣтѣ 21-го сентября, ударилъ на колонну полковника Ребиндера; завязалось жаркое дѣло: Ростовскій карабинерный полкъ понесся на передовую толпу закубанцевъ, но другія толпы ихъ, выскочивъ изъ боковыхъ ущелій, кинулись на его лѣвый флангъ, смяли два эскадрона карабинеръ и подкрѣплявшихъ казаковъ; тогда подоспѣлъ Астраханскій драгунскій полкъ съ баталіономъ пѣхоты и сильнымъ натискомъ опрокинувъ горцевъ обратилъ ихъ въ бѣгство.

Съ первымъ звукомъ пушекъ генералъ Потемкинъ направилъ колонну генералъ-маіора князя Ратіева на подкрѣпленіе Ребиндера, но дѣло было уже рѣшено: Шихъ-Мансуръ отступилъ и остановился въ десяти верстахъ отъ боеваго поля.

На другой день присоединились къ нему свѣжія толпы темиргоевцевъ, бесленейцевъ, кипчаковъ и абазинцевъ (абадзехи).

Ободренный Шихъ-Мансуръ двинулся вновь противъ русскихъ войскъ. Генералъ-маіоръ Ратіевъ встрѣтилъ толпы своими кареями, и вскорѣ жестокій ружейный огонь разсѣялъ ихъ. Раздѣлясь по племенамъ, онѣ удерживались въ лощинахъ и рощахъ, но вытѣсненные отовсюду, пустились наконецъ въ бѣгство, спасаясь въ ущелья и горы.

На зарѣ слѣдующаго дня преданы пламени всѣ окрестныя селенія и домъ лже-пророка: ни одинъ закубанецъ уже не являлся на защиту; оробѣвшія толпы ихъ смотрѣли на плачевное зрѣлище съ вершинъ ближайшихъ къ снѣжнымъ горамъ уступовъ.

25-го сентября, отрядъ началъ обратное движеніе за Кубань и проходя тѣсныя ущелья, не встрѣтилъ нигдѣ препятствія.

*) Кошъ—кочевье или таборъ.

Нестройныя, хотя и отчаянныя нападенія закубанцевъ стоили имъ важныхъ потерь. Въ русскихъ же войскахъ потери ограничились 54 человѣками, въ числѣ коихъ былъ походный атаманъ казаковъ Яновъ, раненый двумя стрѣлами въ голову.

Въ продолженіе дѣйствій этой части отряда, генералъ-маіоръ Елагинъ, перейдя 22 сентября за Кубань, двинулся вверхъ по рѣкѣ Урупу и верстахъ въ пятидесяти, 25-го числа, настигъ толпы кочующихъ татаръ, которыхъ и разсѣялъ. На другой день передовыя войска его достигли ауловъ и поразили все что не успѣло спастись бѣгствомъ. Послѣ этого перваго успѣха Елагинъ, распространяя кругъ своихъ дѣйствій, отрядилъ бригадира Булгакова и полковника Депрерадовича, давъ каждому по баталіону пѣхоты и по четыре эскадрона драгунъ при нѣсколькихъ казакахъ.

Булгаковъ, отойдя влѣво 7 верстъ, выдержалъ нападеніе двухъ тысячъ горцевъ и разсѣялъ ихъ послѣ двухчасовой битвы; отраженный непріятель старался утвердиться на ближайшихъ высотахъ, но, сбитый вторично, скрылся въ окрестныя лѣса, съ потерею нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Полковникъ Депрерадовичъ, направляясь вправо къ ауламъ закубанцевъ и проходя трудныя мѣста, сражался безпрерывно 26, 27 и 28 чиселъ; въ послѣдній день непріятель встрѣтилъ его отчаянно и дрался болѣе семи часовъ.

Генералъ-маіоръ Елагинъ поспѣшилъ подкрѣпить его; но горцы были уже сломаны и бѣжали къ горамъ. Въ отрядѣ Елагина убыль въ продолженіи этого поиска состояла убитыми 1 оберъ-офицеръ и 34 нижнихъ чиновъ; ранеными: 2 оберъ-офицера и 105 нижнихъ чиновъ. Добыча состояла во множествѣ скота, который розданъ войску.

Вскорѣ по возвращеніи войскъ изъ-за Кубани, генералъ-аншефъ Текелли принялъ надъ ними общее начальство и рѣшился вторично перенести дѣйствія въ самыя нѣдра непріятельской земли, чтобы, нанеся горцамъ рѣшительный ударъ, обезпечить свои зимовыя квартиры. 13-го октября направленъ генералъ-лейтенантъ Иловайскій съ донскими полками и тремя баталіонами, а генералъ-маіоръ Розенъ съ двумя пѣхотными

и столькими же драгунскими полками за Кубань, при урочищѣ Темижбегѣ; въ тотъ же день и генералъ-аншефъ Текелли, съ 12-ю тысячами войскъ, перешелъ рѣку въ трехъ мѣстахъ при Кубанскомъ редутѣ, имѣя съ собою на мѣсяцъ продовольствія.

Однообразныя дѣйствія его корпуса не представляютъ ничего любопытнаго; повсемѣстное пораженіе горцевъ и очищеніе всего кубанскаго берега отъ устья Лабы до самыхъ вершинъ снѣжныхъ горъ были плодомъ трехнедѣльнаго пребыванія его за Кубанью. Аулы горцевъ подверглись огню и мечу, значительная часть ихъ покорилась и переселилась въ Кавказскую губернію. Дѣйствія генераловъ Иловайскаго и Розена были не менѣе опустошительны.

Обезпечивъ такимъ образомъ свои границы, войска дѣйствовавшія за Кубанью возвратились 5-го ноября на правый берегъ рѣки и разошлись на зимовыя квартиры.

Что походъ генерала Текелли въ 1787 году произвелъ большое впечатлѣніе на кавказское населеніе, видно изъ того, что посланный княземъ Потемкинымъ генералъ-маіоръ Горичь младшій (изъ кабардинцевъ) проѣхалъ отъ Кизляра чрезъ Костекъ, Андрееву и Брагуны всю Чечню, сопровождаемый почетнѣйшими жителями; всѣ аулы изъявляли покорность русскому правительству, раскаивались въ содѣйствіи Шихъ-Мансуру, давали клятвы и подписки жить мирно и проч. Дербентскій ханъ тоже присылалъ къ Горичу своего родственника заявить о полной готовности служить Россіи.

На слѣдующій 1788 годъ, при выступленіи арміи для осады Очакова, князь Потемкинъ предписалъ генералу Текелли, соединясь съ кубанскою частью войска, двинуться общими силами къ Анапѣ, чтобы уничтожить замыслы турокъ, угрожавшихъ съ этой стороны нашествіями. Большое разлитіе рѣкъ и позднее доставленіе рекрутъ на пополненіе Кавказскаго корпуса замедлили выступленіе Текелли до половины сентября.

При открытіи дѣйствій, Кавказскій корпусъ, въ числѣ 8,000 пѣхоты, 1,000 драгунъ, 400 карабинеръ и 2,300 казаковъ, при 17-ти орудіяхъ, сосредоточился 5-го сентября на сборномъ пунктѣ при Темижбегѣ на Кубани; здѣсь, для охраненія

линіи, оставлены казачьи отряды, а войска выступили правымъ берегомъ рѣки и прибыли 14-го числа къ переправѣ повыше Шекупса; связь Кавказскаго корпуса съ линіей и Григориполисомъ была обезпечена шестью редутами, возведенными между этимъ пунктомъ и переправой. Въ каждомъ изъ нихъ оставлены команды пѣхоты и казаковъ, въ нѣкоторыхъ съ пушками; на самой переправѣ возведено укрѣпленіе, прикрывавшее окрестность съ обѣихъ сторонъ; въ немъ помѣщены главные запасы продовольствія войскъ.

Генералъ-лейтенантъ Иловайскій съ 5,000 человѣкъ донскихъ казаковъ расположился противъ Романовскаго брода, на рѣкѣ Бейсугѣ, для поддержанія прикубанскихъ постовъ, и остался въ этомъ положеніи до конца похода.

14-го сентября, непріятельскій занятъ берегъ авангардомъ генералъ-маіора князя Ратіева. Непріятель покусился воспрепятствовать переправѣ, но вскорѣ отбитъ и авангардъ переправился на лодкахъ, доставленныхъ изъ Черкасска; 18-го числа весь корпусъ послѣдовалъ за авангардомъ по мосту, наведенному изъ лодокъ; для прикрытія переправы и магазина оставленъ въ укрѣпленіи 2-й Кубанскій егерскій баталіонъ и нѣсколько казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ.

По переходѣ чрезъ Кубань, войска двигались вверхъ по Шекупсу, а 21-го числа, перейдя эту рѣку, направились чрезъ Унибатъ, Сулъ, Каргакубань на Убинъ, гдѣ весь корпусъ дневалъ. Въ продолженіе послѣдняго перехода произошла сшибка съ черкесами, въ которой убитъ казачій полковникъ Барабанщиковъ Между тѣмъ густой дымъ, поднимавшійся въ разныхъ мѣстахъ по горамъ и раздающіеся условные знаки обнаруживали значительное скопленіе непріятельскихъ силъ. Для открытія ихъ и обозрѣнія дороги до горъ, отряженъ отъ Убина подполковникъ Мансуровъ съ двумя баталіонами (одинъ изъ нихъ Кабардинскаго полка), столькими же эскадронами и 300 казаковъ; въ восьми верстахъ отъ корпуса открылся непріятель и сраженіе началось. Завѣса горъ и лѣсовъ скрывала силы закубанцевъ; въ подкрѣпленіе ихъ подоспѣла часть турокъ, стоявшая вблизи съ восьмью пушками, а вскорѣ придвинулись и главныя черкесскія толпы, стремительный напоръ коихъ

показывалъ несоразмѣрное превосходство непріятельскихъ силъ надъ нашею колонной и побудилъ начальника отряда отступить къ главному корпусу. Между тѣмъ черкесы усилились до десяти тысячъ и, пользуясь лѣсами и оврагами, повторяли сильныя нападенія на русскія войска до 4-го часа пополудни.

По отряженіи подполковника Мансурова, авангардъ съ генералъ-маіоромъ Ратіевымъ и резервъ съ полковникомъ Германомъ (здѣсь былъ другой Кабардинскій баталіонъ) были отправлены впередъ для занятія мѣста подъ лагерь, но продолжительный гулъ пушекъ привлекъ ихъ къ полю сраженія. Появленіе свѣжихъ войскъ рѣшило дѣло: черкесы, не взирая на свое численное превосходство и отчаянную стремительность атакъ, длившихся болѣе семи часовъ, не имѣли нигдѣ явнаго успѣха и, потерявъ наконецъ надежду разстроить русскія каре, отступили въ горы. Уронъ ихъ простирался до 1,500 человѣкъ; русскіе потеряли убитыми и ранеными до 235. Въ этомъ дѣлѣ опять отличились обѣ наши гренадерскія роты, вездѣ выдвигаемыя впередъ. Въ этомъ же сраженіи участвовалъ и Шихъ-Мансуръ, хотя и потерявшій уже значительную долю довѣрія, но фанатическими напѣвами возбудившій многихъ къ бою. Подъ нимъ была убита лошадь и онъ едва спасся, бѣжавъ въ лѣсъ пѣшій.

По разбитіи непріятеля, всѣ больные и раненые отправлены въ вагенбургъ, помѣщенный на правомъ берегу Кубани, а отрядъ продолжалъ свое движеніе до рукава сей рѣки, называемаго Эмансу, для удобнѣйшаго движенія къ берегу Чернаго моря. По совершенной неизвѣстности мѣстъ, чрезъ которыя пришлось проходить, были приняты слѣдующія общія мѣры. Кубанской части (то есть корпусу) положено пройти къ Закале по большой Зининской дорогѣ; Кавказскому же корпусу, держась между горами и Кубанью, подавать видъ направленія къ тому же мѣсту, сквозь Абинскія дефиле. Это соображеніе разрушило замыслы непріятеля, который, ожидая съ другой стороны Кубанскую часть, занялъ Большія и Малыя Ерлы, гдѣ переправы представляютъ большія затрудненія, и началъ укрѣплять берегъ. Оба корпуса продолжали движеніе: Кубанскій надъ Кубанью къ Закалѣ, куда ему назначено при-

быть въ пять сутокъ, а Кавказскій внизъ по Эмансу. Соединеніе корпусовъ произошло 9-го октября при Зининскихъ аулахъ, гдѣ войска расположились общимъ лагеремъ, по рѣчкѣ Кудако. Все время черкесы показывались только легкими разъѣздами издалека, но по расположеніи войскъ у подошвы горъ толпы ихъ стали появляться чаще и схватывались съ русскими фуражирами. Для удаленія ихъ отряженъ полковникъ Германъ съ двумя баталіонами и казаками вверхъ по рѣчкѣ Кудако; отрядъ его сошелся случайно съ партіей Адылъ-Гирей-султана, который съ 500 татаръ поспѣшалъ на подкрѣпленіе турокъ въ Анапу. Началась перестрѣлка: толпы абазинцевъ (абадзехи), сбѣгая съ горъ поддерживали татаръ, но всѣ ихъ усилія были тщетны; полковникъ Финкъ съ баталіономъ егерей ударилъ на лѣвое, а казаки на правое крыло непріятеля, и выбивъ его изъ дефиле очистили отряду путь къ абазинскимъ селеніямъ, которыя большею частію и истреблены. Въ этомъ дѣлѣ взято 22 человѣка въ плѣнъ, уронъ же отряда былъ самый незначительный.

10-го числа, соединенный корпусъ двинулся дальше; общій порядокъ марша былъ слѣдующій: авангардъ и резервъ шли впереди въ трехъ колоннахъ, приготовляя переправы и дороги, за ними Кубанская часть, послѣ Кавказскій корпусъ: въ арріергардѣ находился подвижной магазинъ, подъ прикрытіемъ отряда изъ 1,500 конницы и пѣхоты. Такимъ порядкомъ отрядъ продолжалъ движеніе чрезъ Султанскую деревню и рѣку Капсу до урочища Чучуде, близъ Чернаго моря.

14-го октября отряженъ полковникъ Германъ съ резервною колонной изъ двухъ баталіоновъ и до 300 человѣкъ конницы для обозрѣнія Анапы. Для поддержанія его посланъ генералъ-маіоръ Шевичъ съ двумя драгунскими полками отъ Кубанской части и съ Волжскимъ казачьимъ полкомъ. Турки, замѣтивъ приближеніе войскъ, притаились въ городскихъ стѣнахъ; полковникъ Германъ, отдѣливъ впередъ два эскадрона драгунъ отъ Кубанской части, слѣдовалъ съ пѣхотой позади; по сближеніи драгунъ, турецкая конница поспѣшно собралась къ рѣчкѣ Бугуръ, подъ пушечные выстрѣлы крѣпости, и тогда внезапно открылись ея батареи, а турецкая пѣхота высыпала

на валъ и выставила множество знаменъ и бунчуковъ; огонь въ крѣпости подалъ условный знакъ горцамъ, которые скрывались по лѣсамъ въ семи верстахъ отъ крѣпости; съ невѣроятною быстротой набѣжали густыя толпы ихъ, имѣя одинадцать орудій трехъ и шести фунтовыхъ. Сраженіе съ обѣихъ сторонъ усилилось, ворота крѣпости отворились и множество янычаръ вышли, чтобъ отрѣзывать русскіе эскадроны со стороны моря; тогда подоспѣла резервная пѣхота и одинъ егерскій баталіонъ сближенъ въ подкрѣпленіе конницы къ морскому берегу, въ село Кочугуры, противъ янычаръ. Въ это время другой баталіонъ, очищая выстрѣлами лѣвый флангъ егерей, открылъ путь сражающейся съ неровными силами конницѣ выйдти изъ-подъ выстрѣловъ горцевъ. По отступленіи драгунскихъ эскадроновъ, предоставлено одной пѣхотѣ оспаривать поле сраженія у всей черкесской силы. Между тѣмъ вылазка изъ города увеличилась и сраженіе завязалось упорное со всѣхъ сторонъ, особенно въ деревнѣ Кучугурахъ, гдѣ егеря, засѣвъ между кустами и камнями, положили на мѣстѣ многихъ янычаръ, успѣвая нѣсколько разъ отражать и гнать ихъ толпы до самаго протока Бугура. Не взирая на успѣшныя усилія егерей, отступленіе ихъ было затруднено черкесами, покрывшими равнину, черезъ которую баталіону слѣдовало проходить. Наконецъ подоспѣлъ авангардъ съ генералъ-маіоромъ Ратіевымъ, и полковникъ Германъ съ пятью эскадронами Владимірскаго драгунскаго полка, которые подведены немедленно сквозь самыя Кучугуры къ морю. Неожиданное появленіе свѣжихъ войскъ въ тылу непріятеля, побудило его разступиться и оставить проходъ егерямъ; тогда резервная колонна, отстрѣливаясь, успѣла подняться на гору, подъ прикрытіе артиллерійскаго огня авангарда.

Вскорѣ за авангардомъ подоспѣла и Кубанская часть и построясь въ боевой порядокъ между моремъ и высотою, завела перестрѣлку съ непріятелемъ, который не осмѣливаясь вывести на равнину своихъ орудій, держалъ ихъ за болотомъ и стрѣляя навѣсными выстрѣлами перебрасывалъ большую часть ядеръ чрезъ войска. Между тѣмъ смерклось и наступленіе ночи прекратило дѣло, продолжавшееся болѣе семи ча

совъ. По окончаніи дѣла войска заняли лагерь между кубанскимъ лиманомъ и моремъ.

Число турокъ и горцевъ защищавшихъ Анапу простиралось до 12-ти тысячь человѣкъ; естественное положеніе крѣпости не обѣщало удачи при легкомъ покушеніи, а для правильной осады не доставало ни времени, ни тяжелыхъ орудій, ни продовольствія, которымъ войска снабжены были только до 1-го ноября; оставалось бы взять ее внезапнымъ штурмомъ, съ пожертвованіемъ многихъ людей; но потеря ихъ для одной славы казалась предосудительною генералу Текелли, тѣмъ болѣе, что удержать крѣпость въ своихъ рукахъ было еще невозможно.

По этимъ соображеніямъ, генералъ назначилъ войскамъ обратный походъ на правый берегъ Кубани, съ тѣмъ чтобы на пути разорить всѣ обитаемыя мѣста, особенно селенія ногайцевъ, откочевавшихъ изъ нашихъ предѣловъ въ 1783 году по Лиману и Черному морю. Для внушенія вящшаго страха непріятелю, соединенный корпусъ оставался подъ Анапой до 17-го октября; ни одинъ черкесъ не показался для обороны своихъ опустошаемыхъ жилищъ. Означеннаго числа корпусъ выступилъ въ обратный походъ: резервъ составлялъ авангардъ, за нимъ слѣдовала Кубанская часть и наконецъ Кавказскій корпусъ; въ авангардѣ двигались два егерскіе баталіона, 4 эскадрона драгунъ и 400 казаковъ.

Направленіе войскъ было къ Куркинской переправѣ, гдѣ начальствующій корпусомъ намѣренъ былъ перейти Кубань. 18-го числа, произошла послѣдняя стычка съ черкесами, которые пытались отрѣзать фуражировавшихъ драгунъ и убили у насъ 10-ть человѣкъ, но подоспѣвшимъ арріергардомъ, двумя драгунскими полками и баталіономъ егерей отражены съ урономъ.

Генералъ-аншефъ Текелли, встрѣтивъ неудобство при Куркинской переправѣ, направилъ отрядъ прежнимъ путемъ на Лѣсной станъ, Кудако и Занъ; отъ послѣдняго лагеря посланы съ отдѣльными колоннами бригадиръ Берхманъ и полковникъ Германъ, для истребленія селеній въ горахъ, чтобы лишить закубанцевъ охоты вторгнуться въ предѣлы Россіи.

Отряды эти, исполнивъ свое порученіе, возвратились къ соединенному корпусу, который 28-го октября прибылъ къ переправѣ при Занѣ; 29-го перекинуты понтоны и поправлена пристань, а слѣдующія два дня употреблены для переправы войскъ; 3-го ноября Кавказскій корпусъ отдѣлился отъ Кубанской части и продолжалъ движеніе вверхъ по Кубани на Тырновскій редутъ до Григоріополиса, откуда войска разошлись по зимовымъ квартирамъ въ Ставрополь, Александровскъ, Георгіевскъ, Екатериноградъ и Кизляръ.

Весь этотъ двухмѣсячный походъ, первый изъ продолжительныхъ, серьезныхъ наступательныхъ походовъ въ непріятельскія земли, сколько можно судить по краткому донесенію князя Потемкина императрицѣ, былъ веденъ генераломъ Текелли чрезвычайно осторожно, въ предѣлахъ благоразумной осмотрительности, вызывавшейся совершеннымъ незнакомствомъ съ мѣстностью театра дѣйствій, съ отсутствіемъ маломальски удобныхъ сообщеній, съ точками опоры и запасовъ. Генералъ былъ человѣкъ, очевидно, опытный, предусмотрительный, не увлекавшійся желаніемъ громкихъ дѣлъ и довольствовавшійся достиженіемъ главной предначертанной ему цѣли: безопасность линіи и всего пространства между Кубанью и Каспіемъ была обезпечена; враждебное закубанское населеніе потревожено и наказано въ собственныхъ своихъ жилищахъ, намѣреніе турокъ отвлечь въ эту сторону наши заботы парализовано, наконецъ пути къ ихъ важной прибрежной крѣпости Анапѣ изслѣдованы. Въ добавокъ къ этому, генералъ Текелли, во время своего движенія успѣлъ собрать достаточно свѣдѣній о мѣстномъ населеніи, его силахъ, отношеніяхъ разныхъ обществъ другъ къ другу, ихъ бытѣ и проч., изложивъ все въ подробной запискѣ князю Потемкину, не лишенной интереса даже и теперь еще, послѣ девяноста лѣтъ нашего болѣе близкаго знакомства съ племенами Кавказа.

Послѣ этого похода многіе закубанцы изъявили покорность и готовы были выселиться на плоскость, съ обѣщаніемъ воевать со всякимъ, кто вздумаетъ двигаться враждебно въ русскіе предѣлы.

Объ этомъ можно судить по донесенію князя Потемкина

императрицѣ, гдѣ онъ говоритъ, что бригадиръ Горичь (старшій) съ кабардинскимъ княземъ Мирутомъ и его приверженцами ходили въ октябрѣ за Кубань смирять бабухскихъ владѣльцевъ, которые и присягнули на подданство съ 2 тысячами семействъ. Затѣмъ Горичь *) ходилъ къ Урупу, привелъ къ покорности 800 семей башильбаевцевъ, какихъ-то камчацкихъ мирзъ (?) и ногайцевъ, а за Лабой 1,500 семей беслeнеевцевъ, которые всѣ присягнули на вѣрность. При этомъ освободили 80 русскихъ плѣнныхъ. За все это князь Потемкинъ испрашивалъ въ награду кабардинскимъ князьямъ какихъ-то земель отошедшихъ отъ нихъ. (Вѣроятно подъ русскія поселенія).

---

*) Горичь убитъ на штурмѣ Очакова, 6 декабря.

XIV.

Походъ генерала Бибикова къ Анапѣ въ 1789 г. — Переписка по этому поводу Екатерины съ княземъ Потемкинымъ.—Движеніе Баталъ-паши къ Кубани и пораженіе его отрядомъ генералъ-маіора Германа.—Взятіе Гудовичемъ крѣпости Анапы. — Окончаніе турецкой войны и заключеніе мира въ Яссахъ.—Инструкціи Потемкина госпиталямъ.

Къ крайнему сожалѣнію, генералъ-аншефъ Текелли, вскорѣ послѣ этого, былъ отозванъ къ дѣйствующей арміи; на его мѣсто назначенъ генералъ графъ Салтыковъ, для котораго въ мартѣ 1789 г. формировалась особая армія; (въ томъ числѣ Кабардинскій полкъ; въ бригадѣ генералъ-маіора Ратіева), но не успѣлъ онъ прибыть на кавказскую линію, какъ въ свою очередь былъ вызванъ въ Петербургъ, ко двору. Уѣзжая, онъ поручилъ временное начальство, впредь до прибытія новаго командира корпуса, назначеніе коего было предоставлено князю Потемкину, старшему по себѣ генералъ-поручику Бибикову.

Этотъ генералъ, судя по послѣдующимъ дѣйствіямъ, былъ вѣроятно человѣкъ предпріимчивый, но легко увлекающійся, не успѣвшій оцѣнить препятствій, могущихъ встрѣтиться при исполненіи слишкомъ рискованныхъ предпріятій; онъ, очевидно, не понималъ, что никакая отвага не можетъ замѣнить необходимаго полководцу благоразумія, что ни къ какому непріятелю не слѣдуетъ относиться презрительно и что безъ необходимыхъ предосторожностей никакихъ военныхъ дѣлъ предпринимать не должно.

Желая воспользоваться своимъ временнымъ начальствомъ надъ войсками, для пожатія лавровъ, генералъ Бибиковъ, въ концѣ генваря 1789 года, собралъ отрядъ изъ осьми тысячъ регулярныхъ войскъ, тысячи казаковъ и 26-ти орудій, съ 300 зарядовъ для каждаго, двинулся за Кубань, имѣя при себѣ

продовольствія приблизительно не болѣе какъ на десять дней, въ надеждѣ довольствовать войска реквизиціями. Конечною цѣлью его было овладѣть Анапой.

Рѣку онъ перешелъ по льду. Предъ глазами отряда развертывалась панорама страны, о которой мы можемъ судить по позднѣйшему знакомству съ нею. Здѣсь не было тѣхъ грозныхъ горъ и ущелій, тѣхъ едва проходимыхъ среди утесовъ тропинокъ, которыя составляютъ принадлежность Дагестана и части западнаго Кавказа, ближе къ морю лежащей; здѣсь не встрѣчались и аулы, съ каменными башнями и саклями, составляющими готовыя крѣпости, требующія штурмовъ; но за то здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчались горныя рѣки, вздымающіяся при таяніи снѣговъ или при большихъ дождяхъ до непроходимости, разливающіяся въ низовьяхъ на нѣсколько верстъ, затопляя окрестности, превращая ихъ въ топи; здѣсь встрѣчались лѣса, чрезъ которыя были проложены узенькія дорожки, пересѣченныя болотистыми канавами; здѣсь обитало довольно густое, воинственное населеніе, владѣющее огромными табунами отличныхъ лошадей и ставшее искони лучшими наѣздниками въ мірѣ; оно могло окружать непріятеля тучами всадниковъ, слѣдить за каждымъ его шагомъ, своевременно удалять изъ ауловъ семейства, имущество и скотъ, не оставляя никакихъ запасовъ; могло во время занимать трудно проходимыя мѣста, мгновенно скрываться при наступленіи на него и также быстро собираться опять тамъ, гдѣ его не ожидали.

Прилегая къ Черному морю, все населеніе Закубанскаго края было въ близкихъ сношеніяхъ съ турками, считалось въ вассальныхъ къ нимъ отношеніяхъ, пользуясь многими торговыми выгодами и получая изъ Турціи соль, порохъ, оружіе, наконецъ, поддержку людьми и артиллеріей. Представимъ же себѣ такую страну въ самое ужасное время года, когда все еще занесено снѣгомъ, лишено подножнаго корма, а вскорѣ, при наступленіи ранней въ этомъ поясѣ весны, начинаетъ покрываться тающими, разливающимися рѣчками, когда температура быстро мѣняется и отъ почти жаркаго дня переходитъ ночью въ десятиградусный холодъ, нерѣдко съ жесто-

кими сѣверовосточными вѣтрами и мятелями; представимъ себѣ отрядъ русскихъ войскъ, не освоившійся еще съ подобными мѣстными условіями, не снабженный въ достаточномъ количествѣ ни продовольствіемъ, ни фуражемъ и другими запасами, удаляющійся отъ своего базиса, безъ промежуточныхъ этапныхъ пунктовъ, плохо одѣтый и обутый (тогда вѣдь ни полушубковъ, ни длинныхъ сапогъ въ арміи не полагалось), представимъ себѣ все это и мы тогда хоть приблизительно поймемъ, каковъ долженъ былъ быть предпринятый генераломъ Бибиковымъ походъ, что должны были перенести наши войска и каковъ долженъ быть духъ, какова преданность долгу, какова выносливость, чтобы при всемъ томъ, при каждой встрѣчѣ съ многочисленнымъ непріятелемъ, наносить ему пораженіе, одолѣвая ужасную борьбу съ природой, голодомъ и всяческими лишеніями!

Въ первые дни послѣ перехода за Кубань встрѣчались кочевья ногайцевъ и слабые аулы ближайшихъ кабардинцевъ, не могшихъ оказать сопротивленія. Они покорялись, приносили присягу на вѣрность Россіи и исполняли всѣ требованія. Но чѣмъ дальше подвигался отрядъ, къ слѣдующей за Кубанью значительной рѣкѣ Лабѣ, сопротивленіе туземнаго населенія становилось упорнѣе. На зовъ извѣстнаго Шихъ-Мансура, скрывшагося за Кубань послѣ пораженія его полковникомъ Нагелемъ, начали стекаться большія толпы со всѣхъ сторонъ, явилась поддержка отъ турокъ, начались нападенія на отрядъ.

Дальнѣйшій разсказъ объ этомъ удивительномъ походѣ, я долженъ предоставить неизвѣстному автору записки, найденной въ бумагахъ покойнаго профессора Шульгина, напечатанной въ интересномъ сборникѣ историческихъ статей и матеріаловъ, изданномъ В. Кашперовымъ въ 1871 году *). Къ этой перепечаткѣ вынуждаетъ меня совершенное отсутствіе въ архивныхъ дѣлахъ какого либо донесенія, военнаго журнала,

---

*) Судя по слогу и тону изложенія, должно думать, что авторъ принадлежалъ къ образованнымъ людямъ начала нынѣшняго столѣтія и писалъ по разсказу кого либо изъ офицеровъ, участвовавшихъ въ экспедиціи Бибикова.ˣ

ˣ) Статья эта напечатана первоначально въ „Военномъ журналѣ" за 1818 г., кн. 8 и 9 и принадлежитъ Лейбъ гвардіи Полковнику Ѳ. Глинкѣ. (публичная библіотека)

О. Леонт[illegible]

или вообще официальной бумаги о подробностяхъ экспедиціи генерала Бибикова. Я нашелъ только нѣсколько бумагъ, до этого предмета относящихся, которыя указываютъ на финалъ экспедиціи; онѣ помѣщены ниже.

«Перейдя Кубань по льду, Бибиковъ не встрѣтилъ сначала ни малѣйшаго сопротивленія. Беззащитные аулы не могли остановить войска и слабыя племена ногайцевъ тотчасъ согласились присягнуть на подданство Россіи. Но чѣмъ болѣе подвигались войска къ р. Лабѣ, тѣмъ примѣтнѣе становилось неприязненное движеніе горскихъ народовъ; наконецъ, когда русскіе зашли далѣе въ горы, черкесы, ободряемые съ одной стороны изувѣромъ, прослывшимъ у нихъ за пророка, а съ другой подкрѣпленные турками, напали на отрядъ съ такою свирѣпою храбростью, что одно только русское мужество могло устоять противъ оной. Черкесы отражены, разсѣяны и войско, огласивъ громомъ оружія нашего пустыни дикія, въ которыхъ никогда еще не видно было дотолѣ слѣда русскихъ, отомстило сторицею за кровь братій своихъ, какъ нѣкогда римляне мстили въ глубинѣ лѣсовъ германскихъ за пораженія легіоновъ Варровыхъ. Всякій день нападенія возобновлялись со стороны горцевъ, и всякій разъ побѣда увѣнчивала русскихъ.

«Между тѣмъ препятствія, предлежащія русскимъ, часъ отъ часу становились непреодолимѣе; они должны были идти безъ пути и дороги въ такое время года, когда отъ перваго дѣйствія весеннихъ лучей талые снѣга вездѣ пустили подъ собою воды. Часто имъ надлежало прокапывать путь сквозь высокіе сугробы, а въ одинъ день поднялась столь сильная мятель, что все войско, съ трудомъ проходившее по горнымъ тѣснинамъ, совершенно завѣялось снѣгомъ и люди должны были цѣлые три дня дожидаться оттепели въ семъ положеніи; для пойла лошадей не было иного средства, какъ растапливать снѣгъ въ солдатскихъ котлахъ, а вмѣсто фуража, котораго подъ снѣгомъ достать невозможно было, кормили ихъ старыми, изсѣченными рогожами.

«Внезапная и сильная оттепель поставила солдатъ еще въ затруднительнѣйшее положеніе: небольшіе ручьи сдѣлались рѣчками, а потоки озерами, таково свойство горныхъ водъ.

Вездѣ надлежало строить мосты. Во многихъ мѣстахъ необходимость заставляла поднимать повозки и тяжести на высоту скалъ на веревкахъ, отчего многіе, обрываясь, упадали въ бездны. Но какъ при всѣхъ неслыханныхъ затрудненіяхъ побѣда всегда неразлучна была съ русскими, то черкесы, отчаявшись остановить ихъ движеніе, перемѣнили совсѣмъ образъ войны. Вмѣсто прежнихъ ежедневныхъ нападеній, они стали съ умышленною робостью уклоняться, съ тѣмъ, чтобы заманя русскихъ сколь возможно далѣе, въ непроходимыя тѣснины, отрѣзать имъ вѣрнѣе обратный путь. Такъ все продолжалось нѣсколько времени; наконецъ, когда въ исходѣ февраля, русскіе, проходившіе въ двухъ далеко между собою разобщенныхъ колоннахъ, должны были пролагать вооруженною рукою дорогу чрезъ одну изъ самыхъ узкихъ долинъ, черкесы возмечтали, что тутъ-то и удобны время и мѣсто къ погубленію непріятеля. Первою колонною командовалъ самъ генералъ Бибиковъ, а второю—храбрый генералъ Булгаковъ. Первая колонна прошла благополучно. Чрезъ нѣсколько времени и вторая приближалась уже къ узкой долинѣ, изъ коей выходъ покрытъ былъ лѣсомъ, а входъ оной огражденъ довольно глубокою рѣчкой. Тутъ-то, на противномъ берегу сей рѣки, сдѣлавъ наскоро каменный брустверъ, черкесы и турки съ мѣткими винтовками засѣли и ожидали русскихъ. Сильный ружейный огонь встрѣтилъ внезапно вторую колонну и въ тоже время справа и слѣва посыпалась градомъ картечь изъ двухъ скрытыхъ на высотѣ батарей. Казалось, что всей колоннѣ непремѣнно слѣдовало тутъ погибнуть, и, въ самомъ дѣлѣ, первая потеря въ людяхъ была немаловажна. Но мужество русскихъ возростало по мѣрѣ опасности. Артиллерія наша удачными выстрѣлами тотчасъ уничтожила брустверъ, вмѣстѣ съ засѣвшими за оными черкесами и турками; въ тоже время отряженныя вправо и влѣво егеря легко и проворно взобрались на скалы и бросились прямо на пушки. Тутъ черкесы и турки, оставя много побитыхъ и раненыхъ, поспѣшно укрылись въ лѣса, покинувъ и всѣ свои пушки, изъ коихъ желѣзные заклепаны и брошены, а мѣдныя взяты побѣдителями.

«Съ сего мѣста и послѣ сей побѣды русскимъ надлежало бы возвратиться: они достигли крайней цѣли своихъ дѣйствій, побѣдя черкесовъ и турокъ и загнавъ побѣжденныхъ въ непроходимыя тѣснины дальнѣйшихъ горъ. Но счастіе и мгновенныя удачи ослѣпили Бибикова; вмѣсто того, чтобы возвратиться, онъ шелъ все далѣе и правѣе къ восточному берегу Чернаго моря; турецкая крѣпость Анапа была предметомъ тайныхъ надеждъ и смѣлыхъ замысловъ его. Вразумленный однако послѣднимъ происшествіемъ, онъ не раздѣлялъ уже болѣе колоннъ своихъ. Конечно, проникнувъ намѣреніе русскаго генерала, черкесы бросились угонять скотъ и истреблять все, что могло служить къ продовольствію людей и лошадей на пути, по которому войску слѣдовать надлежало. Въ тоже время и нападенія возобновились съ новою лютостью. Въ каждой долинѣ происходилъ конный бой, изъ за каждой удобной высоты русскіе были встрѣчаемы дождемъ пуль. Однако, сражаясь съ безпримѣрнымъ, неслыханнымъ мужествомъ, они все побѣждали и все двигались впередъ. Смѣло можно сказать, что въ семъ необычномъ походѣ, каждый рядовой заслужилъ имя героя, если право на оное дается одною только храбростію. Но преодолѣвая непріятеля, они должны были уступать нуждѣ и голоду; когда истощились и послѣдніе крохи истертыхъ сухарей, то мясо лошадей обозныхъ сдѣлалось единственною пищею. При столь крайней нуждѣ, офицеры смотрѣли сквозь пальцы и на то, когда голодные солдаты собственныхъ своихъ лошадей убивали.

Наконецъ, 24-го марта въ вечеру, наканунѣ самаго свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, русскіе вышли изъ горъ на долину, прилегающую къ стѣнамъ Анапы. Несмотря на усталость, войска провели всю ночь безъ сна на молитвѣ. По всѣмъ полкамъ пѣли заутрени и обѣдни въ походныхъ церквахъ; съ первымъ же лучемъ дня, солдаты наши, обнявъ другъ друга, построились въ колонны и въ торжественномъ молчаніи, по мановенію начальника, двинулись съ разныхъ сторонъ къ крѣпости. Сорокатысячный гарнизонъ высыпалъ на валы, запестрѣвшіе множествомъ знаменъ и бунчуковъ, десятки орудій открыли огонь, ядра запрыгали около колоннъ..

Солдаты наши продолжали идти, какъ бы не обращая ни на что вниманія; даже слышались остроты: «гляди, турки христосуются съ нами.»

Не желая однако подвергать людей большой опасности, Бибиковъ разбилъ лагерь внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Во время разбивки лагеря, турки, въ глазахъ русскихъ, спустили съ однаго изъ своихъ бастіоновъ смѣлаго наѣздника съ бѣлою лошадью. Ему поручено было проскакать сквозь всѣ русскіе полки съ тѣмъ, чтобы увѣдомить горцевъ въ какой именно часъ и съ которой стороны намѣрены турки напасть на русскихъ.

Разумѣется, что вмѣстѣ съ симъ извѣстіемъ, приглашали они черкесовъ ударить въ тоже время на общихъ непріятелей съ тылу. Проникнувъ намѣреніе турокъ, всѣ обратили вниманіе на то, чтобы какъ можно скорѣе схватить всадника. Его полагали уже въ нашихъ рукахъ и можно ли было думать иначе, когда дерзкому наѣзднику надлежало прорваться сквозь все русское войско, чтобы достигнуть своего назначенія? Но турокъ на бѣломъ конѣ помчался вихремъ по равнинѣ; тысяча казаковъ разсыпались въ мгновеніе ока; одни за нимъ гнались, другіе переѣзжали ему дорогу, въ него метали дротиками, по немъ стрѣляли изъ пистолетовъ, но ни пуля, ни сабля, ни дротикъ не сразили всадника, который, изторгшись изъ толпы съ неимовѣрною быстротою, далеко оставилъ за собою всѣхъ преслѣдователей. Черкесы получили вѣсть и готовились къ бою. Русскіе знали, что должны будутъ сражаться, такъ сказать, обѣими руками: ибо турки и черкесы направляли на нихъ удары свои справа и слѣва; но сіи обстоятельства не ослабили въ нихъ духа и не смутили ихъ спокойствія; всѣ равнодушно ожидали боя. Вскорѣ ожидаемое сбылось: 15,000 турокъ, выступя тремя большими толпами изъ крѣпости, бросились на русскихъ, съ бѣшенствомъ. Громъ сраженія отозвался въ горахъ и черкесы въ безчисленномъ множествѣ устремились съ другой стороны. Тутъ погибель русскихъ, поставленныхъ между двухъ разъяренныхъ и несравненно въ силу ихъ превосходящихъ казалась неизбѣжна. Непостижимо, какъ они не только уцѣлѣли, не только устояли,

но и побѣдили! Турки и черкссы опять были обращены въ бѣгство. При семъ случаѣ отличился поручикъ Мейнцъ; въ глазахъ всего войска, съ однимъ только эскадрономъ, врубился онъ въ цѣлую толпу турокъ и разсѣялъ оную. При самомъ умѣренномъ уронѣ съ нашей стороны, 6,000 турокъ и черкесовъ устлали поле своими трупами, а прочіе разсѣяны; къ причиненію столь важнаго урона побѣжденнымъ содѣйствовали наиболѣе казаки, особенно искусные наносить величайшій вредъ непріятелю бѣгущему. И такъ, сраженіе кончилось весьма несчастливо для побѣжденныхъ, но послѣдствія онаго были крайне бѣдственны и для самихъ побѣдителей. Одинъ изъ полковниковъ, сходный въ запальчивости съ генераломъ Бибиковымъ, возмечталъ, что очень нетрудно будетъ ворваться, вмѣстѣ съ толпами бѣгущихъ турокъ, въ крѣпость и овладѣть оною. Онъ сообщаетъ намѣреніе свое Бибикову и опрометчивый генералъ сей, ослѣпленный блескомъ удачи, тотчасъ велитъ идти войску на штурмъ. Храбрые, какъ львы, и послушные, какъ дѣти, солдаты русскіе стремятся, смѣшавшись съ бѣгущими, въ крѣпость. Но турки не подорожили нѣсколькими сотнями своихъ, заперли ворота и открыли страшную рѣзню. Тутъ очутились русскіе у самыхъ воротъ и подъ сильнѣйшимъ картечнымъ огнемъ. Имѣй они лѣстницы, и Анапа, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлалась бы наградою за всѣ несчетные труды, за всѣ претерпѣнныя опасности; но лѣстницъ не было, ночь опускалась, и русскіе, жестоко поражаемые изъ крѣпости, уклонились въ свой лагерь, съ потерею 600 храбрыхъ! При семъ случаѣ, завидя издали отраженіе нашихъ отъ крѣпости, огромная толпа черкесъ, съ быстротою вихря, понеслась на нихъ съ саблями. Большая половина войска должна была погибнуть, если бы расторопность и отличная храбрость маіора Веревкина не остановила успѣховъ и злобы враговъ. Сей достойный штабъ-офицеръ, вмѣстѣ съ подобнымъ себѣ въ храбрости и всѣмъ войскомъ чрезвычайно любимымъ артиллеріи маіоромъ Офросимовымъ, поспѣшилъ на встрѣчу черкесамъ. Оба они—первый, съ двумя баталіонами егерей, а второй—съ пушками, оказали чудеса храбрости, отразили непріятеля и способствовали къ спасенію на сей разъ всего войска.

Не взирая на то, что русскіе отступили въ безпорядкѣ отъ крѣпости, она не считала еще себя въ безопасности отъ ихъ предпріимчивости. За днемъ кровопролитнаго сраженія, послѣдовала самая бурная ночь. Съ одной стороны кипѣло море, съ другой шумѣли вѣтры въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ. Безпрерывный громъ и частыя молніи усугубляли ужасы сей грозной ночи. Но турки боялись не грозы, а приступа, и всю ночь провели въ осторожности, содержа на валахъ огни и стрѣляя изъ пушекъ.

Такимъ образомъ, русскіе простояли подъ Анапою въ продолженіи 14 дней. Неоднократно собирались военные совѣты и всякій разъ большинство голосовъ возставали противъ штурма; но Бибиковъ, желая загладить вину свою покореніемъ крѣпости, не перемѣнялъ намѣренія и рѣшительно желалъ приступа. Уже начали дѣлать и лѣстницы, какъ приближеніе голода и крайній недостатокъ въ свинцѣ и порохѣ заставили его склониться на отступленіе. Когда русскіе поднялись съ своего лагеря, турецкій начальникъ Анапы прислалъ къ генералу Бибикову двухъ невольниковъ съ однимъ хлѣбомъ, приказавъ сказать, что паша посылаетъ хлѣбъ сей для того, чтобы главнокомандующій русскаго войска не умеръ съ голоду. На сію колкую насмѣшку отвѣчали презрѣніемъ и пошли своимъ путемъ. На семъ пути ожидали ихъ все тѣ же затрудненія, что и прежде, только сопровождаемыя еще большимъ во всемъ недостаткомъ. О хлѣбѣ и слуху не было, а конское мясо считалось самымъ лакомымъ кушаньемъ. Недостатокъ въ соли причинялъ также не менѣе самаго голода безпокойства въ арміи.

«Чтобы достигнуть скорѣе Кубани и россійскихъ границъ, избрали они кратчайшую дорогу, по которой въ 1788 году прошелъ генералъ Текелли. Въ трехъ миляхъ отъ Кубани надлежало пройти лѣсъ и за онымъ узкую, но глубокую рѣчку, которая хотя выступала изъ береговъ, но не сорвала еще находившагося на ней моста. Недостатокъ въ продовольствіи, принудилъ ихъ за день предъ тѣмъ имѣть роздыхъ, для доставленія себѣ фуража изъ ближайшей большой деревни. Турки и черкесы, опоздавшіе разорить мостъ, думали удержать

русскихъ батареею, поставленною на высотѣ, и безпрерывными нападеніями. Но Бибиковъ, не взирая ни на что, быстро пошелъ впередъ, пробился сквозь толпы и захватилъ мостъ. Отрядъ егерей съ пушкою удерживалъ натискъ преслѣдовавшихъ, а Бибиковъ успѣлъ между тѣмъ провести колонну за рѣчку, вытянулъ ее въ линію и направилъ батарею на самый мостъ; тутъ, когда и послѣдніе егеря перешли, турки и черкесы бросились за ними густою толпою, но были встрѣчены гибельнымъ картечнымъ огнемъ. Отъ того ли, что тянувшіеся изъ лѣсу густыя толпы не видали гибели переднихъ рядовъ, или потому, что турки хотѣли, можетъ быть, во чтобы то ни стало овладѣть симъ мостомъ, стремленіе ихъ ни мало не умѣрилось безпрерывною пальбою изъ всѣхъ нашихъ пушекъ. О великой потерѣ турокъ, состоявшей конечно изъ многихъ тысячъ (?) убитыхъ и тяжело раненыхъ, можно судить потому, что въ продолженіи цѣлаго часа картечный огонь изъ 16-ти орудій, стоявшихъ не далѣе 25-ти шаговъ отъ моста, продолжался не замолкая ни на минуту; убійственное дѣйствіе огня сего направлено было на огромныя толпы, которыя то видимо рѣдѣя, то вновь сгущаясь, бросались какъ слѣпые на мостъ и на пушки, не овладѣвъ однако ни одною изъ нихъ. Съ сей-то минуты упрямая храбрость непріятелей уже ослабѣла, и шествіе русскихъ сдѣлалось спокойнѣе. Но разрушивъ всѣ замыслы враговъ, они не могли разрушить препятствій, полагаемыхъ природою. Борьба съ стихіями приводила въ трепетъ и самыхъ безтрепетныхъ. Русскіе встрѣтили на пути своемъ разливъ воды на двѣ версты шириною, съ трудомъ перешли они сію воду и съ прискорбіемъ увидѣли, что отъ того мѣста, гдѣ находились, до возвышеннаго берега Кубани, вдали едва примѣтнаго, все пространство на 14-ть верстъ залито было водою!.. Невозможность построенія плотовъ и совершенный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ понудили генерала Бибикова провести войско дальнѣйшею дорогою, въ обходъ чрезъ горы, гдѣ надѣялся онъ найдти хотя какія-нибудь средства къ прокормленію людей. Напрасно всѣ офицеры представляли, что дальняя дорога изнуритъ солдатъ до крайности и что всѣ они сдѣлаются жертвою черкесовъ.

Не подѣйствовали даже и представленія всѣми любимаго маіора Офросимова, который объявилъ, что у него осталось снарядовъ не болѣе, какъ на 5 орудій. Генералъ Бибиковъ, не внимая ничему, велѣлъ приковать Офросимова къ пушкѣ и закричавъ солдатамъ: «направо, ступай, ступай!» — поѣхалъ самъ направо въ лѣсъ и все за нимъ послѣдовало. Но когда приближались къ горнымъ ущельямъ, которые какъ слухъ пронесся, усѣяны были черкесами, то цѣлый баталіонъ легъ и всѣ люди закричали въ одинъ голосъ: «воля Бога и матушки царицы, мы не можемъ идти далѣе». Генералъ Бибиковъ, будто ничего не примѣчая, ѣхалъ все впередъ, въ сопровожденіи только 12-ти казаковъ; но остановясь и увидя, что за нимъ никого не было, воротился съ страшнымъ гнѣвомъ; однако, смягченный общимъ голосомъ солдатъ, приказалъ отвязать Офросимова отъ пушки и согласился идти кратчайшею дорогою чрезъ воду. Тутъ надлежало пройти русскимъ 14-ть верстъ по странѣ, неизвѣстной и глубоко наводненной. Казаки, ѣхавшіе впереди, отыскивали гдѣ было мельче и удобно проходимѣе; но и самая мелкая вода хватала до пояса и часто доставала по грудь! Всего труднѣе было перевести свои и отнятыя у непріятеля пушки; всѣ солдаты несли сумы съ патронами, поднявъ вверхъ надъ головами, и отъ того многіе изъ нихъ спотыкались и тонули. Когда достигли возвышеннаго берега Кубани, то лошади нашли себѣ на ономъ молодую траву и съ жадностью питались ею; людямъ же, какъ и прежде, никакой не было надежды къ продовольствію; все войско стояло между двухъ смертей: за спиною блистали черкесскія сабли, передъ глазами шумѣла быстрая на двѣ версты разлившаяся Кубань: надлежало умереть или отъ желѣза, или отъ воды, но скорѣе ожидали смерти отъ голода, который всѣмъ равно угрожалъ. Наконецъ дано повелѣніе переправляться. Восемь дней занимались построеніемъ плотовъ изъ тростника, въ которомъ, по счастью, недостатка не было. На сихъ-то тлѣнныхъ плотахъ предпринята переправа. Повозки и тяжести, при малѣйшемъ склонновѣсіи на одну сторону, становились добычею волнъ; другіе же плоты, при малѣйшей неловкости гребцовъ, легко могли быть унесены быстротою въ

Черное море. Всѣмъ пушкамъ надлежало погибнуть, если бы случай не доставилъ двухъ небольшихъ челновъ, которые сплотили, сдѣлавъ сверху настилку изъ тростника и хворосту. И на семъ-то ничтожномъ плоту перевезены всѣ свои и у непріятеля отнятыя орудія и патронные ящики. По прошествіи восьми дней, все, что уцѣлело отъ потопленія, увидѣло себя наконецъ на русскомъ берегу. Но тутъ оставалось еще на восемь дней пути голою степью... Къ счастью, высланные впередъ казаки, успѣли въ скорости дать знать о бѣдственномъ положеніи войска и выѣхавшая на встрѣчу онаго тысяча человѣкъ конницы привезла достаточное количество хлѣба. Но и съ самымъ хлѣбомъ надлежало обходиться весьма осторожно; нельзя было давать его безъ особыхъ приготовленій солдатамъ, опухшимъ отъ голоду. Изъ всего войска осталось немного болѣе 3,000 на ногахъ и 1,000 больныхъ.

«Такъ кончился походъ, который, судя по необычайному мужеству, единственному терпѣнію и неслыханнымъ трудамъ, къ продолженію онаго понесеннымъ, едва ли не превосходитъ безпримѣрнаго доселѣ похода Кортеса въ Мексику. Но тамъ Гишпанцы, влекомые корыстолюбіемъ и личною выгодою, имѣли очевидную поверхность въ огнестрѣльномъ оружіи, а здѣсь русскіе, безъ всякихъ для себя выгодъ, изъ единаго повиновенія къ начальнику, сражались съ непріятелемъ, одинаковое съ ними оружіе имѣвшимъ. Смѣло можно сказать, что весьма мало встрѣчалось послѣ того случаевъ, гдѣ бы войско россійское покрыло себя толикою славою, какъ въ семъ дивномъ, но почти неизвѣстномъ и вовсе безплодномъ походѣ. За худой успѣхъ никто, конечно, не повинитъ солдатъ и офицеровъ: съ безпримѣрною покорностію исполняли они волю главнаго начальника, который за дерзкую неосмотрительность свою подвергся тогда же строжайшему наказанію по приговору суда.»

Такова записка неизвѣстнаго автора, въ которой есть очевидно нѣсколько риторическихъ прикрасъ, преувеличеній въ потерѣ непріятеля и проч., но въ общемъ она вѣрна дѣйствительнымъ происшествіямъ, что подтверждается приводимыми здѣсь офиціальными бумагами.

10-го марта 1789 года, князь Потемкинъ доносилъ им-

ператрицѣ Екатеринѣ: «корпусъ кавказскихъ полковъ, лишь я началъ дѣлать обращеніе (?) то услышалъ, что генералъ-поручикъ Бибиковъ со всѣми почти силами тронулся за Кубань, по причинѣ перехода небольшой партіи закубанцевъ на нашу сторону. Движеніе таковое во время суровое не можетъ принести пользы, соразмѣрной вреду, какой понести отъ разныхъ недостатковъ конечно должны. Ожидаю окончанія, не зная до тѣхъ поръ гдѣ и что находится.» Свѣтлѣйшій князь Таврическій, хоть и незнакомый съ Кавказомъ, понималъ однако сумасбродность предпринятаго похода.

Дальше, уже 3-го мая 1790 года, Потемкинъ писалъ: «Доносилъ я о дерзновенномъ походѣ генералъ-поручика Бибикова въ самую жестокую погоду предпріятомъ; до сей поры я былъ безъ извѣстій; мой повелительный ордеръ о возвращеніи не могъ его застать, ибо онъ отъ Лабы удалился къ Анапѣ и тогда уже, бывши безъ хлѣба, сей недостойный офицеръ, для снисканія личной пользы, пренебрегъ все и подвергнулъ гибели людей, изъ которыхъ каждый, по истинѣ, дороже его.

«Изъ приложенныхъ рапортовъ высочайше изволите усмотрѣть состояніе корпуса, изъ большей и лучшей части составленнаго, и по неопредѣленнымъ описаніямъ всемилостивѣйше судить можете о моихъ заботахъ. Разстроилъ онъ и связь, и войска, а намѣреніямъ моимъ положилъ препону. Сколько симъ возгордятся турки! А паче въ краю, гдѣ все припишется чудесамъ лже-пророка ихъ Шихъ-Мансура.

«Теперь посылаю нарочнаго, чтобы узналъ обо всемъ и привесть ко мнѣ недостойнаго и дерзновеннаго начальника, а потомъ буду и у священныхъ ногъ вашего величества о должномъ и примѣрномъ наказаніи ходатайствовать.»

Въ слѣдующемъ донесеніи, отъ 11-го мая 1790 года, свѣтлѣйшій писалъ: «Донесъ я предъ симъ о слухахъ, доходившихъ о корпусѣ, уведенномъ за Кубань генералъ-поручикомъ Бибиковымъ; теперь получилъ его рапортъ, изъ котораго увидѣлъ все иное. Хотя безразсудно и дерзновенно предпринятаго, но Богъ столь милосердъ, что ничего не пропало; а въ сраженіяхъ вездѣ поверхность наша непріятелю оказана. Съ большимъ корпусомъ перешелъ благополучно и уже получилъ

транспортъ провіанта навстрѣчу ему посланнаго. Обстоятельное донесеніе отправляю чрезъ Кременчугъ *), а здѣсь спѣшу только донести кратко, чтобъ ваше величество не оставались долго въ неизвѣстности.»

30-го мая 1790 года, князь Потемкинъ опять обратился къ императрицѣ: «Вѣрность войскъ вашихъ, подъ Анапою бывшихъ, которыя, не взирая на неизрѣченныя трудности и самый голодъ, съ усердіемъ и терпѣніемъ безпримѣрнымъ исполнили долгъ свой, обязываетъ меня всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ пожалованіи возвратившимся изъ сего похода нижнимъ чинамъ медалей, каковыя пожалованы въ конницѣ екатеринославской за тѣхъ сверхсрочную годовъ службу. Образецъ оныя при семъ осмѣливаюсь поднести, со всеподданнѣйшею просьбою повелѣть проставить на сихъ медаляхъ: «за вѣрность».

Представленіе это императрицею Екатериною было уважено и всѣмъ участникамъ даны медали на голубой лентѣ, съ надписью «за вѣрность»,

Наконецъ, 18-го іюня 1790 года, князь Потемкинъ представилъ императрицѣ въ копіи полученное отъ генералъ-поручика барона Розена обстоятельное донесеніе о потерѣ, понесенной генералъ-поручикомъ Бибиковымъ въ бытность его за Кубанью.

Изъ этого донесенія барона Розена, отправленнаго изъ Ставрополя 21 мая, между прочимъ, видно, что провіанта въ разныхъ частяхъ войскъ, входившихъ въ составъ отряда, было взято не одинаковое число, въ нѣкоторыхъ на десять, на двадцать дней, у иныхъ даже на мѣсяцъ. «По израсходованіи провіанта, люди довольствовались сыскиваемымъ въ татарскихъ селеніяхъ просомъ и другимъ зерновымъ хлѣбомъ, но весьма недостаточнымъ; наконецъ, когда и того находить не могли, принуждены были питаться травою, кореньями и лошадинымъ мясомъ, не имѣя при томъ и соли. Но хотя за все недоставшее отъ генералъ-поручика Бибикова выданы деньги, полагая

---

*) Этого донесенія, по тщательнымъ розыскамъ въ дѣлахъ архива не найдено.

за муку по шести, за крупу по семи рублей за четверть, но и тѣ не только всѣ, да и собственные, сколько кто имѣлъ, употреблены на покупку для пищи лошадей и дикихъ кабановъ мяса, платя за изнуренную лошадь не менѣе двадцати пяти рублей и за фунтъ кабанины двадцать копѣекъ; а сія пища, какъ необыкновенная и безъ соли, произвела въ людяхъ чрезвычайное изнуреніе и болѣзни.

«По отступленіи отъ Анапы, съ 27-го марта въ маршѣ отрядъ былъ до переправы по 11-е апрѣля, пройдя въ это время не менѣе 120 верстъ, будучи обезпокоиваемъ ежедневно непріятелемъ во всѣхъ тамъ находящихся въ немаломъ числѣ дефилеяхъ». Въ какомъ состояніи корпусъ прибылъ, баронъ Розенъ уже 6-го числа доносилъ. (Этого рапорта, къ сожалѣнію, тоже не нашлось въ дѣлахъ).

«Всѣхъ прибывшихъ принявъ въ особливое попеченіе, снабдивъ для слабыхъ и больныхъ воловьими фурами, Розенъ далъ имъ средства къ удобнѣйшему достиженію до своихъ мѣстъ и приказалъ по прибытіи, расположить на свѣжемъ воздухѣ, въ довольномъ числѣ палатокъ; отдѣлить раненныхъ, больныхъ и слабыхъ отъ здоровыхъ; приказалъ перемывши всѣхъ, надѣть чистое бѣлье и одежду, предписалъ ни въ какіе работы и караулы цѣлый мѣсяцъ неупотребляя, производить въ порцію горячее вино и по полуфунту говядины въ сутки на каждаго, съ особливымъ при томъ присмотромъ медицинскими чиновниками; съ тѣмъ, чтобы о ихъ состояніи доносили ему каждую недѣлю».

Убыль мундирныхъ и аммуничныхъ вещей была полная; что и осталось не могло считаться на лицо, ибо все отъ ненастья изорвалось въ клочки, къ употребленію до настоящихъ своихъ сроковъ не годилось; рубахъ же и обуви вовсе не было!..

Полки и артиллерія потеряли всѣхъ своихъ лошадей и потому не могутъ безъ нихъ быть въ движеніи.

Изъ присланной барономъ Розеномъ вѣдомости видно, что выступили въ походъ съ Бибиковымъ 7,609 человѣкъ и 4,134 лошадей, изъ которыхъ убыло; убитыхъ 233, умерло 618, взято въ плѣнъ и безъ вѣсти пропало 121, утонуло при перепра-

вахъ 23 и бѣжало 111 человѣкъ, всего 1,106, или болѣе седьмой части. Лошадей же погибло 2,303—болѣе половины. Изъ возвратившихся оказались здоровыми 5,407, раненыхъ 314 и больныхъ 782 человѣка; изъ нихъ, при тогдашнемъ состояніи санитарной части, тоже едвали многіе остались въ живыхъ. Лошадей же, болѣе или менѣе годныхъ, оказалось 1,781.

Затѣмъ, еще 8-го января 1791 года, Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Генералъ Бибиковъ въ дерзкомъ и безразсудномъ своемъ предпріятіи на Анапу, заведя войска самовольно въ земли непріятельскія, безъ принятія мѣръ къ продовольствію отряда и изнуряя его нуждою и трудностью похода, заслужилъ примѣрное наказаніе. Единая только милость вашего императорскаго величества къ спасенію его: не угодно ли будетъ, смягча строгость законовъ, повелѣть исключить его изъ службы».

Въ перепискѣ Екатерины съ Потемкинымъ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» 1876 года, есть, между прочимъ, одно мѣсто, упоминающее то же объ этомъ дѣлѣ. Императрица, въ одномъ изъ писемъ къ свѣтлѣйшему говоритъ: «Экспедиція Бибикова весьма странна и ни на что не похоже; я думаю что онъ съ ума сошелъ; людей держалъ сорокъ дней въ водѣ почти и безъ хлѣба; удивительно какъ единый остался живъ. Я почитаю, что не много съ нимъ возвратилось; дай знать сколько пропало,—о чемъ я весьма тужу. Если войска взбунтовались, то сему дивиться нельзя, а болѣе сорокадневному ихъ терпѣнію. Сіе дѣло нѣсколько похоже на Тотлебенова и Сухотина въ прошедшую войну».

Генералъ-поручикъ Юрій Богдановичъ Бибиковъ, 3-го апрѣля 1791 года, исключенъ изъ службы.

Между тѣмъ успѣхи русскаго оружія на Дунаѣ побудили турокъ ускорить развлеченіемъ нашихъ силъ, которое они замышляли съ самаго начала войны. Въ Анапѣ, сераскиръ-Баталъ-паша, скоплявшій исподоволь свои силы съ береговъ Румелійскихъ, имѣлъ въ первыхъ числахъ сентября 1790 г. до 40 тысячъ турокъ и горцевъ подъ своими знаменами. Столь значительное число войскъ подавало ему надежду разбить по-

рознь кавказскій корпусъ и кубанскую часть, ворваться чрезъ южную границу въ Россію и привлечь снова къ оттоманскимъ бунчукамъ счастіе, оставившее ихъ на придунайскихъ равнинахъ. Надменный паша, увлеченный такою заманчивою надеждою, выступилъ изъ Анапы и пошелъ отъ Лабы къ Кубани.

Первое извѣстіе о движеніи значительныхъ непріятельскихъ силъ, побудило генералъ аншефа графа де-Бальмена, (недавно назначеннаго на Кавказъ главнымъ начальникомъ) сообразуясь съ предписаніемъ князя Потемкина, отрядить для встрѣчи непріятеля генералъ-маіора Германа, (произведеннаго изъ полковниковъ за походъ 1788 г., съ назначеніемъ командиромъ бригады, состоявшей изъ нашего полка съ Казанскимъ и Владимірскимъ) съ сильнымъ отрядомъ, который выступилъ въ концѣ сентября за Кубань.

Какъ нѣкогда Игельштромъ и Кличка, такъ впослѣдствіи Нагель и Германъ, все наши Кабардинцы, имѣли честь быть избираемыми для выполненія самыхъ важныхъ боевыхъ операцій. Понятно, какъ это дѣйствовало на духъ полка; не только офицеры, но и солдаты не могли не гордиться своими командирами и не употреблять всевозможныхъ усилій сдѣлаться ихъ достойными подчиненными. Такъ, изъ года въ годъ, передавались славныя преданія боевыхъ подвиговъ полка и дорогое наслѣдство ни разу не было растрачено на вѣтеръ. Цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ и всегда Кабардинскому полку и его командирамъ, до послѣднихъ боевыхъ кавказскихъ дней, выпадала на долю славная роль передовыхъ бойцовъ въ самыхъ трудныхъ, опасныхъ дѣлахъ.

Турецкій главнокомандующій Баталъ-паша прибылъ 25-го числа къ Малому Зеленчуку и занялъ отрядами дефиле и Каменныя горы, которыя открывали ему свободный путь къ берегамъ Кубани. 27-го числа передовые турецкіе отряды показались уже на этой рѣкѣ, у Каменнаго брода; намѣреніе турокъ было прорваться въ Кабарду, гдѣ толпы мятежниковъ обѣщали увеличить ихъ силы. Генералъ-маіоръ Германъ, проникая замыслы Баталъ-паши, рѣшился предупредить ихъ быстрымъ движеніемъ къ горамъ Тахтамышскимъ, чрезъ ко-

торыя лежалъ путь въ Кабарду. Поэтому, оставивъ излишнія тяжести, отрядъ его двинулся по рѣчкѣ Подпаклеѣ и, перейдя ее 29го числа, расположился въ 15 верстахъ отъ непріятеля, который наканунѣ переправился чрезъ Кубань и сталъ на правомъ ея берегу.

Генералъ Германъ, сравнивая малочисленный свой отрядъ съ тѣми силами, которыя, по слухамъ, составляли войско Баталъ-паши, видѣлъ ясно, что одна быстрота и рѣшительность можетъ доставить ему побѣду; онъ положилъ немедленно ударить на турокъ. На разсвѣтѣ войска оставили свой лагерь и, построясь въ пять колоннъ, двинулись противъ непріятеля. Не успѣли они отойти одной версты, какъ густыя толпы горской конницы показались изъ лѣсовъ и ущелій, едва давъ время передовымъ казакамъ соединиться и занять высоты надъ Тахтамышемъ. Черкесы завели немедленно живую перестрѣлку съ боковыми кавалерійскими частями. Стремительная атака и многочисленность горцевъ побудили начальниковъ кавалеріи, полковниковъ Буткевича и Муханова подняться на ближнюю гору, въ ожиданіи прибытія артиллеріи и пѣхоты, которыя и незамедлили принять главное участіе въ дѣлѣ. Бригадиры — Матценъ съ среднею колонною и Бервикъ съ егерями—быстро заняли находившіяся на полѣ сраженія высоты; непріятель, ведомый пашею Хаджи-Мустафою, покрылъ своими многочисленными толпами ксю окрестную равнину. Дѣло открылось жестокимъ обоюднымъ артиллерійскимъ огнемъ; черкеская конница старалась густыми толпами прорваться въ тылъ русскихъ войскъ, но стойкость нашихъ рядовъ сдѣлала тщетными всѣ ея удары. Усиливъ дѣйствіе артиллеріи, войска наши стали подаваться впередъ; черкесы и турки держались отчаянно. Генералъ Германъ, желая рѣшительнымъ ударомъ кончить дѣло, направилъ бригадира Бервика съ правою колонною на лѣвое непріятельское крыло, а полковника Чемоданова съ отрядомъ пѣхоты на правое. Бервикъ встрѣтилъ сильный отпоръ; но успѣхи на правомъ крылѣ рѣшили вскорѣ побѣду. Полковникъ Мухановъ врубился съ драгунами въ непріятельскую пѣхоту и поддерживаемый, егерями, привелъ въ смятеніе турокъ; они обратились въ бѣг-

ство и оставили свои пушки побѣдителямъ. Въ тоже время сильный натискъ полковника Чемоданова потѣснилъ и лѣвое ихъ крыло; а когда и средняя русская колонна, спустясь съ горы, ударила на турокъ, тогда отступленіе ихъ обратилось въ совершенное бѣгство къ рѣкѣ. Толпы черкесовъ сомкнулись еще разъ на безплодный ударъ, но будучи отражены, скрылись совершенно изъ вида. Весь станъ турецкій, заключавшій значительную добычу, достался русскимъ; въ числѣ плѣнныхъ находился и самъ трехъ-бунчужный Баталъ-паша, со всею своею свитою. Русскіе взяли 30 орудій, много военныхъ и продовольственныхъ припасовъ. Уронъ непріятеля невозможно было опредѣлить точно, по причинѣ множества утонувшихъ въ Кубани и разсѣянныхъ въ оврагахъ и лѣсахъ. Побѣдители же имѣли убитыми и ранеными 200 человѣкъ.

Эта блистательная побѣда надъ сорокатысячною арміею, въ теченіи двухъ лѣтъ собираемою турками для рѣшительнаго удара на слабѣйшую часть русскихъ границъ, имѣла громадныя послѣдствія и не только загладила дурное впечатлѣніе несчастнаго похода Бибикова, но утвердила надолго среди Кавказскихъ племенъ убѣжденіе въ нашемъ превосходствѣ, въ нашей непобѣдимости. Они видѣли, что не только ихъ нестройныя толпы, но и турецкія войска, съ значительною артиллеріею, предводимыя важными пашами, не могутъ устоять противъ небольшаго русскаго отряда.

Императрица Екатерина наградила генералъ-маіора Германа Георгіемъ 2-го класса и 500 душъ въ Полоцкой губерніи, а въ слѣдующемъ 1791 году онъ былъ назначенъ начальникомъ кубанской части *).

Близъ мѣста этой славной битвы впослѣдствіи поселена станица Терскаго войска, Волгскаго полка, названная Баталпашинскою хотя, кажется, справедливѣе было бы назвать ее Германовскою, въ память своего генерала-побѣдителя, а не

---

*) Произведенный въ 1797 г., въ генералъ-лейтенанты, а въ 1799 въ генералы отъ инфантеріи, Германъ неудачно кончилъ свою карьеру: начальствуя извѣстною голландскою экспедиціею, въ союзѣ съ англичанами, онъ былъ на голову разбитъ французами и въ 1801 г. умеръ въ плѣну.

турецкаго паши-побѣжденнаго?.. Нынѣ эта станица возведена въ рангъ уѣзднаго города и пишется Баталпашинскъ.

Въ 1791 году, безпрерывное сцѣпленіе неудачъ сопровождало открытіе похода для турокъ; ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Еще не успѣли вознаградиться потери Мачина и Бабадага, какъ взятіе Анапы умножило уныніе оттоманскихъ войскъ. 21-го іюля, послѣ кровопролитнаго приступа, который продолжался болѣе пяти часовъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ, Анапа увидѣла на своихъ стѣнахъ русскія знамена. Въ замкѣ ея взято 70 пушекъ, 9 мортиръ и до 100 знаменъ. Начальствовавшій непріятельскими войсками трехъ-бунчужный Мустафа-паша, съ частью гарнизона, взятъ въ плѣнъ, нѣсколько тысячь турокъ и до 1,000 человѣкъ русскихъ, легли подъ крѣпостными стѣнами. Важно было еще и то, что здѣсь схваченъ наконецъ и проповѣдникъ Шихъ-Мансуръ, сосланный въ Соловецкій монастырь. (Впослѣдствіи, какъ говорятъ кавказскіе горцы, онъ успѣлъ будто бы бѣжать оттуда).

Я не описываю подробностей этого славнаго въ русскихъ военныхъ лѣтописяхъ штурма, увѣнчавшаго славою графа Гудовича, потому что Кабардинскій полкъ, къ крайнему сожалѣнію, въ немъ не участвовалъ; полкъ былъ оставленъ на линіи для охраны отъ нападеній горцевъ *). Въ реляціи, въ числѣ отличившихся, упоминается только поручикъ нашего полка Петръ Юрашкевичъ, вѣроятно бывшій при комъ нибудь изъ начальствовавшихъ генераловъ ординарцемъ.

Этотъ послѣдній ударъ смирилъ надменную Оттоманскую Порту и, послѣ четырехъ-лѣтней войны, она была вынуждена просить мира. Трактатъ былъ заключенъ въ Яссахъ.

Россія по ясскому договору расширила свою южную границу по Днѣстръ; большая часть нынѣшней Херсонской губерніи и Очаковская крѣпость составляли участокъ земли, присоединенной къ русскимъ владѣніямъ. Пріобрѣтеніе Очакова и замка Гаджи-Бей (Одесса) лишило турокъ важной опоры на берегахъ Чернаго моря и предоставило Россіи обезпе-

*) Въ 1791 г. Кабардинскій полкъ значится въ бригадѣ съ Кавказскимъ, Казанскимъ и Владимірскимъ полками. Бригады тогда составлялись то изъ 2-хъ, то изъ 3-хъ, даже и четырехъ полковъ и безпрестанно измѣнялись.

ченное обладаніе всѣмъ теченіемъ Днѣпра, отъ истоковъ его до устья.

Очевидная поверхность, одержанная повсюду надъ оттоманскими войсками въ продолженіи этой войны, послужила новымъ доказательствомъ превосходства нашихъ войскъ надъ турецкими и подтвержденіемъ словъ Вольнея, считавшаго уже послѣ первой войны 1769—1775 гг. паденіе Турціи лишь вопросомъ времени.

Просматривая дѣла до кампаній 1787—791 г. относящіяся, я нашелъ въ нихъ, между прочимъ, не лишенную интереса и для нынѣшняго времени, слѣдующую записку князя Потемкина, собственноручно имъ писанную: «Разсматривая содержаніе госпиталей, нашелъ я, что неумѣренные расходы были въ пользу поставщиковъ и нѣкоторыхъ чиновъ медицинскихъ, больные же, при всѣхъ ужасныхъ издержкахъ, находились въ худомъ присмотрѣ; почему за нужное почелъ сдѣлать слѣдующее предписаніе.

Больныхъ въ госпиталяхъ раздѣлять на три класса.

1) Хроническихъ болѣзней.

2) Тяжело больныхъ.

3) Слабыхъ.

Первыхъ отсылать въ Херсонъ, вторыхъ въ госпиталяхъ отдѣлять отъ третьихъ.

Незараженныхъ, съ прилипчивыми болѣзнями, какъ-то: скорбутъ, поносъ и горячки гнилыя, вмѣстѣ не держать.

Всѣ нѣжныя пищи, какъ то: яйцы, молоко, цыплята, куры и прочія, вовсе отмѣняются; а вмѣсто всего вышеписаннаго употреблять хорошую говядину, для варенія соразмѣрно состоящимъ въ болѣзни легкихъ бульоновъ, кашъ или щей, для питья же дѣлать квасъ; полезно весьма употребленіе сбитня, который дѣлать для тяжело больныхъ самый слабый, безъ горячаго вина; а для выздоровляющихъ морской и давать по утру по стакану.

Уксусъ необходимо нуженъ, а особливо въ горячкахъ съ пятнами, котораго нарочитую провизію заготовлять.

Хлѣбъ употреблять черный, но хорошо печеный.

Много зависитъ отъ присмотра, а для сего строго предписывается крайняя въ госпиталяхъ чистота, частая перемѣна бѣлья и травы (подстилки), нужны просторные покои, которые въ день нѣсколько разъ прокуривать».

XV.

Отсутствіе свѣденій о дѣйствіяхъ на Кавказѣ съ 1791 по 1800 г.—Походъ графа Зубова въ Персію 1796 г.—Взятіе Дербента.

Съ окончаніемъ турецкой войны, наступилъ и на кавказской линіи періодъ болѣе мирный. И закубанскія и терскія племена, видя безсиліе Турціи въ борьбѣ съ Россіей, той Турціи, которую они считали могущественнѣйшей державой въ мірѣ, должны были придти къ сознанію въ безплодности своихъ попытокъ выгнать насъ съ занятыхъ мѣстъ. Разрозненныя, отчасти враждебно настроенныя другъ къ другу изъ-за мѣстныхъ интересовъ, недостаточно мусульмане, чтобы быть двигаемы религіознымъ фанатизмомъ, непривыкшія подчиняться одной, руководящей волѣ, всѣ эти разношерстныя общества оставили надменную мечту объ изгнаніи русскихъ съ кавказской линіи. Слѣдуя только вѣковымъ привычкамъ и хищнымъ инстинктамъ, онѣ мелкими партіями совершали набѣги, ради добычи, ради удальства. Расположенныя на ближайшихъ постахъ русскія войска вели съ ними партизанскую войну, которой никто тогда не придавалъ особаго значенія.

Никакихъ подробностей объ этихъ партизанскихъ дѣйствіяхъ въ главныхъ архивахъ нѣтъ. Всѣ дѣла за тѣ годы (послѣдней четверти XVIII столѣтія), лежатъ сваленныя безпорядочными кучами въ Кизлярѣ, Моздокѣ, Георгіевскѣ, Ставрополѣ и, безъ сомнѣнія, многіе уже сдѣлались жертвами гнили и крысъ. Нѣсколько попытокъ, въ разное время предпринятыхъ, особенно въ намѣстничество князя Воронцова, привести эти архивы въ какой нибудь порядокъ, не увѣнчались успѣхомъ. Кое что было разобрано; было вмѣнено въ обязанность мѣстнымъ начальствамъ принять мѣры къ луч-

шему помѣщенію и сбереженію дѣлъ; но такого порядка, при которомъ были бы возможны изслѣдованія этихъ дѣлъ, и въ поминѣ нѣтъ. Для этого представляется единственное средство перевезти ихъ всѣ въ Москву или Петербургъ, гдѣ найдется и помѣщеніе для ихъ разбора, и способные на то люди. Я убѣжденъ, что много интересныхъ историческихъ матеріаловъ всплыло бы такимъ образомъ на свѣтъ Божій. А пока, крайне сожалѣя о совершенной невозможности сказать что нибудь о дѣятельности Кабардинскаго полка на кавказской линіи за время съ 1790 по 1800 годъ, тѣмъ болѣе, что въ полку никакого архива нѣтъ (пожаръ уже нѣсколько разъ истреблялъ его), я долженъ перейти къ 1796 году, когда часть полка вошла въ составъ корпуса, дѣйствовавшаго подъ командою графа Валеріана Зубова въ Персіи *).

Походъ графа Зубова, хотя и не сопровождался кровопролитными сраженіями, замѣчателенъ однако блистательными успѣхами, обѣщавшими несомнѣнные, важные результаты **).

Захватившій персидскій престолъ, Ага-Магометъ-ханъ, еще въ бытность ханомъ астрабадскимъ, проявлялъ упорную враждебность къ Россіи. Препятствуя всѣми возможными средствами торговымъ сношеніямъ съ Россіею, преслѣдуя и притѣсняя нашихъ купцовъ, онъ задержалъ зашедшій въ 1781 году въ Астрабадъ русскій фрегатъ и нанесъ командиру его, капитану графу Войновичу, не мало обидъ и оскорбленій. Съ восшествіемъ на престолъ, Ага-Магометъ-ханъ, зная о протекторатѣ, взятомъ на себя Россіею въ отношеніи Грузіи, по договору съ царемъ ея Иракліемъ въ 1783 году, ринулся на это несчастное христіанское царство съ своими полчищами (1795 г.) и предалъ его огню и мечу. Тифлисъ былъ разо-

*) Въ числѣ бумагъ мнѣ попалась вѣдомость, представленная 9 іюня 1894 г. Гудовичемъ графу Румянцеву, о войскахъ состоящихъ на Кавказской линіи. Въ Кабардинскомъ полку показано: 1 штабъ-офицеръ, 19 оберъ офицеровъ, 65 кадетъ, унтеръ-офицеровъ и капраловъ, 30 музыкантовъ, 1,254 рядовыхъ, 173 нестроевыхъ, да больныхъ 107 человѣкъ. Въ командировкахъ 2 штабъ-офицера, 11 оберъ-офицеровъ, 97 нижнихъ чиновъ, до комплекта не доставало 1 штабъ-офицеръ, 7 оберъ-офицеровъ и 328 нижнихъ чиновъ.

**) Объ этомъ походѣ см. статью г. Дубровина въ Военномъ Сборникѣ.

ренъ до тла, тысячи жителей увлечены въ плѣнъ, церкви разрушены. Царь Ираклій едва спасся бѣгствомъ въ Анануръ, гдѣ, по сказаніямъ грузинскихъ лѣтописцевъ, очутился въ положеніи ужасномъ, безъ всякихъ средствъ, прикрытый звѣриною кожою, т. е. простой шубой.

Возвратясь изъ разоренной, доведенной до крайней степени отчаянія, Грузіи, шахъ собирался направить свои полчища къ берегамъ Каспійскаго моря, для разоренія хановъ и ихъ подвластныхъ населеній за ихъ будто бы приверженность къ Россіи и благопріятныя отношенія къ нашимъ торговымъ людямъ.

Эти обстоятельства вынудили императрицу Екатерину принять мѣры къ защитѣ Грузіи и обезпеченію своихъ интересовъ на Каспійскомъ прибрежьи.

Въ 1795 году, когда Ага-Магометъ-ханъ еще собирался въ Грузію, царь Ираклій настойчиво просилъ у Россіи помощи войсками; но командовавшій на кавказской линіи генералъ Гудовичъ, съ одной стороны, не вполнѣ вѣрилъ близкой опасности, полагая, что на пути въ Грузію, персидскому шаху придется еще потерять много времени и силъ для одоленія эриванскаго, карабахскаго и ганжинскаго хановъ, съ другой—считалъ чрезвычайно затруднительнымъ двинуть наши войска чрезъ главный хребетъ, по едва проходимымъ тропинкамъ, при невозможности обезпечить имъ правильное сообщеніе и, что важнѣе—продовольствіе, потому что хотя Ираклій и ручался за продовольствіе 20-ти тысячъ человѣкъ, но не въ состояніи былъ исполнить этого даже въ отношеніи 1,500, двинутыхъ подъ командою полковника Сырохнева, и съ величайшими затрудненіями добывавшихъ себѣ за наличныя деньги хлѣбъ у жителей, менѣе пострадавшихъ грузинскихъ мѣстностей въ Карталиніи. Вообще Грузія, минуя разоренія, причиненныя ей нашествіемъ персіянъ и горцевъ, находилась въ жалкомъ состояніи: слабый Ираклій подпалъ вліянію своей второй жены Даріи и чрезъ нее возникли несогласія и вражда между сыновьями царя отъ перваго и втораго брака; сыновей этихъ было больше десятка, всякъ имѣлъ свой удѣлъ и хотѣлъ бы захватить побольше. Безконечныя интриги, непо-

виновеніе отцу, высасываніе соковъ изъ народа, со всѣхъ сторонъ обираемаго и разоряемаго,—все это привело маленькое государство на край гибели.

Движеніе Сырохнева съ двумя батальонами и шестью орудіями въ Грузію, для нѣкоторой нравственной поддержки и вразумленія Персіи, что Россія въ дѣйствительности намѣрена осуществить свой протекторатъ, уже обнаружило немедленный результатъ: Ага-Магометъ-ханъ поспѣшилъ отступить отъ Ганжи, въ которой находился послѣ разгрома Тифлиса; а аварскій ханъ, уже готовый ворваться въ Кахетію, увѣдомилъ Гудовича, что, по желанію Россіи, остановился и просилъ за это награды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для ободренія прикаспійскихъ хановъ противъ угрозъ персидскихъ войскъ и защиты, въ случаѣ дѣйствительнаго появленія Ага-Магометъ-хана, владѣній нашего ближайшаго, преданнаго вассала шамхала Тарковскаго, былъ собранъ у Кизляра небольшой отрядъ изъ 3-хъ баталіоновъ, шести орудій, однаго эскадрона и до тысячи казаковъ, которому, подъ командою генералъ-маіора Савельева, приказано выступить чрезъ Тарки въ Буйнакъ, тамъ войти въ соглашеніе съ дагестанскими владѣльцами объ общей защитѣ противъ Персіи, затѣмъ двинуться въ Дербентъ, занять городъ и пригласить дербентскаго хана Шихъ-Али исполнить давнишнее желаніе свое о вступленіи въ русское подданство.

19-го декабря 1795 г., переправился черезъ Терекъ Савельевъ съ своимъ отрядомъ и благополучно достигъ Тарки, дружески принятый шамхаломъ. Здѣсь явились ближайшіе владѣльцы изъ Кайтага, Табасарани, Акуши, Мехтулинскій и другіе, изъявившіе желаніе дѣйствовать съ нами противъ персіянъ; одинъ лишь дербентскій ханъ, напротивъ, не только измѣнилъ свое намѣреніе совсѣмъ подчиниться Россіи, о чемъ прежде неоднократно увѣрялъ Гудовича, но оказался рѣшительно враждебнымъ намъ; онъ заперся въ Дербентѣ, отказался отъ требованій Савельева и отправилъ къ вторгнувшемуся между тѣмъ въ Шемаху войску персидскому просьбу о помощи и подарки для Ага-Магометъ-хана.

Генералъ-аншефъ Гудовичъ, узнавъ объ этомъ, усилилъ

отрядъ Савельева еще двумя баталіонами и приказалъ приблизить къ Дербенту, съ цѣлью заставить хана исполнить наши требованія. Однако отрядъ этотъ оказался слишкомъ ничтожнымъ для самостоятельныхъ дѣйствій внутри Дагестана и по берегу Каспійскаго моря. Поэтому, въ январѣ 1796 года, императрица Екатерина, согласно съ мнѣніемъ Гудовича, разрѣшила ему составить изъ войскъ кавказской линіи самостоятельный отрядъ для дѣйствій въ Персіи съ сухаго пути и отправить въ Астрахань два баталіона для посаженія на суда и учиненія дессанта. Начальникомъ всѣхъ этихъ войскъ, а также отряда Савельева, былъ назначенъ генералъ-поручикъ графъ Валеріанъ Зубовъ.

Въ письмѣ къ нему, отъ 31 января, императрица, послѣ подробнаго изложенія неурядицъ, происходящихъ въ Персіи въ теченіи XVIII столѣтія, между прочимъ писала: «Столь неистовыя, много разъ причиненныя оскорбленія симъ грабителемъ (Ага-Магометъ-ханомъ) и походъ его къ Ширванской и Дагестанской областямъ при берегахъ Каспійскаго моря, и къ намъ сопредѣльнымъ, въ явномъ намѣреніи приближаясь къ границамъ нашимъ и въ тѣхъ земляхъ, ниспровергая все то, что пользъ и выгодъ нашихъ касаться можетъ, поставить насъ съ сей стороны въ заботливое положеніе и возбудя безпокойство въ горскихъ народахъ и самые предѣлы наши привести въ опасность, — привлекли по всей справедливости все вниманіе наше. По послѣдствію всего вышеобъясненнаго, ради отвращенія многихъ неудобствъ и самыхъ опасностей отъ распространенія до предѣловъ нашихъ и утвержденія мучительной власти и вящшаго усиленія, а паче при берегахъ Каспійскаго моря и такъ уже предуспѣвшаго соединить мочное владычество почти надъ всею Персіею, коварнаго Аги-Магометъ-хана, всегда являвшагося врагомъ имперіи нашей, всѣ пользы и выгоды торговли нашей стѣснившаго, въ противность и наглое нарушеніе трактатовъ нашихъ съ Персіею поставленныхъ, въ коихъ права и преимущества, Россіею присвоенныя, пріобрѣтены были уступкою областей, завоеванныхъ оружіемъ вѣчной славы достойнаго императора Петра Великаго, и наконецъ для сильнаго подкрѣп-

ленія царя карталинскаго, многихъ благонамѣренныхъ хановъ и владѣтелей дагестанскихъ, взывающихъ защиту и покровительство наше,—за лучшее признали мы избрать васъ къ управленію тѣхъ силъ и способовъ, которые на сей конецъ употребить заблагоразсудите».

Графу Зубову приказано было отправиться въ Георгіевскъ получить отъ Гудовича всѣ необходимыя свѣдѣнія и принять начальство надъ войсками, назначенными для похода. Въ распоряженіе его были командированы семь генераловъ и одинъ бригадиръ (въ томъ числѣ три человѣка, сдѣлавшихся вскорѣ извѣстными и сохранившими свои имена въ русской исторіи: Бенигсенъ, Циціановъ и Платовъ). Выступленіе предполагалось произвести самою раннею весною, чтобы, пользуясь лучшимъ временемъ года, можно было достигнуть какихъ либо результатовъ до наступленія сильныхъ жаровъ. Дѣйствія должны были открыться съ двухъ сторонъ: берегомъ Каспійскаго моря и со стороны Грузіи, для чего приказывалось скорѣе подкрѣпить колонну Сырохнева, приказать ей занять Тифлисъ, (до того она все время простояла въ Душетѣ) возстановить царя Ираклія не только въ столицѣ, но и въ прочихъ областяхъ и поддерживать его во всемъ для упроченія его власти и порядка въ царствѣ. Кромѣ того, этотъ отрядъ долженъ былъ поддержать армянскихъ меликовъ и Ибрагимъ-хана карабахскаго, сопротивлявшихся порабощенію Аги-Магометъ-хана, и вообще всѣхъ имъ притѣсненныхъ.

Корпусъ графа Зубова, подъ названіемъ каспійскаго, долженъ былъ устремиться вдоль береговъ моря, а особый отрядъ формируемый княземъ Циціановымъ въ Кизлярѣ и колонна Сырохнева, подъ названіемъ корпуса кавказскаго, долженъ былъ идти отъ Тифлиса внизъ по Курѣ до Ганжи, стараясь войти въ связь съ каспійскимъ корпусомъ. Послѣ этого, для повсемѣстнаго пораженія персидскихъ войскъ, считалось желательнымъ переправить карабахскаго хана на правый берегъ Аракса для соединенія и призыва къ общему дѣйствію Адербеджанскихъ хановъ; а каспійскому корпусу занять Дербентъ и въ сопровожденіи флотиліи двигаться для занятія Баку, стараясь привлечь на себя главныя силы персіянъ, чтобы об-

легчить тѣмъ дѣйствіе корпуса кавказскаго. «Начальные успѣхи оружія нашего, говоритъ императрица въ письмѣ Зубову, первые подвиги и оными пріобрѣтенная слава, разрѣшаютъ многія послѣдствія и облегчаютъ дальнѣйшія предпріятія».

Уничтоженіе властолюбивыхъ замысловъ Аги-Магометъ-хана, обезпеченіе безопасности Грузіи и желаніе сохранить за собою дѣйствительное вліяніе въ прибрежьяхъ Каспія, что уже по мысли Петра могло доставить Россіи неисчислимыя торговыя выгоды и открыть ей пути въ Среднюю Азію и Индію, составляли главную цѣль дѣйствій. Будутъ ли персидскія войска искать столкновенія съ русскими войсками, или станутъ отступать внутрь Персіи, графъ Зубовъ долженъ былъ соединить подъ свою команду всѣ части войскъ, очистить отъ персіянъ все пространство до Аракса, выждать пока пройдутъ жары и наступитъ осень благопріятная для дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ тоже время Адмиралъ Федоровъ долженъ былъ сдѣлать всѣ распоряженія для экспедиціи въ Гилянъ и высадки на тѣхъ берегахъ сильнаго десанта, съ цѣлью содѣйствовать возстановленію ханомъ сверженнаго шахомъ Муртазы-Кули-хана.

Для убѣжденія туземцевъ что наши успѣхи обратятся въ ихъ пользу, предписывалось Зубову слѣдить за безукоризненнымъ поведеніемъ войскъ, не притѣснять жителей, быть снисходительнымъ, справедливымъ, внимательнымъ къ просьбамъ, обезпечить ихъ собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ стараться объ утвержденіи въ вѣрности шамхала тарковскаго, уцмія кайтахскаго, хановъ казыкумыхскаго и аварскаго, не допуская наши войска до столкновенія съ лезгинами и другими горцами, дабы разореніемъ ихъ жилищъ, угономъ скота и проч., не озлоблять ихъ, не вызывать на мщеніе, вообще не хлопотать о покореніи людей, отъ сотворенія міра ни чьей власти не признававшихъ.

Оставивъ Петербургъ вскорѣ послѣ назначенія, графъ В. А. Зубовъ пріѣхалъ въ Кизляръ только 25-го марта. Сильная вьюга, застигшая его въ пути и продолжавшаяся день и ночь цѣлую недѣлю, значительно замедлила его путешествіе, тѣмъ

болѣе, что въ степи, между Астраханью и Кизляромъ, не осталось ни одной почтовой лошади—всѣ онѣ были истреблены небывалыми морозами и продолжительными мятелями.

Въ бытность свою въ Астрахани, графъ Зубовъ осмотрѣлъ находившіяся тамъ суда подчиненной ему каспійской эскадры. Вся флотилія наша на томъ морѣ состояла тогда изъ 12 военныхъ судовъ, изъ которыхъ пять находились въ Астрахани и семь у персидскихъ береговъ.

Поручивъ начальнику каспійской эскадры, контръ-адмиралу Федорову, озаботиться изготовленіемъ, по возможности, большаго числа транспортныхъ судовъ, графъ Зубовъ отправился къ Кизляръ, такъ какъ Гудовичъ, въ ожиданіи его прибытія, стягивалъ къ этому городу войска, назначенныя въ экспедицію, и для переправы ихъ черезъ рѣку Терекъ устраивалъ плавучій мостъ.

Въ составъ дѣйствующаго отряда были преимущественно назначены полки, находившіяся на кавказской линіи, а для замѣщенія ихъ на линіи были отправлены войска съ Дона, изъ Тавриды, изъ Екатеринославской и Воронежской губерній. Хотя большая часть изъ нихъ только выступила съ мѣста своего расположенія и была весьма удалена отъ мѣста назначенія, тѣмъ не менѣе Гудовичъ обѣщалъ графу Зубову собрать войска у Кизляра къ 10-му апрѣля, съ тѣмъ чтобы 12-го числа можно было выступить въ походъ.

На взаимномъ совѣщаніи графа Зубова съ Гудовичемъ признано необходимымъ измѣнить нѣсколько планъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ, и отмѣнить вовсе отправленіе кавказскаго корпуса черезъ горы въ Грузію.

Грузія была въ такомъ положеніи, что не только не могла предпринять войны наступательной, но требовала посторонней помощи для водворенія въ ней внутренняго порядка. Дѣла шли такъ, что въ странѣ этой, можно сказать, не существовало никакой законной власти. Ираклій, по безпорядкамъ своего правленія и по слабости характера, привелъ Грузію въ совершенное разстройство. Недавній громовой ударъ, разразившійся надъ страною, необразумилъ членовъ царскаго дома. Царевичи, по прежнему, не слушая отца, враждовали другъ

съ другомъ, возстановили противъ себя дворянство и образовали множество враждебныхъ партій. Преслѣдуя только собственные матеріальные интересы, царевичи приводили своихъ подданныхъ въ полное отчаяніе. Грузинъ не видѣлъ защиты своихъ интересовъ и зналъ, что его достояніе и имущество ничѣмъ необезпечены.

Принявъ Грузію подъ свое покровительство и защиту, русское правительство, даже по одному только чувству собственнаго достоинства, не могло оставить ее въ столь печальномъ состояніи.

Чтобы, съ своей стороны, содѣйствовать скорѣйшему возстановленію въ Грузіи и исполненію предположенныхъ плановъ относительно предстоявшихъ дѣйствій въ Персіи, Императрица Екатерина II, еще въ январѣ 1796 года, поручила Гудовичу отправить въ Грузію на усиленіе войскъ, тамъ находившихся, два баталіона пѣхоты съ восьмью орудіями, двѣнадцать эскадроновъ кавалеріи, и два полка казаковъ. Гудовичъ не находилъ возможнымъ исполнить это повелѣніе изъ опасенія, что посланныя въ Грузію войска умрутъ тамъ отъ голода. Царь Ираклій, хвалившійся тѣмъ, что можетъ продовольствовать 20,000 человѣкъ, въ дѣйствительности, съ приходомъ въ Грузію двухъ баталіоновъ Сырохнева, не въ состояніи былъ прокормить и ихъ, а между тѣмъ, грузины возили хлѣбъ въ значительномъ количествѣ въ Ганжу, гдѣ и продавали его за дорогую цѣну. Находясь съ войсками въ Ганжѣ, Ага-Магометъ-ханъ истребилъ всѣ бывшие тамъ запасы, такъ что жители принуждены были для собственнаго пропитанія покупать хлѣбъ и платить за него большія деньги.

Будучи не въ силахъ прекратить безпорядки въ странѣ и запретить вывозъ хлѣба изъ Грузіи, Ираклій предоставилъ полковнику Сырохневу самому заботиться о продовольствіи ввѣренныхъ ему войскъ и покупать провіантъ на русскія деньги, по мелочамъ, у мѣстныхъ жителей. Сырохневъ принужденъ былъ разосланъ команды и фуражировъ по разнымъ мѣстамъ Грузіи и пріобрѣтать продовольствіе съ большимъ затрудненіемъ. Скоро отпущенная въ его распоряженіе сумма истощилась и Гудовичъ отправилъ къ нему еще 4,000

червонныхъ. Зимнее время затрудняло доставку денегъ въ Грузію. «Во время зимы», доносилъ онъ, «черезъ снѣговую гору нельзя иначе переходить какъ пѣшимъ и на лыжахъ, то положа деньги на офицерахъ спрятанныя и нанявъ надежныхъ осетинцевъ, для ихъ провожденія, туда ихъ отправилъ».

При такихъ условіяхъ посылать въ Грузію еще большее число войскъ было бы весьма рисковано, тѣмъ болѣе, что переправа кавалеріи и обоза черезъ горы признавалась крайне затруднительною, а въ зимнюю пору почти невозможною. Доставка продовольствія съ кавказской линіи въ Грузію была немыслима, такъ какъ подвижной магазинъ долженъ былъ состоять изъ множества повозокъ, по недостатку лошадей, запряженныхъ волами, которые не въ силахъ были карабкаться на каменистые утесы и спускаться съ отвѣсныхъ скалъ въ глубокія ущелья.

Основываясь на этомъ, какъ Гудовичъ, такъ и графъ Зубовъ считали болѣе раціональнымъ оставить отрядъ Сырохнева безъ подкрѣпленій, тѣмъ болѣе, что опасности для него никакой не предвидѣлось и два баталіона русскихъ войскъ могли смѣло оставаться въ Грузіи, въ ожиданіи прибытія туда войскъ кавказскаго корпуса, направленныхъ инымъ путемъ, хотя и обходнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ.

Слѣдуя быстро къ Дербенту, а оттуда къ Баку, графъ Зубовъ имѣлъ всегда возможность ввести войска кавказскаго корпуса въ Грузію черезъ Шемаху и двинуть ихъ далѣе къ Ганжѣ, лишь бы только обезпечено было ихъ продовольствіе. Поэтому рѣшено было, что когда войска, назначенныя въ составъ кавказскаго корпуса, соберутся у Кизляра, то отправить ихъ вслѣдъ за каспійскимъ корпусомъ, а для продовольствія какъ двухъ баталіоновъ, находившихся въ Грузіи, такъ и тѣхъ, которые прибудутъ туда впослѣдствіи, черезъ Шемаху, устроить въ Тифлисѣ магазинъ и поручить Сырохневу заготовить провіантъ на три мѣсяца для 5,000 человѣкъ.

Особенности грузинскаго быта и недавнее разореніе страны уничтожали всякую надежду на успѣшное заготовленіе продовольствія; тѣмъ не менѣе, Сырохневу поручено было стараться закупить провіанта сколько окажется возможнымъ

и устроиться такъ, чтобы не только не возбудить противъ себя неудовольствіе со стороны жителей, но снискать ихъ расположеніе и полную готовность оказывать ему во всемъ содѣйствіе и пособіе.

Въ случаѣ если бы царь Ираклій сталъ просить помочь ему въ наказаніи ганжинскаго хана, то Сырохневъ, имѣя постоянно въ виду незначительность своего отряда, долженъ былъ отклонить эту просьбу, подъ предлогомъ того, что въ Грузію ожидается прибытіе новыхъ войскъ, отъ начальника которыхъ онъ не получивъ еще никакихъ разрѣшеній. Но если бы Ираклій потерпѣлъ неудачу и былъ преслѣдуемъ ганжинскимъ ханомъ, тогда Сырохневъ долженъ былъ занять выгодное мѣсто, могущее совершенно оградить отъ самомалѣйшаго вреда порученный ему отрядъ и, сдѣлавъ запасъ для его продовольствія, ожидать прибытія Кавказскаго корпуса, а до тѣхъ поръ отнюдь не отваживать силъ своихъ ни на какую опасность,

Распорядившись такимъ образомъ, графъ Зубовъ сталъ готовиться къ походу. Назначенныя въ составъ каспійскаго корпуса войска сходились весьма медленно и къ 10-му апрѣля только часть ихъ была сосредоточена у Кизляра; кавказскій же корпусъ еще не собирался и когда онъ будетъ готовъ—опредѣлить было трудно. Опасаясь пропустить удобное время для похода и опоздать выступленіемъ, графъ Зубовъ рѣшился не ожидать окончательнаго сбора всѣхъ частей, и 10-го апрѣля принялъ начальство надъ собиравшимся отрядомъ, численность котораго доходила до 12, 323 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣхоты 6,190 штыковъ.

Передъ выступленіемъ въ походъ, отрядъ этотъ, состоявшій изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, двадцати эскадроновъ кавалеріи, семи казачьихъ командъ и двадцати одного орудія полевой артилеріи, былъ раздѣленъ графомъ Зубовымъ на четыре бригады: двѣ пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскихъ

Генералъ-маіоръ князь Циціановъ оставленъ былъ въ Кизлярѣ до окончательнаго сформированія кавказскаго корпуса. Принявъ его въ свою команду, князь Циціановъ долженъ былъ слѣдовать на соединеніе съ каспійскимъ корпусомъ.

Послѣдній, 10-го апрѣля переправился черезъ рѣку Терекъ по наведенному мосту и сдѣлавъ одинъ переходъ, принужденъ былъ остановиться у Лащуринскаго форпоста на рѣкѣ Каргинѣ. Суровая и холодная зима, несвойственная тамошнему климату, и непрестанныя вьюги были причиною остановки. Подножнаго корма вовсе не было; запасы провіанта и фуража оказались весьма ограниченными и потому двигаться далѣе было невозможно. Графъ Зубовъ возвратился въ Кизляръ, чтобы принять безотлагательныя мѣры къ обезпеченію войскъ продовольствіемъ. Подвижной магазинъ не былъ еще сформированъ и не могъ быть переправленъ черезъ рѣку Терекъ ранѣе 16-го апрѣля, по причинѣ недостатка фуръ и воловъ; хотя для закупки ихъ и были разосланы комиссіонеры въ разныя мѣста Россіи, но, по полученнымъ отъ нихъ свѣдѣніямъ, въ половинѣ апрѣля могла быть переправлена черезъ рѣку Донъ только третья часть воловъ и фуръ и, слѣдовательно, они могли прибыть на линію только къ концу мая. Направленные изъ внутреннихъ губерній рекруты, для исполненія обязанности погоньщиковъ, также не прибыли и ожидались не прежде іюня мѣсяца. Поэтому, чтобы неостановить экспедиціи до наступленія жаровъ, Гудовичъ собралъ сколько возможно было ногайскихъ арбъ и нанялъ фуры частныхъ лицъ, съ обязательствомъ платить имъ помѣсячную плату. Сборъ этихъ подводъ и нагрузка провіанта также требовали времени и потому, какъ ни торопился графъ Зубовъ выступить въ походъ, онъ не могъ этого сдѣлать ранѣе 18-го апрѣля. Только къ этому дню, при усиленной дѣятельности гр. Гудовича, могла быть сформирована часть подвижнаго магазина, назначеннаго слѣдовать за арміею.

18-го апрѣля войска, назначенныя для экспедиціи въ Персію, двинулись по направленію къ Дербенту, имѣя за собою, сверхъ полковаго обоза, 1,414 фуръ съ боевыми припасами и продовольствіемъ. Независимо отъ этого, графъ Зубовъ предписалъ контръ-адмиралу Федорову, нагрузивъ въ Астрахани десять транспортныхъ судовъ, отправить ихъ, подъ прикрытіемъ одного военнаго судна, къ Дербенту, куда самъ спѣшилъ на соединеніе съ отрядомъ генералъ-маіора Савельева.

Послѣдній, вступивши во владѣніе Шейхъ-али-хана дербентскаго, отправилъ къ нему посланнаго со вторичнымъ требованіемъ, чтобы ханъ прислалъ довѣреннѣйшихъ чиновниковъ для заключенія оборонительнаго союза противъ Аги-магометъ-хана. Отвѣчая отказомъ, Шейхъ-али-ханъ писалъ, что не узнаетъ и не видитъ повелѣнія императрицы, разрѣшающей вступленіе русскихъ войскъ въ его владѣнія, и что хотя онъ и просилъ прежде о присылкѣ ему денегъ для найма войскъ противъ Аги-магометъ-хана, но тогда онъ не зналъ могущества персидскаго властителя; теперь же онъ не рѣшается впустить въ городъ столь малый отрядъ русскихъ, изъ опасенія, что не только его владѣнія около Кубы будутъ разорены персіянами, но и отрядъ русскихъ войскъ можетъ также пострадать.

«Ежели и большее число русскихъ войскъ придетъ», говорилъ ханъ, «то и тогда можетъ быть кровопролитіе».

На повторенное требованіе,—впустить русскія войска въ городъ,—ханъ отвѣчалъ отказомъ.

— «Я не могу этого сдѣлать», говорилъ Шейхъ-али-ханъ, «потому что впустивъ русскія войска въ городъ, долженъ расположить ихъ по квартирамъ, а по нашему закону имѣть иновѣрца на постоѣ строго воспрещается. Наши жены, по обычаю, не должны встрѣчаться съ невѣрными, отчего произойдетъ жителямъ большое стѣсненіе».

Противясь вступленію русскихъ войскъ въ Дербентъ, Шейхъ-али высказывалъ намѣреніе защищаться. Посланный къ нему для переговоровъ маіоръ Ахвердовъ былъ задержанъ въ Дербентѣ, гдѣ обращались съ нимъ весьма дурно. Ханъ держалъ его подъ присмотромъ и хотѣлъ отправить въ лагерь Аги-магометъ-хана, у котораго просилъ помощи, но потомъ, по совѣту уцмія каракайтакскаго, оставилъ свое намѣреніе и отпустилъ Ахвердова къ отряду. Шейхъ-али-хану объявлено было, что если онъ не отопретъ ворота, то русскія войска будутъ бомбардировать городъ. Ханъ не только отвѣчалъ отказомъ, но когда Савельевъ подошелъ къ Дербенту, то выслалъ противъ него свою конницу, которая открыла огонь по нашимъ казакамъ. Савельевъ отошелъ отъ города и располо-

жился лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ него. На слѣдующій день онъ занялъ высоты, командующія Дербентомъ, на которыхъ и устроилъ батарею, не далѣе 200 саженъ отъ городской стѣны.

Съ открытіемъ огня этой батареи, Шейхъ-али-ханъ прислалъ парламентера съ просьбою не стрѣлять по городу. Онъ говорилъ, что готовъ бы впустить въ Дербентъ русскія войска, но боится быть наказаннымъ за свои поступки, и потому, въ обезпеченіе себя, проситъ, чтобы русскіе выдали ему аманата. Хотя требованіе это, несовмѣстное съ достоинствомъ и честью русскаго оружія, доказывало, что Шейхъ-али не имѣетъ искренняго намѣренія покориться и желаетъ только протянуть время, пока возвратится его посланный отъ Аги-магомета-хана, тѣмъ не менѣе Савельевъ велъ съ ханомъ переговоры, потому что войска наши нуждались въ отдохновеніи.

Въ то время въ горахъ стояла погода, небывалая по тамошнему климату: то дождь съ сильнымъ вѣтромъ, то снѣгъ съ вьюгою изнуряли войска. Давая имъ отдыхъ и переговариваясь съ Шейхъ-али-ханомъ, генералъ Савельевъ, въ тоже время, строилъ вторую батарею, которая вскорѣ и открыла огонь. Дербентцы защищались; укрывшись во рвахъ садовъ, они вели перестрѣлку съ нашими войсками, но скоро были прогнаны баталіономъ егерей, посланныхъ подъ начальствомъ полковника Мансурова.

Шейхъ-али-ханъ выслалъ вторично парламентера, прося Савельева остановить дѣйствія и дозволить ему послать письмо графу Гудовичу, съ тѣмъ, чтобы до полученія отвѣта, русскія войска отступили отъ города на 15 верстъ. Савельевъ отказался исполнить просьбу хана, тѣмъ болѣе, что по полученнымъ свѣдѣніямъ, посланный хана возвратился изъ персидскаго лагеря съ крайне неудовлетворительнымъ отвѣтомъ. Ага-магометъ-ханъ отказался подать помощь жителямъ Дербента и вслѣдъ затѣмъ снявшись съ Муганской степи отступилъ внутрь Персіи. Уходя, онъ захватилъ съ собою женъ и дѣтей хановъ: хойскаго, нахичеванскаго, эриванскаго и другихъ, считая плѣнныхъ лучшими заложниками въ вѣрности самыхъ хановъ.

Отступленіе Аги-магометъ-хана было крупнымъ явленіемъ въ жизни народовъ, населяющихъ Закавказье. Нѣкоторые владѣльцы радовались такому отступленію, другіе были недовольны имъ. Ханы шекинскій и шемахинскій выгнали оставшихся персіянъ изъ своихъ владѣній и возстановили въ нихъ спокойствіе и тишину. Бакинскій ханъ хотя и присягнулъ на подданство Россіи, но видя, что со стороны Персіи гроза миновала, по вѣроломству, свойственному всѣмъ азіатскимъ народамъ, отправилъ въ Дербентъ на помощь двѣ пушки съ прислугою. Уцмій каракайтахскій также колебался; хотя онъ искалъ подданства Россіи и даже прислалъ своего посланнаго въ Георгіевскъ для заключенія условій, но посланный этотъ вскорѣ послѣ пріѣзда скрылся неизвѣстно куда, а на мѣсто его уцмій другаго не присылалъ. Коварный и явно непріязненный Россіи Хамбутай казыкумыкскій склонялся на сторону дербентскаго хана, обѣщая ему свою помощь и содѣйствіе. Въ подобномъ же расположеніи къ намъ были кадій акушинскій и Али-султанъ дженгутайскій. Шушинскій Ибрагимъ-ханъ болѣе другихъ радовался отступленію персіянъ и хвалился тѣмъ, что не покорился Агѣ-магометъ-хану.

Не лучше было положеніе и Шейхъ-али-хана дербентскаго. Видя передъ городомъ русскія войска, онъ ежеминутно ожидалъ, что они выгонятъ его изъ Дербента: ханъ хлопоталъ о привлеченіи на свою сторону большаго числа союзниковъ и успѣлъ получить помощь отъ Хамбутая казыкумыкскаго и отъ другихъ, сопредѣльныхъ ему дагестанскихъ владѣльцевъ. По слухамъ, въ Дербентѣ собралось до 10,000 человѣкъ, рѣшившихся защищаться. Имѣя въ виду, что отрядъ Савельева, состоявшій только изъ 4,180 человѣкъ, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны Шейхъ-али-хана, и что стоя немалое время подъ крѣпостью, какъ бы пріучилъ ее взирать безъ страха на побѣдоносное русское оружіе и что за подобное оскорбленіе Савельева отрядъ отмстить самъ по себѣ недостаточенъ, графъ Зубовъ предписалъ Савельеву отступить отъ города, занять выгодную позицію, быть какъ возможно болѣе осторожнымъ и ожидать прибытіи главныхъ силъ, съ которыми Зубовъ уже выступилъ въ Дагестанъ.

Отрядъ графа Зубова, первое время подвигался довольно быстро, такъ что 23-го апрѣля достигъ до р. Озени, гдѣ и расположился лагеремъ. Сюда возвратился посланный въ окрестности Дербента астраханскій житель Сергѣй Богдановъ. Онъ донесъ главнокомандующему, что Шейхъ-али-ханъ получивъ значительную помощь отъ Хамбутая казыкумыкскаго, съ которымъ, видѣвшись 21-го числа, оба союзника положили собрать до 3,000 войскъ пройти черезъ Табасаранскія и Каракайдакскія ущелья и напасть на отрядъ Савельева съ тыла. Въ тотъ же день извѣстіе это подтверждено было и генералъ-маіоромъ Савельевымъ, который доносилъ, что бывшіе при его отрядѣ дагестанцы, смутившись этою вѣстью, оставили его отрядъ и возвратились въ свои дома. Враждебное намѣреніе Шейхъ-али-хана заставило графа Зубова поторопиться соединеніемъ съ отрядомъ Савельева.

25-го апрѣля войска каспійскаго корпуса были уже въ Таркахъ, гдѣ, за три версты отъ города, были встрѣчены шамхаломъ съ сыновьями и съ нѣкоторыми изъ сопредѣльныхъ ему малыхъ владѣльцевъ. Принявъ явившихся ласково, графъ Зубовъ подарилъ шамхалу часы, осыпанные бриліянтами, въ 1,325 рублей.

По выступленіи изъ Тарковъ, отрядъ сдѣлалъ два перехода и 27-го апрѣля достигъ р. Урусай-булакъ. Переходъ отъ р. Маняса до этой послѣдней рѣчки былъ особенно затруднителенъ. То поднимаясь почти на отвѣстныя скалы, то опускаясь въ глубокія ущелья и слѣдуя по излучистому и узкому дну ихъ, войска тянулись длинною вереницею на нѣсколько верстъ. Артиллерія и огромное число повозокъ еще болѣе затрудняли движеніе; выпрягая лошадей и воловъ, солдаты перетаскивали орудія и фуры на себѣ, то спуская, то подымая ихъ въ гору. Въ двѣнадцать часовъ времени отрядъ прошелъ 29 верстъ и остановился лагеремъ у рѣчки Урусай-булакъ. Сюда прибыли съ изъявленіемъ своей покорности братъ уцмія каракайдакскаго и сынъ кадія табасаранскаго. Депутаты передали графу Зубову письма ихъ владѣльцевъ, въ которыхъ послѣдніе высказывали преданность Россіи и готовность на всѣ услуги.

Въ разговорѣ съ посланными главнокомандующій узналъ, что черезъ земли ихъ есть такія дороги, по которымъ, хотя и съ трудомъ, войска могутъ двигаться и подойти къ Дербенту съ противоположной южной стороны. Графъ Зубовъ тотчасъ же воспользовался этимъ указаніемъ и отправилъ съ депутатами капитана Симановича, поручивъ ему сдѣлать самую тщательную рекогносцировку этихъ дорогъ.

Симановичъ донесъ, что хотя дороги эти неудобны и весьма затруднительны для движенія, но все-таки не могутъ считаться непроходимыми. Тогда графъ Зубовъ предписалъ генералъ-маіору Булгакову присоединить къ своей бригадѣ двѣ роты гренадеровъ Владимірскаго полка, полки Астраханскій и Таганрогскій драгунскіе, всѣхъ Хоперскихъ и Семейныхъ казаковъ, шесть орудій съ необходимымъ числомъ инженерныхъ чиновъ, и, обезпечивъ себя провіантомъ на 20 дней, слѣдовать къ Дербенту по указанію капитана Симановича.

Для большей увѣренности въ безопасности движенія, Булгакову поручено было взять съ собою брата уцмія каракайдакскаго и сына кадія табасаранскаго, съ нѣсколькими человѣками, приближенныхъ имъ людей, а подойдя къ Дербенту, рекогносцировать крѣпость и на выгодныхъ пунктахъ построить батареи.

Предполагая подойти къ Дербенту не позже 2-го мая, графъ Зубовъ просилъ Булгакова, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ движеніемъ, и могъ въ тотъ же день обложить городъ съ противоположной стороны. Съ этою цѣлью, для облегченія движенія, ему приказано было взять съ собою только самое необходимое число повозокъ.

Зная о приближеніи русскихъ войскъ къ Дербенту и недовольствуясь помощью одного Сурхай-хана казыкумыкскаго, Шейхъ-Али-ханъ просилъ содѣйствіе Омаръ-хана аварскаго, обѣщая выдать за него свою сестру, долго несоглашавшуюся быть его женою и, наконецъ, рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ турецкому правительству. Снабдивъ своего посланнаго подарками, на сумму до 30,000 руб. и 10,000 р. денегъ, Шейхъ-Али-ханъ отправилъ его черезъ Эрзерумъ въ Константинополь.

Порта оставила просьбу эту безъ всякаго отвѣта и Шейхъ-

Али-хану пришлось возложить всю свою надежду на дагестанскихъ союзниковъ.

Въ ожиданіи прибытія ихъ войскъ, дербентскій ханъ усиливалъ крѣпость, заваливалъ излишнія ворота и строилъ каменную башню на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была насыпана Савельевымъ батарея, противъ воротъ, у замка Нарынъ-Кале.

Въ Дербентѣ существовали въ то время двѣ партіи, враждебныя другъ другу. Одна, состоявшая изъ жителей города, не желая подвергать опасности свои семейства, требовала покорности русскимъ; другая, состоявшая изъ пришельцевъ отъ разныхъ горскихъ народовъ, требовала защиты и отстаиванія своей независимости.

Получивъ свѣдѣніе, что въ Дербентѣ происходитъ борьба партій, графъ Зубовъ тотчасъ же по соединеніи на р. Дарбахъ съ отрядомъ Савельева, отправилъ въ городъ своего посланнаго. съ прокламаціею къ Шейхъ-Али-хану и всѣмъ жителямъ.

Прокламація эта не имѣла успѣха и отрядъ графа Зубова, 2-го мая, подошелъ къ Дербенту. Версты за четыре отъ города, передовые наши казачьи разъѣзды были встрѣчены огнемъ дербентскихъ наѣздниковъ и стрѣлковъ, засѣвшихъ по горамъ и оврагамъ. Перестрѣлка эта продолжалась болѣе трехъ часовъ, до тѣхъ поръ, пока спѣшившіеся казаки и егеря не вытѣснили непріятеля изъ засадъ и не принудили его запереться въ крѣпости.

Войска подошли къ городу и расположились по высотамъ его окружающимъ.

Дербентская крѣпость раздѣлялась на три части: первая или верхняя, почти примыкавшая къ горамъ, состояла изъ сильно укрѣпленнаго природою и искуствомъ замка Нарынъ-Кале; вторая, собственно Дербентомъ называемая, состояла изъ стѣны, окружавшей жилой городъ, и, наконецъ, третья часть, ближайшая къ морю, и извѣстная подъ именемъ Дубари, хотя и была окружена стѣною, но не заселена жителями. Эта часть отдѣлялась отъ жилаго города поперечною стѣною и служила мѣстомъ, гдѣ дербентцы содержали свой скотъ. Населенная

часть города была окружена непрерывною стѣною, сложенною изъ дикаго камня, до семи саженъ вышины. Постепенно съуживаясь къ верху, стѣна эта имѣла въ своемъ основаніи до двухъ саженъ толщины, оканчивалась зубцами и была усѣяна цѣлымъ рядомъ башенъ, число которыхъ доходило до восьмидесяти: десять большихъ, десять среднихъ, а остальныя малыя. Впереди стѣнъ, на западной оконечности города, саженяхъ въ шестидесяти отъ нихъ, была устроена башня именно съ той стороны, откуда ожидалось прибытіе русскихъ войскъ. Крѣпостныя стѣны были вооружены пушками и нѣсколькими фалконетами, для которыхъ жители ежедневно приготовляли заряды и выдѣлывали порохъ. Защитники болѣе всего опасались ночнаго нападенія и потому всю ночь проводили на стѣнахъ, а днемъ спали. Оборона распредѣлялась такимъ образомъ: всѣ большія башни имѣли гарнизона до 100 человѣкъ, среднія—50, а малыя—отъ 15 до 20 человѣкъ; въ интервалахъ между башнями, вдоль крѣпостной стѣны, разставлялась частая цѣпь, и затѣмъ всѣ остальные защитники располагались въ городѣ близъ стѣнъ.

Осматрѣвъ городъ и произведя рекогносцировку окружающей его мѣстности, графъ Зубовъ видѣлъ, что прежде всего необходимо овладѣть передовою башнею, которая, закрывая большую часть стѣнъ, препятствовала не только устройству батарей, но и сообщенію между войсками. Онъ приказалъ тотчасъ же открыть огонь изъ нѣсколькихъ орудій по разнымъ частямъ города и направить выстрѣлы одной двѣнадцатифунтовой пушки исключительно противъ башни. Выпущенные четыре ядра не произвели никакого дѣйствія на ея стѣны, и потому огонь былъ прекращенъ. Видя, что огонь нашей артиллеріи противъ башни недѣйствителенъ, и предполагая, что внутри ея можетъ помѣститься не болѣе семидесяти человѣкъ гарнизона, графъ Зубовъ рѣшился овладѣть ею штурмомъ.

Съ этою цѣлью, въ ночь на 3-е мая, главнокомандующій приказалъ шести ротамъ Воронежскаго пѣхотнаго полка овладѣть башнею. Штурмъ этотъ не удался; воронежцы подошли къ башнѣ, и, не имѣя лѣстницъ, могли только окружить, но не штурмовать ее. Частый огонь непріятеля заставилъ скоро

отказаться отъ овладѣнія башнею, оказавшеюся четырехъ-ярусною и весьма крѣпкой кладки. Командовавшій баталіономъ, полковникъ Кривцовъ и почти всѣ офицеры были переранены, поэтому генералъ Римскій-Корсаковъ, распоряжавшійся штурмомъ, приказалъ Воронежцамъ отступить.—Баталіонъ отошелъ на прежнюю свою позицію, потерявъ 25 человѣкъ убитыми и 72 ранеными.

Въ тотъ же день графъ Зубовъ приказалъ заложить батарею на четыре орудія для дѣйствія противъ внѣшнихъ башенъ, расположенныхъ по сѣверную сторону замка Нарынъ-Кале. Съ своей стороны непріятель подвелъ въ прикрытіе передовой башни около 500 человѣкъ гарнизона, который и расположился во рву между стѣною и башнею.

Во все это время объ отрядѣ Булгакова не было еще никакихъ извѣстій. Предполагая, что трудность пути была причиною его замедленія, графъ Зубовъ послалъ нарочнаго черезъ табасаранскія горы съ приказаніемъ, чтобы Булгаковъ поспѣшилъ къ городу и, подходя къ нему, занялъ находящееся вблизи Дербента старое укрѣпленіе и вошелъ въ сношеніе съ главнымъ отрядомъ,

Булгакову пришлось пройти слишкомъ восемьдесятъ верстъ и въ томъ числѣ двадцать весьма трудною дорогою. Кадій табасаранскій самъ сопровождалъ отрядъ черезъ всѣ свои владѣнія, ежеминутно выпрашивалъ себѣ разные подарки и съ особымъ удовольствіемъ слушалъ музыку и полковыхъ пѣсенниковъ. Постоянное пребываніе кадія въ нашемъ лагерѣ не помѣшало брату его сообщить Шейхъ-али-хану, что русскихъ войскъ не болѣе 8,000 человѣкъ, такъ полагалъ онъ, видя только одинъ отрядъ Булгакова; но дербентцы, послѣ обложенія крѣпости, считали русскихъ войскъ не менѣе 20,000 человѣкъ,

1-го мая Булгаковъ сталъ подниматься близъ селенія Дарбахъ на главный табасаранскій хребетъ по весьма узкой тропинкѣ, проложенной въ дремучемъ лѣсу, гдѣ могла пройти только одна фура. Трехверстный подъемъ былъ столь крутъ, что слѣдованіе артиллеріи и обоза было весьма затруднительно, такъ что до половины дня могли переправить черезъ гору

только одинъ баталіонъ пѣхоты и казаковъ, съ ихъ обозами. Почти всѣ люди и верховыя лошади были употреблены въ помощь упряжнымъ. Къ довершенію затрудненій, послѣ полудня, пошелъ дождь, продолжавшійся до слѣдующаго утра. Глинистая почва горы распустилась и сдѣлалась на столько скользкою, что въ помощь шести лошадямъ, запряженнымъ въ 12-ти фунтовое орудіе, принуждены были посылать до 200 человѣкъ солдатъ, но и тѣ едва могли сдвинуть орудіе съ мѣста.

Только въ одиннадцать часовъ утра, 2-го мая, весь отрядъ Булгакова могъ подняться на гору. Здѣсь рѣшено было, для ускоренія движенія, оставить обозъ подъ прикрытіемъ двухъ гренадерскихъ ротъ и идти на легкѣ. Отрядъ спустился съ горы, прошелъ сквозь тѣсное и глубокое ущелье, по дну котораго протекала рѣчка, и ночью 2-го мая достигъ границы владѣній хана дербентскаго.

Оставивъ далеко позади себя обозъ, войска принуждены были пронести ночь безъ палатокъ. Проливной дождь все еще не прекращался; вода горной рѣчки, быстро возвышаясь, вышла изъ береговъ и въ нѣсколько часовъ наводнила всю окрестность. За неимѣніемъ сухаго мѣста, люди всю ночь простояли въ водѣ, не смыкая глазъ и не имѣя возможности отдохнуть. Только ясное и теплое утро 3-го мая дало возможность солдатамъ обогрѣться и обсушиться. Въ одиннадцать часовъ утра Булгаковъ выступилъ далѣе и въ часъ пополуночи подошелъ къ Дербенту.

На послѣднемъ переходѣ, отряженная имъ впередъ казачья сотня захватила въ плѣнъ пять человѣкъ армянъ и одного персіянина, а вслѣдъ затѣмъ, была встрѣчена выстрѣлами непріятеля, вышедшаго изъ города въ числѣ до 500 человѣкъ. Для поддержанія сотни, Булгаковъ отправилъ сначала бывшихъ при его отрядѣ остальныхъ казаковъ, а затѣмъ и оба драгунскіе полка. Часть драгунъ, спѣшившись, стала тѣснить персіянъ съ фланга въ то время, когда казаки атаковали ихъ съ фронта. Дербентцы отступали къ крѣпости и столпившихъ у воротъ ея, были разсѣяны выстрѣлами выдвинутыхъ впередъ орудій.

Съ отступленіемъ непріятеля, Булгаковъ протянулъ цѣпь съ одной стороны до самаго моря, а съ другой до соединенія съ цѣпью отряда графа Зубова.

Такимъ образомъ, Дербентъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ и ни жителямъ не было возможности выбраться изъ города, ни союзникамъ Шейхъ-Али-хана оказать ему помощь. Будучи отрѣзаны со всѣхъ сторонъ, дербентцы пытались устроить сообщеніе моремъ, но и это имъ не удалось, такъ какъ отправленная ими лодка, съ нѣсколькими вооруженными людьми, была захвачена нашими казаками, лишь только стала причаливать къ берегу. Посланные не ожидали, чтобы русскіе посылали свои разъѣзды такъ далеко отъ города, и потому, высаживаясь, считали себя внѣ всякой опасности. Выбравшись на берегъ, они должны были разойтись по разнымъ дорогамъ и спѣшить къ хану бакинскому, Хамбутаю казыкумыкскому и другимъ владѣльцамъ Дагестана, съ просьбою о помощи и съ извѣстіемъ о первой побѣдѣ надъ русскими.

Въ ночь съ 6-го на 7-е мая, была построена нами вторая брешь-батарея на три орудія. Въ семь часовъ утра, батарея эта, вооруженная 12-ти фунтовыми пушками, открыла огонь противъ передовой башни, но послѣ восьмидесяти выстрѣловъ оказалось, что на башнѣ были сбиты только одни зубцы и то не до самыхъ стѣнъ, оставшихся невредимыми. Заложить траншею противъ башни не представлялось никакой возможности по каменистости грунта, слѣдовательно, для овладѣнія ею было единственное средство — штурмъ.

Въ составъ штурмующей колонны назначены были двѣ гренадерскія роты Воронежскаго полка и третій баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса. Въ девять съ половиною часовъ утра, 7-го мая, графъ Зубовъ приказалъ гренадерамъ штурмовать башню въ своемъ присутствіи и въ виду непріятеля, унизавшаго всѣ стѣны города.

— «Ты насъ увидишь!» говорили гренадеры, обращаясь къ кургану, на которомъ стоялъ главнокомандующій, и съ крикомъ «ура!» бросились къ укрѣпленію.

Не обращая вниманія на огонь непріятеля, Воронежцы быстро окружили башню и, спустя нѣсколько секундъ, поручикъ

Чекрылаевъ съ нѣсколькими нижними чинами былъ уже на башнѣ. Тамъ завязалось горячее дѣло: одни кололи засѣвшаго въ башнѣ непріятеля, другіе ломали перемостки, желая пробраться въ средній и нижній этажи. Штыками, камнями и всѣмъ, что попадало подъ руку, ломали Воронежцы перемостки до тѣхъ поръ, пока не обрушились на головы засѣвшихъ въ среднемъ и нижнемъ этажахъ и не перекололи ихъ.

Пока гренадеры работали въ башнѣ, баталіонъ егерей атаковалъ прикрытіе, вогналъ его въ крѣпость и около полудня башня была въ нашихъ рукахъ: не смотря на отчаянную храбрость ея защитниковъ.

Паденіе башни неумалило рѣшимости Шейхъ-Али-хана защищаться. Онъ все еще надѣялся на помощь дагестанцевъ, подъ клятвою обѣщавшихъ оказать ему свое содѣйствіе. И дѣйствительно, многіе изъ тѣхъ владѣльцевъ, которые предлагали свои услуги графу Зубову, въ тайнѣ собирали войска на помощь Шейхъ-Али-хану. Скопища ихъ появлялись въ разныхъ мѣстахъ, желая проникнуть въ Дербентъ, но, находя всѣ пути прегражденными, не смѣли нападать на русскія войска. Только одна изъ такихъ партій напала на обозъ генерала Булгакова и успѣла захватить двѣнадцать фуръ съ погоньщиками.

«Я, обложивъ непріятельскій городъ» доносилъ графъ Зубовъ, есмь теперь взаимно какъ бы окруженъ непріятелями. За всѣмъ симъ, всемилостивѣйшая государыня, буде по теперешнему моему положенію и долженствую содержать денно и нощно въ сугубомъ напряженіи воинскую въ станахъ осторожность, но при порядкѣ, который, впрочемъ не токмо не изнуряетъ солдатъ, но еще придаетъ имъ бодрости и духа, твердо уповаю разрушить всѣ злоумышленія противниковъ волѣ вашего величества и наказать ихъ одно за другимъ».

Паденіе передовой башни дозволило намъ, спустившись съ каменистыхъ высотъ, заложить траншеи въ весьма близкомъ разстояніи отъ города. Желая воспользоваться невольнымъ впечатлѣніемъ, которое произвело это паденіе на жителей Дербента, во множествѣ высыпавшихъ на стѣны города и слѣдившихъ за штурмомъ, графъ Зубовъ приказалъ приготовить къ вечеру того же дня все необходимое для заложенія тран-

шей. Къ закату солнца все было готово и, по осмотру мѣстности, рѣшено вести подступы противъ замка Нарынъ-Кале, какъ командующаго надъ всѣмъ жилымъ городомъ.

Хотя графъ Зубовъ, не имѣя вовсе осадной артиллеріи, и сознавалъ, что твердость стѣны можетъ долго противостоять 12-ти фунтовымъ пушкамъ,—наибольшему калибру у него бывшему, но надѣялся постепеннымъ приближеніемъ батарей къ городу и сокращеніемъ дальности выстрѣловъ овладѣть Дербентомъ.

Къ разсвѣту 8-го мая траншея была окончена и построены двѣ брешь-батареи: одна на пять, другая—на шесть 12-ти фунтовыхъ пушекъ. Послѣдняя была расположена въ сорока саженяхъ отъ крѣпостной стѣны. Съ самаго ранняго утра этого дня было открыто бомбардированіе Дербента, но, не смотря на самый усиленный огонь, намъ неудалось произвести ни одного пожара въ городѣ, гдѣ всѣ дома были каменные, весьма прочной постройки и безъ признаковъ дерева. Имѣя стѣны толщиною отъ полутора до двухъ аршинъ, каждый домъ представлялъ собою видъ укрѣпленнаго замка, взять который можно было не иначе, какъ штурмомъ. При узкости улицъ, присущей всѣмъ азіятскимъ городамъ, такой штурмъ оказывался весьма затруднительнымъ для атакующаго и, наоборотъ, всѣ выгоды для обороняющагося. Засѣвъ въ своихъ домахъ и имѣя значительный запасъ продовольствія, дербентцы, при единодушіи, могли обороняться упорно и долго; но среди ихъ, какъ извѣстно, существовало двѣ партіи: одна—требовавшая мира и покорности, другая—сопротивленія и защиты крѣпости. Естественно, что туземное населеніе, по своей многочисленности, имѣло перевѣсъ надъ пришельцами и требовало, чтобы ханъ сдалъ крѣпость. Опасаясь долгимъ сопротивленіемъ возстановить противъ себя жителей. Шейхъ-Али-ханъ, на другой день послѣ открытія бомбардированія, отправилъ въ русскій лагерь для переговоровъ одного муллу, изъ числа наиболѣе ему преданныхъ.

Вечеромъ 9-го мая, мулла вышелъ изъ крѣпости и явился въ лагерь Булгакова. Онъ просилъ, чтобы русскіе отправили къ Шейхъ-Али-хану одного изъ довѣренныхъ лицъ, знающаго ихъ языкъ, для переговоровъ съ ханомъ. На донесеніе Бул-

гакова главнокомандующему о прибытіи муллы, графъ Зубовъ приказалъ отпустить муллу обратно въ крѣпость, подъ предлогомъ того, что ему придется долго ждать отвѣта главнокомандующаго и что на слѣдующій день Шейхъ-Али-ханъ можетъ отправить своего посланнаго прямо къ графу Зубову.

Присылка муллы была весьма важнымъ происшествіемъ этого дня: становилось яснымъ, что жители города не намѣрены долго противиться нашимъ усиліямъ, и что они сдадутъ крѣпость при первомъ удобномъ случаѣ. Желаніе Шейхъ-Али покориться было тѣмъ болѣе важно, что, не смотря на учащенный огонь нашихъ брешь-батарей, имъ не удавалось сдѣлать пролома ни въ башнѣ, ни въ прилежащей къ ней стѣнѣ.

Заручившись желаніемъ хана покориться, графъ Зубовъ приказалъ на слѣдующее утро, 10-го мая, открыть самый усиленный огонь, продолжавшійся до двухъ часовъ пополудни, т. е. до тѣхъ поръ, пока намъ удалось таки сдѣлать въ башнѣ брешь.

Башня рушилась «и чрезъ образовавшійся проломъ» доносилъ Зубовъ, «блеснуло въ очи непріятелю побѣдоносное русское оружіе, приготовленными къ штурмованію замка воинами носимое.

Въ городѣ замѣтно было всеобщее волненіе, продолжавшееся около четверти часа, но вслѣдъ за тѣмъ все успокоилось и крѣпостныя ворота растворились настежь. Изъ крѣпости хлынула толпа народа, во главѣ которой шли старшины и представители разныхъ народовъ, пришедшихъ на помощь къ Шейхъ-Али-хану. Подойдя къ нашимъ войскамъ, вся толпа стала на колѣни и изъ среды ея отдѣлился едва движущійся стодвадцатилѣтній старецъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ серебрянные ключи Дербента, тотъ самый старецъ, который за семьдесятъ четыре года предъ симъ подносилъ ключи Императору Петру Великому. «Оруженосецъ Екатерины II,» писалъ графъ Зубовъ, «тѣ же ключи, отъ того же старца, принялъ 10-го мая 1796 года.»

Вслѣдъ затѣмъ и Шейхъ-Али-ханъ, въ сопровожденіи своихъ чиновниковъ и съ повѣшенною на шеѣ саблею, пріѣхалъ въ русскій лагерь. Не принявъ хана, графъ Зубовъ приказалъ помѣстить его въ большомъ шатрѣ и послалъ сказать

его сестрѣ, Периджѣ-Ханумѣ, чтобы она не безпокоилась о своей участи и спокойно оставалась въ своемъ городскомъ домѣ. Периджи отвѣчала, что она, какъ старшая сестра хана, имѣвшая участіе въ дербентскомъ владѣніи, должна также раздѣлить участь брата, и сама, закутанная покрываломъ, явилась верхомъ въ русскій лагерь. Она была помѣщена въ одномъ шатрѣ съ братомъ, но на слѣдующій день возвратилась въ городъ.

«Крѣпость войсками Вашего Императорскаго Величества занята», доносилъ графъ Зубовъ. «Ханъ, съ саблею на выѣ, въ знакъ, по ихъ обычаю, признанія преступленія и повиновенія безъ изъятія, предсталъ мнѣ съ своими чиновниками и содержится въ станѣ моемъ. Гарнизонъ обезоруженъ. Я даровалъ всѣмъ жизнь, да лобызаютъ мысленно, съ благоговѣйнымъ ужасомъ и любовію побѣждающую и вмѣстѣ всѣхъ милующую десницу Вашу».

Овладѣніе Дербентомъ стоило намъ 3-хъ офицеровъ (въ томъ числѣ убитъ прапорщикъ Кабардинскаго полка Ценценко) и 160 человѣкъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Крѣпость была занята четырьмя съ половиною баталіонами, подъ начальствомъ генералъ-маіора Савельева; жители успокоены обѣщаніемъ графа Зубова ходатайствовать о всеобщемъ ихъ прощеніи. Войска вступили въ городъ съ распущенными знаменами и музыкою, при огромномъ стеченіи народа, собиравшагося на улицахъ и на крышахъ домовъ. Побѣдителямъ досталось 15 годныхъ орудій, 13 подбитыхъ, 5 знаменъ и 11,000 штукъ оружія, отобраннаго у населенія.

Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ похода.

«Съ особливою благодарностію», писала она, «получили мы донесеніе ваше о покореніи побѣдоносными войсками нашими, подъ вашимъ предводительствомъ, города Дербента. Пріобрѣтеніе сей важной крѣпости, обезпечивая совершенно предѣлы наши, подаетъ сугубыя возможности держать горскіе народы въ вящшемъ обузданіи и, открывая врата въ Персію, долженствуетъ возымѣть на послѣдующіе успѣхи дѣлъ, вамъ порученныхъ, весьма полезное вліяніе».

XVI.

Приготовленія къ дальнѣйшему походу. — Заявленіе покорности дагестанскими владѣльцами.—Прибытіе подкрѣпленій и движеніе къ Баку.—Переправа чрезъ р. Самуръ. — Занятіе Кубы и Баку. — Бѣгство Шейхъ-Али хана.—Несчастное дѣло подполковника Бакунина.—Переходъ корпуса чрезъ Куру.—Движеніе отряда къ Ганжѣ и занятіе ея.—Предположеніе къ устройству крѣпостей и торговаго города у Джавата.—Смерть Екатерины и отозваніе войскъ обратно въ Россію.

На другой день послѣ занятія Дербента, главнокомандующій извѣстилъ о томъ письмами царя Иракилія II и всѣхъ дагестанскихъ и персидскихъ владѣльцевъ, намъ преданныхъ, причемъ многимъ изъ нихъ выдалъ подарки.

13 мая графъ Зубовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Дербентъ. Въ сопровожденіи многочисленной свиты и разнообразнаго конвоя и при пушечной пальбѣ съ крѣпостныхъ стѣнъ, занятыхъ русскими войсками, главнокомандующій подъѣхалъ къ воротамъ города. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ армянскимъ архимандритомъ, съ крестомъ и многочисленною толпою народа, впереди котораго находились старѣйшины, поднесшіе ему хлѣбъ-соль. Осмотрѣвъ достопримѣчательности города, главнокомандующій проѣхалъ въ незаселенную часть его къ ставкѣ генералъ-маіора Савельева, близь которой, въ нарочно устроенной для того походной церкви, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. По окончаніи молебна, графъ Зубовъ былъ угощаемъ Савельевымъ обѣденнымъ столомъ, послѣ котораго возвратился въ свой станъ, сопровождаемый радостными восклицаніями народа, «съ восторгомъ сыплющаго къ ногамъ его цвѣты».

Послѣ занятія Дербента, каспійскій корпусъ оставался на мѣстѣ въ теченіе двухъ недѣль. Прежде чѣмъ двинуться

впередъ, главнокомандующему необходимо было снабдить войска продовольствіемъ, обезпечить свой тылъ и устроить дѣла покореннаго ханства.

Ага-Магометъ-ханъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, хотя и отступилъ къ Тегерану, но, укрѣпляя свои прибрежныя провинціи отъ Гиляна по восточному берегу Каспійскаго моря, располагалъ собрать войска и возвратиться опять къ р. Араксу. Принужденный оставить гарнизоны въ Дербентѣ и Баку, и имѣя въ своемъ распоряженіи незначительныя силы, графъ Зубовъ нерасчитывалъ на возможность уничтожить противника и просилъ объ усиленіи его новыми войсками. Предположенное въ Петербургѣ одновременное дѣйствіе противъ Аги-Магометъ-хана со стороны Ганжи и берегомъ Каспійскаго моря не могло состояться, потому что кавказскій корпусъ не только еще не присоединился къ отряду графа Зубова, но едва собирался у Кизляра; возможность его продовольствовать средствами Грузіи, какъ мы видѣли, была сомнительна. Измѣненіе плана, давая иной характеръ дѣйствіямъ, заботило графа Зубова и связывало ему руки.

«Зайдя въ Баку», писалъ онъ, «боюсь, чтобы не оставили меня безъ хлѣба. Также съ нынѣшнимъ числомъ войскъ, а особливо безъ кавказскаго корпуса, нельзя тамъ, какъ бы хотѣлось, приняться за дѣло, потому что надобно занимать большую дистанцію и отдѣлять сильные отряды, которыхъ не можно отдѣлять, если главныя силы должны тѣмъ ослабиться. Малыя же части войскъ неминуемо подвержены опасности, какъ узналъ я по вшествіи въ Дагестанъ, ибо даже на самыя цѣпи мои наскакиваютъ разбойничьи партіи, которыя могутъ жить здѣсь въ той увѣренности, что бывъ отъ лагеря въ пяти верстахъ, безопасны отъ поисковъ и хотя бы открылись гдѣ, то ихъ выжить трудно».

Въ двадцатыхъ числахъ мая главнокомандующій получилъ увѣдомленіе гр. Гудовича, что съ кавказской линіи отправлено къ нему еще нѣсколько транспортовъ съ продовольствіемъ; что, по разсчету, провіантъ этотъ долженъ обезпечить отрядъ по 16-е іюля, и что кромѣ того доставлено въ Астрахань 4,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ, кото-

рыя уже и отпущены на суда въ распоряженіе контръ-адмирала Федорова, для доставленія моремъ въ Дербентъ или въ Баку, куда назначено будетъ главнокомандующимъ.

Хотя въ распоряженіе гр. Гудовича и были отправлены изъ Россіи на кавказскую линію новые полки, но ни одинъ изъ нихъ не прибылъ, кромѣ Павлоградскаго легкаго полка, подходившаго въ то время къ Георгіевску. Поэтому Гудовичъ, желая исполнить обѣщаніе, данное Зубову, занять Дербентъ войсками, находившимися въ его распоряженіи, собралъ съ разныхъ мѣстъ 140 человѣкъ рядовыхъ и отправилъ ихъ въ Дербентъ, вмѣстѣ съ транспортомъ, состоявшимъ изъ 100 верблюдовъ и 50 фуръ, нагруженныхъ провіантомъ. Вскорѣ послѣ того онъ собралъ у Кизляра Павлоградскій полкъ, второй баталіонъ Кубанскаго егерскаго корпуса, Донской полкъ Кирѣева и шесть полевыхъ орудій, и, поручивъ командованіе ими генералъ-маіору князю Циціанову, приказалъ идти на соединеніе съ графомъ Зубовымъ.

Получивъ свѣдѣніе о движеніе подкрѣпленій, а, главное, о появленіи хлѣба въ Астрахани и возможности скораго доставленія его къ персидскимъ берегамъ, графъ Зубовъ рѣшился двинуться впередъ; но, зная вѣроломство и хищность окружающихъ его народовъ, принужденъ былъ позаботиться объ обезпеченіи своего тыла и праваго фланга.

Обширная дербентская крѣпость, вмѣщавшая въ себѣ до десяти тысячъ вооруженнаго населенія, не могла быть оставлена въ тылу безъ надежнаго гарнизона, въ составъ котораго необходимо было назначить, по меньшей мѣрѣ, три баталіона. Тогда, имѣя за собою вѣрный опорный пунктъ въ Дербентѣ, графъ Зубовъ получилъ возможность двинуться далѣе, не дожидаясь подкрѣпленій и безъ опасенія за свое положеніе, даже и въ томъ случаѣ, если бы встрѣтилъ сопротивленіе со стороны бакинскяго хана, или значительныя силы персіянъ. Снабженный въ значительной степени продовольствіемъ, онъ всегда могъ, занявъ крѣпкую позицію, дождаться прибытія подкрѣпленій, и, присоединивъ ихъ къ себѣ, перейти въ наступленіе.

Что касается до обезпеченія праваго фланга, то главнокомандующій возложилъ это на обязанность преданныхъ намъ владѣльцевъ Дагестана. Онъ писалъ шамхалу тарковскому, уцмію каракайдакскому и кадію табасаранскому, чтобы они прислали къ нему своихъ дѣтей или родственниковъ въ аманаты и соединили вмѣстѣ состоявшія въ готовности свои войска «для закрытія марша моего со стороны горъ».

Приглашенные не только изъявили полную готовность исполнить требованіе главнокомандующаго, но высказывали особую предупредительность, свойственную азіатскимъ народомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слабый заискиваетъ у сильнаго. Извѣстіе о паденіи Дербента—воротъ въ Персію — быстро распространилось по всему Дагестану, и всѣ горскіе владѣльцы, до сихъ поръ непріязненные Россіи, на перерывъ другъ передъ другомъ спѣшили въ лагерь главнокомандующаго. Въ теченіе двухъ недѣль русскій станъ былъ переполненъ дагестанцами, пріѣзжавшими заявить о своей покорности Россіи.

«Мы пребывали, говорили они, съ дербентскими владѣтелями въ дружбѣ, а какъ теперь Дербентъ состоитъ подъ властью всероссійской монархини, то мы не преминемъ служить Россіи лучше, чѣмъ дербентскимъ владѣльцамъ».

Нѣкоторые изъ нихъ, не ограничиваясь однимъ заявленіемъ своей преданности, принимали присягу на подданство, подобно тому, какъ принимали ее и жители дербентскаго ханства.

Оставаясь въ лагерѣ русскихъ войскъ, Шейхъ-али-ханъ пользовался возможною свободою: ему возвращена была сабля и разрѣшено видѣться съ сестрою. Главнокомандующій оказывалъ ему полное расположеніе, которое, какъ увидимъ ниже, онъ употребилъ во зло самымъ коварнымъ образомъ.

Устроивъ внутреннія дѣла дербентскаго ханства и поставивъ въ отдѣльныхъ его частяхъ наибовъ и правителей, графъ Зубовъ взялъ аманатовъ отъ знатнѣйшихъ изъ дербентскихъ жителей и, присоединивъ къ себѣ первый Чугуевскій полкъ, прибывшій съ генералъ-маіоромъ Платовымъ и Донской полкъ Орлова, выступилъ 24-го мая по направленію къ Баку, отправивъ впередъ манифестъ ко всѣмъ владѣльцамъ и ихъ под-

властнымъ. Въ Дербентѣ былъ оставленъ генералъ-маіоръ Савельевъ, съ тремя баталіонами пѣхоты, 200 казаковъ и четырьмя полевыми орудіями.

Распространенію манифеста или извѣстію о паденіи Дербента графъ Зубовъ обязанъ былъ, что на пути къ Баку всѣ владѣльцы встрѣчали его съ предупредительностію и покорностію. Бакинскій ханъ прислалъ въ главную квартиру своихъ посланныхъ, съ объявленіемъ, что покоряется волѣ русской императрицы. Хамбутай казикумыкскій заявлялъ, что онъ также отдается подъ покровительство Россіи, и, чтобы выказать свою преданность, возвратилъ трехъ человѣкъ плѣнныхъ изъ числа тѣхъ людей, которые были взяты при нападеніи 8-го мая на провіантскія фуры обоза генерала Булгакова. Это возвращеніе плѣнныхъ, точно также какъ и всѣ клятвы въ вѣрности, не мѣшали ему хищничать. Преданность къ намъ многихъ другихъ хановъ была также не болѣе какъ личина, вызванная необходимостью и силою обстоятельствъ. Впослѣдствіи, они измѣняли своей клятвѣ, по мѣрѣ того какъ находили это выгоднымъ для себя; но теперь всѣ казались спокойными, покорными и каспійскій корпусъ слѣдовалъ къ Баку совершенно свободно, никѣмъ не тревожимый.

Хотя горцы и не оказывали русскимъ войскамъ никакого сопротивленія, но движеніе ихъ замедлялось характеромъ мѣстности, представлявшей не малыя затрудненія. На сто десятиверстномъ разстояніи отъ Дербента до Шабрани, каспійскій корпусъ перешелъ въ бродъ болѣе десяти рѣкъ и, въ теченіе трехъ дней, переправлялся черезъ рѣку Самуръ, покрывавшую своими порывистыми водами болѣе четырехъ верстъ сплошнаго въ ширину пространства.

Самуръ, самая большая рѣка во всемъ южномъ Дагестанѣ, течетъ такъ быстро, что не представляетъ никакой возможности навести пловучій мостъ на понтонахъ. Имѣя смутное понятіе о ширинѣ рѣки и ея свойствахъ, графъ Зубовъ, еще при выступленіи изъ Дербента, отправилъ нѣсколькихъ офицеровъ для осмотра Самура и для отысканія мѣста переправы. Посланные возвратились съ донесеніемъ, что переправа черезъ рѣку невозможна; что теченіе рѣки порывисто, не ровно,

какъ не ровно и самое ложе, имѣющее множество падинъ значительной глубины. Осматривавшіе рѣку говорили, что при всѣхъ ихъ усиліяхъ, они не могли найти нигдѣ брода менѣе двухъ аршинъ глубины и что по необыкновенной быстротѣ теченія мостъ навести невозможно. Главнокомандующій самъ поѣхалъ осмотрѣть рѣку, но на пути узналъ, что вода въ Самурѣ быстро убываетъ, что въ горахъ произошелъ обвалъ и русло рѣки запружено огромною глыбою снѣга и льда, раздѣлившаго ея воды на нѣсколько рукаковъ. Желая воспользоваться временнымъ спаденіемъ воды, графъ Зубовъ поспѣшилъ начать переправу. Онъ тотчасъ же собралъ изъ окрестныхъ деревень жителей, при содѣйствіи и указаніи которыхъ были отысканы броды, по которымъ и протянуты казачьи цѣпи отъ одного берега до другаго. По установленіи цѣпей, выше ихъ стала переправляться пѣхота, а еще выше кавалерія. Сомкнувшись въ густые ряды и взявъ другъ друга за руки, солдаты переходили черезъ рѣку подъ прикрытіемъ кавалеріи, до нѣкоторой степени задерживавшей сильное стремленіе воды.

Переправа продолжалась въ теченіе трехъ дней и совершена была благополучно. Главное замедленіе происходило въ переправѣ подвижнаго магазина и пороха. Чтобы не подмочить того и другаго, графъ Зубовъ не приказалъ перевозить изъ на повозкахъ и въ зарядныхъ ящикахъ, но велѣлъ грузить на верблюдовъ, на которыхъ и переправлять черезъ рѣку.

Одновременно съ переправою войскъ черезъ рѣку Самуръ, къ ея устью подошли моремъ два транспорта съ хлѣбомъ: одинъ подъ начальствомъ лейтенанта Бозо, другой съ лейтенантомъ Миницкимъ; на второмъ, кромѣ провіанта, былъ 2-й баталіонъ Кабардинскаго полка и 122 человѣка артиллерійской прислуги. Миницкому приказано слѣдовать въ Баку, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Бакинскій ханъ хотя и заявлялъ о своей преданности Россіи, но дѣлалъ это не по убѣжденію, а потому, что разсчитывалъ на невозможность переправы черезъ Самуръ и вступленія въ его владѣнія. Полагая что русскіе не преодолѣютъ такого препятствія, ханъ отправилъ вмѣстѣ съ Хамбутаемъ

казыкумыкскимъ своихъ посланныхъ, которые слѣдили за движеніемъ русскихъ, и лишь только увидѣли, что часть нашихъ войскъ появилась на правомъ берегу Самура, тотчасъ же поскакали дать знать своимъ владѣльцамъ, что и это препятствіе не остановило невѣрныхъ гяуровъ.

Окончивъ на третій день переправу, отрядъ двинулся далѣе и, не смотря на стоявшіе весьма жаркіе дни, войска шли бодро: не было ни отсталыхъ, ни больныхъ «и лазаретныя коляски», доносилъ графъ Зубовъ, «съ радостію вижу наполненными снадобьями людскими, а не скорбящими людьми». Слѣдуя по бакинской дорогѣ, каспійскій корпусъ 6-го іюня подошелъ къ Кубѣ и остановился въ пяти верстахъ отъ города. Многочисленное сборище народа привѣтствовало появленіе русскихъ въ этой мѣстности, причемъ старѣйшины поднесли графу Зубову ключи города, съ просьбою присоединить ихъ къ державѣ «премилосердой царицы добрыхъ». Взявъ заложниковъ отъ кубинскаго наиба Вали-бека и отъ старшинъ, графъ Зубовъ обнадежилъ жителей въ личной и имущественной безопасности.

Между тѣмъ, бакинскій ханъ, не желая сдавать Баку русскимъ войскамъ, сталъ распространять слухи, что русскіе идутъ съ цѣлью изгнать хановъ изъ ихъ владѣній. Онъ отправилъ шемахинскому хану письмо, въ которомъ писалъ, что хотя онъ и былъ до сихъ поръ во враждѣ съ нимъ, но теперь, въ виду общей опасности, предлагаетъ помириться и соединиться вмѣстѣ для общаго сопротивленія. Это письмо произвело свое дѣйствіе: среди шемахинцевъ было замѣтно волненіе, а у хана происходили частыя совѣщанія.

Чтобы отвратить возможное соединеніе двухъ хановъ, графъ Зубовъ торопился занять Баку. Онъ отправилъ приказаніе контръ-адмиралу Федорову выступить съ готовыми военными судами изъ Астрахани и, какъ можно скорѣе, слѣдовать въ Баку для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ; но, къ сожалѣнію, главнокомандующій скоро узналъ, что подойти къ городу съ цѣлымъ корпусомъ нѣтъ никакой возможности. На сто верстъ въ окружности посланные не могли отыскать не только воды и лѣса, но ни травы и никакого растенія.

Имѣя свѣдѣніе, что бакинцы не раздѣляютъ мнѣнія своего хана и не желаютъ противиться русскимъ войскамъ, главнокомандующій отправилъ въ Баку прокламацію, въ которой совѣтовалъ народу вручить свой жребій на волю императрицы. Одновременно съ этимъ было послано письмо Мустафѣ, хану шемахинскому. Посланный съ прокламаціею въ Баку возвратился съ извѣстіемъ, что народъ съ восторгомъ принялъ воззваніе графа Зубова и выказалъ полную готовность покориться. Гуссейнъ-кули-хану не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать общему настроенію и онъ обѣщалъ выѣхать на встрѣчу главнокомандующему.

13-го іюня бакинскій ханъ дѣйствительно прибылъ въ лагерь русскихъ войскъ, расположившихся на рѣкѣ Ата-чаѣ и поднесъ ключи города. Графъ Зубовъ принялъ хана съ почетомъ, обнадежилъ его покровительствомъ императрицы и приказалъ генералъ-маіору Рахманову, съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, полка казаковъ и четырехъ орудій слѣдовать въ Баку, но не входить въ городъ, а остановиться верстахъ въ двѣнадцати и ожидать прибытія хана. Въ то же самое время генералъ-маіору Булгакову приказано, съ его бригадой, слѣдовать къ Кубѣ и, расположившись близъ города, наблюдать за спокойствіемъ жителей, имѣть постоянныя сношенія съ генераломъ Савельевымъ, оставшимся въ Дербентѣ, и въ особенности слѣдить за поступками управляющаго въ Кубѣ наиба Вали-бека.

Продержавъ двое сутокъ въ своемъ лагерѣ бакинскаго хана, графъ Зубовъ подарилъ ему богатый кинжалъ и отправилъ въ отрядъ генералъ-маіора Рахманова. Послѣдній, подходя къ городу въ сопровожденіи хана, былъ встрѣченъ салютаціонными выстрѣлами и вступилъ въ крѣпость при радостныхъ крикахъ многочисленной толпы народа.

Генералъ-маіору Рахманову поручено было главнокомандующимъ, по занятіи крѣпости, пріискать въ ней помѣщеніе для провіанта, предназначеннаго къ выгрузкѣ въ Баку. Дождавшись прибытія флотиліи и посаженнаго на суда баталіона Кабардинскаго полка, Рахмановъ долженъ былъ передать начальство надъ гарнизономъ контръ-адмиралу Федорову и, оста-

вивъ ему еще сводный гренадерскій баталіонъ, слѣдовать на соединеніе съ графомъ Зубовымъ, который самъ предполагалъ двинуться къ Старой Шемахѣ.

«И такъ», доносилъ графъ Зубовъ, «пройдя съ храбрымъ и трудолюбивымъ вашего императорскаго величества воинствомъ пять сотъ верстъ отъ границъ россійскихъ и на половинѣ сего разстоянія, отперши побѣдительнымъ вашимъ оружіемъ желѣзныя врата Ирана, совершилъ я первый подвигъ свой по промыслу вашему благополучно, очистя не только отъ силъ, но и отъ вліянія хищника Аги-Магометъ-хана сей берегъ рѣкъ Куры и Аракса, совокупивъ въ повиновеніи вамъ всѣхъ на западномъ берегѣ Каспійскаго моря народовъ до предѣлокъ Гилянскихъ, и давъ отъ себя правителя областямъ Сальянскимъ. А какъ поставилъ уже твердую ногу въ Бакѣ и тѣмъ соединилъ съ оною Астрахань, то вскорѣ здравыхъ и веселыхъ воиновъ упокою отъ зноя при тѣнистыхъ рощахъ Старой Шемахи, гдѣ обильныя и здравыя протекаютъ воды».

Оставивъ гарнизоны въ Кубѣ и Баку, графъ Зубовъ, 19-го іюня, повернулъ направо на шемахинскую дорогу и скоро вступилъ въ весьма узкое дефиле. Имѣя во многихъ мѣстахъ не болѣе какъ полтора аршина ширины, ущелье это было сплошь усыпано мелкими и острыми камнями, а съ обѣихъ сторонъ ограждено голыми и совершенно отвѣсными утесами, возвышавшимися надъ дорогою до 150 саженъ и болѣе. Войскамъ приходилось то подниматься въ гору и проходить подъ нависшими каменными глыбами, которыя, казалось, угрожали ежеминутнымъ паденіемъ, то спускаться съ горъ, обрамленныхъ отвѣсными пропастями *). Къ закату солнца, войска

---

*) Все это описаніе заимствовано изъ военныхъ донесеній гр. Зубова, и читатель, знакомый съ мѣстностью, конечно, замѣтитъ всѣ преувеличенія въ картинѣ природы. Не слѣдуетъ однако забывать, что людямъ, прямо изъ русскихъ степей перенесеннымъ въ окрестности Дербента, Баку и Шемахи, гористая мѣстность должна была казаться болѣе трудною и опасною, чѣмъ на самомъ дѣлѣ она была, или кажется намъ, проведшимъ многіе годы въ Араваріи или Андіи. Наконецъ удѣлъ всѣхъ реляцій, не только военныхъ, но и большинства мирно-научныхъ страдать нѣкоторою долею прикрасъ и преувеличеній...

успѣли пройти лишь девять верстъ и, оставивъ далеко позади себя весь обозъ, расположились лагеремъ на рѣкѣ Атѣ.

На этомъ переходѣ случилось происшествіе, причинившее, впослѣдствіи, не малыя заботы графу Зубову.

Находившійся при отрядѣ плѣнный Шейхъ-Али-ханъ дербентскій успѣлъ на столько вкрасться въ довѣренность главнокомандующаго, что пользовался полнымъ его расположеніемъ и свободою. При немъ находился за пристава и переводчика, изъ армянъ маіоръ Серебровъ и казачій конвой, подъ начальствомъ поручика Краснощекова. Сереброву поручено было, не стѣсняя хана, слѣдить однако же за всѣми его поступками и недозволять никакихъ совѣщаній съ посторонними лицами. Заботясь болѣе о пополненіи своего кармана и распуская повсюду слухъ, что, состоя при главнокомандующемъ, онъ имѣетъ большое значеніе въ главной квартирѣ, Серебровъ собиралъ подарки и бралъ деньги у своихъ же соотечественниковъ, обѣщая имъ выхлопотать различныя милости и награды, а за ханомъ не слѣдилъ и не думалъ объ исполненіи данной ему инструкціи.

Шейхъ-Али былъ предоставленъ самому себѣ. Во время переходовъ, онъ постоянно занимался джигитовкою, удивлялъ всѣхъ искуствомъ верховой ѣзды и легкостью своей лошади, скакавшей съ необыкновенною быстротою по крутизнамъ. Нѣкоторыя лица изъ его свиты имѣли также отличныхъ лошадей, тѣшили хана и кромѣ джигитовки ничѣмъ другимъ не занимались. Нѣсколько разъ Шейхъ-Али, во время движенія, отставалъ отъ войскъ и каждый разъ, когда Краснощековъ пытался остановить хана, Серебровъ удерживалъ его, отклоняя всякое подозрѣніе.

Дербентскій ханъ жилъ въ русскомъ лагерѣ свободно и весело. Свита его каждый день собиралась у хана, проводила съ нимъ время, и нерѣдко по вечерамъ предавалась разгулу. Среди этихъ собраній, ханъ устраивалъ все необходимое къ побѣгу и успѣлъ дать знать преданнымъ ему кубанцамъ, чтобы они въ условленномъ мѣстѣ подготовили ему подставныхъ лошадей.

Въ то время, когда войска наши втягивались въ ущелье,

Шейхъ-Али-ханъ, оставшись назади ихъ, по обыкновенію занимался джигитовкою. Онъ игралъ джиридомъ (небольшая палка, бросаемая на воздухъ на скаку), скакалъ взадъ и впередъ, то по долинѣ, то по крутизнамъ горъ, и незамѣтно отдалился отъ отряда на довольно значительное разстояніе. Всѣ любовались ловкостью и проворствомъ хана, но скоро замѣтили, что Шейхъ-Али-ханъ понесся прямо на гору, на далекой вершинѣ которой было едва замѣтно небольшое селеніе. Тогда только спохватились и увидѣли, что джигитовка обратилась въ бѣгство. Въ погоню были посланы казаки, но ихъ лошади, непривычныя къ горнымъ дорогамъ, не могли догнать ни хана, ни ускакавшихъ съ нимъ нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ *).

Когда казаки доскакали до селенія, то изъ него выѣхало три группы всадниковъ, разъѣхавшихся по тремъ разнымъ направленіямъ и казаки не знали кого преслѣдовать; между всадниками не было видно ни ханской лошади, ни человѣка, одѣтаго въ ханское платье, которое онъ обыкновенно носилъ, находясь въ русскомъ лагерѣ. Казаки бросились на удачу, настигли двѣ партіи, привели ихъ въ лагерь, но среди приведенныхъ Шейхъ-Али-хана не оказалось:—онъ успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія.

Между тѣмъ, каспійскій корпусъ, простоявъ весь день 20-го іюля въ Шемахинскомъ ущельѣ на рѣкѣ Амѣ и употребивъ это время на напрасныя поиски бѣжавшаго хана, въ три часа утра слѣдующаго дня выступилъ изъ лагеря и къ вечеру остановился на возвышенной мѣстности, при урочищѣ Куртъ-Булахъ. Затрудненія, встрѣченныя на этомъ переходѣ, превосходили всѣ предъидущія. Кромѣ рѣкъ и дефиле, подобныхъ тѣмъ, которыя войска переходили передъ этимъ, пришлось подыматься на горы до того крутыя, что везти артиллерію на лошадяхъ не представлялось никакой возможности; сол-

---

*) Это происшествіе напоминаетъ разсказъ Марлинскаго объ Амалатъ-бекѣ, который тоже джигитуя бѣжалъ, застрѣливъ при этомъ полковника генеральнаго штаба Верховскаго. Подобныя дѣйствія совершенно въ характерѣ обитателей кавказскихъ горъ. Должно думать, что Марлинскій въ Дербентѣ слышалъ разсказъ о бѣгствѣ Шейхъ-Али-хана и воспользовался этимъ для своей фантастической повѣсти.

даты тащили орудія на рукахъ, а остальной обозъ, оставшись далеко позади войскъ, присоединился къ отряду, по одиночкѣ, въ теченіе цѣлой недѣли.

Здѣсь графъ Зубовъ рѣшился остановиться, выждать пока минуютъ наступившіе жары и дать войскамъ отдыхъ послѣ утомительнаго похода. Мѣсто, избранное для лагеря, было вполнѣ удобно, потому что войска, по выраженію главнокомандующаго, нашли, «послѣ бывшихъ неумѣренныхъ жаровъ, совершенную прохладу, и послѣ мутныхъ водъ чистѣйшія оныхъ источники, да и для прокормленія лошадей отмѣнно хорошія травы».

Такимъ образомъ, всѣ силы графа Зубова были теперь растянуты на пространствѣ отъ Дербента до старой Шемахи. Въ Дербентѣ стоялъ отрядъ генералъ-маіора Савельева; генералъ Булгаковъ, подойдя къ городу Кубѣ, занялъ одною ротою ханскій дворецъ, а съ остальнымъ отрядомъ расположился близь города. Въ Баку находился отрядъ генералъ-маіора Рахманова, и, наконецъ, при Куртъ-Булакѣ—главныя силы, имѣя впереди себя авангардъ, расположенный близь старой Шемахи, въ то время почти никѣмъ не заселенной.

23-го іюня, главнокомандующій получилъ донесеніе, что контръ-адмиралъ Федоровъ, съ военными судами, прибылъ на бакинскій рейдъ. Поручивъ Федорову главное начальство надъ войсками и флотомъ въ Баку, графъ Зубовъ отправилъ туда бригадира графа Апраксина для командованія сухопутными войсками, а генералу Рахманову приказалъ присоединиться къ главнымъ силамъ и расположиться вблизи ихъ на рѣкѣ Персагатъ.

Край, занятый нашими войсками, находился въ полномъ спокойствіи; нарушено было оно однимъ происшествіемъ, которое нелишнимъ считаю разсказать, хотя кабардинцы въ немъ не участвовали. Оно покажетъ, какъ слѣдуетъ быть осторожнымъ съ азіятцами, не довѣряя ихъ самымъ искреннимъ, по видимому, заявленіямъ преданности и покорности, и въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ нихъ соблюдать всякую наивозможнѣйшую осторожность, не относясь къ противнику ни съ довѣріемъ, ни съ пренебреженіемъ.

Генералъ Булгаковъ, получивъ изъ Дербента отъ генерала Савельева увѣдомленіе о намѣреніи горцевъ напасть на его отрядъ, отправилъ, для открытія непріятеля, капитана Семенова со 100 человѣками егерей. Пройдя версты четыре и вступивъ въ ущелье, ведущее въ селеніе Алпаны, Семеновъ скоро встрѣтилъ въ немъ непріятельскіе разъѣзды, остановился и послалъ о томъ донесеніе Булгакову. На усиленіе отряда Семенова былъ тотчасъ отправленъ подполковникъ Бакунинъ, съ 300 человѣкъ пѣхоты, 100 казаками и двумя орудіями. Только съ наступленіемъ ночи, Бакунинъ, втянувшись въ ущелье, успѣлъ соединиться съ отрядомъ Семенова. Ущелье, въ которомъ находились теперь оба отряда, было сплошь покрыто густымъ лѣсомъ, и такъ какъ оно служило единственнымъ проходомъ на кубинскую равнину, то Бакунинъ долженъ бы былъ предполагать, что все скопище горцевъ сосредоточено въ этомъ пунктѣ, или гдѣ нибудь по близости. Не смотря на то, не зная силъ противника, ни мѣста его расположенія, Бакунинъ, не обращая вниманія на темноту ночи, густоту лѣса и незначительность своихъ силъ, рѣшился двигаться впередъ и атаковать непріятеля.

Съ первымъ движеніемъ, онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами непріятельскихъ разъѣздовъ, и затѣмъ всю ночь имѣлъ безпрерывную перестрѣлку съ передовыми пикетами непріятеля, постепенно отступавшими. На разсвѣтъ 1-го октября Бакунинъ подошелъ къ селенію Алпаны, расположенному на покатости горы и отдѣленному отъ него оврагомъ, въ глубинѣ котораго скрывался непріятель, въ числѣ 15,000 человѣкъ.

Едва нашъ отрядъ сталъ выходить изъ лѣса, оканчивавшагося почти у самаго берега оврага, какъ горцы бросились въ шашки. Атака ихъ была такъ стремительна, что бывшія при отрядѣ два орудія успѣли сдѣлать только по нѣсколько выстрѣловъ и были захвачены непріятелемъ. Ободренные своею многочисленностію, горцы дрались отчаянно; они окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ и почти уничтожили его. Бакунинъ и Семеновъ были убиты въ самомъ началѣ дѣла; много офицеровъ и нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными. Уцѣлѣвшіе отъ общаго погрома, скрывшись за случайно по-

павшимися бревнами, отбивались до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нимъ на помощь Углицкій пѣхотный полкъ, съ четырьмя полевыми орудіями, подъ начальствомъ полковника Стоянова.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній объ отрядѣ подполковника Бакунина, генералъ Булгаковъ услышалъ орудійные выстрѣлы и ружейную перестрѣлку, тотчасъ-же отправилъ на помощь Бакунину Углицкій полкъ; но онъ пришелъ на мѣсто дѣйствія тогда, когда отрядъ Бакунина былъ уже почти уничтоженъ. Горцы до того были увлечены боемъ, что узнали о прибытіи подкрѣпленій лишь тогда, когда въ тылъ имъ посыпались ружейные выстрѣлы и картечь. Видя прибытіе свѣжихъ силъ русскихъ и довольствуясь пріобрѣтенною побѣдою, непріятель сталъ отступать; наконецъ горцы разсыпались въ разныя стороны.

Оставивъ на полѣ сраженія убитаго сына, нѣсколько наибовъ и старшинъ, Хамбутай казыкумыкскій вмѣстѣ съ измѣнникомъ Шейхъ-Али-ханомъ, бѣжали въ горы. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ шесть офицеровъ убитыми и нижнихъ чиновъ убитыми 46 и ранеными 94, да два орудія. Это напоминаетъ несчастное дѣло Піери, о которомъ разсказано выше: одинаковыя причины повели къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Потеря 140 человѣкъ изъ 400, шести офицеровъ и 2-хъ орудій сама по себѣ весьма чувствительна; но еще важнѣе въ такихъ случаяхъ было пораженіе, потрясавшее увѣренность въ неодолимости регулярныхъ русскихъ войскъ нестройными толпами воинственныхъ горцевъ. Нѣсколько такихъ несчастныхъ дѣлъ — послѣдствіе неосторожности и непростительно легкомысленнаго отношенія къ непріятелю — поднимали духъ населенія, выроставшаго въ собственныхъ глазахъ, создавали героевъ, преувеличенные разсказы объ ихъ подвигахъ, нарождались легенды объ истребленіи несмѣтныхъ полчищъ русскихъ горстью храбрецовъ дагестанцевъ или чеченцевъ, и это служило весьма дѣйствительнымъ подспоріемъ фанатикамъ, появлявшимся періодически для возбужденія противъ русской власти.

Дойдя до старой Шемахи, каспійскій корпусъ нигдѣ не

встрѣтилъ войскъ Али-Магометъ-хана, который при первомъ движеніи русскихъ войскъ въ Дагестанъ ушелъ внутрь Персіи и, предоставивъ намъ свободу дѣйствій, самъ бросился усмирять и грабить не вполнѣ покорявшихся ему хановъ — частныхъ владѣльцевъ разныхъ провинцій несчастной, терзаемой Персіи.

Съ полученіемъ извѣстія о приближеніи персіянъ къ ихъ владѣніямъ, всѣ ханы становились между двухъ огней: они опасались вторженія Аги-Магометъ-хана и неразлучныхъ съ подобнымъ вторженіемъ бѣдствій и разореній; съ другой стороны, вступленіемъ въ подданство Россіи—боялись лишиться своей независимости. Извѣстная жестокость Аги-Магометъ-хана и великодушіе русскаго правительства не заставляли хановъ долго задумываться о томъ, на чью сторону временно склониться было болѣе выгодно, и всѣ они, одинъ за другимъ, стали заявлять о своей преданности Россіи. Нахичеванскій Келбалай-ханъ клялся и божился, что онъ искренно преданъ императрицѣ. Ганжинскій Джаватъ-ханъ, опасаясь новаго разоренія своихъ владѣній персіянами и зная о притязаніяхъ на Ганжу царя Ираклія и Ибрагима-хана шушинскаго, также заискивалъ у главнокомандующаго, давалъ проводниковъ посланнымъ въ Грузію офицерамъ и даже просилъ прислать въ его владѣнія какъ можно скорѣе русскія войска, дабы они могли занять крѣпость прежде, чѣмъ явятся персіяне. Джаватъ-ханъ считалъ болѣе выгоднымъ подчиниться Россіи, чѣмъ подпасть подъ власть карабахскаго хана или царя Грузіи.

Ираклій писалъ главнокомандующему, что ласковое обращеніе русскихъ привлекло къ нимъ всѣ сердца персіянъ, что овладѣніе Ганжею не слѣдуетъ отлагать до осени, и что приходъ русскихъ войскъ скоро рѣшилъ бы участь не только этого города, но и Эривани.

Царь увѣдомлялъ, что въ случаѣ движенія русскихъ на Ганжу, самая лучшая переправа черезъ р. Куру находится у мѣстечка Менгичауръ.

Графъ Зубовъ отвѣчалъ Ираклію, что занятіе Ганжи русскими войсками входитъ въ проектъ предположенныхъ дѣйствій, а относительно Эривани совѣтовалъ Ираклію самому

овладѣть ею, такъ какъ приближеніе нашихъ войскъ къ турецкимъ границамъ несогласно съ видами нашего правительства. Съ этимъ отвѣтомъ главнокомандующаго былъ отправленъ въ Грузію маіоръ Вердеревскій; въ тоже время дивизіонный квартирмейстеръ Тихановъ былъ посланъ для осмотра переправы черезъ р. Куру и дороги въ Ганжу.

Маіоръ Вердеревскій 4-го августа возвратился изъ Грузіи и привезъ самыя неудовлетворительныя извѣстія о внутреннемъ ея положеніи. Царь не имѣлъ никакой власти ни надъ царевичами, ни надъ дворянами и откровенно признавался въ этомъ полковнику Сырохневу.

Права сильнаго и захватъ чужой собственности имѣли въ то время широкое примѣненіе въ Грузіи. Дворяне и въ особенности простой народъ жили до крайности бѣдно, «частію по лѣности,» доносилъ Сырохневъ, а частію потому, что посылаемыя отъ царя и царевичей дворяне, есаулами называемые,—обираютъ у нихъ все, что найти могутъ, иногда нарочно изыскивая вины, что и царь нерѣдко дѣлаетъ съ дворянами.

Единственнымъ спасеніемъ для старца Ираклія было бы уничтоженіе удѣловъ и утвержденіе единовластія, но Ираклій писалъ гр. Зубову, что уничтожить удѣлы онъ, къ сожалѣнію, не въ силахъ, что предоставляетъ это въ полную волю Императрицы, и что въ случаѣ своей смерти, полагаетъ болѣе всего надежды на внука своего, царевича Давыда. Грузинскій царь говорилъ, что изгнать персіянъ изъ Эривани и овладѣть этимъ городомъ не можетъ, по отдаленію русскихъ войскъ и по неимѣнію достаточнаго числа своихъ собственныхъ.

Дѣйствительно, по донесенію полковника Сырохнева, собранныя царевичемъ Юлономъ въ Карталиніи войска, дойдя до Тифлиса, были распущены по своимъ селеніямъ для защиты ихъ со стороны Ахалцыха, отъ лезгинъ, производившихъ постоянные грабежи и уводившихъ въ плѣнъ жителей. Подобные грабежи производились не только въ Карталиніи, но и въ Кахетіи, сосѣди которой, джаробѣлоканскіе лезгины, зная внутренній безпорядокъ, существовавшій въ Грузіи, смѣло шли

на грабежъ и уводили плѣнныхъ изъ подъ самаго Тифлиса. «Отъ царя же и правительства, доносилъ Сырохневъ», никакихъ мѣръ осторожности къ прекращенію сего предпріемлемо не было».

Ни дань, платимая грузинскимъ царемъ аварскому хану, ни просьбы къ ахалцыхскому пашѣ, чтобы онъ не пропускалъ лезгинъ въ Грузію, ничто не помогало, и Грузія находилась въ полной власти хищниковъ. Ираклій видѣлъ одно спасеніе въ защитѣ русскихъ войскъ. Онъ просилъ гр. Зубова оградить его страну отъ непріятелей и прислать поскорѣе русскія войска, увѣряя, что они не встрѣтятъ затрудненія въ продовольствіи.

Желаніе получить помощь, заставляло Ираклія значительно преувеличивать средства страны и увѣрять въ томъ, чего въ дѣйствительности не было. Полковникъ Сырохневъ доносилъ, что, при всѣхъ его усиліяхъ, заготовленіе продовольствія идетъ весьма медленно, такъ что съ начала апрѣля по 15-е іюля онъ съ большими усиліями могъ купить 30 арбъ, 98 воловъ и 400 мѣшковъ; что имъ закуплено 12,541 пудъ муки и 600 пудовъ крупъ и что за неимѣніемъ мѣшковъ купленный хлѣбъ онъ ссыпаетъ въ одну саклю, но опасается, что онъ слежится. Для закупленнаго внѣ Тифлиса хлѣба Сырохневъ не находилъ средствъ перевозки. «Вѣрныхъ подрядчиковъ,» доносилъ онъ, никоимъ образомъ отыскать нельзя, а бочекъ и кулей жители во всей Грузіи ни для какихъ употребленій не держатъ. Графъ Зубовъ принужденъ былъ отправить въ грузію кули изъ своего отряда, и послать Сырохневу еще 5,000 червонныхъ для необходимыхъ расходовъ при покупкѣ провіанта.

Между тѣмъ около этого времени, именно 7-го октября, присоединились къ главному отряду войска, отправленныя съ линіи, какъ на усиленіе графа Зубова, такъ и назначенныя въ составъ кавказскаго корпуса, имѣвшаго дѣйствовать со стороны Грузіи.

При этомъ отрядѣ, численность котораго не превышала 3,000 человѣкъ строевыхъ чиновъ, находилось 20 понтоновъ и подвижной магазинъ, съ трехмѣсячнымъ продовольствіемъ, на 800 фурахъ и 250 верблюдахъ.

Слѣдуя къ Ганжѣ, начальникъ отряда, генералъ Римскій-Корсаковъ долженъ былъ вызвать изъ Тифлиса къ себѣ на присоединеніе отрядъ полковника Сырохнева, занять Ганжинскую крѣпость, ввести въ цитадель ея приличный гарнизонъ, а съ остальными войсками расположиться лагеремъ близь города и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній главнокомандующаго.

Затрудненій въ исполненіи этихъ предположеній не предвидѣлось, ибо Джаватъ-ханъ ганжинскій казался въ это время склоннымъ исполнить виды Россіи. Онъ писалъ графу Зубову, что посланный въ Грузію, съ 5,000 червонныхъ, поручикъ Вилькенсъ, хотя и былъ снабженъ ханомъ, по желанію главнокомандующаго, приличнымъ конвоемъ и отправленъ въ Тифлисъ, но на дорогѣ былъ ограбленъ.

«Я отыскалъ грабителей, которые оказались моими подданными, говорилъ Джаватъ. Я возвратилъ Вилькенсу всѣ пять тысячъ и отправилъ съ сильнѣйшимъ конвоемъ, съ которымъ онъ и прибылъ въ Тифлисъ благополучно.»

При извѣстной двуличности ганжинскаго хана, можно было предполагать, что онъ самъ устроилъ эту засаду съ тою цѣлью, чтобы лучше выказать свою преданность Россіи. Графъ Зубовъ хотя и благодарилъ Джаватъ-хана за его услуги русскому правительству, но, не полагаясь ни на его клятвы и обѣщанія, ни на искренность его расположенія, поручилъ генералу Римскому-Корсакову, въ случаѣ сопротивленія жителей, обложить Ганжинскую крѣпость и занять ее силою. Главнокомандующій находилъ, что, съ присоединеніемъ отряда полковника Сырохнева, въ распоряженіи Римскаго-Корсакова будетъ достаточно силъ для того, чтобы овладѣть этою крѣпостью. Утвердившись въ Ганжѣ, Римскій-Корсакевъ долженъ былъ склонить адербеджанскихъ хановъ къ совокупному дѣйствію противъ Аги-Магометъ-хана и убѣдить Ираклія собрать свои войска и двинуться къ Эривани, для овладѣнія этимъ городомъ.

21-го октября генералъ-маіоръ Римскій-Корсаковъ выступилъ къ Ганжѣ. Онъ слѣдовалъ совершенно безпрепятственно со стороны туземныхъ жителей, но былъ весьма затрудненъ

мѣстностью. Наступившее ненастье замедляло движеніе войскъ и въ особенности транспорта съ провіантомъ. Изнуренные волы падали въ большомъ числѣ. Римскій-Корсаковъ принужденъ былъ просить бывшаго при немъ армянскаго архіепископа Іосифа *) о томъ, чтобы онъ похлопоталъ о покупкѣ 400 воловъ и вошелъ въ сношеніе съ Селимъ-ханомъ шекинскимъ, по владѣніямъ котораго проходили войска, испросивъ у хана позволеніе подвластнымъ ему армянамъ перевезти провіантъ до рѣки Куры. Іосифъ поѣхалъ по армянскимъ селеніямъ и успѣлъ удовлетворить желаніе начальника отряда.

Переправившись черезъ рѣку Куру на 30 понтонахъ, Корсаковъ достигъ до Ганжи только 13-го декабря и въ тотъ же день занялъ крѣпость. Джаватъ-ханъ ганжинскій лично поднесъ ключи города и старался показать себя человѣкомъ самымъ преданнымъ: онъ присягнулъ на вѣрность русской императрицѣ и подписалъ присяжный листъ. На заявленіе Корсакова, что, по занятіи крѣпости, всѣ жители должны быть выведены изъ нея, ханъ выразилъ полную готовность сдѣлать распоряженіе въ этомъ смыслѣ, но просилъ оставить въ крѣпости лишь его, съ небольшимъ числомъ людей, и то не болѣе какъ на шесть дней. По истеченіи этого срока, онъ обѣщалъ выѣхать, на что и получилъ разрѣшеніе.

Назначивъ подполковника Воейкова комендантомъ Ганжинской крѣпости, Римскій-Корсаковъ занялъ ее баталіономъ пѣхоты, сотнею пѣшихъ драгунъ и шестью орудіями полевой артиллеріи. Полковникъ Сырохневъ не только къ этому времени не прибылъ къ Ганжѣ, но доносилъ, что только 12-го декабря, и то не на вѣрное, можетъ выступить изъ Тифлиса; что выступленіе его зависитъ отъ царя Ираклія, у котораго онъ проситъ воловъ для подвижнаго транспорта, такъ какъ на всемъ пути отъ Тифлиса до Ганжи не было заготовлено ни провіанта, ни фуража.

Въ ожиданіи прибытія отряда полковника Сырохнева, Римскій-Корсаковъ расположился лагеремъ близь города и просилъ дальнѣйшихъ наставленій главнокомандующаго.

---

*) Аргутинскій-Долгорукій.

Одновременно съ движеніемъ Римскаго-Корсакова къ Ганжѣ и главный каспійскій корпусъ, простоявшій болѣе полутора мѣсяца почти на одномъ мѣстѣ, оставилъ свой лагерь и двинулся къ рѣкѣ Курѣ. Еще въ августѣ графъ Зубовъ, по недостатку продовольствія, принужденъ былъ оставить куртбулакскій лагерь и подвинуться нѣсколько впередъ, ближе къ Старой Шемахѣ.

Весьма хорошій въ климатическомъ отношеніи куртбулакскій лагерь былъ неудобенъ тѣмъ, что за недостаткомъ мѣстныхъ средствъ приходилось продовольствовать войска привознымъ провіантомъ, а всю кавалерію, воловъ и верблюдовъ—подножнымъ кормомъ. Для продовольствія же главнаго отряда не представлялось иныхъ средствъ, какъ доставлять провіантъ по прежнему изъ Баку. Доставка изъ послѣдняго пункта съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затруднялась, такъ какъ для подвижнаго транспорта не имѣлось запаса ни сѣна, ни травы. Послѣдняя была вытравлена вокругъ всего лагеря на столь значительное разстояніе, что для пастьбы кавалерійскихъ и обозныхъ лошадей приходилось отгонять ихъ верстъ за двѣнадцать и далѣе, что не могло считаться удобнымъ въ виду возможнаго нападенія горскихъ хищниковъ. Поэтому, еще въ началѣ августа, главный корпусъ оставилъ куртбулакскій лагерь и, подвинувшись впередъ, расположился на рѣкѣ Персагатъ, близь старой Шемахи. Вновь избранное мѣсто не имѣло тѣхъ удобствъ, которыми пользовались войска въ предъидущемъ лагерѣ. Въ Куртбулакѣ воздухъ былъ здоровый и прохладный, тогда какъ въ долинѣ Персагата войска встрѣтили воздухъ сухой и палящій; травы здѣсь было также не много, да и та скоро выгорѣла. Отъ чрезвычайнаго жара и отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ появились болѣзни, вызвавшія запрещеніе привозить въ лагерь фрукты и приказаніе не удаляться изъ лагеря далѣе выставленныхъ карауловъ. Лишенія, которымъ подвергались войска въ долинѣ Персагата, заставляли покинуть его какъ можно скорѣе. Графъ Зубовъ располагалъ при первой возможности подвинуться далѣе къ рѣкѣ Курѣ.

Передвиженіе это вполнѣ зависѣло отъ продовольствен-

ныхъ средствъ арміи и способовъ доставки провіанта. Для обезпеченія себя въ этомъ отношеніи, главнокомандующій приказалъ измѣрить глубину воды въ рѣкѣ Курѣ, изслѣдовать рѣку относительно возможности доставлять по ней продовольствіе, и опредѣлить сколько можно будетъ поднять заразъ провіанта и въ какое время онъ можетъ быть доставленъ изъ Баку.

Командированный для этой цѣли капитанъ-лейтенантъ Орловскій нашелъ возможнымъ, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями, доставлять провіантъ по рѣкѣ Курѣ до Джавата, но полагалъ при этомъ, что на одинъ рейсъ необходимо не менѣе двухъ недѣль. По полученіи этого донесенія, графъ Зубовъ отправилъ въ Сальяны маіора Панчулидзева съ порученіемъ избрать тамъ мѣсто для склада отъ 3000 до 5,000 четвертей, которыя составляли бы, на всякій случай, родъ запаснаго магазина, и отыскать на рѣкѣ Курѣ пристани, удобныя для выгрузки. Панчулидзевъ съ успѣхомъ исполнилъ порученіе главнокомандующаго, вслѣдствіе чего тогда же приказано было отправить съ острова Саро въ Сальяны 2000 четвертей хлѣба.

Между тѣмъ, недовольный положеніемъ передаточнаго лица, Гудовичъ, еще въ концѣ іюня, просилъ объ увольненіи его, по разстроенному здоровью, отъ всѣхъ должностей на два года. Въ сентябрѣ желаніе его было исполнено. Произведенный въ генералъ-аншефы), графъ Зубовъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ каспійскаго края и въ помощь ему, собственно только для командованія войсками на кавказской линіи, былъ командированъ генералъ-поручикъ Исленьевъ.

Находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Зубова, Исленьевъ долженъ былъ слѣдить за безопасностью линіи не только на всемъ ея протяженіи между двумя морями, но и по всему прибрежью Каспійскаго моря до лѣваго берега рѣки Самура.

Снабдивъ Исленьева инструкціею и отправивъ кавказскій корпусъ къ Ганжѣ, графъ Зубовъ 26-го октября выступилъ изъ лагеря при рѣкѣ Персагатъ по направленію къ Новой Шемахѣ. Войска слѣдовали эшелонами, имѣя впереди себя

всю иррегулярную кавалерію, подъ начальствомъ генералъ-маіора Платова; 28 октября Платовъ подошелъ къ Шемахѣ и расположился лагеремъ въ четырехъ верстахъ отъ нея.

Поставивъ Касима ханомъ шемахинскимъ, графъ Зубовъ выступилъ далѣе, и 21-го ноября остановился ниже Джавата, на обширной равнинѣ, примыкавшей къ лѣвому берегу рѣки Куры. Расположившись здѣсь лагеремъ, главнокомандующій отправилъ всю иррегулярную кавалерію, съ генераломъ Платовымъ, на правой берегъ рѣки, на обширную Муганскую степь, куда впослѣдствіи посылался на пастьбу и весь рабочій скотъ, бывшій при отрядѣ.

Вновь избранный лагерь, по своимъ удобствамъ, превосходилъ всѣ прежніе. Войска устроили себѣ землянки и пользовались изобиліемъ продовольствія, доставлявшагося по рѣкѣ Курѣ изъ Баку и Сальянъ. Изъ собраннаго съ разныхъ мѣстъ лѣса солдаты воздвигли главнокомандующему, въ самое короткое время, двухэтажный домъ, «какого не было и у владѣтелей персидскихъ.» Лагерь представлялъ собою какъ бы волшебно созданный городъ, въ которомъ появились торговцы не только съ жизненными потребностями, но и съ предметами роскоши. Сюда пригоняли изъ Грузіи скотъ и свиней цѣлыми стадами; солдаты ловили рыбу, которая водилась въ р. Курѣ въ большомъ изобиліи.

Для утвержденія нашего владычества на прибрежьѣ Каспійскаго моря, для обезпеченія торговли и для устройства постояннаго и безопаснаго сообщенія съ Грузіей, предполагалось построить крѣпость и основать при ней городъ Екатериносердъ, ниже сліянія рѣкъ Куры и Аракса, около Джавата, на лѣвомъ берегу рѣки Куры. Для первоначальнаго поселенія рѣшено было оставить при вновь возведенной крѣпости 2,000 молодыхъ солдатъ, съ тѣмъ что правительство снабдитъ ихъ всѣмъ необходимымъ для поселенія, а армяне и грузины дадутъ имъ женъ... Постоянное сношеніе этихъ поселенцевъ съ предѣлами Имперіи должно было обезпечиваться вновь возведенными крѣпостями, которыя предполагалось построить въ Таркахъ и Руссей-Булакѣ, и усилить укрѣпленія Баку какъ наиболѣе важнаго порта на всемъ Каспійскомъ морѣ. Въ

Баку сосредоточивалась торговля всей Персіи и Дагестана, а потому одновременно съ возведеніемъ укрѣпленій находили необходимымъ исправить бакинскій портъ и усилить составъ каспійской эскадры.

«Принявъ за благо», писала императрица графу Зубову, «представленіе ваше относительно учрежденія безопаснаго между Кизляромъ и Бакою сообщенія построеніемъ при Тарки и Руссей-Булакѣ, также и при самомъ городѣ Бакѣ, предполагаемыхъ вами учрежденій и находя присланные отъ васъ черезъ инженеръ-подполковника Трузсона тѣмъ укрѣпленіямъ планы, мѣстоположенію и обстоятельствамъ того края соотвѣтственными и къ достиженію желаемаго предмета достаточными, повелѣваемъ вамъ по онымъ привести вышеозначенное предположеніе ваше въ дѣйствительное исполненіе.

«Укрѣпленія при Тарки и Руссей-Булакѣ могутъ быть не слишкомъ обширны, ибо они имѣютъ служить единственно для занятія нѣкоторыхъ важныхъ проходовъ между берегами Каспійскаго моря и кавказскими горами, также для содержанія тутъ магазиновъ и предохраненія отъ набѣговъ смежныхъ народовъ. Что же касается до города Баки, то назначивъ при семъ портѣ мѣсто пребываніе двѣнадцати ластовыхъ судовъ, которыми для облегченія подвозовъ всякихъ снабдѣній къ войскамъ въ Персіи, подъ начальствомъ вашимъ состоящимъ, разсудили мы пріумножить каспійскую эскадру,—слѣдуетъ помянутый городъ укрѣпить не токмо съ твердой земли, но и отъ стороны моря, съ учрежденіемъ тутъ, кромѣ фортификаціонныхъ строеній, всѣхъ нужныхъ для адмиралтействъ надобностей и заведеній».

Предположеніямъ этимъ несуждено было осуществиться. 6-го ноября 1796 г. Россія понесла великую утрату: въ этотъ день скончалась императрица Екатерина II.

На другой день послѣ кончины императрицы, предсѣдатель государственной военной коллегій, графъ Салтыковъ, отправилъ уже курьера къ графу Зубову съ увѣдомленіемъ о вступленіи на престолъ императора Павла I и съ приказаніемъ пріостановить военныя дѣйствія, впредь до особаго повелѣнія, соединить войска въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ

они обезпечены бы были продовольствіемъ, и, ограничиваясь одною обороною, отнюдь не предпринимать никакихъ наступательныхъ дѣйствій.

Ровно черезъ мѣсяцъ извѣстіе это достигло до русскаго лагеря, расположеннаго на рѣкѣ Курѣ, и вслѣдъ затѣмъ графъ Зубовъ узналъ, что каждый командиръ полка получилъ особое именное высочайшее повелѣніе немедленно возвратиться съ полкомъ въ свои границы и сберегать людей *«для лучшаго употребленія»*. Графъ Салтыковъ писалъ въ то же время графу Зубову, что генералъ-аншефъ Гудовичъ оставленъ по прежнему командиромъ кавказскаго корпуса, что высочайше повелѣно немедленно сдѣлать распоряженіе къ возвращенію войскъ въ предѣлы имперіи, съ тѣмъ, что по мѣрѣ прибытія полковъ на линію они должны поступать подъ начальство Гудовича.

Обратное движеніе войскъ происходило медленно; въ мартѣ 1797 года Кабардинскій баталіонъ стоялъ еще въ Баку, гдѣ начальствовалъ князь Циціановъ послѣ смерти Апраксина, и только къ лѣту 1797 года батальонъ возвратился на кавказскую линію, въ прежнія мѣста своего расположенія.

Такъ окончилась кампанія, блистательно начатая и почти безъ кровопролитія приведшая къ результатамъ, которыхъ едва ли самые пылкіе оптимисты могли ожидать. Въ нѣсколько мѣсяцевъ все западное прибережье Каспійскаго моря, всѣ близь лежащія ханства въ глубь Закавказскаго Края были въ нашихъ рукахъ; главнѣйшіе владѣльцы дагестанскихъ племенъ изъявили покорность, Грузія могла уже легко быть вполнѣ обезпечена, отъ вторженій, и слѣдующій годъ, безсомнѣнія, довершилъ бы всѣ предположенія, не требуя особыхъ жертвъ. И одно приказаніе, отданное съ особою поспѣшностью, уничтожило всѣ плоды, выставило насъ въ глазахъ всего населенія какими то легкомысленными людьми, дѣйствующими безъ обдуманности, безъ опредѣленной цѣли, однимъ словомъ—авантюристами. Во второй разъ въ теченіи того же столѣтія мы приходили къ Каспію, завоевывали край, несли расходы денежные, теряли людей и—вдругъ—уходили, бросивъ все, неизвѣстно для чего начатое, неизвѣстно почему не доконченное...

Въ первый разъ, въ 1735 году, такое отступленіе имѣло еще оправданія, не лишенныя основаній. У насъ не было тогда кавказской линіи—этого базиса для войскъ, оперировавшихъ у персидскихъ границъ; а одно морское сообщеніе изъ Астрахани было чрезвычайно затруднительно. Но шестьдесятъ лѣтъ позже, послѣ двукратнаго разгрома Турціи, послѣ овладѣнія плоскостью сѣвернаго Кавказа, послѣ обязательства, заключеннаго съ Грузіей защищать ее отъ сосѣднихъ мусульманскихъ враговъ и, нѣкоторымъ образомъ, послѣ вины нашей за оставленіе ея безъ помощи въ 1795 году, послѣ очевидной необходимости раньше или позже приступить къ занятію окружающихъ Грузію мусульманскихъ владѣній,—оставить вдругъ всѣ, такъ легко и удачно добытые успѣхи и отступить,—это было крайне нерасчетливо и неполитично!

И не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ обстоятельства доказали необдуманность сдѣланнаго шага, потребовались новыя, и, увы, уже гораздо большія, тяжелыя жертвы, чтобы возвратить потерянное...

Сколько разъ исторія уже показывала, что упущенный удобный моментъ очень трудно уловить въ другой разъ, и, во всякомъ случаѣ, обойдется въ сто кратъ дороже; а между тѣмъ, къ прискорбію, мы видимъ, какъ примѣры эти легко забываются и государственные дѣятели періодически повторяютъ тѣ же ошибки...

XVII.

Опасности угрожавшія Грузіи.—Окончательное занятіе ея русскими войсками. — Движеніе Кабардинскаго полка въ 1800 г. въ Тифлисъ. — Вступленіе въ городъ и встрѣча. — Раздоры и интриги царевичей противъ царя Георгія. — Обращеніе царевича Александра къ Омаръ-хану аварскому за помощью и его наступленіе къ Грузіи.—Выступленіе Лазарева ему на встрѣчу съ отрядомъ.—Дѣло на Іорѣ 7 ноября и пораженіе лезгинскихъ скопищъ.

Предшествующія событія уже достаточно ясно показывали, что, рано или поздно, прочное обезпеченіе грузинскаго царства отъ неминуемой гибели неизбѣжно приведетъ къ постоянному занятію его русскими войсками. Ни человѣколюбіе, ни достоинство сильной христіанской державы, ни политическое положеніе, созданное побѣдами надъ Турціею, ни безопасность южныхъ границъ государства, не могли допустить русское правительство до индиферентныхъ отношеній къ дѣламъ Грузіи, особенно послѣ заключеннаго въ 1783 году съ ея царемъ Иракліемъ договора о протекторатѣ. Уже одно ужасное нашествіе Аги-Магометъ-хана въ 1795 году лежало нѣкоторымъ образомъ укоромъ на нашей политической совѣсти; но послѣ того какъ мы наконецъ двинули въ Грузію колонну полковника Сырохнева, показавъ этимъ уже не платоническій, такъ сказать, а реальный протекторатъ, послѣ того какъ для наказанія Персіи за нападеніе на покровительствуемую Россіею Грузію и обезпеченія ея на будущее время отъ разныхъ мусульманскихъ сосѣдей, корпусъ графа Зубова овладѣлъ каспійскимъ прибрежьемъ, занялъ ближайшія къ Грузіи ханства, пріобрѣлъ нравственное вліяніе надъ разными горскими владѣтелями и доставилъ торжество христіанскому имени надъ магометанскимъ, послѣ всего этого оставить опять царство грузинское и армянское населеніе на жертву мусульманскому

изувѣрству было-бы непростительною жестокостью и большимъ политическимъ промахомъ.

Распоряженіе императора Павла о немедленномъ возвращеніи войскъ изъ Закавказья, даже безъ предваренія грузинскаго царя и предоставленія ему возможности принять какія нибудь мѣры къ спасенію, очевидно было слѣдствіемъ минутнаго увлеченія, столь свойственнаго этому государю. Но отмѣну его въ ближайшемъ будущемъ нельзя было не предвидѣть, тѣмъ болѣе, что рыцарски благородный и также легко увлекавшійся въ расположеніи сдѣлать добро, императоръ Павелъ, само собою, не могъ отказать просьбѣ о помощи, за которою Грузія неизбѣжно должна была обратиться.

Такъ и случилось. Съ уходомъ русскихъ войскъ, царь Ираклій отправилъ посла князя Герсевана Чавчавадзе въ Петербургъ умолять о защитѣ и покровительствѣ. Ага-Магометъ-ханъ, узнавъ объ нашемъ неожиданномъ отступленіи, писалъ Ираклію, что русскіе—торгаши, продавцы суконъ и кормазина, взялись не за свое дѣло—за мечь и копье, отважились войти въ предѣлы земель, покровительствуемыхъ Персіею; но какъ только узнали что онъ, побѣдоносный повелитель Ирана, собирается идти съ войсками для ихъ наказанія и истребленія, поспѣшили бѣжать и удалиться въ свою гнусную землю. При этомъ онъ требовалъ покорности Ираклія, присылки къ нему одного изъ сыновей царя и обѣщалъ великія милости, а въ противномъ случаѣ угрожалъ послѣдствіями, подобными недавнимъ, т. е. нашествію 1795 года.

Посланіе это, понятно, привело въ ужасъ Ираклія и Грузію. Просьбы князя Чавчавадзе, прибывшаго въ апрѣлѣ 1797 года въ Петербургъ, не могли быть отклонены, и двумъ батальонамъ, еще находившимся въ Тифлисѣ, приказано было остаться тамъ, что возбудило въ странѣ общую радость.

Между тѣмъ персидскій шахъ, не получая на повторенное требованіе покорности никакого отвѣта, двинулся съ войскомъ опять къ Грузіи, намѣреваясь предварительно наказать строптиваго хана карабахскаго, дерзнувшаго ему сопротивляться и быть союзникомъ Ираклія. Ибрагимъ ханъ карабахскій, оставивъ свое владѣніе, съ семействомъ и нѣсколькими прибли-

женными бѣжалъ къ джарскимъ лезгинамъ, и Ага-Магометъ-ханъ занялъ безъ боя столицу Карабаха, Шушу, разославъ свои полчища для разоренія окрестностей.

Здѣсь, въ Шушѣ, въ одной изъ комнатъ ханскаго дворца, свершились опредѣленія судьбы надъ жестокимъ самовластнымъ варваромъ: его собственные нукеры, (слуги) которымъ на другое утро угрожала смертная казнь по капризу шаха, рѣшились покончить съ нимъ. Абасъ и Сафаръ-Али, (такъ звали этихъ двухъ человѣкъ) вооруженные кинжалами, пробрались въ спальню, съ осторожностью и ловкостью кошекъ скользнули по мягкому ковру, приблизились къ погруженному въ глубокій сонъ властелину и кинжалъ глубоко вонзился въ грудь спящаго...

Несчастный, ты убилъ Иранъ! это были послѣднія слова жестокаго деспота, наводившаго ужасъ на Персію и всѣ ее окружающія населенія.

Все имущество тирана было разграблено его же чиновниками и войсками, которые вслѣдъ за тѣмъ оставили Шушу и удалились въ Персію.

За смертью Ага-Магометъ-хана, признано было безполезнымъ оставлять русскія войска въ Грузіи; въ сентябрѣ 1797 г., они уже ушли на кавказскую линію... Царь Ираклій лишился опоры для борьбы съ внѣшними врагами, которыхъ безъ Персіи было достаточно, и для удержанія въ порядкѣ страны, раздираемой внутренними раздорами.

Не буду распространяться о подробностяхъ переговоровъ, колебаніяхъ и проч., сопровождавшихъ нѣскольколѣтнія сношеніи Грузіи съ русскимъ правительствомъ; объ этомъ уже много писано, особенно въ статьяхъ Н. Ѳ. Дубровина, приготовляющаго къ изданію исторію владычества нашего на Кавказѣ: я ограничусь краткимъ изложеніемъ фактовъ, приведшихъ моего героя—Кабардинскій полкъ за Кавказъ, въ столицу Грузіи, къ цѣлому длинному ряду новыхъ блистательныхъ подвиговъ.

Въ январѣ 1798 г., скончался царь Ираклій; на престолъ взошелъ сынъ его Георгій XII. Лично храбрый, какъ и всѣ его соотечественники, онъ не отличался никакими другими качествами и къ тому же, вслѣдствіе сильной тучности и

вообще болѣзненности, не былъ способенъ къ энергической, усиленной дѣятельности, требовавшейся въ страшно разоренной, со всѣхъ сторонъ угрожаемой, внутренними раздорами и интригами многочисленнаго царскаго семейства, доведенной до крайняго положенія странѣ. Опасаясь новыхъ нашествій Персіи и дагестанскихъ горцевъ, Георгій рѣшился отдаться въ покровительство порты отоманской... Уже былъ отправленъ имъ посломъ къ султану князь Асланъ-Орбельянъ съ формальнымъ прошеніемъ. Доѣхавъ до Ахалцыха, онъ ожидалъ тамъ разрѣшенія отъ порты для дальнѣйшей поѣздки въ Царьградъ. Но въ это время возвратился въ Тифлисъ изъ Россіи царевичь Давыдъ, сынъ Георгія, находившійся уже нѣсколько лѣтъ въ русской службѣ, и увѣрилъ отца въ искреннемъ расположеніи императора Павла. Это побудило царя отправить гонца, съ приказаніемъ Орбельяну возвратиться.

Между тѣмъ положеніе Грузіи не улучшалось. Несчастные жители, спасшіеся бѣгствомъ отъ нашествія персіянъ, возвращались оплакивать развалины и пепелища своихъ домовъ, опустошенныя села, погибшихъ и уведенныхъ въ неволю родныхъ. Недостатокъ продовольствія, грабежи и хищничества лезгинъ, выжиманіе князьями послѣднихъ соковъ съ крестьянъ, всеобщая бѣдность, неурядица, отсутствіе правосудія, царство произвола, все это было бы не подъ силу даже и весьма даровитому, энергическому правителю. Слабый же нравственно и физически царь Георгій совсѣмъ опустилъ руки, и получивъ свѣдѣніе о новомъ предпринимаемомъ персіянами нашествіи, видя приближающуюся гибель несчастнаго своего отечества, рѣшился со всѣмъ отдаться Россіи. Вслѣдствіе этого, въ 1799 г., въ Грузію опять была двинута колонна русскихъ войскъ, состоявшая изъ 17-го егерскаго полка, при 4-хъ орудіяхъ и нѣсколькихъ казакахъ, да еще раньше отправленъ въ Тифлисъ, въ качествѣ резидента, статскій совѣтникъ Коваленскій; а на слѣдующій годъ, уже по настоянію не только царя, но и Коваленскаго, а также шефа 17 егерскаго полка генералъ-маіора Лазарева, въ виду угрозъ Персіи и Омаръ-хана аварскаго, инспекторъ кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Кноррингъ нашелъ необходимымъ уси-

лить русскія войска въ Грузіи и въ августѣ (1800) назначилъ къ отправленію съ кавказской линіи Кабардинскій мушкетерскій генералъ-маіора Гулякова полкъ, съ артиллеріею и сотнею поселенныхъ казаковъ. Затѣмъ, въ случаѣ дѣйствительной надобности, долженъ былъ послѣдовать туда и самъ генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, съ новыми подкрѣпленіями, собранными имъ въ Моздокѣ.

25-го августа выступилъ Кабардинскій полкъ изъ Екатеринограда и Моздока *). Всякій, проходившій отъ Владикавказа до Тифлиса, даже и теперь, когда шоссейная дорога, проложенная послѣ шестидесяти лѣтъ громадныхъ издержекъ и труда, составляетъ торжество инженернаго искуства, можетъ легко себѣ представить, каковъ долженъ былъ быть этотъ переходъ въ 1800 году, для войскъ, привыкшихъ къ степи. Однако, благодаря строгому порядку и мѣрамъ осторожности, колонна прошла благополучно и лишь въ одномъ мѣстѣ, при переходѣ черезъ Терекъ, артиллерійскій ѣздовой полка Гельвига полетѣлъ съ моста въ рѣку съ зряднымъ ящикомъ; самъ онъ утонулъ, ящикъ разбился въ щепки, снаряды погибли, а лошади спаслись. 23-го сентября полкъ вступилъ въ Тифлисъ.

Произошло неизбѣжное: разъ вступивши на почву Кавказа, мы должны были стать въ немъ прочной ногой по обѣ стороны хребта. Этотъ чудный разнообразный край уже въ глубокой древности игралъ весьма значительную роль во всемірной исторіи; здѣсь, по смыслу библейскихъ сказаній, была колыбель новаго рода человѣческаго послѣ всемірнаго потопа, здѣсь Зердуштъ проповѣдывалъ свое ученіе и Кавказъ вошелъ въ могущественную имперію Кира; здѣсь были древнѣйшія колоніи грековъ; сюда, по миѳическимъ ихъ сказаніямъ, ходили за золотымъ руномъ и тутъ же происходили многіе другіе религіозные и историческіе миѳы; здѣсь Римъ спорилъ о всемірномъ владычествѣ съ Митридатомъ и Хозроемъ; чрезъ Кавказъ, чрезъ грозное, великолѣпное ущелье

*) Въ составѣ 10-ти мушкетерскихъ ротъ; а двѣ гренадерскія роты находились съ ротами Казанскаго полка въ составѣ своднаго гренадерскаго баталіона гдѣ то за 200 верстъ отъ полка

Дарьяла, шли впослѣдствіи племена, коимъ суждено было населить Европу и совершить обновленіе древняго міра; сюда проникъ въ средніе вѣка промышленный духъ генуезцевъ и торговля съ востокомъ поставила край въ цвѣтущее состояніе; проповѣдники Христова ученія понесли слова свои въ горы и трущобы. Цѣлые вѣка затѣмъ длилась уже борьба христіанскаго меншинства съ мусульманскимъ большинствомъ; вѣчная опасность и тревоги развили дикіе, хищно-воинственные инстинкты и привычки, необезпеченность жизни и имущества...

Наконецъ России судьбою предназначено было стать властительницею этого края и положить предѣлъ тѣмъ смутамъ и повсемѣстной взаимной враждѣ, расшатанности всѣхъ государственныхъ и общественныхъ связей, которыя довели богатый, цвѣтущій, надѣленный природою всѣми благами Кавказъ на край бездны.

И хотя мы уже всю послѣднюю четверть 18-го столѣтія занимали линіи по Кубани и Тереку, проникали за эти рѣки, до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей, но все же дѣйствительное, окончательное, прочное водвореніе наше на Кавказѣ слѣдуетъ считать только съ 1799—1800 г., когда въ Тифлисъ были посланы 17-й Егерьскій (нынѣ Эриванскій лейбъ-гренадерскій) и Кабардинскій мушкетерскій полки, уже не въ видѣ временной мѣры, а на всегда, какъ военная сила, имѣющая защитить и обезопасить вступившую въ подданство России Грузію.

Этими двумя славными полками, къ счастью, командовали въ то время два человѣка, сразу утвердившіе въ Азіи убѣжденіе въ доблести русскихъ войскъ. Имена генералъ-маіоровъ Лазарева и Гулякова, первыхъ русскихъ офицеровъ, запечатлѣвшихъ своею кровью такое убѣжденіе, не могутъ быть вычеркнуты изъ славныхъ военныхъ лѣтописей Россіи; особенно Гулякова, шефа Кабардинскаго полка, съумѣвшаго и втеченіи двухъ лѣтъ дѣйствій противъ сильнѣйшаго, упорнѣйшаго врага Грузіи—джаробѣлоканскихъ лезгинъ навести на нихъ почти паническій ужасъ, до того, что, не взирая даже на частное пораженіе русскаго отряда и смерть самаго Гулякова, лезгины сочли невозможнымъ продолжать борьбу и вмѣсто упое-

нія побѣдой явились съ покорностью и мольбой о пощадѣ, какъ будетъ подробно разсказано ниже. Гуляковъ, Лазаревъ, Кабардинскій и Эриванскій полки—это первые камни того фундамента, на которомъ построилась вся вѣковая слава геройской кавказской арміи; ихъ подвиги вразумили горцевъ и обезпечили цѣлость и спокойствіе Грузіи; по ихъ слѣдамъ пошли уже прибывавшіе одни за другими новые полки. Что впослѣдствіи бывали неудачныя дѣла и частныя пораженія, что борьба затянулась на 65 лѣтъ, это уже не ихъ вина: войска оставались вѣрными завѣщаннымъ доблестямъ и, сколько немѣнялись люди, начальники, условія мѣстностей, бытъ противника,—духъ оставался тотъ же.

И такъ, въ августѣ 1880 года, Кабардинскій полкъ, собравшись въ Моздокѣ, переправился здѣсь чрезъ Терекъ и выступилъ въ Грузію. Командовавшій войсками кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Кноррингъ снабдилъ полкъ всѣмъ нужнымъ и продовольствіемъ до Ларса, а оттуда уже дальнѣйшія заботы были возложены на находившагося въ Тифлисѣ съ 1799 года съ своимъ полкомъ генерала Лазарева, который и выслалъ на встрѣчу десятидневный провіантъ въ Казбекъ, Кайшауръ, Анануръ и Душетъ.

23-го сентября, какъ сказано, полкъ вступилъ въ Тифлисъ. Несмотря на болѣзнь, царь Георгій хотѣлъ лично встрѣтить отрядъ генералъ-маіора Гулякова. На разсвѣтѣ онъ выѣхалъ въ линейкѣ, въ сопровожденіи своей супруги царицы Маріи, которую несли въ тахтреванди (портшезъ); наслѣдникъ, царевичъ Давыдъ, прочіе члены царскаго семейства, высшіе чины, князья, народъ толпою двинулись за городъ. Тутъ же находился и прибывшій предъ тѣмъ, посланный отъ персидскаго шаха Баба-ханъ, съ фирманомъ, требовавшимъ покорности грузинскаго царя...

За три версты отъ города разбиты были двѣ палатки для царя и царицы. Когда при лучахъ восходящаго солнца показался русскій отрядъ, Георгій со свитою отправился ему на встрѣчу. Гуляковъ остановилъ колонну; войска отдавали царю честь; съ тифлиской крѣпости начался салютъ, а по всему городу колокольный звонъ; народъ съ радостными восклица-

ніями окружилъ нашихъ солдатъ и провожалъ до городской площади. Тѣснота улицъ заставила нарушить стройное движеніе и порядокъ, войска были распущены по квартирамъ частью въ городѣ; частью въ предмѣстьѣ Авлабаръ. Знамя отнесли въ отведенную Гулякову квартиру. Въ этотъ день былъ такой сильный, пронзительный вѣтеръ, что Георгій не могъ проводить полкъ до города и остался въ подгородной деревнѣ Куки.

На другой день шефъ полка со всѣми офицерами представлялись царю, вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, жители предавались полному веселію. Генералъ Лазаревъ въ донесеніи своемъ императору Павлу о вступленіи Кабардинскаго полка въ Тифлисъ писалъ, между прочимъ: «украшенныя сѣдинами и подъ бременемъ лѣтъ согбенныя старухи, забывъ дряхлость свою, съ ревностью для встрѣчи выползшіе изъ домовъ своихъ, взирая на идущихъ защитителей, подымали дрожащія руки свои къ небу, благословляли день сей, возвышая августѣйшаго монарха покровителя своего и простирали къ мушкетерамъ нашимъ объятія свои, подобно чадолюбивымъ матерямъ къ дѣтямъ. А на другой день вечеромъ самъ царь Георгій и его семья удивлялись ликованію и веселію жителей, до сихъ поръ порываемыхъ лишь *строптнымъ* чаяніемъ въ приближеніи непріятеля, страха, гнѣва и кровопролитія,—возсылавшихъ благодареніе государю, покровителю своему. Чему я самъ былъ свидѣтелемъ личнымъ».

Усиленіе нашихъ войскъ въ Грузіи успокоило Георгія отъ страха предъ новымъ персидскимъ нашествіемъ; на братьевъ же его и родственниковъ это произвело обратное дѣйствіе: они видѣли въ нашихъ войскахъ поддержку царю и препятствіе ихъ враждебнымъ противъ него замысламъ. Они хотѣли послѣ смерти Георгія передать престолъ не сыну его Давыду, а брату царя — Александру, согласно завѣщанія Ираклія, въ вынужденности коего покойный Ираклій, впрочемъ, самъ сознавался, приписывая все своей послѣдней властолюбивой женѣ Даріи. Недостигнувъ интригами и обращеніемъ къ русскому правительству никакихъ результатовъ, всѣ эти царевичи рѣшились начать открытыя враждебныя дѣйствія про-

тивъ своего царя. Александръ, удаляясь изъ Грузіи, кочевалъ по дворамъ различныхъ сосѣднихъ мусульманскихъ владѣтелей, заискивая у нихъ покровительства и поддержки. Наконецъ, при содѣйствіи карабахскаго хана, онъ вошелъ въ сношеніе съ злѣйшимъ врагомъ Грузіи, аварскимъ Омаръ-ханомъ, человѣкомъ предпріимчивымъ и отважнымъ, съ умѣвшимъ пріобрѣсти большое уваженіе всѣхъ своихъ сосѣдей. Собственное его владѣніе было незначительно и бѣдно; замкнутое среди громадныхъ горъ Дагестана, оно не могло производить даже того небольшаго количества продуктовъ, какое нужно для собственнаго пропитанія; но вліяніе Омаръ-хана на всѣхъ горцевъ, существовавшихъ съ единою цѣлью вести хищническій образъ жизни, было громадно и онъ умѣлъ пользоваться имъ, собирая по желанію большія ихъ скопища, грозя всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Особенно страдала отъ его нашествій несчастная Грузія, и цари ея обязались наконецъ платить Омару ежегодную дань въ 5-ть тысячъ рублей; что впрочемъ тоже не много помогло.

Вотъ къ этому человѣку обратился честолюбивый царевичь Александръ за помощью...

Омаръ-ханъ, само собою, выказалъ полнѣйшую готовность и началъ готовиться къ вторженію въ Грузію; но, скрывая свои намѣренія, счелъ нужнымъ отправить посланнаго къ генералу Кноррингу, съ увѣреніемъ въ преданности Россіи и просьбою о покровительствѣ. У насъ приняли это за нѣчто искреннее и, по донесенію Кнорринга, уже послѣдовало разрѣшеніе отправить аварскаго посланца въ Петербургъ...

Между тѣмъ Омаръ-ханъ, соединивъ подъ свои знамена казикумыхцевъ, акущинцевъ, андійцевъ, двинулся въ Бѣлокани—нѣчто въ родѣ столицы джаробѣлоканскихъ лезгинъ, ближайшихъ сосѣдей и мучителей Грузіи. По первымъ извѣстіямъ объ этомъ, царь Георгій обратился къ генералу Лазареву, командовавшему всѣми русскими войсками, съ просьбою выступить противъ лезгинъ и защитить Кахетію отъ неминуемаго разгрома.

Лазаревъ, поручивъ охраненіе спокойствія и порядка въ Тифлисѣ полковнику Карягину, взялъ одинъ баталіонъ своего

полка, одинъ Кабардинскаго съ генераломъ Гуляковымъ, сотню казаковъ и нѣсколько орудій, и выступилъ къ г. Сигнаху. Весь отрядецъ состоялъ изъ 22 офицеровъ, 550 человѣкъ Кабардинскаго, 21 офицера и 385 солдатъ 17 Егерскаго полковъ, 69-ть артиллеристовъ и 62 донскихъ казаковъ—всего около 1,200 человѣкъ, съ нестроевыми, деньщиками и проч. включительно. И этой то горсти русскихъ войскъ предстояло дебютировать на новой закавказской военной сценѣ противъ грознаго Омаръ-хана и его пятьнадцати тысячъ лезгинъ.

Не вступая пока въ непріязненныя дѣйствія, Лазаревъ спрашивалъ Омаръ-хана о причинахъ, побудившихъ его вторгнуться въ Грузію и измѣнить своему образу мыслей въ отношеніи русскаго правительства? Онъ совѣтовалъ ему не доводить дѣла до кровопролитія и уходить съ миромъ во свояси. Хитрый ханъ сослался на законы гостепріимства, обязывающіе его оказать содѣйствіе царевичу Александру, на неплатежъ ему царемъ Георгіемъ положенной дани и проч.; увѣрялъ въ не желаніи столкновеній съ русскими, а между тѣмъ уже переправился на правый берегъ р. Алазани къ Караагачу.

Лазаревъ еще разъ послалъ Омаръ-хану и Александру увѣщательныя письма, но это не подѣйствовало. На общемъ совѣтѣ ханъ и царевичъ рѣшили: занять двумя тысячами человѣкъ селеніе Сагареджо, половину переправить чрезъ Куру на соединеніе съ имеретинскими войсками царевичей-братьевъ Александра, и съ двухъ сторонъ атаковать городъ.

Былъ уже конецъ октября; скопище Омаръ-хана, почти исключительно конное, терпѣло недостатокъ въ продовольствіи и особенно въ фуражѣ, котораго въ запасѣ во все не было, и лошади пробавлялись скуднымъ подножнымъ кормомъ; чѣмъ ближе къ Грузіи, тѣмъ положеніе ихъ становилось труднѣе. Не желая однако допустить вторженіе непріятеля внутрь страны, Лазаревъ 4-го ноября выступилъ изъ Сигнаха съ своей колонной и присоединившимися къ нему грузинами, около трехъ тысячъ человѣкъ, на половину вооруженныхъ палками, и, отойдя 12-ть верстъ, остановился на ночлегъ; 5-го числа отрядъ прошелъ еще нѣкоторое разстояніе и сталъ

верстахъ въ шести отъ непріятеля.—Съ разсвѣтомъ передовые пикеты извѣстили, что непріятель направился лѣвѣе, миновалъ ближайшія ущелья и вышелъ на открытыя мѣста, по направленію къ р. Іорѣ.

По этому и Лазаревъ повернулъ свой отрядъ и двинулся уже пройденнымъ путемъ, паралельно непріятелю; путь былъ до того неудобенъ, что, при всей поспѣшности, колонна въ теченіи дня не могла нагнать противника, которому Лазаревъ думалъ ударить во флангъ. Только на разсвѣтѣ 7 ноября нашъ отрядъ успѣлъ подойти на разстояніе двухъ верстъ отъ Омаръ-хана, стоявшаго на правомъ берегу Іоры, у деревни Какабетъ.

Занявъ опушку довольно густого лѣса, Омаръ-ханъ приказалъ разложить костры, а часть конницы отправилъ для занятія ближайшихъ деревень, думая оттуда добыть продовольствіе для своей толпы.—Наша-же колонна, своротя влѣво съ дороги, ведшей къ рѣкѣ, двинулась впередъ, имѣя позади себя грузинъ. На отлогомъ краю косогора, лежавшаго на пути слѣдованія, стояла небольшая старая башня, изъ которой лезгинскій пикетъ сдѣлалъ сигнальный выстрѣлъ. Войска Омаръ-хана начали стягиваться за рѣкой и переправляться на встрѣчу нашимъ войскамъ, построившимся въ боевой порядокъ: каре Гулякова составило лѣвый флангъ, каре Лазарева правый, въ промежуткѣ стали царевичи Іоаннъ и Багратъ съ своимъ грузинскимъ ополченіемъ.

Переправясь чрезъ Іору, лезгины атаковали правое каре конницею. Залпы ружей и картечь изъ пушекъ были такъ удачны, что, по шутливымъ словамъ Лазарева,—«немалое число непріятеля отъ сего пріема начало лбами доставать землю и доискиваться въ оной мнимыхъ правъ, коихъ Омаръ-ханъ былъ сильнымъ поборникомъ.»

Отброшенный здѣсь непріятель обратился на грузинъ, но и тутъ былъ встрѣченъ картечью изъ двухъ орудій; между тѣмъ, другая часть ихъ обошла и бросилась въ тылъ отряду, гдѣ стояли одни безоружные грузины, на выручку коихъ однако подоспѣло каре Гулякова, и Омаръ-ханъ вынужденъ былъ начать отступленіе мимо праваго фланга нашего отряда, гдѣ

и пришлось пройти ему подъ жесточайшимъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи.

«Побѣдоносное россійское ура! раздалось по обѣимъ крыльямъ, доносилъ Лазаревъ Кноррингу, отъ 14-го ноября, и съ послѣдними выстрѣлами погибла непріятельская сила. Наконецъ принесены были двѣ жирныя головы, одна Александра (?) Сердаря Омаръ-ханова, а другая якобы Джинъ-Гутая (?) громада котораго представилась первая предъ лицомъ всѣхъ побѣдоносныхъ россійскихъ воиновъ. Казалось, онъ дышалъ варварскимъ свирѣпствомъ, а обширность и толстота ея доказывали, что она упитана была тукомъ злодѣяній и набита одною буйственностію *).

Наступившій вечеръ прекратилъ трехчасовой бой; темнота ночи непозволила преслѣдовать непріятеля по мѣстности, покрытой лѣсомъ, колючками, терновникомъ и перерѣзанной оврагами. А впрочемъ съ кѣмъ же было и преслѣдовать коннаго врага? съ 60 казаками?..

Лазаревъ отошелъ съ отрядомъ къ дер. Какабетъ и расположился тамъ на ночлегъ. Съ наступленіемъ утра, глазамъ побѣдителя открылась картина того страшнаго побоища, которое испыталъ непріятель. Камышъ, кустарники и рвы наполнены были трупами, между которыми еще слышались стоны тяжело раненыхъ; вездѣ видны были слѣды крови; за рѣкой, на мѣстѣ бывшаго непріятельскаго лагеря, видны были признаки смятенія и ужаса, съ коими лезгины бросались бѣжать; тамъ были большіе продовольственные запасы и во многихъ мѣстахъ найдены даже ножи въ томъ положеніи, какое бываетъ при полуразрѣзанной пищѣ.—Потери непріятеля про-

*) Должно полагать, что Лазаревъ былъ введенъ въ заблужденіе, легко понатное при новизнѣ и совершенномъ незнаніи туземныхъ обстоятельствъ. Ни какого Александра у Омаръ-хана, кромѣ царевича, не могло быть Сардаремъ, т. е. главнымъ начальникомъ войскъ; но царевичъ остался цѣлъ и жилъ еще десятки лѣтъ, послѣ этого; а вѣрнѣе, что убитый былъ какой нибудь горскій старшина *искандеръ*, котораго грузины и перевели Александромъ. Также и другой Дженъ-Гутай не есть имя человѣка, а названіе главнаго аула и резиденціи хана мехтулинскаго, ближайшаго сосѣда шамхала тарковскаго; вѣроятно жирная свирѣпая голова принадлежала какому нибудь старшинѣ или просто жителю аула Дженгутая.

стирались до 2,000 человѣкъ. (?) Самъ Омаръ-ханъ, по свѣдѣніямъ, былъ раненъ въ бедро. У насъ же вся потеря ограничилась однимъ убитымъ рядовымъ Кабардинскаго полка, однимъ раненымъ 17-го Егерскаго и однимъ легко раненымъ офицеромъ; да грузины потеряли человѣкъ десять. Очевидно, что главное пораженіе нанесла непріятелю картечь, производившая въ ихъ густыхъ толпахъ страшное опустошеніе и обратившая ни во что всѣ ихъ попытки къ атакамъ, встрѣчаемымъ къ тому же ружейными залпами нашихъ стойкихъ каре.

Трофеями были весь непріятельскій станъ и нѣсколько знаменъ, изъ коихъ одно взято лично Кабардинскаго полка поручикомъ Новицкимъ, въ ту самую минуту когда этотъ храбрый офицеръ, будучи впереди съ охотниками, бросился на наступавшаго непріятеля, собственно-ручно закололъ знаменьщика и отнялъ знамя.

Побѣда была полная, блистательная. Послѣдствія ея были во многихъ отношеніяхъ весьма важны: Грузія была защищена отъ неминуемаго разоренія; страшное междуусобіе, затѣянное Дарьею и ея сыномъ царевичемъ Александромъ, устранено; грознѣйшій сосѣдъ и исконный разоритель Грузіи Омаръ-ханъ, со всѣми своими лезгинскими и аварскими полчищами, былъ разбитъ, и горцы познали, что отъ нынѣ безнаказанныя хищничества въ христіанской странѣ немыслимы; ближайшіе сосѣди, джаробѣлоканскіе лезгины, бывшіе тоже въ скопищѣ Омара, понесли не малыя потери людьми и увидѣли, что имѣть дѣло съ русскими войсками не то что съ грузинскими ополченіями; наконецъ, очень важно было то, что первый дебютъ нашихъ войскъ Закавказомъ, не взирая на такую несоразмѣрность силъ съ противникомъ, увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ и сразу завоевалъ имъ уваженіе грузинъ и страхъ мусульманскихъ сосѣдей.

Императоръ Павелъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ дѣломъ. Оба генерала, Лазаревъ и Гуляковъ, царевичи Іоаннъ и Багратъ, Кабардинскаго полка маіоры Соленіусъ, Себастіанъ, Алексѣевъ и поручикъ Новицкій получили командорскіе кресты Іоанна Іерусалимскаго, прочіе офицеры нашего полка:

Жиленковъ, Сумцовъ, Житковъ, Орбеліани, Бадировъ и Огаревъ кавалерскіе кресты, а два унтера-офицера донаты ордена. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, пожаловано по 1 руб. на человѣка; Кабардинскому полку даны знамена Мальтійскія (тоже что нынѣ георгіевскія) съ надписью; «съ нами Богъ, за взятіе у аварскихъ войскъ знаменъ при р. Іорѣ, 7-го ноября 1800 года»—какъ сказано въ рескриптѣ, отъ 17-го декабря.

Разбитый Омаръ-ханъ съ нѣсколькими всадниками скрылся въ Джары; вліяніе его было сильно подорвано и въ мартѣ 1801 года онъ умеръ, а царевичъ Александръ опять ушелъ во владѣніе карабахскаго хана.—Генералъ-маіоръ Лазаревъ 12-го ноября возвратился въ Тифлисъ, а Кабардинскій баталіонъ оставилъ въ Сигнахѣ, для охраны края отъ лезгинъ.

Это было первое начало системы обезпеченія Грузіи отъ вторженія сосѣднихъ горцевъ, системы, развившейся впослѣдствіи до обширныхъ размѣровъ лезгинской кордонной линіи. Въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ выполнить трудную задачу эту выпало на долю Кабардинскаго полка.

XVIII.

Кардонная служба полка,—Мелкія стычки съ лезгинцами.—Движеніе Гулякова за Алазань,—Пораженіе Джарскихъ лезгинъ и взятіе Бѣлокани,—Занятіе Джары.—Изъявленіе лезгинами покорности.—Неисполненіе ими условій и возобновленіе нападеній.

Между тѣмъ, 28-го декабря 1800 г., скончался Грузинскій царь Георгій; въ погребеніи его, совершенномъ съ подобающимъ торжествомъ, участвовалъ въ парадѣ 2-й баталіонъ Кабардинцевъ. Смерть царя была сигналомъ усиленныхъ раздоровъ и враждебныхъ дѣйствій между многочисленными членами царскаго дома и множествомъ княжескихъ фамилій, бывшихъ приверженцами одного или другаго претендента на престолъ. Подробности всѣхъ этихъ интригъ и столкновеній не относятся до занимающаго меня предмета; онѣ къ тому же достаточно подробно уже изображены въ книгѣ Г. Дубровина «Георгій XII» изд., 1867 г.—Я возвращаюсь къ ходу событій, связанныхъ съ дѣятельностью полка.

Съ 1801 года началась та мелкая хищническая война, которая закончилась лишь чрезъ 59 лѣтъ, съ плѣненіемъ Шамиля и окончательнымъ покореніемъ восточнаго Кавказа. Такъ, напримѣръ, 6-го іюня 1801 года, лезгины напали на казачій табунъ (казаки были расположены пикетами по правому берегу Алазани) и отогнали нѣсколько десятковъ лошадей, но, преслѣдуемые ротой Кабардинскаго полка, должны были бросить добычу. Чрезъ мѣсяцъ, 6-го іюля, партія лезгинъ опять пробралась густымъ лѣсомъ и въ 5-ти верстахъ отъ села Велисцихе напала на табунъ Кабардинскаго полка; но дружно встрѣченная огнемъ прикрытія, состоявшаго изъ 96-ти человѣкъ, при поручикѣ Кошелевѣ, отступила безъ успѣха. Чрезъ два дня усиленная партія опять повторила нападеніе, но тоже

безъ удачи. Въ первомъ случаѣ у насъ однако убито 5 и ранено 1 человѣкъ, а во второмъ одного убили, а двухъ увели въ плѣнъ. 24-го ноября 500 лезгинъ хотѣли переправиться чрезъ Алазань, но были встрѣчены нашими ротами, прогнаны назадъ съ потерею; при этомъ ранены штабсъ-капитанъ Габуадзе и два солдата.

Усилившіяся хищничества и со стороны Кахетіи, и со стороны Карталиніи, гдѣ нападали покровительствуемыя ахалцыхскимъ пашою шайки пробиравшихся туда лезгинъ, вынудили генерала Кнорринга выслать новыя подкрѣпленія войсками и отправиться самому въ Грузію, которую вступившій между тѣмъ на престолъ императоръ Александръ еще нерѣшился окончательно присоединить къ Россіи. Кноррингу было поручено предварительно лично на мѣстѣ все осмотрѣть, сообразить и прибыть въ Петербургъ для объясненій.

Выполнивъ это порученіе, генералъ Кноррингъ, предъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, (іюнь 1801 г.) сдѣлалъ новое размѣщеніе войскъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Кабардинскій полкъ расположился слѣдующимъ образомъ: двѣ гренадерскія роты оставались на кавказской линіи въ Моздокѣ, съ маіоромъ Будбергомъ, до осени; а затѣмъ выступили въ Грузію къ полку, куда и прибыли въ ноябрѣ. Эти роты прежде стояли въ станицѣ Шелководской и тамъ переболѣли почти всѣ цынгою. Шефскаго баталіона одна рота съ орудіемъ въ г. Телавѣ, одна рота въ с. Велисцихе, одна съ орудіемъ въ с. Кварели, одна рота въ с. Шильды. Баталіонъ подполковника Солееніуса (бывшій маіора Лыкова), одна рота съ орудіемъ въ с. Джигани, по одной ротѣ въ сс. Сакоби, Машнари, Онаги, Карданехи и Гавази. Здѣсь съ ротой стоялъ маіоръ Апалевъ, осрамившій себя нападеніемъ на проѣзжавшихъ десять лезгинъ-торговцевъ, которые были убиты и ограблены. Преданный суду, онъ былъ разжалованъ въ солдаты и исключенъ изъ полка; а по всѣмъ лезгинскимъ селамъ было опубликовано, что это несчастное происшествіе—исключеніе, недопускаемое нашими законами. Все ограбленное было возвращено.

Лезгины продолжали свой образъ дѣйствій. 15-го августа

1802 года 300 человѣкъ напали на постъ Чикаани,—занятый однимъ унтеръ-офцiеромъ и 20-ю рядовыми Кабардинскаго полка. Команда, занявъ близьлежащую старую башню, отстрѣливались нѣсколько часовъ, пока неприбыли еще двѣ роты, и лезгины поспѣшно бѣжали, потерявъ 15 человѣкъ. При этомъ случаѣ погибъ нашего полка штабсъ-капитанъ Габуадзе. Онъ ѣхалъ изъ полковаго штаба, с. Гавазы, услыхалъ перестрѣлку и поскакалъ впереди выбѣжавшихъ на тревогу ротъ, но засѣвшими въ кустахъ хищниками изрубленъ.

4-го октября, находившiйся съ командою въ прикрытiи полковаго табуна подпоручикъ Фендриковъ послалъ четырехъ человѣкъ въ ближайшiй лѣсъ за дровами; внезапно напавшiе на нихъ лезгины одного убили, а 3 увели въ плѣнъ.

Въ сентябрѣ 1802 г., на мѣсто Кнорринга главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Павелъ Дмитрiевичъ Цицiановъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ, энергическихъ генераловъ того времени. Выборъ его тѣмъ болѣе былъ удаченъ, что происходя изъ грузинской княжеской семьи, бывшей въ родствѣ съ грузинскимъ царскимъ домомъ и большинствомъ прочихъ князей, онъ могъ пользоваться влiянiемъ и расположенiемъ въ краѣ, что облегчило-бы ему бремя управленiя.

Прибывъ въ Грузiю, князь Цицiановъ засталъ хаосъ, въ которомъ трудно было разобраться. Предмѣстникъ его, генералъ Кноррингъ, очевидно человѣкъ слабаго характера, безъ ясно установившихся взглядовъ на образъ дѣйствiй, котораго слѣдовало ему держаться, представлявшiй въ Петербургъ одно и дѣлавшiй на мѣстѣ совсѣмъ противное, довѣрился вполнѣ начальнику гражданскаго управленiя статскому совѣтнику Коваленскому, оказавшемуся интриганомъ и своекорыстнымъ человѣкомъ. Съ первыхъ же поръ дѣйствiя гражданскихъ властей, сопровождаемыя самодурствомъ, взяточничествомъ, неопредѣленностью правъ и обязанностей, возбудили сильное неудовольствiе между высшимъ сословiемъ, потерявшимъ черезъ русскихъ начальниковъ значенiе, влiянiе и возможность обирать населенiе въ свою пользу, къ чему они привыкли вѣками. Такимъ настроенiемъ пользовались многочисленные члены царскаго дома, крайне недовольные потерею своихъ пре-

рогативъ и возможности тоже жить на счетъ сомнительныхъ правъ выжиманія разныхъ сборовъ съ жителей. Интриги двухъ царицъ-вдовъ и десятка царевичей, нестѣснявшихся прибѣгать къ явно враждебнымъ противъ русскаго правленія дѣйствіямъ, особенно Александра, неугомонно рыскавшаго по всѣмъ сосѣднимъ мусульманскимъ большимъ и малымъ владѣльцамъ, отъ персидскаго шаха до аварскаго хана, отъ ахалцыхскаго паши до старшинъ джарскихъ лезгинъ, по очередно, отъ всѣхъ хановъ такъ называемыхъ адербеджанскихъ провинцій (Ганжа, Шека, Карабахъ, Ширвань, Баку, Талыши, Эривань и проч.) до простыхъ предводителей мелкихъ лезгинскихъ хищническихъ шаекъ, наконецъ, возбужденіе къ враждебнымъ дѣйствіямъ горскихъ племенъ, живущихъ по единственному пути сообщеній съ Россіею (Гудамакарцы, Мтіулеты, Осетины, Хевсуры и др.),—все это ставило новаго главнокомандующаго въ истинно критическое положеніе. Прибавивъ къ этому безпрерывныя нападенія джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ на Кахетію и другихъ лезгинскихъ шаекъ, скрывавшихся въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ, на Карталинію, постоянныя угрозы Персіи и сборы ея войскъ для вторженія въ Грузію, недостатокъ русскихъ войскъ, для охраны совсѣхъ сторонъ угрожаемой страны, для обезпеченія сообщенія съ кавказскою линіею и поддержанія внутренняго порядка, недостатокъ провіанта *) и другихъ предметовъ снаряженія, наконецъ недостатокъ разумныхъ, энергичныхъ и честныхъ помощниковъ,—мы можемъ представить себѣ картину, которая открылась глазамъ генерала Циціанова, съ прибытіемъ его въ Тифлисъ.

Мы небудемъ здѣсь описывать всѣхъ его первоначальныхъ распоряженій и дѣйствій, какъ неотносящихся до занимаемаго насъ предмета. Перехожу къ событіямъ, въ которыхъ главная роль выпала на нашъ полкъ и его славнаго шефа.

Однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ сосѣдей Грузіи были джаро-бѣлоканскіе лезгины, жившіе на восточныхъ границахъ

*) Въ одномъ изъ своихъ донесеній Циціановъ писалъ, что не могъ выступить своевременно въ походъ «за мерзкою частью провіантскихъ пьявицъ, неизготовившихъ сухарей».

Кахетіи. Безпрерывныя ихъ вторженія и при томъ большею частію небольшими партіями, заставляли войска наши, расположенныя въ Кахетіи, для отраженія ихъ набѣговъ, дѣлать постоянныя передвиженія.[1]

Князь Цыціановъ предписалъ устроить въ Кахетіи, на мѣстахъ наиболѣе подверженныхъ нападеніямъ лезгинъ, въ лѣсистыхъ пространствахъ засѣки, шириною не менѣе сажени, а въ открытыхъ мѣстахъ волчьи ямы, въ три ряда, въ шахматномъ порядкѣ.[2]

Въ январѣ 1803 года ожидали вторженія лезгинъ въ значительныхъ силахъ, при содѣйствіи бѣглаго грузинскаго царевича Александра. Вскорѣ получены были свѣдѣнія, что къ собраннымъ въ Бѣлоканахъ 8-ми тысячамъ ожидаютъ подкрѣпленія изъ Дагестана и что нападеніе будетъ произведено не ранѣе весны, такъ какъ горы, покрытыя снѣгомъ, представляютъ въ это время года большое затрудненіе для движенія войскъ.

Сигнахскій исправникъ доносилъ, что джарскіе старшины, изъявляя покорность, выражаютъ даже готовность выдать царевича Александра. Квартировавшій же тамъ, съ батальономъ Кабардинскаго полка, подполковникъ Соленіусъ писалъ, напротивъ, что джарцы готовятся къ вторженію въ Грузію, а царевичъ Александръ намѣревается уйти въ Тегеранъ.[3] Генералъ-маіоръ Гуляковъ доносилъ, что присланныя отъ царевича Александра разныя лица, подговариваютъ жителей Кахетіи къ содѣйствію лезгинамъ и что многіе изъ дворянъ и князей, слѣдуя подговорамъ, бѣжали въ Бѣлоканы къ царевичу.[4]

Желая знать истину, князь Цыціановъ поручилъ генералъ-маіору Гулякову сдѣлать съ отрядомъ движеніе къ броду Урдо (на р. Алазани). Квартирмейстерской части полковникъ Дренякинъ, бывшій при отрядѣ, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвести рекогносцировку по Алазани, такъ какъ одною изъ причинъ, вызвавшихъ экспедицію, было также и избраніе мѣстъ для постройки редутовъ, которые могли бы препятствовать нападенію лезгинъ на предѣлы Грузіи. Мѣрою этою полагали возможнымъ пресѣчь лезгинамъ прямой путь изъ Дагестана въ Ахалцыхъ, заставивъ ихъ для этого движенія

(1) [illegible], ч. VI, стр. 15; (2) Предписание кн. Цициано[illegible] -раму Лазареву 14 декабря 1802 г. №111 (Тифл. [illegible])
(3) Рапорт кн. Цицианову 9 января №13 и 18 янв. №15 [illegible] (Тифл. Арх. Кавк. н.)
(4) Рапорт Гулякова Цицианову 16 и 18 февраля 180[illegible] г. [illegible] 34 (Тифл. Арх. К. н.)

дѣлать объѣздъ на Карабахъ. При этомъ Гуляковъ долженъ былъ требоватъ отъ джарцевъ выдачи царевича Александра и согласія ввести въ Бѣлоканы и Джары небольшіе русскіе гарнизоны.

«Буде вы, писалъ главнокомандующій генералу Гулякову, встрѣтите большія затрудненія, влекущія за собою потерю, то не отваживаясь на какой либо штурмъ, дѣйствіе пушекъ надъ городомъ можетъ быть успѣшнѣе всего и хотя россійскія войска необыкли отступать, но должность военнаго начальника обезпечить тылъ свой, дабы не быть отрѣзану; впрочемъ, отъ успѣха сего дѣла зависитъ слава оружія русскаго, съ нею вмѣстѣ и ваша собственная; все это сопровождается наградою, а для здѣшняго края спокойствіемъ, пользою и богатствомъ. Сверхъ того слѣдуетъ всемѣрно воздержать грузинцевъ (милицію) отъ грабительства деревень; а нашимъ строго воспретить, поелику оная провинція назначается къ подданству россійскому, а по той причинѣ лучше имѣть не раззоренную, нежели ограбленную, и чтобы онымъ неожесточить жителей».

2-го марта, генералъ Гуляковъ двинулся въ джарскую область съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты съ 8-ю орудіями и двумя сотнями казаковъ. Сверхъ того при отрядѣ было кизихскихъ (т. е. Сигнахскаго уѣзда) жителей, грузинскихъ князей, дворянъ и ополченцевъ до 5,000 человѣкъ.

Погода неблагопріятствовала движенію отряда; со дня выступленія изъ Сигнаха, въ теченіи трехъ дней, шелъ безпрерывный дождь со снѣгомъ.

Около полудня, 4-го числа, отрядъ сдѣлалъ привалъ, не доходя 3-хъ верстъ до брода Урдо. Отсюда полковникъ Дренякинъ, съ казаками и грузинами, отправился для обозрѣнія пути къ броду, за которымъ лезгины устраивали шанцы и имѣли землянку съ бойницами. Огонь, который лезгины открыли по рекогносцировавшему отряду, заставилъ генералъ-маіора Гулякова взять съ привала одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка съ тремя орудіями, грузинскую конницу и пѣхоту, подойти къ броду Урдо и открыть по лезгинамъ огонь изъ орудій, кото-

рымъ и удалось зажечь ихъ землянку и заставить лезгинъ отступить отъ брода.

На мѣстѣ этихъ дѣйствій р. Алазань протекаетъ въ крутыхъ берегахъ, имѣя около 40 саж. ширины. Сильно разлившаяся отъ проливныхъ дождей, она непредставляла возможможности перейти въ бродъ для преслѣдованія отступившихъ лезгинъ. Ограничась двухъ часовою перестрѣлкою и прогнавъ непріятеля, отрядъ отступилъ къ мѣсту своего ночлега. Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ нашъ храбрый штабсъ-капитанъ Новицкій и 4 рядовыхъ, да артеллеріи маіоръ Лидерсъ тяжело въ голову.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Гуляковъ рѣшился искать другаго мѣста для переправы. По показанію князей и жителей кахетинскихъ, всѣ лежащія по лѣвой сторонѣ р. Алазани деревни, были пусты и переправа у брода Урдо, по ширинѣ и глубинѣ рѣки была неудобна. Не замѣтивъ обмана, Гуляковъ поддался ему. Онъ рѣшился сдѣлать переправу противъ деревни Анаги. Увѣренный тѣми же князьями и жителями въ удобствахъ дороги, поднявшись съ лагеря при урочищѣ Кабалъ, онъ увидѣлъ, что былъ обманутъ, ибо дорога, ведущая въ Бѣлоканы, была весьма трудная для движенія, наполненная вездѣ топкими болотами, густымъ лѣсомъ и при томъ на ней оказались переправы черезъ три большія тинистыя рѣчки. Не смотря на то, 8-го числа отрядъ прибылъ къ р. Ценикеви, откуда на слѣдующее утро слѣдовалъ далѣе и, подходя къ Бѣлоканамъ, замѣтилъ въ чащѣ лѣса лезгинское укрѣпленіе, состоявшее изъ засѣки, окруженное съ обоихъ фланговъ топкими болотами и камышемъ и занимающее пространство болѣе четверти. За укрѣпленіемъ видно было засѣвшее лезгинское войско, числомъ до 10,000 человѣкъ, какъ показали захваченные въ плѣнъ лезгины. Здѣсь же были и грузинскіе царевичи Александръ и Теймуразъ.

Генералъ Гуляковъ, оставивъ при вагенбургѣ прикрытіе изъ грузинской милиціи, остальному отряду приказалъ слѣдовать къ укрѣпленію. Отдѣливъ отъ колонны часть войскъ къ обходу обоихъ непріятельскихъ фланговъ, самъ Гуляковъ двинулся противъ укрѣпленія. Непріятель встрѣтилъ насту-

пающихъ сильнымъ огнемъ, но русскій штыкъ выручилъ. Лезгинское сборище было выбито, опрокинуто нашею пѣхотою, гнавшею непріятеля черезъ весь лѣсъ и болото. Далѣе, на чистомъ трехъ верстномъ полѣ къ Бѣлоканамъ, лезгины были преслѣдуемы донскими казаками съ грузинскою конницею, и разсѣяны въ разные стороны.

Селеніе Бѣлоканы находилось въ весьма крѣпкомъ мѣстоположеніи и всякій почти домъ его, окруженный каменною оградою, могъ служить сильною обороною для непріятеля; но быстро преслѣдуемые нашими войсками лезгины не успѣли занять селенія. Генералъ Гуляковъ отправилъ баталіонъ Кабардинскаго полка въ ущельѣ, находившееся въ право отъ Бѣлоканъ, съ цѣлію отрѣзать лезгинамъ отступленіе. Маіоръ Алексѣевъ, командовавшій этимъ батальономъ, преслѣдовалъ непріятеля до самыхъ снѣговыхъ горъ и остановился только тогда, когда дорога, пролегавшая по ущелью, раздѣлилась на нѣсколько вѣтвей, ведущихъ въ разныя стороны.

Сраженіе въ укрѣпленномъ лѣсу и у Бѣлоканъ продолжалось болѣе двухъ часовъ; селеніе взято и, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ каменныхъ домовъ, обращено «въ ничто совершенно», какъ сказано въ донесеніи. Лезгины отступали съ такою поспѣшностію, что оставили на мѣстѣ всѣ вещи царевича Александра и даже его письма.

Грузинская милиція, войдя въ Бѣлоканы, бросилась на грабежъ, отъ котораго удержать ее не было возможности. Грузины разграбили и сожгли все селеніе, въ виду нашего войска, собраннаго и построеннаго въ каре.

Въ донесеніи своемъ Государю, отъ 12-го марта 1803 г., князь Циціановъ, между прочимъ, говорилъ, что «личныя достоинства и храбрость генерала Гулякова пріобрѣли ему такое уваженіе со стороны туземцевъ, что болѣе 5-ти тысячъ грузинъ охотно къ нему присоединились и многіе отлично сражались». Весь успѣхъ дѣла приписывался Гулякову. Радость въ Грузіи была большая, ибо Бѣлоканы—гнѣздо заклятыхъ враговъ Грузіи—считались до того неприступными. Главное вынесли на своихъ плечахъ два батальона Кабардинссаго полка, потерявшіе 6 рядовыхъ убитыми, штабсъ-капитана

Грекова, подпоручика князя Уракова и 17 рядовыхъ тяжело ранеными, да 7-ми человѣкъ легко раненыхъ. Генералъ Гуляковъ особенно рекомендовалъ Кабардинскаго полка подполковника князя Эристова, которому было поручено командованіе всею грузинскою конницею, батальонныхъ командировъ Ковалева и Алексѣева, и полковаго адъютанта Цыклаурова. Вообще, въ то время, въ первыхъ годахъ этого столѣтія, отрядъ Гулякова считали самымъ важнымъ за Кавказомъ и общее вниманіе было на него обращено, какъ на главнаго защитника Грузіи. За взятіе Бѣлоканы, Гулякову объявлено было особливое высочайшее благоволеніе и данъ Георгій 3-й степени, а всѣмъ нижнимъ чинамъ по 1 рублю. Въ числѣ особо отличившихся, Гуляковъ поименовалъ какого то находившагося при Кабардинскомъ полку по своимъ надобностямъ (?) польскаго шляхтича Ластовскаго, который все время былъ впереди съ стрѣлками, при взятіи укрѣпленія бросался въ самыя опасныя мѣста и оказалъ много усердія. Что за курьезный волонтеръ?

Ближайшимъ послѣдствіемъ успѣшныхъ дѣйствій должно было быть, какъ мы видѣли, требованіе ввести въ Джары и Бѣлоканы нашъ гарнизонъ. Теперь генералу Гулякову приказано было главнокомандующимъ, прежде дальнѣйшаго движенія, потребовать отъ населенія присяги на подданство, съ обѣщаніемъ не касаться ихъ внутренняго управленія, если они согласятся платить ту дань, которую платили царямъ грузинскимъ. Джарцы должны были выдать царевича Александра, которому обѣщано прощеніе.

«Не воспользоваться же сею побѣдою, писалъ князь Циціановъ, походило бы на лезгинское впаденіе; ибо ваше превосходительство согласитесь, безъ сомнѣнія, со мною, что слава оружія состоитъ въ томъ, чтобы взятое не отдавать и побѣжденнымъ предписать законы. Сіе впаденіе нужно было для обезпеченія границы и буде же мы тамъ твердой ноги не поставимъ, то опять они тамъ отдохнутъ и славныя дѣянія вашего отряда не будутъ имѣть желаемаго слѣдствія».

Союзникъ джарцевъ, ханъ нухинскій, узнавъ о занятіи Бѣлоканъ, писалъ главнокомандующему, предлагая свое по-

средничество для заключенія мира съ джарцами. Вскорѣ и джарцы извѣстили генерала Гулякова о готовности вступить въ подданство Россіи.(1)

Князь Циціановъ, повторяя свои обѣщанія, требовалъ, чтобы царевичъ Александръ не былъ принимаемъ и не имѣлъ убѣжища ни въ Джарахъ, ни въ Бѣлоканахъ; чтобы тамъ былъ поставленъ русскій гарнизонъ, чтобы платили дань шелкомъ, какую они платили въ прежнія времена царямъ грузинскимъ, и чтобы дали 5 человѣкъ аманатовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій.(4)

Джарскіе депутаты не согласились однако платить дани и принять къ себѣ русскій гарнизонъ. Они надѣялись въ этомъ случаѣ на обѣщанную имъ нухинскимъ ханомъ помощь.

По этому, для большаго успѣха переговоровъ, Гуляковъ долженъ былъ продолжать съ отрядомъ движеніе къ Джарамъ, какъ самому главному и богатѣйшему селенію вольныхъ обществъ. Но боясь, что наступающее весеннее время представитъ много затрудненій походу въ малоизвѣстной, пересѣченной мѣстности, и чувствуя недостатокъ въ продовольствіи отряда, онъ полагалъ, ограничиться занятіемъ брода Урдо и устройствомъ при немъ укрѣпленнаго пункта.(2)

Князь Циціановъ, признавая однако необходимымъ идти въ Джары, для побужденія лезгинъ исполнить все отъ нихъ требуемое, писалъ объ этомъ генералу Гулякову, предваряя его впрочемъ, что онъ долженъ идти въ такомъ только случаѣ, если это не поведетъ къ большимъ потерямъ съ нашей стороны.(3)

Относительно продовольствія князь Циціановъ писалъ, что о скорѣйшемъ доставленіи предписано исправникамъ, а между тѣмъ, прибавлялъ онъ, «прикажите искать по ямамъ пшеницу и ячмень. Въ Молдавіи солдаты такія ямы и шомполами отыскивали безъ затрудненія, въ моихъ глазахъ».

Обезпечивъ тылъ свой и поручивъ полковнику Дрепякину устройство переправы при бродѣ Урдо, черезъ рѣку Алазань, генералъ-маіоръ Гуляковъ съ отрядомъ двинулся къ Джарамъ. 27-го марта отрядъ достигъ до дер. Катехи, гдѣ не встрѣтилъ никакого сопротивленія, кромѣ небольшой перестрѣлки лезгинъ съ фуражирами и занялъ деревню.

(1) Бутков, ч. VI, стр. 42; (2) Письмо Гулякова кн. Цицианову 24 Марта 1803 г. (Тифл. Арх. К. Н.) (3) Предписание кн. Цицианова ген. Гулякову 25 Марта 1803 г. № 475 (Тифл. арх.) (4) Письмо кн. Цицианова нухинскому хану 21 Марта 1803 г. (Тифл. Арх.)

Нухинскій Маматъ-Асанъ-ханъ, хотя дѣйствительно и пришелъ къ джарцамъ на помощь съ своими людьми и двумя пушками, но при приближеніи русскаго отряда искалъ спасенія въ бѣгствѣ, раззоряя на пути своемъ селенія своихъ же союзниковъ, чѣмъ и возбудилъ къ себѣ крайнее негодованіе джарцевъ. Къ тому же они, знавшіе о печальной участи Бѣлоканъ, преданныхъ огню и разоренію, и оставленные своимъ трусомъ союзникомъ, спѣшили съ знаками покорности явиться къ Гулякову, который и занялъ Джары 29-го марта, безъ всякаго сопротивленія.

Въ день занятія Джаръ присланы были къ генералъ-маіору Гулякову старшины отъ народа съ письменнымъ и словеснымъ объясненіемъ, что вольныя общества, «просятъ помилованія и пощады жизни поселянъ и имуществу» и соглашаются на все, что предписать имъ будетъ угодно. Генералъ-маіоръ Гуляковъ употребилъ всю строгость военной дисциплины для воздержанія грузинскаго войска (милиціи) отъ грабительства, и Джары остались не только неприкосновенными, но для привлеченія къ себѣ жителей и большей ихъ довѣренности къ русскимъ, Гуляковъ оставилъ Джары и 31-го марта возвратился къ броду Урдо.

Это непонятное для азіятцевъ великодушіе побѣдителя удивило ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвело ожидаемое дѣйствіе. Удовлетвореніе главнаго и важнѣйшаго желанія джарскаго народа ободрило и прочія селенія, разсѣянныя въ горахъ; они рѣшились прислать своихъ повѣренныхъ. Собравшись въ числѣ девяти человѣкъ отъ главнѣйшихъ вольныхъ лезгинскихъ обществъ, повѣренные явились къ генералъ-маіору Гулякову и лично имъ самимъ, 12-го апрѣля, представлены были въ Тифлиссѣ князю Циціанову, который и заключилъ съ ними условіе. Поэтому условію, джаробѣлоканскіе лезгины поступали въ вѣчное подданство Россіи. Они обѣщались платить дань шелкомъ, по 1,100 литръ (220 пудовъ на нашъ вѣсъ). Русскія войска должны были оставаться при бродѣ Урдо.[1]

Бѣлоканы, Катехи, Джары, Ташлы, Мухахъ и Джинихъ обязаны были дать аманатовъ и отвѣчать за всѣ прочія приписанныя къ нимъ деревни. Они обѣщались не принимать и

(1) Рапортъ кн. Циціанова Его Величеству 15 Апр. 1803 года (Спб. Гл. Арх. М. И. Д. I-13, 1803-7, №6)

не укрывать у себя дагестанскихъ лезгинъ, грузинскаго царевича Александра и его сообщниковъ. Съ своей стороны главнокомандующій обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннее ихъ управленіе; принять въ подданство Элисуйскаго султана согласно его желанія и просьбы; оставить въ ихъ управленіи Алеабатскія грузинскія деревни, съ тѣмъ, чтобы они не стѣсняли ихъ въ свободномъ отправленіи христіанской вѣры.

Какъ ни готовы были, казалось, джарцы къ выполненію данныхъ ими обѣщаній, но, зная характеръ азіятскихъ народовъ, невозможно было расчитывать на продолжительность сохраненія данныхъ ими обязательствъ. Преданность ихъ и согласіе на подданство Россіи могло длиться только до благопріятнаго и удобнаго для нихъ случая, точно также, какъ одна неудача заставила ихъ безъ сопротивленія согласиться на принятіе подданства.

Какъ легко джарцы согласились подписать всѣ приведенныя выше условія, также легко и скоро, какъ увидимъ ниже, они ихъ и нарушили.

Все это князь Циціановъ понималъ и, поэтому, принимая джарцевъ въ подданство и обезпечивая себя на бумагѣ, считалъ необходимымъ обезпечить себя и на дѣлѣ. Существованіе дружелюбнаго союза и добросовѣстнаго исполненія обязательствъ и между горскими владѣтелями было, по мнѣнію князя Циціанова, едвали возможнымъ. «Страхъ и корысть двѣ первенствующія пружины, которыми руководятся въ Азіи всѣ дѣла и приключенія». Главнокомандующій, вслѣдствіе такого взгляда, принялъ другую систему, чѣмъ та, которой слѣдовали до него. Вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками привлекать къ себѣ хановъ и такимъ образомъ платить нѣкоторый родъ дани съ нашей стороны, за мнимое ихъ подданство, князь Цпціановъ потребовалъ теперь самъ дани отъ джарцевъ, пользуясь ударомъ, нанесеннымъ при взятіи неприступнаго притона.[1] Этотъ крутой поворотъ, отъ подкупа деньгами къ дѣйствію оружіемъ и серьезнымъ требованіямъ дани съ побѣжденныхъ, имѣлъ свои послѣдствія.

Такъ, ханъ шекинскій, (нухинскій) пришедшій на помощь джарцамъ и бѣлоканцамъ, просилъ мира и покрови-

(1) Рапортъ кн. Цициanова Его Велич. 26 марта 1803 г. (Тифл. арх.)

тельства. Многіе другіе ханы были также устрашены, и примѣръ поступка съ бѣлоканцами не могъ не имѣть для насъ хорошихъ результатовъ. Иначе и быть не могло; всякія другія дѣйствія были бы сколько не выгодны для насъ, столько же и не благоразумны. Необходимо было наконецъ устроить дѣйствительную преграду хищнымъ дагестанцамъ вторгаться въ Грузію и производить въ нашихъ предѣлахъ грабежи и разбои.

Для достиженія этого и вообще для утвержденія господства нашего надъ джарцами, построенъ былъ при бродѣ Урдо редутъ, для одного батальона, подъ именемъ «Александровскаго редута на Алазани.» — Въ немъ предполагалось оставить баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка «для надзиранія за поведеніемъ вольныхъ обществъ Джарскихъ».

Для совершеннаго же обезпеченія, какъ переправы черезъ Алазань, такъ и для занятія важнѣйшихъ пунктовъ около лежащей мѣстности, князь Циціановъ учредилъ посты: вверхъ по рѣкѣ, при Царицыномъ колодцѣ для двухъ ротъ, и внизъ по теченію рѣки, при урочищѣ Карагачѣ, тоже для двухъ ротъ, гдѣ и поставлены были роты Кабардинскаго полка, а одинъ баталіонъ Тифлисскаго мушкетерскаго полка поставленъ былъ временно по сю сторону Алазани. «Занятіе сихъ постовъ, доносилъ князь Циціановъ, и вкупѣ водворенія оружія въ джарской области, для предлежащихъ видовъ нужнаго сообщенія Грузіи въ Баку, доставить могутъ способнѣйшій путь чрезъ Нуху и Шемаху, — безъ затруднительныхъ чрезъ рѣки переправъ, каковыя встрѣчаются при переходѣ съ лѣваго берега на правый и съ праваго опять на лѣвый берегъ рѣки Куры, идучи извѣстнымъ путемъ черезъ Ганжу». (1)

Заключивъ условіе съ джарцами, князь Циціановъ надѣялся, что этимъ устранилъ хотя на нѣкоторое время увлеченія грузинъ въ плѣнъ цѣлыми селеніями, и разбои лезгинъ, продолжавшіеся въ теченіи цѣлаго столѣтія. Но надежды эти оказались шаткими. Джарцы хотя и воздерживались въ теченіи нѣкотораго времени сами отъ прежнихъ набѣговъ на Грузію, пропускали однако безпрепятственно горцевъ чрезъ свои владѣнія и нарушили заключенное съ нами условіе, какъ въ

(1) Idem (см. стр. 279, сноску (1))

этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Князь Киціановъ напоминалъ имъ о ихъ невѣрности и требовалъ исполненія данныхъ обязательствъ. Такъ, однажды писалъ онъ имъ: «Невѣрный народъ! безстыдные люди! долго ли вы будете еще отъ меня требовать невозможнаго? и желаете начать невыполненіемъ одной изъ статей постановленія, прося и безпокоя меня чрезъ генерала многажды. Неужто, думаете вы, что вы затѣмъ въ подданство великаго нашего государя императора приняты, чтобы не держать слова даннаго? Вы должны выкупать ясырей и до сихъ поръ не выкупаете и еще смѣете просить увольненія отъ онаго. Неужто вы забыли, что вы 80-ть лѣтъ бѣдную Грузію разоряли и брали то, что хотѣли, а не по 100 руб. Короче сказать, вы если чрезъ мѣсяцъ не выкупите, то увидите, что я сдѣлаю и съ ясырями, и съ вами. Я презираю дагестанскихъ мухъ *), которыя за васъ, россійскихъ подданныхъ, ходатайствуютъ, и оставаться будутъ безъ моего отвѣта, какъ и сей просившій за Васъ. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ неторгуется, а повелѣваетъ имъ».

Джарцы однако нетолько не отвѣчали на это воззваніе исполненіемъ требованій нашихъ, но выказали новыя непріязненныя дѣйствія. Лезгинская хищническая партія, до 1000 человѣкъ, пройдя изъ Дагестана, между деревнями Джары и Катехи, 9-го іюля, въ 2 часа пополудни, переправившись скрытно чрезъ рѣку Алазань, напала на передовой пикетъ Кабардинскаго полка, бывшій въ числѣ 20-ти человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ. Встрѣтивъ сильное сопротивленіе, хищники раздѣлились на двѣ части: одна возвратилась обратно за Алазань, а другая часть, составившаяся изъ самыхъ доброконныхъ, числомъ до 300 человѣкъ, напала на табунъ Кабардинскаго же полка, гдѣ также была встрѣчена ружейными выстрѣлами и сильнымъ сопротивленіемъ команды, прикрывавшей табунъ.

Хищники, видя и тутъ свою неудачу, бросились сначала къ табуну Тифлисскаго баталіона, а потомъ напали на пасшійся, въ недальнемъ отъ него разстояніи казачій табунъ Дон-

*) Т. е. владѣтелей аварскаго, казыкумыкскаго и т. п.

скаго Ефремова 3-го полка, который отъ ружейныхъ выстрѣловъ и отъ гика хищниковъ шелохнулся, и, окруженный ими, былъ угнанъ на ту сторону Алазани, въ числѣ 211-ти лошадей. Генералъ-маіоръ Гуляковъ, узнавшій о нападеніи Лезгинъ, хотя и послалъ тотчасъ войсковаго старшину Ефремова съ резервными конными казаками преслѣдовать хищниковъ, но посланные не могли настигнуть ихъ и должны были возвратиться обратно безъ всякаго результата. (1)

Это вторженіе лезгинъ ясно указывало на то, что джарцы недумали исполнять только что заключенныхъ условій, по которымъ они обязались непропускать въ предѣлы Грузіи хищниковъ изъ Дагестана. Князь Цицiановъ приказалъ генералъ-маіору Гулякову собрать изъ селеній Джаръ и Катехи старшинъ, прочесть условія съ ними заключенныя и внушить, что аманаты ихъ деревень будутъ прогнаны сквозь строй за нарушеніе договора и вѣрноподданической ихъ присяги. Генералъ-маіоръ Гуляковъ долженъ былъ объявить старшинамъ, что они обязаны за отбитыхъ лошадей заплатить, такъ какъ о приходѣ дагестанцовъ должны были по крайней мѣрѣ насъ увѣдомить, если не могли имъ сами препятствовать силою. (2)

Джарцы однако же невыполнили требованій. Главнокомандующій упрекалъ ихъ въ томъ, что они, забывъ клятву, «съ поверженіемъ камней изъ рукъ присягавшихъ», не платятъ дани, утвержденной ими самими, клятвеннымъ обѣщаніемъ передъ святымъ кораномъ».

Онъ приглашалъ ихъ опомниться, невѣрить дагестанцамъ, которые губятъ ихъ изъ собственной корысти. Главнокомандующій спрашивалъ ихъ, нужно ли имъ хищничество? и отвѣчалъ: «Васъ Богъ наградилъ землею богатою, дающею вамъ стократный плодъ! Дагестанцамъ же Богъ судилъ жизнь свою погублять за кусокъ хлѣба и не наслаждаться въ будущей жизни блаженствомъ».

«Опомнитесь, говорю я вамъ, отстаньте отъ вѣтренныхъ бунтовщиковъ, кои минутную корысть предпочитаютъ спокойной жизни; вспомните, что можетъ Россія? Сколько разъ и дагестанцы отъ россіянъ падая ницъ, зубами своими стискивая землю, испускали духъ свой, въ адъ исходящій? Еще

(1) Рапортъ Кн. Цицiанова Его Величеству, 13 Iюня 1803 г. (Моск. Арх. Инсп. Деп. Воен. Мин.)
(2) Idem.

разъ повторяю, чтобъ опомнились, доколѣ я меча невынулъ и тогда говорю, что вы не возвратитесь болѣе въ землю, гдѣ родились, гдѣ предки ваши погребены, гдѣ сродники ваши васъ воспитывали; не увидите вы домовъ своихъ, которые были спокойной вашей жизни убѣжищемъ».[1]

Князь Цицiановъ требовалъ отъ Джарцевъ присылки достойнѣйшихъ старшинъ съ извиненiемъ; перемѣны аманатовъ по его назначенiю и присылки 550 литръ шелку, слѣдуемаго въ дань, обѣщаясь при неисполненiи ихъ требованiй придти съ огнемъ и мечемъ. Джарцы неисполнили и этого требованiя. Приславъ князю Цицiанову письмо, они ссылались на то, что бѣдны, не имѣютъ шелка и потому не могутъ заплатить дани. Главнокомандующiй требовалъ отъ нихъ вмѣсто шелка 11 тысячъ рублей, не доставленiе которыхъ влекло за собою наказанiе. «Ждите времени, писалъ онъ, сберите всѣхъ дагестанцевъ и готовтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманете вы меня другой разъ, истреблю васъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селенiй; пойду съ пламенемъ по вашему обычаю, и хотя русскiе не привыкли жечь, но спалю всё то, что не займу войсками, и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ. Знайте, что писавъ сiе письмо къ вамъ — не благодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду, землю вашей области покрою кровью вашею и она покраснѣетъ, но вы яко зайцы уйдете въ ущелья и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи пооколѣете».[2]

Тоже, или почти тоже, князь Цицiановъ писалъ и бѣлоканцамъ. Но какъ тѣ такъ и другiе были глухи къ требованiямъ нашимъ. Письма оставались безъ исполненiя, дань не вносилась и лезгины по прежнему вторгались и дѣлали набѣги.

(1) Воззвание 25 Сентября 1803 г. Джарцам
(2) 3 Окт. Джарцам и Белоканцам (Тиф. Арх.)

XIX.

Нападеніе лезгинъ на отрядъ. — Дѣло 31 декабря на Алазани. — Занятіе Джары. — Движеніе въ Закатальское ущелье и смерть Гулякова. — Отступленіе отряда за Алазань. — Назначеніе шефомъ полка князя Орбельяна. — Взглядъ на общее положеніе края. — Возобновленіе нападеній лезгинъ. — Отправленіе батальона Кабардинскаго полка въ Кахетію. — Дѣло съ хевсурами близь Тіонетъ. — Нападеніе лезгинъ на фортъ Александровскій. — Слабость нашихъ силъ. — Движеніе за Алазань и занятіе Катехъ.

21-го октября, лезгины, въ числѣ до 10,000, подъ начальствомъ Сурхай-хана, владѣльца хамбутайскаго и аварскаго старшины Алексанта (?) переправились чрезъ рѣку Алазань у дер. Мугало. 22-го числа, въ 3 часа ночи, многочисленными толпами они напали на генералъ-маіора Гулякова, стоявшаго лагеремъ при урочищѣ Пейкаро, съ отрядомъ изъ Кабардинскаго полка и гренадерскаго батальона Тифлисскаго полка. Предъувѣдомленный казачьими пикетами о движеніи лезгинъ, генералъ-маіоръ Гуляковъ едва только успѣлъ построиться въ боевой порядокъ, какъ лезгины съ крикомъ бросились со всѣхъ сторонъ на наше каре.

Открывъ артиллерійскій огонь, войска наши стояли, не трогаясь съ мѣста. Послѣ часовой перестрѣлки лезгины стали отступать; темнота ночи не дозволила ихъ преслѣдовать. Съ наступленіемъ разсвѣта, Гуляковъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка и 200 человѣкъ стрѣлковъ отправились, подъ начальствомъ маіора Себастіана, а съ остальными пошелъ самъ преслѣдовать лезгинъ по разнымъ направленіямъ, преимущественно къ переправамъ черезъ рѣку Алазань. — Настигнутые лезгины спасались бѣгствомъ, спѣшили переправиться скорѣе и гдѣ попало черезъ Алазань, въ которой вода отъ проливныхъ дождей значительно

возвысилась и отъ того они тонули въ глазахъ нашихъ войскъ. Уронъ ихъ простирался до 325-ти человѣкъ. Съ нашей стороны убито и ранено 11-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Всѣ эти частые вѣроломные поступки джарскихъ вольныхъ обществъ, заставили наконецъ князя Ціціанова обратить на нихъ серьезное вниманіе. Обязавшись непропускать дагестанскихъ лезгинъ въ Грузію, джаро-бѣлоканцы не только не исполнили своего обѣщанія, но, напротивъ того, пригласили ихъ на зимовку въ своей землѣ и дѣлали вмѣстѣ съ ними нападенія на Грузію; къ тому же джарцы и не думали объ уплатѣ положенной на нихъ дани. Поэтому главнокомандующій рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и приказалъ шефу Кабардинскаго полка генералъ-маіору Гулякову съ отрядомъ, состоящимъ изъ 3-хъ баталіоновъ Кабардинскаго, трехъ баталіоновъ 15-го егерскаго и одного баталіона Тифлисскаго полковъ, съ 10-ю орудіями и охотниками изъ грузинскихъ жителей, переправиться черезъ Алазань и наказать джарцевъ внутри ихъ селеній.

Къ его отряду были прикомандированы флигель-адъютантъ Бенкендорфъ и камергеръ, Преображенскаго полка поручикъ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, отправленные по волѣ государя въ распоряженіе князя Ціціанова, который, отъ 19-го декабря 1803 г., доносилъ государю, что предпочитая для пріобрѣтенія военныхъ знаній дѣла полевыя, чѣмъ блокады и штурмы, отправилъ изъ подъ Ганжи (тогда Ціціановымъ осаждаемой) означенныхъ офицеровъ къ генералу Гулякову, съ тѣмъ, чтобы въ предстоящихъ сраженіяхъ съ джарцами дать имъ въ командованіе по ротѣ Кабардинскаго полка.

Такимъ образомъ оказывается, что уже въ началѣ столѣтія блестящая придворная и столичная военная молодежь, стремившаяся на Кавказъ за боевыми знаніями и наградами, прикомандировывалась преимущественно къ Кабардинскому полку, что продолжалось и до послѣднихъ лѣтъ кавказской войны. Первыми прикомандированными были столь извѣстные впослѣдствіи намѣстникъ кавказскій, князь Воронцевъ и шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ.

30-го декабря 1803 года генералъ-маіоръ Гуляковъ узналъ

черезъ кизихскаго жителя, что Сурхай-ханъ, владѣлецъ хамбутайскій, со своими войсками, состоявшими изъ шести тысячъ человѣкъ, переправился на правый берегъ р. Алазани, противъ лезгинской деревни Байматло, ниже русскаго лагеря верстахъ въ сорока; 31-го числа онъ выступилъ съ 10-ю ротами Кабардинскаго, съ гренадерскимъ баталіономъ Тифлисскаго, двумя ротами 15-го егерскаго полковъ, 5-ю орудіями и донскими казачьими командами.

Посланный разъѣздъ открылъ непріятеля на правомъ берегу р. Алазани. Непріятельскій станъ былъ защищенъ съ правой стороны рѣчнымъ заливомъ, доступъ къ которому былъ затрудненъ весьма густымъ лѣсомъ и терновымъ кустарникомъ не дозволявшимъ провести орудія, такъ что можно было дѣйствовать одними стрѣлками. Взявъ 240 человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ Кабардинскаго полка, 80 человѣкъ Тифлисскаго, роту 15-го егерскаго и нѣсколько казаковъ, генералъ-маіоръ Гуляковъ отправилъ ихъ, подъ начальствомъ подполковника Эристова, для атаки непріятеля. Встрѣченный жестокимъ огнемъ, князь Эристовъ, *) видя что стрѣльбою нѣтъ возможности выгнать непріятеля, засѣвшаго въ кустахъ, приказалъ примкнуть штыки и три раза ходилъ въ атаку. Артиллерія дѣйствовала черезъ заливъ весьма успѣшно. Каждый разъ непріятель отступалъ, и отбѣжавъ нѣкоторое разстояніе снова дѣлалъ засаду въ чащѣ лѣса, такъ что наши стрѣлки должны были штыками выбивать его до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ прогнанъ за р. Алазань, при переправѣ черезъ которую многіе утонули.

Одновременно съ прогнаніемъ непріятеля за р. Алазань, замѣчено была конная партія, числомъ до трехъ тысячъ человѣкъ, спускавшаяся съ горъ, съ правой стороны, въ долину. Противъ этой партіи пошелъ самъ генералъ-маіоръ Гуляковъ съ остальнымъ отрядомъ и, заставъ на переправѣ, разогналъ ее, не давъ переправиться. Въ этомъ сраженіи, продолжав-

---

*) Георгій Евсѣичъ, впослѣдствіи полный генералъ, сенаторъ, столь извѣстный всему Тифлиссу своими грузинскими остротами и причудами; умеръ въ шестидесятыхъ годахъ

шемся пять часовъ, съ нашей стороны убиты: Кабардинскаго полка поручикъ Бадировъ и 17-ть рядовыхъ, изъ которыхъ 12 Кабардинцевъ; ранены тяжело два офицера, оба Кабардинцы: баталіонный адъютантъ поручикъ Муратовъ и подпоручикъ Швейковскій и 69-ть человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 39-ть Кабардинскаго полка.

Ночью, съ 9-го на 10 е число генваря 1804 г., генералъ-маіоръ Гуляковъ переправился черезъ мостъ, устроенный при Александровскомъ редутѣ, а 13-го числа двинулся по направленію къ сел. Джарамъ для наказанія жителей. Во время движенія его, на открытомъ мѣстѣ, онъ былъ атакованъ толпою лезгинъ, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Встрѣченный съ нашей стороны сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, непріятель спасался бѣгствомъ, оставивъ на мѣстѣ до ста человѣкъ убитыми. Результатомъ этого пораженія было безпрепятственное завладѣніе селеніемъ Джары, которое, равно какъ и прочія селенія, оказались оставленными жителями.

«Прибывъ вчерашній день въ Тифлиссъ, писалъ князь Цціановъ генералъ-маіору Гулякову, узналъ я о новой вашей побѣдѣ и столько часто имѣлъ удовольствіе отдавать справедливость вашимъ высокимъ военнымъ достоинствамъ, что мнѣ не остается иного вамъ сказать, какъ то, что вашему превосходительству суждено, какъ видно, увѣковѣчить славу россійскаго оружія въ сей новопріобрѣтенной землѣ, а мнѣ соучаствовать въ радости о томъ. По слухамъ, что ваше превосходительство вступили въ Джары, желаю, чтобы симъ дѣломъ увѣнчали вы славную кампанію вашу и продолжающуюся черезъ цѣлый годъ, чего ни въ какомъ войскѣ не слыхано...» (1)

Таковъ былъ командиръ Кабардинскаго полка Гуляковъ и, само собою, его доблести, его слава, его значеніе въ глазахъ главнокомандующаго и всей Грузіи не могли не отражаться на командуемой имъ части. Судьба, очевидно, благоволила къ нашему полку, давая ему почти безъ исключенія рядъ такихъ командировъ, какъ Игельштромъ, Кличка, Нагель, Гуляковъ, за которыми, какъ увидимъ дальше, послѣдовали большею

(1) Предписаніе К. Цціанова ген. м. Гулякову отъ 14го января 1804 г., за № 7. (К. Ч., Арх., II, 560(3)). (Продолженіе въ документахъ)

частью офицеры, неуступавшіе своимъ славнымъ предшественникамъ.

Занятіе безъ боя Джаръ, паническое бѣгство жителей при приближеніи нашихъ войскъ, увлекли однако генералъ-маіора Гулякова, привыкшаго къ побѣдамъ. Онъ рѣшился преслѣдовать лезгинъ въ самыхъ неприступныхъ ихъ ущельяхъ и 15-го января двинулся въ Закатальское ущелье, выше селенія Джары. Къ сожалѣнію, диспозиція слѣдованія отряда была крайне ошибочна, ибо впереди шли грузины конные и пѣшіе, за ними донскіе казаки полка Ефремова и только потомъ 140 стрѣлковъ 15 го Егерскаго полка, съ однимъ орудіемъ, гдѣ находился и самъ Гуляковъ; а за нимъ уже слѣдовала главная колонна, составленная изъ Кабардинскаго и Тифлисскаго баталіоновъ, и наконецъ въ арріергардѣ 15-й Егерскій полкъ. Между тѣмъ, слѣдовало поступить совершенно обратно, и въ такой тѣсной, гористо-лѣсистой мѣстности милицію и казаковъ оставить въ хвостѣ, а въ головѣ отряда вести нашихъ стрѣлковъ.

Лишь только отрядъ вступилъ въ узкую улицу, съ обѣихъ сторонъ окаймленную каменными оградами, какъ лезгины открыли сильный огонь; произведя въ милиціи замѣшательство, толпа непріятеля вслѣдъ затѣмъ бросилась съ саблями къ орудію. Къ несчастью, при первыхъ выстрѣлахъ, самъ генералъ Гуляковъ былъ убитъ...

Смерть начальника, пріобрѣвшаго отъ своихъ подчиненныхъ слѣпую довѣренность и вселявшаго страхъ въ непріятелѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, разстроила на время порядокъ въ нашихъ колоннахъ; грузины и казаки, бывшіе впереди, бросились назадъ прямо на колонны, такъ какъ съ боку былъ обрывъ. Войска смѣшались, начали отступать и во время этого безпорядочнаго отступленія многіе были опрокинуты въ крутой оврагъ. Въ числѣ упавшихъ были генералъ-маіоръ князь Орбеліанъ, генералъ-маіоръ Леонтьевъ и л.-гв. Преображенскаго полка поручикъ графъ Воронцовъ.

«Потеря генералъ-маіора Гулякова, писалъ 12-го февраля князь Циціановъ Государю, толикими подвигами въ семъ краѣ отличившагося, есть несчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія.

Отчаяніе войска, уныніе друзей его, офицеровъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, и сожалѣніе всей Грузіи, которая ограждаема была неусыпнымъ бдѣніемъ его и мужествомъ, налагаютъ на меня священную обязанность отдать памяти сего отличнаго полководца достодолжную справедливость. Я лишился усерднаго помощника, войска лишились начальника, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго».

Эти задушевныя слова, обращенныя главнокомандующимъ къ Монарху объ командирѣ полка, заслуживаютъ быть сохраненными въ памяти всѣхъ Кабардинцевъ.

Генералъ-маіоръ князь Орбеліанъ, оставшись старшимъ послѣ Гулякова, благополучно выбрался изъ оврага съ графомъ Воронцовымъ, и принявъ команду, устроилъ по возможности отрядъ. Не зная въ точности предположеній Гулякова, но видя себя окруженнымъ лѣсами, садами, буераками, домами и каменными оградами, князь рѣшился отступить. Сраженіе, при отступленіи, продолжалось 8-мъ часовъ самымъ упорнымъ образомъ. Солдаты бросались въ штыки всякій разъ, какъ только лезгины подступали близко къ нашимъ колоннамъ.

Отрядъ отступилъ, неоставивъ ничего въ добычу непріятелю, за исключеніемъ убитыхъ и ихъ амуниціи.

Уронъ непріятеля, по показаніямъ самихъ старшинъ, простирался до 1,000 человѣкъ; но и съ нашей стороны былъ весьма значителенъ, судя потому сколько потерялъ одинъ нашъ полкъ. Кромѣ генерала Гулякова, убитъ капитанъ Бабушкинъ и 63 человѣка нижнихъ чиновъ, ранены: капитанъ Куликовъ 1-й, штабсъ-капитаны Смолковъ, князь Орбеліанъ—двумя пулями въ бокъ и въ шею, Севарсамидзе и Грековъ; поручики: Рыковъ, Дынковъ, баталіонный адъютантъ Фендриковъ 1-й, Куликовъ 2-й, Тихоцкій, подпоручики Занаревскій и Лебедевичъ, прапорщикъ Блажіевскій, нижнихъ чиновъ 241. Въ февралѣ, въ закатальскомъ лазаретѣ, по вѣдомости показано еще находящихся за ранами людей Кабардинскаго полка 192 человѣка.

Оказавшими особую храбрость въ этихъ дѣлахъ съ джарцами, князь Циціановъ назвалъ слѣдующихъ офицеровъ нашего полка: подполковника Солeніуса, маіора Жиленкова, ка-

питана Гарцевича, штабсъ-капитановъ Орбеліяна и Циклаурова, поручиковъ Рыкова и Фендрикова.

Не смотря на невыгодное наше положеніе, и на то, что русскія войска первый разъ еще отступили передъ лезгинами, дѣло это было такъ упорно и потеря непріятеля такъ велика, что черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія многія селенія прислали депутатовъ, прося помилованія.

17-го января отрядъ отступилъ отъ Джаръ къ деревнѣ Мухахъ, гдѣ простоялъ два дня и сжегъ самую деревню. Здѣсь прибыли къ князю Орбеліану отъ деревень Талъ, Мухахъ, Чардахъ и Джинихъ лезгинскіе старшины, съ довѣренностію отъ ихъ обществъ.

Имѣя предписаніе князя Циціанова написать къ джарцамъ письмо, съ объявленіемъ, что если они не покорятся, то должны проститься на вѣки съ своею землею, князь Орбеліанъ воспользовался прибытіемъ этихъ довѣренныхъ людей. Оставивъ при себѣ четырехъ аманатовъ, онъ съ отрядомъ пошелъ 20-го числа къ аліабадскимъ деревнямъ, гдѣ былъ встрѣчаемъ жителями, увѣрявшими его въ своей вѣрности и доставившими даже фуражъ для отряда. 21-го числа князь Орбеліанъ прибылъ къ Пададрской переправѣ, гдѣ въ тотъ же день переправлены были на правую сторону Алазани больные и раненые, а затѣмъ и весь отрядъ, имѣвшій продовольствія только на двое сутокъ, поторопился отступить къ урочищу Пейкаро.

Здѣсь къ князю Орбеліану прибыли, 30-го января, повѣренные отъ селеній Джарской области, съ покорностью и обѣщаніемъ исполнить все, отъ нихъ требуемое, а 31-го числа къ нему же прибыли три лезгинскіе старшины изъ Бѣлоканъ, съ довѣренностію отъ общества. Объявивъ первымъ, что они должны внести слѣдуемую съ нихъ дань за 1803 годъ, положенное количество шелка, или за каждый фунтъ по червонцу, князь Орбеліанъ полученное отъ бѣлоканцевъ письмо отправилъ къ князю Циціанову.

Селенія Талы, Мухахи, Джинихи и Чардахи, въ просьбѣ своей сваливали всю вину на джарцевъ и увѣряли, что сами они, «если Богъ попуститъ», отъ сего времени будутъ непоко-

лебимы въ своемъ условіи и присягѣ; джарцы же говорили, что «случившееся по сіе время дѣло отъ воли Божіей», но что теперь, опомнясь, они желаютъ мира.

Али-султанъ элисуйскій и Хамидъ-Ага сынъ Сурхай-хана казикумыкскаго тоже предлагали свои услуги и высказывали желаніе быть посредниками въ примиреніи насъ съ джарцами и бѣлоканцами. Первый считалъ себя братомъ Россіи, «Если вы мнѣ теперь позволите, писалъ онъ, то я съ вами всѣхъ помирю и сдѣлаю пріятелями».

Такимъ образомъ, послѣ несчастной кончины славнаго шефа Кабардинскаго полка Гулякова, въ званіе это былъ назначенъ генералъ-маіоръ князь Дмитрій Орбельянъ, тоже отличный офицеръ, какъ оказалось не только изъ первыхъ же его дѣйствій, но и впослѣдствіи, когда ему постоянно поручались отдѣльные отряды: отличаясь благоразуміемъ и осторожностью, онъ достигалъ цѣли по возможности безъ кровопролитій, чему много способствовало, конечно, и его знаніе края, языка и характера туземнаго населенія. За успѣхъ усмиренія джаро-бѣлоканцевъ, послѣ несчастнаго дѣла 15-го января, князь Орбеліанъ получилъ Владиміра 3-й степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій князь Циціановъ, въ февралѣ 1804 года, въ донесеніи государю Александру Павловичу писалъ: «недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, толико нужныхъ въ здѣшнемъ краѣ, по принятой войнѣ, которую войска вести по мѣстоположеніямъ Грузіи должны, налагаютъ на меня обязанность пещись о удержаніи въ Кабардинскомъ полку тѣхъ отличныхъ достоинствъ храбрости и порядка, *коими полкъ превосходитъ всѣ прочія подъ начальствомъ въ сраженіи убитаго генералъ-маіора Гулякова*, дабы потеря сего храбраго офицера, для славы непобѣдимаго войска вашего императорскаго величества, не столько была чувствительна. А потому пріемлю смѣлость просить, по случаю выбытія 30-го ноября 1803 г. полковаго командира Соленіуса, повелѣть переведеннаго изъ онаго полка въ Сигнахъ комендантомъ маіора Алексѣева перевести паки въ Кабардинскій полкъ, въ полковые командиры, который (т. е. Алексѣевъ) пріобрѣлъ общую любовь и привязанность того полка офицеровъ и нижнихъ чиновъ, коего военныя до-

стоинства составляютъ все имущество и который можетъ пользу принести своимъ служеніемъ, а еще паче если ваше величество соизволите ободрить его орденомъ св. Анны 2-й ст., который онъ толико разъ заслужилъ; былъ рекомендованъ за бѣлоканское дѣло, за другія сраженія, и не получилъ никакого награжденія, уныніемъ приневоленъ былъ просить комендантскаго мѣста». Вслѣдъ за тѣмъ князь Цицiановъ ходатайствовалъ о переводѣ въ Кабардинскій полкъ поручика Ковалева, для совмѣстнаго служенія съ братомъ маіоромъ Ковалевымъ, о коемъ отзывается съ величайшею похвалою и высказывалъ опасеніе потерять такого офицера.

Послѣдующіе нѣсколько лѣтъ сопровождались въ Закавказскомъ краѣ многими важными военными эпизодами, блестящими подвигами славныхъ офицеровъ 17-го Егерскаго (нынѣ Эриванскаго гренадерскаго) полка Карягина, Котляревскаго, борьбою маленькихъ ничтожныхъ русскихъ отрядцевъ съ цѣлыми арміями персіянъ, турокъ, съ толпами бунтовавшихъ мелкихъ хановъ и владѣльцевъ. Энергическая, умная дѣятельность князя Цицiанова, вполнѣ пользовавшагося превосходствомъ русскихъ войскъ надъ азіятскими противниками, достигала очевидныхъ успѣховъ на пути къ главной цѣли обезпеченія Грузіи отъ окружавшихъ ее враждебныхъ мусульманскихъ сосѣдей. Одни за другими падали ханства ганжинское, карабахское, ширванское, бакинское; власть наша въ Закавказьи упрочивалась и, не взирая на крайне скудныя средства, ограниченное число войскъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ, среди враждебныхъ населеній, наконецъ, не взирая на враждебность членовъ грузинскаго царскаго дома, особенно царевича Александра, неугомонно интриговавшаго, то у персіянъ, то у турокъ, то у лезгинъ, волновавшаго Грузію, причиняя ей же массу горя и вреда,—не подлежало уже никакому сомнѣнію, что мы стали тамъ твердой ногой.

Былъ одинъ критическій моментъ, когда 11-го февраля 1806 г., князь Цицiановъ, съ непростительною довѣрчивостью къ коварному азіятцу-хану бакинскому, выѣхалъ къ нему въ сопровожденіи лишь двухъ человѣкъ и былъ подлымъ, измѣнническимъ образомъ убитъ изъ-за спины хана въ виду всего

нашего отряда, а старшій по немъ генералъ-маіоръ Завалишинъ былъ настолько малодушенъ, что—подъ предлогомъ недостатка провіанта и большаго числа больныхъ — отступилъ отъ крѣпости, вмѣсто того, чтобы штурмомъ отомстить за смерть своего главнокомандующаго. Быстро распространившееся объ этомъ несчастномъ происшествіи извѣстіе, само собою, возбудило во всѣхъ врагахъ Грузіи и русскихъ войскъ большія надежды, и попытки къ изгнанію насъ изъ-за Кавказа обнаружились въ разныхъ пунктахъ, но беззавѣтное мужество, строгая дисциплина, крѣпость штыка, страшный громъ пушекъ превращали всѣ попытки въ ничто, и если гдѣ нибудь непріятелю случилось торжествовать успѣхъ, то минутный: жестокое пораженіе слѣдовало вслѣдъ за минутнымъ торжествомъ.

Кабардинскій полкъ непринималъ почти участія во всѣхъ этихъ событіяхъ; онъ оставался на берегахъ Алазани исполнителемъ спеціальной задачи: защиты Грузіи отъ набѣговъ злѣйшаго и ближайшаго врага-сосѣда, отъ лезгинъ. Мнѣ поэтому, и не приходится разсказывать объ означенныхъ событіяхъ, подробности коихъ составляютъ блестящія страницы въ исторіи нашихъ военныхъ дѣйствій за Кавказомъ. Изъ числа происшествій, связанныхъ съ участіемъ нашего полка за время съ 1804 по 1810 годъ, насколько сохранилось данныхъ въ дѣлахъ архива, приходится сообщить только слѣдующія: съ сентября мѣсяца 1804 года княземъ Орбельяномъ стали получаться постоянныя свѣдѣнія, что джарскіе лезгины съ элисуйскимъ султаномъ собираются общими силами напасть на нашъ лагерь у Пейкаро и уничтожить ненавистную имъ колонну Орбельяна, препятствующую имъ въ привычныхъ набѣгахъ на Грузію. Орбельянъ все жаловался на свою слабость, на опасное положеніе выдвинутаго на лѣвый берегъ Алазани Александровскаго редута, отдѣленнаго отъ лагеря пятиверстнымъ лѣсомъ. Въ отрядѣ было 400 больныхъ, а здоровыхъ оставалось всего какая нибудь тысяча человѣкъ.

Лезгины между тѣмъ, болѣе или менѣе значительными партіями, пытались пробираться на правый берегъ Алазани. Въ этихъ случаяхъ изъ лагеря у Пейкаро высылалась часть войскъ для преслѣдованія непріятеля, или прегражденія ему

переправы. Большею частью подобныя движенія поручались Кабардинскаго полка маіору Алексѣеву, съ его батальономъ. Такъ, 28 сентября, онъ настигъ партію у р. Іоры, разбилъ ее, и захвативъ двухъ лезгиновъ въ плѣнъ, прогналъ партію за Алазань. Подобныхъ мелкихъ происшествій былъ цѣлый рядъ.

Между тѣмъ грузинскій царевичъ Парнаозъ возмутилъ жителей Карталиніи, осетинъ, горцевъ живущихъ по военно-грузинской дорогѣ, прекращая единственное наше сообщеніе съ кавказскою линіею и Россіею. Потерпѣвъ неудачу въ нѣсколькихъ стычкахъ съ русскими войсками, Парнаозъ вынужденъ былъ бѣжать и, по свѣдѣніямъ, направился въ Тіонеты Князь Цицiановъ считалъ необходимымъ не дать ему основать здѣсь, вблизи Кахетіи, свою резиденцію и отправилъ Кабардинскаго полка маіора Гарцевича съ батальономъ для поимки, или, по крайней мѣрѣ, прогнанія изъ Тіонетъ царевича Парнаоза. Гарцевичъ долженъ былъ изъ Тифлисса идти прямою кратчайшею дорогою въ Тіонеты. Но, судя по донесенію его отъ 9-го октября 1804 г. къ князю Цицiанову, онъ не нашелъ удобной прямой дороги, невзирая на настойчивые распросы жителей, и вынужденъ былъ двинуться окружнымъ путемъ чрезъ Сигнахъ, откуда и отправилъ въ Тіонеты съ двумя ротами и 15-ю казаками капитана Севарсамидзе, который въ свою очередь доносилъ, что слѣдуя по ужаснымъ дорогамъ, оставилъ весь свой обозъ въ с. Ахметы и прибылъ въ Тіонеты на легкахъ. Капитану Севарсамидзе непосчастливилось: царевичъ Парнаозъ вскорѣ послѣ прибытія ротъ въ Тіонеты, дѣйствительно появился вблизи и бросился лѣсами по Іорѣ къ с. Хашма со свитою человѣкъ въ 30—40; Севарсамидзе преслѣдовалъ его съ нѣсколькими Донскими казаками, но потерялъ слѣдъ и, обманутый пастухами, пошелъ по другой дорогѣ. Также точно неудалось ему исполнить и другое порученіе — на счетъ выручки изъ плѣна отъ хевсуръ нѣсколькихъ человѣкъ нашихъ рекрутъ и казаковъ, захваченныхъ на военно-грузинской дорогѣ.

Эти двѣ роты Кабардинскаго полка, съ командою Донскихъ казаковъ, были однако оставлены на долго въ Тіонетахъ и тамъ пришлось имъ отличиться. Въ апрѣлѣ 1805 г.

бунтовавшіе хевсуры вздумали напасть на Тіонеты и появились въ числѣ тысячи человѣкъ. Подполковникъ князь Эристовъ, которому были подчинены наши роты и часть собранной въ верхней Кахетіи милиціи, былъ съ сею послѣднею въ отсутствіи; за старшаго въ Тіонетахъ оставался поручикъ Волковъ, не потерявшійся и поддержавшій славу полка: онъ предупредилъ Хевсуръ, вышелъ изъ деревни, атаковалъ ихъ, разбилъ, обративъ въ бѣгство; на мѣстѣ осталось 32 человѣка убитыхъ. На другой день подоспѣлъ князь Эристовъ изъ Ахметъ съ грузинскою милиціею и однимъ орудіемъ, взялъ съ собою одну роту и пустился преслѣдовать разбитыхъ хевсуръ; догнавъ ихъ въ верховьяхъ Арагвы, еще разъ нанесъ имъ пораженіе уже въ ихъ селахъ. Наша потеря заключалась въ убитомъ поручикѣ Волчаневскомъ и 4-хъ мушкетерахъ, да ранено 22 человѣка.

Тіонеты сдѣлались важнымъ пунктомъ, и нашимъ ротамъ приказано было оставаться тамъ; на мѣсто Волкова прибылъ старшимъ капитанъ Тихоцкій. Чтобы судить о слабости состава частей войскъ, въ тогдашнее время за Кавказомъ находившихся, сообщаю слѣдующій фактъ: 3-го мая 1806 года въ двухъ ротахъ Тихоцкаго было 6-ть офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ, 123 рядовыхъ, 28 рекрутъ только что прибывшихъ и не обученныхъ, да 7-мь человѣкъ нестроевыхъ! Больныхъ 45! И вотъ съ такими-то ротами, въ 60—70 человѣкъ, вступали наши молодцы въ бой съ тысячными толпами воинственныхъ, ловкихъ туземцевъ. А у князя Орбельяна въ лагерѣ у Пейкаро, въ двухъ нашихъ батальонахъ было всего подъ ружьемъ 547 человѣкъ, изъ коихъ 123 въ Александровскомъ редутѣ. Больныхъ 170-ть.

До этого тіонетскаго происшествія, именно 26-го марта, лезгины привели въ исполненіе давно задуманное предпріятіе: собравшись въ числѣ 9-ти тысячъ человѣкъ, они атаковали Александровскій редутъ, занятый 4-мя офицерами и 125-тью человѣками Кабардинцевъ, 25-ь егерей Тифлисскаго полка, нѣсколько артиллеристовъ и донскихъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ нашего маіора Гарцевича. Пользуясь лѣсистою мѣстностью, лезгины незамѣтно подступили къ форту и двинули свою пѣхоту прямо на форштадтъ, оставивъ кавалерію на обоихъ флангахъ, для обхода. Натискъ былъ такъ стремителенъ,

что толпа успѣла ворваться въ форштадтъ и бросилась къ рвамъ редута; но не дрогнула горсть Кабардинцевъ: встрѣтивъ атакующихъ картечью и залпами, маіоръ Гарцевичъ приказалъ поручику Куликову и прапорщику Фендрикову 3-му съ 50-ю человѣками ударить въ штыки на главную толпу въ тысячу человѣкъ, лѣзшую на валъ; раздалось ура! и горсть Кабардинцевъ ринулась въ толпу... Паническій страхъ овладѣлъ лезгинами отъ такой неожиданности! Видя прокалываемыхъ товарищей, они бросились отступать и, само собою, придали нашимъ храбрецамъ еще больше смѣлости: отнявъ у непріятеля знамя, схвативъ нѣсколько плѣнныхъ, поручикъ Куликовъ увлекся преслѣдованіемъ за форштадтъ и могъ бы въ свою очередь быть истребленнымъ надвигавшимися конными; но маіоръ Гарцевичъ во время распорядился послать ему строгое приказаніе остановиться и за форштадтъ не выходить. Скопище лезгинъ, бывшее подъ предводительствомъ сына Сурхай-хана казикумыхскаго Халилъ-бека, потерявъ до 150 человѣкъ, оставшихся во рву и кругомъ форта, поспѣшило бѣжать, разнося по горамъ убѣжденіе въ невозможности одолѣть русскихъ.

Потеря наша была однако тоже не малая, принимая во вниманіе, что весь гарнизонъ, съ деньщиками включительно, составлялъ едва 200-ти человѣкъ. У насъ убиты: 14-ть Кабардинцевъ, 6-ть егерей, 1-нъ артиллеристъ и 3 казака; ранены 12-ть Кабардинцевъ, 3 егеря, 2 артиллериста и 1 казакъ. Кромѣ Куликова и Фендрикова въ гарнизонѣ были нашего полка поручики: Фендриковъ 2-й и Степановъ. Знамя взято нашимъ унтеръ-фицеромъ Горбуновымъ.

Такое счастливое для насъ окончаніе смѣлаго предпріятія лезгинъ не успокоило однако осторожнаго князя Орбельяна; онъ не переставалъ доносить о слабости своего деташемента (отряда) и убѣдительно просилъ о возвращеніи ему двухъ ротъ, находившихся въ Тіонетахъ, и присылкѣ для пополненія рядовъ хотя бы только ста человѣкъ, что дало-бы ему возможность не только отбивать нападенія непріятеля, но и преслѣдовать его за Алазань.—Просилъ онъ также усилить вооруженіе Александровскаго редута еще двумя орудіями и пополнить скудное число снарядовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на сигнахскаго

уѣзднаго исправника Соколова, который, вмѣсто быстраго исполненія требованій о нарядѣ милиціи, входилъ въ безплодную переписку, препирался и пикировался съ княземъ Орбельяномъ. Вообще, средства были тогда самыя ограниченныя, представляющіяся каплею въ морѣ въ сравненіи съ силами, находившимися на Кавказѣ въ наши времена, и нельзя не отдать полной справедливости тогдашнимъ командирамъ, людямъ, вышедшимъ изъ школы Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Вейсмановъ и другихъ доблестной памяти, водителей русскихъ войскъ въ XVIII столѣтіи, — умѣли они пользоваться нравственными превосходствами своими надъ многочисленными азіатскими полчищами и, большею частью, были люди не только храбрые лично, но и рѣшительные, предпріимчивые, съ личною иниціативой и замѣчательной военной смѣткой.

Лезгины, потерпѣвъ въ мартѣ пораженіе при атакѣ Александровскаго редута, не долго однако оставались спокойными: осенью они уже опять вошли въ сношеніе съ нухинскимъ ханомъ, недавно изъявившимъ полную покорность Россіи, и склонили его къ общимъ враждебнымъ дѣйствіямъ. Напавъ совершенно неожиданно на двѣ роты 17-го Егерскаго полка, расположенныя вблизи Нухи, ханъ заставилъ ихъ отступить и доведя свое войско тысячъ до десяти, собирался уже открыть наступательныя дѣйствія на Грузію. Но генералъ-маіоръ Небольсинъ, съ наскоро собраннымъ отрядомъ (около тысячи двухъ сотъ человѣкъ), въ теченіи трехъ дней покончилъ съ бунтомъ: разбивъ два раза ханскія толпы на пути къ Нухѣ, онъ штурмомъ взялъ городъ съ его крѣпостью и отъ непріятельскихъ сборищъ не осталось и слѣдовъ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ отряда Небольсина къ Нухѣ, князь Орбельянъ долженъ былъ идти въ землю джарцевъ и наказать ихъ за измѣну и непрекращаемыя враждебныя дѣйствія; но, имѣя положительныя свѣдѣнія о прибытіи въ подкрѣпленіе Джаръ до 10 тысячъ гулходаровъ (такъ грузины называли лезгинъ дагестанскихъ), князь Орбельянъ доносилъ о своей крайней слабости для наступленія и настойчиво требовалъ усиленія отряда, безъ чего не рѣшался выходить изъ лагеря. Въ цѣломъ полку на лицо было 77 унтеръ-офицеровъ

и 641 рядовыхъ; остальные въ госпиталяхъ и лазаретахъ, да въ командировкахъ—въ Тифлиссѣ, Тіонетахъ, Сигнахѣ и проч. Наконецъ настоянія князя Орбельяна вынудили дать ему подкрѣпленіе изъ двухъ ротъ 15 го Егерскаго полка и 2,000 грузинской милиціи, да возвратили ему изъ Тіонетъ наши двѣ роты.

Составивъ отрядъ изъ 30-ти штабъ и оберъ-офицеровъ съ 900 человѣкъ Кабардинцевъ, — 600 человѣкъ 15-го Егерскаго полка, Донскихъ казаковъ и артиллеристовъ, князь Орбельянъ наконецъ выступилъ 8-го ноября (1806 г.) за Алазань, выгналъ изъ с. Катехи укрѣпившагося непріятеля и расположился тамъ лагеремъ, въ ожиданіи диверсіи генералъ-маіора Небольсина изъ Нухи. Въ чемъ заключались дальнѣйшія дѣйствія въ этотъ разъ,—нигдѣ никакихъ свѣдѣній не оказалось.

1807, 1808 и 1809 годы прошли для Кабардинскаго полка безъ особо выдающихся событій. Имѣя опредѣленное назначеніе охранять по Алазани Грузію отъ злѣйшаго ея врага—лезгинъ, полкъ занималъ различные посты, преслѣдовалъ шайки хищниковъ, а частью содержалъ караулы въ Тифлиссѣ, Сигнахѣ, и Телавѣ. Въ 1809 году одинъ батальонъ подполковника Ковалева, былъ отправленъ въ составъ отряда генералъ-маіора Небольсина на р. Тертеръ, а двѣ роты въ Сурамъ для защиты Карталиніи отъ постоянныхъ нападеній лезгинскихъ шаекъ, врывавшихся туда изъ ахалцыхскаго пашалыка, съ поддержкою турокъ. Этимъ двумъ ротамъ, подъ командою маіора князя Орбельяна, вмѣстѣ съ ротой 9-го Егерскаго и эскадрономъ Нижегородскихъ драгунъ, удалось одну партію лезгинъ и турокъ, человѣкъ до 800, почти совершенно истребить, захвативъ 5-ть значковъ и нѣсколько плѣнныхъ (6-го сентября); но и у насъ была немалая потеря, въ числѣ которой 6 человѣкъ убитыхъ Кабардинцевъ. Кромѣ Орбельяна, получившаго за это лихое дѣло Анну 2-й степени, особенно отличавшимися въ рапортѣ генерала Тормасова Государю названы поручикъ Кабардинскаго полка Семеновъ и прапорщикъ Проценко, получившіе Анну 3-й степени.

XX.

Возбужденіе безпорядковъ въ краѣ.—Возстаніе въ Имеретіи.— Отправленіе туда 2-хъ батальоновъ Кабардинскаго полка.—Движеніе ихъ двумя колоннами и бой съ имеретинами.—Соединеніе обѣихъ колоннъ.—Прибытіе подкрѣпленій и движеніе къ Кутаису.—Усмиреніе бунта.—Возвращеніе батальоновъ въ Тифлиссъ.—Стычки на Алазани.—Расположеніе частей полка.—Происшествія въ полку.—Вторженіе персіянъ и турокъ.—Возмущеніе въ Ананурѣ и Грузіи.—Нападеніе на штабъ полка и избіеніе людей 2-го батальона.—Назначеніе шефомъ полковника Тихановскаго.—Дѣйствія противъ кахетинскихъ возмутителей.—Усмиреніе возстанія.

Все это время персидское и турецкое правительства не переставали употреблять всѣ мѣры къ возбужденію противъ насъ народонаселенія Грузіи и ближайшихъ горцевъ; лучшими исполнителями ихъ плановъ являлись многочисленные члены бывшихъ владѣтельныхъ домовъ и ихъ родственники. Никакія увѣщанія и посредничества пользовавшихся общимъ уваженіемъ туземцевъ не дѣйствовали на неугомонно безпокойныхъ возмутителей; приходилось прибѣгать къ единственному средству—къ силѣ оружія.

1810 годъ ознаменовался прискорбными для Закавказскаго края событіями: имеритинскій царь Соломонъ, измѣнившій своимъ клятвеннымъ обязательствамъ въ отношеніи вассальности къ Россіи, добровольно имъ на себя принятымъ, ради пріобрѣтенія покровительства и защиты отъ постоянныхъ разорительныхъ нападеній сосѣднихъ турокъ, поддался вліянію себялюбивыхъ интригановъ и сталъ дѣйствовать наперекоръ распоряженіямъ нашего правительства, особенно въ дѣлѣ о правахъ престолонаслѣдія. Самъ бездѣтный, царь Соломонъ противился однако признать права ближайшаго своего родственника, малолѣтняго племянника его Давыда, приходившагося внукомъ грузинскому царю Ираклію. Раздоры и безпоряд-

ки дошли до того, что вызвали вмѣшательство наше, сначала одними увѣщаніями и примирительными дѣйствіями, впослѣдствіи вооруженной рукой. Послѣ нѣкотораго времени, настойчивыя благоразумныя мѣры командира Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симановича убѣдили царя Соломона въ безплодности борьбы съ русскою властью и онъ передалъ себя въ руки наши, предоставляя рѣшеніе своей участи Императору Александру. Доставленный въ Тифлиссъ, принятый здѣсь главнокомандующимъ генераломъ Тормасовымъ совсѣми подобающими почестями, Соломонъ былъ оставленъ, впредь до полученія разрѣшеній изъ Петербурга, на свободѣ, но подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, безъ права выѣзжать изъ города.

Между тѣмъ приверженцы царя Соломона и родственники его жены, князья Абашидзе, не прекращали подпольной дѣятельности и, возбуждая въ Имеретіи жителей къ безпорядкамъ и неповиновенію, вмѣстѣ съ тѣмъ заискивали у ахалцыхскаго и анатолійскаго пашей, добиваясь помощи въ вооруженныхъ дѣйствіяхъ, главная цѣль которыхъ была изгнаніе русскихъ войскъ изъ Имеретіи, чтобы остаться безконтрольными распорядителями судебъ этого края. Лишь бы достигнуть своихъ эгоистическихъ цѣлей, они не отступали предъ союзомъ съ исконнымъ врагомъ своего народа и вѣры Христовой, предъ приглашеніемъ турокъ вторгнуться въ свою родину; а вѣдь вторженіе означало разореніе, безчинства, уводъ плѣнныхъ и т. п. Въ тоже время они считали крайне важнымъ для своего дѣла участіе въ немъ самого царя Соломона, который авторитетомъ своего имени придалъ бы въ глазахъ народа всему видъ законности, а турецкое правительство убѣдилъ бы, что предпріятіе не есть дѣло частнаго кружка нѣсколькихъ недовольныхъ князей, а всего имеретинскаго народа, съ своимъ царемъ во главѣ.

Благодаря слабости надзора и несомнѣнному подкупу тифлисскаго полиціймейстера Баратова, съ нѣсколькими его чиновниками изъ туземцевъ, царь Соломонъ успѣлъ бѣжать изъ города въ ахалцыхскій пашалыкъ, оттуда пробрался въ Имеретію, въ которой дѣйствіями Кайхосро Абашидзе возстаніе

приняло уже обширные размѣры, начавшись въ с. Сакаро и распространяясь по всѣмъ направленіямъ. Небольшія части русскихъ войскъ, разбросанныя по всему краю отъ Поти до границъ Карталиніи, въ гористой пересѣченной мѣстности, почти лишенной всякихъ путей сообщенія, очутились какъ мелкіе островки, окруженные волнами разбушевавшагося моря. Сообщеніе съ Тифлиссомъ было почти прервано и извѣстій о положеніи дѣлъ въ Имеретіи не получалось иногда въ теченіи 15—20 дней.(1)

Пришлось подумать о мѣрахъ къ спасенію разбросанныхъ по Имеретіи войскъ и возстановленію порядка, пока волненіе не сообщилось сосѣднимъ мѣстностямъ. Генералъ Тормасовъ рѣшилъ отправить туда шефа Кабардинскаго полка, генералъ-маіора князя Орбельяна съ двумя батальонами его полка, однимъ егерскимъ, частью артиллеріи, казаковъ и грузинской милиціи, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ общее главное начальство надъ всѣми войсками и возстановилъ въ Имеретіи порядокъ.

Штабъ Кабардинскаго полка былъ тогда въ Тифлиссѣ; 5-ть ротъ стояли въ Телавѣ и ближайшихъ деревняхъ. Въ апрѣлѣ два батальона были двинуты въ Карталинію и расположены лагеремъ въ Боржомскомъ ущельѣ. Въ іюнѣ ихъ оттуда перевели въ д. Саганлугъ, гдѣ былъ главный подвижной резервъ для всего Закавказскаго края, окруженнаго со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, кромѣ своихъ внутреннихъ возмутителей; а въ іюлѣ отправили оба Кабардинскіе батальона форсированно въ Имеретію, гдѣ, какъ сказано, положеніе дѣлъ достигло крайне критическаго положенія.

Какъ только возстаніе вспыхнуло въ с. Сакаро, туда были посланы изъ Кутаиса двѣ роты Кавказкаго гренадерскаго полка съ храбрымъ и распорядительнымъ маіоромъ Калатузовымъ. Къ несчастію, при первой же встрѣчѣ съ толпой возмутившихся, Калатузовъ былъ убитъ и старшій по немъ капитанъ Титовъ, потерявъ 17 человѣкъ убитыхъ и 32-хъ раненыхъ, съ трудомъ пробился чрезъ лѣсъ на открытое мѣсто. И хотя имеретинцы тоже потерпѣли при этомъ немалый уронъ, но все же очевидная неудача горсти нашихъ солдатъ долж-

(1.) Рапортъ ген. Тормасова воен. министру 28-го іюня 1810 г., № 149. (К. ч. Арх. II, 3335)

на была ободрить толпу и дать предводителямъ случай разсѣять страхъ, питаемый тогда всѣми туземцами предъ нашими войсками. Съ этого момента возстаніе усилилось и охватило гораздо обширнѣйшій раіонъ. Въ то же время неугомонный претендентъ на грузинскій престолъ, царевичъ Александръ не переставалъ своихъ интригъ и искательствъ то у Персіи, то у Турціи, то у лезгинъ, или мелкихъ мусульманскихъ владѣльцевъ, склоняя ихъ всевозможными обѣщаніями и увѣреніями къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Грузіи и защищающихъ ее русскихъ войскъ. Вообще, положеніе Закавказья, отрѣзаннаго почти отъ Россіи, предоставленнаго собственнымъ, весьма ограниченнымъ средствамъ, переживало тогда одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ. Война съ Персіею, война съ Турціею, борьба съ лезгинами и другими горскими народами, волненія внутреннія, общее возстаніе Имеретіи,—все вмѣстѣ, со всѣхъ сторонъ, какъ бы нарочно соединилось, чтобы вынудить насъ разбросать свои небольшія силы и быть подавленными въ неравной борьбѣ... И, нѣтъ сомнѣнія, не будь это русскія войска, воспитанники Румянцева, Суворова, не будь это потомки героевъ Кагула, Рымника, Измаила, не будь это полки, составленные наполовину изъ людей, бравшихъ Очаковъ и Анапу, Дербентъ и Ганжу, бившихъ съ Циціановымъ, Котляревскимъ и Карягинымъ персіянъ, съ Гуляковымъ лезгинъ, однимъ словомъ, не будь это закаленные въ бояхъ, трудахъ и лишеніяхъ, строго дисциплинированные, вѣрные своему долгу люди, предводимые энергическими, нетерявшими присутствія духа офицерами,—очень возможно, что пришлось бы спасать остатки разстроенныхъ батальоновъ и отступать за хребетъ...

И такъ князь Орбельянъ, съ двумя батальонами Кабардинскаго полка, выступилъ (3-й батальонъ оставилъ двѣ роты въ Кахетіи, а двѣ вступили въ Тифлиссъ въ караулъ) и 2-го іюля прибылъ въ Сурамъ. Простоявъ здѣсь два дня, князь Орбельянъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны и 5-го числа самъ выступилъ съ 1-мъ Кабардинскимъ и батальономъ 15 Егерскаго по Ваханскому ущелью, а 2-й Кабардинскій батальонъ, подъ начальствомъ маіора Тихоцкаго, послалъ чрезъ

с. Али и уроч. Картахени, съ тѣмъ чтобы соединиться въ Ласіятхеви и вмѣстѣ дѣйствовать противъ главныхъ скопищъ возмутителей.

Представить себѣ театръ предстоявшихъ дѣйствій могутъ очень легко всѣ, бывавшіе въ Чечнѣ, особенно въ Малой. Не очень высокія, сравнительно съ Дагестаномъ, горы, изрѣзанныя ущельями быстрыхъ рѣчекъ, крутыми, недоступными, глубокими оврагами, нерѣдко тянущимися на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, все это, и горы, и овраги, поросшія густыми дремучими лѣсами, громадныя деревья, перевитыя плющемъ, дикой лозой, все перепутанное разными вьющимися, ползучими растеніями; вмѣсто дорогъ—узкія тропинки, въ низменныхъ мѣстахъ топкія болота.

Движеніе войскъ по такимъ мѣстностямъ, съ колеснымъ обозомъ и громоздкою тяжелою артиллеріею, да еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда жара въ 40° по Реомюру явленіе обычное, составляетъ чрезвычайно трудную и опасную задачу. Какими бы преимуществами регулярныя, дисциплинированныя войска ни обладали, но, все же, вступивъ въ такую мѣстность и встрѣчая непріятеля—туземца, родившагося, выросшаго среди этой природы, знакомаго съ каждой тропкой, умѣющаго пользоваться мѣстными условіями и въ бою, и въ обходѣ наступающему въ тылъ, или въ загражденіи ему движенія впередъ, одержаніе рѣшительнаго успѣха становится дѣломъ не легкимъ и требуетъ дѣйствительно беззавѣтнаго мужества, увѣренности въ своемъ превосходствѣ и презрѣнія ко всякимъ опасностямъ.

Какъ только маіоръ Тихоцкій вступилъ въ лѣсистую горную полосу Имеретіи, начинающейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сурама, двухтысячная толпа встрѣтила его усиленнымъ огнемъ; между тѣмъ дорога была завалена огромными деревьями. Очищая себѣ путь ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, работая надъ стаскиваніемъ съ дороги загражденій, колонна медленно подвигалась и достигла урочища Картохти. Здѣсь противникъ усилился новыми толпами; ружейныя пули осыпали нашихъ людей съ высотъ, съ деревьевъ, изъ за заваловъ; приходилось и отстрѣливаться, и штыками прогонять

болѣе назойливыхъ, и топорами прорубаться сквозь наваленныя бревна... Пройдя 8 верстъ, Тихоцкій долженъ былъ остановиться на ночлегъ.

На другой день онъ двинулся дальше; дорога все ухудшалась, лѣсъ сталъ еще гуще, завалы чаще и чаще, число непріятеля росло и огонь его усиливался; приходилось постоянно бросаться въ штыки, чтобы отгонять кучки имеретинъ, не дававшихъ хода, а вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались работы по очищенію дороги отъ всевозможныхъ загражденій. Пройдя такимъ образомъ 10-ть верстъ, видя постоянное усиленіе противника, нескончаемый рядъ заваловъ, потерявъ нѣсколько лошадей подъ орудіями и вьюками, обремененный ранеными, для переноса которыхъ отвлекалось много людей изъ фронта, маіоръ Тихоцкій вынужденъ былъ остановиться на урочищѣ Дампала, оградивъ себя ретраншементомъ. Здѣсь онъ рѣшился ожидать подкрѣпленій, или какихъ либо распоряженій, и послалъ записки о своемъ затруднительномъ положеніи къ князю Орбельяну и маіору Бухвостову, оставленному въ Горійскомъ уѣздѣ съ батальономъ Херсонскаго гренадерскаго полка и сотнею казаковъ, въ видѣ резерва.

Четыре дня просидѣлъ Тихоцкій съ своею маленькою колонною въ наскоро устроенномъ полевомъ укрѣпленіи, безпрестанно безпокоимый обстрѣливавшими его со всѣхъ сторонъ имеретинами, отбивая нѣсколько разъ ихъ атаки, предпринимаемыя большею частью ночью, внезапно, терпя крайній недостатокъ въ водѣ, достававшейся не иначе какъ съ боя изъ единственнаго лѣснаго ручья, обстрѣливаемаго непріятелемъ. Наконецъ, къ концу четвертаго дня, подошли къ нему двѣ роты Херсонскихъ гренадеръ, полсотни казаковъ и нѣсколько грузинскихъ милиціонеровъ, что заставило непріятельскія толпы прекратить нападенія на ретраншементъ и дало возможность въ конецъ утомленнымъ людямъ Кабардинскаго батальона отдохнуть.

Между тѣмъ генералъ князь Орбельянъ съ своею колонною дошелъ до с. Задубани; получивъ здѣсь извѣстіе о положеніи Тихоцкаго, онъ съ Кабардинскимъ батальономъ и двумя ротами 15-го Егерскаго полка бросился на легкахъ къ

Дампалѣ, куда и прибылъ 12-го іюля; послѣ краткаго отдыха, онъ рѣшительно атаковалъ скопившихся въ лѣсу имеретинъ, разбилъ ихъ и преслѣдовалъ около 8-ми верстъ. Дальше не было возможности двигаться, дорога оказалась рѣшительно непроходимою, лѣсная чаща требовала вырубки, чтобы можно было провести артиллерію и вьюки; поэтому, соединивъ всѣ войска въ одну колонну, князь Орбельянъ двинулся въ Ваханское ущелье.

За эти нѣсколько дней 2-й батальонъ Кабардинскаго полка потерялъ убитыми: поручика Воробьева, подпоручика Судовскаго, прапорщика Конопкина, и 30-ть нижнихъ чиновъ, ранено 84 человѣка. Для одного батальона, вся численность котораго едвали составляла 500 человѣкъ, потеря громадная.

Получивъ въ Тифлиссѣ свѣдѣнія о такомъ серьезномъ положеніи дѣлъ въ Имеретіи, главнокомандующій генералъ Тормасовъ приказалъ своему ближайшему помощнику, генералъ-лейтенанту барону Розену взять батальонъ съ двумя орудіями и сотнею казаковъ, форсированно двинуться въ Имеретію, принять главное начальство надъ всѣми бывшими тамъ войсками и употребить всѣ мѣры къ подавленію возстанія, принявшаго въ послѣдніе дни грозные размѣры.

Баронъ Розенъ, пройдя въ четыре или пять переходовъ, безъ дневокъ, отъ Тифлисса въ Имеретію, соединился съ княземъ Орбельяномъ у укрѣпленія Чхери, въ которомъ уже болѣе мѣсяца находилась въ строгой блокадѣ небольшая команда изъ 40 солдатъ съ офицеромъ Кавказскаго гренадерскаго полка. Освободивъ эту команду, соединенный отрядъ двинулся къ Кутаису. Съ 24-го по 29-е число включительно ежедневный бой съ увеличившеюся до 10-ти тысячъ человѣкъ массою непріятеля не прекращался; каждый шагъ въ чащѣ лѣсной, каждый переходъ чрезъ балки, трущобы, переправа чрезъ рѣчки, цѣлые ряды срубленныхъ вѣковыхъ деревьевъ, изъ за которыхъ тысячи винтовокъ открывали огонь, приходилось преодолѣвать съ боя, въ борьбѣ съ противникомъ, съ природой, съ ужасной дорогой, безпрестанными спусками и подъемами, наконецъ, съ невыносимой іюльской жарой. Непріятель защищалъ шагъ за шагомъ свои позиціи съ боль-

(1) Рапорт Тормасова воен. министру от 25 июля 1810 г., №117 (В. Уч. Арх., II, 3885)

шимъ упорствомъ, искусно пользуясь мѣстными условіями; но устоять противъ нашихъ войскъ не могъ: два батальона Кабардинцевъ, 6 ротъ егерей и 1½ сотни казаковъ, съ 6-ю орудіями, едвали всего на всего болѣе 1700 человѣкъ, одолѣвъ всѣ препятствія, нанеся непріятелю громадный уронъ убитыми, въ томъ числѣ самаго главнаго предводителя и зачинщика возстанія князя Кайхосра Абашидзе, форсировавъ укрѣпленную завалами и отчаянно защищаемую переправу чрезъ р. Квирилу, достигли наконецъ Кутаиса, въ которомъ полковникъ Симановичъ, съ нѣсколькими ротами, вынужденъ былъ въ послѣднее время держаться въ оборонительномъ положеніи. Подробныхъ свѣдѣній о потеряхъ барона Розена въ дѣлахъ не оказалось, но изъ полковыхъ отчетовъ видно, что Кабардинскій полкъ въ движеніи къ Кутаису потерялъ ранеными поручика Семенова, прапорщиковъ Горбуня и Рейха отъ ранъ умершихъ, убитыхъ 19, а раненыхъ 23 человѣка нижнихъ чиновъ. Всего за это время потери полка: 6 офицеровъ, изъ нихъ 5 убитыхъ, и 154 нижнихъ чиновъ.

Вступленіемъ отряда генералъ-лейтенанта барона Розена въ Кутаисъ, послѣ нанесенныхъ по пути главнымъ силамъ противника пораженій, всему возстанію былъ уже данъ сильный ударъ. Пользуясь такимъ оборотомъ дѣлъ, генералъ Розенъ поручилъ Симановичу, усиленному 6-ю ротами егерей, дальнѣйшія дѣйствія въ краѣ, а самъ остался въ Кутаисѣ, съ обоими батальонами Кабардинскаго полка. Въ теченіи мѣсяца, распорядительный, энергическій Симановичъ, освободивъ предварительно всѣ отдѣльныя части войскъ, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ въ блокадѣ, предпринялъ рядъ такихъ настойчивыхъ дѣйствій противъ пунктовъ, служившихъ пребываніемъ царя Соломона и скоплявшихся бунтовщиковъ, нанеся имъ нѣсколько пораженій, что вынудилъ большинство разсѣяться, а самаго царя съ нѣсколькими главными дѣятелями и приверженцами бѣжать въ Ахалцыхъ.

Бунтъ былъ прекращенъ. Баронъ Розенъ съ частью войскъ возвратился въ Грузію. Въ октябрѣ нашъ 1-й (гренадерскій) батальонъ уже находился въ главномъ отрядѣ, сосредоточенномъ въ Сурамѣ, въ виду грозившаго со стороны Ахалцыха

наступленія турокъ, а 2-й батальонъ оставался въ Имеретіи до декабря мѣсяца, когда отряды были распущены и оба батальона возвратились въ Тифлисъ.

Обоимъ нашимъ батальонамъ, въ числѣ 1013 человѣкъ, за усмиреніе Имеретіи Высочайше пожалованы по рублю и не въ зачетъ по парѣ сапогъ; офицеры получили очередныя награды, а нѣкоторые годовой окладъ жалованья, и всѣ именныя высочайшія благоволенія. За эти же дѣла нѣкоторыми нижними чинами получены георгіевскіе кресты, недавно учрежденные и въ первый разъ въ полкъ пожалованные.

Пока происходили вышеописанныя дѣла въ Имеретіи, маіоръ князь Орбельянъ, расположенный съ двумя ротами Кабардинцевъ на Алазани, получивъ 17-го сентября извѣстіе, что нѣсколько сотъ лезгинъ возвращаются изъ Ахалцыхскаго пашалыка, занялъ съ одной ротой, орудіемъ и нѣсколькими грузинскими милиціонерами, бродъ и нанесъ лезгинамъ сильное пораженіе. При этомъ у насъ раненъ ротный командиръ штабсъ-капитанъ Юдинъ и 4 рядовыхъ. Юдинъ получилъ за это дѣло Анну 3-й степени.

Въ 1811 году, судя по росписанію войскъ отъ 5-го ноября, Кабардинскій полкъ былъ разбросанъ по всему Закавказью: штабъ-квартира въ Сигнахѣ, одна рота въ Телавѣ, одна въ Карагачѣ и одна въ с. Какабети; одинъ баталіонъ въ Имеретіи и одинъ баталіонъ въ Ширванскомъ владѣніи. Полкъ числился въ бригадѣ съ Херсонскимъ гренадерскимъ, а бригадиромъ былъ генералъ-маіоръ Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ.

Въ октябрѣ этого года, новый главнокомандующій, маркизъ Паулучи доносилъ въ Петербургъ, что въ виду неурожая хлѣба въ Грузіи и для обезпеченія жителей Кахетіи, онъ нашелъ нужнымъ баталіонъ Кабардинскаго полка, расположенный въ Сигнахѣ, Карагачѣ, Телавѣ и Какабетѣ перевести во владѣніе султана Элисуйскаго, гдѣ хлѣбъ есть въ изобиліи и гдѣ русскія войска еще никогда не были. Какъ долго простоялъ тамъ баталіонъ, свѣдѣній нѣтъ; но очевидно, что расположеніе къ Элису было кратковременное, ибо по росписанію, въ началѣ 1812 г., батальоны показаны по прежнему: 1-й—въ Сигнахѣ и Телавѣ, 2-й—въ Имеретіи, 3-й—въ Ширван-

скомъ ханствѣ. Должно полагать, что султанъ Элисуйскій упросилъ вывести русскихъ солдатъ изъ его мусульманскихъ ауловъ.

Лѣтомъ того же 1811 г. въ полку обнаружилась пагубная заразительная болѣзнь, которую доктора называли карбункуломъ, но о дальнѣйшихъ ея послѣдствіяхъ свѣдѣній нѣтъ.

Въ кавказскіе полки присылали разныхъ преступниковъ, невольниковъ и вообще порочныхъ людей; всѣ они почти дезертировали и увлекали за собою хорошихъ солдатъ. Тормасовъ представлялъ объ этомъ и просилъ прекратить такія назначенія, а то присланные 800 человѣкъ, изъ бывшихъ въ Молдавіи волонтерскихъ полковъ, почти всѣ бѣжали.

Въ томъ же году въ жизни полка былъ исключительный и печальный случай: полковой командиръ, подполковникъ Ковалевъ 1-й спился до чертиковъ и генералъ Тормасовъ, по просьбѣ шефа генерала князя Орбельяна, отрѣшилъ его отъ командованія, передавъ полкъ подполковнику Степанову. *) Полковаго же квартермистра поручика Чеботарева предалъ суду, арестованнымъ, за незаконные вычеты съ нижнихъ чиновъ, нерадѣніе въ исполненіи своей обязанности, вслѣдствіе чего люди терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и проч.; а вычеты приказалъ тотчасъ возвратить. Тогда же объявленъ строгій выговоръ маіору Тыртову за допущеніе людей его батальона, при проходѣ чрезъ с. Авчалы, насильно занимать квартиры въ домахъ жителей и вообще буйствовать. 1811 годъ вообще обрушился на полкъ крайне прискорбными происшествіями. Капитанъ Хромовъ, будучи комендантомъ въ Телавѣ, обвиненъ въ участіи съ провіантскими чиновниками въ растратѣ казеннаго хлѣба на сумму до 6,000 руб., отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду арестованнымъ.

Въ теченіи этого года, повидимому, никакихъ особыхъ выдающихся дѣлъ за Кавказомъ не происходило; по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, сохранившихся въ архивахъ, нѣтъ объ этомъ свѣдѣній. За то 1812 году суждено было занести себя въ исторію Россіи не однимъ только грознымъ нашествіемъ Наполеона: въ тоже время еще не была закончена война съ

*) Въ тѣ времена командовали полками шефы, а названіе полковаго командира носилъ старшій батальонный командиръ.

Турціею, продолжались враждебныя столкновенія съ Персіею, усмиренія разныхъ горскихъ обществъ, безпокоившихъ своими нападеніями Грузію и Кавказскую линію; въ довершеніе — вспыхнуло возмущеніе въ Грузіи...

Въ началѣ года генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулучи, замѣнившій генерала Тормасова въ главномъ командованіи на Кавказѣ, произвелъ удачную экспедицію въ кюринское ханство, въ южномъ Дагестанѣ, покорилъ все это владѣніе, водворилъ въ немъ порядокъ, обезпечивъ такимъ образомъ спокойствіе всѣхъ сосѣднихъ ханствъ: ширванскаго, шекинскаго и другихъ. Не успѣли еще войска наши выступить изъ кюринскаго владѣнія, какъ персіяне ворвались въ Карабахъ, окружили 12-го февраля расположенный тамъ, въ видѣ резерва, баталіонъ Троицкаго мушкетерскаго полка и атаковали его превосходными силами. Когда баталіонный командиръ и другіе старшіе офицеры были убиты, въ командованіе вступилъ капитанъ Оловяшниковъ и сдался персіянамъ, со всѣмъ баталіономъ... Во всякой другой европейской войнѣ такой печальный эпизодъ не составлялъ бы еще ничего особенно важнаго, но въ Азіи, гдѣ мы были одинъ противъ пяти или десяти, гдѣ мы наводили страхъ убѣжденіемъ въ нашей непобѣдимости, гдѣ даже въ рѣдкихъ, крайнихъ, критическихъ случаяхъ мы падали съ оружіемъ въ рукахъ, дорого продавая врагу случайное его торжество, въ Азіи такая катастрофа,—какъ плѣненіе цѣлаго баталіона,— должна была произвести весьма невыгодное для насъ впечатлѣніе и ободрить всѣхъ противниковъ. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о такомъ скверномъ происшествіи, маркизъ Паулучи получилъ цѣлый рядъ свѣдѣній не лучшаго качества: ахалцыхскій паша подступилъ съ турецкими войсками и штурмуетъ Ахалкалаки, въ Кахетіи и Ананурскомъ уѣздѣ вспыхнуло возмущеніе, убили провіантскаго чиновника, ограбили деньги и магазинъ, прекратили сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ...

Маркизъ Паулучи не только не растерялся, но дѣйствовалъ энергично и съ успѣхомъ.

Отправивъ форсированными переходами въ Карабахъ извѣстнаго полковника Котляревскаго, съ двумя баталіонами, къ которымъ долженъ былъ присоединиться и 1-й баталіонъ Кабар-

динскаго полка, маркизъ сначала лично обратился къ ширванскому хану съ увѣщаніями и убѣжденіями оставаться вѣрнымъ своей клятвѣ и не начинать враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ, къ чему онъ, по слухамъ, уже готовился. Убѣдивъ хана и получивъ его успокоительныя завѣренія, генералъ Паулучи поспѣшилъ въ Тифлиссъ, усмирилъ бунтъ въ Кахетіи, при чемъ былъ захваченъ волновавшій населеніе царевичъ Георгій Ивановичъ, уже провозглашенный царемъ Грузіи, и обратился затѣмъ къ возстановленію порядка на прерванныхъ сообщеніяхъ чрезъ горы съ Владикавказомъ, что и было вскорѣ съ успѣхомъ выполнено. — Царевичъ высланъ въ Россію. А между тѣмъ Котляревскій разбилъ ворвавшихся въ Карабахъ персіянъ и прогналъ ихъ за Араксъ. Въ дѣлѣ съ нимъ участвовалъ и нашъ баталіонъ, но подробностей въ бумагахъ того времени не имѣется.

Однако всѣ эти энергическія и удачныя распоряженія не спасли маркиза Паулучи отъ неудовольствія въ Петербургѣ и онъ былъ смѣненъ. На его мѣсто былъ назначенъ начальникъ 19-й дивизіи, генералъ-лейтенантъ Ртищевъ.

О причинахъ возмущенія въ Кахетіи произошло крайнее противорѣчіе: маркизъ Паулучи приписывалъ все интригамъ царевичей и нѣсколькихъ недовольныхъ князей, буйному характеру населенія, не привыкшаго къ подчиненности, отчасти и нѣкоторымъ неумѣстнымъ дѣйствіямъ гражданскихъ чиновниковъ, возбудившимъ ропотъ жителей, а также экзекуціямъ при требованіи провіанта. Генералъ-же Ртищевъ прямо указываетъ на Нарвскій драгунскій полкъ и его шефа, генералъ-маіора Портнягина, какъ единственныхъ виновниковъ возмущенія, ибо жестокія притѣсненія, чинимые драгунами въ теченіе девятилѣтней стоянки эскадроновъ по кахетинскимъ деревнямъ, особенно при пріемѣ провіанта и фуража, вносившагося жителями натурою вмѣсто податей, и неполученіе ими, невзирая на многократныя жалобы, отъ Портнягина и мѣстныхъ начальствъ никакого удовлетворенія, озлобили все населеніе до того, что они рѣшились взяться за оружіе; Ртищевъ прибавлялъ, что вообще дисциплина въ войскахъ ослабѣла. Рапортъ генерала Ртищева, впрочемъ, носитъ характеръ

очевиднаго желанія насолить своему предмѣстнику и потому къ нему нужно относиться съ осторожностью.

Соображая тогдашнія обстоятельства и положеніе Грузіи, насколько намъ онѣ извѣстны, а также характеръ и понятія грузинъ, хорошо мнѣ знакомые, я прихожу къ заключенію, что если и были весьма возможныя злоупотребленія и жестокости со стороны квартировавшихъ по деревнямъ драгунъ, возбуждавшихъ неудовольствіе и жалобы жителей, то безъ вмѣшательства интриговавшихъ безпокойныхъ царевичей и ихъ клевретовъ—нѣкоторыхъ князей, все-таки до вооруженнаго возстанія кахетинцевъ не дошло бы. Это видно уже и изъ того, что время для возстанія было выбрано такое, когда главный начальникъ въ краѣ съ большею частью войскъ былъ отвлеченъ въ южный Дагестанъ, а персіяне напали на карабахскую провинцію, ставя насъ въ затруднительное положеніе. Кромѣ того, единовременно съ Кахетіею возсталъ Ананурскій уѣздъ на единственномъ сообщеніи нашихъ войскъ съ Россіею, а въ этомъ уѣздѣ вѣдь Нарвскіе драгуны не квартировали, слѣдовательно не могли быть причиною возстанія; волненія начались также въ сс. Ахметы и Тіонеты, гдѣ никакихъ экзекуцій не производилось. Очевидно, все это планъ, комбинированный не населеніемъ недовольныхъ кахетинскихъ деревень, а тѣмъ же неугомоннымъ сыномъ Ираклія, Александромъ, вмѣстѣ съ персидскими ханами и недовольною туземною партіею. Жители Кахетіи, озлобленные на притѣсненія, быть можетъ легче поддались увѣщаніямъ и возбужденіямъ, чѣмъ сдѣлали бы это, находясь не въ такомъ состояніи.

Такъ или иначе, возстаніе вспыхнуло совершенно неожиданно и при этомъ были совершены такія звѣрства и безчеловѣчія, что,—по словамъ рапорта маркиза Паулучи къ императору Александру, — напоминали происшествія въ разгарѣ французской революціи девяностыхъ годовъ...

Печальнѣе всего, что наибольшія жертвы выпали Кабардинскому полку, ни въ чемъ неповинному. Не говоря о томъ, что нигдѣ никакихъ указаній нѣтъ, чтобы жители заявляли свои неудовольствія на нашъ полкъ, какъ они это сдѣлали въ

отношеніи Нарвскихъ драгунъ, нужно вспомнить, что командовалъ Кабардинцами князь Орбельянъ и нѣсколько ротныхъ командировъ были грузины же, слѣдовательно не допустили бы солдатъ ни до притѣсненій своихъ единоземцевъ, ни даже до какихъ либо оскорбительныхъ и нарушающихъ мѣстныя вѣрованія и обычаи поступковъ. Полкъ былъ расположенъ: въ с. Бодбисхевѣ—штабъ, а роты 2-го батальона разбросаны по разнымъ селамъ Телавскаго уѣзда, и часть въ Элисуйскомъ владѣніи, 1-й баталіонъ находился въ ширванскомъ ханствѣ, а 3-й въ Кадарахъ и на Квирильскомъ посту въ Имеретіи.

6-го февраля 1812 г., ночью, на ничего не предвидѣвшихъ сонныхъ людей было сдѣлано нападеніе и въ одномъ с. Бодбисхевѣ погибло изъ 2-го баталіона 212 нижнихъ чиновъ и два офицера: штабсъ-капитанъ Чижевскій и поручикъ Орловъ. Полковая канцелярія была истреблена, причемъ погибъ и подлинный рескриптъ императора Павла на пожалованные полку за пораженіе въ 1800 году аварскихъ войскъ на р. Іорѣ знамена; бунтовщики захватили 54 тысячи ружейныхъ патроновъ и 470 ружей; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были мелкія команды, посланныя на экзекуціи (вѣроятно по взысканіямъ недоимокъ); всѣ онѣ были обезоружены и частью захвачены въ плѣнъ; но послѣ отпущены. Въ полку въ это время было нѣкоторымъ образомъ междуцарствіе: князь Орбельянъ еще 24 августа 1811 г., назначенъ командиромъ бригады въ 20-й дивизіи и съ осени уже находился въ Тифлиссѣ; на мѣсто его шефомъ Кабардинскаго полка 10-го ноября назначенъ изъ Суздальскаго полка полковникъ Петериковъ; но уже 17-го февраля 1812 г., состоялся высочайшій приказъ, которымъ Петериковъ переводился шефомъ Вологодскаго полка, на мѣсто полковника Тихановскаго, а сей шефомъ Кабардинскаго полка. Тихановскій былъ штабъ-офицеръ Троицкаго полка, пріобрѣвшій на Кавказѣ извѣстность боеваго, распорядительнаго человѣка, не разъ получавшаго при кн. Цыціановѣ, а особенно при Тормасовѣ, начальство надъ отдѣльными колоннами и отличавшійся, особенно при усмиреніи возстанія въ кубинскомъ уѣздѣ въ 1808 и 1810 годахъ. Въ чинѣ под-

полковника ему поручено было съ 4-мя ротами (двѣ 17-го Егерскаго, одна Севастопольскаго, одна Троицкаго) и частью милиціи пробиться сквозь возставшій кубинскій уѣздъ въ Кубу, присоединить къ себѣ бывшій тамъ въ блокадѣ баталіонъ Севастопольскаго полка и дѣйствовать рѣшительно противъ главы бунта, бывшаго Дербентскаго хана Шихъ-Али. 20-го сентября 1810 г. Тихановскій блистательно исполнилъ данное ему важное порученіе, толпы бунтовщиковъ были разсѣяны, спокойствіе возстановлено. На Тихановскаго и пала главная обязанность подавить кахетинское возстаніе.

Что происходило въ Кахетіи въ теченіи конца февраля, марта и апрѣля 1812 г., подробныхъ свѣдѣній нѣтъ, но спокойствіе было возстановлено и военныхъ дѣйствій не было. Но затѣмъ видно, что маркизъ Паулучи вѣроятно получилъ извѣстіе о готовящемся возобновленіи волненій; онъ поручилъ генералъ-маіору князю Орбельяну двинуться въ Кахетію съ отрядомъ, принять главное начальство надъ всѣми войсками тамъ находящимися (къ тому времени прибылъ туда и 1-й баталіонъ нашего полка изъ Ширвани) и дѣйствовать рѣшительно для усмиренія возстанія и разбитія собранныхъ царевичемъ Александромъ скопищъ.

Князь Орбельянъ отъ 30-го мая доносилъ, уже генералъ-лейтенанту Ртищеву, назначенному на мѣсто маркиза Паулучи, что онъ 20-го мая чрезъ Гомборы вступилъ въ Телавскій уѣздъ, гдѣ присоединилъ къ себѣ колонну генералъ-маіора Сталя (командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка) и двинулся правымъ берегомъ Алазани вверхъ до с. Ахметы, чтобы водворить въ деревняхъ, по пути лежащихъ, спокойствіе. Оставивъ въ Ахметы три роты Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ капитана Юдина, князь Орбельянъ переправился на лѣвый берегъ Алазани и прошелъ внизъ до с. Артаны, гдѣ и оставилъ генералъ-маіора Сталя, поручивъ ему командованіе всѣми войсками, остающимися въ Кахетіи, т. е. Кабардинскимъ и Нижегородскимъ полками, съ артиллеріею и нѣсколькими казаками; самъ же съ нѣсколькими ротами гренадеръ и казаками возвратился въ Тифлиссъ. Во все время этого движенія была одна только перестрѣлка, 20-го мая, при

проходѣ чрезъ Гомборы, при чемъ ранено нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ два Кабардинскаго полка.

Затѣмъ генералъ-маіоръ Сталь съ 4-мя эскадронами драгунъ и ротой Кабардинцевъ ходилъ въ с. Кварели, приводя по дорогѣ жителей къ присягѣ на вѣрность; а когда имъ получено было свѣдѣніе, что лезгины собираютъ партію съ цѣлью вторгнуться въ Кахетію, онъ притянулъ къ себѣ капитана Юдина съ 3-мя ротами и расположился у Алавердинскаго монастыря, какъ центральнаго пункта, для дѣйствій куда надобность укажетъ.

Такимъ образомъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Кахетіи все было спокойно, если не считать тревожныхъ слуховъ о собирающихся лезгинахъ, угрожавшихъ даже самому г. Сигнаху, какъ видно изъ донесеній бывшаго тамъ со 2-мъ баталіономъ, двумя орудіями и сотнею казаковъ маіора Кабардинскаго полка князя Орбельяна *).

Къ осени однако царевичъ Александръ, при денежной помощи Персіи и поддержкѣ нѣкоторыхъ хановъ, успѣлъ опять поднять возстаніе въ Кахетіи. Тотъ же генералъ князь Орбельянъ, принявъ начальство надъ всѣми собранными войсками, вступилъ сначала въ сношеніе съ царевичемъ, убѣждая его отказаться отъ безумной дѣятельности, губящей Грузію, и обѣщалъ ему прощеніе Государя; князь послалъ также увѣщаніе жителямъ. Когда же миролюбивыя попытки остались безуспѣшными, князь Орбельянъ предписалъ полковнику Тихановскому съ колонною изъ обоихъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, съ артиллеріей и казаками, расположиться сначала у Алавердинскаго собора въ видахъ угрозы, а когда и это не подѣйствовало, число же приверженцевъ возмутителя все увеличивалось, и они ожидали прибытія подкрѣпленій отъ персіянъ и лезгинъ, чтобы начать дѣйствія противъ русскихъ войскъ, князь Орбельянъ приказалъ Тихановскому перейти за Алазань, атаковать скопище бунтовщиковъ, а самъ, составивъ

*) Интересенъ составъ баталіона: по списку, унтеръ-офицеровъ 19, музыкантовъ 6, рядов. 420, а за откомандированіемъ къ прикрытію провіантскаго магазина въ с. Анаги и на р. Меланку для прекращенія разбойничества—на лицо: унтеръ-офицеровъ 16, музыкантовъ 4, рядовыхъ 291!

въ Тифлиссѣ другой отрядъ, выступилъ чрезъ Сигнахъ на соединеніе съ Тихановскимъ.

20-го сентября 1812 г., Тихановскій атаковалъ царевича Александра въ с. Шильды и разбилъ его на голову; но это все еще неподѣйствовало на ослѣпленную толпу и они бѣжали за царевичемъ, въ ожиданіи болѣе счастливаго поворота дѣлъ, возможнаго по прибытіи лезгинъ, за которыми были посланы въ Дагестанъ нѣкоторые князья, извѣщавшіе, что вскорѣ прибудутъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ. Малыми партіями лезгины дѣйствительно начали подходить.

28-го сентября, князь Орбельянъ съ своей колонной вступилъ въ с. Велисцихе, послѣ нѣсколько часовой перестрѣлки при проходѣ чрезъ лѣсъ. 29-го непріятель опять занялъ лѣсъ на пути къ Алазани и войска должны были, при безпрестанномъ огнѣ, подвигаться почти весь день къ рѣкѣ, гдѣ у с. Пашаанъ соединились съ колонною Тихановскаго, а 1-го октября подошли къ Шильдѣ. Здѣсь былъ устроенъ вагенбургъ, оставленный подъ прикрытіемъ сборныхъ командъ, соединенныя колонны 2-го октября на разсвѣтѣ атаковали у с. Сабуи главныя силы царевича Александра, разбили и разсѣяли ихъ, предавъ деревню пламени. Царевичъ опять бѣжалъ на лѣвую сторону Алазани къ Велисцихе.

Войска наши 3-го числа прошли въ укрѣпленіе Кварели; оставивъ тамъ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, приняли провіантъ и снаряды, а 5-го октября чрезъ Санавардскую переправу двинулись за непріятелемъ въ Велисцихе. Здѣсь авангардъ нашъ, при выходѣ изъ лѣса, былъ встрѣченъ уже толпой лезгинъ, частью конныхъ. Противъ нихъ посланы казаки, а полковникъ князь Эристовъ атаковалъ пѣшихъ, вогналъ ихъ въ завалы и, не останавливаясь, взялъ ихъ штыками, отбивъ при этомъ 8 значковъ.

Разбитый и въ этотъ разъ, царевичъ Александръ бѣжалъ опять на правую сторону Алазани въ Шильды, гдѣ сталъ укрѣпляться, устраивая въ верховьяхъ прилегающаго ущелья завалы и засѣки, вообще нѣчто въ родѣ укрѣпленнаго лагеря.

Князь Орбельянъ, не давая ему времени опомниться, двинулся за нимъ и 10-го числа атаковалъ Шильды, выгналъ

бывшихъ тамъ защитниковъ, приказавъ сжечь и разорить селеніе, въ которомъ было собрано значительное число продовольствія. При этомъ ежедневно происходили перестрѣлки; а 13-го, получивъ подкрѣпленіе свѣжею толпою лезгинъ, царевичъ атаковалъ часть нашего отряда, бывшую въ селеніи. Послѣ 5-ти-часовой отчаянной рукопашной схватки въ садахъ и сакляхъ, непріятель, понеся громадную потерю, отступилъ въ вершину ущелья, къ своимъ заваламъ. Но видя приготовленія нашихъ войскъ къ атакѣ ихъ и въ этомъ убѣжищѣ, царевичъ, не дождавшись дѣла, ушелъ опять за Алазань и двинулся къ Сигнаху, въ надеждѣ застать тамъ маленькій гарнизонъ въ расплохъ и овладѣть городомъ. Но нашъ храбрецъ маіоръ кн. Орбельянъ, съ своими 300 человѣками, не далъ себя захватить въ расплохъ и началъ обороняться. А между тѣмъ генералъ князь Орбельянъ, отправивъ раненыхъ въ Телавъ и запасшись продовольствіемъ, выступилъ вслѣдъ за непріятелемъ. Приближаясь къ Сигнаху, онъ оставилъ часть отряда съ полковникомъ Тихановскимъ у выхода изъ ущелья, а самъ, 23 октября, перешелъ въ бродъ мимо монастыря св. Стефана, чтобы явиться толпамъ возмутившихся въ тылъ, при чемъ послано было въ городъ приказаніе маіору Орбельяну сдѣлать усиленную вылазку, какъ только онъ увидитъ, что атака отряда начата.

Непріятель занималъ лѣсистую гору Мачхани и хотя встрѣтилъ подходившую колонну генерала Орбельяна сильнымъ огнемъ, но не выдержалъ рѣшительнаго наступленія и, угрожаемый вышедшими изъ города 2-мя ротами, поспѣшилъ отступить къ Чалоубинскому ущелью.

Въ теченіи двухъ недѣль князь Орбельянъ водворилъ порядокъ въ разныхъ направленіяхъ Сигнаскаго уѣзда, препятствуя партіямъ царевича производить фуражировки и утвердиться гдѣ либо на мѣстѣ, а 10-го ноября опять настигъ царевича, съ его главными скопищами, у с. Кодалы и вынудилъ отступить къ Мачхани. Здѣсь къ кн. Орбельяну присоединился еще новый вспомогательный отрядъ, высланный изъ Тифлисса съ храбрымъ генералъ-маіоромъ Симановичемъ. Атакованный всѣми тремя русскими колоннами, царевичъ

Александръ былъ разбитъ на голову, понесъ огромныя потери людьми, и, воспользовавшись темной ночью, съ небольшимъ числомъ людей бѣжалъ въ с. Кизисхеви. Особенно пострадали здѣсь лезгины, которые поэтому и разсѣялись въ разныя стороны, пробираясь къ себѣ въ горы. Для преслѣдованія ихъ былъ посланъ полковникъ Тихановскій, который 14-го ноября настигъ одну партію въ 2,000 человѣкъ и нанесъ ей жестокое пораженіе. Затѣмъ онъ двинулся къ с. Кизисхеви, но не засталъ уже тамъ царевича, успѣвшаго бѣжать къ верхнюю Кахетію. Тихановскій пошелъ вслѣдъ за нимъ, но догнать уже не могъ, и Александръ чрезъ Тіонеты пробрался къ хевсурамъ, потерявъ всякую надежду на улучшеніе своихъ дѣлъ.

Тогда все кахетинское населеніе, разбитое, потерявшее множество людей, нѣсколько разоренныхъ сёлъ, упавшее окончательно духомъ, оставило оружіе и стало являться къ русскимъ властямъ съ покорностью.

Такъ окончилось возмущеніе кахетинцевъ, единственнымъ виновникомъ котораго слѣдуетъ считать неугомоннаго царевича Александра, жертвовавшаго ради своихъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ благомъ своихъ мирныхъ, добрыхъ соотечественниковъ и небрезгавшаго входить въ союзъ съ исконными врагами Грузіи, лезгинами и мусульманскими державами. Войска наши въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не имѣли почти ни одного дня отдыха и безпрерывныя движенія ихъ по горамъ, лѣсамъ, въ бродъ чрез рѣки, при постоянныхъ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ съ немногочисленнымъ непріятелемъ, частый недостатокъ въ продовольствіи и множество другихъ лишеній, служатъ доказательствомъ ихъ выносливости, мужества и того доблестнаго духа, который всегда оставался залогомъ побѣдъ.

Генералъ князь Орбельянъ не находилъ словъ похвалы для всѣхъ своихъ подчиненныхъ и особенно рекомендовалъ въ рапортѣ генералу Ртищеву, отъ 31-го декабря 1812 года, полковника Тихановскаго и маіора князя Орбельяна (обоихъ Кабардинцевъ), какъ главныхъ виновниковъ успѣха.

Въ теченіи этого времени полкъ потерялъ убитыми 3 офицеровъ — поручикъ Грековъ, подпоручики Дынниковъ и Лазаревичъ-Шепелевичъ, нижнихъ чиновъ 18, ранеными 3 офицеровъ — штабсъ-капитаны Волженскій и Костинъ и прапорщикъ Арбабовъ, нижнихъ чиновъ 60, да 9 человѣкъ пропали безъ вѣсти.

XXI.

Экспедиція въ Хевсурію. — Набѣгъ въ Чечню и взглядъ на образъ дѣйствія войскъ императора Александра I.—Инструкція Ермолова. — Его предположенія.—Дѣятельность полка на Алзани.—Перемѣна командировъ.

Въ кахетинскомъ возмущеніи (1812 года) приняли дѣятельное участіе хевсуры и ихъ сосѣди кистины (горные чеченцы). Они же содѣйствовали и возставшимъ жителямъ ананурскаго уѣзда, нападая на наши команды, проходившія изъ Владикавказа въ Грузію. У нихъ скрылся разбитый и бѣжавшій изъ Кахетіи въ ноябрѣ 1812 г. царевичъ Александръ, проживъ всю зиму въ главномъ хевсурскомъ аулѣ Шатиль, въ надеждѣ склонить въ свою сторону всѣхъ горцевъ Дагестана и дождаться вторженія въ Грузію персіянъ. Оставаясь здѣсь, онъ имѣлъ возможность поддерживать сношенія и съ Кахетіею, и съ населеніемъ военно-грузинской дороги, отъ спокойствія на коей зависѣла судьба нашихъ владѣній въ Закавказьѣ. Чрезъ генералъ-маіора князя Орбельяна, Дмитрія Захаровича, тогда бригаднаго командира въ 20-й дивизіи, генералъ Ртищевъ (главный начальникъ Кавказа) вошелъ въ переговоры съ царевичемъ, писалъ ему письмо и обѣщалъ именемъ Государя прощеніе; но Александръ отвѣчалъ уклончиво, ни на что не рѣшался, а между тѣмъ, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ Грузіею, поддерживалъ волненіе.

Генералъ Ртищевъ рѣшилъ наказать горскихъ дикарей *)

*) Хевсуры и кистины населяютъ горныя трущобы въ верховьяхъ рѣкъ, съ обѣихъ сторонъ главнаго хребта, и составляютъ (особенно хевсуры) чрезвычайно оригинальныя племена по дикости своихъ нравовъ, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и образу жизни. Я прожилъ между ними нѣсколько лѣтъ и, по возможности, подробно описалъ ихъ въ изданной мною въ 1879 году книгѣ: «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ».

и внушить имъ страхъ къ русскому оружію, чтобы отвадить ихъ на будущее время отъ попытокъ, угрожающихъ нашему важнѣйшему сообщенію съ Россіею. Какъ цѣль экспедиціи, такъ и планъ ея исполненія были вполнѣ основательны. Генералъ Ртищевъ, очевидно, собралъ предварительно подробныя свѣдѣнія о всѣхъ мѣстныхъ условіяхъ и выказалъ похвальное благоразуміе и распорядительность во всемъ этомъ дѣлѣ. Выборъ лицъ, на которыхъ онъ возложилъ исполненіе этого плана, тоже былъ вполнѣ удаченъ.

Войска, назначенныя для экспедиціи въ Хевсурію, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Симановича, были раздѣлены на четыре колонны, которыя должны были концентрически двигаться къ конечной цѣли — хевсурскому главному аулу Шатиль, лежащему въ верховьяхъ р. Аргуна. Правая колонна, подъ начальствомъ самаго Симановича, должна была идти изъ Кахетіи по Панкисскому ущелью, (верховья р. Алазани), чрезъ горное Цовское общество тушинъ, и спуститься съ горы Борбало къ истокамъ Аргуна; центральная колонна, полковника Тихановскаго (шефа Кабардинскаго полка), изъ Тіонетъ наступала чрезъ Пшавію *) въ ущелье Хевсурской Арагвы и здѣсь, въ с. Хахматы, должна была соединиться съ лѣвою колонною, полковника барона Сталя, наступавшею съ военно-грузинской дороги, изъ Гудомакарскаго ущелья; затѣмъ обѣимъ вмѣстѣ слѣдовало перевалиться чрезъ главный хребетъ на сѣверную сторону, къ истокамъ Аргуна, куда въ тоже время двигалась четвертая, небольшая колонна, маіора Казбека, наступавшая отъ с. Степанъ-Цминда, (станція Казбекъ) съ цѣлью тоже выйти въ верховья Аргуна, гдѣ всѣ четыре колонны должны были сойтись, для совмѣстнаго наступленія на Шатиль. Въ каждой изъ трехъ колоннъ было, приблизительно, по 700 человѣкъ; а въ четвертой около 450.

Не только тѣ, кто не бывалъ на Кавказѣ, но даже и служившіе тамъ, участвовавшіе въ горныхъ походахъ, не въ со-

*) Чтобы вполнѣ обезпечить на это время спокойствіе въ Пшавіи и наши сообщенія съ Кахетіею, были заарестованы многочисленныя стада, принадлежавшія жителямъ этой мѣстности; стада были возвращены владѣльцамъ въ цѣлости, когда экспедиція окончилась.

стояніи себѣ представить картину мѣстности, въ которой предстояло дѣйствовать отряду генералъ-маіора Симановича. Случай бросилъ меня на первыхъ порахъ кавказской службы именно въ эти мѣста, и болѣе четырехъ лѣтъ (1844 — 48 г.) я провелъ тамъ, среди тѣхъ же хевсуръ; я достаточно ознакомился съ страной и ея обитателями, чтобъ имѣть возможность говорить не по слухамъ, не по догадкамъ или по слѣпой вѣрѣ къ реляціямъ. Какъ ни богатъ Кавказъ горными трущобами, но едвали тамъ можно найти много такихъ, какъ верховья Хевсурской Арагвы и Аргуна и примыкающія къ нимъ части главнаго хребта. Здѣсь все соединилось, чтобы воспроизвести типъ дико-грозной, величественной картины, подавляющей человѣка. Тутъ вершины снѣжныхъ гигантовъ, почти постоянно закутанныхъ въ густой туманъ, и громадныя, отвѣсныя скалы, сдавливающія едва проходимыя тѣснины, въ глубинѣ которыхъ бѣлой пѣной бурлитъ и несется бѣшеный водопадъ, заглушая человѣческій голосъ; тутъ и крутыя, едва проходимыя даже для привычнаго человѣка тропки—то усѣянныя камнями, то покрытыя массами почернѣвшаго снѣга, грозящаго вдругъ осунуться и увлечь въ бездну,—тропки, по которымъ подъемъ, въ теченіе иногда цѣлаго дня, на высоту 10—12-ти тысячь футовъ, заставляетъ человѣка напрягать до крайности всѣ свои силы, доводитъ нерѣдко людей крѣпкихъ, неизнѣженныхъ, почти до обморока; — тропки, съ которыхъ спускъ не менѣе утомителенъ, производитъ чрезмѣрное дрожаніе въ ногахъ, боль въ колѣняхъ и натираетъ подошвы до крови; тутъ дорожки, въ многихъ мѣстахъ, на разстояніи цѣлыхъ верстъ, тянущіяся надъ бездной, глубиною въ нѣсколько десятковъ саженъ съ одной стороны и подъ отвѣсной, какъ бы отполированной скалой съ другой, гдѣ достаточно малѣйшей неосторожности, чтобы поскользнуться и безъ надежды на спасеніе полетѣть въ пропасть; тутъ и «чортовы» мостики, безъ перилъ, качающіеся надъ бѣшеными потоками, и снѣжные завалы, грозящіе на каждомъ шагу обрушиться и задавить все, встрѣченное ими на пути; тутъ и климатическія явленія, съ которыми борьба ужасна: на высотахъ, иногда среди лѣта, снѣгъ и холодъ, отъ которыхъ замерзаютъ люди, туманы, пронизывающіе до костей;

а въ глубинѣ ущелья иногда невыносимый жаръ, внезапно взбухающіе потоки, отнимающіе возможность перехода; каменно-земляные обвалы, заграждающіе путь, уносящіе, какъ и снѣжныя лавины, все имъ встрѣчающееся... Однимъ словомъ, это мѣстность, въ которой соединилось все, что можетъ поставить неодолимыя преграды движенію войскъ, особенно такихъ, вся организація и снаряженіе которыхъ вовсе не разсчитаны на подобные театры военныхъ дѣйствій.

Но наши солдаты все преодолѣли: и свою неподготовленность, и свою плохую обувь, и свое тяжелое снаряженіе, и непріятеля ловкаго, находившагося въ родной стихіи, искусно владѣвшаго отличными (сравнительно съ нашими ружьями) винтовками и храбро защищавшагося за стѣнами своихъ саклей—крѣпостей. Какъ умудрились перетаскивать артиллерію по этимъ ужаснымъ, едва проходимымъ тропинкамъ,—трудно себѣ и представить. Вѣдь горной, вьючной артиллеріи тогда не было, а всякое колесо, даже простѣйшей повозки, въ описываемой мѣстности можетъ пройти развѣ на рукахъ людей. Жители, кромѣ вьюковъ, употребляютъ, и лѣтомъ и зимою, небольшія санки (дровни) собственно для своза съ нѣкоторыхъ покатостей сжатаго ячменя или накошеннаго сѣна, да и то только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пшавіи,—области, относительно гораздо болѣе доступной и вообще занимающей болѣе отлогія горы,—а въ Хевсуріи и саней нѣтъ: тамъ катеръ (мулъ) и женскія спины — исключительныя перевозочныя средства. Движеніе здѣсь артиллеріи—не горной, не вьючной,—остается для меня совершенною загадкою...

Колонна Симановича, послѣ нѣсколькихъ дней ужаснѣйшихъ усилій, не могла продолжать движенія въ избранномъ ею направленіи, чрезъ Тушетію къ верховьямъ Аргуна, и вынуждена была свернуть налѣво, въ Пшавію, откуда чрезъ Матуро перевалилась въ ущелье Хахабо (параллельное Аргуну) и, свершивъ вторичный перевалъ, очутилась, наконецъ, на Аргунѣ; такимъ образомъ, колонна Симановича совершила подъ рядъ троекратный переходъ черезъ высочайшія и непроходимыя точки Кавказскаго хребта, по тропинкамъ, едва доступнымъ для горскихъ охотниковъ, карабкающихся за турами и

горными козами. Тропинки эти очень хорошо знакомы мнѣ, проходившему по нимъ въ разныя времена года, и если привычнымъ людямъ, одѣтымъ и снаряженнымъ сообразно съ мѣстными условіями, представлялись всегда трудности неимовѣрныя, то можно себѣ представить, каково должно было быть движеніе войскъ *съ артиллеріею*, хотя бы и въ лучшее время года,—чего, впрочемъ, нельзя сказать о времени движенія генералъ-маіора Симановича, ибо лучшее время въ горахъ вовсе не начало зимы, а іюль, августъ, сентябрь, частью октябрь.

Между тѣмъ колонна Сталя, прогнавъ 23-го мая, на Гудомакарскомъ перевалѣ, партію хевсуръ, думавшихъ ее удерживать, вышла къ с. Борисахо и, разбивъ здѣсь, 29-го числа, собравшихся для сопротивленія хевсуръ, сожгла эту деревню и двинулась дальше, къ с. Хахматы, куда вслѣдъ за нею прибыла колонна Тихановскаго. Въ тоже время маіоръ Казбекъ, съ своею колонною, разсѣявъ, 30-го и 31-го мая, заграждавшихъ ему путь хевсуръ, прошелъ чрезъ с. Гули въ Хахматы же, и за тѣмъ эти три колонны перевалили чрезъ главный хребетъ къ верховьямъ Аргуна, гдѣ къ нимъ присоединился и генералъ Симановичъ.

Устроивъ въ уроч. Лебайсъ-Кари вагенбургъ, оставивъ въ немъ больныхъ, раненыхъ и лишнія тяжести, подъ прикрытіемъ 300 человѣкъ изъ всѣхъ частей, при 2-хъ пушкахъ, отрядъ двинулся дальше тремя колоннами: справа бар. Сталя, слѣва Тихановскаго, въ центрѣ самого Симановича.

1-го іюня собравшіяся значительныя толпы хевсуръ и кистинъ дрались съ ожесточеніемъ; центральная колонна не могла двигаться: ущелье здѣсь спирается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣсными скалами до того, что нѣтъ мѣста даже для узенькой тропинки, по коей могъ бы пробраться одинокій человѣкъ; потому чрезъ каждыя сто-двѣсти сажень приходится перебираться съ одного берега Аргуна на другой, но перебираться можно только по мостикамъ, а не въ бродъ, ибо рѣка —водопадъ, бѣшено клокочущій и представляющій котловины кипящей пѣны, обдающей брызгами и оглушающей ревомъ... Если-же мостики разрушены, или защищаются хотя бы десяткомъ человѣкъ изъ-за угла скалы, или изъ-за громадныхъ на-

валенныхъ камней, то движеніе становится не мыслимымъ. Симановичъ вынужденъ былъ двинуться вслѣдъ за колонной Тихановскаго, по крутымъ высотамъ лѣваго берега рѣки, на с. Гуро, гдѣ произошла упорная встрѣча съ непріятелемъ и селеніе было взято штурмомъ.

2-го іюня движеніе продолжалось по ужаснѣйшимъ дорогамъ; 3-го числа къ хевсурамъ подошли еще подкрѣпленія изъ дальнихъ кистинскихъ обществъ; они устроили на дорогѣ къ Шатилю нѣсколько заваловъ и защищали ихъ упорно, но были побиты и прогнаны, такъ что Шатиль былъ уже занятъ безъ сопротивленія; съ ближайшихъ-же къ нему высотъ непріятель былъ опять отогнанъ.

Хевсуры были на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только они останавливались для сопротивленія, разбиты. Потерявъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, видя какъ мало наши войска обращали вниманія на огонь ихъ винтовокъ, оглушаемые страшными имъ, по непривычкѣ, пушечными выстрѣлами, они теряли присутствіе духа и, никому не подчиненные, не привыкшіе кому бы то ни было подчиняться, бросались при первомъ натискѣ нашихъ рядовъ спасаться бѣгствомъ. Всѣ лежавшіе по пути села хевсуръ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, были взяты и разорены, насколько можно разорить прочныя каменныя постройки, мало страдающія отъ огня.

Царевичъ Александръ, однако, еще за два дня до взятія Шатиля бѣжалъ въ сосѣднее кистинское общество Митхо. Въ погоню за нимъ и для наказанія кистинъ, была 4-го іюня отправлена колонна полковника Тихановскаго, который, пройдя верстъ 10 — 12-ть внизъ по Аргуну, разсѣялъ вздумавшихъ защищаться кистинъ, разорилъ нѣсколько ихъ ауловъ и возвратился 5-го числа въ Шатиль. Царевичъ же Александръ, не дождавшись прихода нашихъ войскъ, бѣжалъ дальше къ дагестанскимъ лезгинскимъ обществамъ и едва съ двумя, тремя человѣками, и обобранный по дорогѣ горцами успѣлъ добраться до владѣній своихъ пріятелей, персидскихъ хановъ.

Давъ войскамъ въ Шатилѣ отдыхъ, генералъ-маіоръ Симановичъ 6-го іюня двинулся обратно, направивъ небольшія колонны по боковымъ ущельямъ для разоренія тѣхъ хевсур-

скихъ деревень, которыя остались невредимыми. Затѣмъ Сталь и Казбекъ возвратились прежнимъ путемъ на военно-грузинскую дорогу, а Симановичъ съ Тихановскимъ, сойдясь 7 числа въ вагенбургѣ, ушли чрезъ Тіонеты въ Кахетію, къ мѣстамъ своей постоянной стоянки.

Цѣль экспедиціи была, такимъ образомъ, вполнѣ достигнута. Дикіе жители ущелій главнаго хребта, ближайшихъ къ Грузіи и къ нашимъ сообщеніямъ съ Россіей, получили возмездіе за враждебныя дѣйствія противъ насъ и уразумѣли силу нашихъ штыковъ. Какъ великъ былъ страхъ, наведенный на нихъ и на всѣхъ окрестныхъ горцевъ движеніями отряда Симановича въ іюнѣ 1813-го года, можно судить потому, что чрезъ тридцать съ лишнимъ лѣтъ послѣ этого впечатлѣніе еще не изгладилось и мнѣ приходилось въ разговорахъ съ стариками хевсурами и пшавами замѣчать, съ какимъ ужасомъ они вспоминали объ участи, постигшей тогда ихъ села...

Послѣ этого хевсуры уже не пытались и подумать о непокорности или о враждебныхъ дѣйствіяхъ противу русскихъ и считали себя вполнѣ счастливыми, если ихъ оставляли въ покоѣ, не нарушая ихъ вѣковыхъ обычаевъ и вольностей. А тотъ самый Шатиль, который готовился разыграть роль опорнаго пункта въ общемъ возмущеніи и въ стѣнахъ котораго прожилъ мѣсяцевъ восемь главный двигатель всѣхъ тогдашнихъ безпорядковъ и волненій въ закавказскомъ краѣ — царевичъ Александръ Ираклієвичъ, — въ 1843 году отказался отъ подчиненія Шамилю, блистательно защищался въ теченіи нѣсколькихъ дней отъ громадной толпы чеченцевъ и кистинъ, предводимыхъ лучшимъ Шамилевскимъ наибомъ Ахверды-Магомою, павшимъ здѣсь отъ хевсурской пули. Шатиль удостоился вниманія покойнаго государя Николая Павловича и, кромѣ разныхъ наградъ, пожалованныхъ жителямъ за эту оборону, повелѣно было обнести аулъ каменною стѣною и сдѣлать на ней соотвѣтствующую надпись.

Потери нашего отряда въ 1813 году ограничились 1-мъ офицеромъ и 44-мя человѣками убитыхъ, да раненыхъ 1 штабъ, 4 оберъ-офицера и 77 нижнихъ чиновъ. Самое большое число выпало на долю Кабардинскаго полка: 8-го и 12-го іюня въ боковыхъ колоннахъ, разорявшихъ на обратномъ пути

села, у насъ убито еще 27 человѣкъ; очень тяжело раненъ двумя пулями маіоръ князь Орбельянъ—беззавѣтно храбрый, не разъ уже отличавшійся и неоднократно раненый въ стычкахъ съ лезгинами *.

Въ 1873 году, находясь въ Швейцаріи, я нарочно предпринялъ поѣздку по р. Рейсѣ, чрезъ Сенъ-Готаръ, на Тесино, чтобы взглянуть на мѣста, по которымъ въ 1799 году проходилъ Суворовъ съ русскими войсками, и сравнить ихъ съ Кавказомъ, особенно съ мѣстностью верховьевъ Аргуна и Андійскаго койсу. Хотя, само собою, усовершенствованные пути сообщенія измѣнили условія, при которыхъ совершался переходъ Суворовскихъ героевъ, и въ 1873 году вся картина должна была имѣть другой видъ, тѣмъ не менѣе характеръ мѣстности и привычка къ горной природѣ давали мнѣ возможность провести приблизительную параллель. И должно сказать правду, что Швейцарія, даже и 80 лѣтъ тому назадъ, ничего подобнаго Хевсуріи представить не могла; трудности передвиженія тамъ и здѣсь далеко неодинаковы; отрядъ Симановича, переведенный въ Швейцарію, считалъ бы уже для себя шуткою переходъ чрезъ С. Готаръ. Но я говорю объ этомъ только въ тѣсномъ смыслѣ борьбы съ природой; во всемъ же прочемъ, конечно, движеніе Симановича противъ какихъ-нибудь хевсуръ не можетъ выдержать параллели съ движеніемъ среди французскихъ отрядовъ, предводимыхъ такими генералами, какъ Массена, Лекурбъ и другіе.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, хевсурская экспедиція 1813 года такая страница въ военныхъ лѣтописяхъ кавказской арміи, какой ни одна армія въ Европѣ представить не можетъ. Генералъ Ртищевъ въ своемъ донесеніи Императору Александру, между прочимъ, писалъ, что «хевсуро-кистинскихъ ущелій никто ни достигалъ: ни греки, ни римляне, ни персы, и что въ войскахъ, дѣйствовавшихъ подъ командою ген. Симановича, было нѣсколько участниковъ похода Суворова чрезъ Альпы, говорившихъ, что тамъ они ничего подобнаго не видѣли и не испытывали». По собственному опыту могу сказать, что слова эти вполнѣ вѣрны и не составляютъ реляціонныхъ, риторическихъ прикрасъ.

*) Князь Орбельянъ и капитанъ Юдинъ получили георгіевскіе кресты.

Вскорѣ послѣ этой экспедиціи, полковникъ князь Эристовъ, назначенный командиромъ Суздальскаго полка, съ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ въ Чечню, причемъ было побито до 150 чеченцевъ и захвачено у нихъ много скота и проч. Императоръ Александръ, прочитавъ донесеніе объ этомъ генерала Ртищева, особымъ рескриптомъ выразилъ ему свое неудовольствіе и рекомендалъ водворить спокойствіе на Кавказской линіи дружелюбіемъ и ласковымъ снисхожденіемъ, какъ это достигнуто въ отношеніи киргизовъ, окружающихъ сибирскую линію, и черкесъ, живующихъ вблизи черноморскаго казачьяго войска. Въ подобныхъ набѣгахъ государь подозрѣвалъ одно лишь намѣреніе начальниковъ получить часть добычи, и потому требовалъ прекратить такія дѣйствія, говоря, что удовольствіе его на мѣстныхъ начальниковъ будетъ проявлено тогда, когда они будутъ стараться снискать дружбу горцевъ ласковымъ обхожденіемъ, спокойнымъ сосѣдствомъ, безъ вторженій въ ихъ земли.

Между тѣмъ, низначенный на мѣсто генерала Ртищева главнымъ начальникомъ Кавказа, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ *), человѣкъ замѣчательнаго ума и энергіи, пользовавшійся большимъ расположеніемъ покойнаго императора Александра I ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ, 24-го января 1819 года, (слѣдовательно, года чрезъ четыре послѣ выше приведеннаго рескрипта) далъ командовавшему на Кавказской линіи генералъ-маіору барону Сталю, подробную инструкцію, въ которой, между прочимъ, писалъ, что народы кабардинскій и чеченскій (а особенно тѣхъ ауловъ которые выдаютъ себя за мирныхъ) не перестаютъ дѣлать хищниче-

*) Въ числѣ распоряженій генерала Ермолова интересенъ приказъ его, отъ 17 февраля 1817 года, въ которомъ онъ распредѣлялъ подаренныхъ ему мусульманскими ханами 7 тысячь овецъ между частями войскъ (Кабардинскому полку, 500 штукъ) и предписывалъ выслать для пріема ихъ команды въ Елисаветполь; затѣмъ въ первый годъ неупотреблять въ пищу, а въ послѣдующіе годы стараться извлекать возможныя выгоды и для улучшенія продовольствія людей, и для снабженія ихъ полушубками, выдѣлывая овчины, заботясь при томъ же о размноженіи стада. Ермоловъ понималъ что въ такомъ краѣ, какъ Кавказъ тѣхъ временъ, безъ хозяйства, войска были бы лишены всякой возможности улучшить свое матеріальное положеніе и потому не придавалъ никакого значенія тому, что нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ полка будутъ взяты отъ фронтовой службы къ хозяйственнымъ занятіямъ.

ства, и что всѣ снисхожденія, оказанныя имъ въ послѣдніе годы, остались не только безполезными, но напротивъ сдѣлали ихъ чрезвычайно наглыми. И даже искони считавшіеся намъ покорными, пользовавшіеся русскимъ покровительствомъ аксаевцы, костековцы, андреевцы участвовали съ чеченцами въ разбояхъ и набѣгахъ. Поэтому Ермоловъ предписывалъ подтвердить всѣмъ казачьимъ частямъ, соблюдая съ одной стороны строгую бдительность, вмѣстѣ съ тѣмъ не упускать ни единаго случая для нанесенія чеченцамъ возможнаго вреда, безпокоя и наказывая ихъ внезапными набѣгами на ихъ аулы и проч. Живущихъ же вблизи и вообще всѣхъ такъ называемыхъ мирныхъ, имѣть подъ строжайшимъ надзоромъ и вообще держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

Еще ранѣе этого, въ 1818 году, 20-го мая, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, въ собственноручномъ рапортѣ государю изъ станицы Червленной, излагалъ взглядъ свой на отношенія къ сосѣднимъ туземнымъ племенамъ, убѣдительно доказывая вредъ системы заискиванія дружбы и добраго сосѣдства у людей, для которыхъ нѣтъ средины: или сосѣдъ слабъ—нужно его грабить, или онъ силенъ—нужно его бояться; русскіе же гяуры, такъ или иначе враги.

Ермоловъ находилъ нужнымъ перейти за Терекъ и стать твердой ногой на слѣдующей рѣкѣ, Сунжѣ, чтобы все чеченское населеніе, живущее на плоскости между Терекомъ и этой рѣкой, вмѣсто сомнительной покорности, стало дѣйствительно намъ подвластнымъ и находилось подъ нашимъ надзоромъ, или, если пожелаютъ, уходили бы дальше въ горы; такимъ образомъ чеченцамъ доступъ на Терекъ, до самаго Кизляра, для набѣговъ сдѣлается уже гораздо труднѣе, да и сами они будутъ въ своихъ собственныхъ аулахъ подъ страхомъ наказанія со стороны войскъ, занимающихъ крѣпости на Сунжѣ. Затѣмъ Ермоловъ считалъ нужнымъ войти отсюда въ связь чрезъ Кумыкскую плоскость съ владѣніемъ шамхала Тарковскаго и Дагестаномъ, а оттуда съ Грузіею, обезпечивъ весь путь рядомъ укрѣпленій, ибо до того существовало единственное надежное сообщеніе Грузіи съ Россіей чрезъ главный хребетъ.

При этомъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ присовокуплялъ:

«если Вашему Величеству благоугодно будетъ планъ сей (въ немъ указывались еще и мѣры для упроченія положенія нашего въ землѣ Кабардинцевъ, посредствомъ постройки постоянныхъ укрѣпленій и проч.), утвердить, то нуженъ на имя мое Высочайшій указъ въ руководство и непремѣнную цѣль преемникамъ моимъ. Въ предложеніи моемъ нѣтъ собственной моей пользы; не могу я имѣть въ предметѣ составлять военную репутацію мою на счетъ разбойниковъ, и потому въ мой расчетъ входятъ не однѣ средства оружія. Не у всякаго же однако на моемъ мѣстѣ могутъ быть одинаковые виды.»

Я привелъ здѣсь эти обстоятельства, какъ чрезвычайно характерныя для исторіи кавказской войны и утвержденія тамъ нашего владычества. Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ теченіи тридцати лѣтъ, всякій командовавшій на Кавказѣ генералъ, да и мѣстные частные начальники, дѣйствовали преимущественно по собственному усмотрѣнію; ни какой системы, ни какой руководящей идеи не существовало, никто какъ бы и не подумалъ задаться вопросомъ: какія наши цѣли, къ чему мы стремимся? оставаться ли на линіяхъ рѣкъ Кубани, Терека, Алазани, защищая въ тылу лежащій край отъ вторженій черкесъ, чеченцевъ, лезгинъ, или же дѣйствовать въ смыслѣ усмиренія этихъ воинственно-хищныхъ народцевъ, или же просто покорить ихъ совсѣмъ, овладѣвъ всею занятою ими по обѣимъ сторонамъ хребта обширностью частью Кавказскаго перешейка.

Само собою, безъ предварительнаго разрѣшенія такого вопроса, нельзя было установить какой нибудь твердой системы дѣйствій и потому дѣла такъ и тянулись: то горцы дѣлали набѣги къ намъ, то есть, прорываясь за вышеназванныя рѣки, нападая на поселенія нашихъ казаковъ, или крестьянъ, или грузинъ, то мы, большею частью нѣсколькими отрядами, дѣлали набѣги, къ нимъ; обѣ стороны налетали, жгли, уводили въ плѣнъ, угоняли скотъ и старались безнаказанно уйти, въ чемъ чаще преуспѣвали горцы, какъ болѣе легкіе, ловкіе наѣздники, необремененные артиллеріею, и обозами, лучше знающіе мѣстность и покровительствуемые якобы мирными соплеменниками. Частные начальники руководившіе та-

кими набѣгами, были большею частью убѣждены въ дѣйствительной пользѣ наказанія и устрашенія, тѣмъ болѣе что нерѣдко горцы, особенно при появленіи болѣе значительной колонны и понесеніи нешуточнаго погрома, являлись съ повинною, изъявляли покорность, выдавали нѣсколько человѣкъ аманатовъ, клялись на коранѣ жить смирно и т. п. Иные изъ начальниковъ пользовались малѣйшимъ удобнымъ случаемъ для набѣговъ просто отъ скуки, съ чисто военною цѣлью, изъ желанія покипятить кровь подъ гулъ выстрѣловъ и гики чеченцевъ, что разносилось по лѣсамъ захватывающимъ духъ эхомъ, и составляло самую суть особаго рода кавказской поэзіи; многіе дѣлали это ради выслуги предъ начальствомъ ради случая послать реляцію и показать свои полководческія способности, и все, впрочемъ, въ чаяніи наградъ себѣ и своимъ подчиненнымъ, за что и винить-то ихъ едвали можно: вѣдь это были единственные свѣтлые лучи въ мрачной жизненной обстановкѣ войскъ, оторванныхъ отъ всего роднаго, близкаго, брошенныхъ въ дикія мѣста, на жертву тоскѣ, всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, въ сосѣдство враждебно расположенныхъ людей.

Въ Петербургѣ, очевидно, всего этого не сознавали; думали, что чеченцы или лезгины тѣже сибирскіе киргизы или незначительное количество давно на плоскости поселившихся черкесскихъ выходцевъ, болѣе или менѣе сжившихся съ черноморскими казаками. Въ теченіе тридцати лѣтъ на набѣги смотрѣли равнодушно и хотя изрѣдка напоминали о пользѣ дружественныхъ сношеній, но положительныхъ приказаній не отдавали и неуказывали что и какъ дѣлать. Наконецъ императоръ Александръ, руководимый гуманными чувствами, какъ выше сказано, высказалъ генералу Ртищеву неудовольствіе и приказалъ вмѣсто набѣговъ водить съ горцами дружбу; а частныхъ начальниковъ заподозрѣли въ желаніи поживляться добычею... Но это было совершенно ошибочное предположеніе; что нибудь подобное могло случиться въ десятокъ лѣтъ разъ, въ видѣ особаго исключенія, уже потому, только, что добычи рѣдко достигали такой цѣнности, чтобы могли соблазнять ге-

нераловъ или полковниковъ, если допустить даже между ними такихъ грязныхъ корыстолюбцевъ...

Нельзя конечно умолчать, что было много случаевъ, гдѣ по невѣжеству, грубости, отсутствію малѣйшаго понятія объ административномъ тактѣ, неговорю уже о политическомъ разумѣніи, нѣкоторые мѣстные начальники, не снабженные къ тому же инструкціями и точно опредѣленнымъ кругомъ власти, дѣйствовали такъ, что возбуждали напрасное озлобленіе и ненависть туземцевъ противъ русскихъ. Напримѣръ: по поводу появившейся въ Турціи въ 1806—7 гг. чумы, предписано было и на кавказской линіи принять указанныя закономъ мѣры. Усердное безъ разума начальство и примѣнило къ ногайскимъ кибиткамъ всѣ карантинныя правила; а узнавъ гдѣ либо о смерти одного человѣкъ — можетъ быть вовсе не не отъ чумы — заграждало жителямъ всякій доступъ и сношенія съ сосѣдними поселеніями. Для туземцевъ подобныя распоряженія казались чѣмъ-то совершенно произвольнымъ и безцѣльнымъ, и нѣкоторые, не придавая имъ особаго значенія, переходили скрытно за черту оцѣпленія, нарушая предписанныя правила. Ихъ ловили, отдавали подъ судъ и гоняли жестоко шпицрутенами сквозь строй, да еще нарочно въ базарные дни, когда собирались толпы туземцевъ, для внушенія имъ большаго страха. Подобныя дѣйствія всѣми каказскими племенами объяснялись единственно жестокостью русскихъ къ нимъ, мусульманамъ, возбуждали страшное озлобленіе и ненависть, которыми отлично пользовались муллы и десятки турецкихъ и персидскихъ эмисаровъ, разсѣянныхъ по всему краю, для возбужденія противъ Россіи жителей. Ближайшими послѣдствіями бывали возмущенія считавшихся покорными ауловъ, соединеніе съ непокорными, усиленныя нападенія на наши линіи, хищничества и т. п. Этими непримѣнимыми къ мѣстнымъ условіямъ чумными строгими мѣрами прогнали тогда за Кубань значительное населеніе, мирно жившее на плоскости среди нашихъ станицъ и деревень; населеніе весьма трудолюбивое, промышленное, доставлявшее лошадей нашимъ военнымъ ремонтерамъ, шерсть для суконныхъ фабрикъ и разные другіе продукты, отправлявшіеся ими на про-

дажу даже до Таганрогскаго порта. Мѣстность опустѣла и всѣ остались въ накладѣ.

Такъ, отсутствіе установившагося взгляда и всякой системы затягивали дѣло умиротворенія Кавказа и часто смѣнявшіеся начальники, руководствовавшіеся личными усмотрѣніями, нерѣдко противорѣчили другъ другу, уничтожали лѣвою рукою то, что уже было сдѣлано правою, ставя въ тупикъ и самыхъ доброжелательныхъ намъ людей. Неудивительны, поэтому, приведенныя выше слова Ермолова, обращенныя къ императору Александру, чтобы его предположенія, если будутъ одобрены, были подтверждены въ особое руководство и непремѣнную цѣль преемникамъ его. Ермоловъ хорошо зналъ, что, по свойственной большинству людей слабости порочить другихъ, восхваляя себя,—установленный имъ образъ управленія преемникомъ будетъ непремѣнно охаянъ и измѣненъ.

Покойный государь, хотя въ 1814 г. и писалъ Ртищеву объ исканіи дружбы и мирнаго сосѣдства съ горцами *), однако утвердилъ въ 1818 году всѣ предположенія Ермолова и въ особомъ указѣ повелѣлъ ему, «такъ и всѣмъ могущимъ впредь заступить его мѣсто, утвердиться на р. Сунжѣ, поселять казаковъ и вообще покорять горскіе народы постепенно, но настоятельно, занимая лишь то, что удержать за собою можно, нераспространяться иначе какъ ставъ твердою ногою и обезпечивъ занятое пространство отъ покушеній непріязненныхъ».

Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ наконецъ выразилася система, вполнѣ соотвѣтствовавшая мѣстнымъ условіямъ и предстоявшимъ Россіи неизбѣжнымъ задачамъ на Кавказѣ. Если

*) Генералъ Ртищевъ былъ большой поклонникъ системы, которую рекомендовалъ извѣстный адмиралъ Мордвиновъ, т. е. посредствомъ торговли, ласки, миролюбія сближать съ нами горцевъ, пріучить ихъ къ гражданственности и проч. Уѣзжая съ кавказской линіи въ Тифлиссъ на должность главнаго начальника, на прощаніе онъ одарилъ многихъ горцевъ; послѣдовали взаимныя увѣренія въ дружбѣ, миролюбіи и т. д. Неуспѣлъ генералъ Ртищевъ отъѣхать десятка верстъ отъ Георгіевска, какъ былъ осатновленъ партіею хищниковъ, самъ онъ едва спасся, но багажъ его былъ ограбленъ... Кажется, послѣ этого доказательства миролюбія, у него измѣнился взглядъ на отношенія къ горцамъ.

бы въ послѣдующее время строго ея держались, то, безъ сомнѣнія, дѣло было бы покончено многими годами раньше и безъ столькихъ жертвъ,—что и доказано, когда при князѣ Воронцовѣ начали систематически дѣйствовать, а при князѣ Барятинскомъ дали средства довершить начатое. Въ промежутокъ же, продолжавшійся около 22-хъ лѣтъ, какъ бы забыли объ этой системѣ, или вѣрнѣе предполагали одно, а выполняли другое, и, къ сожалѣнію, вышло не такъ какъ было сказано въ выше упомянутомъ высочайшемъ указѣ Ермолову; да и средства были крайне ограниченныя,—ибо даже и самъ Ермоловъ ошибся въ ихъ исчисленіи, очевидно не вполнѣ вѣрно оцѣнивая препятствія и силы, которыя предстояло побороть;—а преемники его едва ли знали о существованіи указа, обязывавшаго всѣхъ слѣдовать Ермоловскимъ предположеніямъ, или же знали, но не считали его обязательнымъ, тѣмъ болѣе, что съ новымъ царствованіемъ явилось много новыхъ взглядовъ, вызванныхъ и измѣнившимися обстоятельствами, и другими лицами, ставшими во главѣ дѣлъ, и разными личными отношеніями.

Въ сентябрѣ 1814 г. состоялось постановленіе объ упраздненіи въ армейскихъ полкахъ шефовъ и потому генералъ-маіоръ Тихановскій передалъ командованіе полкомъ старшему штабъ-офицеру подполковнику Степанову, но этотъ, по крайней болѣзненности, не могъ исполнять обязанностей и полкомъ командовалъ маіоръ Тыртовъ.

Въ 1816 году нашего полка маіоръ Пономаревъ былъ посланъ съ особой колонной за Алазань въ землю джарцевъ для взысканія съ нихъ дани, въ числѣ 25 тысячъ руб., и исполнилъ порученіе блистательно, безъ столкновеній и происшествій. Генералъ Ртищевъ объявилъ приказомъ по корпусу Пономареву искреннюю благодарность.

Въ 1817 году первый полубаталіонъ 2-го баталіона Кабардинскаго полка, послѣ долголѣтней стоянки въ с. Тіонеты, наконецъ переведенъ на уроч. Царскіе Колодцы и затѣмъ всѣ роты полка занимали разныя деревни Телавскаго и Сигнахскаго уѣздовъ.

Цѣлыхъ четыре года, съ 1814 по 1818-й, Кабардинскій

полкъ исполнялъ исключительно роль стража, ограждавшаго Грузію отъ вторженій легзинъ, руководствуясь притомъ, согласно вышеприведенной волѣ императора Александра I, правилами чисто оборонительными, безъ всякой попытки вторгаться въ земли джаробѣлоканцевъ, которые конечно, весьма плохо оцѣнивали такія отношенія и вовсе непрекращали обычныхъ хищничествъ. Значительныхъ вторженій, въ родѣ тѣхъ какими они опустошали Грузію до прихода въ нее русскихъ войскъ и еще въ началѣ ихъ вступленія за Кавказъ, лезгины уже не предпринимали, боясь повторенія тѣхъ грозныхъ наказаній, которымъ они нѣсколько разъ подвергались; но мелкими партіями, особенно для увода плѣнныхъ и угона скота, дѣятельность свою продолжали безпрерывно и Кабардинскій полкъ, разбросанный по-ротно по всему протяженію Алазанской долины въ Телавскомъ и Сигнахскомъ уѣздахъ, долженъ былъ почти ежедневно то гоняться по возникавшимъ тревогамъ, то проводить ночи въ засадахъ у переправъ и бродовъ, вести мелкія перестрѣлки, нерѣдко истребляя шайки, отбивая плѣнныхъ грузинъ, вообще быть постоянно на сторожѣ, потому что всякій шагъ небольшихъ командъ за дровами въ лѣсъ, за травой для подъемныхъ лошадей, въ сообщеніяхъ между ротами и штабами баталіоновъ сопровождались не рѣдко внезапными нападеніями хищниковъ, неупускавшихъ случаевъ нападать, убивать и уводить въ неволю одиночныхъ солдатъ. Но все это были мелкія, чисто кордонныя происшествія, о которыхъ большею частью даже донесеній начальству не посылалось.

Вообще замѣчательный это былъ періодъ на Кавказѣ: четыре года относительной тишины, спокойствія, ни чѣмъ непрерываемыхъ. Такъ обыкновенно бываетъ предъ бурями; элементы, имѣющіе выступить дѣятелями, какъ бы собираются съ силами...

Только въ 1818 году, послѣ высочайшаго утвержденія предположеній Ермолова о занятіи затеречнаго пространства и постройкѣ на Сунжѣ крѣпости, для полка опять наступила эпоха дѣятельной боевой жизни.

Между тѣмъ, съ упраздненіемъ должностей шефовъ въ

полкахъ арміи, генералъ Тихановскій, какъ сказано, передалъ командованіе полкомъ подполковнику Степанову, а за увольненіемъ его въ октябрѣ 1815 года по болѣзни отъ службы, полкомъ временно командовалъ подполковникъ Ковалевъ, вскорѣ тоже оставившій службу за ранами. Оба были старые кабардинцы, отличные батальонные командиры, участники во всѣхъ славныхъ дѣлахъ полка.—1-го января 1816 года командовать полкомъ назначенъ изъ Преображенскаго полка полковникъ графъ Гудовичъ, который однако уже въ декабрѣ того же года подалъ генералу Ермолову просьбу объ увольненіи по болѣзни отъ службы, а полкъ принялъ отъ него нашъ же, столько разъ упоминавшійся, извѣстный своею беззавѣтною храбростью и безчисленными ранами подполковникъ князь Иванъ Орбельянъ, котораго Алексѣй Петровичъ въ своемъ представленіи назвалъ «весьма храбрымъ.»

XXII.

Выступленіе двухъ баталіоновъ на Кавказскую линію.—Начало наступательныхъ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ.—Прибытіе отряда на Сунжу и постройка крѣпости Грозной.—Дѣла съ чеченцами.—Происшествіе въ Сунженскомъ аулѣ.—Враждебныя дѣйствія Аварскаго хана.—Пораженіе колонны въ Башлы и возмущеніе въ Дагестанѣ.—Выступленіе отряда изъ Грозной.—Заложеніе крѣпости Внезапной и движеніе въ Тарки.—Выступленіе къ Параулу и пораженіе горцевъ Кабардинскимъ баталіономъ.—Движеніе къ Дженгутаю и занятіе его съ боя.—Разореніе Малаго Дженгутая.—Возвращеніе отряда въ Тарки и оттуда на Терекъ.—Возобновленіе враждебныхъ дѣйствій горцевъ Дагестана, подстрекаемыхъ Персіей.—Сборъ отряда у Андреевой и занятіе нѣкоторыхъ пунктовъ.—Прибытіе Аварскаго хана въ сосѣдство съ Андреевой и волненіе среди окрестнаго населенія.—Дѣло у Болтугая двухъ ротъ Кабардинскаго полка.—Бѣгство непріятеля и водвореніе спокойствія.—Награды въ полкъ,—Посылка колонны для наказанія притеречныхъ чеченцевъ.—Взятіе штурмомъ аула Дадаюртъ.—Разореніе Качкалыковскихъ ауловъ и возвращеніе отряда въ Дагестанъ.

Въ августѣ 1818 г.—1-му и 2-му баталіонамъ полка приказано было выступить на Кавказскую линію въ составъ отряда, собиравшагося подъ личнымъ начальствомъ генерала Ермолова, для дѣйствій на р. Сунжѣ. Сперва выступилъ 2-й баталіонъ и для его укомплектованія взяли людей изъ 1-го и 3-го баталіоновъ, а затѣмъ выступилъ уже 1-й, бывшій въ весьма слабомъ составѣ, всего 55 унтеръ-офицеровъ и 314 рядовыхъ! А по списку было 80 унтеръ-офицеровъ и 683 рядовыхъ, но больныхъ 6 унт.-офицеровъ и 74 рядовыхъ, въ командировкахъ 21 унтеръ-офицеровъ и 290 рядовыхъ.—Въ полку было много больныхъ, потому что нѣкоторыя грузинскія деревни отличались вреднымъ климатомъ, особенно Гавази. По этому въ мартѣ 1818 года, генералъ Ермоловъ приказалъ вновь назначенному командиру бригады генералъ-маіору князю Эристову озаботиться выборомъ на лѣто здороваго лагернаго

мѣста для 3-го баталіона. Послѣ былъ командированъ оберъ-квартирмейстеръ полковникъ Ивановъ осмотрѣть выбранное мѣсто, выше Бежаньянъ, въ предгоріяхъ; но такъ какъ здѣсь угрожала опасность нападенія лезгинъ, а баталіонъ былъ весьма слабаго состава и имѣлъ людей полубольныхъ, то къ нему прикомандировали 25-ть донскихъ казаковъ, 80 человѣкъ грузинской милиціи, и князь Эристовъ предполагалъ тамъ же расположить 150 спѣшенныхъ драгунъ. Баталіономъ командовалъ маіоръ Волжинскій, вмѣсто Тыртова, переведеннаго въ 16-й Егерскій полкъ.

Выше уже было упомянуто, что важнѣйшимъ шагомъ къ обезпеченію Кавказской линіи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ считалъ усмиреніе Чечни; что устройствомъ крѣпостей по Сунжѣ и занятіемъ ихъ достаточными гарнизонами, чеченцы будутъ лишены средствъ къ хищничествамъ, потому что, потерявъ плоскость между Терекомъ и Сунжей, вынуждены будутъ уйти въ болотисто-лѣсистыя мѣста за Сунжей, гдѣ уже ни тѣхъ удобствъ для хлѣбопашества и скотоводства нѣтъ, и откуда ходить въ набѣги будетъ далеко и опасно. Продолженіемъ же такой передовой линіи крѣпостей отъ Сунжи къ р. Сулаку могло быть обезпечено все пространство лѣваго фланга Кавказской линіи съ значительнымъ торговымъ городомъ Кизляромъ и возстановлена связь съ владѣніями шамхала Тарковскаго, всегда намъ покорнаго, а также и съ Прикаспійскимъ краемъ вообще. Собственно съ этого времени, т. е. съ 1818 года, слѣдуетъ считать начало наступательнаго періода дѣйствій на Кавказѣ, потому что до тѣхъ поръ мы больше дѣйствовали оборонительно, а если иногда проникали въ земли горцевъ, то временно, для устрашенія, наказанія и т. п. Особенно это относится къ чечнѣ и Дагестану, ибо за Кубань и къ Черному морю, какъ разсказано выше, еще въ 18-мъ столѣтіи предпринимались наступательныя дѣйствія во время войнъ нашихъ съ Турціей.

Періодъ наступательный, начатый въ 1818 году, однако былъ прерванъ Персидско-Турецкою войной 1826—29 г.г. Затѣмъ возобновился въ 1830 году при графѣ Паскевичѣ и его преемникахъ, но уже безъ твердо опредѣленной системы,

урывками, то въ одной то въ другой части края, пока, наконецъ, въ 1842 году опять перешли къ оборонительной системѣ, а когда таковая сейчасъ же принесла слишкомъ печальные для насъ результаты, то въ 1844 году должны были возвратиться къ наступательному образу дѣйствій и только чрезъ пятнадцать лѣтъ энергическаго слѣдованія этимъ путемъ цѣль была достигнута.

Для приведенія вышеизложенныхъ предположеній въ исполненіе, генералъ Ермоловъ усилилъ существовавшій въ верховьяхъ Сунжи Назрановскій редутъ и устроилъ еще другое укрѣпленіе, внизъ по теченію рѣки верстъ на 50. За тѣмъ 10-го іюля, приступилъ къ постройкѣ главной крѣпости въ 6-ти верстахъ отъ ближайшаго засунженскаго ущелья Ханкале, слывшаго въ глазахъ чеченцевъ неприступнымъ мѣстомъ. Новая крѣпость названа была Грозною.

Съ прибытія отряда къ берегу Сунжи, 27-го мая, чеченцы безпрестанно тревожили наши передовые посты, подкрадывались въ ночное время къ лагерю, пробирались на лѣвый берегъ рѣки, угрожая нашимъ сообщеніямъ съ Терекомъ, откуда доставлялось все продовольствіе, нападали на выгоняемыхъ на пастьбу обозныхъ лошадей и т. п. Густые лѣса, покрывавшіе оба берега рѣки, во многихъ мѣстахъ легко переходимой въ бродъ, спообствовали привычнымъ къ такимъ партизанскимъ дѣйствіямъ чеченцамъ; намъ же трудно было бороться въ этомъ отношеніи съ ними, потому что главныя силы отряда сосредоточились въ одномъ мѣстѣ для работъ по постройкѣ крѣпости, а кавалеріи у насъ было мало, исключительно казаки, (около 450 человѣкъ) тогда еще далеко уступавшіе въ ловкости и отвагѣ чеченскимъ наѣздникамъ. Однако генералъ Ермоловъ приказалъ занять нѣсколько переправъ чрезъ Сунжу смѣшанными командами пѣхоты и казаковъ (для этого назначенъ одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка) и лишилъ чеченцевъ возможности безнаказанно переходить на лѣвый берегъ рѣки. Всѣ же жившіе въ аулахъ между Терекомъ и Сунжею, убѣдясь, что съ прочнымъ основаніемъ русскихъ въ крѣпости Грозной, прежняя сомнительная покорность уже недостаточна, стали болѣе усердно исполнять требованія наши,

конвоировали транспорты, выставляли караулы и наблюдательные посты, извѣщали о замѣчаемыхъ движеніяхъ непріязненныхъ горцевъ и проч.

Между тѣмъ главная масса чеченскаго населенія, раскинутая у подножія Черныхъ горъ за Сунжей, по Аргуну и многимъ другимъ притокамъ, убѣжденная въ неприступности своихъ ауловъ, закрытыхъ густыми лѣсами, топкими шавдонами, (ручьями или канавами) о изъявленіи покорности вовсе не думала и колебалась только въ выборѣ системы борьбы: обороняться ли при движеніи русскихъ за Сунжу, или самимъ нападать на нихъ? Сначала, очевидно, одержали верхъ защитники наступательнаго образа дѣйствій и чеченцы, пригласивъ въ помощь горцевъ изъ Дагестана, 29-го іюля пытались ворваться въ нашъ лагерь открытой силой, но невыдержавъ огня высланныхъ на встрѣчу двухъ баталіоновъ съ 6-ю орудіями, потеряли нѣсколько человѣкъ и отступили. 4-го августа они въ значительныхъ силахъ переправились чрезъ рѣку, съ цѣлью напасть на провіантскій транспортъ, слѣдовавшій съ Терека въ лагерь. Извѣщенный объ этомъ, генералъ Ермоловъ послалъ 6 ротъ Кабардинцевъ и одну роту 8-го Егерскаго полка съ 4-мя орудіями на встрѣчу непріятелю. Въ теченіи двухъ часовъ чеченцы и лезгины дрались упорно, надѣясь раздавить горсть нашихъ людей, но въ концѣ, сбитые съ занятыхъ крѣпкихъ мѣстъ, вынуждены бѣжать обратно за рѣку съ значительнымъ урономъ. Кабардинскія роты потеряли двухъ штабъ-офицеровъ и 22 человѣка нижнихъ чиновъ ранеными.

Эта неудача охладила чеченцевъ и до 28-го сентября они уже почти непоказывались; но въ этотъ день была послана колонна за Сунжу для вырубки необходимыхъ лѣсныхъ матеріаловъ на внутреннія постройки крѣпости и чеченцы рѣшились напасть на нее. Послѣ небольшой перестрѣлки, замѣтивъ заходящій имъ во флангъ, высланный изъ лагеря баталіонъ съ 2-мя орудіями, непріятель отступилъ, а колонна, потерявъ только двухъ убитыхъ и пять раненыхъ человѣкъ, нарубила нужный лѣсъ и возвратилась.

Къ началу октября крѣпость была готова и генералъ Ер-

моловъ назначилъ для нея гарнизонъ изъ 13-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Грекова. Предъ самымъ выступленіемъ остальнаго отряда, случилось слѣдующее происшествіе, которое я привожу здѣсь, какъ обращикъ нашихъ отношеній съ кавказскими племенами. Подобныя происшествія бывали не разъ и въ другихъ частяхъ края; такіе пустѣйшіе случаи вели иногда къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Ставъ лагеремъ на Сунжѣ и приступивъ къ постройкѣ крѣпости, генералъ Ермоловъ распорядился сберечь одну изъ ближайшихъ чеченскихъ деревень, дабы крѣпость могла получать отъ жителей ея всѣ необходимыя припасы. Все лѣто аулъ оставался на мѣстѣ, въ спокойствіи, и команды наши ходили туда за покупками. 4-го октября одинъ чеченецъ вздумалъ отнять у солдата быка, запряженнаго въ казенную повозку, чему, конечно, солдатъ воспротивился, а чеченецъ, не долго думая, выхватилъ изъ чехла винтовку и убилъ солдата; офицеръ приказалъ схватить преступника, но другими чеченцами была схвачена за поводья лошадь офицера и онъ съ трудомъ спасся отъ смерти, а команда отступила. Самъ Алексѣй Петровичъ былъ тогда въ отсутствіи, а начальникъ штаба генералъ Вельяминовъ распорядился послать къ жителямъ успокоеніе, что ихъ за вину одного негодяя наказывать не будетъ, но съ тѣмъ, чтобы они его выдали для суда и наказанія, тѣмъ болѣе, что онъ своимъ проступкомъ подвергалъ опасности весь аулъ. Посланный нашъ нашелъ жителей поспѣшно выбирающихся изъ домовъ и удаляющихся въ лѣса, а на его увѣщанія отвѣчали, что виновнаго невыдадутъ и если войска придутъ къ ихъ аулу, то будутъ встрѣчены выстрѣлами.

Генералъ Вельяминовъ взялъ съ собою нѣсколько ротъ и самъ отправился къ аулу, желая убѣдить жителей оставаться на своихъ мѣстахъ, но его встрѣтили выстрѣлами; семейства и имущество уже были увезены, а въ сакляхъ оставались только вооруженные мущины. Тогда приказано было атаковать аулъ; защитники спаслись поспѣшнѣйшимъ бѣгствомъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, а колонна наша въ теченіи нѣсколькихъ дней вывозила изъ разоренной деревни хлѣбъ, фуражъ и годный на постройки лѣсъ.

Послѣ этого происшествія и прочія, на лѣвомъ берегу Сунжи, близь крѣпости лежавшія чеченскія деревни, уже безъ всякаго повода, были оставлены жителями; хотя были благоразумные люди между ними, внушавшіе имъ, что лучше жить смирно на мѣстахъ, но никогда не привыкшіе къ повиновенію кому бы то ни было и нежелавшіе выдавать виновныхъ въ руки гяуровъ, чеченцы предпочитали бросать насиженныя мѣста и скрываться въ лѣсныя чащи. Никакія убѣжденія, никакія благодѣянія, наконецъ, немогли ослабить въ кавказскомъ населеніи чувства недовѣрчивости и враждебности; о благодарности, само собою, и рѣчи нѣтъ. Генералъ Ермоловъ писалъ, что во всѣхъ случаяхъ гдѣ онъ былъ къ нимъ великодушенъ, онъ самымъ наглымъ образомъ бывалъ обманутъ и вынужденъ былъ прибѣгать за это къ жестокимъ наказаніямъ.

Нужно при этомъ сказать, что мы, невзирая на столѣтнія отношенія мирнаго и военнаго характера къ народамъ Азіи, и до сихъ поръ все еще недостаточно научились ихъ понимать, и на каждомъ шагу дѣлаемъ грубѣйшіе промахи, попадаясь въ обманъ. Достаточно привести примѣръ изъ недавняго прошлаго: въ 1877 году чуть вспыхнула у насъ война съ Турціей, совершенно *неожиданно* для насъ начались возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ; во главѣ возмутившихся стояли лица, нами *награждаемыя* и *отличаемыя*...

Въ Туркменіи повторилось то же во время экспедиціи 1879 года: нѣсколько *вліятельныхъ почетныхъ* людей, осыпаемыхъ подарками, предъ самымъ столкновеніемъ 28 августа у Денгилъ-Тепе, исчезли изъ нашего лагеря...

Съ этого времени (1818 г.) слѣдуетъ считать прочное водвореніе русскихъ въ Чечнѣ. Крѣпость Грозную мы уже болѣе не покидали и исподволь связывали её съ другими нашими укрѣпленіями. Но еще много времени прошло, много системъ и дѣйствій перемѣнилось, много крупныхъ промаховъ было сдѣлано, много кровавыхъ жертвъ принесено, пока, чрезъ сорокъ одинъ годъ послѣ закладки Грозной, Чечня превратилась въ дѣйствительно покорную страну и гулъ выстрѣловъ умолкъ въ ея лѣсахъ, хотя, впрочемъ, и послѣ еще не разъ случались возстанія и кровавыя усмиренія.

Пока въ Чечнѣ происходили описанныя дѣйствія, въ Дагестанѣ аварскій ханъ, съ своими приверженцами, замышлялъ всеобщее поднятіе горцевъ, чтобы напасть на владѣнія шамхала Тарковскаго и наказать его за неизмѣнную вѣрность Россіи, да вмѣстѣ съ тѣмъ, при удачѣ, разорить богатыя Дербентскія и Кубинскія провинціи, прикрываемыя незначительнымъ русскимъ отрядомъ генералъ-маіора Пестеля.

Получивъ объ этомъ настойчивыя извѣстія отъ шамхала, генералъ Ермоловъ приказалъ находившемуся въ Кубѣ генералъ-маіору Пестелю, съ двумя баталіонамя, 4-мя орудіями и нѣсколькими казаками, расположиться впереди Дербента для прикрытія той части края отъ вторженій, а самъ, вынужденный особыми происшествіями, отправился въ Кабарду. Пестель, не ограничиваясь своею наблюдательною ролью, вздумалъ наказать столицу Каракайтсхскаго владѣнія, аулъ Башлы, (въ 30 верстахъ отъ Дербента) за принятіе участія въ возмущеніяхъ. Занявъ аулъ почти безъ сопротивленія, отрядецъ нашъ былъ въ свою очередь чрезъ день атакованъ большими массами горцевъ. Какъ храбро наши не защищались, однако, потерявъ 12 офицеровъ и 370 человѣкъ солдатъ, (изъ двухъ слабыхъ баталіоновъ!) генералъ-маіоръ Пестель вынужденъ былъ отступить въ Дербентъ, ободривъ своею неудачею непріятеля и возбудивъ въ немъ большія ликованія и надежды.

Окончивъ въ нѣсколько дней свои дѣла въ Кабардѣ, ген. Ермоловъ возвратился въ Грозную, ускорилъ работы по окончанію крѣпости, и когда получены были свѣдѣнія о происшествіи съ Пестелемъ и объ общемъ возмущеніи всего Дагестана, долженъ былъ, не взирая на наступившую слякоть, выступить, и 25-го октября, съ пятью баталіонами, (въ томъ числѣ два Кабардинскихъ) 14-ю орудіями и 400-ми казаковъ, всего до 3,200 человѣкъ, двинулся изъ Грозной. Переночевавъ на правой сторонѣ Терека противъ Червленной, 26-го числа отрядъ пришелъ въ Брагуны, 27-го переправился чрезъ Сунжу, 28-го ночевалъ въ Аксаѣ, а 29-го вступилъ въ Андрееву. Деревня эта занимала важное положеніе среди окружающихъ ее населеній, вслѣдствіе происходившей здѣсь значительной торговли мѣстными произведеніями, на которыя горцы вы-

мѣнивали всѣ необходимые для нихъ товары.—Вообще, Андреевцы, между которыми много было ремесленниковъ, были чѣмъ то въ родѣ горожанъ и пользовались значительнымъ вліяніемъ не только въ ближайшихъ окрестностяхъ, но и въ дальныхъ Дагестанскихъ обществахъ.

По всѣмъ соображеніямъ аулъ оказывался важнымъ пунктомъ для лѣваго фланга Кавказской линіи и потому генералъ Ермоловъ рѣшилъ построить здѣсь крѣпость, которую и назвалъ «Внезапною». Поручивъ управленіе Андреевцами ихъ соотечественнику Сефи-бею Темирову, человѣку бывавшему въ столицахъ Россіи и извѣстному своею преданностью правительству, сдѣлавъ нужныя распоряженія по постройкѣ крѣпости, Алексѣй Петровичъ 31-го октября переправился съ отрядомъ чрезъ Ярыкъ-су и 3-го ноября прибылъ въ Тарки. Чтобы увеличить въ глазахъ горцевъ свою силу, онъ растягивалъ баталіоны, казавшіеся отъ того гораздо многочисленнѣе. Безпрестанные дожди и холодная погода заставили его пробыть тамъ восемь дней.

11-го числа, оставивъ въ Тарки вагенбургъ, подъ прикрытіемъ роты и полусотни казаковъ при двухъ орудіяхъ, отрядъ выступилъ къ Параулу—мѣсту рожденія и пребыванія аварскаго хана Ахметъ султана, не прекращавшаго своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ насъ, не взирая на пожалованный ему чинъ генералъ-маіора и 5,000 рублей пенсіи въ годъ. Ермоловъ уже давно негодовалъ на него, ожидая удобнаго случая для разоблаченія и примѣрнаго наказанія измѣнника. Еще мѣсяца за четыре до описываемыхъ происшествій за Кавказомъ были перехвачены письма неугомоннаго царевича Александра къ персидскому принцу Абасъ-Мирзѣ, изъ которыхъ оказалось, что Ахметъ-ханъ аварскій за денежную субсидію обѣщалъ Персіи свое содѣйствіе въ войнѣ противъ Россіи.

Владѣнія аварскаго хана начинались тогда у самыхъ границъ шамхальства и включали всѣ тѣ аулы, которые впослѣдствіи составили особое владѣніе Мехтулинское.

Продолжительные дожди чрезвычайно испортили и безъ того дурную дорогу, движеніе войскъ было медленно и трудно;

въ теченіи сутокъ едва сдѣлали четыре версты. Къ вечеру отрядъ росположился у подошвы горы, прикрывающей входъ въ ущелье, по которому пролегаетъ путь къ Параулу, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ непріятельскими пикетами; въ нѣкоторомъ разстояніи дальше виднѣлись завалы, занятые горцами. Начальникъ штаба генералъ Вельяминовъ произвелъ рекогносцировку мѣстности и, благодаря преданнымъ проводникамъ, въ 4-хъ верстахъ правѣе открылъ выходъ на гору, болѣе удобный и менѣе укрѣпленный, чѣмъ тянувшійся прямо предъ нашимъ отрядомъ.

Непріятель очевидно ожидалъ, что ночь пройдетъ спокойно; онъ развелъ костры, у которыхъ раздавались пѣсни, звуки бубна, пляски и вообще веселье было большое. Но генералъ Ермоловъ, напротивъ, счелъ удобнымъ воспользоваться темнотою и занять важный пунктъ, обезпечивавшій свободное движеніе по ущелью къ Параулу. Дѣло это было поручено маіору Швецову съ 2-мъ баталіономъ «храбраго» *) Кабардинскаго полка. Въ первомъ часу ночи онъ тихо выступилъ изъ лагеря и, воспользовавшись темнотою и сильнымъ вѣтромъ, также оплошностью непріятеля, быстро взобрался на гору. Раздалось ура! барабанный бой, залпъ и мгновеннымъ натискомъ баталіонъ привелъ изумленныхъ горцевъ въ совершенное замѣшательство, окончившееся бѣгствомъ ихъ по направленію къ Казаницы и оставленіемъ многихъ лошадей, оружія и проч. «Баталіонъ, писалъ въ своемъ донесеніи Государю генералъ Ермоловъ, не могъ ни храбрѣе, ни удачнѣе исполнить порученіе; неустрашимый Швецовъ, маіоръ Волжинскій и другіе офицеры, овладѣвъ вершиною горы, обезпечили свободный путь всему отряду».

Ермоловъ вообще придавалъ успѣху этому чрезвычайно важное значеніе потому, что отступленіемъ нельзя было ободрять непріятеля, а атака днемъ, по трудности всхода на гору, грозила сильною потерею. Войска наши въ первый разъ появились въ этихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ главнымъ начальникомъ Кавказа (сардаремъ) и горцы съ особымъ вниманіемъ смо-

*) Генералъ Ермоловъ во всѣхъ своихъ реляціяхъ иначе не писалъ о Кабардинскомъ полкѣ, какъ съ прибавленіемъ слова «храбрый».

трѣли на ходъ дѣлъ; малѣйшая съ нашей стороны неудача, или дѣйствіе, которому можно было бы дать невыгодное толкованіе, соединило бы ихъ всѣхъ, и нашему слабому отряду противусталъ бы противникъ въ десять разъ сильнѣйшій числомъ, такъ какъ въ это время возвращались по своимъ домамъ толпы дагестанцевъ, бывшихъ въ Башлы, гдѣ они торжествовали вынужденное отступленіе колонны генералъ-маіора Пестеля, понесшаго весьма сильную потерю. Главный акушинскій кади съ 4-мя тысячами человѣкъ уже находился въ скопищѣ аварскаго хана противъ нашего отряда.

Съ разсвѣтомъ всѣ войска вытянулись на занятую маіоромъ Швецовымъ гору Аспара и затѣмъ, прогнавъ движеніемъ боковыхъ колоннъ оставшихся на сосѣднихъ высотахъ горцевъ, безъ выстрѣла достигли Параула, совершенно брошеннаго жителями.

14-го ноября отрядъ, (обоими Кабардинскими баталіонами Алексѣй Петровичъ приказалъ командовать полковнику Ермолову), оставивъ въ Параулѣ другой вагенбургъ при двухъ ротахъ, двинулся отсюда къ Большому Дженгутаю, мѣстопребыванію брата аварскаго хана, Гасана, соучастника всѣхъ предпріятій Ахметъ-султана. Дженгутай, какъ столица мехтулинскаго владѣнія, большой богатый аулъ, вблизи Акуши, игралъ довольно важную роль въ дѣлахъ Дагестана и пользовался не малымъ вліяніемъ. Непріятель рѣшился защищать его отъ приближающихся русскихъ войскъ, предварительно укрѣпивъ какъ входъ такъ и ближайшія высоты, занятыя толпами горцевъ.

Подойдя къ аулу, Алексѣй Петровичъ осмотрѣлъ позицію и приказалъ атаковать безъ потери времени аулъ съ двухъ сторонъ; казакамъ идти въ обходъ, угрожая пути отступленія непріятеля. Для охраненія себя съ тыла отъ могущаго быть нападенія акушинцевъ, была оставлена часть отряда съ генеральнаго штаба подполковникомъ Верховскимъ. Послѣ жаркой перестрѣлки, на штурмъ окоповъ были направлены съ одной стороны шесть ротъ, въ томъ числѣ двѣ Кабардинскаго полка, которыя безмолвно двинулись впередъ и мгновенно ворвались въ нихъ; съ другой тоже атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ акушинцы дѣйствительно сдѣлали нападеніе на Верховскаго и ему было отправлено подкрѣпленіе изъ двухъ ротъ Кабардинцевъ, съ двумя орудіями, заставившіе нападавшихъ отступить съ урономъ. Вообще горцы дрались съ упорствомъ, но всѣ ихъ усилія ни къ чему не привели. Въ теченіе пяти часоваго боя они были выбиты изъ аула, изъ окоповъ и, понеся большую потерю, бѣжали наконецъ къ горамъ, избавившись отъ окончательнаго пораженія, только благодаря сильному туману, вдругъ покрывшему всю долину и недозволившему казакамъ продолжать преслѣдованіе. Побѣда стоила намъ 4-хъ офицеровъ и 52-хъ нижнихъ чиновъ. Въ донесеніи своемъ генералъ Ермоловъ съ особой похвалой отозвался о ротахъ Кабардинскаго полка.

Предавъ Дженгутай огню и разоренію, г. Ермоловъ послалъ 16-го числа батальонъ Кабардинскаго полка съ сотнею казаковъ и 3-мя орудіями въ Малый Дженгутай, отстоящій на нѣсколько верстъ отъ Большаго, и онъ подвергся одинаковой съ нимъ участи. Населеніе въ паникѣ бѣжало уже безъ сопротивленія въ лѣса, гдѣ, вслѣдствіе выпавшаго вдругъ снѣга, терпѣло страшныя бѣдствія. Генералъ Ермоловъ именемъ Государя объявилъ имъ прощеніе, разрѣшилъ возвратиться въ аулы и возвратилъ имъ захваченное имущество. За тѣмъ отрядъ возвратился тѣмъ же путемъ чрезъ Параулъ въ Тарки; а 23-го числа выступилъ оттуда на линію и 30-го переправился чрезъ Терекъ у Старогладовской станицы, откуда войска, бывшія въ теченіи 7-ми мѣсяцевъ въ безпрерывныхъ движеніяхъ и трудахъ, были распущены на зимніе квартиры.

Въ донесеніи своемъ (собственноручно писанномъ) Ермоловъ, между прочимъ, говорилъ: «изъ всѣхъ сихъ происшествій видно кто былъ причиной военныхъ дѣйствій. Здѣсь между народомъ, загрубѣлымъ въ невѣжествѣ, чуждымъ общихъ понятій, первый законъ есть сила. Знаю, что не достойно Россіи во зло употреблять оную; но не могу нечувствовать, что оная необходима, дабы отразить насиліе».

Примѣръ, показанный надъ Парауломъ и Дженгутаемъ, необразумилъ однако туземцевъ. Уже раннею весною слѣдующаго 1819 года они стали совѣщаться о возобновленіи

враждебныхъ дѣйствій. Акушинцы и сосѣдніе аулы взаимно присягнули стоять за одно и собравъ значительныя силы въ концѣ апрѣля вступили въ шамхальскія владѣнія, вынудивъ шамхала бѣжать изъ Тарки подъ защиту нашихъ войскъ. По полученнымъ свѣдѣніямъ, непріятель имѣлъ намѣреніе вторгнуться въ кубинскую провинцію во владѣнія подвластнаго Россіи хана кюринскаго.

Въ тоже время и Персія, невзирая на мирныя отношенія съ Россіей, дѣйствовала противъ насъ; наслѣдникъ шахскаго престола Абасъ мирза благосклонно принялъ прибывшую къ нему отъ горцевъ депутацію, обѣщавъ имъ помощь. Кромѣ того онъ, чрезъ хановъ шивранскаго, карабахскаго и другихъ, пересылалъ аварскому хану деньги, поддерживалъ скрывшагося въ Акушѣ бывшаго дербентскаго хана Шихъ-Али, подстрекая ихъ къ возмущенію противъ Россіи. Съ этою же цѣлью употреблялся и жившій въ Персіи бѣглый грузинскій царевичъ Александръ,—имѣвшій связи съ Закавказскими мусульманскими населеніями. Легковѣрныя толпы туземцевъ поддавались всѣмъ ложнымъ внушеніямъ и обѣщаніямъ, надѣялись изгнать русскихъ съ Кавказа и возвратиться къ славнымъ временамъ безнаказаннаго хищничества. Сообщеніе Кавказской линіи съ Дербентомъ почти прекратилось, оставшіеся покорными русской власти жители подверглись нападеніямъ и просили защиты.

Всѣ эти обстоятельства побудили генерала Ермолова принять рѣшительныя мѣры. Приказавъ батальону Кабардинскаго полка съ двумя орудіями занять укрѣпленіе Кази-Юртъ на Сулакѣ, куда скрылся шамхалъ, а отдѣльному отряду генералъ-маіора князя Мадатова стать за Самуромъ у с. Мараги, для защиты Кубы и кюринскаго ханства, самъ главный начальникъ Кавказа собралъ 6 ротъ Кабардинскаго полка, два батальона 8-го егерскаго, съ 12 орудіями, у Адреевой. Въ ожиданіи разъясненія дальнѣйшихъ событій, ускорилъ работы по возведенію крѣпости Внезапной, а двѣ роты Кабардинскаго и баталіонъ Троицкаго полка отправилъ для занятія нѣкоторыхъ важныхъ постовъ на сообщеніяхъ.

Расположеніе отряда у Андреевой и содѣйствіе вѣрнаго

намъ маіора Темирова удерживали жителей кумыкской плоскости отъ явнаго соединенія съ аварскимъ ханомъ и акушинцами, хотя въ тайнѣ они имъ сочувствовали и желали имъ полнаго успѣха. Готовность въ разныхъ мѣстахъ нашихъ войскъ для выступленія къ угрожаемымъ пунктамъ стѣсняли дѣйствія непріятеля и онъ воздержался отъ нападенія на кубинскій уѣздъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько соумышленниновъ бѣглаго дербентскаго хана Шихъ-али попались въ руки наши и были сосланы въ Астрахань, а генералъ-маіоръ князь Мадатовъ между тѣмъ имѣлъ удачное дѣло съ зятемъ Шихъ-али,—Абдулла-бекомъ, возмущавшимъ Табасаранъ, при чемъ тѣ селенія, въ которыхъ онъ былъ принимаемъ, подверглись строгому наказанію.

Такъ прошло все лѣто и только къ концу августа аварскій ханъ, собравъ большую массу людей изъ разныхъ племенъ, вышелъ изъ горъ и расположился въ 16 верстахъ отъ строившейся крѣпости Внезапной. Многіе старшины андреевой деревни приняли его сторону и часть жителей оставила селеніе. Ахметъ султанъ, разсылая по всюду возмутительныя воззванія, приглашалъ соединиться съ нимъ противъ враговъ мусульманства; прокламаціи читались муллами и производили впечатлѣніе; во многихъ мѣстахъ приносили клятву на коранъ нежалѣть ни чего для истребленія невѣрныхъ. Даже ближайшія къ Андреевой деревни возстали и для начала враждебныхъ дѣйствій угнали у насъ до 400 отрядныхъ лошадей.

Чтобы предупредить повсемѣстное распространеніе возмущенія, генералъ Ермоловъ выступилъ 29 Августа изъ Внезапной съ 7 ротами Кабардинскаго полка, 6-ю ротами 8-го Егерьскаго, 8-ю ротами 42-го Егерьскаго, 13-ю орудіями и тремя сотнями казаковъ на р. Сулакъ, къ с. Болтугай, гдѣ войска наши были встрѣчены непріятелемъ. Авангардныя двѣ роты 8-го Егерскаго полка и 250 казаковъ стойко выдерживали сильный ружейный огонь непріятеля, но когда лезгины, получивъ подкрѣпленіе, бросились съ кинжалами въ рукопашную, егеря пришли въ разстройство и начали въ безпорядкѣ отступать. Въ эту минуту подоспѣли двѣ роты

Кабардинцевъ, присланныхъ генераломъ Ермоловымъ, и безъ выстрѣла ударили въ штыки. Лезгины, хотя еще разъ усиленные толпою чеченцевъ, невыдержали удара Кабардинскихъ ротъ и опрокинутые, въ замѣшательствѣ бросились бѣжать, преслѣдуемые нашими молодцами, и только прочные завалы, ранѣе устроенные въ узкой тѣснинѣ между горами, занятые главными силами непріятеля, дали имъ возможность укрыться и остановить преслѣдованіе.

Занявъ аулъ Болтугай и ближайшія высоты, отстоявшія на ружейный выстрѣлъ отъ окоповъ, генералъ Ермоловъ отказался отъ ихъ атаки, во избѣжаніе неизбѣжной большой потери въ людяхъ, но распорядился отрѣзать непріятелю всякое сообщеніе съ плоскостью, откуда онъ, поддерживая возмущеніе жителей, получалъ продовольствіе для своихъ горскихъ партій. Собравшіеся изъ разныхъ отдѣльныхъ дагестанскихъ обществъ люди долго не могли оставаться въ такомъ положеніи, да и по свойственному имъ характеру неминуемо должны были возникнуть между ними несогласія. Ермоловъ это зналъ и потому ограничивался, какъ сказано, ихъ блокадой, тревожа ихъ артиллерійскимъ огнемъ. И дѣйствительно, чрезъ четыре дня такого сидѣнія за окопами, въ ночь на 3-е сентября, начались несогласія, аварскій ханъ съ братомъ первые бѣжали, а за ними разсѣялись лезгины, чеченцы и другіе горцы въ разныя стороны, притомъ съ такою поспѣшностью, что бросили даже небольшіе остатки продовольствія, въ которомъ однако очень нуждались. Пользуясь этимъ страхомъ, обуявшимъ непріятеля, Ермоловъ съ частью отряда и двумя орудіями прошелъ по ближайшимъ горнымъ ущельямъ, предалъ огню нѣсколько ауловъ, жители которыхъ участвовали въ возмущеніи и 5 сентября возвратился въ Внезапную, не встрѣтивъ уже нигдѣ не единаго непріятеля, окончательно скрывшагося въ паническомъ страхѣ. Спокойствіе водворилось окончательно по всей плоскости.

Блестящее дѣло это стоило намъ 37 убитыхъ, 5 безъ вѣсти пропавшихъ, 3 раненыхъ офицеровъ и 85 нижнихъ чиновъ. Какое значеніе придавалъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ своей побѣдѣ видно изъ того, что 6-го сентября онъ сообщилъ объ

ней подробно генералу Мадатову для объявленія жителямъ кубинской и дербентской провинцій. Въ этомъ сообщеніи, а равно и въ рапортѣ начальнику главнаго штаба отъ 10-го сентября, для доклада Государю, генералъ Ермоловъ приписывалъ главный успѣхъ дѣла двумъ ротамъ «храбраго» Кабардинскаго полка, которымъ испрашивалъ 12 георгіевскихъ крестовъ въ награду. И только 2-го января 1820 года генералъ Ермоловъ приказомъ по корпусу объявилъ, что пожалованными 12 крестами въ двѣ роты 1-го баталіона предоставляетъ наградить достойныхъ полковому командиру, по выбору и съ согласія однако товарищей; другимъ же приказомъ, отъ 21-го января, объявлено о наградахъ офицерамъ: маіору Ковалеву, поручикамъ Веніери и Юдину слѣдующіе чины, штабсъ-капитану Грекову, прапорщикамъ Маркову и Барабашеву— Владиміра 4-й степени съ бантомъ, подпоручикамъ князю Баратову, Бѣлковичу, Шимановскому, князю Орбельяну Анны 3-й и 4-й степеней.

Пользуясь вліяніемъ страха, распространившагося въ горахъ вслѣдствіе пораженія аварскаго хана съ такимъ многочисленнымъ скопищемъ, Алексѣй Петровичъ счелъ нужнымъ принять рѣшительныя мѣры для усмиренія тѣхъ чеченцевъ, которые издавна поселившись на плоскости по правому берегу р. Терека, на земляхъ аксаевскихъ князей, и усилившись постепенно новыми выходцами изъ-за Сунжи, вышли совершенно изъ-подъ вліянія владѣльцевъ земель, перестали имъ платить условленную аренду, уклоняясь отъ всякой подчиненности русской власти, давали у себя пріютъ всѣмъ хищническимъ шайкамъ и участвовали вмѣстѣ съ ними въ набѣгахъ на казачьи станицы по лѣвому берегу рѣки до самаго Кизляра. Какъ только русскіе власти съ отрядами находились вблизи и требовали у нихъ покорности и мирнаго образа жизни, они все обѣщали, давали даже заложниковъ; но уходилъ отрядъ и обѣщанія оставались пустыми словами, набѣги за Терекъ отъ Щедрина до Кизляра, особенно на смирныхъ безоружныхъ кочевниковъ караногайцевъ, возобновлялись; а качкалыковцы, т. е. тѣ чеченцы, которые жили по подножію хребта Черныхъ горъ, идущихъ паралельно Тереку, просто

посылали своихъ людей участвовать въ открытыхъ дѣйствіяхъ противу нашихъ войскъ и нападали на посты наши, прикрывавшіе сообщенія кр. Грозной съ Терекомъ.

По этимъ соображеніямъ и рѣшено было наказать чеченцевъ, заставить ихъ вести болѣе мирный образъ жизни, избавивъ наши поселенія за Терекомъ отъ постоянной опасности. Дѣло было поручено генералъ-маіору Сысоеву съ колонной изъ пяти ротъ Кабардинскаго, одной роты Троицкаго полковъ, 700 казаковъ и 5 орудій.

Генералъ-маіоръ Сысоевъ, 13 сентября, выступилъ изъ Внезапной и подошелъ къ главному качкалыковскому аулу Истису, жители котораго собрались въ значительномъ числѣ, готовясь къ оборонѣ. Желая въ этотъ разъ только обозрѣть мѣстность, еще неизвѣстную нашимъ войскамъ, чтобы судить о предстоящихъ тутъ впослѣдствіи дѣйствіяхъ, начальникъ колонны удовольствовался непродолжительной канонадой по аулу, во время которой казаки сожгли хлѣба и стоги сѣна, бывшія въ поляхъ; а затѣмъ отправился къ переправѣ на Терекъ противъ станицы Шелкозаводской, показывая видъ, что имѣетъ цѣлью конвоировать прибывшій туда транспортъ съ провіантомъ для склада во Внезапной. Видя это, собравшіеся качкалыковцы разошлись по домамъ.

На разсвѣтѣ, 15-го числа, генералъ-маіоръ Сысоевъ выступилъ съ своей колонной вверхъ по Тереку къ аулу Дада-юртъ и обложилъ его. Дада-юртъ былъ одинъ изъ главныхъ при-теречныхъ чеченскихъ ауловъ, извѣстныхъ своимъ хищничествомъ и участіемъ въ дѣлахъ непокорныхъ чеченцевъ. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, генералъ предложилъ жителямъ просить пощады и въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ разрѣшеніе главнокомандующаго отпустить ихъ со всѣмъ имуществомъ за Сунжу, истребивъ только самый аулъ. Чеченцы, полагая что это только пустыя угрозы, отвергли предложеніе и рѣшились защищаться отъ нападенія, для чего и заняли наружные валы и рвы окружавшіе аулъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, чеченцы штыками были вытѣснены изъ-за прикрытій и вогнаны въ деревню. Здѣсь, занявъ исключительно тѣ сакли, которыя по своей прочности

и каменнымъ стѣнкамъ могли быть лучше обороняемы, жители очевидно рѣшились на отчаянное сопротивленіе, вызванное главнѣйше тѣмъ обстоятельствомъ, что чеченцамъ еще въ первый разъ пришлось быть атакованными русскими войсками въ своемъ аулѣ, изъ котораго они не успѣли заблаговременно вывести въ безопасныя мѣста свои семейства и скотъ, какъ это обыкновенно ими дѣлалось при приближеніи непріятеля.

И дѣйствительно, дрались здѣсь дадаюртовцы отчаянно: каждую саклю приходилось обстрѣливать артиллеріею на ближайшихъ разстояніяхъ, въ 100 шагахъ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, затѣмъ брать штурмомъ. Какъ только пробивалось малѣйшее отверстіе, или осыпалась часть стѣнки, наши солдаты мгновенно врывались туда съ штыками и уже не давали пощады. Рукопашный бой кинжаловъ и шашекъ противъ штыковъ произошелъ такой ожесточенный, какого войскамъ нашимъ едва-ли еще и случалось до того встрѣчать на Кавказѣ. Пришлось спѣшить часть казаковъ и послать въ аулъ, для подкрѣпленія Кабардинскихъ ротъ. Нѣкоторые чеченцы, видя что неустоятъ, на глазахъ нашихъ солдатъ убивали своихъ женъ и дѣтей... Нѣсколько женщинъ сами бросались съ кинжалами на солдатъ и гибли на штыкахъ... Ужасное побоище длилось нѣсколько часовъ и аулъ былъ окончательно взятъ только послѣ истребленія всѣхъ его защитниковъ; изъ 500 человѣкъ чеченцевъ взято только 14-ть тяжело раненыхъ въ плѣнъ, да взяты и спасены отъ побоища небольшое число женщинъ и дѣтей (около 140 душъ), тоже большею частью раненыхъ, избѣгшихъ смерти отъ ядеръ, пуль и штыковъ. Нашъ уронъ былъ также не малъ: убито 51 нижнихъ чиновъ, раненъ самъ генералъ-маіоръ Сысоевъ, 10 офицеровъ и 171 нижнихъ чиновъ, или больше четверти всего отряда!.. Аулъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, истребленъ до основанія.

Послѣ этого кроваваго урона, даннаго надтеречнымъ чеченцамъ, наступила очередь качкалыковцевъ. 30-го сентября генералъ Ермоловъ послалъ изъ Внезапной, подъ начальствомъ артиллеріи полковника Базилевича, колонну изъ 3-хъ батальоновъ, сотни казаковъ и 9-ти орудій къ качкалыковскимъ ауламъ,

а самъ 1-го октября съ другими 3-мя баталіонами, 4 орудіями и сотней казаковъ выступилъ въ слѣдъ за Базилевичемъ и соединился съ нимъ близь Истису. Послѣ непродолжительной канонады, баталіонъ Апшеронскаго полка былъ двинутъ на штурмъ аула, а двѣ роты Кабардинскаго полка посланы занять сильный завалъ, устроенный на кладбищѣ, за которымъ скрывался непріятель. Обѣ эти части безъ выстрѣла исполнили дѣло: штыками выбросили непріятеля изъ за прикрытій и на плечахъ его ворвались въ аулъ, который и былъ преданъ огню. Жители въ страхѣ бѣжали въ лѣса. Взятіе Истису обошлось намъ убитыми: 2 офицера, 14 солдатъ; ранеными 4 офицера, 49 нижнихъ чиновъ. Генералъ Ермоловъ въ своемъ донесеніи съ особенною похвалой отзывался объ распоряжавшемся движеніемъ войскъ начальникѣ штаба Вельяминовѣ, а въ числѣ офицеровъ Кабардинскаго полка о маіорѣ Ковалевѣ.

3-го октября такой же участи подверглись аулы Алаяръ и Ноимъ-Берды, но тутъ непріятель уже защищался весьма слабо и послѣ небольшой перестрѣлки поспѣшилъ спасаться бѣгствомъ, а когда отрядъ подошелъ къ третьему аулу Хошъ-Гельды, то жители встрѣтили войска наши съ хлѣбомъ солью и генералъ Ермоловъ объявилъ имъ прощеніе.

Получивъ обѣщаніе чеченцевъ прекратить хищничества и жить смирно, занимаясь своимъ сельскимъ хозяйствомъ, безъ вмѣшательства въ враждебныя противъ русскихъ дѣйствія, генералъ Ермоловъ возвратился со всѣми войсками во Внезапную.

XXIII.

Нападеніе акушинцевъ на шамхала Тарковскаго. — Движеніе отрядовъ въ Тарки. Выступленіе въ Акушу. — Пораженіе 15 тысячъ горцевъ. — Изъявленіе покорности акушинцами. — Расположеніе отряда въ Мехтулинскомъ владѣніи.—Награды за дѣла.—Чрезвычайное событіе для полка, неожиданно переименованнаго въ Ширванскій. — Послѣдствія этого. — Рекогносцировка за Сунжей. — Вырубка просѣкъ. — Работы для обезпеченія лѣваго фланга линіи.—Слухи о разрывѣ съ Турціей и мѣры къ предупрежденію волненій.— Набѣги въ Кабарду.—Рекогносцировки Ермоловымъ Кабарды и устройство въ ней укрѣпленій. — Кордонная служба полка.

Между тѣмъ, какъ въ Чечнѣ происходили описанныя дѣла, въ Дагестанѣ уже успѣли забыть недавній погромъ. Акушинцы — самое сильное и богатое, независимое центральное племя, пользовавшееся значительнымъ вліяніемъ среди обществъ Дагестана, не могло простить шамхалу Тарковскому его покорности и вѣрности русскому правительству, давшимъ возможность русскимъ утвердиться въ прилегающихъ къ Акушѣ мѣстностяхъ, имѣя всегда возможность внести свое оружіе и къ нимъ, и во владѣнія ихъ союзниковъ - хановъ аварскаго, казикумыкскаго и другихъ. Акушинцы намѣрены были наказать шамхала и вынудить у него обѣщаніе измѣнить свою политику въ отношеніи Россіи. Желая воспользоваться отсутствіемъ его изъ Тарки (онъ находился у генерала Ермолова во Внезапной), акушинцы рѣшили напасть на его домъ и овладѣть семействомъ и имуществомъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, шамхалъ поспѣшно уѣхалъ въ Тарки, гдѣ засталъ и своихъ собственныхъ подданныхъ въ волненіи; онъ едва успѣлъ съ семействомъ и партіею приверженцевъ спастись въ свой загородный укрѣпленный замокъ, гдѣ подвергся нападенію брата аварскаго хана съ большой толпой мехтулинцевъ, аварцевъ и другихъ. Шамхалъ защищался отчаянно и атаку-

ющіе, понеся значительную потерю, отступили, угрожая возобновить нападеніе.

Главнокомандующій, въ виду такого положенія дѣлъ, тотчасъ двинулъ изъ Внезапной колонну изъ 4-хъ баталіоновъ, 200 казаковъ, 12 орудій, съ приказаніемъ къ 11-го ноября (1819) непремѣнно быть уже въ Тарки, для защиты отъ вторженія акушинцевъ, а самъ съ остальными войсками, оставшимися свободными за размѣщеніемъ въ укрѣпленіяхъ и постахъ между Грозною, Внезапною и Терекомъ, выступилъ тоже въ Дагестанъ. Отрядъ состоялъ изъ 9-ти баталіоновъ (въ томъ числѣ два Кабардинскихъ полка) при 34-хъ орудіяхъ и 4-хъ сотняхъ казаковъ, къ которымъ долженъ былъ присоединиться на границахъ Акуши генералъ-маіоръ князь Мадатовъ, только что предъ тѣмъ возстановившій спокойствіе вновь возмущенной Табасарани, съ своею отдѣльною колонною изъ двухъ баталіоновъ при 6-ти орудіяхъ, 200 казакахъ и нѣсколькихъ сотняхъ татарской милиціи. Такимъ образомъ, долженъ былъ составиться сильный отрядъ изъ 15-ти баталіоновъ при 42-хъ орудіяхъ и 1,000 человѣкъ конницы, какого еще горцы не видали въ одновременномъ сборѣ. Генералъ Ермоловъ находилъ нужнымъ сосредоточеніе такихъ силъ, чтобы нанести вѣрный ударъ Акушѣ, этой многочисленной независимой провинціи, съ гордостью вспоминавшей о пораженіи при Иранъ-Харабѣ самаго страшнаго Надырь-шаха персидскаго, вздумавшаго ихъ порабощать.

Прибывъ 14-го ноября въ Тарки и остановивъ колонну князя Мадатова въ Карабудакентѣ, генералъ Ермоловъ вынужденъ былъ цѣлыхъ двѣ недѣли пробыть на мѣстѣ, потому что ненастная погода и выпавшій вдругъ глубокій снѣгъ сдѣлали дороги совершенно непроходимыми. И послѣ этого, хотя погода улучшилась, пришлось употреблять по 3,000 рабочихъ для расчистки дорогъ и двигаться весьма медленно. Только 12-го декабря подошла авангардная колонна князя Мадатова къ границѣ Акуши, перевалила чрезъ лѣсистый хребетъ и, прогнавъ выставленные здѣсь сторожевые посты непріятеля, заняла с. Урума. Въ теченіе трехъ сутокъ едва удалось переправить вслѣдъ за авангардомъ чрезъ горы артиллерію и

обозы, а 16-го декабря наконецъ весь отрядъ соединился въ Урумѣ.

17-го числа главнокомандующій произвелъ рекогносцировку мѣстности, занятой непріятелемъ, приготовившимся къ защитѣ. Въ центрѣ были замѣчены нѣсколько возвышеній съ возведенными на нихъ завалами; лѣвый флангъ непріятельской позиціи прикрывался укрѣпленнымъ холмомъ, а правый примыкалъ къ тѣсному ущелью, по которому протекала быстрая рѣчка; хотя за нею расположены были значительные отряды горцевъ, но генералъ Ермоловъ нашелъ удобнымъ съ этой стороны повести атаку. При обратномъ движеніи рекогносцировочной колонны, акушинцы преслѣдовали ее сильной перестрѣлкой до самой Урумы.

18-го числа, старшины акушинскіе явились въ лагерь съ разными обманчивыми предложеніями и разсказали о своихъ громадныхъ силахъ, готовыхъ защищаться отчаянно. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ требовалъ безусловной покорности, на которую старшины несогласились и уѣхали изъ лагеря.

19-го числа весь отрядъ съ разсвѣтомъ выступилъ къ непріятельской позиціи; главная атака была возложена на колонну князя Мадатова, который и повелъ ее со свойственною ему суворовскою стремительностію, быстро перейдя рѣчку; а съ другой стороны двинулась другая колонна и заняла съ боя укрѣпленіе на холмѣ; вступившій туда баталіонъ Кабардинскаго полка втащилъ за собою батарейныя орудія, открывшія огонь по ущелью, по которому непріятель двигалъ подкрѣпленія противъ колонны князя Мадатова. Въ тоже время казаки, съ командиромъ Моздокскаго полка маіоромъ Петровымъ, явились къ тылу непріятеля. Результатомъ было совершенное пораженіе и бѣгство всей 15-ти тысячной толпы горцевъ, предводимыхъ акушинскимъ наибомъ и заклятымъ врагомъ русскихъ, старымъ знакомцемъ нашимъ, бѣглымъ дербентскимъ ханомъ Шихъ-Али, казикумыкскимъ Сурхай-ханомъ, уцміемъ кайтахскимъ и другими. Отрядъ ночевалъ въ занятомъ аулѣ Лаваши.

На другой день весь отрядъ двинулся въ глубь Акуши, не встрѣчая непріятеля; всѣ села были пусты, семейства, иму-

щество, все было заранѣе увезено дальше въ горы. 21 числа войска наши вступили въ столицу Акуши, расположенную на вершинѣ высокой горы, въ видѣ громаднаго конуса, возвышающагося среди другихъ безлѣсныхъ, болѣе низкихъ высотъ окрестности.

22-го числа акушинцы стали стекаться въ Акушу, умоляя о пощадѣ, изъявляя готовность принять присягу на подданство Россіи. Женщины приходили розыскивать своихъ крошечныхъ дѣтей, брошенныхъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ, и находили ихъ сбереженными у солдатъ, а одному изъ знатныхъ старшинъ была возвращена дочь, молодая дѣвушка, попавшая въ плѣнъ и содержавшаяся съ должнымъ уваженіемъ.

Генералъ Ермоловъ нашелъ нужнымъ воспользоваться такимъ настроеніемъ жителей, объявилъ имъ прощеніе, принялъ присягу отъ старшинъ, оставилъ имъ прежній образъ ихъ управленія, смѣнивъ только кадія, какъ главнаго зачинщика, и поставивъ на его мѣсто другого, болѣе благонамѣреннаго человѣка; взялъ 27 человѣкъ заложниковъ, большую контрибуцію припасами на довольствіе войскъ и, въ ознаменованіе подданства, небольшую дань деньгами.

Покореніе акушинскаго общества, первенствовавшаго въ Дагестанѣ по своей численности (болѣе 60-ти тысячъ жителей), независимости и относительному богатству, произвело большое впечатлѣніе и лишило вышеназванныхъ возмутителей шансовъ на возобновленіе ихъ попытокъ. Для наблюденія за вновь покорившимися, генералъ Ермоловъ расположилъ въ сосѣднемъ мехтулинскомъ владѣніи, подъ начальствомъ полковника Верховскаго (убитаго послѣ извѣстнымъ героемъ повѣсти Марлинскаго «Амалатъ бекъ»), отрядъ изъ 6-ти баталіоновъ (въ томъ числѣ оба Кабардинскіе), при 13-ти орудіяхъ и сотнѣ казаковъ, а самъ 24 декабря, съ остальными войсками, выступилъ изъ Акуши.

Акушинцы были признательны за оказанную имъ пощаду, когда отъ воли главнокомандующаго зависѣло подвергнуть ихъ полному раззоренію; они выражали ему искреннюю благодарность и въ знакъ своего уваженія, поднесли Алексѣю Петровичу саблю, которую онъ и принялъ, наградивъ, съ сво-

ей стороны, почетныхъ старшинъ подарками. Въ тоже время явились просить пощады и нѣкоторые бѣжавшіе къ бунтовщикамъ туземные беки Кубинско-Дербентскихъ провинцій, которыхъ Ермоловъ простилъ.

За эти дѣла были награждены Кабардинскаго полка капитанъ князь Эристовъ Владиміромъ 4-й степени, штабсъ-капитаны Юдинъ и Корніенко и подпоручикъ князь Орбельянъ Анною 3-й степени, и еще 6 офицеровъ Анною 4-й степени за храбрость.

Къ этому времени относится чрезвычайный эпизодъ, происшедшій съ Кабардинскимъ полкомъ. Чтобы читателю стала ясною сущность дѣла, я долженъ разсказать его съ подробностями.

Съ самаго вступленія въ командованіе кавказскимъ корпусомъ и ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, генералъ Ермоловъ не переставалъ представлять въ Петербургъ, что его средства крайне ограничены и что корпусъ долженъ быть укомплектованъ до штатнаго числа людей, для чего требовалось 27 тысячъ человѣкъ. Императоръ Александръ I-й, убѣдясь наконецъ въ основательности ходатайства Ермолова, приказалъ исполнить его требованіе, но, вмѣсто отправки 27 тысячъ рекрутовъ, немогущихъ скоро свыкнуться съ климатомъ и тяжестями военно-походной службы, призналъ болѣе полезнымъ отправить туда десять полковъ трехъ-баталіоннаго состава, въ числѣ около 30 тысячъ человѣкъ, что имѣло уже и ту выгоду, что полки пойдутъ съ ружьями, а рекрутамъ таковыхъ дать нельзя было и пришлось бы для 30 тысячъ ружей нанимать подводы и произвести издержку казны на 100,000 руб. ассигн. Съ этою цѣлью изъ арміи были выбраны шесть пѣхотныхъ полковъ, носившихъ названіе по кавказскимъ мѣстностямъ и основаніе которыхъ происходило со времени извѣстнаго занятія Низовымъ корпусомъ прикаспійскихъ персидскихъ провинцій, именно: Тенгинскій, Навагинскій, Мингрельскій, Апшеронскій, Ширванскій, Куринскій, къ которымъ присоединили четыре егерскихъ полка, №№ 41, 42, 43 и 44 и послали ихъ на Кавказъ, съ тѣмъ, чтобы генералъ Ермоловъ оставилъ ихъ у себя навсегда, а изъ бывшихъ до

того на Кавказѣ полковъ, носившихъ названія русскихъ мѣстностей, забралъ столько людей; сколько окажется нужнымъ, чтобы довести какъ вновь прибывшіе десять полковъ, такъ и остальные полки кавказскаго корпуса, носящіе мѣстныя названія, до состава въ 360 унтеръ-офицеровъ и 3,600 рядовыхъ каждый. Затѣмъ эти, съ русскими именами, полки (Вологодскій, Суздальскій, Казанскій, Бѣлевскій, Троицкій, Севастопольскій) возвратить въ Россію въ такомъ числѣ офицеровъ и солдатъ, какое останется за выборомъ въ остающіеся на Кавказѣ полки, нестѣсняясь числомъ, хотя бы остались самыя малыя команды; по прибытіи же въ Россію, кадры эти будутъ вновь тамъ укомплектованы. При этомъ Высочайше повелѣно было кавказскій корпусъ считать въ двѣ дивизіи: одну, 19-ю, на кавказской линіи, изъ полковъ: Тенгинскаго, Навагинскаго, Кабардинскаго и Мингрельскаго, 41 и 42 Егерскаго; другую, 20-ю, за Кавказомъ, изъ полковъ Ширванскаго, Апшеронскаго, Тифлисскаго, Куринскаго, 43 и 44 Егерскаго.

Что казалось бы проще такого дѣла? Какая мудрость требовалась привести въ точное исполненіе повелѣніе Императора? А между тѣмъ это простое дѣло было поведено такъ, что вышла непостижимая путаница, сбившая съ толку всѣхъ, отъ полковъ до военнаго министерства, и даже до сихъ поръ, чрезъ 60 лѣтъ, невполнѣ еще разъясненная... Я употребилъ много времени и труда, пока наконецъ уяснилъ себѣ эту темную страницу въ хроникѣ полковъ — послѣдствіе кавказской военно-канцелярской премудрости, приведшей къ безконечной перепискѣ и поставившей въ тупикъ три полка, немогущихъ никакъ уяснить себѣ: что произошло съ ними въ 1819 году? Больше всего въ этомъ случаѣ удивляетъ меня, что такой умный, во все вникавшій человѣкъ, какъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, допустилъ подобную, по меньшей мѣрѣ, несообразительность и въ противность категорически выраженной волѣ Государя Александра I-го, въ предписаніи начальника главнаго штаба, отъ 14 іюля 1819 года № 1237, въ которомъ прямо сказано: «воспрещается переименовывать полки, потому что никакой надобности въ этомъ нѣтъ», позволилъ себѣ мѣнять названія полковъ, чего столѣтіемъ раньше уже не допускала импера-

трица Анна Іоановна, какъ было разсказано въ первыхъ главахъ настоящей исторіи. Онъ, такой боевой, душою и тѣломъ военный человѣкъ, не подумалъ, что каждый старый полкъ имѣетъ свои преданія, свои особыя отличія, свой отличительный характеръ и что однимъ почеркомъ пера все это уничтожить, передать другому имени—крайне несправедливо и вредно въ смыслѣ поддержанія воинственнаго духа въ частяхъ арміи.

Уже первый приступъ къ исполненію Высочайшаго распоряженія былъ сдѣланъ, или скорѣе, выраженъ ошибочно и повелъ тутъ же къ недоразумѣніямъ и запросамъ. Вновь назначенные на Кавказъ полки стали прибывать эшелонами на линію съ августа 1819 года и частными предписаніями генерала Ермолова изъ нихъ требовались дробными количествами люди для скорѣйшаго пополненія тѣхъ батальоновъ, которые были съ нимъ въ отрядѣ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Только 4-го ноября, приказомъ по корпусу, сдѣлано общее распоряженіе и буквально сказано: «въ 19-й дивизіи Вологодскій полкъ *соединяется* (?) съ Навагинскимъ, Суздальскій съ Тенгинскимъ, Бѣлевскій съ Мингрельскимъ, *Казанскій принимаетъ имя Кабардинскаго*, а въ 20-й дивизіи: Троицкій *соединяется* съ Апшеронскимъ, Севастопольскій съ Куринскимъ, *Кабардинскій съ Ширванскимъ* и т. д.—Слово «соединяется» было понято въ полкахъ такъ, что Вологодскій и Навагинскій составятъ одинъ, который будетъ называться Навагинскимъ, а Вологодскій уже и существовать не будетъ, вслѣдствіе чего возникли чрезъ начальника дивизіи вопросы, куда дѣвать знамена Вологодскаго полка, сдать ли ихъ въ Навагинскій, имѣющій между тѣмъ свои знамена, или на храненіе куда либо? И неудивительно, что неумѣстное слово «соединяется» не было понято въ томъ смыслѣ, какъ подразумѣвалъ его тотъ штабный грамотѣй, который составлялъ приказъ 4-го ноября 1819 года. Слѣдовало просто написать: Вологодскому полку сдать въ Навагинскій столько-то унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, а съ остальными, подъ командою своего полкового командира и офицеровъ NN, съ знаменами, обозомъ и проч. полковыми принадлежностями, выступить туда-то, по маршруту. Это было-бы просто и ясно.

Послѣ переписокъ, запросовъ и разъясненій, такъ и произошло: «Вологодскій и остальные полки съ русскими названіями (за исключеніемъ Казанскаго), въ составѣ 108 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, при нѣсколькихъ офицерахъ, ушли въ Россію, во вновь имъ назначенныя мѣста расположенія, и слово «соединяется» дальнѣйшихъ послѣдствій для нихъ не имѣло.

Не то случилось съ Кабардинскимъ полкомъ. Какъ выше уже сказано, онъ былъ назначенъ въ 19-ю дивизію, расположенную на Кавказской линіи; но генералъ Ермоловъ, принимая во вниманіе, что полкъ уже 19 лѣтъ постоянно находился за Кавказомъ, что въ немъ половина офицеровъ была изъ грузинскаго дворянства—первыхъ поступившихъ въ русскую службу, которые, съ переводомъ на линію, удалились бы отъ своихъ семействъ, родныхъ и имѣній, наконецъ теряли-бы и они, и нижніе чины въ содержаніи, ибо за Кавказомъ таковое отпускается усиленнымъ окладомъ, а на линіи ординарнымъ, считалъ необходимымъ оставить Кабардинскій полкъ за Кавказомъ, въ 20-й дивизіи, для чего и переименовалъ его въ Ширванскій (?!), а Казанскому полку, находившемуся на линіи, приказалъ именоваться Кабардинскимъ (?!); прибывшему же изъ Россіи Ширванскому, сдавъ 500 человѣкъ въ находившіеся въ походѣ два батальона Кабардинскаго полка, принимающаго имя Ширванскаго,—остальныхъ людей частью отправить въ Грузію, или передать въ Казанскій полкъ, и затѣмъ въ кадренномъ составѣ подъ именемъ Казанскаго возвратиться въ Россію (?!). (Казанскій и выступилъ, тоже въ кадрахъ, въ числѣ 108 человѣкъ въ Махновку Кіевской губерніи, но уже въ 1821 году). И все это вмѣсто самаго простаго представленія въ Петербургъ съ просьбою разрѣшить: Кабардинскій полкъ оставить въ 20-й дивизіи, а Ширванскій въ 19-й, что тѣмъ болѣе слѣдовало сдѣлать, дабы избѣжать напраснаго передвиженія штаба Кабардинскаго полка съ его 3-мъ батальономъ изъ Грузіи на Кавказскую линію, а Ширванскаго, прибывшаго уже въ Георгіевскъ, чрезъ горы въ Грузію.

Въ донесеніи своемъ по этому предмету начальнику глав-

наго штаба, князю Волконскому, Ермоловъ именно говорилъ, что желая буквально исполнить волю государя, назначившаго полки по дивизiямъ, онъ переименовалъ Кабардинскiй въ Ширванскiй, не подумавъ при томъ, что онъ тутъ же нарушаетъ волю государя, мѣняя названiе полковъ и къ тому же безъ всякой надобности.

Вся эта перетасовка, и тяжелымъ, неяснымъ языкомъ писанныя по этому предмему бумаги, до того затемнили дѣло, что самъ кавказскiй штабъ наконецъ сбился съ толку и въ разныхъ возникавшихъ вопросахъ и представленiяхъ полковыхъ командировъ путался, давая противорѣчивыя одно другому разрѣшенiя. Примѣровъ этому много въ дѣлахъ того времени. Въ Петербургѣ, въ главномъ штабѣ, тоже никакъ не могли уяснить себѣ, что произошло съ полками, но нерѣшились прямо отмѣнять распоряженiя генерала Ермолова, какъ потому, что это могло его оскорбить, такъ и потому, что ссылки на мѣстныя обстоятельства вообще стѣсняютъ высшiя центральныя управленiя въ отношенiяхъ къ мѣстнымъ начальствамъ, особенно отдѣльныхъ окраинъ.

Чтобы еще яснѣе показать, что произошло отъ этихъ «соединенiй и именованiй», достаточно взглянуть на судьбу полковыхъ знаменъ въ этихъ трехъ полкахъ: мальтiйскiя знамена, полученныя Кабардинскимъ полкомъ за разбитiе лезгинъ 7-го ноября 1800 года на Iорѣ, поступили въ Казанскiй, который никогда за Кавказомъ не былъ; георгiевскiя знамена, данныя Ширванскому полку за сраженiя противъ французовъ въ отечественную и послѣдующiя войны, очутились въ Кабардинскомъ полку, который никогда ни одного француза не видѣлъ, ибо съ 1777 года уже все былъ на Кавказѣ. Я въ настоящемъ именованiи полковъ не руководствуюсь, конечно, приказомъ генерала Ермолова отъ 4-го ноября 1819 года, а фактическими данными—высочайшею властью утвержденными грамотами и наличнымъ составомъ офицеровъ, что и составляетъ собственно полкъ. Генералъ Ермоловъ могъ назвать Кабардинскiй полкъ Ширванскимъ, а Казанскiй Кабардинскимъ, но это только была фикцiя, потому что три батальона Кабардинцевъ, съ полковымъ командиромъ княземъ Орбельяномъ, тремя ба-

тальонерами, 12-ю ротными командирами и двумя третями субалтернъ-офицеровъ—старыхъ Кабардинцевъ отъ примѣси къ нимъ нѣсколькихъ сотъ нижнихъ чиновъ, съ пятью, шестью офицерами отъ только что пришедшаго изъ Россіи Ширванскаго полка, не могли превратиться въ Ширванцевъ, а еще тѣмъ болѣе не могъ Казанскій полкъ, не имѣвшій случая составить себѣ на Кавказѣ такую извѣстность, какую имѣлъ Кабардинскій, который и княземъ Циціановымъ, и маркизомъ Паулучи, и самимъ Ермоловымъ иначе не упоминался, какъ съ прибавленіемъ эпитета «храбрый», превратиться по одному слову бумажнаго приказа въ Кабардинцевъ.

Распоряженіе генерала Ермолова не было высочайше утверждено, но и не отмѣнено, а оставалось въ теченіи пяти съ половиною лѣтъ въ качествѣ неразъясненнаго сомнѣнія; въ маѣ же 1825 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: «этимъ тремъ полкамъ именоваться прежними своими названіями, сохранивъ старшинство сформированія, а офицеровъ поступившихъ изъ Кабардинскаго въ Ширванскій, изъ Казанскаго въ Кабардинскій и изъ Ширванскаго въ Казанскій считать переведенными».

Но что же могло измѣнить это высочайшее повелѣніе въ распоряженіи генерала Ермолова, въ теченіе болѣе пяти лѣтъ превратившемся въ фактъ? Что значило «именоваться прежними своими названіями?» Названія вѣдь сохранились и такъ; новыхъ названій придумано не было; а чтобы возвратить каждому полку прежнее названіе, которое онъ носилъ до 4 ноября 1819 г., пришлось бы: Ширванскій полкъ опять назвать Кабардинскимъ, Кабардинскій Казанскимъ и отправить его въ Россію, а изъ Россіи Казанскій, назвавъ Ширванскимъ, отослать на Кавказъ. Подобное передвиженіе, сопряженное съ большими затрудненіями и издержками, само собою, не могло быть предпринято, безъ особой настоятельной причины, и потому означенное повелѣніе осталось принятымъ къ свѣдѣнію. Иначе уже и не было возможности поступить.

Послѣ всѣхъ этихъ перипетій съ тремя полками, въ Петербургѣ всетаки не уяснили себѣ сути дѣла и, имѣя однако въ виду, что повелѣніе о именованіи прежними названіями

такъ или иначе должно же быть показано исполненнымъ, внесли въ хронику полковъ русской арміи такое сказаніе: «по распоряженію командира Кавказскаго корпуса, въ 1819 г. Казанскій и Кабардинскій полки были взаимно переименованы (?), 4-го ноября того же года большая часть Кабардинскаго полка (т. е. бывшаго Казанскаго) (?!) присоединена къ Ширванскому подъ одно съ нимъ названіе, а остатокъ (чей!) съ своими знаменами возвратился въ Россію подъ именемъ Казанскаго. Новый же Казанскій, т. е. бывшій Кабардинскій (?!) получилъ прежнее свое названіе Кабардинскій (?!) и такимъ образомъ Казанскій и Кабардинскій полки получили первоначальныя свои имена» (?).

«Такимъ образомъ» сочинитель вышеприведенныхъ строкъ ясно показалъ только одно, что онъ ничего не понялъ въ происшедшей путаницѣ, что онъ разсказалъ нѣчто, вовсе изъ распоряженій генерала Ермолова и изъ всѣхъ относящихся до этого предмета бумагъ неистекающее, а плодъ своей собственной фантазіи, потому что, какъ уже разсказано выше,— Кабардинскій полкъ названъ Ширванскимъ, Казанскій Кабардинскимъ, а остатки Ширванскаго и нѣсколько человѣкъ офицеровъ Казанскаго ушли обратно въ Россію кадрами съ именемъ Казанскаго полка.

И кончилось тѣмъ, что Кабардинскій полкъ, дѣйствительный, а не воображаемый, въ полномъ составѣ офицеровъ и солдатъ, закалившихся уже въ бояхъ на Кавказской линіи и за Кавказомъ въ теченіе 42-хъ лѣтъ (1777—1819), постоянно отличаемый всѣми главнокомандующими и посылаемый въ самыя опасныя предпріятія, всѣ дальнѣйшіе замѣчательные подвиги въ Дагестанѣ, Персіи и особенно въ Турціи 1828—29 г.г. (при взятіи и защитѣ Ахалцыха и проч.) совершалъ подъ чужимъ именемъ—Ширванскаго, между тѣмъ какъ подъ его именемъ, т. е. Кабардинскаго, содержалъ гарнизоны въ центрѣ Кавказской линіи по укрѣпленіямъ и станицамъ Казанскій полкъ.

Въ дѣйствительности этого можно убѣдиться изъ списка офицеровъ Ширванскаго полка, начиная съ 1820 г. и во время Персидской и Турецкой кампаній: все это Кабардинцы, слу-

жившие уже не первый десятокъ лѣтъ. Обстоятельства эти были причиною, что два баталіона Кабардинскаго полка (новаго, т. е. бывшаго Казанскаго), вытребованные въ 1827 году въ Персію, и оставшіеся тамъ и въ Турціи до конца 1830 года, не пользовались особымъ вниманіемъ и большею частью несли службу въ гарнизонахъ укрѣпленій, или въ прикрытіи обозовъ.

Однако, какъ будто уже судьбою было назначено имени Кабардинцевъ пользоваться боевой славой. Съ 1834 г. полкъ попалъ въ дѣйствующій отрядъ генерала Вельяминова за Кубань, къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, и исподволь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, подъ командою лихого полкового командира Пирятинскаго, имя полка стало упоминаться съ особой похвалой во всѣхъ реляціяхъ; а съ переходомъ полка на лѣвый флангъ, съ развитіемъ усиленныхъ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ, при цѣломъ рядѣ отличныхъ полковыхъ командировъ, слава все росла и достигла той высоты, на которой мы ее видимъ теперь. Имя Кабардинскаго полка вторично добыло себѣ ту извѣстность, которую потеряло, разставшись съ полкомъ его носившимъ, а Ширванскій, въ свою очередь, во все послѣдующее время пріобрѣлъ своему имени такую же громкую извѣстность одного изъ лучшихъ боевыхъ полковъ кавказской арміи.

Весь этотъ эпизодъ съ полкомъ вынудилъ меня въ изложеніи его исторіи придержаться уже фактическихъ послѣдствій распоряженія Ермолова, т. е. до 1820 года разсказывать все относившееся до стараго Кабардинскаго полка; то что пережилъ Казанскій полкъ до 1820 года, т. е. до наименованія Кабардинскимъ, я находилъ не относящимся до моего труда, это должно войти въ исторію нынѣ существующаго въ 16-й пѣхотной дивизіи Казанскаго полка; а то что происходило съ 1820 года съ старымъ Кабардинскимъ полкомъ, переименованнымъ въ Ширванскій, должно уже входить въ исторію этого полка.

Возвращаюсь къ ходу дѣлъ на линіи въ связи уже съ участіемъ въ нихъ новаго Кабардинскаго полка (бывшаго Казанскаго), которымъ командовалъ въ моментъ переименованія подполковникъ Подпрятовъ.

Обращая особенное вниманіе на Чечню, населеніе коей неугомоннѣе другихъ прилегающихъ къ Кавказской линіи племенъ, безпокоило насъ своими хищническими набѣгами, генералъ Ермоловъ считалъ необходимымъ изслѣдовать подробнѣе мѣстность за Сунжею, особенно въ отношеніи дорогъ, и поручилъ полковнику Грекову произвести обозрѣніе. 6-го марта 1820 г. Грековъ перешелъ Сунжу съ батальономъ Кабардинскаго и 6-ю ротами другихъ полковъ, при 500 казакахъ и тысячѣ человѣкъ мирныхъ чеченцевъ, имѣвшихъ при себѣ топоры для вырубки просѣки. — 7-го числа отрядъ двинулся къ р. Аргуну, повернулъ чрезъ Тепли къ Герменчику—одному изъ главнѣйшихъ ауловъ, богатому большимъ скотоводствомъ и удобными для хлѣбопашества землями. Послѣ жаркой перестрѣлки, аулъ Тепли былъ занятъ и разоренъ; подъ прикрытіемъ войскъ, чеченцы приступили къ рубкѣ лѣса по направленію къ Ташки-юрту, а 8-го и 9-го чиселъ прорублены слѣдующіе густые перелѣски къ Герменчику, такъ что проходъ сталъ удобнымъ и безопаснымъ. 10 числа отрядъ Грекова передвинулся къ Ханкальскому ущелью и прорубалъ здѣсь лѣсъ, закрывавшій дальнѣйшій проходъ въ земли чеченцевъ. Во время работъ непріятель велъ сильную перестрѣлку съ нашими войсками, но не выдерживалъ картечныхъ выстрѣловъ артиллеріи и попытки болѣе рѣшительныхъ атакъ кончились поспѣшнымъ бѣгствомъ и потерею нѣсколькихъ человѣкъ. До 15-го марта продолжалась рубка лѣса, открывшая свободный доступъ къ полянамъ за Ханкале лежащимъ; затѣмъ отрядъ возвратился въ Грозную.

Съ этого движенія отряда полковника Грекова слѣдуетъ считать начало системы дѣйствій посредствомъ рубки лѣсовъ въ Чечнѣ, системы, возобновленной настойчиво при князѣ Воронцовѣ, энергически продолженной при князѣ Барятинскомъ и приведшей къ блестящимъ результатамъ, которыхъ напрасно добивались наши войска съ громадными жертвами посредствомъ обыкновенныхъ набѣговъ и экспедицій. Мысль о рубкѣ просѣкъ обыкновенно приписывалась начальнику штаба при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, генералу Вельяминову, но намъ приходится обоимъ имъ отдать въ этомъ отношеніи пол-

ную справедливость, тѣмъ болѣе, что они съумѣли къ тому же для работы употребить самихъ-же чеченцевъ, съ ихъ собственными топорами, тогда какъ въ позднѣйшія времена рубка производилась солдатами и казенными топорами. Нужно впрочемъ сказать, что условія тогда были другія и самая рубка производилась не въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ.

Въ тоже время и на всѣхъ прочихъ театрахъ кавказской войны, въ Дагестанѣ, за Алазанью, за Кубанью, даже за Ріономъ, въ Гуріи и Имеретіи, не прекращались дѣйствія съ безпрерывно-возмущавшимися честолюбивыми владѣтельными ханами и князьями *). Вездѣ малочисленныя войска наши вели борьбу съ превосходившимъ ихъ въ десять разъ численностью непріятелемъ, ловкимъ, воинственнымъ, привычнымъ къ мѣстности, къ климату, обезпеченному продовольствіемъ и пріютомъ, но, не взирая на всѣ преимущества, терпѣвшимъ пораженія и неимѣвшимъ нигдѣ замѣтнаго успѣха: дисциплина, регулярный строй, беззавѣтное мужество и выносливость, содѣйствіе пушекъ, возмѣщали все: и количество, и плохое вооруженіе, и незнаніе мѣстности, непривычку къ климату, недостатокъ продовольствія и проч.

---

*) Для примѣра привожу здѣсь подлинное объявленіе генерала Ермолова, отъ 11 февраля 1820 года: «Вѣрноподданнымъ Великаго Россійскаго Государя, жителямъ Андреевскимъ, Аксаевскимъ и Костековскимъ объявляется: Сурхай-ханъ казикумыкскій, скрывая измѣнническія злодѣйскія свои намѣренія, доселѣ одними лживыми внушеніями возмущалъ противъ Великаго россійскаго государя народы дагестанскіе, наконецъ, нарушивъ данную па вѣрность и подданство присягу, собралъ шайку разбойниковъ, напалъ въ Чирахѣ на войска наши и въ то же время отправилъ сына своего противъ насъ въ помощь акушинцамъ. Въ наказаніе гнусной измѣны Чанки (т. е. незаконнорожденнаго) Хамбутая казикумыкскаго священнымъ именемъ великаго россійскаго императора въ достоинство казикумыкскаго хана возводится полковникъ Асланъ-ханъ кюринскій; владѣніе сіе, похищенное у него злодѣяніями Чанки Хамбутая, поручается ему въ управленіе за вѣрность и усердіе къ Его Имп. Велич. Во всѣхъ областяхъ россійскихъ въ здѣшней сторонѣ, воспрещается принимать жителей казикумыкскихъ, которые не будутъ имѣть паспортовъ за подписью полковника Асланъ-Хапа; войскамъ повелѣно преслѣдовать ихъ оружіемъ какъ непріятелей.

Я не касаюсь всѣхъ событій той эпохи, потому что это уже вывело бы меня за предѣлы моей задачи; а ограничиваюсь изложеніемъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ принималъ участіе Кабардинскій полкъ и только для связи и нѣкотораго освѣщенія вообще всей картины вскользь упоминаю объ общемъ ходѣ кавказскихъ событій. Полная картина происшествій, на и за Кавказомъ, за время управленія генерала Ермолова, должна войти въ исторію покоренія нами края и составить весьма поучительную и интересную страницу.

Въ продолженіе лѣта 1820 г. работы по обезпеченію лѣваго фланга линіи продолжались съ неослабѣвающею настойчивостью. При разоренномъ аулѣ Истису, при Аксаѣ, устроены укрѣпленія, въ Грозной и Внезапной усиливались оборонительные верки, строились казармы, помѣщенія для запасовъ и проч. На Сунжѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ большею частью переправлялись хищники, идя въ набѣги къ Тереку, возведенъ редутъ, названный Злобный Окопъ, и кругомъ его на большое разстояніе вырубленъ лѣсъ.

Чтобы связать возникавшую на Сунжѣ линію съ укрѣпленіями Кумыкской плоскости, отъ «Неотступнаго стана» (Истису) чрезъ Гудермесъ и Сунжу вырубленъ дремучій лѣсъ и открыта чрезъ нее дорога, обезпеченная на ружейный выстрѣлъ въ обѣ стороны. Покорные жители доставляли различные потребные при работахъ матеріалы и помогали своими людьми, высылая иногда до двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ съ топорами. Кумыки содержали въ это время караулы и разъѣзды, нерѣдко доставляли скотъ на порціи войскамъ. Совершенно упавшіе духомъ засунжскіе чеченцы ясно видѣли, что всѣ эти мѣры поставятъ ихъ въ скоромъ времени въ полную зависимость отъ русскихъ и что ихъ хищнической дѣятельности близится конецъ, они не тревожили насъ во время работъ и лѣто прошло безъ столкновеній.

Замѣчательно вѣрный взглядъ Алексѣя Петровича Ермолова на способъ окончательно усмирить Чечню, посредствомъ рубки просѣкъ и проложенія дорогъ, связывавшихъ Терекъ съ Сунжею, а ее чрезъ Гудермесъ съ Кумыкскою плоскостью, къ крайнему сожалѣнію, не былъ вполнѣ приведенъ въ ис-

полненіе и послѣ вовсе оставленъ. Только чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ этого опять приступили къ тѣмъ же Ермоловскимъ мѣрамъ, выдавая ихъ, впрочемъ, за свои изобрѣтенія...

Въ 1821 году генералъ Ермоловъ приказалъ тому же полковнику Грекову, (онъ командовалъ 43 Егерьскимъ полкомъ, расположеннымъ въ кр. Грозной) успѣвшему обратить на себя вниманіе благоразумною дѣятельностью и незаурядными военными способностями, наказать еще оставшуюся внѣ нашего вліянія часть качкалыковскихъ чеченцевъ, жившихъ восточнѣе Истису, и постоянно переходившихъ за Терекъ для нападеній. 1-го марта выступилъ Грековъ и двинулся къ аулу Ойсунгуръ, жители котораго бѣжали въ лѣса. Отсюда была прорублена просѣка чрезъ лѣсистый качкалыковскій хребетъ, отдѣляющій Кумыкскую плоскость отъ долины р. Мичикъ, и когда отрядъ нашъ появился въ этой еще не посѣщенной до того русскими мѣстности, качкалыковцы завязали перестрѣлку, думая воспрепятствовать работамъ; но попытка ихъ была безуспѣшна. Просѣка была довершена, толпы непріятельскія съ большимъ урономъ разсѣяны и отрядъ, потерявъ 3-хъ офицеровъ и до 30 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, возвратился на линію.

Въ 1821 году турецкимъ правительствомъ стали распускаться слухи о разрывѣ мира съ Россіею. Это имѣло большое вліяніе на настроеніе горцевъ, начинавшихъ уже успокоиваться. Привыкшіе видѣть въ султанѣ сильнѣйшаго монарха въ свѣтѣ, естественнаго покровителя всѣхъ мусульманъ, всегда готовые вѣрить во все, что противно пользамъ русскихъ, легковѣрные, легко возбуждаемые, они думали, что война съ Турціей поставитъ насъ въ такое затрудненіе, что намъ не съ чѣмъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ и они могутъ начать безнаказанно хозяйничать въ нашихъ станицахъ и селахъ по кавказской линіи. Первые откликнулись кабардинцы, какъ центральное племя, вообще пользовавшееся большимъ вліяніемъ, особенно за Кубанью и въ верхнихъ частяхъ при-теречной плоскости. Ихъ спокойствіе было всегда одною изъ важнѣйшихъ заботъ кавказскаго начальства, пото-

му что чрезъ Кабарду пролегалъ единственный путь, связывавшій Россію съ Закавказьемъ: она же раздѣляла правый флангъ кавказской линіи отъ лѣваго и вообще занимала самое важное стратегическое положеніе въ центрѣ, имѣя возможность дѣйствовать и на оба наши фланга, и на сообщенія.

Генералъ Ермоловъ на кабардинцевъ обращалъ постоянно особое вниманіе, устроилъ у нихъ народное управленіе и судъ, каждый годъ по два-три раза самъ туда ѣздилъ, то наказывалъ, то прощалъ, то награждалъ многихъ изъ ихъ вліятельныхъ князей и т. д. Но водворить прочный порядокъ и подчинить ихъ постояннному надзору русской власти все неудавалось.

Въ 1821 году, какъ уже сказано, вслѣдствіе слуховъ о предстоящемъ будто бы разрывѣ съ Турціею, утихшія волненія среди горцевъ возобновились и генералъ Ермоловъ вынужденъ былъ поручить четыремъ отдѣльнымъ отрядамъ энергически дѣйствовать для предупрежденія общаго взрыва. За Алазань, въ землю джарскихъ лезгинъ, посланъ князь Эристовъ, въ Чечню, за Сунжу, приказано двинуться полковнику Грекову, а въ Кабардѣ артиллеріи полковнику Коцыреву, съ колонной изъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, артиллеріи и части казаковъ, поручено проникнуть въ самыя ея отдаленныя ущелья, населенія которыхъ считало себя обезпеченнымъ отъ нашего наказанія, и разочаровать ихъ въ этомъ отношеніи. Съ Коцыревымъ должны были соединиться двѣ небольшія колонны, сформированныя въ с. Солдатскомъ. Въ то же время и за Кубанью дѣйствовалъ особый не большой отрядъ, отвлекавшій черкесъ отъ помощи кабардинцамъ.

Полковникъ Коцыревъ открылъ свои дѣйствія 2 января вторженіемъ въ Малую Кабарду, гдѣ и разорилъ хищническіе аулы Баташева и Анзорова, жители которыхъ успѣли однако заблаговременно укрыть свои семейства въ дальнихъ горныхъ ущельяхъ. 4-го числа, переправясь чрезъ р. Шагвалу, отрядъ разорилъ аулъ мурзы Кудякова, при чемъ въ перестрѣлкѣ убито нѣсколько извѣстныхъ кабардинскихъ предводителей хищническихъ шаекъ. Подвигаясь къ горамъ, войска истребили лежавшіе по пути аулы, принадлежавшіе

извѣстнымъ участникамъ въ набѣгахъ, а жители заранѣе бѣжали съ семействами въ дальніе лѣса, гдѣ и укрывались безъ особенныхъ неудобствъ, потому что зима была очень теплая. 10 числа полковникъ Коцыревъ разсѣялъ значительную партію кабардинцевъ въ ущельи Вогоцико и возвратился на линію, потерявъ за это время однаго офицера и 21 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Въ февралѣ полковникъ Коцыревъ выступилъ съ своимъ отрядомъ на р. Баксанъ. 17 числа онъ двинулся вверхъ до Кисбуруна и въ ущельи отбилъ принадлежавшій кабардинцамъ скотъ; за тѣмъ въ теченіе трехъ дней истреблено нѣсколько разбойническихъ ауловъ и непріятелю, пытавшемуся оказывать сопротивленіе, нанесено совершенное пораженіе. Дѣло это стоило намъ однаго офицера и 20-ти человѣкъ.

11 марта отрядъ опять пошелъ уже по другому направленію, къ горамъ, и въ теченіе семи дней, при безпрестанныхъ перестрѣлкахъ, были истреблены многіе упорствовавшіе аулы, забрано немало скота и лошадей, а 19 марта войска возвратились въ свой лагерь, потерявъ всего 6 человѣкъ.

Многіе кабардинцы изъявили готовность покориться, поселиться на плоскости подъ нашимъ надзоромъ, вообще подчиниться нашимъ требованіямъ; но нѣкоторые князья удерживали ихъ подъ угрозами разоренія и даже дѣйствительно нападали на изъявлявшихъ покорность, отнимали у нихъ скотъ, уводили семейства и проч.

Для наказанія этихъ злоумышленниковъ, 25 марта и 4 апрѣля были предприняты усиленныя движенія по затруднительнымъ дорогамъ, чрезъ ущелье Чегемское и разорены нѣсколько ауловъ. Тоже повторилось 17 апрѣля, причемъ кабардинцы рѣшились упорно защищать аулъ Аджи-Тамеевъ и, засѣвъ въ домахъ, встрѣтили войска сильнымъ огнемъ. Двумъ ротамъ Кабардинскаго полка приказано было взять аулъ штыками,— что и было исполнено, а изъ защитниковъ почти никто не спасся. У насъ убитъ офицеръ и 6-ть солдатъ *).

*) За всѣ эти дѣла въ полкъ получено для нижнихъ чиновъ 22 георгіевскихъ креста.

Въ 1822 году генералъ Ермоловъ, убѣждаясь, что для водворенія въ Кабардѣ полнаго спокойствія, удержанія ея жителей отъ разбойническихъ набѣговъ и подчиненія ихъ нашему управленію, необходимо прочно занять страну, возведя въ ней рядъ укрѣпленій, постоянно занятыхъ русскими гарнизонами, произвелъ лично подробное обозрѣніе всего пространства отъ р. Малки до горъ, по ущельямъ рѣкъ, прорѣзывающихъ Кабарду и составилъ цѣлый планъ ихъ занятія, а также перенесенія части кавказской линіи съ низменной плоскости, гдѣ свирѣпствовали лихорадки, изнурявшія расположенныя здѣсь команды. Испросивъ на это разрѣшеніе Государя, Алексѣй Петровичъ распорядился приведеніемъ всѣхъ этихъ предположеній въ исполненіе. Главная роль въ этомъ случаѣ досталась Кабардинскому пѣхотному полку *), который и строилъ новыя укрѣпленія, и занималъ ихъ, и соотвѣтственно своему названію получилъ совершенно спеціальное порученіе держать въ повиновеніи всю Кабарду, наблюдая за верхнимъ теченіемъ Кубани, изъ за которой, подъ предводительствомъ бѣглыхъ кабардинцевъ, прорывались значительныя партіи абадхезовъ и другихъ черкесъ. Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, полкъ, какъ прежде старый Кабардинскій на Алазани оберегалъ Грузію отъ лезгинъ, въ этотъ разъ удерживалъ Кабарду въ спокойствіи и оберегалъ центръ кавказской линіи отъ набѣговъ хищниковъ черкесскихъ, постоянно находясь въ полной готовности двинуться на угрожаемые пункты, преслѣдуя или прогоняя партіи, бѣгая по тревогамъ, исполняя, однимъ словомъ, трудную, безпокойную кордонную службу, болѣе свойственную конницѣ.

Въ числѣ подобныхъ стычекъ съ хищническими партіями случались однако и неудачныя. Такъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1823 г. двѣ роты Кабардинскаго полка, расположенныя въ стан. Невинномысской для охраны переправы и не допущенія здѣсь большихъ партій прорываться и возвращаться чрезъ Кубань, благодаря безпечности капитана Цыклаурова, допустили въ

*) До 1823 года штабъ-квартира полка была въ Екатериноградѣ, а съ этого времени въ новой крѣпости Нальчикъ. Напоминаю читателю, что рѣчь идетъ о Казанскомъ полкѣ, названномъ Кабардинскимъ.

близкомъ сосѣдствѣ значительную партію черкесъ разграбить стан. Круглолѣскую, въ которой захвачено 324 души въ плѣнъ, убито и ранено 80 человѣкъ, угнанъ скотъ и лошади—около 1,400 головъ, а въ ротахъ потеря заключалась изъ 1 убитаго офицера, 1 унтеръ-офицера, и 15 рядовыхъ, да ранено 6 рядовыхъ.

Въ 1824 году, въ октябрѣ, въ Кабардѣ вспыхнуло возмущеніе и нѣкоторые изъ владѣльцевъ прежде чѣмъ бѣжать за Кубань, съ помощью партіи черкесъ, напали на наше село Солдатское, на р. Малкѣ, и разграбили его. Они были нагнаны нашими ротами въ одномъ тѣсномъ ущельи и, обремененные добычею и плѣнными, могли быть сильно наказаны, но командовавшій въ то время полкомъ подполковникъ Булгаковъ оказался робкимъ человѣкомъ и не рѣшился ударить на непріятеля. Генералъ Ермоловъ тотчасъ же и уволилъ его отъ службы,

Такая кордонная служба полка лишила его возможности принимать участіе во многихъ славныхъ дѣлахъ, происходившихъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ между 1822—25 годами; только возгорѣвшаяся война съ Персіей вызвала ряды полка на новое поприще дѣйствій въ Малой Азіи.

XXIV.

Обстоятельства приведшія къ войнѣ съ Персіею. — Посольство Ермолова и продолжительныя старанія избѣжать разрыва. — Посольство князя Меньшикова и неожиданное вторженіе персіянъ въ Грузію.—Кампанія 1826 года.—Оставленіе Ермоловымъ Кавказа и назначеніе Паскевича.

Съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи и прочнымъ занятіемъ ея нашими войсками въ сосѣднихъ мусульманскихъ государствахъ, ихъ вассальныхъ владѣніяхъ и разныхъ вольныхъ обществахъ возникла противъ русскихъ сильная вражда. Особенно отличалась этимъ Персія, какъ наиболѣе заинтересованная, простиравшая свои права не только на граничащія съ Грузіею ханства карабахское, шекинское, ганжинское, съ мусульманскимъ населеніемъ, но даже и на самую Грузію, которая въ своей безпомощности, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, раздираемая внутренними раздорами и безурядицей, нерѣдко подвергалась безнаказанному разоренію персіянами, платила имъ дань деньгами и юношами обоихъ половъ, признавала отчасти надъ собою власть и верховенство шаховъ. Все это, съ водвореніемъ русскихъ за Кавказомъ, должно было разомъ прекратиться и, конечно, возбуждало крайнее озлобленіе людей, терявшихъ не только случаи проявлять властолюбіе, но и наживаться добычею. Такія отношенія привели насъ къ войнѣ съ Персіею.

Въ теченіе почти десяти лѣтъ (1804—1813) длилась война, въ которой на сторонѣ непріятеля были всѣ преимущества: и многочисленность, и привычка къ климату, сочувствіе и содѣйствіе туземнаго населенія, удобство продовольствія и проч., но все это не могло устоять противъ доблести и героизма нашихъ войскъ, предводимыхъ такими людьми какъ князь Циціановъ, генералъ Котляревскій, полковникъ Каря-

гинъ и другіе. Персіяне много разъ были разбиты на голову, крѣпости ихъ—Ленкорань, Ганжа, Баку—были взяты штурмомъ, вассальныя ханства покорены и присоединены къ Россіи. Однимъ словомъ, вездѣ пораженная Персія, обманутая въ своихъ надеждахъ на нашествіе Наполеона и отвлеченіе насъ европейскими войнами, вынуждена была покориться своей участи и просить мира, который и былъ заключенъ 12-го октября 1813 года въ Гюлистанѣ. Всѣ завоеванныя нами провинціи были утверждены за Россіею, а для проведенія окончательныхъ границъ назначены особые чиновники.

Персидское правительство не теряло однако же надежды возвратить хоть часть отнятыхъ у него земель и вскорѣ послѣ заключенія мира отправило съ этою цѣлью особаго посла въ Петербургъ. За отсутствіемъ тогда императора Александра I въ Парижѣ, послу этому пришлось долго прожить въ Россіи. Наконецъ Государь возвратился, принялъ посла, поднесшаго собственноручное письмо отъ шаха (т. е. съ его печатью, ибо великіе люди на востокѣ сами никогда не умѣютъ писать), и въ доказательство дружественнаго расположенія назначилъ генерала Ермолова чрезвычайнымъ посломъ къ шаху, съ тѣмъ, чтобы во всемъ, сколько возможно, соотвѣтствовать желаніямъ шаха и сохранить дружелюбное его расположеніе.

Генералъ Ермоловъ, назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальникомъ Кавказскаго края, выѣхалъ вслѣдъ за персидскимъ посольствомъ въ Грузію, (1816 г.) гдѣ пробылъ нѣкоторое время для обозрѣнія границъ и соображенія: можно-ли безъ вреда намъ сдѣлать персіянамъ какую нибудь уступку и допустить измѣненіе границъ, безъ ихъ ослабленія.

Подробности интереснаго посольства Алексѣя Петровича Ермолова не относятся до моего предмета и потому я объ немъ нераспространяюсь,—желающіе могутъ обратиться къ запискамъ Ермолова. (т. 2-й изд. 1868 г.).

Дружбы съ Персіей установить это посольство не могло: нашъ посолъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ дорожилъ достоинствомъ представляемой имъ Имперіи, не допуская ни въ чемъ, ни даже въ мелочныхъ этикетахъ и церемоніяхъ, ни малѣйшаго снисхожденія; неудачныя попытки персіянъ его

одурачивать, запугивать своимъ могуществомъ, а также выказывать въ глазахъ своего народа относительное ничтожество русскаго посла и т. п. восточно-дипломатическіе пріемы, неимѣвшіе никакого успѣха, возбуждали еще больше враждебности въ важнѣйшихъ дѣятеляхъ Персіи—наслѣдникѣ шахскаго престола Аббасъ-Мирзѣ, эриванскомъ ханѣ—родственникѣ шаха—и другихъ вліятельныхъ людяхъ. Само собою, все это скрывалось пока подъ личиною тончайшихъ вѣжливостей и низкопоклонныхъ фразъ, но отъ проницательнаго человѣка не могло ускользнуть затаенное озлобленіе, впрочемъ естественное у всякаго побѣжденнаго къ побѣдителю. Манера генерала Ермолова держать себя, его отказъ снять сапоги и явиться къ шаху въ чулкахъ и туфляхъ, какъ это принято въ Персіи, при представленіи царствующимъ особамъ, его поѣздки рядомъ съ Аббасъ-Мирзою, тогда какъ этотъ старался быть хотя немного впереди, и т. п. тѣмъ болѣе должны были вызывать затаенное неудовольствіе, что другіе европейскіе послы и представители поступали совсѣмъ иначе; посольства Остиндской кампаніи являлись съ особенною пышностью и расточительностію, сорило деньгами и дорогими подарками, заискивая у сильныхъ людей и возбуждая ихъ противъ Россіи, изъ опасенія чтобы она не получила преобладающаго вліянія въ близкомъ сосѣдствѣ съ Индіею. Наполеонъ, изыскивавшій всѣ средства вредить Россіи, прислалъ въ 1811 году въ Персію генерала Гордона и этотъ, чтобы только вкрасться въ довѣріе персіянъ, угождалъ имъ во всемъ, надѣвалъ красные чулки и т. д. Англійскій посланникъ и разные британскіе агенты, имѣющіе исключительные виды на торговыя преимущества, тоже соблюдали всѣ нелѣпыя требованія персидскаго этикета и ходили въ чулкахъ не только къ шаху или принцамъ, но даже къ каймаканамъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, по его собственному выраженію, «не пріѣхалъ въ Персію ни съ чувствомъ наполеоновскаго шпіона, ни съ прибыточнымъ расчетомъ прикащика купечествующей націи», а потому не согласился на красные чулки и т. п глупости.

Французы стремились создать въ Персіи болѣе регулярную и грозную военную силу, чтобы самимъ руководить ея дѣй-

ствіями и тѣмъ ослаблять Россію, парализуя ея могущество въ европейскихъ дѣлахъ. Аббасъ-Мирзѣ мысль объ регулярной арміи очень понравилась и онъ настоялъ у шаха на ея сформированіи. Кромѣ надежды при помощи регулярныхъ войскъ легче одержать побѣды надъ русскими, возвратить потерянныя провинціи, возстановить свою военную славу онъ разсчитывалъ и укрѣпить свои шансы на престолъ послѣ смерти шаха, причемъ созданныя и протежируемыя имъ регулярныя войска были бы для него лучшею поддержкою, на случай неизмѣнно возникающей междуусобной войны среди безчисленныхъ сыновей и племянниковъ персидскихъ государей. Само собою, при такомъ положеніи дѣлъ, французскіе офицеры пріобрѣтали сильное вліяніе на дворъ и на ходъ дѣлъ въ государствѣ, и это тотчасъ возбудило подозрительность англичанъ, ревниво охраняющихъ свои интересы и корыстные виды. Въ Персію явились новыя ихъ посольства съ баснословно щедрыми подарками; подкупами и раболѣпными ухаживаніями за всякимъ мало-мальски вліятельнымъ лицомъ имъ удалось устранить французовъ; они дали своихъ офицеровъ и сержантовъ инструкторами новоформирующихся сарбазовъ и замбураки (пѣхоты и артиллеріи) *), снабдили ихъ ружьями и пушками, однимъ словомъ замѣнили французовъ и когда вспыхнула война Персіи съ Россіею, не взирая на тогдашнее дружественное союзничество Англіи съ Россіею противъ общаго непріятеля — Наполеона, англійскіе офицеры участвовали въ дѣйствіяхъ персіянъ противъ насъ...

Персіяне льстили себя надеждами несбыточными: думали получить назадъ Карабахскую провинцію, одну изъ богатѣйшихъ закавказскихъ областей, жители которыхъ столько натерпѣлись отъ Персіи и своихъ хановъ, что совершенно добровольно подчинились русской власти. При всемъ искреннемъ желаніи поддержать добрыя отношенія съ Персіей, такъ далеко уступчивость Россіи, конечно, не могла простираться.

---

*) Усердіе этихъ учителей простиралось такъ далеко, что на ученіяхъ они били палками не только солдатъ, но и офицеровъ, и даже самаго баталіоннаго командира (сарганъ), какъ о томъ свидѣтельствуютъ въ своихъ секретныхъ запискахъ сопровождавшіе посольство Ермолова лица: Н. Н. Муравьевъ (Карскій), князь В. О. Бебутовъ, Бороздна и другіе.

Единственный пунктъ, на которомъ должно было состояться окончательное соглашеніе, заключался въ слѣдующемъ: персіяне со времени заключенія Гюлистинскаго трактата все еще занимали часть страны между рѣками Капанакчаемъ и Чудуромъ, уступленной Россіи, а русскіе, въ свою очередь, занимали небольшой участокъ земли близь озера Гокчи, принадлежавшій Персіи. Уступчивость и миролюбіе наше въ этомъ случаѣ выразились въ томъ, что мы не только изъявили согласіе немедленно обмѣняться означенными участками, какъ того требовалъ трактатъ, но мы даже предоставляли Персіи остаться совсѣмъ при занятыхъ земляхъ, что для нея было крайне выгодно, ибо участокъ между Капанакчаемъ и Чудуромъ былъ гораздо значительнѣе и плодороднѣе той небольшой полосы у озера Гокчи, на которой были расположены нѣкоторые наши мелкіе пограничные посты.

Цѣлыхъ восемь лѣтъ длились нескончаемые переговоры, то чрезъ посылаемыхъ въ Тифлиссъ особыхъ персидскихъ дипломатовъ, то письменно, то отъ имени Аббасъ-Мирзы, выпрашивавшаго между прочимъ у насъ въ займы 100,000 руб. золотомъ, то отъ самаго шаха, пока наконецъ состоялось соглашеніе обмѣняться участками согласно трактату.

Однако Алексѣй Петровичъ Ермоловъ успѣлъ достаточно изучить персіянъ, узнать подробно наслѣдника престола Аббасъ-Мирзу, враждебно къ намъ настроеннаго, и къ тому же получалъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ тамъ происходившемъ отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Мазаровича, и въ письмахъ своихъ къ государю и къ графу Несельроде постоянно выражалъ ко всѣмъ персидскимъ дружественнымъ, миролюбивымъ заявленіямъ полное недовѣріе, убѣжденный, что они непремѣнно воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ объявить намъ войну, для чего усердно готовятъ свои войска и особенно артиллерію. Это побуждало Ермолова нѣсколько разъ просить объ усиленіи кавказскаго корпуса.

И дѣйствительно, не взирая на соглашеніе, на подарки, любезности и проч., дѣло о границахъ не получало конца, Аббасъ-Мирза все болѣе злорадствовалъ, возбуждалъ закавказскихъ мусульманъ и дагестанскихъ горцевъ противъ насъ,

принималъ къ себѣ и оказывалъ покровительство бѣжавшему царевичу Александру и другимъ лицамъ, удалившимся изъ Грузіи и т. п. Наконецъ продолжалъ настаивать на новомъ разграниченіи, требуя возвращенія Ленкорана и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Въ августѣ 1825 г., генералъ Ермоловъ уже писалъ объ этомъ въ Петербургъ, не ручаясь чтобы персіяне не открыли военныхъ дѣйствій совершенно неожиданно.

Императоръ Александръ 1-й не раздѣлялъ опасеній Ермолова и, безъ сомнѣнія по докладамъ графа Несельрода, тоже убѣжденнаго въ миролюбіи Персіи, писалъ Ермолову 29-го сентября 1825 г. изъ Таганрога, чтобы употреблены были всѣ мѣры къ охраненію мира съ шахомъ, отнюдь не доводя до войны, для насъ тѣмъ болѣе невыгодной, что войскамъ было довольно дѣла у себя, на Кавказѣ, для усмиренія вспыхнувшаго возстанія въ Чечнѣ, безпорядковъ въ Кабардѣ и проч.

Императоръ Николай, вскорѣ по вступленіи на престолъ, 11 января 1826 года, тоже писалъ Ермолову, что онъ, разсмотрѣвъ все относящееся до дѣлъ съ Персіей, призналъ необходимымъ удерживать заключенный съ нею миръ на основаніи Гюлистанскаго договора, доколѣ сама она не нарушитъ его; что при безпокойномъ положеніи кавказскихъ горцевъ, требующихъ усмиренія, при возникающихъ съ Турціею недоразумѣніяхъ и общемъ тогда положеніи дѣлъ въ Европѣ, неблагоразумно не только помышлять о разрывѣ, но даже умножать взаимныя съ персіянами неудовольствія. А для болѣе дѣйствительнаго укрѣпленія дружественныхъ отношеній къ шаху, подъ предлогомъ извѣстить о кончинѣ императора Александра 1-го и о вступленіи на престолъ Николая, отправленъ князь Меньшиковъ въ Тегеранъ. При проѣздѣ чрезъ Тифлиссъ, онъ сообщилъ А. П. Ермолову, что лишь бы только избѣжать разрыва съ Персіей, государь рѣшился наконецъ уступить имъ и полуденную часть Талышинскаго ханства.

Все это ни къ чему не повело: Аббасъ-Мирза, Алаяръ-ханъ и нѣкоторые другіе, самые приближенные къ шаху лица, непремѣнно хотѣли войны, чрезъ высшее духовенство разжигали въ народѣ фанатическую ненависть къ русскимъ и же-

ланіе возвратить себѣ единоплеменниковъ, подпавшихъ власти гяуровъ. Зная незначительное число русскихъ войскъ за Кавказомъ, разбросанность ихъ, безпокойства, возбуждаемыя горскими племенами, а съ другой стороны весьма самонадѣянный и увѣренный въ высокихъ качествахъ своихъ войскъ, образованныхъ англійскими офицерами, Аббасъ-Мирза былъ убѣжденъ въ побѣдѣ, въ возможности возвратить всѣ потери предшествовавшей несчастной войны, а при счастіи даже объ изгнаніи русскихъ изъ Грузіи, ближайшій сосѣдъ которыхъ сардарь Эриванскій, крайне враждебно настроенный противъ насъ и лично противъ Ермолова, не особенно низкопоклонно съ нимъ обошедшагося при проѣздѣ черезъ Эривань, постоянно подстрекали болѣе миролюбиваго шаха къ начатію войны.

Князь Меньшиковъ былъ принятъ съ почестями Аббасъ-Мирзой и шахомъ, который чрезвычайно обрадовался богатому подарку — хрустальной кровати въ серебрянной оправѣ. По депешамъ Меньшикова, ничего враждебнаго непредвидѣлось. На границѣ вездѣ было тихо; можно было еще надѣяться на мирное улаженіе дѣлъ, какъ вдругъ, безъ всякаго предваренія, въ половинѣ іюля 1826 г., сардарь эриванскій съ большими силами напалъ на небольшой постъ нашъ у Микрака, захватилъ 9 человѣкъ донскихъ казаковъ и нѣсколько татаръ милиціонеровъ въ плѣнъ, разорилъ до тла село Малая Караклиса, вблизи укр. Гумри, (Александрополь) и угналъ весь полковой табунъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, бывшій въ окрестностяхъ на пастьбѣ. Находившійся для защиты границы, съ однимъ батальономъ и двумя орудіями, командиръ Тифлисскаго полка полковникъ Севарсамидзе *) вынужденъ былъ отступить къ Гумры, пробивая себѣ дорогу сквозь нѣсколько тысячъ окружившихъ его Персіянъ.

Тальшинскій ханъ тогда же возмутилъ своихъ подвластныхъ и, напавъ на разбросанный по границѣ Каспійскій морской батальонъ, на половину истребилъ его. Въ то же время самъ Аббасъ-Мирза переправился чрезъ Араксъ у Ху-

*) Старый кабардинецъ, одинъ изъ лучшихъ въ началѣ пребыванія въ Грузіи полка ротныхъ командировъ.

доперы и вторгнулся въ Карабахъ, въ которомъ находилось всего 9-ть ротъ 42 Егерскаго полка, съ однимъ донскимъ полкомъ и 6-ю орудіями; часть этихъ войскъ (три роты, два орудія, сотня казаковъ) были расположены отдѣльно, въ гористой части Карабаха, и при первыхъ извѣстіяхъ о вторженіи непріятеля имъ было послано приказаніе немедленно выступить въ Шушу, для соединенія съ прочими ротами. На пути эта колонна была затруднена скверною гористою дорогою и возмутившимися жителями, а за тѣмъ, въ тѣснинѣ, атакована массою персіянъ и большею частью истреблена; остальные вмѣстѣ съ начальникомъ колонны подполковникомъ Назимко и нѣсколькими офицерами взяты въ плѣнъ. Крѣпость же Шуша, въ которой командиръ 42-го Егерскаго полка полковникъ Реутъ успѣлъ сосредоточить всего 6 ротъ, при 4-хъ орудіяхъ и нѣсколькихъ казакахъ, была блокирована Аббасъ-Мирзою и всякое сообщеніе съ Грузіею прервано. Куртинская конница пробралась дальше внутрь Грузіи и въ 60-ти верстахъ отъ Тифлисса разорила нѣмецкую колонію Екатериненфельдъ. Одна рота, прикрывавшая провіантскій транспортъ, слѣдовавшій на Балыкчайскій постъ, была атакована многочисленнымъ скопищемъ и, послѣ упорнѣйшей защиты, уничтожена; спаслись только 38 человѣкъ, пробившихся въ лѣсъ и оттуда достигшихъ Тифлисса, гдѣ и сообщили печальное извѣстіе. Остальные же 125 человѣкъ, вмѣстѣ съ двумя офицерами, пали мертвыми, или тяжело раненые остались въ рукахъ непріятеля. Ханства Ширванское и Талышинское возмутились. Къ подвластнымъ Россіи мусульманскимъ владѣльцамъ и горскимъ обществамъ были отправлены прокламаціи слѣдующаго содержанія: «нынѣ я, Божіею милостію шахъ Персіи, Грузіи и Дагестана, (!!) по окончаніи поста Рамазана, буду съ войсками въ Тифлиссѣ (!!) и очищу васъ отъ русскаго порабощенія; буде же сего не учиню, то не буду въ свѣтѣ шахъ Персіи. Вскорѣ пришлю къ вамъ бывшаго шекинскаго хана съ большимъ войскомъ и деньгами для подарковъ, а до того старайтесь гдѣ можно причинять русскимъ вредъ и собирайте запасы продовольствія».

Посланникъ князь Меньшиковъ, по полученнымъ чрезъ ар-

мянское духовенство свѣдѣніямъ, былъ въ разныхъ мѣстахъ на обратномъ пути, подъ пустыми предлогами, задерживаемъ, а наконецъ 4-го августа въ Эривани совсѣмъ остановленъ и подвергнутъ строгому надзору; бумаги, отъ него или къ нему посланныя, захватывались и ему едва удалось послѣ выбраться изъ Эривани.

Первыя удачи персіянъ, какъ водится, разсказывались въ преувеличенномъ видѣ по всему Кавказу и умы нашего мусульманскаго населенія стали колебаться, горцы зашевелились, пограничные турки тоже приняли угрожающій видъ. Генералъ Ермоловъ, неполучавшій еще просимыхъ подкрѣпленій, вынужденъ былъ оставаться въ оборонительномъ положеніи и даже усилить войска на кавказской линіи, чтобы удержать тамъ нѣкоторый порядокъ.

Критическій обзоръ дѣйствій генерала Ермолова на Кавказѣ вообще и въ эпоху возникновенія войны съ Персіей въ особенности, не входитъ въ мою программу; но нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ случаѣ онъ не свободенъ отъ вполнѣ заслуженнаго упрека: самъ онъ въ теченіи десяти лѣтъ относился съ недовѣріемъ къ Персіи, а въ послѣднее время въ письмахъ къ Государю и графу Несельроде постоянно повторялъ, что война неизбѣжна; а между тѣмъ никакихъ мѣръ къ лучшему обезпеченію границы, къ внушенію мѣстнымъ частнымъ начальникамъ крайней осторожности непринялъ и далъ себя захватить въ расплохъ, позволивъ непріятелю одержать успѣхи, не соотвѣтствующіе ни его воинскому искусству, ни тѣмъ болѣе его мужеству; успѣхи, ставшія возможными единственно только благодаря оплошности, неожиданности, неготовности къ оборонѣ. Недостатками войскъ всего этого нельзя оправдать, потому что послѣ первыхъ происшествій, до прибытія подкрѣпленій, съумѣли же остановить дальнѣйшіе успѣхи персіянъ. Нельзя также оправдывать такую непредусмотрительность тѣмъ, что высшее правительство невѣрило въ коварные замыслы Персіи, въ возможность открытія шахомъ противъ Россіи войны и настаивало на исканіи дружественныхъ отношеній: мѣстный начальникъ долженъ былъ сообразоваться съ этимъ, но не подчинять судьбу границъ го-

сударства случайностямъ, тѣмъ болѣе что самъ же онъ былъ противнаго убѣжденія.

Неудивительно, что императоръ Николай, получивъ первыя донесенія Ермолова о вторженіи непріятеля, писалъ ему 1-го августа: «съ прискорбіемъ читалъ я донесеніе ваше. Сколь не избѣгалъ я войны, сколь не избѣгалъ до крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство Россіи могло терпѣть отъ наглости сосѣдей, безумныхъ и неблагодарныхъ»; а 10-го августа изъ Москвы же, по поводу прискорбныхъ происшествій на границѣ, выразился, что «съ душевнымъ прискорбіемъ и, не-скрою, съ изумленіемъ читалъ донесеніе, изъ коего видно, что русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали и истребляли, и что, какъ видно, вездѣ оказалась оплошность неимовѣрная и никакихъ приготовленій къ предвидѣннымъ военнымъ обстоятельствамъ». Упрекъ вполнѣ заслуженный.

Положеніе наше на Кавказѣ было въ эту минуту почти критическое. Войска были разбросаны малыми частями на огромныхъ пространствахъ, безъ прочно обезпеченныхъ между собою сообщеній; сосредоточивать ихъ было трудно, потому что вездѣ присутствіе ихъ было крайне важно. Ахалцыхскій паша, въ дѣйствіяхъ своихъ не совсѣмъ соображавшійся даже съ настроеніемъ турецкаго правительства, не прекращалъ тайныхъ сношеній съ Грузіей, Абхазіей и Иметеріей, возбуждая недовольныхъ мѣстныхъ аристократовъ противъ русской власти и обѣщая имъ помощь; лезгины, подстрекаемые бѣглыми ханами и царевичемъ Александромъ, готовились возобновить, по старой привычкѣ, вторженія въ Грузію; за-кавказскія мусульманскія провинціи, руководимыя духовенствомъ и своими ханами, потерявшими при русскомъ управленіи прежнюю безграничную власть, явно волновались и первое появленіе непріятеля вблизи ихъ было бы искрой для общаго пожара, между тѣмъ ихъ спокойствіе было чрезвычайно важно, потому что они занимали важнѣйшія мѣстности на сообщеніяхъ Закавказья съ центромъ, Тифлиссомъ, и безъ ихъ содѣйствія самое продовольствіе войскъ становилось почти невозможнымъ. За Кубанью, въ Чечнѣ, Кабардѣ и Дагестанѣ приходилось и безъ того стоять съ ружьемъ у ноги, въ ежеми-

нутномъ ожиданіи набѣговъ или возмущеній. И тѣмъ не менѣе не приготовленность и оплошность отвергаемы быть не могутъ; первыя неудачи и пораженія могли быть предотвращены. Къ счастью, особенно дурныхъ послѣдствій онѣ не имѣли: всѣ наши непріятели, не взирая на свою многочисленность и благопріятствовавшія имъ мѣстныя условія, отличались непривычкою къ подчиненію, отсутствіемъ единства, совершеннымъ незнаніемъ даже азбучныхъ правилъ военной науки и, въ большинствѣ, самою обыкновенною трусостью. Гдѣ же имъ было бороться противъ нашихъ геройски мужественныхъ войскъ, хотя и появлявшихся постоянно въ пропорціи одинъ къ десяти? Неудивительно, поэтому, что и въ этотъ разъ, при возникновеніи войны, какъ только удалось собрать нѣсколько баталіоновъ и подготовиться къ встрѣчѣ съ непріятелемъ, все ограничилось для него первыми успѣхами, а за тѣмъ наступила эпоха пораженій безпримѣрныхъ.

И такъ началась война.

Въ теченіе первой половины ея, Кабардинскій полкъ былъ занятъ охраненіемъ спокойствія въ Кабардѣ и обезпеченіемъ чрезъ то свободнаго сообщенія Закавказья съ Россіей, на пространствѣ между Владикавказомъ и Георгіевскомъ.

Какъ образчикъ службы полка среди кавказскихъ горцевъ, разскажу одно изъ характеристическихъ происшествій относящихся къ той эпохѣ. Команда Кабардинскаго пѣхотнаго полка, состоявшая изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 35-ти рядовыхъ, будучи послана 29-го марта 1826 года изъ Ардонскаго поста, для препровожденія нѣсколькихъ ротныхъ повозокъ съ амуниціею и солдатскими женами, была внезапно атакована шайкой хищниковъ, выѣхавшихъ изъ закрытыхъ лѣсомъ мѣстъ. Горцы мгновенно бросились на команду, но унтеръ-офицеръ Пучковъ, не потерявъ присутствія духа, встрѣтилъ ихъ залпомъ; пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, команда быстро устроила изъ обоза каре и вступила въ перестрѣлку. Хищники, озлобленные первою неудачею, два раза бросались въ шашки, но наши солдаты, прикрываясь телѣгами, встрѣчали ихъ въ упоръ залпами и за тѣмъ бросались въ штыки, съ криками ура! Это повторялось нѣсколько

разъ и хищники наконецъ обратились въ бѣгство, бросивъ двухъ своихъ убитыхъ и увезя, по обыкновенію, большую часть труповъ и раненыхъ съ собою. Партія состояла болѣе чѣмъ изъ ста человѣкъ. Геройская защита нашей команды однако тоже обошлась не дешево: убиты унтеръ-офицеръ 1, рядовыхъ 4, ранено: рядовыхъ 9, солдатскихъ женъ 2, и захваченъ въ плѣнъ хищниками четырехъ лѣтній солдатскій сынъ.

Генералъ Ермоловъ, получивъ объ этомъ подвигѣ донесеніе, увѣдомилъ начальника главнаго штаба для доклада Государю и просилъ наградить унтеръ-офицера Пучкова и двухъ рядовыхъ георгіевскими крестами. Но императоръ Николай лучше оцѣнилъ подвигъ Кабардинцевъ и, кромѣ пожалованія Пучкову креста, произвелъ его въ прапорщики, въ Владикавказскій гарнизонный полкъ; двумъ рядовымъ даны тоже кресты, и сверхъ того всѣмъ прочимъ нижнимъ чинамъ приказалъ выдать денежную награду. Это были первые георгіевскіе кресты пожалованные Николаемъ Павловичемъ. Пучковъ происходилъ изъ крестьянъ Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, деревни Жилкиной, помѣщика Мельгунова, и находился на службѣ съ 1812 года, сначала въ Тарутинскомъ, а съ 1816 г. въ Кабардинскомъ (Казанскомъ) полку. Переведенный въ послѣдствіи въ Кавказскій линейный № 4 баталіонъ, онъ еще служилъ до 1837 года, учавствуя въ дѣлахъ противъ горцевъ, и вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ.

Въ такомъ родѣ мелкихъ стычекъ съ кавказскими наѣздниками и геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ можно бы привести безчисленное множество; они охарактеризовали-бы не только образъ Кавказской войны, но и замѣчательныя черты русскаго народа, способнаго, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій, безъ всякихъ надеждъ на особыя почести, славу и т. п., при тяжелой обстановкѣ, бывшей всегда удѣломъ нашего солдата, возвышаться до замѣчательнаго самоотверженія, выказывать мужество и презрѣніе къ смерти, рѣдко гдѣ либо встрѣчаемыя. Къ крайнему сожалѣнію, подобные подвиги, по свойственному намъ равнодушію, по отсут-

ствію (особенно въ тѣ времена) частныхъ органовъ гласности, людей ведущихъ дневники и т. п., въ большинствѣ остались не сохраненными для лѣтописей, и только нѣкоторые, благодаря оффиціальнымъ матеріаламъ, могутъ быть охранены отъ полнаго забвенія.

Въ теченіе всего 1826 года Кабардинскій полкъ оставался все на тѣхъ же мѣстахъ и участія въ персидской войнѣ непринималъ; только въ 1827 г. его наконецъ потребовали въ составъ дѣйствующаго корпуса. По этому, о первомъ періодѣ войны я только для связи въ ходѣ событій изложу главнѣйшія изъ нихъ вкратцѣ, и уже во второй половинѣ кампаніи, самой важной по ея результатамъ, коснусь болѣе подробно всѣхъ бывшихъ дѣлъ съ непріятелемъ.

Опасаясь наступленія персидской арміи со стороны Елисаветполя, генералъ Ермоловъ поспѣшилъ сосредоточить въ концѣ августа 1826 г. близъ Тифлисса отрядъ изъ 12-ти слабыхъ баталіоновъ съ 1800 человѣкъ грузинской милиціи, поручилъ его генералъ-маіору князю Мадатову, приказавъ ему дѣйствовать наступательно, для скорѣйшаго освобожденія находившагося съ 25 іюля въ Шушѣ въ тѣснѣйшей блокадѣ полковника Реута.

31-го августа князь Мадатовъ собралъ войска у Акстафы и узнавъ что персіяне, занявъ Елисаветполь сильнымъ гарнизономъ, съ остальными силами, въ числѣ до 28 т., при 16-ти орудіяхъ, стоятъ на р. Шамхорѣ, гдѣ усиливаются толпами возмутившихся мусульманскихъ жителей и намѣрены двинуться въ Кахетію для ея разоренія, рѣшился, не взирая на свою крайне несоразмѣрную слабость и отдѣленіе части войскъ, для охраны сообщеній, атаковать персіянъ, быстротою и внезапностью замѣнить численность силъ. Сдѣлавъ съ 1-го на 2-е сентября усиленный переходъ, Мадатовъ достигъ на разсвѣтѣ Шамхора и, не взирая на готовность непріятеля къ бою, атаковалъ его. Мѣткій огонь нашей артиллеріи, безостановочное движеніе пѣхоты въ атаку, не смущаясь ни ружейнымъ, ни орудійнымъ огнемъ, ударъ въ штыки при первомъ сближеніи съ непріятелемъ, имѣли послѣдствіемъ постыдное бѣгство персіянъ, и только благодаря ничтожному числу у насъ кава-

леріи, да и то иррегулярной, персіянамъ удалось избѣжать совершеннаго истребленія. На разстояніи 10-ти верстъ ихъ гнали безостановочно; дорога была усѣяна трупами, ранеными, брошеннымъ оружіемъ и проч. До тысячи человѣкъ потеряли они, въ томъ числѣ какого то хана Амиръ-сардаря, считавшагося героемъ.

Результатомъ этого пораженія было занятіе безъ выстрѣла Елисаветполя, гарнизонъ котораго бѣжалъ, побросавъ свой лагерь и всѣ запасы; а всѣ возмутившіяся мусульманскія наши провинціи образумились и въ страхѣ наказанія за измѣну поспѣшили отправить въ Тифлиссъ депутаціи, съ мольбой о прощеніи. Еще важнѣе было немедленное снятіе Аббасъ-Мирзой блокады Шуши, въ которой наша горсть 42-го Егерскаго полка держалась около шести недѣль противъ арміи въ 40 т. человѣкъ, сдѣлавъ еще вылазку при ея отступленіи и нанеся хвосту непріятеля значительное пораженіе!

Между тѣмъ стали подходить и подкрѣпленія. Первымъ пришелъ сводный гвардейскій полкъ изъ людей Семеновскаго, Московскаго и Гренадерскаго полковъ, принимавшихъ участіе въ печальныхъ событіяхъ 14 декабря 1825 года, затѣмъ 20-я пѣхотная дивизія изъ Крыма, съ нѣсколькими донскими казачьими полками, а наконецъ и 2-я Уланская дивизія съ конною артиллеріею. Къ этому времени прибылъ въ Тифлиссъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, присланный императоромъ Николаемъ въ качествѣ помощника генералу Ермолову, къ которому явилось въ Петербургѣ нѣкоторое недовѣріе и нерасположеніе, безъ сомнѣнія поддерживаемое графомъ Нессельроде, крайне недовольнымъ, что война съ Персіей возникла противъ его предвидѣнія и желанія, и подозрѣвавшимъ, что она была вызвана Ермоловымъ.

Генералъ Паскевичъ, согласно желанію Государя, былъ назначенъ командовать собранными у Елисаветполя войсками и отправился туда вскорѣ послѣ пораженія персіянъ при Шамхорѣ. Узнавъ что Аббасъ-мирза, отступивъ отъ Шуши, присоединилъ къ себѣ остатки разбитаго своего авангарда и расположился на р. Тертеръ, Паскевичъ поспѣшилъ соединиться съ Мадатовымъ и 13 го сентября въ 4-хъ верстахъ отъ города

Елисаветполя, построивъ войска въ боевой порядокъ, двинулся на встрѣчу непріятельской арміи, сосредоточившейся въ 9-ти верстахъ отъ города съ цѣлью идти атаковать нашъ отрядъ. Встрѣча произошла въ 7-ми верстахъ отъ Елисаветполя. У непріятеля было 26 баталіоновъ регулярной пѣхоты, при 22-хъ орудіяхъ и множествѣ фалконетовъ, дѣйствовавшихъ со спинъ верблюдовъ, а кавалеріи регулярной и особенно не регулярной—куртинъ, мусульманъ нашихъ провинцій и другихъ, цѣлыя тучи. Съ нашей стороны было 6 баталіоновъ пѣхоты, 22 орудія, Нижегородскій драгунскій полкъ, нѣсколько казаковъ и грузинская конная милиція.

Персіяне повели атаку, осыпая нашъ отрядъ дождемъ снарядовъ и пуль, окружая фланги массою кавалеріи; но что могли сдѣлать эти полчища предъ русскими войсками, закаленными въ бояхъ, предводимыми такими храбрецами, какъ князь Мадатовъ, графъ Симоничь и старыми Кабардинцами (переведенными въ Ширванскій полкъ) Грековымъ, Юдинымъ и другими? Персіяне не выдержали удара въ штыки двухъ батальоновъ, направленныхъ на ихъ центръ, послѣ того какъ наши 12-ть батарейныхъ орудій уже нанесли имъ не малый уронъ. Сначала отступленіе, а затѣмъ всеобщее бѣгство персіянъ было результатомъ блестящаго дѣла. До 1,000 человѣкъ при 9-ти офицерахъ, 4 орудія, 80 зарядныхъ ящиковъ, много знаменъ и разнаго оружія взяты нашими войсками, потеря которыхъ простиралась убитыми 3 офицера и 43 рядовыхъ, раненыхъ 9 офицеровъ и 240 нижнихъ чиновъ. Генералъ Паскевичъ двинулся вслѣдъ за непріятелемъ, бѣжавшимъ съ такою поспѣшностью, что чрезъ сутки послѣ пораженія былъ уже въ 60-ти верстахъ отъ мѣста сраженія.

Отрядъ нашъ достигъ Аракса 20-го сентября и расположился у Кондилана.

Вѣсть о пораженіи Аббасъ-Мирзы имѣла послѣдствіемъ снятіе блокады съ крѣпости Баку и уничтоженіе замысловъ царевича Александра, который поспѣшилъ распустить собранныя партіи и благоразумно удалиться въ Персію. Въ другихъ мѣстахъ Закавказья однако волненія еще не утихали и продолжались дѣйствія, удерживавшія части русскихъ войскъ въ

состоянiи блокады. Всѣ эти ханы ширванскiе, бакинскiе, шекинскiе и др. не теряли надежды на торжество персидскаго оружiя, а самъ Аббасъ-Мирза успѣлъ умилостивить раздраженнаго неудачами шаха и получить въ подкрѣпленiе резервную армiю, готовясь возобновить дѣйствiя противъ отряда Паскевича.

Для начала, онъ повѣсилъ четырехъ своихъ военноначальниковъ, бросившихъ Елисаветполь при приближенiи отряда князя Мадатова. Потомъ, соединивъ всю свою армiю, подошелъ къ Араксу и расположился въ 4-хъ верстахъ отъ Худоперинской переправы, угрожая переходомъ на нашу сторону. Это побудило генерала Паскевича оставить свою позицiю у Кондиланъ и перейти къ р. Черакень, между Худоперинскою и Асландузскою переправою, для прикрытiя дороги къ Шушѣ.

Персiяне не рѣшались однако атаковать насъ, ограничивались преимуществами своей многочисленной кавалерiи, дѣлали набѣги за Араксъ на нашихъ кочевниковъ и т. п., безъ особеннаго, впрочемъ, успѣха, и наконецъ, вслѣдствiе наступившаго зимняго времени и недостатка въ фуражѣ, разошлись, отложивъ дѣйствiя до весны. Наши войска, въ свою очередь, тоже расположились на зимнiя квартиры, а одна часть подъ личнымъ начальствомъ А. П. Ермолова, была употреблена на усмиренiе джарскихъ лезгинъ, нухинской и ширванской провинцiй, гдѣ и водворили порядокъ и спокойствiе.

Это были послѣднiя дѣйствiя Ермолова на Кавказѣ. Нѣкоторое недовѣрiе и нерасположенiе въ Петербургѣ, съ присоединившимися къ нимъ интригамъ на Кавказѣ, неизбѣжно долженствовавшими возникнуть отъ присутствiя генералъ-адъютанта Паскевича, очевидно кандидата на должность главнаго начальника въ краѣ, пользовавшагося особымъ довѣрiемъ Государя и имѣвшаго разрѣшенiе писать прямо въ Петербургъ, побудили наконецъ генерала Ермолова просить объ увольненiи, которое и послѣдовало въ мартѣ 1827 года.

До чего дошли интриги противъ Ермолова, можно судить потому, что Паскевичъ, полагаясь на увѣренiя своего переводчика поручика Ивана Корганова (извѣстнаго на Кавказѣ

подъ именемъ Ваньки Каина) рѣшался писать въ Петербургъ, обвиняя прямо Ермолова не только въ возбужденіи войны съ Персіею, но и во всѣхъ возстаніяхъ и волненіяхъ на Кавказѣ и въ мусульманскихъ ханствахъ *)! Доказывали, что поступки Ермолова и его пособника генерала князя Мадатова съ ширванскими, талышинскими, карабахскими ханами были такого свойства, что доводили этихъ восточныхъ владѣтелей до бѣгства въ Персію и враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, посредствомъ возмущенія своихъ подвластныхъ и единовѣрцевъ.

Всѣ эти обвиненія дошли наконецъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, съ примѣсью сплетней о массонскихъ и архилиберальныхъ тенденціяхъ, яко бы обуявшихъ весь Кавказскій корпусъ, что даже такіе лица, какъ генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ (братъ шефа жандармовъ) находившійся при войскахъ въ Персіи, ужъ конечно болѣе принадлежавшіе къ партіи солидарной Паскевичу, а не Ермолову, видимо не въ авантажѣ бывшему, писалъ, между прочимъ, своему брату—шефу въ Петербургъ, въ частномъ письмѣ, о лживости извѣтовъ на Алексѣя Петровича и французское письмо это было показано императору Николаю.

Въ ожиданіи увольненія, въ теченіе зимы, вмѣстѣ съ прибывшимъ въ Тифлиссъ начальникомъ главнаго штаба Дибичемъ, генералъ Ермоловъ составилъ планъ предстоящихъ съ началомъ весны военныхъ дѣйствій противъ Персіи, наступленіемъ въ ея предѣлы съ двухъ сторонъ, а 29 марта 1827 года отдалъ приказъ по корпусу о своемъ отозваніи и уѣхалъ въ Россію.

---

*) Собственноручныя письма Паскевича въ дѣлахъ военно-ученаго архива.

XXV.

Кампанія 1827 г.—Прибытіе въ дѣйствующій корпусъ двухъ бат. Кабардинскаго полка. — Взятіе Абасъ-Абада. — Пораженіе персіянъ при Джеванъ-Булахѣ и въ нѣсколькихъ другихъ дѣлахъ. — Взятіе Сардаръ-Абада— Взятіе Эривани.

Вступивъ въ командованіе Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-адъютантъ Паскевичъ энергически взялся за распоряженія къ продолженію войны и въ первыхъ числахъ апрѣля открылъ наступательныя дѣйствія противъ персіянъ движеніемъ сильнаго отряда генералъ адъютанта графа Бенкендорфа къ Эривани, для ея блокады. Между тѣмъ Паскевичъ распорядился о проведеніи болѣе удобной дороги чрезъ горы Ахзебіукъ и Безобдалъ и о сосредоточеніи войскъ изъ разныхъ пунктовъ Кавказа, гдѣ считалось возможнымъ сократить ихъ число. Такимъ образомъ присоединились наконецъ къ дѣйствовавшимъ противъ персіянъ войскамъ и два батальона Кабардинскаго полка, только что получившаго новаго командира, въ лицѣ храбраго подполковника Швецова, всегда отличаемаго Ермоловымъ.

Здѣсь предстоялъ нашимъ батальонамъ совершеноо новый театръ дѣйствій. Вмѣсто лѣсовъ Чечни, быстрыхъ рѣкъ, тѣсныхъ ущелій и высокихъ горъ Дагестана, или зеленѣющихъ равнинъ Кабарды, пришлось вступить въ палимыя жгучими лучами солнца, отличающіяся недостаткомъ воды и тѣни, часто покрытыя пескомъ, плоскости Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ; вмѣсто воинственныхъ ловкихъ горцевъ сѣвернаго Кавказа, пришлось встрѣтиться хоть и съ трусливыми, но за то многочисленными персидскими полчищами и ихъ немалочисленною артиллеріею.

Авангардъ графа Бенкендорфа перевалилъ съ чрезвычай-

ными затрудненіями чрезъ Безобдалъ и 6-го апрѣля вступилъ въ Эриванскую область. Гоня предъ собою персидскія войска и особенно толпы куртинской конницы, старавшіяся задержать его маршъ, авангардъ нашъ 15 Апрѣля занялъ Эчміадзинъ—первопрестольный монастырь всѣхъ армяно-грегоріанъ и нашелъ въ немъ продовольствіе для всего отряда на трое сутокъ. Въ тотъ же день подошли и транспорты, слѣдовавшіе за авангардомъ, подвергавшіеся на пути неоднократнымъ нападеніямъ непріятеля.

Устроивъ въ Эчміадзинѣ укрѣпленный вагенбургъ, графъ Бенкендорфъ произвелъ усиленную рокогносцировку кр. Сардаръ-Абада. На пути куртинская конница нѣсколько разъ была разбита и преслѣдуема на далекое разстояніе. Послѣ краткой бомбардировки, разрушившей много зданій и вызвавшей большое смятеніе, авангардъ возвратился въ Эчміадзинъ, дождался здѣсь транспорта съ продовольственными и боевыми припасами, и 24 апрѣля двинулся къ Эривани, занявъ въ тотъ же день, не взирая на многочисленныхъ защитниковъ, часть форштадта и садовъ; а съ 25 на 26 ночью былъ занятъ и командующій крѣпостью Ираклiевъ Курганъ, съ котораго былъ открытъ огонь. Персіяне, пробравшись садами, лежащими на юговосточной сторонѣ крѣпости, внезапно напали на нашихъ стрѣлковъ, но тѣ получивъ своевременно подкрѣпленіе, успѣшно отбили атаку и хотя непріятель продолжалъ подъ защитою огня крѣпостной артиллеріи мужественно возобновлять ее, однако успѣха не имѣлъ и, опрокинутый на всѣхъ пунктахъ, съ большою потерею долженъ былъ бѣжать въ крѣпость.

До 15 іюня продолжалась блокада Эривани. Всѣ вылазки ея гарнизона только увеличивали потерю персіянъ; всѣ демонстраціи ихъ многочисленной кавалеріи, то переправлявшейся чрезъ Араксъ, для дѣйствій на наши сообщенія, угроженія флангамъ и т. п., оканчивались неудачами и пораженіями, даже при встрѣчѣ съ незначительными отрядами нашими.

Въ то же время другой русскій отрядъ князя Мадатова, смѣненнаго генералъ-маіоромъ Понкратьевымъ, дѣйствовалъ

со стороны Карабаха, вторгался за Араксъ въ персидскія владѣнія, нанося и тамъ при каждой встрѣчѣ пораженіе персіянамъ, захватывая у нихъ запасы продовольствія и проч.

Между тѣмъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ, сосредоточивъ у с. Шулаверы 15,000 войскъ, выступилъ нѣсколькими эшелонами къ Эчміадзину. Отсюда въ теченіе недѣли онъ дѣлалъ нѣсколько разъ рекогносцировки кр. Эривани, распорядился постройкой на берегу р. Занги батарей и проч. Съ прибытіемъ къ Эчміадзину остальныхъ войскъ 20-й дивизіи, присланной изъ Крыма, начальнику ея генералъ-лейтенанту Красовскому поручено смѣнить авангардъ графа Бенкендорфа, которому присоединиться къ дѣйствующему отряду, двинутому уже дальше въ предѣлы Персіи.

Убѣдившись однако, что до прибытія осадной артиллеріи, ожидавшейся только къ 15-му августа, противъ Эривани нельзя рѣшительно дѣйствовать, главнокомандующій рѣшилъ взять сперва кр. Аббасъ-Абатъ, которая прикрываетъ Эривань и Нахичевань со стороны Адербиджана и откуда можно будетъ препятствовать гарнизону Эривани получить какую-либо помощь. Съ этою цѣлью приказано было генералу Красовскому снять блокаду Эривани, въ окрестностяхъ которой войска страдали отъ сильнаго жара и вѣтровъ, причинявшихъ болѣзни, и расположиться ближе къ Эчміадзину, въ ожиданіи прибытія осадной артиллеріи, служа вмѣстѣ съ тѣмъ прикрытіемъ сообщеній главнаго корпуса съ Грузіею.

20-го іюня, въ 50 верстахъ отъ Эривани, на р. Гарничай стянулись всѣ войска, составлявшія главный дѣйствующій отрядъ. Кромѣ авангарда графа Бенкендорфа, были составлены двѣ колонны, двигавшіяся одна за другою къ Нахичевани, куда и прибыли 26 числа. Все разстояніе было только 72 версты, но переходъ ихъ совершился въ 6 дней, вслѣдствіе раскаленнаго солнечными лучами воздуха въ песчаной равнинѣ и недостатка воды. Здѣсь хотя и протекаютъ небольшія рѣчки Гарничай и Арпачай, но вода ихъ раздроблена по оросительнымъ канавамъ, безъ чего тамъ немыслима никакая растительность, а жители, по распоряженію Аббасъ-Мирзы, были выгнаны вдаль, въ горы, вода отведена, страна превращена

въ пустыню; родники же, находящіеся въ сторонѣ отъ дороги, извѣстны только мѣстному населенію и не представляли войскамъ удобнаго пользованія. Жаръ достигалъ 43° и движеніе совершалось крайне медленно, тѣмъ болѣе, что за войсками слѣдовали огромные обозы со всѣми потребностями, которыхъ на мѣстѣ не было возможности добыть, и артиллерійскіе парки двигались на волахъ, еле переставлявшихъ ноги.

Непріятель только издали слѣдилъ своими конными партіями за движеніемъ нашихъ войскъ; у самой же Нахичевани сосредоточилъ на другой сторонѣ Аракса болѣе значительный отрядъ. Для прогнанія его была послана наша кавалерія, и персіяне, послѣ небольшой перестрѣлки, удалились. Послѣ этого, ближайшіе жители горныхъ отроговъ, въ числѣ 2,000 семействъ, явились въ Нахичевань изъявить покорность и просить покровительства русскихъ,—что дало возможность нашимъ войскамъ закупать у нихъ всякаго рода продовольственные припасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ окрестностяхъ Нахичевани войска собрали обильную жатву пшеницы и сарачинскаго пшена, которыя самими солдатами были обмолочены.

1-го іюля весь отрядъ выступилъ къ кр. Аббасъ-Абаду и расположился въ двухъ верстахъ отъ нея на берегу Аракса. Прикрывъ осадныя работы нѣсколькими донскими казачьими полками, генералъ Паскевичъ въ ночь съ 1-го на 2-е приказалъ приступить къ открытію траншей и заготовленію фашинъ и туровъ. Работа поведена была съ такою быстротою, что къ утру уже оказалось возможнымъ поставить противъ одного крѣпостнаго фаса 6-ти орудійную батарею, а вскорѣ и другую такую же противъ слѣдующаго фаса. Хотя работавшіе баталіоны соблюдали величайшую тишину, но все же, не будь персіяне такъ безпечны, они должны были услышать шумъ и помѣшать работамъ. Благодаря такой непонятной оплошности непріятеля, къ разсвѣту 3 го числа вновь устроенныя батареи предстали изумленнымъ глазамъ гарнизона, который тогда наконецъ открылъ огонь по русскому лагерю. Нашъ отвѣтный огонь былъ такъ удаченъ, что два орудія въ крѣпости и амбразуры засыпаны. Огонь продолжался весь день; стали про-

бивать брешь въ тонкой стѣнѣ прилегающей къ бойницамъ, бросая въ то же время гранаты внутрь крѣпости.

Съ 3-го на 4-е число осадныя работы продолжались, стали приближаться къ третьей параллели и устроили новую батарею на 6-ть орудій. Въ этотъ разъ непріятель, уже болѣе бдительный, открылъ по работамъ артиллерійскій и ружейный огонь, но наша артиллерія заставила вскорѣ замолчать крѣпостную. Къ утру устроена еще одна батарея на 12-ть орудій.

4-го числа всѣ работы были окончены; огонь нашихъ орудій былъ весьма удаченъ, къ вечеру крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ повреждены и въ бастіонѣ сдѣлана такая брешь, что сквозь нее уже можно было различать крѣпостныя строенія.

Чтобы выручить осажденный Аббасъ-Абадъ, принцъ Аббасъ-Мирза открылъ дѣйствія съ цѣлью отвлечь наши главныя силы отъ крѣпости и стараться завлечь ихъ къ своей укрѣпленной позиціи, гдѣ могъ, если не разсчитывать на пораженіе русскихъ, то, по крайней мѣрѣ, упорной обороной задержать, давъ время брату сардаря эриванскаго Гасанъ-хану, съ собранною имъ большою массою кавалеріи, напасть на нашъ вагенбургъ, слабо прикрытый.

Планъ былъ хорошъ и, при удачѣ въ исполненіи, могъ повести къ важнымъ результатамъ; но войска персидскія, хотя въ нихъ не было недостатка въ одиночныхъ храбрыхъ людяхъ, въ массѣ составляли нестройныя толпы, не привыкшія къ строгой дисциплинѣ, необладавшія тою мужественною стойкостью и сознаніемъ своего долга, которыя составляютъ главныя качества хорошаго войска. Самъ же Аббасъ-Мирза, не лишенный военныхъ дарованій, былъ слишкомъ самонадѣянъ и основывалъ преувеличенныя надежды на регулярную часть своей арміи, которая была прилично одѣта, умѣла произвести нѣсколько эволюцій на европейскій ладъ и на площадяхъ Тавриза, повидимому, строго исполняла команду своихъ англійскихъ учителей. Онъ забывалъ, что отъ этого до самоотверженія въ бою, до безпредѣльной покорности своему начальству, до увлеченія торжествомъ своего оружія и т. п. еще очень далеко и что вообще наемный гяуръ никакихъ подобныхъ понятій внушить изнѣженному персіянину не могъ.

5 іюля генералъ Паскевичъ получилъ извѣстіе о появленіи значительныхъ непріятельскихъ партій за Араксомъ, и желая предупредить возможность наступленія персидской арміи, онъ, оставивъ часть отряда у Аббасъ-Абада и Нахичевани, для прикрывія возведенныхъ батарей, лагеря и обозовъ, съ остальными войсками выступилъ на встрѣчу непріятелю. Для болѣе легкой переправы чрезъ Араксъ, былъ устроенъ мостъ на бурдюкахъ, по которому перешла вся пѣхота, а кавалерія и артиллерія переправилась въ бродъ.—Не взирая на нестерпимый зной и крайне трудное мѣстоположеніе дороги по обрывистому, каменистому берегу Аракса, особенно замедлявшую движеніе артиллеріи, отрядъ менѣе чѣмъ въ три часа прошелъ 15-ти верстное разстояніе до непріятельской позиціи, гоня предъ собою персидскія конныя партіи.

Позиція персіянъ показывала, что Аббасъ-Мирзѣ не совсѣмъ чуждо искусство пользоваться мѣстностью. Правый флангъ состоявшій изъ сборной шахской кавалеріи и конныхъ куртанцевъ обгибалъ скалу; лѣвый примыкалъ къ Араксу; центръ, занимавшій рядъ возвышенностей, состоялъ изъ пѣхоты съ артиллеріею, подъ личнымъ начальствомъ наслѣдника шахскаго престола, а подъ нимъ командовали два сына шаха: Меликъ-Касумъ-Мирза и Али-Наги-Мирза.

При приближеніи нашего отряда, персіяне бросились обскакивать нашъ правый флангъ, а на лѣвый направили другую массу кавалеріи. Отбивъ первыя стремительныя атаки, наша кавалерія, съ Нижегородскими драгунами впереди, въ свою очередь атаковала персіянъ и выбила ихъ изъ ущелья со стороны нашего лѣваго фланга, давъ возможность подошедшей пѣхотѣ открыть наступленіе на главный холмъ, командовавшій всею непріятельскою позиціею. Не взирая на сильный артиллерійскій огонь, русскіе баталіоны сбили непріятеля, заняли высоту, а драгуны, взойдя въ слѣдъ, произвели двѣ рѣшительныя атаки, понудившіе персіянъ бросить и вторую линію возвышенностей, и обратиться, по обыкновенію, въ бѣгство.

Отрядъ нашъ прошелъ еще восемь верстъ за брошенную противникомъ позицію, а кавалерія преслѣдовала бѣгущихъ, не давая имъ опомниться, на разстояніи 30 верстъ. Самъ Аб-

басъ-Мирза едва успѣлъ ускакать, а его оруженосецъ, съ собственною винтовкою принца — главнокомандующаго, попался въ руки нашихъ драгунъ. Вообще потеря персіянъ была значительная; взято около ста человѣкъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько родственниковъ шаха и важныхъ людей. Съ русской стороны уронъ ограничился 2 офицерами и 7-ми нижними чинами убитыми, 1-мъ штабъ-офицеромъ, 28-ю рядовыми ранеными и 3-мя пропавшими безъ вѣсти.

Во время этого сраженія при Джаванъ-Булахѣ, гарнизонъ Аббасъ-Абада сдѣлалъ сильную вылазку противъ оставленной для блокады части русскихъ войскъ, но былъ отбитъ съ урономъ.

И такъ быстрота, рѣшительность, энергическій натискъ— опять оказались лучшимъ образомъ дѣйствій противъ азіятцевъ.

Въ ночи того же числа пѣхота наша опять вступила въ свой лагерь подъ Аббасъ-Абадомъ, а на другой день возвратилась и кавалерія. Гарнизонъ крѣпости узналъ о пораженіи своихъ товарищей и чрезъ день, не ожидая уже ни откуда помощи, крѣпость сдалась безусловно.

7-го іюля туда вступили наши войска; комендантъ—зять шаха — Мегметъ-Эминъ-ханъ поднесъ генералу Паскевичу ключи; офицеры вручили знамена своихъ баталіоновъ, а люди сложили на кронѣ гласиса оружіе. Взято 18-ть орудій и значительные военные и продовольственные запасы.

До 23-го іюля главный отрядъ оставался у Аббасъ-Абада, высылая небольшія колонны по разнымъ направленіямъ, для оказанія покровительства изъявлявшимъ желаніе покориться намъ кочевникамъ, переходившимъ изъ за Аракса въ Нахичеванскій округъ, или для защиты уже покорившихся деревень, которымъ угрожали сильныя конныя партіи куртинцевъ. Наконецъ невыносимый жаръ и тинистая вода Аракса, увеличившееся число больныхъ и слабыхъ, заставили генерала Паскевича перенести лагерь въ уроч. Карабаба, гдѣ возвышенное мѣстоположеніе и лучшая вода не замедлили благотворно повліять на здоровье войскъ.

Въ то время когда на берегахъ Аракса происходили озна-

ченныя событія, эриванскій сардарь съ безпокойствомъ смотрѣлъ на прочное занятіе русскими Эчміадзинскаго монастыря, изъ котораго имъ легко было опять двинуться къ Эривани и взятіемъ ея положить конецъ его пріятному владычеству.

Зная, что гарнизонъ монастыря состоитъ изъ слабаго баталіона съ двумя орудіями, сардарь съ 2 т. человѣкъ пѣхоты и 4 т. кавалеріи, при 3-хъ пушкахъ, подошелъ къ монастырю и послалъ нашимъ офицерамъ письмо, которымъ, увѣряя въ добромъ расположеніи, предлагалъ имъ оставить монастырь и по добру по здорову отправиться въ любомъ направленіи, ручаясь за ихъ свободный приходъ. Предложеніе основывалось на томъ, что русскія войска отступили въ Грузію и помощи Эчміадзину ожидать не откуда. Въ случаѣ же упорства, монастырь будетъ взятъ силой и тогда уже никому не будетъ пощады.

Въ отвѣтъ на это письмо изъ за монастырской ограды раздался гулъ орудійнаго выстрѣла и граната со свистомъ ударила близь персидской кавалеріи. Храбрый сардарь счелъ благоразумнымъ отойдти внѣ выстрѣловъ и блокировать монастырь, въ надеждѣ на болѣе успѣшный результатъ новаго сочиненія его мирзы; всѣ дорожки были заняты его пикетами и разъѣздами, чтобы прервать всякое сообщеніе. Это однако непомѣшало преданнымъ намъ армянамъ пробраться на позицію генерала Красовскаго въ Джингули и дать знать о положеніи Эчміадзина. Генералъ тотчасъ взялъ два баталіона съ 4 орудіями и нѣсколькими казаками, и на легкѣ двинулся къ Эчміадзину, но храбрый полководецъ персидскій, узнавъ отъ своихъ разъѣздовъ о приближеніи колонны русскихъ войскъ, съ такою поспѣшностью снялъ блокаду и бѣжалъ въ Эривань, что догнать его было задачею, превышавшею способности нашихъ людей.

Неудавшаяся попытка эриванскаго сардаря и пораженіе при Джаванъ-Булахѣ, вмѣстѣ съ потерею Нахичевани и Аббасъ-Абада, ясно показывали, что опасность вступленія русскихъ въ Адербейджанъ приближается. Принцъ Аббасъ-Мирза сталъ придумывать средства отвратить отъ Персіи такой ударъ

и остановился на смѣломъ, рѣшительномъ планѣ: сдѣлать сильную диверсію въ тылу нашихъ главныхъ силъ, расположенныхъ на Карабаба, и тѣмъ отвлечь ихъ отъ границы. Зная что отрядъ генерала Красовскаго весьма слабаго состава, Аббасъ-Мирза рѣшился съ значительными силами одновременно напасть на Эчміадзинъ и на отрядъ Красовскаго, который явится на выручку монастыря, и разбивъ ихъ, вынудить тѣмъ самого Паскевича къ обратному движенію. При удачѣ, персидскій главнокомандующій могъ надѣяться перейти въ наступленіе во всей линіи и вырвать изъ рукъ побѣдителя всѣ плоды его усилій.

Но, опять, хорошо обдуманный планъ не оправдалъ смѣлыхъ надеждъ его автора, и все по тѣмъ же причинамъ: надъ такими противниками, какъ русскія войска, нельзя было одерживать побѣдъ персидскими полчищами, хотя бы онѣ превосходили ихъ численностью и въ десять разъ.

6-го августа Аббасъ-Мирза, съ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 15,000 кавалеріи, при 22 орудіяхъ, явился на равнинѣ Эчміадзина; 8-го числа занялъ с. Аштаракъ у берега р. Абарани и устроилъ здѣсь лагерь. Позиція была отличная, фланги упирались въ скалистыя горы, а фронтъ былъ прикрытъ глубокими балками и камнями, разсѣянными по всюду.

15-го августа, генералъ Красовскій получилъ чрезъ армянъ рапортъ батальоннаго командира, бывшаго въ Эчміадзинѣ, и письмо патріарха Нерсеса о прибытіи непріятеля и производимомъ по монастырю пушечномъ огнѣ. Необходимо было немедля освободить Эчміадзинъ отъ блокады и предотвратить опасность его потери, потому что тогда мы лишились бы въ Эриванской провинціи единственнаго укрѣпленнаго пункта, въ которомъ можно было хранить главную часть запасовъ, и много-бы потеряли въ глазахъ армянъ, служившихъ намъ съ самоотверженіемъ и полною преданностію, отдавъ безпрекословно въ наше распоряженіе свою святыню— Эчміадзинъ.

Въ ночь съ 16-го на 17-е генералъ Красовскій выступилъ съ отрядомъ изъ 4-хъ батальоновъ пѣхоты, 12-ти орудій и 5-ть сотенъ казаковъ, всего до 2,500 человѣкъ, взявъ

съ собою также значительный транспортъ съ припасами, для усиленія эчиміадзинскаго склада. Крутые подъемы и спуски по изрытой каменистой дорогѣ и постоянная ломка въ обозѣ были причиною, что только къ 7-ми часамъ утра колонна эта достигла высотъ между селами Аштаракъ и Уташакъ. Непріятель, занявъ оба берега р. Абарани и командующее возвышеніе, устроилъ сильную батарею, обстрѣливавшую и безъ того трудную дорогу, пѣхота его расположилась въ три линіи, а многочисленная конница заняла всѣ окрестныя высоты.

Аббасъ-Мирза, ободряя свои войска, указалъ имъ на малый русскій отрядъ, на его критическое положеніе въ виду 25-ти тысячъ персіянъ, занимающихъ столь сильную позицію съ 22 орудійною батареею, обѣщалъ по 10-ти червонцевъ за каждую русскую голову, которая будетъ принесена...

Успѣхъ его въ этотъ разъ казался несомпѣннымъ. Нашей колоннѣ, обремененной большимъ обозомъ, приходилось идти между скалистыми горами, по скверной узкой дорогѣ, края коей были усѣяны непріятелемъ, въ десять разъ многочисленнѣйшимъ. День былъ невыносимо жаркій, на всемъ пути отъ лагеря не было воды, а въ р. Абарани, на половину пересохшей, мутной, едва хватило на всѣхъ людей и лошадей при сдѣланомъ привалѣ; послѣ безсонной ночи, люди были утомлены.

Пропустивъ голову колонны, персіяне насѣли на аріергардъ и орудіями громили обозъ; кавалерія совсѣхъ сторонъ окружила горсть нашихъ войскъ. Никогда персіяне не дрались съ нами съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, какъ въ этомъ сраженіи, 17-го августа. Сознавая свое превосходство въ числѣ, въ расположеніи, въ количествѣ артиллеріи, увлекаемые надеждой на червонцы, а быть можетъ и задѣтые наконецъ за живое постоянными пораженіями, желая хоть разъ одержать верхъ и возстановить въ глазахъ мѣстныхъ населеній свое упавшее вліяніе, персіяне въ теченіе десяти часовъ вели кровопролитное дѣло съ невиданною настойчивостью. Но ни что не могло сломить мужества и стойкости нашихъ баталіоновъ! Всѣ, отъ самаго генералъ-лейтенанта Красов-

скаго до послѣдняго человѣка, выказали себя героями въ этотъ критическій день. Раненый въ руку, Красовскій, подъ которымъ была убита лошадь, подавалъ примѣръ отряду, оставаясь все время въ переднихъ рядахъ. Подъ конецъ сраженія у насъ уже неоставалось ни одного заряда; недоходя двухъ верстъ до Эчміадзина, персіяне повели послѣднюю отчаянную атаку, но были отражены на всѣхъ пунктахъ штыками. Потеря ихъ простиралась до 3 тысячь человѣкъ; но и мы понесли уронъ громадный: убито два штабъ-офицера, 4 оберъ-офицера и 679 нижнихъ чиновъ; ранено, кромѣ генерала Красовскаго, 4 штабъ-офицера, 13 оберъ-офицеровъ, 318 солдатъ и безъ вѣсти пропало 134 человѣка. Безъ малаго половина всего отряда.

Въ ту же ночь непріятель снялъ свои батареи, устроенныя противъ монастыря, и отступилъ на р. Зангу, выше Эривани. Такъ и не суждено было персіянамъ торжествовать хоть бы одну побѣду надъ своими противниками!..

Получивъ извѣстія о появленіи арміи Аббасъ-Мирзы у Эчміадзина и происшедшемъ 17-го августа сраженіи, генералъ Паскевичъ собралъ 28 числа въ Нахичивани сильный отрядъ, съ цѣлью идти на подкрѣпленіе генерала Красовскаго, а остальнымъ своимъ войскамъ, съ присоединеніемъ еще 2-хъ баталіоновъ изъ карабахскаго отряда, приказалъ оставаться на Карабаба, предпринимать экспедицію въ ближайшія окрестности за Араксомъ, угрожая Адербейджану. Начальникомъ этой части войскъ остался ганералъ-лейтенантъ князь Эристовъ.

29-го августа генералъ Паскевичъ выступилъ къ Эчміадзину, куда и прибылъ 5 сентября. Аббасъ-Мирза, въ виду прибытія этого подкрѣпленія, отступилъ отъ р. Занги къ Араксу и расположился у укр. Каракала, въ 45-ти верстахъ отъ крѣп. Сардаръ- Абата.

Главная задача, предстоявшая теперь нашимъ войскамъ, была взятіе Эривани, послѣ чего уже можно было безъ опасеній за свой тылъ наступать дальше, въ глубь Персіи. Чтобы облегчить исполненіе этой задачи, генералъ Паскевичъ нашелъ нужнымъ овладѣть прежде кр. Сардаръ-Абатомъ, изъ

которой непріятель могъ угрожать нашему флангу при осадѣ Эривани. Предварительно движенія къ этому пунку, начальникъ штаба дѣйствующаго корпуса графъ Сухтеленъ былъ посланъ съ особой колонной (въ ней находился 1-й батальонъ Кабардинскаго полка *) къ мѣстечку Кульпи, извѣстному своими соляными каменоломнями, для захвата находившихся тамъ большихъ хлѣбныхъ запасовъ, принадлежавшихъ персидскому правительству, и переселенія нѣсколькихъ семействъ, изъявившихъ на это желаніе изъ опасенія ограбленія куртинами. Въ теченіе четырехъ дней, графъ Сухтеленъ исполнилъ безпрепятственно свое движеніе и 12-го сентября возвратился, съ запасомъ хлѣба и нѣсколькими стами штукъ скота, купленнаго у жителей, къ главному отряду, передвинувшемуся между тѣмъ къ Шагріяру, противъ кр. Сардаръ-Абатъ.

13-го числа была произведена подробная рекогносцировка, 14-го приготовляли фашины и туры, 15-го числа устроенъ редутъ, а 17-го открыта первая параллель въ 200 саженяхъ съ южной стороны крѣпости и заложена батарея на 18 орудій; ночью того же дня докончена и кесель-батарея на двѣ мортиры. Въ слѣдующій день открытъ сильный огонь противъ крѣпостныхъ верковъ, мортирная батарея усилена, другія устроены ближе, на разстояніи 100 сажень. 19-го числа явился парламентеръ съ просьбой дать три дня срока для рѣшенія о сдачѣ, но получилъ отказъ. Генералъ Паскевичъ требовалъ немедленной, безусловной сдачи **),

Ночью у насъ, отъ неизвѣстной причины, произошелъ взрывъ въ траншеѣ пороховаго погребка, и гарнизонъ, замѣтивъ возникшую въ нашемъ лагерѣ суматоху, пользуясь темнотою, поспѣшно оставилъ крѣпость и ушелъ; но вскорѣ это было замѣчено, вся кавалерія двинулась преслѣдовать, изрубила нѣсколько десятковъ и до 500 человѣкъ захватила въ плѣнъ. Весь успѣхъ нашъ зависѣлъ отъ отличнаго дѣйствія артилле-

*) 2-й баталіонъ оставленъ въ Эчміадзинѣ, для прикрытія сложенныхъ тамъ запасовъ и снарядовъ.

**) Всѣ эти свѣдѣнія взяты изъ журнала военныхъ дѣйствій, веденнаго оберъ-квартирмейстеромъ отряда полковникомъ Коцебу. (Нынѣ графъ, генералъ-адъютантъ и проч.).

ріи. Крѣпость была занята, взято 13 орудій, большіе запасы пороха, хлопчатой бумаги, конскихъ подковъ и проч.; но самая драгоцѣнная добыча была 14 тысячъ четвертей хлѣба, въ которомъ наши войска нуждались для обезпеченія дальнѣйшаго движенія къ Эривани. Вся потеря наша при взятіи Сардаръ-Абата, въ которомъ былъ двухтысячный гарнизонъ, состояла изъ 1 убитаго и 3 раненыхъ солдатъ!..

Таковы были воины повелителя Ирана, надѣявшагося изгнать русскихъ изъ Грузіи...

Въ баталіонъ Кабардинскаго полка за взятіе крѣпости было пожаловано 12 георгіевскихъ крестовъ, по три въ роту.

Сардарь эриванскій, узнавъ о паденіи Сардаръ-Абада, потерялъ надежду удержать Эривань и поспѣшилъ уйти за Араксъ, къ границамъ Турціи.

Оставивъ въ занятой крѣпости небольшой гарнизонъ, генералъ Паскевичъ 22-го сентября возвратился съ своимъ отрядомъ въ Эчміадзинъ, а на другой день выступилъ къ Эривани, расположивъ войска на берегу Занги, въ 2-хъ верстахъ отъ города. Послѣ произведенной рекогносцировки, былъ собранъ военный совѣтъ и рѣшено вести атаку съ юго-восточной стороны.

Съ именемъ Эривани и близь лежащаго Арарата какъ-то невольно воображеніе переносится ко временамъ глубокой древности, къ колыбели человѣчества. Одна изъ легендъ говоритъ, что птица выпущенная изъ ковчега, по окончаніи всемірнаго потопа, долетѣла до того мѣста гдѣ теперь Эривань, сѣла на обнаженную отъ воды землю и Ной, увидѣвъ ее, сказалъ своимъ дѣтямъ: «Эри вуме» (вотъ, видно). Поэтому и селеніе, построенное на этомъ мѣстѣ Ноевыми дѣтьми, названо ими Эривуме, превратившееся въ Эривамъ, или Эривань. По другимъ, уже историческимъ преданіямъ, похититель армянскаго престола Эруандъ основалъ Эривань, въ которой долго была столица армянскаго царства.

При безчисленныхъ переворотахъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Гайканской монархіи, Эривань не разъ переходила въ руки персіянъ и турокъ, которые и возвели нынѣ существующую крѣпость. Во времена Шахъ-Абаса великаго турки

потеряли Эривань и съ тѣхъ поръ она оставалась во владѣніи Персіи, хотя правители ея, особенно послѣ смерти шаха Надира, нѣсколько разъ пытались стать независимыми. Одно время грузинскій царь Ираклій подчинилъ сардаря (правитель) эриванскаго своей власти и получалъ отъ него дань, но Ага-Магометъ-ханъ, основатель нынѣ царствующей Каджарской династіи, опять подчинилъ Эривань Персіи.

Въ описываемое время войны съ Россіею, сардаремъ эриванскимъ былъ Гуссейнъ-ханъ, весьма важный человѣкъ, любимецъ шаха, которому онъ оказалъ важную услугу усмиреніемъ возстанія въ хоросанской провинціи. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ сановниковъ и подстрекателей принца Аббасъ-Мирзы къ начатію войны, въ надеждѣ поживиться во время ея на счетъ ближайшихъ къ Эривани мѣстностей Грузіи и упрочить свое вліяніе. Какъ выше сказано, узнавъ о паденіи сардарь-Абада, онъ не рискнулъ оставаться въ Эривани, подвергая себя опасности быть взятымъ въ плѣнъ, и отступилъ за Араксъ, къ главнымъ силамъ Аббасъ-Мирзы; защиту же крѣпости поручилъ брату своему Гассанъ-хану, извѣстному своею жестокостью и кровожадностью. Этотъ Гассанъ-ханъ первый открылъ военныя дѣйствія въ 1826-мъ году, внезапнымъ вторженіемъ въ наши предѣлы и разореніемъ нѣмецкой колоніи Екатериненфельдъ.

Эривань лежитъ на крутомъ скалистомъ берегу р. Занги. Передовая часть крѣпости состояла изъ стѣнъ сардарскаго сада, дворца и другихъ строеній, прикрытыхъ съ обѣихъ сторонъ башнями, расположенныхъ въ видѣ полукруга. Съ восточной и юго-западной стороны крѣпость представляла многоугольникъ, съ двойною толстою стѣною и башнями по угламъ. Три стороны эти были окружены рвомъ, наполненнымъ водою. Къ югу, въ близкомъ разстояніи, раскинутъ амфитеатромъ городъ, тянущійся въ длину параллельно крѣпостнымъ стѣнамъ къ Зангѣ, оканчиваясь по берегу ея. Гарнизонъ состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ сарбазовъ, но въ крѣпость были собраны почти всѣ жители города, до 18-ти тысячъ душъ, которымъ Гассанъ-ханъ недовѣрялъ, боясь измѣны.

25-го сентября войска наши заняли восточный форштадтъ

въ одной верстѣ отъ города, а въ садахъ батальоны Кабардинскаго и 29-го Егерскаго полковъ приготовляли туры и фашины. 27-го числа была открыта первая параллель и начатъ огонь изъ двухъ мортиръ. Изъ крѣпости отвѣчали сильнѣйшимъ огнемъ, но безвреднымъ; у насъ раненыхъ оказалось два человѣка.

Въ слѣдующіе дни возведены нами на разныхъ удобныхъ позиціяхъ и на георгіевскомъ холмѣ нѣсколько батарей, всего на 6-ть мортиръ и 24 орудія. Работы велись быстро, и хотя изъ крѣпости неумолчно раздавался артиллерійскій, а иногда и ружейный огонь, но къ нему относились совершенно равнодушно. 28-го числа нашъ огонь былъ усиленъ и нанесъ большой вредъ крѣпости, во многихъ мѣстахъ стѣна обваливалась, къ вечеру зубцы почти вездѣ обрушились, амбразуры повреждены, нѣсколько орудій крѣпостныхъ подбиты; огонь непріятеля ослабѣлъ и видно было уныніе гарнизона, потому что, противъ обыкновенія, не слышно было даже вечерней зори на англійскихъ рожкахъ, такъ это дѣлалось въ предъидущіе дни *).

29-го числа наша средняя брешь-батарея совершенно разрушила юго-восточную угловую башню и смежную съ нею куртину. Генералъ Паскевичъ, узнавъ о бѣдственномъ положеніи жителей, скученныхъ въ крѣпости, послалъ къ Гассанъ хану предложеніе сдать крѣпость, съ предоставленіемъ ему свободнаго отступленія съ гарнизономъ. Но этотъ согласія неизъявилъ. Поэтому осадныя работы было еще усилены и въ ночь на 30-е, летучею сапою, траншеи продолжены на 35 сажень съ южной стороны, а на Ираклієвомъ курганѣ возведена еще батарея на 6 легкихъ орудій.

30-го числа Гассанъ-ханъ въ свою очередь прислалъ парламентера, требуя позволенія послать къ Аббасъ-Мирзѣ нарочнаго для испрошенія разрѣшенія на сдачу крѣпости. На эту очевидную уловку, ради выигранія времени, съ нашей стороны отвѣчали, что сдачи требуютъ сейчасъ и безъ вся-

*) 28-го числа генералъ Паскевичъ приказалъ отправить въ траншеи всѣхъ разжалованныхъ и сосланныхъ, чтобы доставить имъ возможность отличиться и выслужиться.

кихъ условій, въ противномъ случаѣ они познакомятся съ силой русскихъ штыковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ огонь былъ усиленъ со всѣхъ батарей, а летучею сапою подошли такъ близко къ крѣпости, что туры наши уже поставили на самомъ гласисѣ.

Во всю ночь огонь съ обѣихъ сторонъ былъ ужасный; темная октябрьская ночь превратилась въ день; бомбы и ядры, со свистомъ разсѣкая воздухъ, описывая параболы, оставляли за собою огненный слѣдъ. Болѣе 900 бомбъ было брошено въ эту ночь; ни одно строеніе въ эриванской крѣпости не уцѣлѣло отъ разрушительнаго ихъ дѣйствія; не устояли ни плоскія кровли домовъ, ни куполы мечетей; многіе жители погибли въ домахъ, въ садахъ, на улицахъ; смятеніе было ужасное: женщины, дѣти, съ воплемъ бѣгали по узкимъ улицамъ, стараясь укрыться отъ носившейся надъ ними въ разныхъ мѣстахъ смерти... Наконецъ толпа бросается къ Гассанъ-хану, требуя сдачи города; но онъ отвѣтилъ имъ только бранью и проклятіями.

На разсвѣтѣ 1-го октября, жители, видя невозможность убѣдить Гассанъ-хана къ сдачѣ, рѣшились обратиться прямо къ осаждающимъ: на юговосточной башнѣ вдругъ появилась толпа, бросаясь на колѣни; махали бѣлыми платками, простирали руки къ небу, моля о пощадѣ, и многіе стали спускаться по бреши въ траншеи къ нашимъ войскамъ. По указанному такимъ образомъ проходу, тотчасъ были двинуты наши батальоны, которые и заняли обѣ башни и куртины юговосточной стороны; другая же часть была двинута къ сѣвернымъ воротамъ, угрожая пути отступленія гарнизона.

Подойдя къ воротамъ, генералъ Красовскій приказалъ бывшему при немъ оберъ-аудитору Бѣлову, хорошо знавшему татарскій языкъ, сказать, чтобы отворяли ворота; но едва Бѣловъ проговорилъ нѣсколько словъ, какъ раздался выстрѣлъ и аудиторъ упалъ мертвымъ. Войска готовились уже броситься на штурмъ, вдругъ ворота растворились и толпы жителей начали выражать свою покорность. Убійцею Бѣлова былъ самъ Гассанъ-ханъ, старавшійся удержать жителей отъ впуска русскихъ войскъ; когда же и это не помогло, онъ съ нѣсколькими стами человѣкъ укрылся въ главную мечеть, съ намѣ-

реніемъ защищаться до крайности. Однако бывшіе съ нимъ сарбазы, увидѣвъ нашихъ гренадеръ, готовящихся открыть огонь, поспѣшили бросить ружья и сдаться, а Гассанъ-ханъ былъ обезоруженъ и взятъ начальникомъ штаба графомъ Сухтеленомъ. Должно быть упорный комендантъ крѣпости имѣлъ намѣреніе въ послѣдней крайности взорвать ее на воздухъ, потому что въ пороховомъ погребѣ былъ найденъ горящій фитиль, во время еще выхваченный поручикомъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Лемякинымъ.

Безпорядокъ при занятіи крѣпости продолжался весьма не долго: чрезъ два часа уже все было спокойно, порядокъ водворенъ, личность и имущества жителей остались неприкосновенными.

Трофеями нашими были: 4 знамени, 38 пушекъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, 50 фалконетовъ, 1,500 пудовъ пороху, множество разныхъ запасовъ и болѣе 10,000 четвертей хлѣба; въ плѣнъ взяты регулярныхъ войскъ 3,000 сарбазовъ и многіе знатнѣйшіе сановники. Наша же потеря за всѣ дни осады ограничилась 1 убитымъ и 3 ранеными офицерами, да 48-мью нижними чинами. (И за взятіе Эривани баталіону нашего полка пожалованы 12 георгіевскихъ крестовъ).

XXVI.

Движеніе авангарда внутрь Персіи.—Занятіе Маранды.—Занятіе Тавриза.—Мирные переговоры и пріѣздъ принца Аббасъ-Мирзы.—Прекращеніе переговоровъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Занятіе Урміи.—Заключеніе мира и окончаніе кампаніи.

Со взятіемъ Эривани окончательный успѣхъ кампаніи можно было считать обезпеченнымъ и дальнѣйшія движенія внутрь Персіи едва ли могли встрѣтить особыя препятствія, тѣмъ болѣе, что пока происходили описанныя выше происшествія, генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ, оставленный съ отдѣльнымъ отрядомъ на Карабаба, совершилъ нѣсколько удачныхъ диверсій, разбилъ отступившія по Хойской дорогѣ персидскія войска и распространилъ панику по всему Адербейджану. За тѣмъ, дождавшись прохладнаго времени, наступившаго въ томъ году только въ 20-хъ числахъ сентября, князь Эристовъ сосредоточилъ весь свой отрядъ въ Нахичивани и двинулся къ городу Маранда, лежащему всего въ 70-ти верстахъ отъ Тавриза. Походъ совершился почти безъ всякаго сопротивленія непріятеля, очевидно, уже упавшаго духомъ. Разные укрѣпленія и городки, на пути нашего движенія, сдавались безъ выстрѣла и мѣстные правители являлись съ покорностью, благодаря за кроткое обращеніе побѣдоносныхъ войскъ, отъ которыхъ они, по своимъ понятіямъ, ожидали грабежа и всякихъ неистовствъ.

3-го октября князь Эристовъ съ церемоніей вступилъ въ Маранду, гдѣ толпы окрестныхъ жителей встрѣтили русскихъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Войска заняли обѣ дороги, ведущія отсюда въ Хой и Тавризъ. Вслѣдъ за симъ получено было извѣстіе о паденіи Эривани и ужасъ распространился по всей области такой, что уже стали являться къ

князю Эристову депутаціи отъ дальнихъ, далеко впереди лежащихъ мѣстностей, съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство. Самъ-же Аббасъ Мирза, остававшійся съ небольшимъ отрядомъ у Хоя, какъ далъ знать лазутчикъ, собирался поспѣшно уйти въ Тавризъ и вывезти оттуда всѣ военные и продовольственные запасы, а также цѣнное свое имущество. Чтобы предупредить его, князь Эристовъ, 11-го октября, выступилъ изъ Маранды къ Тавризу.

Правитель марандскаго округа, очарованный ласками, оказанными ему нашими генералами, и строгою дисциплиною войскъ, не обидѣвшихъ никого изъ жителей, послалъ впередъ увѣдомленіе тавризцамъ о движеніи русскихъ войскъ, совѣтуя не оказывать никакаго сопротивленія, чѣмъ они обезпечатъ свою жизнь и имущество. Письмо это, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о появленіи авангарда нашего уже въ Сафіянѣ, пропроизвели свое дѣйствіе: многіе пустились въ бѣгство, другіе стали укладываться, большинство, не взирая на угрозы командовавшаго въ Тавризѣ перваго министра, Алаяръ-хана, собирались на совѣщанія и склонялись къ добровольной сдачѣ.

Все это безпокойство сильно отозвалось на расположенныхъ въ Тавризѣ шахскихъ войскахъ: они, въ числѣ 6,000 человѣкъ, сочли лучшимъ заблаговременно спасаться отъ грозныхъ гяуровъ и потихоньку, небольшими партіями, выйдя за городъ, пустились по тегеранской дорогѣ... Взбѣшенный Алаяръ-ханъ послалъ за ними въ погоню тавризскихъ жителей, разрѣшивъ имъ грабить бѣглецовъ, а жители, враждебно расположенные къ сарбазамъ—уроженцамъ южныхъ провинцій, воспользовались случаемъ и, какъ расказывали послѣ, не мало ихъ убили, ограбили, а 400 человѣкъ, захваченныхъ привели назадъ и заперли въ цитадель, откуда они, впрочемъ, успѣли вскорѣ опять убѣжать.

Оставались еще два баталіона въ лагерѣ, за городомъ. Имъ Алаяръ-ханъ приказалъ занять позицію у воротъ и увѣщевалъ ихъ храбро обороняться. Въ отвѣтъ посыпались камни и ругательства, заставившіе перваго министра скрыться... Таковы были грозныя силы персидскія, съ которыми самонадѣянный Аббасъ-Мирза думалъ изгнать насъ изъ Закавказья!

13-го октября показались вдали за рѣкой передовыя части русскаго авангарда. Алаяръ ханъ употреблялъ всѣ усилія заставить свои баталіоны и городскихъ жителей защищаться; онъ верхомъ объѣзжалъ окраины города, увѣщевалъ, просилъ, грозилъ, велѣлъ открыть пушечный огонь по первымъ показавшимся за нѣсколько верстъ русскимъ войскамъ, но все осталось напраснымъ: баталіоны разбѣжались, а жители, по совѣту уважаемаго главы духовенства Муштеида Ага-Амиръ Фета-Сеида, нашли болѣе выгоднымъ прибѣгнуть подъ защиту русскихъ. Они являлись къ Алаяръ-хану и рѣшительно объявили ему, что не допустятъ до враждебныхъ дѣйствій и что ему лучше всего удалиться изъ города.

Между тѣмъ князь Эристовъ, подойдя съ отрядомъ къ берегу р. Аджичая, остановился, а для реконгосцированія города послалъ колонну генералъ-маіора Панкратьева. Едва только онъ приблизился къ стѣнамъ, остальные еще бывшіе на постахъ сарбазы бросились бѣжать, а городская чернь и конница накинулись на дворецъ Аббасъ-Мирзы и начали грабить. Муштеидъ, узнавъ что городскіе ключи были спрятаны, приказалъ жителямъ разбить ворота и вышелъ съ духовенствомъ и почетнѣйшими лицами на встрѣчу русскимъ войскамъ.

Генералъ Панкратьевъ съ музыкой вступилъ въ городъ и занялъ цитадель; вслѣдъ за тѣмъ вступилъ въ Тавризъ и князь Эристовъ со всѣмъ отрядомъ. Приказавъ оставить въ цитадели, дворцѣ, на половину уже ограбленномъ, арсеналѣ и при воротахъ особые караулы, князь Эристовъ расположилъ остальныя войска за воротами города.

Англійскій повѣренный въ дѣлахъ маіоръ Монтеймъ съ своими офицерами представился начальнику отряда и для защиты посольскаго дома былъ отряженъ особый караулъ.

Алаяръ-ханъ, когда послѣдніе сарбазы разбѣжались, рѣшился наконецъ оставить городъ и спасаться, но опоздалъ и быстрое приближеніе со всѣхъ сторонъ кавалерійскихъ разъѣздовъ вынудило его повернуть изъ затегеранскихъ воротъ назадъ въ городъ и скрыться у преданнаго ему человѣка. Однако князь Эристовъ, узнавъ отъ этомъ, тотчасъ отправилъ команду черноморскихъ казаковъ съ сотникомъ Помеловымъ

взять Алаяръ-хана. Этотъ схватился за карабинъ съ цѣлью защищаться, но ружье осѣклось, и первый персидскій министръ, главный совѣтникъ и подстрекатель Аббасъ-Мирзы къ войнѣ, оказался въ рукахъ казаковъ... Тутъ же былъ взятъ и бѣглый ханъ талышинскій Кельбъ-Гуссейнъ.

Въ Тавризѣ достались намъ трофеями 2 знамя, повелительный жезлъ принца Аббасъ-Мирзы, 40 орудій, 3.000 ружей, большой запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, разная аммуниція, провіантъ, токарные и слесарные инструменты, запасъ фуража и проч.

Съ паденіемъ столицы и главнаго мѣстопребыванія Аббасъ-Мирзы, съ бѣгствомъ сарбазовъ и такимъ настроеніемъ мѣстнаго населенія, уже можно было видѣть, что едвали непріятель въ силахъ длить сопротивленіе. Кампанія, очевидно, клонилась къ концу.

16-го октября генералъ Паскевичъ прибылъ въ Маранду и здѣсь получилъ извѣстіе о занятіи Тавриза *), а вмѣстѣ съ тѣмъ явился къ нему и посланный отъ Аббасъ-Мирзы съ письмомъ, извѣщавшимъ о намѣреніи своемъ пріѣхать для переговоровъ о мирѣ. Пославъ ему отвѣтъ, что мѣсто для свиданія будетъ вскорѣ назначено, генералъ Паскевичъ оставилъ въ Марандѣ всю осадную артиллерію и излишнія тяжести, подъ прикрытіемъ обоихъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, и двинулся къ Тавризу. Наступившая осенняя слякоть такъ испортила дороги, что отрядъ могъ двигаться только самыми малыми переходами. 19-го числа съ авангардомъ прибылъ главнокомандующій къ Тавризу и былъ встрѣченъ почетнѣйшими горожанами, а отрядъ князя Эристова прошелъ предъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ.

21-го октября прибылъ каймакамъ, третье лицо персидскаго министерства, отъ имени Аббасъ-Мирзы съ полномочіями для переговоровъ о мирѣ; но генералъ Паскевичъ, зная какимъ вліяніемъ пользовался этотъ каймакамъ среди населе-

---

*) Чѣмъ онъ, впрочемъ, остался не совсѣмъ доволенъ, и князь Эристовъ подвергся на всегда его немилости за то, что предвосхитилъ славу овладѣнія персидскою столицею у главнокомандующаго.

нія и опасаясь какихъ нибудь попытокъ къ возмущенію городскихъ жителей, не допустилъ его пріѣхать въ Тавризъ, а удержалъ въ 7-ми верстахъ, въ деревнѣ Каламунчай, куда и послалъ съ почетнымъ конвоемъ для переговоровъ дипломатическаго чиновника Обрѣзкова.

Между тѣмъ изъ разныхъ провинцій и городовъ являлись депутаціи, съ изъявленіемъ покорности и предлагали услуги по довольствію войскъ. 24-го октября было открыто временное управленіе Адербейджанскою областью; при этомъ былъ большой парадъ всѣмъ войскамъ, на которомъ присутствовалъ и англійскій посланникъ Макдональдъ, удивлявшійся, что войска послѣ столь продолжительнаго похода и военныхъ дѣйствій могли явиться въ такомъ порядкѣ и опрятно одѣтыми.

25-го октября войскамъ сдѣлано новое распредѣленіе. Для охраны Тавриза оставленъ отрядъ князя Эристова, другой, съ генералъ-маіоромъ барономъ Розеномъ, большею частью кавалерійскій, отосланъ за 50 верстъ къ Уджану—лѣтней резиденціи Аббасъ-Мирзы; небольшая колонна послана для разработки дороги на Агаръ; графу Бенкендорфу съ авангрардомъ приказано выступить въ Чевистеръ, гдѣ ожидать прибытія Аббасъ-Мирзы; шести ротамъ Кабардинскаго полка съ артиллеріею и казачьимъ полкомъ выступить изъ Маранды и занять городъ Хой; а въ случаѣ сопротивленія, усилиться осадною артиллерріею изъ Маранда и призвать авангардъ графа Бенкендорфа. Кабардинцы выступили 1 ноября къ Сафьяну, 2 числа къ Бегюмъ-жени.

Затѣмъ остальныя войска составили особою колонну, которая должна была находиться въ с. Дей-Карганѣ, гдѣ генералъ Паскевичъ назначилъ мѣстопребываніе свое и принца Аббасъ-Мирзы для переговоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, бывшимъ въ Карабахѣ войскамъ приказано двинуться за Араксъ и занять Ардебиль. Значительные запасы хлѣба, найденные въ Тавризѣ и другихъ мѣстахъ, обезпечивали наши войска продовольствіемъ на 5 мѣсяцевъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Обрѣзковъ предложилъ каймакаму проектъ основныхъ статей, на которыхъ могъ быть

заключенъ миръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было условлено, что если Аббасъ-Мирза согласится на нихъ, то долженъ къ 2-му ноября прибыть съ небольшою свитою въ Чевистеръ, куда будетъ высланъ русскій конвой. А мѣстомъ свиданія съ Паскевичемъ назначалось мѣстечко Дей-Карганъ, въ 60 верстахъ отъ Тавриза. Во время переговоровъ, всѣ войска Аббасъ-Мирзы должны быть отправлены внутрь Персіи за озеро Урмію, русскія же войска будутъ занимать всѣ провинціи Адербейджана. Въ случаѣ Аббасъ-Мирза не пожелаетъ на все это согласиться, военныя дѣйствія имѣли тотчасъ возобновиться.

28-го октября полученъ письменный отвѣтъ Аббасъ-Мирзы, съ изъявленіемъ согласія на всѣ предложенныя условія, и потому въ тотъ же день авангарду послано приказаніе выступить въ Чевистеръ, а колоннѣ генерала Панкратьева въ Дей-Корганъ.

Въ то время Кабардинскія роты подошли къ Хою, заняли его безъ сопротивленія, а бывшія тамъ персидскія войска отступили за Урмію. Пополученіи объ этомъ извѣстій, приказано было авангарду графа Бенкендорфа, присоединивъ къ себѣ оба Кабардинскіе батальоны, выступить къ Салмасу и занять дорогу ведущую въ Урмію. Здѣсь, на обширной равнинѣ, близь озера, 4-го ноября авангардъ нашъ остановился, въ ожиданіи прибытія наслѣдника персидскаго престола. Впередъ на встрѣчу ему былъ посланъ дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ. Аббасъ-Мирза, замѣтивъ приближеніе дивизіона, при которомъ находились флигель-адъютанты князь Долгоруковъ и графъ Толстой и командиръ полка полковникъ Раевскій, выѣхалъ къ нимъ, въ сопровожденіи двухъ иностранныхъ офицеровъ, разсыпался въ любезностяхъ, увѣрялъ въ искреннемъ желаніи скорѣе заключить миръ и проч. Потомъ проѣхалъ по фронту и по русски поздоровался съ драгунами. Приблизясь къ авангарду, Аббасъ-Мирза попросилъ, что бы его встрѣтили пушечною пальбою... Желаніе его было исполнено и 6 выстрѣловъ послужили салютомъ побѣжденному полководцу.—Обратясь къ графу Бенкендорфу, Аббасъ-Мирза сказалъ: «весьма радъ, что вы генералъ, который первый въ нынѣшнемъ году обнажилъ противъ меня мечъ, первый же встрѣчаете меня наканунѣ мира. Надобно много времени, что бы образовать на-

родъ для войны; мы только что начали; вы также имѣли свое время испытаній, прежде нежели дошли до той степени, на которой теперь находитесь. Однако, какъ бы то нибыло, впредь мы будемъ жить въ мирѣ; а въ ожиданіи этого, неправда ли, довольно странно, что въ этой странѣ я у васъ въ гостяхъ?» Послѣ этого принцъ осмотрѣлъ весь отрядъ, обратилъ большое вниманіе на артиллерію, былъ вообще весьма привѣтливъ, просилъ представить ему всѣхъ высшихъ офицеровъ и приказать части отряда пройти церемоніальнымъ маршемъ. Графъ Бенкендорфъ назначилъ для этого Нижегородскихъ драгунъ и оба Кабардинскіе батальона. Стройность движенія и воинственная осанка людей весьма его удивляла. Полковымъ командирамъ, драгунскому Раевскому и Кабардинскому Швецову, Аббасъ-Мирза сказалъ, между прочимъ, что имена ихъ полковъ, а также имя самаго Швецова, давно ему извѣстны, какъ храбрѣйшихъ и много разъ отличавшихся на Кавказѣ.

Все это время принцъ умѣлъ казаться веселымъ и привѣтливымъ; но на лицахъ его свиты явно выражалось чувство оскорбленнаго самолюбія и дурно скрытой злобы...

Послѣ этого Аббасъ-Мирза съ своимъ конвоемъ уѣхалъ въ Чевистеръ, а графъ Бенкендорфъ съ отрядомъ выступилъ въ Хой и расположился въ этомъ городѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ.

6-го ноября Аббасъ-Мирза съѣхался въ Дей-Курганѣ съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ. Взаимнымъ любезностямъ не было коца.

28-го числа были подписаны два протокола, по которымъ Россіи уступались эриванская и нахичиванская провинціи и уплачивалась опредѣленная сумма контрибуціи.

Дѣло казалось оконченнымъ, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство все измѣнило: Порта Отоманская прислала къ шаху довѣренное лицо, что она объявляетъ Россіи войну и проситъ не заключать мира, обѣщая оказать Персіи помощь. Тегеранскій дворъ, обольщенный этими обѣщаніями и подстрекаемый враждебною Россіи партіею, во главѣ которой стоялъ конкурентъ Аббасъ-Мирзы на престолъ, одинъ изъ его братьевъ, поддался обѣщаніямъ Порты и, въ противность мнѣ-

нію Аббасъ-Мирзы, въ этотъ разъ дѣйствительно уже желавшаго мира, приказалъ прервать переговоры и потребовать, чтобы русскія войска очистили Адербейджанъ и отступили за Араксъ; а тогда уже будетъ приступлено къ заключенію мирныхъ условій. Отвѣтомъ на это со стороны генерала Паскевича было немедленное возобновленіе военныхъ дѣйствій.

Не взирая на суровое время года и массы выпавшаго снѣга, для раздвиганія котораго пришлось впереди артиллеріи тащить треугольники изъ сплоченныхъ бревенъ, отряды наши выступили по назначенію. Въ январѣ 1828 года былъ занятъ городъ Урмія,—одинъ изъ важнѣйшихъ въ провинціи; въ то же время другая колонна, графа Сухтелена, овладѣла Ардебилемъ, знаменитымъ по гробницѣ Шейха Софи, основателя династіи Софіевъ, и по мѣсту коронаціи шаховъ. Здѣсь были взяты 27 пушекъ, множество запасовъ и 2000 четвертей муки. Защитники Ардебиля разбѣжались, а начальствовавшіе ими персидскіе принцы, сыновья Аббасъ-Мирзы, передали себя покровительству русскихъ войскъ.

Узнавъ объ этихъ событіяхъ, шахъ спохватился и постигъ крайность своего положенія. Дальнѣйшее наступленіе русскихъ могло привести ихъ и въ Тегеранъ... Аббасъ-Мирза, отправившійся къ шаху, представилъ ему весь размѣръ грозящей опасности и всѣхъ бѣдствій, какія могутъ выпасть на долю Персіи, если война продолжится. Шахъ вынужденъ былъ отказаться отъ увлеченій союзомъ съ Турціей и обратился къ Паскевичу съ увѣреніемъ въ миролюбивомъ расположеніи, увѣдомляя, что онъ снабдилъ Аббасъ-Мирзу полномочіями для заключенія мира и готовъ на всѣ условія, опредѣленныя въ Дей-Курганѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получено извѣстіе, что въ счетъ контрибуціи уже везутъ сумму въ 1.500,000 томановъ, (6 милліоновъ рублей серебромъ) для передачи ихъ англійскому послу Макдональду на храненіе, до подписанія мира.

Такимъ образомъ переговоры съ Аббасъ-Мирзой возобновились въ Міанѣ, куда главная квартира наша прибыла 1-го февраля, а съ 9-го на 10-е февраля 1828 года, въ 12 часовъ ночи, подписанъ въ с. Туркменчай трактатъ, положившій конецъ войнѣ, длившейся почти три года. Существенныя части

договора заключались въ уступкѣ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичиванскаго, и уплатѣ десяти куруровъ томановъ (20 милліоновъ серебряныхъ рублей). До уплаты же всей суммы, назначено было русскимъ отрядамъ оставаться въ Урмійской и Хойской областяхъ. Для занятія Урміи посланы два баталіона Кабардинскаго полка, которые и оставались тамъ до мая мѣсяца.

8-го марта генералъ Паскевичъ оставилъ Тавризъ, а Аббасъ-Мирза вступилъ въ него торжественно...

Войска наши начали обратное движеніе за Араксъ, конвоируя принятыя въ Персіи суммы золота; къ концу марта въ Адербейджанѣ уже не было ни однаго русскаго баталіона и только въ Урміи и Хоѣ осталась колонна генералъ-маіора Панкратьева, выступившая оттуда 1-го мая, когда послѣдній томанъ контрибуціи былъ уплаченъ.

Впрочемъ, какъ ни тяжелъ былъ урокъ, данный Персіи, она въ 1829 году, во время войны нашей съ Турціей, не переставала интриговать, волновать кавказскихъ горцевъ, обѣщая имъ въ помощь то свои войска, то посылая царевича Александра сноситься съ лезгинами, изъ которыхъ нѣкоторые уже начали входить съ нимъ въ соглашеніе, какъ оказалось изъ перехваченныхъ писемъ. Самъ Аббасъ-Мирза, впрочемъ, не принималъ участія въ этихъ коварныхъ дѣлахъ и прочно желалъ мира.

Кампанія персидская окончилась, и доблестнымъ побѣдителямъ предстояли новые подвиги въ Турціи. Генералъ Паскевичъ былъ щедро награжденъ: онъ получилъ золотую шпагу съ алмазами за Елисаветполь, Владиміра 1-й степени, Георгія 2-й степени, графскій титулъ Эриванскаго и милліонъ (а по другимъ извѣстіямъ два милліона) рублей ассигнаціями изъ суммъ контрибуціи. Всѣ войска, участвовавшія въ кампаніи, были награждены серебрянною медалью на георгіевско-владимірской лентѣ. Въ особомъ рескриптѣ по этому случаю императоръ Николай писалъ: «Десница Всевышняго увѣнчала подвиги ваши, достославные для Россіи, миромъ! Праведность дѣла нашего восторжествовала; храбрость россійскихъ войскъ укротила надменность враговъ, воздала имъ за неправедное втор-

женіе въ наши предѣлы! Ваше мужество, ревностное усердіе и постоянство, съ коимъ перенесли вы и зной лѣта и суровость зимы, и всѣ трудности похода въ странѣ дикой, борясь съ врагами и съ самою природою, снискали вамъ признательность мою и благодарность возлюбленнаго нашего отечества. Но болѣе еще достохвальны: кроткое обращеніе ваше съ побѣжденными, охраненіе странъ и градовъ завоеванныхъ, постоянное соблюденіе самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности. Сами враги ваши, ниспроверженные побѣдоноснымъ оружіемъ Россіи, изумились великодушію побѣдителей! Вы въ полной мѣрѣ оправдали ожиданіи мои».

Нужно отдать полную справедливость графу Паскевичу за его энергію и вѣрную оцѣнку противника; только поэтому онъ и рѣшался съ незначительными отрядами на смѣлыя предпріятія, вдали отъ своей базы, безъ видовъ на подкрѣпленія. Главные помщники его: графъ Бенкендорфъ, генералъ Красовскій, князь Эристовъ,—особенно послѣдній, очевидно прониклись тою же увѣренностью въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ непріятелемъ и безъ колебаній предпринимали дѣйствія, могущія при другихъ условіяхъ считаться крайне рискованными. Войска наши, какъ и вездѣ, остались тѣми же типами мужественныхъ, выносливыхъ, строго дисциплинированныхъ солдатъ, какими мы видѣли ихъ сто лѣтъ тому назадъ при походѣ въ Персію Петра; громадное превосходство персіянъ численностью людей и крѣпостью позицій, которыя предстояло брать съ боя, никогда не заставляли нашихъ офицеровъ и солдатъ хотя бы задуматься на мгновеніе; напротивъ, старшимъ начальникамъ не рѣдко приходилось сдерживать нетерпѣливые порывы... Положимъ, персіяне дѣйствительно оказывались крайне трусливыми противниками *), и даже въ защитѣ крѣпостей они не выказывали свойственнаго другимъ азіятцамъ упорнаго сопротивленія, да и сами

*) Не даромъ же А. П. Ермоловъ, въ письмѣ къ князю Волконскому, отъ 25 сентября 1820 г., выразился, между прочимъ: «а Персіяне, Бога самого беру въ свидѣтели, что онъ не создалъ ничего презрительнѣйшаго»...

крѣпости были недостаточно искусной постройки *), но нужно, главнымъ образомъ, принять въ соображеніе малое число войскъ, мѣстность, климатъ, пути сообщенія и проч. условія, при которыхъ пришлось вести кампанію. Въ азіятскихъ войнахъ, на которыя преимущественно обречены русскія войска, страшенъ не человѣкъ—непріятель, а врагъ—природа, борьба съ которою во сто кратъ труднѣе, чѣмъ съ первымъ, и преодолѣвать которую, при скудномъ снабженіи всѣми предметами матеріальнаго довольствія, отличавшемъ нашу армію до нынѣшняго царствованія, могли только русскіе солдаты.

При оцѣнкѣ заслугъ войска слѣдуетъ не забывать, что нѣсколько жаркихъ сраженій, хотя бы и съ значительными потерями людей, далеко не могутъ идти въ сравненіе съ бодрымъ, безропотнымъ преодолѣваніемъ всѣхъ неимовѣрныхъ трудовъ и лишеній, представляемыхъ аіятскими военными театрами, съ переходами по песчанымъ безводнымъ равнинамъ въ 45⁰ жары, въ тучахъ ѣдкой пыли, или по каменистымъ кручамъ горъ, перетаскивая на рукахъ и артиллерію и обозы, переходя въ бродъ быстрыя рѣки, или погружаясь по колѣни въ снѣгъ, оставаясь по мѣсяцамъ, по годамъ, на открытомъ воздухѣ, на одной скудной походной пищѣ, въ постоянно тяжелой аванпостной, лагерной службѣ.

Описанная здѣсь вкратцѣ персидская кампанія 1826—28 гг. не сопровождалась большими кровопролитными сраженіями, потери въ бояхъ были почти все время не значительныя **), за исключеніемъ развѣ жаркаго дѣла 17-го августа колонны генерала Красовскаго; тѣмъ не менѣе эта кампанія составляетъ блистательную страницу въ военныхъ лѣтописяхъ русской арміи, какъ по доблести, выказанной войсками, такъ и по крупнымъ результамъ, ею достигнутымъ, выражавшимся

*) Разсказывали, что когда императоръ Николай въ 1837 году пріѣхалъ въ Эривань и увидѣлъ крѣпость, то сказалъ своимъ приближеннымъ: «такъ вотъ за этотъ глиняный горшокъ сдѣлалъ я Паскевича графомъ Эриванскимъ»?

**) Зато потери отъ болѣзней были большія. Напримѣръ, въ Кабардинскомъ полку въ 1827 году убито въ сраженіи 4 человѣка, а умерло 254! Въ 1828 г. убито 2, а умерло 317!

не только въ пріобрѣтеніи значительной Армянской области, прочномъ обезпеченіи нашихъ закавказскихъ границъ и мусульманскихъ провинцій отъ искушеній полагаться на помощь Персіи, да въ полученіи 20 миліоновъ рублей контрибуціи, но главнѣйше въ томъ, что Персія уразумѣла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и, по видимому, рѣшительно, разъ на всегда, отказалась отъ попытокъ осуществить свои мечтанія. Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ и между Россіею и Персіею дружественныя отношенія ни чѣмъ не нарушались.

XXVII.

Война съ Турціею.—Обстоятельства вызвавшія войну.—Открытіе кампаніи и взятіе Карса.—Взятіе Ахалкалаки.—Осада Ахалцыха, разбитіе двухъ пашей и штурмъ крѣпости.—Возвращеніе на зимнія квартиры.—Расположеніе Кабардинскихъ батальоновъ въ Персіи.—Выступленіе ихъ оттуда къ Баязету и Карсу.

Военные энтузіасты, честолюбивые генералы и всѣ увлекающіеся сильными ощущеніями, представляемыми войною, могли въ 1828 году рѣшительно воскликнуть: «война окончена, да здравствуетъ война»!

Еще не успѣли обсохнуть чернила въ подписяхъ графа Паскевича и Аббасъ-Мирзы на мирномъ туркменчайскомъ трактатѣ, еще не скрѣпилъ его своею печатью Фетъ-Али-Шахъ, какъ уже 14 апрѣля появился высочайшій манифестъ, что «миръ, заключенный съ Турціею въ Букарестѣ, въ 1812 году, въ теченіе шестнадцати лѣтъ многократно колеблемый, нынѣ наконецъ, не взирая на всѣ усилія Россіи къ его сохраненію, рѣшительно Портою Оттоманскою ниспровергнутъ. Порта вызываетъ Россію на брань, грозя ей войною истребительною, для чего воздвигаетъ на нее поголовное ополченіе» и т. д. Кромѣ того, «какъ съ достовѣрностью обнаружено, Порта колебала рѣшимость Персіи къ окончанію мирныхъ переговоровъ, поспѣшнымъ вооруженіемъ войскъ на границахъ, обѣщала ей сильную подпору и до объявленія войны уже выступала на поле дѣйствій».

Такимъ образомъ, дѣйствующій кавказскій корпусъ, безъ передышки, съ одного театра войны долженъ былъ перейти къ другому, отъ битвъ съ маловоинственными, нестойкими

персіянами приготовиться къ битвамъ съ многочисленнымъ, гораздо болѣе воинственнымъ и стойкимъ непріятелемъ—турками.

Война съ ними, да и вообще съ большинствомъ азіятцевъ, во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ разительную противоположность съ европейскою войною. Здѣсь условія военнаго искуства безъ особеннаго примѣненія и навыка столь же безполезны, какъ всѣ выступы человѣка, искусно владѣющаго оружіемъ и обдумывающаго удары, противъ соперника нападающаго изступленно и безъ всякихъ правилъ. Неосновательныя знанія театра войны, недостатокъ точныхъ описаній предшествовавшихъ дѣйствій увеличиваютъ еще болѣе всѣ затрудненія, представляемыя физическимъ положеніемъ края, климатомъ, отсутствіемъ всякихъ удобствъ, фанатизмомъ, воинственностью жителей, гдѣ всякъ вооруженъ и отъ рожденія сжился съ оружіемъ, и множествомъ другихъ обстоятельствъ. Вообще, войны съ Турціей въ тѣ времена, какъ и со всѣми азіятцами, не были кровопролитны, тамъ не было сраженій, въ которыхъ разомъ ложились тысячи, десятки тысячь человѣкъ, но онѣ гибельны во многихъ другихъ отношеніяхъ, требуя отъ главныхъ начальниковъ особой сообразительности и рѣшимости, а отъ войска чрезвычайнаго напряженія для преодолѣнія препятствій и для борьбы съ лишеніями, неизвѣстными на театрахъ европейскихъ войнъ.

25 февраля началось обратное выступленіе войскъ изъ Персіи въ Грузію; но до уплаты всей контрибуціи и выполненія всѣхъ условій трактата, въ Адербейджанѣ былъ оставленъ генералъ-маіоръ Панкратьевъ съ отрядомъ изъ шести батальоновъ пѣхоты (въ томъ числѣ оба Кабардинскіе), двухъ казачьихъ полковъ и 12 орудій. Этотъ отрядъ занималъ области Хойскую и Урмійскую.

Средства, которыми располагалъ графъ Паскевичъ, были крайне ограничены. Къ тому же время отъ прибытія войскъ изъ Персіи въ Закавказскій край, гдѣ они могли хоть немного оправиться, одѣться, обуться и снабдить себя необходимѣйшими запасами, тоже было такъ коротко, что приходилось дорожить всякой минутой. Пѣхота и артиллерія возвратились

въ свои штабъ-квартиры только 25 апрѣля, когда наша армія въ Европейской Турціи уже вступила въ Молдавію.

Для выигрыша времени и чтобы задержать по возможности открытіе турками военныхъ дѣйствій, Паскевичъ распустилъ слухъ, что за Кавказомъ не только не дѣлается никакихъ приготовленій къ войнѣ, но не имѣется еще даже повелѣнія о начатіи войны. Впрочемъ, Турки, тоже не торопились и очевидно не были вполнѣ готовы, такъ что карскій паша, въ доказательство дружелюбія, разрѣшилъ жителямъ вывозить хлѣбъ на продажу въ наши предѣлы.

Дѣйствія наконецъ могли быть открыты лишь 14-го іюня движеніемъ отъ Гумры (Александрополь) къ Карсу. По общему плану войны, начертанному государемъ Николаемъ Павловичемъ, кавсказскій корпусъ имѣлъ назначеніе дѣйствовоть съ двоякою цѣлью: 1) для отвлеченія турецкихъ силъ изъ Европы, 2) для овладѣнія въ Азіятской Турціи необходимыми мѣстами къ дальнѣйшему обезпеченію нашихъ границъ и водворенію болѣе обезпеченнаго спокойствія въ этой окраинѣ. Въ этихъ видахъ считалось достаточнымъ покорить два пашалыка: ахалцыхскій и карскій, съ приморскими крѣпостями Анапою и Поти.

За расположеніемъ нужнаго числа войскъ на Кавказской линіи, для прикрытія ея отъ горцевъ и обезпеченія нашихъ сообщеній съ Россіей, оставалось собственно за Кавказомъ 45 бат. пѣхоты, 11 эскадроновъ драгунъ и уланъ, 15 казачьихъ полковъ и 11½ артиллерійскихъ батарей. Изъ этого числа, для прикрытія обширной границы нашей съ Турціею, для удержанія внутренняго спокойствія между закавказскимъ мусульманскимъ населеніемъ, для огражденія Кахетіи отъ набѣговъ лезгинъ и Карталиніи отъ осетинскихъ разбойниковъ, для карауловъ въ Тифлиссѣ и штабъ-квартирахъ, пришлось отдѣлить 31 бат. пѣхоты, 3 эскадрона драгунъ, 9 казачьихъ полковъ и 5 батарей, такъ что въ дѣйствующій противъ турокъ корпусъ оказалось возможнымъ собрать лишь около 15 бат., 8 эскадроновъ, 6 казачьихъ полковъ и 6½ батарей, всего до 12 тысячь человѣкъ. Вотъ съ какими силами предстояло дѣйствовать противъ многочисленныхъ турецкихъ полчищъ, опи-

равшихся на первокласныя свои крѣпости Карсъ и Ахалцыхъ, кромѣ меньшихъ промежуточныхъ укрѣпленій, въ родѣ Ахалкалаки, Хертвисы, Ацхуръ, и въ мѣстности, прорѣзанной быстрыми рѣками, крутыми горными хребтами, покрытыми лѣсами, при первобытныхъ путяхъ сообщенія и массѣ мѣстныхъ препятствій и недостатковъ. Все это было преодолѣно, и десять тысячъ русскихъ солдатъ, переходя отъ побѣды къ побѣдѣ, достигли береговъ Евфрата, гдѣ современи паденія римской имперіи исключительно владычествовали поклонники луны.

Нашимъ богатырямъ пришлось бороться не только съ четвернымъ числомъ воинственнаго непріятеля, но и съ природой, съ климатомъ, съ чумой, со всяческими лишеніями!

Пока мы приступимъ къ разсказу о военныхъ дѣйствіяхъ, послѣдовавшихъ за переходомъ нашего дѣйствующаго отряда чрезъ границу *), необходимо бросить бѣглый взглядъ на предшествовавшія событія, вызвавшія самую войну.

Отъ безпристрастнаго наблюдателя едва ли можетъ ускользнуть замѣчательное явленіе, проходящее рѣзкою чертою по всей почти двухвѣковой исторіи нашихъ войнъ съ Турціей. Чѣмъ больше Россія усиливалась, крѣпла, мужала, чѣмъ обширнѣе развивалось ея могущество, чѣмъ большихъ успѣховъ она достигала въ своемъ культурномъ развитіи, тѣмъ болѣе умѣренности и снисхожденія оказывала она къ побѣжденному противнику, тѣмъ болѣе политика ея принимала характеръ уступчиваго благодушія; между тѣмъ какъ Турція, напротивъ, чѣмъ больше теряла своего прежняго обаянія грозной военной силы, чѣмъ больше погружалась въ немощь и становилась игрушкой въ рукахъ ловкихъ западныхъ дипломатовъ, тѣмъ болѣе становилась надменною и требовательною. Не взирая на претерпѣваемыя всякій разъ пораженія и сопряженныя съ ними потери, Турція какъ будто великодушіемъ и снисходительностью Россіи при заключеніи мирныхъ договоровъ возбуждалась къ новымъ съ нею войнамъ... Неиспол-

---

*) Пользуемся въ этомъ случаѣ военными журналами графа Паскевича, хранящимися въ дѣлахъ военноученаго архива и составленною по нимъ исторіею войны въ Азіятской Турціи въ 1828—29 г., Ушакова.

няя своихъ обязательствъ, трактатами постановляемыхъ, съ какимъ то тупымъ упрямствомъ отвергая добрые совѣты и напоминанія Россіи и подчиняясь въ то же время коварнымъ внушеніямъ другихъ державъ, вся цѣль которыхъ была турецкими же руками жаръ загребать, Порта сама рыла пропасть, въ которую рано или поздно должна была ввергнуться!

Тотчасъ по заключеніи Букарештскаго мира 1812 г., Турція возобновила дѣйствія, явно намъ враждебныя. Сербія, Молдавія, Валахія, въ противность условіямъ трактата, были ареной самыхъ жестокихъ притѣсненій и изувѣрства, а напоминанія и ходатайства нашихъ представителей оставлялись въ Константинополѣ безъ послѣдствій. Все черкеское населеніе, отъ юго-восточныхъ береговъ Чернаго моря до лѣваго берега Кубани, безпрестанно подстрекаемое турецкими пашами Анапы и эмисарами, поощряемое матеріальною помощью и подарками султанскаго двора, дѣлало набѣги на Кавказскую линію, возмущало сосѣднія, уже покорившіяся Россіи племена и наносило намъ неисчислимый вредъ. Облекаясь въ званіе подданныхъ турецкаго государя (что въ сущности было чистою ложью), они почти безнаказанно грабили наши станицы, ибо русскіе мѣстные начальники, во избѣжаніе всякаго повода къ спорамъ и размолвкамъ съ правительствомъ султана, не рѣшались сами переходить за Кубань для наказанія хищниковъ, а сносились съ анапскимъ пашой, какъ ихъ ближайшимъ правителемъ, требуя удовлетворенія за потери. Всѣ подобныя жалобы ни къ чему не вели; время проходило въ безплодныхъ переговорахъ и, въ концѣ концовъ, паши ссылались на неповиновеніе черкесъ ихъ распоряженіямъ. Когда же кавказское начальство послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подобнаго тягостнаго положенія дѣлъ, нашло себя вынужденнымъ прибѣгать къ собственной расправѣ и переходить съ отрядами за Кубань, то тѣже паши напоминали горцамъ, что они подданные султана, что Россія только чрезъ посредство порты можетъ требовать удовлетворенія отъ нихъ.

Въ такомъ же родѣ были дѣйствія турецкаго правительства и за Кавказомъ. Ахалцыхскій и карскій паши принимали къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ изъ нашихъ мусульманскихъ

провинцій разбойниковъ и значительныя партіи лезгинъ, присоединяя къ нимъ свою хищную сволочь, наводняли сосѣдніе русскіе округа, особенно Карталинію и Имеретію этими шайками, грабившими и разорявшими безпощадно мирное населеніе. Ни просьбы, ни угрозы не дѣйствовали на пашей, отдѣлывавшихся или молчаніемъ или азіятскими хитроуклончивыми бумагами. Не помогали ничего и представленія нашего посольства въ Константинополѣ.

Всѣ эти дѣйствія турокъ, кромѣ разныхъ другихъ, перечисленіе которыхъ повело бы къ слишкомъ большимъ подробностямъ, имѣли очевидною цѣлью раздражать и оскорблять русское правительство и тѣмъ привести къ скорѣйшему разрыву. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ были побужденія, ужъ чисто низкокорыстолюбиваго свойства: Анапа и Ахалцыхъ, постоянно служившіе притономъ всѣмъ бѣглецамъ и враждебнымъ намъ людямъ, были въ тоже время исключительными мѣстами торговли невольниками. Алчность разбойничьихъ шаекъ поддерживалась именно этою промышленностью. Ежегодно нѣсколько тысячъ душъ плѣнныхъ вывозилась изъ Черноморскихъ портовъ въ Турцію; даже съ береговъ Сунжи и Терека, до двадцатыхъ годовъ, этотъ живой товаръ вывозился въ Анапу, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Не взирая на всѣ эти обстоятельства, русское правительство всѣми мѣрами старалось избѣгать разрыва и войны; благодушію и долготерпѣнію его казалось не будетъ предѣла. Наконецъ порта не выдержала и 8 декабря 1827 года султанскій гати-шерифъ (манифестъ) прекратилъ натянутое положеніе. «Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ извѣстно, начинаетъ повелитель правовѣрныхъ свое воззваніе, что всякій мусульманинъ естественно есть смертельный врагъ невѣрныхъ, такъ и невѣрные суть равномѣрно смертельные враги мусульманъ, и что наипаче Дворъ Россійскій есть непримиримый врагъ народа мусульманскаго и Оттоманской имперіи». Затѣмъ Россія обвинялась въ возмущеніи грековъ, въ желаніи составить изъ нихъ отдѣльное государство и т. д. «Очевидно, какъ ясный день,—говорится въ манифестѣ, —что вслѣдствіе независимости Греціи и Молдо-Валахіи, невѣрные захватятъ

подъ свое владѣніе всѣ европейскія и азіятскія области, населенныя греками, и исподволь *поставятъ райевъ на ряду съ мусульманами*, даже можетъ быть обратятъ мечети въ церкви и *начнутъ звонить въ колокола*, и въ короткое время совершенно сотрутъ мусульманъ съ лица земли». Далѣе слѣдуетъ разсказъ о требованіяхъ Россіи въ пользу грековъ, сербовъ и другихъ христіанъ, о томъ какъ Порта для выигрыша времени яко бы соглашалась на эти требованія, но что теперь въ виду настойчивости и угрозы союзомъ Россіи съ Франціею и Англіею (такими же въ сущности презрѣнными гяурами) султанъ не можетъ иначе поступить, какъ призвать вѣрныхъ мусульманъ къ брани, ибо даровавъ независимость грекамъ можно опасаться со временемъ порабощенія ими всѣхъ вѣрныхъ поклонниковъ пророка и истребленія самой святой религіи и т. д. Въ заключеніи сказано: «изъ сего слѣдуетъ, что война сія отнюдь не походитъ на всѣ предшествовавшія ей брани; это будетъ уже не война государства съ государствомъ для расширенія предѣловъ. Нѣтъ: намѣреніе невѣрныхъ клонится къ тому, чтобы истребить съ лица земли мусульманскій народъ и попрать религію Магомета; а потому война сія есть война за религію и отечество». Поэтому призываются всѣ правовѣрные не пожалѣть крови и имущества, и т. д.

Въ отвѣтъ на султанскій гати-шерифъ только 14 апрѣля 1828 года появился манифестъ императора Николая, въ которомъ, послѣ сжатаго изложенія всѣхъ поступковъ Порты, нарушившихъ трактаты, оскорблявшихъ права русскаго флага захватомъ ея торговыхъ судовъ, подстрекательства Персіи къ продолженію войны и т. д. сказано: «но есть и самому великодушію предѣлы; преступить ихъ воспрещаетъ честь имени русскаго, достоинство имперіи и неприкосновенность права. Не прежде какъ измѣривъ все пространство сихъ обязанностей и удостовѣрясь въ строгой ихъ необходимости, съ прискорбіемъ, но вмѣстѣ съ твердою увѣренностью въ правотѣ нашего дѣла, повелѣли мы войскамъ нашимъ двинуться и дѣйствовать противъ врага, поправшаго святость мирныхъ союзовъ и правъ общенародныхъ». Кромѣ того министръ иностранныхъ дѣлъ, написалъ письмо великому визирю, съ при-

ложеніемъ копіи съ прежней декларацій, въ которой подробно изложены всѣ обстоятельства предшествовавшія войнѣ.

И такъ открылась достославная кампанія 1828 года противъ турокъ.

Такъ какъ Кабардинскій полкъ, на которомъ я обязанъ сосредоточивать специальное вниманіе, остался въ Персіи до самаго конца 1828 года и въ первой половинѣ кампаніи участія не принималъ, то я только бѣгло коснусь событій, имѣвшихъ мѣсто въ этотъ періодъ войны, чтобы не прерывать связи изложенія, и затѣмъ уже перейду къ болѣе подробному разсказу о происшествіяхъ слѣдующаго года.

Графъ Паскевичъ избралъ свою операціонную линію для наступленія въ предѣлы Азіятской Турціи изъ кр. Гумры (Александрополь) на Карсъ. Это вообще былъ самый выгодный стратегическій пунктъ для дѣйствій противъ турокъ, потому что движеніемъ на Карсъ разрѣзывается непріятельскій операціонный базисъ (по линіи Эрзерумъ, Карсъ, Ахалцыхъ, берегъ Чернаго моря) и наступающій открываетъ себѣ въ центрѣ свободный кругъ дѣйствій, облегчаемый плодородіемъ страны, здоровымъ климатомъ и присутствіемъ значительнаго армянскаго населенія, преданнаго Россіи *).

Проложивъ предварительно новую дорогу отъ Тифлисса въ Александрополь чрезъ Башкечетъ, графъ Паскевичъ сосредоточилъ къ 12 іюня всѣ дѣйствующія войска и 14 числа перешолъ чрезъ Арпачай въ турецкія владѣнія. Маршъ отряда представлялъ болѣе движущійся городъ, нежели плотную колонну 12 тысячъ войска, сомкнутыхъ въ боевой порядокъ, потому что сорокадневный провіантъ, 20 тысячъ артиллерійскихъ выстрѣловъ, 1848 подводъ и 2250 вьюковъ съ инженерными, артиллерійскими и госпитальными запасами, обозъ главной квартиры, полковыхъ, офицерскихъ, лазаретныхъ фуръ и повозокъ, 2000 головъ порціоннаго скота и 3000 барановъ, маркитанты и проч., составляли громадную массу, растягивавшуюся на ровныхъ мѣстахъ на 8 верстъ, требовавшую при-

---

*) Въ настоящее время, съ овладѣніемъ Карсомъ и Батумомъ, условія совершенно измѣнились.

крытія и солдатскихъ рукъ для помощи при поломкахъ, трудныхъ подъемахъ, переправахъ и т. д. Кто самъ не участвовалъ въ подобныхъ походахъ,—гдѣ страна не представляетъ почти никакихъ ресурсовъ снабженія войскъ всѣмъ необходимымъ, гдѣ пути сообщенія и топографическія свойства до крайности затрудняютъ постепенные правильные подвозы запасовъ, а непріятель, по преимуществу конный партизанъ, грозный именно только для фурштадтовъ и погоньщиковъ,—тотъ едва ли въ состояніи себѣ представить какія препятствія приходится одолѣвать, чтобы не поставить войска въ крайность отъ недостатка продовольствія и всѣхъ прочихъ неизбѣжныхъ потребностей и какъ этотъ «проклятый» обозъ стѣсняетъ свободу движеній, дѣйствій и предположеній, сколько хлопотъ, заботъ и безпокойства причиняетъ онъ главнымъ начальникамъ и утомительнаго, противнаго труда солдатамъ. А между тѣмъ Россіи уже такая судьба, что ей почти исключительно приходится воевать въ такихъ странахъ.

Подобныя условія породили особенную тактику въ войнахъ противъ турокъ. Минихъ, какъ уже было разсказано нами выше, во время войны на Крымскомъ полуостровѣ, строилъ всю пѣхоту въ продолговатое каре, прикрытое рогатками, кавалерія находилась въ срединѣ, а артиллерія по фасамъ. Такое жалкое построеніе войскъ вынуждало ихъ дѣйствовать оборонительно, потому что онѣ были лишены подвижности; это ослабляло и нравственный духъ ихъ, возвышая, напротивъ, духъ противника, гордившагося тѣмъ, что его такъ боятся и закрываются отъ него рогатками. Положимъ, что это не мѣшало тому же Миниху одерживать побѣды и разбить турокъ при Ставучанахъ, или геройски штурмовать и взять Очаковъ, но все же введенная имъ тактика была проявленіемъ частію нѣмецкой преувеличенной осторожности и педантизма, частью преувеличеннымъ мнѣніемъ о достоинствахъ турецкой конницы. Графъ Румянцевъ первый проявилъ черты русскаго военнаго духа смѣлости и рѣшимости въ натискѣ, и уничтожилъ рогатки, а войска началъ строить въ нѣсколько каре, придавъ имъ болѣе подвижности. Суворовъ пошелъ еще далѣе и строилъ небольшія двухъ баталіонные каре, распола-

гая ихъ уступами въ двѣ линіи, съ кавалеріею назади. Ему подражали князь Репнинъ и Багратіонъ. Наконецъ графъ Каменскій, въ сраженіяхъ подъ Шумлою и при Батынѣ, первый разъ употребилъ колонны и атаковалъ ими турокъ, но и самъ онъ, и Кутузовъ, и Марковъ продолжали послѣ еще держаться старой системы дѣйствій кареями, по Суворовски. Графъ Паскевичъ рѣшился окончательно замѣнить каре колоннами, при чемъ артиллерія, не разбросанная по фасамъ, могла быть сосредоточиваема въ первой линіи и дѣйствовать губительнѣе, не раздробляя своего огня; пѣхота же, въ случаѣ сильной атаки кавалеріи, всегда могла перестроиться въ каре.

Результатъ тактическихъ соображеній Паскевича былъ блистательный, какъ увидимъ ниже.

Послѣ усиленной рекогносцировки Карса, причемъ произошло довольно горячее дѣло съ турецкою кавалеріею, стоившее намъ 12 убитыхъ и 50 раненыхъ, 19-го іюня отрядъ расположился легеремъ у аула Кичикъ-Эвъ, на большой дорогѣ отъ Карса къ Эрзеруму, внѣ крѣпостныхъ выстрѣловъ, и усилилъ свою позицію нѣсколькими полевыми укрѣпленіями.

Еще за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова Карсъ считался главнымъ городомъ одной изъ областей Великой Арменіи и славился хорошимъ климатомъ и обиліемъ жителей. Внѣшнія укрѣпленія его сооружены были уже турками въ 16 столѣтіи. Въ 1828 году крѣпость состояла изъ двойнаго ряда стѣнъ, трехъ цитаделей, вмѣщающихъ одна другую, и нѣсколькихъ наружныхъ укрѣпленій. Всѣ постройки были чрезвычайно прочныя, каменныя, соединенныя между собою прикрытыми путями; цитадель имѣла подземный ходъ къ рѣкѣ. Вообще крѣпость была съ нѣкоторыхъ сторонъ почти совершенно не приступна, а съ другихъ трудно доступна. Въ 1735 гочу извѣстный персидскій шахъ Надиръ разбилъ подъ стѣнами Карса стотысячную турецкую армію, но самой крѣпости взять не могъ и, послѣ четырехъ мѣсячной осады, съ девяносто тысячами войска долженъ былъ отступить. Въ 1807 году русскій отрядъ генералъ-маіора Несвѣтаева, не взирая на свою малочисленность, штурмовалъ Карсъ, но овла-

дѣвъ уже предмѣстьями, вынужденъ былъ отступить, за недостаткомъ средствъ продолжать осаду. Эти случаи утвердили турокъ въ мнѣніи, что Карсъ неприступенъ и взять его никому не удастся. Въ описываемое нами время онъ защищался одиннадцати тысячнымъ гарнизономъ и былъ вооруженъ 150 пушками.

Въ теченіе четырехъ дней были заложены батареи подъ стѣнами крѣпости, а на пятый день произведенъ штурмъ и—Карсъ палъ 23-го іюня... Весь гарнизонъ и все бывшее въ крѣпости, съ большими запасами всякаго рода, остались въ рукахъ нашихъ.

Взгляните, храбрые товарищи, говорилъ графъ Паскевичъ въ приказѣ по корпусу, на тотъ утесъ, гдѣ нынѣ развѣвается знамя Россіи, на то мѣсто, отъ котораго сильное воинство шаха Надира, послѣ долговременной осады, отступило; вспомните о числѣ своемъ и вознесите теплую молитву къ Господу силъ за дарованную вамъ знаменитую побѣду!

Вся потеря наша ограничивалась 400 человѣками, въ томъ числѣ 1-мъ убитымъ *) и 13 ранеными штабъ и оберъ-офицерами.

Но эта блистательная побѣда, вполнѣ неожиданная для самаго главнокомандующаго, была омрачена неотразимымъ бѣдствіемъ: не взирая на всѣ предохранительныя мѣры, войска бывшія на штурмѣ заразились чумой, свирѣпствовавшею въ Карсѣ за семь мѣсяцевъ до того. Впрочемъ, энергическія мѣры не допустили развиться бѣдствію до большихъ размѣровъ и чрезъ двадцать дней вліяніе чумы стало ослабѣвать, такъ что можно было приступить къ дальнѣйшимъ военнымъ предпріятіямъ. Умерло всего около 300 человѣкъ.

За оставленіемъ въ Карсѣ самостоятельнаго отряда, какъ для защиты крѣпости, такъ для удержанія въ порядкѣ пашалыка и прикрытія нашихъ предѣловъ съ этой стороны, въ дѣйствующемъ отрядѣ, со всѣми притянутыми изъ Грузіи резервами, образовалось 8 баталіоновъ пѣхоты, 2 кавалерій-

*) Единственный убитый былъ поручикъ Штокфишъ, отецъ знаменитаго защитника Баязета въ 1877 году.

скихъ, 4 казачьихъ полка и 48 орудій. Съ этими незначительными силами графъ Паскевичъ рѣшилъ, не удаляясь отъ своей базы, обратиться на ближайшую непріятельскую крѣпость Ахалцыхъ.

Послѣ труднаго марша чрезъ Чиндырскій хребетъ, отрядъ подошелъ къ крѣпости Ахалкалки. На предложеніе сдаться безъ кровопролитія гарнизонъ отвѣтилъ весьма гордо, «что они не эриванскіе и не карскіе воины, что они ахалцыхцы и умрутъ на стѣнахъ крѣпости, но не сдадутъ ея; что, по старой пословицѣ: «одинъ карскій бьетъ двухъ эриванцевъ, а двое карскихъ не стоятъ одного ахалцыхца». Оставалось прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Крѣпость защищалась тысячнымъ гарнизономъ съ 14 пушками; она состояла изъ цитадели, имѣвшей вооруженіе въ два яруса, нѣсколькихъ башенъ въ углахъ, нѣсколькихъ закрытыхъ блокгаузовъ и проч.

Въ третій разъ подошли къ ней русскія войска. Въ 1807 г. графъ Гудовичъ, послѣ неудачнаго штурма, потерявъ 1500 человѣкъ и два орудія, вынужденъ былъ снять осаду. Въ 1811 году зимою извѣстный герой Котляревскій, внезапно появившись съ двумя баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка, взялъ крѣпость въ нѣсколько часовъ. Въ этотъ разъ графъ Паскевичъ, приступая къ осадѣ, еще разъ послалъ предложить гарнизону добровольно положить оружіе, но турки коварнымъ образомъ убили посланнаго съ казаками къ стѣнамъ сотника Абухова.

Послѣ рекогносцировки, мѣсто для первой параллели было опредѣлено въ 170 саж. отъ крѣпости. Ночью приступили къ постройкѣ батарей, и съ разсвѣтомъ уже открыли огонь столь жестокій, что гарнизонъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ, не находя достаточно прикрытій, началъ по веревкамъ спускаться за стѣну, съ цѣлью бѣжать, но въ это время наши уже ворвались частью внутрь крѣпости, частью обошли и отрѣзали имъ путь отступленія, такъ что къ вечеру крѣпость была взята, а изъ гарнизона большая половина погибла; 300 человѣкъ взяты въ плѣнъ, а небольшая часть успѣла бѣжать. Съ нашей стороны потеря ограничилась всего 13 человѣками.

Покореніе Ахалкалаки обезпечило свободное сообщеніе съ Гумри и Грузіею, развязавъ отряду руки для дѣйствій подъ Ахалцыхомъ. Въ тоже время отдѣльная колонна овладѣла еще укрѣпленіемъ Хертвисъ, а особый отрядъ, дѣйствовавшій со стороны Гуріи, взялъ крѣпость Поти.

Настала очередь Ахалцыха. Къ вечеру 4 августа отрядъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ движенія по едва проходимымъ горнымъ тропинкамъ и кручамъ,—гдѣ тяжелыя орудія требовали каждое по 200 человѣкъ рабочихъ, гдѣ каждую повозку на рукахъ спускали,—достигъ долины р. Куры и расположился лагеремъ въ 6 верстахъ отъ Ахалцыха.

Съ 6-го числа началась осада. Ахалцыхъ (по грузински ахали цихе, т. е. новая крѣпость) постройкою и расположеніемъ своимъ вполнѣ соотвѣтствовалъ образу жизни его обитателей. Городъ, лежащій посреди изрытой мѣстности, представлялъ картину разбойничьяго притона, основаннаго разными сосѣдними хищными удальцами на предѣлахъ богатыхъ, но безсильныхъ провинцій Грузіи. Давъ пристанище толпѣ буйныхъ, набѣгами и грабежами существовавшихъ горцевъ, городъ между тѣмъ привлекъ къ себѣ разныхъ торговцевъ и промышленниковъ—евреевъ, армянъ и азіятскихъ католиковъ, наживавшихся отъ щедрой вольницы, вошелъ въ торговыя сношенія съ Эриванью, Тифлиссомъ, Эрзерумомъ, Трапезондомъ и даже Константинополемъ, и въ описанный нами періодъ достигъ цвѣтущаго состоянія.

Преимущественный и важнѣйшій оплотъ города составляли укрѣпленія окружавшія предмѣстья: четыре бастіона и одна башня, соединенныя прочнымъ сосновымъ палисадомъ. Затѣмъ крѣпость съ цитаделью, съ стѣнами въ 2 ряда, нѣсколькими башнями и бастіонами,—все каменныя, прочныя постройки. Всѣхъ орудій на вооруженіи было 62. До 10 тысячъ человѣкъ, почти исключительно ахалцыхскихъ жителей, издавна извѣстныхъ своею храбростью, составляли гарнизонъ; кромѣ того былъ значительный вспомогательный отрядъ и массы турецкой кавалеріи, приведенныя въ помощь Кіосъ-Магометъ-пашой.

Ахалцыхъ въ 1810 году былъ уже осажденъ нашими войсками, подъ начальствомъ генерала Тормасова (съ 16 по

26 ноября); но безъ успѣха, понеся весьма большія потери, войска отступили. Причину неудачи приписали чумѣ, хотя главнѣйшимъ образомъ не она, а малочисленность войскъ (11 баталіоновъ) и крайне неудачныя распоряженія вызвали неуспѣхъ.

Не входя въ подробности осады и вообще дѣйствій отряда графа Паскевича, мы ограничимся изложеніемъ результата.

Приступивъ къ осадѣ, главнокомандущій однако убѣдился, что пока вспомогательныя войска поддерживаютъ крѣпость, мы не только не могли имѣть успѣха, но еще ежечасно подвергались нападеніямъ на значительномъ протяженіи работъ; наконецъ, въ случаѣ неудачи, самое отступленіе съ огромнымъ обозомъ и осадною артиллеріею по сквернымъ дорогамъ, ведущимъ въ Грузію, могло повести къ критическому положенію отряда. Все это вынудило графа Паскевича предварительно атаковать лагерь пашей Кіоса-Магомета и Мустафы, дабы ихъ пораженіемъ облегчить главную задачу,—взятіе Ахалцыха. У пашей на позиціи, прикрытой четырьмя укрѣпленными лагерями, было до 10 тысячъ пѣхоты изъ Лазовъ, извѣстныхъ своею воинственностью, и много кавалеріи, стѣснявшей въ высшей степени раіонъ доступной нашимъ войскамъ фуражировки.

Предпріятіе графа Паскевича не могло не казаться всѣмъ рискованнымъ, ибо въ случаѣ нашего пораженія послѣдствія не только для отряда, но и для Закавказскаго края могли оказаться бѣдственными. Былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ однако предположенія главнокомандующаго единодушно одобрены.

Ночью на 9-е августа, оставивъ 5 баталіоновъ съ осадною артиллеріею подъ крѣпостью, графъ Паскевичъ, съ остальными 7 баталіонами, всею кавалеріею и 25 орудіями, двинулся въ лагерямъ пашей. Какъ водится, разсчеты ночнаго движенія оказались ошибочными и вмѣсто того, чтобы, какъ предполагалось, до разсвѣта нагрянуть въ расплохъ на непріятеля, мы сами въ 6 часовъ утра очутились еще въ 3 верстахъ отъ него и въ весьма неудачной позиціи были атакованы четверными силами; не взирая на это, послѣ колебаній счастія

то въ ту, то въ другую сторону, побѣда осталась за нами; турки, на голову разбитые, разсѣялись, всѣ ихъ лагери съ огромными запасами, десятью орудіями и проч. взяты. Потеря у насъ при этомъ была однако довольно значительная.

Затѣмъ осада поведена съ настойчивостью, и когда на предложеніе сдать крѣпость турецкій комендантъ съ гордостью отвѣтилъ отказомъ, 15 августа повели штурмъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ кровавой работы, крѣпость была взята... Гарнизонъ, потерявъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, сдался; 67 орудій, въ томъ числѣ 5 русскихъ, потерянныхъ въ 1807 и 1810 годахъ нашими войсками подъ стѣнами Ахалцыха, всякаго рода запасы, нѣсколько десятковъ знаменъ и проч. были трофеями. Нашъ уронъ состоялъ изъ 600 человѣкъ, въ томъ числѣ 62 штабъ и оберъ-офицеровъ.

Вслѣдъ затѣмъ сдались намъ Ацхуръ и Ардаганъ. Между тѣмъ часть войскъ, дѣйствовавшая съ эриванской стороны овладѣла Баязетомъ, Топрахкале и Діадиномъ. Но до этого куртины производили набѣги на наши границы и въ персидскія области, еще занятыя нашими войсками.

Наступившая холодная осень, непрекращавшіяся появленія чумныхъ больныхъ и вообще усилившаяся болѣзненность вынудили прекратить дѣйствія и возвратить большую часть войскъ на зимнія квартиры. Вообще, въ прежнія времена зима была періодомъ пріостановки наступательныхъ дѣйствій.

Въ теченіе всего описаннаго времени г.-м. Панкратьевъ продолжалъ занимать Хойскую и Урмійскую провинціи, въ которыхъ оба баталіона Кабардинскаго полка располагались частями, то въ самомъ Хоѣ, то въ г. Дильманѣ Салмазскаго округа, то въ Карейнѣ для наблюденія за баязетскою дорогою, по которой врывались куртинскія шайки. Здѣсь, 27 іюля, такая партія, вторгшаяся въ с. Машамъ и захватившая часть жителей съ скотомъ, была настигнута 1-ю гренадерскою ротою Кабардинскаго полка и нѣсколькими казаками, подъ командою штабсъ-капитана Евдокимова, и вынуждена бѣжать, бросивъ добычу и нѣсколько своихъ убитыхъ. (Въ нашей ротѣ 1 убитъ и 1 раненъ).

Въ знойное время, для сохраненія здоровья людей, роты располагались по ближайшимъ окрестнымъ селамъ персіянъ, а въ Хоѣ для карауловъ при штабѣ отряда, оставлялись двѣ роты, смѣнявшіяся еженедѣльно.

Хотя по повелѣнію императора Николая графъ Дибичъ писалъ Паскевичу о немедленномъ возвращеніи Кабардинскаго полка на Кавказскую линію, для усиленія тамъ средствъ обороны противъ безпрерывныхъ вторженій закубанскихъ горцевъ, но Паскевичъ не нашелъ возможнымъ исполнить это и полкъ пробылъ почти до конца 1828 года въ Персіи. Только послѣ уплаты всей контрибуціи (подъ конецъ вносимой уже вещами и серебряной посудой) баталіоны наши постепенно оттуда выступили въ Баязетскій пашалыкъ. Пребываніе отряда Панкратьева въ Хоѣ тѣмъ болѣе считалось необходимымъ, что шахъ все время, подъ вліяніемъ англичанъ и жившаго въ Тегеранѣ турецкаго паши, съ легкомысліемъ и коварствомъ, вполнѣ азіятскими, не оставлялъ мысли возобновить враждебныя дѣйствія противъ Россіи. По народной молвѣ, которой впрочемъ едва ли можно вѣрить, даже убійство Грибоѣдова не обошлось безъ косвеннаго участія шаха и его клевретовъ, а также англійскихъ агентовъ. Только Аббасъ-Мирза, считавшій для себя необходимымъ имѣть поддержку Россіи въ предстоявшей борьбѣ съ братьями за престолъ, всѣми мѣрами противодѣйствовалъ враждебнымъ затѣямъ противъ Россіи и послѣ убійства Грибоѣдова поспѣшилъ отправить въ Петербургъ сына своего Хозревъ-Мирзу съ извиненіями, хотя и не имѣлъ на это окончательнаго разрѣшенія самаго шаха *).

Наконецъ, 29 декабря 1828 года, послѣ двухлѣтняго почти пребыванія въ Персіи, Кабардинцы, съ своимъ полковымъ командиромъ Швецовымъ, выступили окончательно изъ Хоя

---

*) Кстати, интересно, что въ проѣздъ Хозревъ-Мирзы по военно-грузинской дорогѣ, между Дарьяломъ и Ларсомъ, горцы напали, не взирая на большой конвой съ пушкой. Завязалась перестрѣлка, принцъ вскочилъ на лошадь; генеральнаго штаба капитанъ Ренненкампфъ, провожавшій его, очень боялся за молодаго путешественника. Но кончилось благополучно: одинъ персіянинъ изъ свиты былъ раненъ, нѣсколько лошадей пострадало, горцевъ прогнали и отправились дальше.

чрезъ Макинскій магалъ въ Баязетскій пашалыкъ. Прямая дорога была завалена сугробами снѣга и баталіонамъ пришлось совершать тяжелый переходъ чрезъ Каразіадинъ въ с. Зангезоръ близъ Баязета, куда они прибыли 9 января 1829 года. Здѣсь и въ Діадинѣ простояли они до двадцатыхъ чиселъ марта, отражая набѣги куртинскихъ шаекъ; а когда усилились слухи о намѣреніи турокъ воспользоваться отсутствіемъ дѣйствующаго корпуса и напасть на Гумри, Панкратьева подкрѣпили нѣсколькими конными полками съ 14 орудіями и передвинули къ Сардаръ-Абату, а чрезъ нѣкоторое время къ Карсу, гдѣ онъ, усиленный еще тремя баталіонами пѣхоты, и расположился у с. Инжелу поардаганской дорогѣ.

Съ этого времени оба Кабардинскіе баталіона наконецъ опять записаны въ составъ дѣйствующаго корпуса и приняли участіе во всѣхъ послѣдовавшихъ дѣйствіяхъ.

Всю весну отрядъ г. Панкратьева прикрывалъ пути, ведущія въ Карскій пашалыкъ, и 16-го мая еще стоялъ у Халиба-Оглы, въ одномъ переходѣ впереди Карса.

Теперь мы перейдемъ къ кампаніи 1829 года и разскажемъ ее съ нѣкоторыми подробностями, въ виду участія въ ней Кабардинскаго полка, хотя участіе это не выразилось никакими особыми подвигами. Вообще, изъ всѣхъ распоряженій графа Паскевича, какъ въ персидскую, такъ и въ турецкую кампаніи, совершенно ясно видно, что Кабардинскій полкъ считался имъ не изъ числа тѣхъ, на которыхъ, по издавна установившемуся убѣжденію, возлагаются самыя трудныя, опасныя, требующія беззавѣтнаго мужества и боевой опытности дѣла. Всѣ предшественники Паскевича, и Ермоловъ особенно, именно Кабардинскій полкъ считали таковымъ, но когда самъ же Алексѣй Петровичъ, какъ уже разсказано выше, превратилъ его въ Ширванскій, а изъ Казанскаго сдѣлалъ Кабардинскій, тогда, весьма естественно, все установившееся мнѣніе перешло на Ширванскій полкъ, а Кабардинскому досталась въ удѣлъ малоизвѣстность Казанскаго полка, неимѣвшаго случаевъ на Кавказской линіи къ особымъ подвигамъ и отличіямъ. И только впослѣдствіи, съ возвращеніемъ изъ Ма-

лой Азіи, Кабардинскій полкъ въ наступившемъ періодѣ безпрерывной войны съ горцами, вторично добылъ себѣ ту громкую славу, которою пользовался до сказаннаго съ нимъ случая, и, мало того, возвысилъ и упрочилъ ее до той степени, на которой онъ стоитъ опять съ тридцатыхъ годовъ и до настоящаго времени.

XXVIII.

Кампанія 1829 года.—Предварительныя распоряженія.—Выступленіе главной квартиры въ Ахалкалаки и Ардаганъ. — Передвиженіе отряда Панкратьева.—Пораженіе турецкаго корпуса и сосредоточеніе русскихъ войскъ у Катунлы.—Движеніе на Саганлугъ.—Пораженіе турокъ 19-го іюня.

Успѣхи, пріобрѣтенные русскимъ оружіемъ въ 1828 году, сильно встревожили турецкое правительство и заставили его обратить большее вниманіе на азіятскія владѣнія. Эрзерумскій сераскиръ Гамидъ-паша и начальникъ войскъ Кіосъ-Магометъ-паша были смѣнены; на ихъ мѣсто избраны извѣстные своими способностями Гаджи-Салехъ и Гаки-паша, первый сераскиромъ, второй главнокомандующимъ войсками; ихъ снабдили щедро денежными и всякими другими средствами, съ приказаніемъ не только остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ, но отнять завоеванія прошлаго года и возстановить славу оттоманскаго оружія. Духовенство призывало народъ ко всеобщему вооруженію противъ враговъ ислама. Въ Персіи продолжались настойчивыя интриги, чтобы побудить шаха выступить одновременно съ султаномъ противъ Россіи; въ Закавказскомъ краѣ среди горцевъ эмиссары усердно работали для возбужденія волненій, а закубанскія племена призывались къ энергическимъ нападеніямъ на Кавказскую линію.

Главный корпусъ турецкихъ войскъ, собранный въ Эрзерумскомъ округѣ, состоялъ изъ 80 тысячъ человѣкъ, при 66 орудіяхъ; въ Баязетскомъ пашалыкѣ, для дѣйствій близъ персидской границы, находилось до 50 тысячъ, преимущественно куртинъ, съ 50 орудіями; противъ Ахалцыха собрано

аджарцевъ и трапезонтскихъ ополченій до 10 тысячъ, съ 30 пушками; кромѣ того, собирались еще Лазы и другіе, горцы, такъ что полчища непріятеля можно было считать до 200 тысячъ, при 136 орудіяхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ были сосредоточены большіе запасы хлѣба, а Эрзерумъ усиленъ новыми укрѣпленіями и вооруженъ 200 пушекъ.

Противъ такихъ громадныхъ средствъ противника съ нашей стороны имѣлись силы просто ничтожныя. За отдѣленіемъ крайне необходимаго числа войскъ для охраненія огромнаго пространства отъ устьевъ Кубани до устьевъ Куры и обезпеченія внутренняго спокойствія въ обширномъ краѣ, съ мусульманскимъ, неблагонадежнымъ населеніемъ, графъ Паскевичъ могъ выставить въ поле всего 19 баталіоновъ пѣхоты — 12,830 человѣкъ, 16 эскадроновъ и казачьихъ сотенъ, да 4 полка милиціи—3,500 человѣкъ и 68 орудій, т. е. менѣе десятой части того, что находилось въ распоряженіи противника, хотя не слѣдуетъ забывать, что тамъ было большею частью ополченіе, при всей воинственности и привычкѣ къ оружію, не могущее противустоять регулярнымъ, да еще русскимъ войскамъ, увѣреннымъ въ своей непобѣдимости послѣ блистательно законченныхъ кампаній въ Персіи и Турціи.

Въ теченіе зимы съ 1828—1829 г., когда все вниманіе было обращено на приготовленія къ предстоящей кампаніи, два происшествія едва не поставили насъ въ критическое положеніе. Убійство въ Тегеранѣ нашего посла Грибоѣдова, грозившее войной съ Персіей, и внезапное появленіе значительныхъ турецкихъ силъ, осадившихъ Ахалцыхъ, въ которомъ находился лишь слабый гарнизонъ, состоявшій вмѣстѣ съ пашалыкомъ подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Бебутова. (Извѣстный впослѣдствіи побѣдитель турокъ при Башкадыклярѣ и Кюрюкъ-Дара въ 1853—54 годахъ).

Извѣстіе о наступленіи турокъ къ Ахалцыху и Боржому было получено въ Тифлисѣ одновременно съ донесеніемъ о трагическомъ происшествіи въ Тегеранѣ. Такое внезапное стеченіе неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, должно было поколебать и встревожить легковѣрное населеніе Кавказскаго края. Уже стали твердить о неизбѣжномъ

разрывѣ съ Персіею; въ Талышинское ханство (Ленкорань) ворвался съ партіей бывшій тамошній ханъ и совпаденіе этого происшествія съ движеніемъ турокъ давало поводъ предполагать соглашеніе между шахскимъ и султанскимъ правительствами. Въ Карабахѣ начало обнаруживаться волненіе; жители оставляли открытыя мѣстности, скрываясь въ горы; лезгины начали оказывать неповиновеніе. Еще какой-нибудь толчекъ и общее возстаніе мусульманъ могло вспыхнуть за Кавказомъ.

Положеніе было критическое, напоминавшее 1812 годъ, когда одновременно происходила война съ Наполеономъ и Турціей въ Европѣ, съ Персіей и Турціей въ Азіи, а въ Кахетіи началось возстаніе, и сообщеніе Грузіи съ Россіей чрезъ горы было прекращено взбунтовавшимися горцами. Но если мы и тогда съумѣли преодолѣть всѣ затрудненія и опасности, то теперь, съ увеличенными средствами, и вскорѣ послѣ ряда побѣдъ, само собою, задача была относительно легче, хотя малѣйшая нерѣшительность и оплошность могли обойдтись весьма дорого.

Графъ Паскевичъ былъ опытный, энергическій генералъ и сдѣлалъ всѣ распоряженія къ обезпеченію границъ, а главное къ подкрѣпленію Ахалцыха, который въ теченіе 12 дней мужественно держался противъ атаковавшихъ его турецкихъ полчищъ, пока не показались наконецъ спѣшившія на выручку войска, что и заставило непріятеля бѣжать, съ громадною потерею. Такую же неудачу потерпѣли турки въ Гуріи, гдѣ они были разбиты при Лимани. Однако положеніе наше все еще было весьма не хорошо, тѣмъ болѣе, что въ ахалцыхскомъ гарнизонѣ, изнуренномъ осадой, показались случаи чумы, а турки опять стали собирать войска, для движенія къ Ахалцыху и къ границамъ Гуріи; въ Персіи же, при содѣйствіи англичанъ, возбуждали шаха къ открытію враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Напуганный преувеличенными слухами, нашъ тавризскій консулъ оставилъ безъ разрѣшенія свой постъ и всѣ сношенія съ Персіей вдругъ прекратились.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на подробностяхъ мѣръ, принятыхъ графомъ Паскевичемъ при такихъ затрудни-

тельныхъ обстоятельствахъ, а ограничимся только ихъ результатами.

Не имѣя возможности повсюду встрѣтить непріятеля съ равнымъ успѣхомъ, главнокомандующій рѣшилъ сосредоточить большую часть своихъ силъ въ одномъ пунктѣ, между Карсомъ и Ахалцыхомъ, и обратить главнѣйшее вниманіе на турокъ, силы коихъ собирались въ Эрзерумѣ. Съ этою цѣлью въ Баязетскомъ пашалыкѣ было оставлено только четыре баталіона, съ казачьимъ полкомъ и 12 орудіями, а весь отрядъ генералъ-маіора Панкратьева (въ томъ числѣ оба батальона Кабардинскаго полка) 1-го апрѣля собрался у крѣпости Сардаръ-Абата, затѣмъ 6-го числа переправился чрезъ Арпачай у Хошеванга и занялъ позицію у с. Агузюмъ; здѣсь онъ прикрывалъ нашу границу со стороны Гумры (Александрополь), и въ то же время могъ защитить Эриванскую область, въ случаѣ возобновленія Персіею войны.

Апрѣль прошелъ въ стычкахъ съ турками, старавшимися врываться въ Ахалцыхскій пашалыкъ, въ разработкѣ дорогъ и устройствѣ переправы чрезъ Куру въ Боржомскомъ ущельи, въ борьбѣ съ чумой и въ усиленныхъ приготовленіяхъ къ предстоявшимъ вскорѣ военнымъ дѣйствіямъ.

Въ концѣ этого мѣсяца въ Эрзерумъ начали стекаться турецкія войска, набранныя въ отдаленныхъ пашалыкахъ, подъ начальствомъ Гагки и Османа пашей. Сила непріятельской арміи, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, простиралась до 60 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 20 тысячъ должны были слѣдовать къ Ахалцыху чрезъ Нариманъ и въ Ардanучѣ присоединить къ себѣ еще нѣсколько тысячъ бывшихъ тамъ съ Кючюкъ-пашой.

Сераскиръ, снабженный огромными суммами денегъ, весьма усердно занимался заготовленіемъ для своихъ войскъ всего необходимаго и вообще дѣятельность непріятеля доказывала, что Порта обратила особое вниманіе на свои азіятскія владѣнія, желая возмѣстить потери 1828 года.

Въ горахъ Саганлуга лежало еще много снѣга, дороги были трудно проходимы, но конныя шайки уже стали появляться въ окрестностяхъ Карса, захватывать нашихъ курье-

ровъ, нападать на христіанскія населенія, возмущать мусульманъ и т. п. Вслѣдствіе этого, графъ Паскевичъ счелъ нужнымъ выдвинуть къ сторонѣ Карса передовой отрядъ, который 1-го мая и собрался у Башкичета.

Обширныя средства непріятеля и намѣреніе сераскира открыть кампанію въ одно время на разныхъ пунктахъ требовали и съ нашей стороны распредѣленія силъ такимъ образомъ, чтобы онѣ могли всюду встрѣтить непріятеля и дать ему отпоръ.

Важнѣе всего было обезпеченіе Карса, которому угрожали главныя операціи турокъ, а такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ окончательно выяснилось, что ни англійскія, ни турецкія интриги въ Тегеранѣ не могли вынудить у шаха рѣшимости объявить намъ войну, вопреки согласію Аббасъ-Мирзы,—этотъ же по своимъ личнымъ разсчетамъ противился и оставался подъ вліяніемъ совѣтовъ графа Паскевича,—то отрядъ генералъ-маіора Панкратьева, расположенный при Агузюмѣ оказалось возможнымъ взять оттуда и привести къ с. Суботанъ, на половинѣ разстоянія между Карсомъ и Александрополемъ, гдѣ онъ прикрывалъ въ одно время всѣ сообщенія, ведущія мимо этихъ двухъ пунктовъ въ Эриванскую область.

Въ виду чрезвычайно важнаго значенія этого отряда, на котораго падала обязанность защиты нашихъ границъ до сбора и выступленія главныхъ силъ, къ нему былъ присоединенъ и другой, собранный у Башкичета отрядъ, такъ, что при Суботанѣ составилась значительная колонна изъ 6½ баталіоновъ пѣхоты, своднаго Уланскаго, 2-хъ казачьихъ и двухъ милиціонныхъ полковъ, съ 32 орудіями.

17-го мая выступила изъ Тифлиса главная квартира къ кр. Ахалкалаки, гдѣ уже расположился особый отрядъ генералъ-маіора Муравьева. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время до полученія подробныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, главнокомандующій 22-го мая выступилъ къ Ардагану, куда и прибылъ 24-го числа. Суровая погода все еще продолжалась, вершины не высокихъ хребтовъ, чрезъ которые пролегала дорога, были покрыты снѣгомъ, дожди съ порывистымъ вѣтромъ и градомъ шли почти ежедневно, а подножный кормъ едва показывался.

Отряду генерала Панкратьева приказано было сблизиться съ Карсомъ и занять позицію у с. Караджурана, выставивъ особую колонну близъ с. Инжису, для связи съ Ардаганомъ.

Полученныя въ Ардаганѣ свѣдѣнія о непріятелѣ согласовались съ донесеніями Панкратьева и показывали, что сераскиръ намѣренъ рѣшительно атаковать нашъ центръ, для чего уже выслалъ 20 тысячный корпусъ къ Меджингерту, а самъ съ 30 тысячами выступилъ изъ Эрзерума. Кьягья же паша спускался съ горъ съ своимъ сильнымъ корпусомъ въ направленіи къ Ахалцыху. Такимъ образомъ отрядъ генерала Панкратьева могъ очутиться въ затруднительномъ положеніи, поддержать же его другими войсками, въ виду грозившей Ахалцыху опасности, тоже оказывалось неудобнымъ.

Графъ Паскевичъ рѣшился раздробить бывшія съ нимъ войска, но незамѣтнымъ для непріятеля образомъ. Для этого онъ 30-го мая выступилъ изъ Ардагана и въ нѣсколькихъ верстахъ, отдѣливъ генералъ-маіора Муравьева съ большею частью отряда, приказалъ ему стараться выманить Кьягью-пашу изъ крѣпкой позиціи и разбить его, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до нападеній на ахалцыхскій пашалыкъ, а самъ возвратился въ Ардаганъ, 31-го числа выступилъ къ Карсу, и въ два дня, по труднымъ горнымъ дорогамъ, сдѣлавъ 72 версты, достигъ крѣпости. Между тѣмъ отрядъ Панкратьева, для удобствъ подножнаго корма, былъ выдвинутъ къ Бегли-Ахметъ по эрзерумской дорогѣ.

2-го іюня генералъ-маіоръ Муравьевъ соединился съ отрядомъ генерала Бурцова и общими силами разбили на голову Кьягью-пашу, имѣвшаго 15 т. человѣкъ, овладѣли его лагеремъ, запасами и проч. Непріятель бѣжалъ въ совершенномъ разстройствѣ.

Ахалцыхъ былъ обезпеченъ и отрядъ Муравьева притянутъ къ Карсу, для соединенія съ главными силами. 9-го іюня всѣ войска собрались къ С. Катунлы, за исключеніемъ осадной артиллеріи и парка, оставленныхъ въ карантинѣ вслѣдствіе появленія въ нихъ чумы.

10-го главнокомандующій сдѣлалъ на обширной равнинѣ

всѣмъ войскамъ смотръ и произвелъ нѣсколько эволюцій, чтобы ознакомить частныхъ начальниковъ съ различными построеніями для предстоявшихъ дѣйствій, Весь корпусъ состоялъ изъ 12,240 чел. пѣхоты, 5,770 кавалеріи, съ 70 орудіями и былъ раздѣленъ на правую колонну генералъ-маіора Муравьева (Николай Николаевичъ Карскій), лѣвую — генералъ-лейтенанта Панкратьева (здѣсь два Кабардинскихъ баталіона 1,615 чел.) и резервъ генералъ-маіора Раевскаго.

Отрядъ стоялъ у деревни Катунлы на рубежѣ прошлогоднихъ завоеваній, въ 30 верстахъ отъ подошвы Саганлугскаго хребта.

Большая дорога изъ Карса въ Эрзерумъ, проходящая чрезъ селеніе Катунлы, раздваиваясь здѣсь, перерѣзываетъ Саганлугскій хребетъ двумя различными вѣтвями, которыя, удаляясь одна отъ другой, на разстояніи отъ 3 до 12 верстъ, сходятся вновь, по спускѣ съ горъ, у моста на рѣкѣ Араксѣ, близь селенія Керпи-Кевъ. Лѣвая изъ этихъ дорогъ, извѣстная подъ именемъ меджингертской, идетъ на селеніе Аспуга, урочище Милли-Дюзъ, замокъ меджингертъ и мѣстечко Хоросанъ, занимая протяженія около 80 верстъ, а правая, называемая зевинскою, чрезъ Катунлы, Загинъ, Зевинъ и селеніе Ардосъ, простираясь всего съ небольшимъ на 100 верстъ. Саганлугскій хребетъ вообще такъ возвышенъ, что въ половинѣ іюня войска встрѣтили еще на протяженіи 50 верстъ большіе снѣжные заносы, сохраняющіеся почти до августа. Густой лѣсъ, преимущественно сосновый, начинаясь отъ самой сѣверовосточной подошвы, стелется по всему хребту, почти до замка Зевина, окружая меджингертскую дорогу въ ширину на 20, а зевинскую на 10 верстъ.

Обѣ дороги, всходя такимъ образомъ на высокій хребетъ по лѣсистому гребню, пересѣкаютъ сверхъ того множество глубокихъ и крутыхъ овраговъ, весьма благопріятствовавшихъ непріятелю къ устройству большихъ засадъ.

На дорогѣ меджингертской, почти въ 10 верстахъ отъ замка этого названія, по направленію къ селенію Катунлы, при урочищѣ Милли-Дюзъ, на ровной вершинѣ хребта, былъ поставленъ турецкій лагерь трехъ-бунчужнаго Гагки-паши,

прославившагося въ Азіятской Турціи храбростью и военными способностями, съ корпусомъ въ 20 тысячъ человѣкъ, при 18 орудіяхъ. Въ числѣ конницы было до 3,000 дели *).

Самый опытный стратегъ не избралъ бы позиціи и болѣе крѣпкой, и въ большей степени командующей окрестностями. Лагерь съ фронта опирался на обрывистые берега рѣчки Ханы-су, со всѣхъ же прочихъ сторонъ окружали его глубокіе скалистые овраги, поросшіе густымъ лѣсомъ, посреди которыхъ только съ тыла, отъ Зевина, оставалась для входа въ лагерь полоса земли, подобная плотинѣ.

Эта природная неприступность позиціи усилена была сверхъ того искуственными укрѣпленіями. По берегу рѣчки Ханычай, на протяженіи почти двухъ верстъ, устроены были ломанною линіею мѣстами шанцы изъ земли, камня и бревенъ, а мѣстами весьма прочныя засѣки. Правый флангъ ихъ поворачивалъ на югъ подъ прямымъ угломъ и, обогнувъ лагерь въ этомъ направленіи около полуверсты, оканчивался сомкнутымъ редутомъ; лѣвый, имѣя подобный же изгибъ подъ тупымъ угломъ къ востоку, прикрывался сверхъ того на разстояніи двухъ верстъ двумя отдѣльными батареями. Дороги отъ замка Зевина и Меджингерта обстрѣливались редутомъ, устроеннымъ въ срединѣ лагеря, на высотѣ, близь ставки паши.

Сераскиръ Салегъ-паша, не успѣвшій предупредить главныя силы наши подъ Карсомъ, долженъ былъ съ 30,000 человѣкъ занять зевинскую дорогу. Ему хотѣлось, заманувъ насъ на Саганлугскія горы, окружить въ тамошнихъ лѣсахъ и отрѣзать всякую возможность къ отступленію, для чего корпусъ Гагки-паши и былъ выставленъ впередъ, въ видѣ сильнаго авангарда турецкой арміи.

Прибывъ съ главною квартирою въ Катулы, графъ Паскевичъ спѣшилъ предупредить сераскира, чтобы онъ не занялъ зевинской дороги. Съ этою цѣлію главнокомандующій

---

*) Дели-башъ (сумасшедшая, бѣшенная голова) было присвоено лихимъ наѣздникамъ разныхъ племенъ, составлявшимъ знаменитую нѣкогда турецкую конницу, грозу европейскихъ войскъ; но впослѣдствіи эти дели-баши сотнями бѣгали отъ десятка нашихъ драгунъ и казаковъ.

направилъ фальшивыя рекогносцировки къ лагерю Гагки-паши, дабы показать туркамъ, что мы пойдемъ на Эрзерумъ, чрезъ Милли Дюзъ и Меджингертъ. Для привлеченія въ эту сторону вниманія, отправлена была 10 іюня къ Мелли-Дюзу партія изъ казаковъ и татаръ, которые, дойдя до первыхъ возвышеній и съ намѣреніемъ открывъ себя непріятельскимъ аванпостамъ, возвратились въ тотъ же вечеръ въ лагерь.

На другой день генералъ-маіоръ князь Бековичъ-Черкасскій съ небольшою колонною произвелъ такую же рекогносцировку къ Милли-Дюзу; кавалерія у него была преимущественно изъ мусульманскихъ полковъ *). Когда можно было надѣяться, что паша этими движеніями достаточно убѣжденъ въ намѣреніи нашемъ идти по лѣвому направленію, графъ Эриванскій рѣшился не откладывать болѣе перехода чрезъ Саганлугскій хребетъ, и для совершеннаго отвлеченія непріятельскихъ силъ отъ зевинской дороги сдѣлалъ въ день самаго выступленія корпуса на Саганлугъ новую демонстрацію по меджингертской дорогѣ, направивъ въ ту сторону даже фальшивую атаку.

13-го іюня, въ 5 часовъ пополудни, корпусъ выступилъ на Саганлугъ на легкахъ.

Отрядъ генерала Бурцова, посланный по лѣвому направленію на Милли-Дюзъ, въ сумерки остановился близъ деревни Карагамзы и, растянувъ умышленно на открытой высотѣ войска, ночью зажегъ въ вагенбургѣ и посреди биваковъ огни и выдвинулъ по дорогѣ къ непріятельской позиціи всю свою кавалерію.

Отвлеченный фальшивыми движеніями нашими на Меджингертъ и встревоженный посреди своего лагеря, въ самые важнѣйшіе для насъ часы, непріятель поздно замѣтилъ свою безпечность. На пути, по которому шли главныя силы наши, не

---

*) Въ 1828 году были сформированы четыре конно-мусульманскіе полка изъ закавказскихъ провинцій. Графъ Паскевичъ постоянно отзывался объ нихъ съ похвалою; они дрались мужественно противъ своихъ единовѣрцевъ, служили усердно, имѣли много потерь въ дѣлахъ и очень радовались наградамъ.

было во все время ни одного караула, и посланный впередъ съ казаками генералъ-маіоръ Сергѣевъ, достигнувъ предъ разсвѣтомъ опушки лѣса, не только не встрѣтилъ здѣсь турецкихъ войскъ, но столь же безпрепятственно успѣлъ, съ головою колонны, пройти къ 5 часамъ утра и самый лѣсистый гребень хребта, представлявшій большія удобства къ упорному сопротивленію скрытыми засадами.

Когда получено было отъ Сергѣева донесеніе о занятіи казаками входа въ лѣсъ, главныя силы выступили во второмъ часу пополуночи и, пройдя еще 12 верстъ, остановились на разсвѣтѣ при подошвѣ послѣдняго возвышенія Саганлунгскихъ горъ. Послѣ трехъ часоваго привала, весь корпусъ выступилъ далѣе.

Въ 7 часовъ главнокомандующій прибылъ лично къ авангарду, и покуда остальныя войска проходили послѣднюю часть дороги, лагерь для корпуса былъ избранъ на лѣвомъ берегу рѣчки Инжа-су, въ 8 верстахъ отъ позиціи Гагки-паши. Въ 8 часовъ утра постепенно начала сближаться къ рѣчкѣ Инжа-су пѣхота и артиллерія, а вскорѣ потомъ весь отрядъ построился въ боевомъ порядкѣ на мѣстѣ избраннаго лагеря, сдѣлавъ въ одну ночь 39 верстъ.

Перестрѣлка на милли-дюзской дорогѣ, въ первый разъ была услышана въ авангардѣ генералъ-маіора Сергѣева около 7 часовъ утра, и чѣмъ болѣе главныя силы сближались къ Инжа-су, выстрѣлы эти дѣлались явственнѣе и чаще. Съ прибытіемъ главнокомандующего къ передовымъ войскамъ уже не было никакого сомнѣнія, что казаки, тѣснимые непріятелемъ, отступаютъ. Дабы отвлечь турокъ отъ преслѣдованія нашей малочисленной казачьей партіи, приказано было всей конной бригадѣ выказаться на высотахъ предъ лѣвымъ флангомъ лагеря Гагки-паши. Казаки вскорѣ протянули цѣпь свою по горамъ и заняли вершины ихъ не далѣе пяти верстъ отъ непріятельскаго стана. Когда турки увидѣли это новое и неожиданное появленіе русскихъ войскъ, въ лагерѣ ихъ произошло величайшее смятеніе; толпы пѣхоты строились и переходили съ мѣста на мѣсто, а кавалерія быстро возвращалась назадъ, оставивъ передовой казачьей партіи нашей возможность свободнаго отступленія.

Выѣхавъ на высоты, главнокомандующій подробно обозрѣвалъ оттуда все окрестное мѣстоположеніе. Наѣздники непріятельскіе безпрерывно показывались со всѣхъ сторонъ, но удалялись при первомъ движеніи впередъ нашихъ патрулей.

Упорная твердость плѣнныхъ, захваченныхъ въ этотъ день, явно доказывала, какимъ энтузіазмомъ исполнено было непріятельское войско; нѣкоторые изъ нихъ, при всѣхъ распросахъ и убѣжденіяхъ, отзывались рѣшительнымъ незнаніемъ относительно положенія и силъ Гагки-паши и сераскира; другіе, тяжело раненые, отказались даже отъ предложенной имъ перевязки.

Осмотрѣвъ 14 іюня позицію Гагки-Паши, главнокомандующій нашелъ ее совершенно неприступною съ фронта и лѣваго фланга. Будучи удлена отъ нашего расположенія на 8 верстъ, она отдѣлялась сверхъ того отъ насъ грядою высокихъ, остроконечныхъ возвышеній, и только одна пѣшеходная дорожка вела отъ рѣчки Инжа-су къ Милли-Дюзу; но каменистый и крутой спускъ въ Ханское ущелье не позволялъ слѣдовать по этой дорожкѣ съ артиллеріею, и непріятель, владѣя такимъ образомъ всѣми выгодами оборонительнаго положенія, могъ отразить съ успѣхомъ нападеніе. Оставалось одно средство: овладѣть позиціею Гагки-паши съ тыла, сдѣлавъ весьма трудное обходное движеніе, около 50 верстъ, на деревню Караурганъ. Но исполненіе этого не могло быть предпринято ранѣе трехъ дней, пока всѣ обозы наши стянутся отъ Котанлы; между тѣмъ получаемыя извѣстія не позволяли медлить, ибо съ часу на часъ ожидали появленія на лѣвой дорогѣ сераскира, котораго авангардъ уже находился въ Зевинѣ.

Чтобы внушать непріятелю постоянную опасность относительно атаки съ береговъ рѣчки Инжа су и воспрепятствовать Гагкѣ-пашѣ посылать большіе отряды на лѣвую дорогу, а также прикрыть слѣдованіе нашего огромнаго вагенбурга, производились сильныя демонстраціи. Ежедневно половинное число войскъ выходило изъ лагеря на высоты, окружающія Милли-Дюзъ; нѣсколько баталіоновъ занимали позицію на назначенныхъ открытыхъ мѣстахъ; регулярная кавалерія становилась уступомъ впереди, а казаки, раздѣленные на партіи,

подвигались еще ближе къ Милли-Дюзу, заводя легкую перестрѣлку съ непріятельскими караулами. Эти ложныя наступленія причиняли въ турецкомъ станѣ весьма примѣтную тревогу. Толпы строились позади заваловъ и укрѣпленій; но никто не осмѣливался выступить впередъ. Въ сумерки, когда войска наши обыкновенно возвращались въ лагерь, непріятель производилъ по колоннамъ нѣсколько залповъ: можетъ быть въ знакъ избавленія отъ грозившей опасности, или въ ознаменованіе побѣды, по ихъ мнѣнію одержанной, ибо тогда дѣйствительно отъ воли Гагки-паши зависѣло подарить сераскира донесеніемъ, что русскіе уже дѣлали приступы, но мужествомъ правовѣрныхъ отбиты.

Огромный вагенбургъ нашъ, состоявшій изъ 3,000 фуръ, пользуясь отвлеченіемъ непріятеля, совершилъ наконецъ, почти въ виду его, трудный переходъ отъ селенія Котанлы къ рѣчкѣ Инжа-су; а большая часть отряда генералъ-маіора Бурцова была придвинута сюда однимъ днемъ ранѣе.

Опасаясь ежеминутно внезапнаго нападенія, Гагки-паша усугубилъ повсюду осторожность. Не осталось ни одной высоты, ни одной тропинки, ведущей къ нашему лагерю, которыя не были бы заняты турецкими караулами, а на главномъ пути къ Зевину явился, подъ начальствомъ Османъ-паши, отрядъ изъ 1,200 человѣкъ пѣхоты и 400 конницы. Онъ стоялъ въ 10 верстахъ онъ насъ въ глубокой живописной Бардузской долинѣ, занимая позицію при самой дорогѣ, идущей отъ рѣчки Инжа-су къ Эрзеруму. Но все это не помѣшало главнокомандующему окончательно рѣшиться атаковать лагерь Гагки-паши съ тыла. Предпріятіе это представляло чрезвычайныя затрудненія, нужно было сдѣлать скрытное обходное движеніе по ужаснымъ трущобамъ 50 верстъ. Идти съ обозомъ въ 3 тыс. фуръ немыслимо по такимъ мѣстамъ; оставить обозъ на мѣстѣ, значило раздробить войска для его прикрытія, а весь корпусъ то былъ весьма небольшаго состава; къ тому же Гагки-паша, узнавъ о движеніи, могъ броситься на наши сообщенія съ Карсомъ и поставить насъ между двухъ огней. Соразмѣривъ всѣ неудобства съ необходимостью дѣйствовать быстро и рѣшительно, графъ Паскевичъ не задумался

предпринять обходный маршъ на Зевинъ, какъ единственное хотя и слишкомъ опасное средство къ побѣдѣ.

18 числа послѣ полудня началось это движеніе, и когда голова войскъ тронулась съ мѣста, графъ Паскевичъ сказалъ: «Теперь корпусъ мой похожъ на корабль; я отрубилъ якорь и пускаюсь въ море, не оставляя себѣ обратнаго пути».

Болѣе всего надлежало скрыть отъ непріятеля удаленіе наше отъ рѣчки Инжа-су. На этотъ конецъ почти въ одно время съ выступленіемъ корпуса сдѣланы вновь усиленныя демонстраціи колонною генерала Панкратьева.

Узкая дорога по полугорью и частыя топи при спускахъ въ лощины сильно замедляли движеніе обозовъ. Невозможно было слѣдовать иначе какъ въ одну повозку; вагенбургъ тянулся длинною цѣпью и послѣдняя часть его едва успѣла въ сумерки тронуться съ мѣста. Переправы на Чермукѣ, въ 5 верстахъ отъ лагеря, и далѣе на Хунткеръ-су еще болѣе увеличивали медленность. Хвостъ корпуса приходилъ на мѣсто 10 — 12-тью часами позже авангарда.

Между тѣмъ колонна генерала Панкратьева цѣлый день оставалась на занятыхъ высотахъ, противъ Милли-Дюза и выказывала приготовленія къ атакѣ. Съ наступленіемъ же ночи, разложивъ на горахъ огромные костры, она быстро отступила и въ теченіе ночи успѣла соединиться съ главными силами корпуса, расположившимися для отдыха у р. Хунткеръ-су.

19-го іюня войска продолжали движеніе къ Зевину; вагенбургъ тянулся въ восемь родовъ; а колонна генерала Панкратьева шла (здѣсь Кабардинскіе баталіоны) въ арріергардѣ.

До спуска Чахиръ-Баба надлежало пройти только 5 верстъ; на этомъ пространствѣ встрѣчается весьма болотистая полоса земли, образуемая соединеніемъ многихъ источниковъ верховья рѣчки Хунткеръ-су; піонерный баталіонъ, отправленный еще на зарѣ, успѣлъ накинуть четыре прочные моста, однакоже предусмотрительность эта весьма мало ускорила слѣдованіе обозовъ и они едва къ 10 часамъ утра успѣли достигнуть до Чахиръ-Баба, когда уже замѣчено было первое появленіе непріятеля. Значительная партія его начала показываться по большой эрзерумской дорогѣ; другая влѣво на высотахъ.

Генералъ-маіору Панкратьеву поручено было устроить общій вагенбургъ на высотѣ Чахиръ-Баба. Съ правой стороны прикрывали его четыре полубаталіона Кабардинскаго полка, 4 батарейныхъ орудій и 4-й мусульманскій полкъ.

Въ полдень непріятельская кавалерія показалась на правой дорогѣ близь деревни Каинлы и въ то же время за рѣчкою Загинъ-Кала-су замѣчены многочисленныя толпы, спускавшіяся съ горъ отъ лагеря Гагки-паши; вслѣдъ затѣмъ правый флангъ нашъ былъ атакованъ со стороны деревни Каинлы. Сраженіе завязалось жаркое, сначала съ кавалеріею, а послѣ турки прорывались къ пѣхотнымъ каре; въ нѣкоторыхъ пунктахъ запальчивые наѣздники врубились въ тылу баталіоновъ и въ прикрытія патронныхъ ящиковъ, такъ что пришлось ввести въ дѣло большую часть войскъ и открыть картечный огонь изъ большинства орудій. Особенно настойчиво подвигался правый флангъ турокъ, пользуясь удобною мѣстностію и незначительностію нашихъ силъ; здѣсь имъ удалось заставить отступить баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, который получивъ подкрѣпленіе опять пошелъ впередъ и остановилъ наступленіе непріятеля ударомъ въ штыки.

Въ это время скопленіе значительной части непріятельскихъ войскъ на лѣвомъ крылѣ нашемъ и длинное протяженіе ихъ строя, занимавшаго около пяти верстъ, открыло возможность раздвоить ихъ силы и, отбросивъ въ разныя стороны, разбить порознь. Для достиженія этого, главнокомандующій направилъ на центръ непріятельскій большую часть артиллеріи. Турки сначала держались твердо и даже сдѣлали нѣсколько смѣлыхъ атакъ; но поражаемые сильнымъ огнемъ, вынуждены были раздѣлиться и отступали къ своимъ флангамъ. Тотчасъ за ними двинуты наши войска, а кавалерія, пользуясь отлогостью, понеслась въ атаку съ фронта и съ фланговъ; непріятель опрокинутъ и преслѣдованъ за рѣчку до лѣсистыхъ высотъ.

Правое же крыло турокъ, не взирая на сильный огонь артиллеріи и удачную атаку гренадеръ, безпрерывно подвигалось впередъ.

Непріятель съ новою смѣлостію возобновилъ нападеніе; нѣ-

сколько наѣздниковъ ихъ успѣли проскакать даже позади нашихъ каре, схватить часть офицерскихъ вьюковъ и изрубить прикрытія. Толпы турокъ, напирая по скату горы, уже огибали значительно нашъ лѣвый флангъ, но въ эту минуту генералъ Панкратьевъ, наблюдавшій непріятеля на лѣвомъ крылѣ, видя его чрезмѣрныя усилія и успѣхъ, поспѣшилъ послать туда на рысяхъ, изъ резерва, два казачьихъ полка, приказавъ имъ пробраться въ обходъ по полугорью. Преодолѣвъ нѣсколько весьма крутыхъ овраговъ, казаки быстро слѣдовали по узкой тропинкѣ, составляющей карнизъ горы, и вдругъ, въ одну изъ самыхъ опасныхъ минутъ для атакованной нашей колонны, неожиданно явились надъ головами турокъ и мужественно понеслись съ горы въ пики; пѣхота, стоявшая внизу, поддержала нападеніе и общій ударъ рѣшилъ перевѣсъ битвы въ нашу пользу. Тщетно турки, пробираясь извѣстными тропинками, чрезъ скалистые овраги, покушались возстановить дѣло; казаки прижимали ихъ неоднократно къ утесамъ и рытвинамъ, и только трудность мѣстоположенія спасла непріятеля отъ сильнаго напора конницы. На одной удобной крутизнѣ, большія непріятельскія толпы успѣли однако же соединиться, поставили два орудія, подвезенныя изъ лагеря Гагки-паши, и открыли огонь: но генералъ Сергѣевъ, съ двумя офицерами при немъ бывшими, и нѣсколькими казаками ударилъ на нихъ, перекололъ артиллеристовъ и отбилъ одну пушку въ самую минуту выстрѣла, причемъ оба офицера его были ранены саблями. Другое орудіе турки успѣли увезти, предавшись совершенному бѣгству, при видѣ приближавшейся свѣжей колонны на помощь Сергѣеву. Турки были опрокинуты въ послѣдній разъ и прогнаны за Ханское ущелье. Вскорѣ подоспѣлъ туда генералъ-маіоръ Панкратьевъ съ пѣхотою и 8 орудіями, и перевѣсъ уже окончательно оказался на нашей сторонѣ.

Сраженіе казалось совершенно оконченнымъ. Около 4 часовъ пополудни войска, преслѣдовавшія кавалерію Гагки-паши, возвратились на позицію. Всеобщая усталость и приближеніе вечера не подавали надежды продолжать маршъ еще на нѣсколько верстъ, при тѣхъ препятствіяхъ, повторенія кото-

рыхъ надлежало ожидать со стороны многочисленнаго непріятеля, и главкомандующій по этимъ причинамъ располагалъ ночевать въ долинѣ на берегахъ рѣчки Каинлыхъ-Чай. Но новыя извѣстія скоро заставили измѣнить это намѣреніе. Въ 5 часовъ пополудни прибылъ офицеръ отъ колонны полковника графа Симонича, которая еще продолжала слѣдить отступавшія на правомъ нашемъ флангѣ толпы турокъ, съ извѣстіемъ, что на противной сторонѣ р. Каинлыхъ-Чай открытъ непріятель, укрѣплявшійся впереди лѣса.

Почти въ это же время привели къ главнокомандующему плѣннаго чиновника турецкаго Мамишъ-Агу, начальника япычаръ и старѣйшину города Эрзерума, который въ сраженіи командовалъ всею эрзерумскою кавалеріею. Показанія его подтверждали, что силы непріятельскія, открытыя графомъ Симоничемъ, состояли изъ свѣжихъ войскъ, прибывшихъ наканунѣ къ Зевину, подъ начальствомъ сераскира, въ числѣ 8,000 конницы и 4,000 пѣхоты. По словамъ Мамишъ-Аги, сераскиръ не располагалъ начинать дѣйствій прежде, нежели позиція его будетъ укрѣплена, тѣмъ болѣе, что къ вечеру 19-го числа надѣялись на присоединеніе новаго секурса изъ Эрзерума, около 18,000 чел. Онъ не ожидалъ также столь скораго приближенія русскихъ войскъ, и, принявъ ошибочно весь корпусъ нашъ за малочисленный отрядъ генерала Муравьева, высланный для рекогносцировки, далъ приказаніе Гагкѣ-пашѣ атаковать насъ только 10,000 конницы. Удостовѣреніе въ противномъ изумило сераскира; онъ выслалъ на подкрѣпленіе часть прибывшей съ нимъ кавалеріи, но видя, что и она была отброшена, рѣшился отступить и, въ ожиданіи прибытія новыхъ подкрѣпленій, прикрыть позицію свою окопами. Мѣсто имъ избранное отстояло не далѣе 2½ верстъ отъ нашего праваго фланга и совершенно господствовало долиною. Сообразивъ эти извѣстія, главнокомандующій замѣтилъ предъ всѣми, сколь неблагоразумно поступаетъ сераскиръ, рѣшаясь въ виду нашемъ укрѣплять позицію. «Я покажу», прибавилъ онъ, «что въ присутствіи русскихъ войскъ это не такъ легко сдѣлать, особенно, когда у меня до 5,000

кавалеріи». Тотчасъ дано приказаніе колоннамъ генераловъ: Панкратьева и Муравьева непримѣтнымъ образомъ сближаться по батальонно къ позиціи графа Симонича, бывшей впереди на 3 версты. Всей кавалеріи велѣно слѣдовать туда же. Въ 7 часовъ вечера колонны были на мѣстахъ. Пѣхота, построенная въ полубаталіонныя колонны, имѣя въ интервалахъ артиллерію, скрытно лежала въ лощинахъ; конница была расположена вблизи, уступами. Мнимое это спокойствіе, равно движеніе вагенбурга по дорогѣ отъ Чахиръ-Баба и устроеніе лагеря въ долинѣ, на берегахъ рѣчки Каинлыхъ, совершенно усыпили сераскира. Онъ дѣятельно продолжалъ укрѣпляться; окопы его уже были протянуты почти на версту и по временамъ изъ батарей тамъ поставленныхъ посылались къ намъ ядра.

Почти въ половинѣ 8-го часа вечера, при звукахъ барабановъ и музыки, внезапно всѣ три колонны наши появились изъ лощины предъ лицомъ изумленнаго непріятеля. Генералъ Муравьевъ шелъ на правомъ флангѣ, а генералъ Панкратьевъ на лѣвомъ, кавалерійская колонна, занимая интервалъ между ними, слѣдовала върединѣ.

Ужасъ, распространившійся въ войскахъ сераскира неудачею утренней битвы и рѣшительность, съ которою произведено это новое наступленіе, доставили побѣду гораздо легче, чѣмъ можно было ожидать. Три колонны, раздѣлясь по даннымъ направленіямъ, спокойно шли впередъ. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ съ непріятельской позиціи, не остановили движенія ни на одну минуту. Видя намѣреніе наше обойти ихъ съ фланговъ, турки сочли невозможнымъ держаться; малѣйшая медленность казалась для нихъ гибелью и, забывая все, они думали только объ одномъ спасеніи. Вскорѣ по всему протяженію окоповъ замѣченъ безпорядокъ и отступленіе. Конные полки наши тотчасъ двинулись на рысяхъ впередъ; за ними поспѣшила пѣхота, не взирая на довольно крутой и продолжительный подъемъ. За горою, на скалистомъ берегу рѣчки Исти-су, непріятель имѣлъ подкрѣпленіе, и турецкіе начальники, остановивъ здѣсь бѣгущихъ, открыли артиллерійскій

огонь; но удержать стремительность войскъ нашихъ было поздно; нѣсколько конныхъ полковъ уже успѣли выскакать на высоты; вслѣдъ за ними, на правомъ флангѣ непріятеля показалась изъ лѣса колонна генерала Панкратьева; дѣйствіе поставленной въ эту минуту артиллеріи увеличило смятеніе, и произведенная атака кавалеріи довершила ужасъ. Непріятель возобновилъ окончательное бѣгство и былъ преслѣдованъ по пятамъ съ такою быстротою, что не успѣвалъ даже выстрѣливать изъ заряженныхъ орудій. Донскому Карпова полку, среди безостановочнаго натиска, удалось взять, одну послѣ другой, шесть пушекъ, 1 й Мусульманскій полкъ отбилъ двѣ. Приказавъ пѣхотѣ остановиться близь с. Караурганъ, главнокомандующій продолжалъ преслѣдованіе еще 12 верстъ. Передовые татары и казаки скоро ворвались на плечахъ непріятеля въ сераскирскій лагерь, стоявшій при Зевинѣ, овладѣли имъ и гнали турокъ до наступленія глубокой ночи. Дорога была загромождена зарядными ящиками, брошенными пушками, боченками пороха, обломками оружія, остатками вьюковъ и трупами людей и лошадей. Сераскиръ, потерявшій въ этотъ день 12 орудій и всѣ бывшіе съ нимъ артиллерійскіе и продовольственные запасы, едва самъ избѣгнулъ плѣна. Наша конница настигнула турецкаго главнокомандующаго въ Зевинѣ, гдѣ онъ намѣревался принять мѣры къ отпору; одна только быстрота лошади спасла его и онъ самъ-третей ускакалъ въ Гассанъ-Кале. Преслѣдованіе вообще было столь быстро и неожиданно, что въ печахъ зевинскаго лагеря найдено весьма много хлѣба и даже готоваго тѣста. Потеря, понесенная нами при этомъ случаѣ, состояла изъ нѣсколькихъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Уронъ непріятеля былъ значительный, не считая 300 плѣнныхъ.

Въ полночь главнокомандующій съ кавалеріею возвратился къ Карауграну, гдѣ расположилась пѣхота для ночлега. Едва отъѣхалъ онъ полверсты отъ Зевина, какъ окрестность огласилась сильнымъ взрывомъ и замокъ взлетѣлъ на воздухъ. Непріятель, отступая, успѣлъ бросить огонь въ главное строеніе, служившее складомъ для пороха, на крышѣ котораго

долго оставался графъ Эриванскій съ большею частью свиты По счастію, драгунамъ, отыскивающимъ фуражъ, удалось открыть опасность заблаговременно; но нѣсколько казаковъ и мусульманъ, которые по неосторожности замедлили, сдѣлались жертвою взрыва. По частнымъ свѣденіямъ, взрывъ произошелъ отъ неосторожности нашихъ людей, отыскивавшихъ добычи.

XXIX.

Взятіе укрѣпленнаго лагеря на Милли-Дюзѣ. — Послѣдствія нашихъ побѣдъ 19 и 20 іюня. — Движеніе къ Эрзеруму. — Сдача города на капитуляцію и плѣненіе сераскира.

Такимъ образомъ, русскія войска сдѣлали въ теченіе 12 часовъ около 40 верстъ, нанесли непріятелю 19 іюня два важныя пораженія и не допустили подкрѣпленію сераскира усилить лагерь Гагки-паши.

Позиція занятая нами послѣ этого дѣла, находясь на соединеніи двухъ дорогъ въ Милли-Дюзъ, отстояла теперь отъ лагеря Гагки-паши на 14 верстъ. Высокій горный отрогъ отдѣлялъ насъ отъ непріятельскаго стана и дорога туда, проходя по волнистой мѣстности, пересѣкалась крутыми оврагами. Не взирая на то, главнокомандующій, по возвращеніи къ колоннамъ генераловъ Панкратьева и Муравьева, тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе къ атакѣ другаго турецкаго корпуса. Съ разсвѣтомъ началось движеніе. Войска, закаленныя въ битвахъ и трудахъ, не смотря на предшествовавшее утомленіе, бодро шли на новый подвигъ и ряды ихъ оживлялись веселыми пѣснями. Впереди слѣдовала колонна г. Панкратьева и вмѣстѣ съ нею конная бригада Карпова, составлявшая голову войскъ; за ними колонна Муравьева, съ регулярною кавалерійскою бригадою Раевскаго.

Въ 7 часовъ утра головы колоннъ нашихъ показались на послѣднихъ высотахъ въ тылу турецкаго лагеря и въ 3-хъ верстахъ отъ него. Непріятель видимо былъ изумленъ, и поспѣшилъ удалить караулы свои къ Милли-Дюзу. На ровномъ

возвышеніи, составлявшемъ правое крыло ихъ лагеря, начали строиться густыя толпы пѣхоты и конницы. Позиція Гагки-паши, отдѣлявшаяся отъ насъ лощиною, была прикрыта съ фронта тремя батареями, въ 12 орудій, расположенныхъ на самомъ краю лощины. Непріятель не обнаруживалъ намѣренія отступить; палатки и багажъ его оставались на мѣстѣ.

Въ 8 часовъ всѣ войска поднялись съ большими затрудненіями на высоты предъ Милли-Дюзомъ. Лѣвый флангъ нашъ господствовалъ надъ ближайшими высотами Ханскаго ущелья; правый оставался на дорогѣ. Возвышенность мѣстоположенія позволяла съ выгодою обстрѣливать позицію Гагки-паши; но проникнуть туда, казалось, возможно только по узкой полосѣ земли, какъ уже сказано, совершенно подобной плотинѣ.

Едва войска успѣли построиться, непріятель открылъ огонь изъ обѣихъ батарей, поставленныхъ на лѣвой высотѣ лагеря. Сколько можно было замѣтить, у прикрытія этой артиллеріи находилось не болѣе 500 человѣкъ, но чрезвычайно скрытное положеніе позволяло думать, что внизу, за возвышеніями, поставлена многочисленная засада; тѣмъ болѣе, что на батареяхъ развѣвались три знамени, и толпы конницы и пѣхоты по временамъ оттуда выказывались. Канонада непріятельская была для насъ совсѣмъ безвредна, хотя турки стрѣляли очень часто, усиливая изрѣдка огонь дѣйствіемъ полевыхъ орудій. Въ войскахъ непріятельскихъ не замѣчалось смятенія; но показаніе захваченнаго въ плѣнъ турка объяснило это спокойствіе: въ Милли-Дюзѣ еще не были увѣрены въ совершенномъ пораженіи сераскира.

Графъ Паскевичъ, предвидя, какое выгодное впечатлѣніе можетъ сдѣлать извѣстіе объ этомъ пораженіи, приказалъ отпустить плѣннаго. Чрезъ полчаса, послѣ отпуска плѣннаго, передовые патрули начали замѣчать въ непріятельскихъ войскахъ всеобщее движеніе; конныя и пѣшія толпы переходили въ различныхъ направленіяхъ; нѣсколько всадниковъ, скакавшихъ съ одного конца къ другому, еще болѣе подтверждали тревогу. Чтобы прикрыть это явное замѣшательство, непріятель усилилъ артиллерійскій огонь; но недоразумѣніе наше было

кратковременно; въ исходѣ 9-го часа показался со стороны ихъ наѣздникъ съ бѣлымъ платкомъ, навязаннымъ на пику.

Отрѣзанный отъ всякаго сообщенія съ Эрзерумомъ, лишенный надежды на помощь сераскира, турецкій генералъ не видѣлъ никакихъ средствъ къ сопротивленію. Уныніе, распространившееся въ станѣ его, послѣ извѣстія о разбитіи сераскирскихъ войскъ и съ появленіемъ колоннъ нашихъ почти въ тылу, довершили общій ужасъ. Большая часть пѣхоты и конницы отказалась отъ всякаго повиновленія и искала спасенія въ бѣгствѣ по меджингертской дорогѣ, принявъ видъ обходнаго движенія, противъ праваго нашего фланга. Желая спастись отъ постыднаго плѣна и въ самомъ критическомъ положеніи сохранить нѣкоторыя выгоды, Гагки-паша чрезъ посланнаго переговорщика, поспѣшилъ предложить добровольную покорность, испрашивая личной пощады. Отвѣтъ главнокомандующаго былъ—положить оружіе безъ всякихъ условій. На случай упорства, сдѣланы были предварительно распоряженія къ атакѣ; однако-же непріятель самъ ускорилъ эту минуту. Лишь только переговорщикъ отъѣхалъ съ отвѣтомъ, огонь со стороны Милли Дюза, на время прекращенный, былъ возобновленъ. Это двусмысленное поведеніе турецкихъ войскъ и замѣченная между ними готовность къ бѣгству рѣшили немедленно начать приступъ.

При звукахъ барабановъ, взявъ ружья на перевѣсъ, всѣ три линіи наши, стройно двинулись впередъ. Подойдя къ возвышенности, на которой влѣво стояли двѣ передовыя турецкія батареи, войска раздѣлились на четыре колонны и пошли по разнымъ направленіямъ, заранѣе имъ назначеннымъ.

Видъ этого стройнаго движенія довершилъ ужасъ, въ которомъ уже находились войска Гагки-паши. Толпы, оборонявшія двѣ передовыя батареи, сдѣлавъ нѣсколько безполезныхъ выстрѣловъ, бросили орудія и бѣжали первыми; за ними послѣдовали оба непріятельскія крыла и среди всеобщаго смятенія всякій спѣшилъ куда могъ. Колонна, при которой находился нашъ главнокомандующій, тотчасъ овладѣла еще дымившеюся артиллеріею, а колонна генерала Панкратьева, быстро миновавъ лощину, прорвалась за окопы; часть турец-

кихъ войскъ, оставшаяся при полевыхъ пушкахъ, въ первую минуту встрѣтила его картечнымъ огнемъ; но не будучи въ состояніи удержать сильный натискъ, бросилась къ лѣсу за бѣгущими товарищами. Начальникамъ колоннъ дано приказаніе гнать турокъ, сколько дозволятъ мѣстность и силы. Генералъ-маіоръ Панкратьевъ, поворотивъ непріятельскія орудія вслѣдъ за уходившими толпами, поражалъ ихъ турецкою же картечью. Колонна его пустилась гнать бѣгущихъ по лѣвой обходной дорогѣ на Меджингертъ; густота лѣса и крутые овраги доставили возможность нанести здѣсь туркамъ весьма важный уронъ. Подполковникъ Верзилинъ, съ линейными казаками и нѣсколькими охотниками изъ офицеровъ главной квартиры, настигъ среди лѣса самого Гагки-пашу и взялъ его въ плѣнъ, вмѣстѣ со всею при немъ свитою и чиновниками. Одними войсками генерала Панкратьева отбито 15 орудій и 2 знамени.

Двѣ колонны—пѣшая и конная, посланныя вправо, встрѣтивъ глубокіе овраги, къ сожалѣнію замедлили преслѣдованіемъ, и имъ удалось отбить только 16 знаменъ и 1,200 человѣкъ плѣнныхъ.

Около 11 часовъ представили графу Эриванскому плѣннаго Гагки пашу. Присѣвъ на колѣни по восточному обычаю, онъ съ особенною вѣжливостію отдалъ свою саблю. «Судьба войны не постоянна, сказалъ онъ: за нѣсколько минутъ я повелѣвалъ 20,000, теперь, къ стыду моему, я плѣнникъ. Но между нами, христіанскій вождь, имя твое славится высокими качествами и, говорятъ, что ты умѣешь побѣждать и быть великодушнымъ; послѣдняго и для себя надѣюсь». Главнокомандующій поспѣшилъ обласкать Гагки-пашу, увѣрилъ его въ милосердіи императора и обѣщалъ оказать все вниманіе, приличное его сану. Ему подали кофе и трубку. Успокоенный ласковымъ пріемомъ и чрезвычайною вѣжливостію со стороны всѣхъ офицеровъ, Гагки-паша не уклонялся отъ разговоровъ. Разсуждая о несчастномъ для себя дѣлѣ, онъ между прочимъ говорилъ: «и я умѣлъ бы умереть на мѣстѣ, но удержать буйныя толпы не въ моей было власти; вы отрѣзали у насъ почти всѣ пути и мнѣ оставалось свободное отступленіе только

на Карсъ; но тамъ я опять попалъ бы между двухъ огней. Сераскиръ обманулъ меня, обѣщавъ соединиться со мною двумя днями ранѣе. Азіятская война мнѣ хорошо извѣстна и другаго Гагки-паши не найдутъ». У него просили человѣка, для указанія намъ продовольственныхъ и прочихъ магазиновъ милли-дюзскаго лагеря. «Избавьте меня отъ тягостнаго униженія, отвѣчалъ паша, вы сами ихъ найдете».

Въ два часа пополудни, когда получены были отъ частныхъ начальниковъ донесенія о совершенномъ разсѣяніи непріятеля, главнокомандующій приказалъ одной части колонны Панкратьева расположиться у лѣса въ тылу и на правомъ крылѣ милли-дюзской позиціи; другая часть удержана для прикрытія главной квартиры. Колонна Муравьева и вся кавалерія, бывшая въ преслѣдованіи, по причинѣ чрезвычайной усталости, имѣли ночлегъ на дорогѣ между Меджингертомъ и Милли-Дюзомъ. Не теряя времени, вагенбургу также дано приказаніе продолжать маршъ по большой Зевинской дорогѣ, до рѣчки Исти-су, гдѣ наканунѣ сраженія войска наши ночевали.

Не много найдется примѣровъ столь полнаго и совершеннаго успѣха, какъ пріобрѣтенный русскими войсками въ два дня 19 и 20 іюня. Побѣды эти тѣмъ важнѣе и драгоцѣннѣе, что куплены весьма дешевой цѣной. Потеря у насъ убитыми и ранеными не превышала 100 человѣкъ, между тѣмъ какъ корпусъ совершилъ въ 25 часовъ около 60 верстъ, разбилъ азіятско-турецкую армію, взялъ въ плѣнъ одного изъ ея главныхъ командировъ, вмѣстѣ съ двумя другими, второстепенными пашами; завладѣлъ двумя лагерями и въ числѣ ихъ однимъ укрѣпленнымъ; отнялъ всю непріятельскую артиллерію, состоявшую изъ 28 пушекъ и мортиръ, взялъ около 2,000 плѣнныхъ, 19 знаменъ и до 3,000 палатокъ, съ множествомъ продовольственныхъ и артиллерійскихъ запасовъ. Разбитый непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ, оставя на мѣстѣ много убитыхъ; пѣхота и конница его разсѣялись, раздѣлясь на малыя толпы. Все это было слѣдствіемъ быстроты и рѣшительности дѣйствій, неутомимости и доблести кавказскихъ войскъ.

Азія древняя и Азія новая сохранили величайшее сходство въ своемъ нравственномъ отношеніи; читаемъ ли исторію завоеваній римлянъ, слѣдуемъ ли за побѣдоноснымъ шествіемъ Александра Македонскаго, вездѣ изумляетъ насъ тоже разительное вліяніе событій на умы и духъ народа, какое замѣчалось и въ войнѣ русскихъ въ Азіятской Турціи, въ 1828—29 г. Одна побѣда пролагала путь новымъ успѣхамъ и распространяла послѣдовательность завоеваній, почти съ опредѣленною разсчитанностью. Только этимъ сильнымъ вліяніемъ одного рѣшительнаго успѣха на умы пылкаго, но легкомысленнаго населенія и можно объяснить себѣ исполинскіе шаги Александра Великаго, или торжество оружія римлянъ. Въ этомъ же ключъ къ объясненію тѣхъ значительныхъ успѣховъ, которыхъ достигали русскія знамена съ такою быстротою, не только въ Арменіи и Анатоліи, но и въ Европейской Турціи, при всей ограниченности своихъ силъ и средствъ. Во всякой войнѣ, конечно, значительная побѣда имѣетъ большое вліяніе на ходъ кампаніи, иногда ведетъ даже къ прекращенію войны, но въ Азіи это не есть исключеніе, а неизбѣжный результатъ, не взирая даже на свойства противнаго главнокомандующаго; войска здѣсь, какъ бы ихъ ни формировали, остаются въ сущности ополченіями и потому ни твердость характера, ни степень власти предводителя не могутъ дѣйствовать къ удержанію упадка духа и мусульманской наклонности приписать все фатальному рѣшенію судьбы, съ которою нельзя бороться.

Послѣ разбитія главныхъ непріятельскихъ силъ, положеніе сераскира оказалось самымъ затруднительнымъ. Не только азіятскія ополченія, но даже и благоустроенныя войска, послѣ двухъ потерянныхъ сраженій, трудно было бы собрать въ скорости, а тѣмъ болѣе возвратить новую бодрость и мужество этому испуганному и почти уничтоженному воинству. Большая часть турецкой арміи состояла изъ земскаго войска, собраннаго изъ разныхъ отдаленныхъ провинцій; остановить ихъ бѣгство не было средствъ. Безпорядочныя толпы, обреченныя нести службу безъ всякой платы, обыкновенно удерживаемой корыстолюбивыми пашами въ собственную пользу, бывъ притомъ лишены должнаго надзора и исправнаго снабженія про-

довольствіемъ, охотно пользовались случаемъ избѣжать тяжелой военной службы. Изъ той части сераскирскаго корпуса, которая дралась противъ насъ 19 числа, немногіе присоединились къ войскамъ Гагки-паши. Разбитые остатки его, слѣдуя своему произволу, разсѣялись также по разнымъ направленіямъ. Сераскиру удалось удержать только половину конницы, бывшей на постоянномъ жалованьи, и присоединить къ резервамъ регулярной пѣхоты, которые, не участвуя въ дѣлѣ, стояли лагеремъ, въ числѣ около 10,000 человѣкъ, неподалеку отъ Гассанъ-Кале. Тамъ главнокомандующій турецкій, вмѣстѣ съ прочими, бѣжалъ не останавливаясь, и опомнился только по прибытіи въ лагерь при Гассанъ-Кале. Опасаясь распространить дурное вліяніе на оставшіяся въ цѣлости войска, онъ принудилъ себя спокойно явиться посреди ихъ; сдѣлалъ немедленно распоряженіе о соединеніи всѣхъ силъ подъ Эрзерумомъ и чрезъ сутки лично туда отправился.

Присутствіе сераскира въ этомъ многолюдномъ городѣ, главномъ центрѣ султанской власти въ Малой Азіи, дѣйствительно было необходимо. Съ одной стороны надлежало удержать отъ смятенія устрашенныхъ жителей и убѣдить ихъ, что опасность еще не столь велика; съ другой—возстановить между ними рѣшимость къ защитѣ и въ ихъ многочисленномъ кругу найти новыя средства вооруженія.

Весною 1829 года считалось въ Эрзерумѣ до 30,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, изъявившихъ готовность въ крайнемъ случаѣ явиться для обороны города. На первый разъ сераскиру достаточно было опереться на эту массу народа, дабы не допустить насъ овладѣть Эрзерумомъ, пока не подоспѣютъ новыя войска изъ внутреннихъ областей Азіи. Значительныя населенія курдовъ и лазовъ представляли весьма важные для того источники: у первыхъ всегда можно найти готовую конницу, у вторыхъ пѣхоту. Въ обоихъ племенахъ каждый человѣкъ воинъ, всегда вооруженный и хорошо знающій свое ремесло. Ожидая, что русскіе не замедлятъ движеніемъ отъ Саганлуга, сераскиръ послалъ повелѣніе Кягья-Беку (начальникъ штаба), отступившему съ отрядомъ послѣ пораженія 19 іюня въ Олтинскій санджакъ, чтобы онъ вся-

чески старался умножить войска свои новыми наборами въ тамошнихъ мѣстахъ и сколько возможно поспѣшить къ Эрзеруму.

Графъ Паскевичъ, съ своей стороны, не потерялъ ни одного часа времени, чтобы вполнѣ воспользоваться плодами одержанныхъ побѣдъ и, чтобы еще болѣе довершить смятеніе разбитаго непріятеля, на другой день пошелъ по пятамъ турокъ, въ трехъ различныхъ направленіяхъ.

Предпринимая съ главными силами движеніе впередъ отъ Караургана къ Гассанъ-Кале и Эрзеруму, главнокомандующій счелъ необходимымъ учредить въ Зевинѣ центральный пунктъ сообщенія корпуса съ Карсомъ. Туда приказано было свезти на время всѣ отбитые провіантскіе и артиллерійскіе запасы и плѣнныхъ, а для прикрытія ихъ посланы двѣ роты. На случай упорнаго сопротивленія при Гассанъ-Кале или Эрзерумѣ, дано приказаніе осадной артиллеріи, оставшейся при Каинлы, слѣдовать за движеніемъ корпуса. Съ тѣмъ вмѣстѣ подтверждены вновь всѣ предохранительныя мѣры противъ чумной заразы, хотя ни въ войскахъ, ни между плѣнными, никакихъ сомнительныхъ признаковъ болѣзни не обнаруживалось.

22 числа въ 5 часовъ утра главныя силы и вагенбургъ двинулись къ Ардосу. Въ головѣ слѣдовала казачья бригада полковника Карпова, съ 6 конноказачьими орудіями; въ аріергардѣ Донской полкъ Сергѣева и двѣ роты Кабардинскаго пѣхотнаго полка съ двумя легкими орудіями. Обозы шли при полкахъ, транспорты и парки за хвостомъ колонны. Верстъ на 10 отъ Карауганa дорога проходитъ по весьма гористому мѣстоположенію; крутые спуски и подъемы сильно затрудняли маршъ; не взирая на то, что піонерный баталіонъ предварительно занимался разработкою дороги, помощь большаго числа людей во многихъ мѣстахъ оказалась необходимою. Къ вечеру 22 числа корпусъ, соединясь съ отрядами полковника графа Симонича и генералъ-маіора Бурцова, имѣлъ ночлегъ близь селенія Ардоса. Мѣстность представляла волнистую долину, прилегающую къ берегамъ Аракса. Близкое сосѣдство этой рѣчки обнаружилось ощутительною перемѣною климата. Жаръ былъ чрезмѣрный; поля и луга представляли выгорѣвшую зелень и люди примѣтнымъ образомъ стали слабѣть.

23-го числа корпусъ выступилъ въ 5 часовъ утра далѣе отъ Ардоса и, совершивъ переходъ около 24 верстъ, прибылъ на ночлегъ въ селеніе Керпи-Кевъ.

При впаденіи р. Гассанъ-су, изгибается чрезъ Араксъ огромный каменный мостъ, древней, весьма красивой архитектуры и тщательной отдѣлки; устройство его приписываютъ Дарію Истаспу; онъ утвержденъ на семи аркахъ, доселѣ нимало не поврежденныхъ; жители даютъ ему названіе Чобанъ-Керпи (пастушій мостъ). Здѣсь большая дорога, идущая отъ Эрзерума, раздѣляется по правой и лѣвой сторонѣ Аракса: первая ведетъ на Баязетъ, вторая на Карсъ.

Въ лагерѣ при Керпи-Кевъ снова явились жители многихъ окрестныхъ деревень съ просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство и о дозволеніи возвратиться въ свои дома. По словамъ ихъ, быстрое движеніе наше отъ Милли-Дюза разстроило остатки турецкой арміи. Конница, которую сераскиру удалось присоединить въ Гассанъ-Кале къ пѣшимъ резервамъ, распространила между ними ужасъ нанесеннаго ей пораженія, а безостановочный походъ нашъ до Керпи-Кевъ довершилъ безпорядокъ. Съ отъѣздомъ сераскира въ Эрзерумъ, обнаружилось явное волненіе въ непріятельскомъ лагерѣ при Гассанъ Кале. Пѣхота и конница по частямъ самовольно предавались бѣгству. Паша, оставленный для начальствованія нада ними, не въ силахъ будучи удержать повиновеніе, бросилъ крѣпость и бѣжалъ вмѣстѣ съ войсками. Желая спасти хотя какое нибудь количество изъ артиллерійскихъ и провіантскихъ запасовъ, находившихся въ Гассанъ-Кале, сераскиръ поспѣшно собралъ изъ всѣхъ ближайшихъ окрестностей арбы и вьюки для перевозки въ Эрзерумъ, и далъ приказаніе жителямъ тоже удаляться къ той сторонѣ.

Получивъ это извѣстіе, главнокомандующій составилъ немедленно летучій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Бековича Черкасскаго, и въ половинѣ 6 часа пополудни самъ повелъ его къ Гассанъ-Кале, на-легкахъ, съ двухъдневнымъ провіантомъ. Весь отрядъ, сдѣлавъ въ этотъ день не менѣе 40 верстъ, въ 8 часовъ вечера занялъ опустѣвшую крѣпость Гассанъ-Кале, вмѣщавшую не болѣе 80 оставшихся се-

мействъ жителей. По приближенiи къ крѣпости, замѣчено удаленiе послѣднихъ войскъ турецкихъ и части жителей; слѣдъ ихъ по двумъ дорогамъ означался густою пылью, въ которой просвѣчивались послѣднiе лучи заходящаго солнца. Главнокомандующiй приказалъ легкой кавалерiи, не останавливаясь въ Гассанъ-Кале, гнать бѣгущихъ.

Къ вечеру 24 числа стянулся сюда весь корпусъ.

Въ занятой крѣпости найдено 29 орудiй, небольшой пороховой магазинъ и нѣсколько хлѣбныхъ запасовъ.

Гассанъ-Кале принадлежитъ къ числу весьма древнихъ крѣпостей турецкой Арменiи. Она стоитъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ воздвигнули ее римляне, и долго извѣстна была подъ наименованiемъ Өеодосiополиса, напоминая имя своего основателя. Турки, покоривъ этотъ край, истребили почти всѣ христiанскiя названiя и древнiй Өеодосiополисъ превратился въ Гассанъ-Кале. Удаленная отъ границъ и закрываемая хребтомъ горъ, крѣпость эта оставлена была турецкимъ правительствомъ въ совершенномъ небреженiи: стѣны найдены полуразрушенными; вся внутренняя часть заглохла отъ травы и бурьяна; бывшiе подземные ходы къ водѣ совершенно завалились и объ нихъ только можно было догадываться по сохранившемуся снаружи углубленiю, также заросшему травою; пушки, большею частью негодныя, лежали въ величайшемъ безпорядкѣ,—многiя безъ лафетовъ и почти всѣ не на своихъ мѣстахъ.

Смятенiе въ Эрзерумѣ между тѣмъ увеличивалось болѣе и болѣе. Бѣгство непрiятельскихъ войскъ изъ Гассанъ-Кале и сильное преслѣдованiе ихъ нашею кавалерiею, которая была у города не далѣе 15 верстъ, поставили всѣхъ тамошнихъ жителей въ положенiе самое сомнительное. Показанiя лазутчиковъ и окрестныхъ жителей совершенно въ томъ согласовались. Сераскиръ, съ своей стороны, употреблялъ, напротивъ, всѣ усилiя для поддержанiя народнаго духа; у него еще оставалось нѣсколько дели, до 500 человѣкъ регулярной пѣхоты и около 7,000 кавалерiи. Кягья-паша (начальникъ штаба), по его повелѣнiю, оставивъ на лѣвомъ флангѣ Ахметъ-пашу, долженъ былъ въ скоромъ времени прибыть

на помощь съ 10,000 разныхъ войскъ и 15,000 курдовъ. Этими увѣреніями сераскиръ думалъ ободрить эрзерумскихъ жителей и требовалъ, чтобы они стали на защиту вѣры и домовъ своихъ, и тогда только Богъ благословитъ ихъ мужество.

Чтобы уничтожить уже поколебленное вліяніе сераскира, главнокомандующій рѣшился послать въ Эрзерумъ прокламацію чрезъ плѣннаго Мамишъ-Агу, бывшаго начальника янычаръ. Мамишъ-Ага отличался умомъ и основательнымъ знаніемъ края; сданный на руки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Влангали, дипломатическаго чиновника при графѣ Паскевичѣ, онъ, благодаря ласковому обращенію, сталъ вполнѣ преданнымъ намъ человѣкомъ.

Убѣжденный, что Эрзерумъ могутъ постигнуть тѣ же бѣдствія, которыя испыталъ Ахалцыхъ, Мамишъ-Ага вызвался не только отвезти прокламацію, но и расположить умы народа къ добровольной покорности. «Видѣвъ вашу силу и великодушіе», говорилъ онъ, «я буду умѣть понятнымъ образомъ внушить это жителямъ».

Въ три часа пополудни онъ отправился въ путь въ сопровожденіи другаго плѣннаго Бекиръ-Аги и къ ночи долженъ былъ прибыть въ Эрзерумъ; разстояніе не превышало 40 верстъ. Подъ видомъ сопровожденія Мамишъ-Аги и Бекиръ-Аги послана была кавалерійская партія и инженерный офицеръ, которому поручено подробно осмотрѣть Эрзерумскую дорогу, для будущаго движенія.

Мамишъ-Ага и Бекиръ-Ага въ сумерки прибыли домой, созвали своихъ знакомыхъ, на которыхъ могли положиться, объявили имъ цѣль пріѣзда и просили участія. Большая часть народа между тѣмъ уже рѣшительно приняла сторону сераскира, вѣря его обѣщаніямъ о скоромъ прибытіи подкрѣпленій. Посланнымъ пришлось поступать съ крайнею осторожностью въ отношеніи къ черни, всегда буйной и движимой первыми впечатлѣніями. Сообразивъ всю опасность и затрудненія, они рѣшились не вдругъ обнародовать причины своего прибытія, и прежде всего сочли необходимымъ, вмѣстѣ съ соучастниками своими, обратиться къ Аянъ-Агѣ (губернатору

города); онъ, обсудивъ доводы, согласился, что одна покорность можетъ спасти городъ и жителей. Въ такомъ убѣжденіи, онъ поспѣшилъ созвать къ себѣ всѣхъ именитыхъ людей, пользовавшихся вліяніемъ на народъ. Имъ прочитали воззваніе русскаго главнокомандующаго и Мамишъ-Ага, со всею убѣдительностью очевидца и соотечественника, разсказалъ, что средства русскихъ неимовѣрны; силы непобѣдимы; искусство превосходитъ понятія; а великодушіе и строгость правилъ ихъ безпредѣльны и ручаются за святость выполненія всего, написаннаго въ воззваніи. Подобный живой разсказъ человѣка, всѣми уважаемаго въ городѣ за умъ, праводушіе и твердость, безъ сомнѣнія, долженъ былъ расположить собраніе въ нашу пользу; убѣдительность, съ которою Мамишъ-Ага умѣлъ представить близкую и неизбѣжную опасность въ случаѣ сопротивленія, довершила его вліяніе и всѣ эрзерумскіе старшины единодушно согласились убѣдить народъ къ добровольной покорности.

Однако же къ буйнымъ толпамъ опасно было явиться вдругъ съ предложеніями подобнаго рода, тогда какъ они твердили уже: умремъ за вѣру пророка! Мамишъ-Ага и Бекиръ-Ага поступили и въ этомъ случаѣ съ большою ловкостью: по ихъ наущенію, толпа приверженцевъ, около трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ, вышла за городъ, сняла палатки, которыя нарочно раскинуты были тамъ по приказанію сераскира, чтобы показать народу присутствіе войскъ. Когда это было исполнено, между гражданами начали съ умысломъ разглашать, что сераскиръ хочетъ бросить городъ и бѣжать во внутреннія области, оставя жителей собственному произволу. Молва быстро распространилась во всѣ концы и произвела волненіе; бывшіе на городскомъ валу вооруженные люди бросили посты свои и бѣжали въ городъ; толпы со всѣхъ сторонъ стекались на главныя площади и требовали совѣта. Тогда старшины явились съ русскимъ воззваніемъ и убѣждали народъ пощадить кровь собратій. Не трудно было увлечь жителей, уже устрашенныхъ ложною вѣстію; они согласились на все и уполномочили старшинъ поступить по ихъ усмотрѣнію.

Скоро почетнѣйшіе жители, явясь къ сераскиру, объявили,

что всѣ граждане рѣшаются сдать городъ на капитуляцію. Пораженный перемѣною дѣлъ, сераскиръ долго противился, стараясь отклонить изъявленное намѣреніе убѣжденіями и угрозами; но все осталось тщетно. Наконецъ, не видя возможности остановить всеобщаго желанія, онъ сказалъ: «дѣлайте, что хотите, но я и паши мои не будутъ видѣть этого несчастія: мы оставимъ городъ». — «Ты и паши твои въ дни мира и спокойствія были правителями нашими, теперь, въ минуты рѣшительной опасности, вы должны также раздѣлить нашъ жребій», сказали старшины и объявили, что ни одного изъ нихъ не выпустятъ изъ города. У воротъ сераскирскихъ поставленъ былъ караулъ изъ жителей, а Мамишъ-Ага тайнымъ образомъ послалъ къ главнокомандующему гонца съ извѣстіемъ о первомъ своемъ успѣхѣ. Это было 25 іюня.

Быстрое движеніе къ Эрзеруму представлялось единственнымъ средствомъ поколебать вліяніе противоборствующей партіи, и въ пять часовъ пополудни корпусъ дѣйствительно тронулся отъ Гассанъ-Кале. Всѣ тяжести были оставлены въ вагенбургѣ, при крѣпости; въ прикрытіе къ нимъ назначены по дной ротѣ изъ полковъ: Грузинскаго гренадерскаго и Кабардинскаго пѣхотнаго, съ сотнею казаковъ.

Корпусъ слѣдовалъ совершенно на-легкахъ, безъ палатокъ, имѣя въ ранцахъ только четырехдневный провіантъ и самое ограниченное число обоза. Пройдя около 20 верстъ, войска, среди глубокой темноты, остановились биваками на ночлегъ близъ деревни Паби-Чай; огней, по недостатку дровъ, нельзя было развести.

26 числа походъ объявленъ въ 7 часовъ утра, и голова колонны уже тронулась съ мѣста, когда объявили о прибытіи двухъ эрзерумскихъ чиновниковъ, которые, называясь послами изъ города, просили доступа къ главнокомандующему. Въ одномъ изъ нихъ тотчасъ узнали Мамишъ-Агу, другой былъ Капиджи-Баши (комендантъ). Они привезли отъ сераскира просьбу о пощадѣ, съ изъявленіемъ готовности принять капитуляцію.

Видя рѣшительную наклонность народа къ добровольной сдачѣ и потерявъ всякую возможность ускользнуть изъ города,

сераскиръ не могъ далѣе противиться общему желанію и согласился отправить къ графу Эриванскому своего чиновника, съ просьбою о присылкѣ въ эрзерумъ довѣреннаго лица, для назначенія условій капитуляціи; народъ присоединилъ къ нему съ своей стороны Мамишъ-Агу, вручивъ ему на имя главнокомандующаго особое письмо. Обстоятельство это побудило на время остановить движеніе корпуса.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, посланные словесно подтвердили всеобщую готовность Эрзерумскихъ жителей къ добровольной покорности. По прошествіи нѣкотораго времени Капиджи-Баши замѣтилъ однако же съ особеннымъ удивленіемъ, что никакъ не ожидалъ найдти войска наши такъ близко и совершенно готовыми къ дальнѣйшему походу. «Сераскиръ и народъ», говорилъ онъ, «полагаютъ васъ еще подъ стѣнами Гассанъ-Кале и, соглашаясь на сдачу города, не думаютъ о столь быстромъ приближеніи русскихъ. Увидя васъ при воротахъ города, буйная чернь легко можетъ воспламениться новымъ фанатизмомъ и тогда трудно будетъ ручаться за послѣдствія». Поэтому, Капиджи-Баши настоятельно убѣждалъ остановить маршъ и начать переговоры. Онъ увѣрялъ притомъ, что около Эрзерума мы не найдемъ воды, ибо родники находятся подъ выстрѣлами городской обороны.

Слова Капиджи-Баши ни на минуту не остановили главнокомандующаго. Замѣтивъ хитрость турка, онъ отвѣчалъ на всѣ его разсужденія приказаніемъ ударить подъемъ. Дорогою усердный Мамишъ-Ага скрытно подтвердилъ, что движеніе впередъ принесетъ намъ рѣшительную пользу: «Сераскиръ», говорилъ онъ, «съ намѣреніемъ отдаляетъ сдачу подъ разными предлогами, ожидая подкрѣпленія, подъ начальствомъ Кягьи и прибытія курдовъ и лазовъ; мнѣ нельзя было сообщить этого при товарищѣ; но вы сами поняли дѣло».

У береговъ рѣчки Паби-Чай, гдѣ корпусъ имѣлъ послѣдній ночлегъ, оканчивается Гассанъ-кальская равнина; далѣе подъемъ на небольшую отрасль горъ, которыя простираясь въ ширину различными возвышеніями верстъ на 15, отдѣляютъ Эрзерумскую долину; входъ и спускъ пролегаетъ узкими ущельями. Сильный вѣтеръ и движеніе войскъ по известковому грунту, со-

ставляющему верхній слой этихъ горъ, подняли необыкновенно густую вредную пыль. Въ 20 саженяхъ нельзя было ничего видѣть; въ короткое время многіе почувствовали глазную боль. Пользуясь этимъ, курды успѣли такъ близко подъѣхать, что кавалерія наша, тянувшаяся по узкой дорогѣ, едва не была взята во флангъ.

Около полудня 26 числа корпусъ спустился въ долину, посреди которой расположенъ Эрзерумъ. Лагерь былъ избранъ верстахъ въ четырехъ отъ города, при самой дорогѣ, и здѣсь, вопреки увѣреніямъ Капиджи-Баши, нашелся небольшой ручей съ чистою водою, хотя не въ изобиліи; далѣе воды дѣйствительно не было до самаго фонтана, устроеннаго подъ выстрѣлами крѣпости.

Когда въ Эрзерумѣ замѣтили наше появленіе, оттуда показалась небольшая часть кавалеріи. Наѣздники до вечера мелькали предъ передовою цѣпью нашею и стрѣляли по ней; но къ ихъ неудовольствію съ нашей стороны не удостоивали ихъ отвѣтомъ.

Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій обозрѣлъ городскія окрестности съ ближайшихъ высотъ. Прямо противу насъ находилось укрѣпленное возвышеніе Топъ-Дагъ, западная отлогость котораго простиралась до самаго предмѣстья. На вершинѣ его были протянуты земляные шанцы, во многихъ мѣстахъ вооруженные пушками. Часть непріятельской пѣхоты ихъ охраняла. Возвышенность Топъ-Дага господствуетъ надъ всѣмъ городомъ и положеніемъ своимъ равняется высотѣ эрзерумской цитадели. На сѣверной сторонѣ города также возвышаются горы; но онѣ удалены болѣе нежели на два пушечныхъ выстрѣла. Нѣсколько ближе ихъ, съ юго-запада, замѣчателенъ продолговатый холмъ, смежный съ городскими кладбищами. Онъ въ то время былъ укрѣпленъ и подходъ отсюда весьма затруднителенъ. Далѣе окрестности эрзерумскія представляютъ совершенную равнину, надъ которою господствуетъ городъ. Такимъ образомъ, Топъ-Дагъ по справедливости можно считать главнымъ оплотомъ и ключемъ Эрзерума. Турки вполнѣ понимали важность этого пункта и на вооруженіе его было обращено особенное вниманіе.

Радостно взошло для русскихъ солнце 27 іюня; ихъ ожидали новые лавры. Разсказываютъ очевидцы, что мусульмане въ полномъ вооруженіи мрачно бродили по улицамъ города; безпокойное ожиданіе роковой минуты живо изображалось на лицѣ каждаго; толпы народа во многихъ мѣстахъ совѣщались между собою.

Смятеніе въ городѣ болѣе и болѣе увеличивалось. Уже оканчивались два часа, данные народу на совѣщаніе, но тысячи горожанъ, движимыхъ страхомъ и фанатизмомъ, не могли еще согласиться что дѣлать. Тайныя подстрекательства со стороны сераскира еще болѣе увеличивали народное волненіе; царствовавшее до того спокойствіе начало перерываться дикими кликами недовольныхъ; вскорѣ многія шайки, предводимыя горячими фанатиками, стали толпиться по улицамъ, въ особенности близь дома сераскира и помѣщенія, занимаемаго посланнымъ для заключенія капитуляціи генералъ-маіоромъ Бековичемъ-Черкасскимъ. Одни приглашали народъ, именемъ Магомета, спѣшить на батареи для защиты города и истребленія невѣрныхъ; другіе требовали головъ Бековича и его свиты. Пораженные предстоящею опасностію старшины, не находя мѣръ къ обузданію буйныхъ головъ, сами должны были искать защиты у нашего посла.

Хладнокровіе, которое сохранялъ князь Бековичъ посреди этого волненія, ободрило городскихъ старшинъ. Тѣмъ не менѣе толпы окружили квартиру его и дерзость ихъ возрастала ежеминутно. Нѣкоторые намѣревались стрѣлять въ окна; другіе нѣсколько разъ порывались разломать ворота. Замѣчательно, что въ минуту явной для русскихъ опасности, Седемъ-Ага, хозяинъ князя Бековича, свято соблюдая права гостепріимства, успѣлъ вмѣстѣ съ тремя своими братьями собрать къ себѣ всѣхъ родныхъ и приверженцевъ своихъ и съ ними вызвался самъ защищаться противу всякихъ покушеній. Нельзя было и думать при такомъ положеніи дѣлъ объявить народу послѣднюю волю главнокомандующаго, сообщенную возвратившимся въ это время депутатомъ, на счетъ признанія сераскира и всѣхъ пашей плѣнниками.

Было уже около 2-хъ часовъ пополудни, но изъ города не присылали отвѣта. Стало извѣстно, что сераскиръ посредствомъ пашей успѣлъ снова пріобрѣсти въ народѣ значительную партію; всѣ войска также были на его сторонѣ, и агенты сераскирскіе то обѣщаніями скорой помощи, то деньгами, всячески убѣждали гражданъ не сдавать города, обнадеживая ихъ скорымъ прибытіемъ помощи изъ Ольты и Ардануча, подъ начальствомъ Кягьи-Бека.

И такъ обстоятельства становились часъ отъ часу сложнѣе. Каждая минута была дорога и главнокомандующій нашелъ рѣшительныя мѣры послѣднею необходимостію. Поспѣшно войска наши построились въ боевой порядокъ. На правомъ флангѣ противу Топъ-Дага стали обѣ пѣхотныя колонны, съ частью казаковъ и 42 орудіями; на лѣвомъ заняла самую дорогу вся кавалерія.

Около 3 часовъ пополудни главнокомандующій повелъ правое крыло войскъ прямо на Топъ-Дагъ. Впереди шла колонна генералъ-маіора Панкратьева, у которой на правомъ крылѣ находились три казачьихъ полка. Быстрое и стройное движеніе войскъ, при звукахъ музыки и барабановъ, представило самое торжественное зрѣлище. Непріятель встрѣтилъ насъ выстрѣлами изъ батарей Топъ-Дага. Но артиллеріи нашей приказано было не заниматься безполезною пальбою. Допустивъ колонны на половину пушечнаго выстрѣла, турки не осмѣлились болѣе оставаться на мѣстѣ. Толпы, защищавшія Топъ-Дагъ, въ ужасѣ обратились къ городу, и конвой главнокомандующаго, находившійся въ головѣ войскъ, первый занялъ топъ-дагскіе шанцы, овладѣвъ пятью орудіями.

Хотя наступательное движеніе это ограничилось только занятіемъ передовыхъ укрѣпленій; но близкое появленіе войскъ быстро произвело перемѣну въ направленіи умовъ: князь Бековичъ, пользуясь этою внезапною перемѣною, убѣдилъ старшинъ выйти къ народу, для объявленія послѣдней воли главнокомандующаго. Видя, что эта воля близка къ исполненію, зачинщики сопротивленія перестали волновать народъ; жители мало по малу отъ нихъ отдѣлились и разошлись по домамъ. Спокойствіе начало водворяться. Одни пришлецы и бѣжавшіе

въ прошломъ году изъ покоренныхъ крѣпостей, не имѣя въ Эрзерумѣ ни семействъ, ни имуществъ, продолжали упорствовать; они бросились на батареи, устроенныя въ предмѣстьяхъ, заняли ихъ и открыли огонь по войскамъ нашимъ. Хотя число этихъ людей было незначительно, но выстрѣлы производились довольно часто, не нанося впрочемъ вреда строившимся на позиціи колоннамъ нашимъ.

Мы не знали, что происходитъ въ городѣ, и главнокомандующій, надѣясь на мужество князя Бековича, приказалъ артиллеріи нашей молчать. Между тѣмъ возникло новое препятствіе. До 300 арнаутовъ, бывшихъ въ числѣ гарнизона, не получивъ отъ сераскира жалованья и желая воспользоваться настоящимъ случаемъ общаго смятенія, настоятельно требовали удовлетворить ихъ принадлежащими имъ деньгами, рѣшительно отказываясь въ противномъ случаѣ выдать ключи. Видя, что одно только сильное представленіе можетъ побудить сераскира къ удовлетворенію арнаутовъ, князь Бековичъ отправился къ нему и склонилъ его къ выдачѣ 7,500 курушей (625 р. с.). Устраненіемъ этого препятствія дѣйствительно было ускорено полученіе ключей крѣпости и цитадели. Они наконецъ доставлены къ нашему уполномоченному, который, соединясь съ старшинами и первенствующимъ духовенствомъ, выѣхалъ къ главнокомандующему на Топъ-Дагъ. Небольшія толпы не прекращали между тѣмъ пальбы изъ предмѣстій, и когда войска наши совершенно построились, нашли необходимымъ для укрощенія вольницы сдѣлать по одной очереди выстрѣловъ изъ 12 батарейныхъ орудій. Первыя ядра, упавшія въ городъ, произвели тамъ страшное замѣшательство; батареи непріятельскія тотчасъ умолкли, а на сѣверной сторонѣ предмѣстій показалась въ то же время довольно густая толпа конницы: это былъ князь Бековичъ со всею городскою депутаціею.

Оставивъ при подошвѣ Топъ-Дага лошадей, старшины и первые изъ городскихъ муфтіевъ и кадіевъ, съ видомъ истинной покорности, приблизились къ главнокомандующему. Старѣйшій изъ нихъ Аянъ-Ага, поднося графу Паскевичу ключи города и крѣпости, въ краткой рѣчи изобразилъ чувства на-

рода, совершенно предающагося на волю побѣдителей, прося притомъ въ ихъ присутствіи утвердить подписью условія капитуляціи.'

Пока это происходило, огонь изъ предмѣстій былъ противу насъ опять возобновленъ. Около ста человѣкъ самыхъ неукротимыхъ, примѣтивъ присутствіе главнокомандующаго по приближавшейся къ нему депутаціи, съ намѣреніемъ пустили въ ту сторону нѣсколько ядеръ, которыя пронеслись надъ головами нашими. Два или три залпа нашей артиллеріи, произведенные съ Топъ-Дага, по просьбѣ самихъ депутатовъ, вскорѣ однако же разсѣяли эту буйную вольницу. Удаляясь изъ предмѣстій, они окончили неповиновеніе свое взрывомъ на воздухъ одной городской батареи.

Смыслъ доставленной депутатами капитуляціи былъ совершенно одинаковъ съ предложенными отъ насъ условіями, исключая статьи объ освобожденіи сераскира и пашей. По прочтеніи бумаги, главнокомандующій подъ ней же написалъ своеручно: «соглашаюсь на всѣ пункты капитуляціи, исключая свободы сераскира и пашей; они, на основаніи перваго моего предложенія, должны непремѣнно остаться военно-плѣнными». Никто изъ депутатовъ не противорѣчилъ, и впослѣдствіи объяснилось, что означенная статья внесена была въ условія города единственно по проискамъ и настоянію сераскирскихъ агентовъ, и что напротивъ всѣ старшины и народъ крайне остались довольны ея отмѣною. Нельзя было не замѣтить въ этомъ общей мести гражданъ къ сераскиру, за его слабое и неправосудное правленіе.

Итакъ, около 5 часовъ вечера участь Эрзерума была рѣшена. Колоннѣ генералъ-маіора Панкратьева назначено занять крѣпость. Войска при самомъ выступленіи изъ лагеря были нарочно одѣты для того въ полную форму: полки 41 и 42 егерскіе, съ 16 орудіями 20 артиллерійской бригады, вступили первые въ городъ, чрезъ карскую заставу, съ распущенными знаменами и музыкою, въ боевомъ порядкѣ, имѣя впереди цѣпь стрѣлковъ; оба баталіона Кабардинскаго полка *)

---

*) Въ это время баталіоны наши были въ замѣчательномъ составѣ:

тотчасъ заняли наружныя укрѣпленія предмѣстій, а сводный баталіонъ оставленъ въ резервѣ у входа въ городъ. Генералъ-маіоръ Панкратьевъ лично велъ егерей по извилистымъ улицамъ; жители всякаго возраста и дѣти толпились съ особеннымъ любопытствомъ по обѣимъ сторонамъ; женщины съ опущенными покрывалами, смотрѣли съ кровель и бросали цвѣты; на встрѣчу побѣдителей выносили изъ домовъ молоко, медъ, плоды и хлѣбъ. Жителямъ казалось весьма страннымъ, что солдаты, шедшіе въ строю, соблюдая строгую дисциплину, не принимали предлагаемаго хлѣба-соли. Войска вошли въ крѣпость безъ сопротивленія. Но занятіе цитадели было поводомъ новаго упорства. Около 200 человѣкъ арнаутовъ, засѣвъ тамъ, отказались отпереть ворота. Послѣ всѣхъ убѣжденій и угрозъ, нашли необходимымъ придвинуть къ стѣнамъ артиллерію, и только тогда они открыли входъ Въ 6½ часовъ мы увидѣли наконецъ съ Топъ-Дага русское знамя, развѣвающееся на стѣнахъ цитадели, а вслѣдъ затѣмъ, по занятіи караулами всѣхъ воротъ крѣпости и цитадели, генералъ-маіоръ Панкратьевъ съ одною ротою 42 егерскаго полка лично отправился въ домъ сераскира. Вмѣстѣ съ нимъ были тамъ Ахметъ-паша и Абышъ-паша. Сераскиръ сидѣлъ въ глубокой горести и, казалось, что испытавъ безъ успѣха всѣ средства къ своему спасенію, онъ рѣшился наконецъ перенести судьбу свою съ хладнокровіемъ. Съ ними обошлись вѣжливо и объявили, что для отвращенія непріятностей и волненія народнаго оставляется при домѣ въ караулѣ рота, и что отъ этой минуты дѣйствія какъ сераскира, такъ и прочихъ пашей, должны во всемъ согласоваться съ волею главнокомандующаго.

«Да будетъ такъ, если то угодно року», отвѣчалъ сераскиръ и отдалъ генералу Панкратьеву свой жезлъ, бунчуки, знамя и знамена всѣхъ бывшихъ съ нимъ пашей.

Совершенно противныя чувства радости и торжества одушевляли эрзерумскихъ жителей. Народъ большими толпами окружалъ отдыхающихъ солдатъ. Ихъ съ любопытствомъ осма-

---

34 офицера и 1652 нижнихъ чиновъ; больныхъ всего 70 чел. Такую численность рѣдко можно было встрѣтить и въ мирное время.

тривали и, казалось, никто не вѣрилъ, что это тѣ страшные воины, которыхъ приближенія за часъ предъ тѣмъ они трепетали. Каждый наперерывъ старался угостить русскаго чѣмъ могъ; многія изъ женщинъ сходили съ кровель на улицу; сбрасывали съ себя покрывала въ знакъ уваженія и радости и съ восторгомъ искали цѣловать руки офицеровъ нашихъ, поднося имъ букеты розъ, весьма красиво заплетенныхъ лентами. Со стороны войскъ нашихъ была соблюдена самая строгая благопристойность и, благодаря мѣрамъ заранѣе принятымъ, порядокъ ни въ чемъ не былъ нарушенъ.

Вотъ всѣ подробности покоренія Эрзерума, главнаго города турецкой Арменіи и большей части Анатоліи. Никто изъ русскихъ еще за 14-ть дней предъ тѣмъ не могъ предвидѣть столь успѣшнаго и блистательнаго окончанія дѣлъ. Почти въ двѣ недѣли корпусъ, совершивъ отъ сборнаго пункта своего при селеніи Котанлы 150 верстъ, разсѣялъ всю армію, какая была собрана непріятелемъ въ Азіи, ниспровергнулъ всѣ власти, отъ коихъ зависѣло управленіе обширнаго края, и лишилъ эту страну на нѣкоторое время почти всѣхъ средствъ къ продолженію войны.

XXX.

Движеніе къ Байбурту и занятіе его.—Несчастное дѣло г.-м. Бурцова при Хартѣ.—Выступленіе туда части главныхъ силъ и взятіе Харта.—Движеніе гр. Паскевича къ Сивазу.—Возвращеніе въ Эрзерумъ.—Волненіе жителей и попытки турокъ возобновить наступательныя дѣйствія.—Вторичный походъ гр. Паскевича къ Байбурту и пораженіе турокъ.—Извѣстія о заключеніи мира и прекращеніи войны.—Возвращеніе корпуса въ Грузію и оставленіе части его съ Кабардинскимъ полкомъ въ Эрзерумѣ.—Возвращеніе полка въ Нальчикъ.—Полученныя награды.

Покореніе Эрзерума послѣдовало въ знаменитый день Полтавской битвы, составляющей эпоху нашей отечественной славы. Въ городѣ взято болѣе 150 орудій; изобильные магазины съ провіантомъ; значительный арсеналъ съ большими военными запасами; шесть знаменъ, сераскирскій жезлъ и проч.

Никогда еще наше оружіе не достигало на востокѣ до столь отдаленной точки и со временъ владычества мусульманъ въ Азіи, Эрзерумъ въ первый разъ покоренъ былъ войсками христіанскими.

Въ это время въ главную квартиру дѣйствующихъ войскъ прибылъ изъ Баязета курьеръ съ донесеніемъ о сильномъ двухдневномъ приступѣ, который испыталъ этотъ городъ противу многочисленнаго непріятеля, подъ начальствомъ ванскаго паши. Однако, благодаря беззавѣтному мужеству небольшаго нашего гарнизона, важный пунктъ, составлявшій главную опору лѣваго фланга тогдашней операціонной базы, былъ удержанъ въ нашей власти.

По занятіи Эрзерума приступлено было къ устройству гражданскаго управленія и обезоруженію жителей. Вслѣдъ за этимъ открылось, что сераскиръ за два часа до сдачи го-

рода послалъ въ Константинополь двухъ курьеровъ, одного за другимъ, съ донесеніемъ султану о взятіи русскими города, объясняя, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы со всѣми чиновниками и главными лицами правленія удалиться въ Діарбекиръ, для набора новыхъ войскъ и соединенія съ Кягьей-Бекомъ и трапезондскимъ пашою, которымъ назначено было отойти къ Байбурту. Въ такомъ положеніи дѣлъ сераскиръ обнадеживалъ еще собрать въ 20 дней новую армію въ 50,000 человѣкъ и просилъ только прислать въ скорѣйшемъ времени 20 или 30 полевыхъ орудій, дабы усилить его средства къ наступательнымъ дѣйствіямъ и возвращенію Эрзерума, присовокупляя, что если Порта пренебрежетъ столь необходимыми мѣрами, то русскій корпусъ можетъ вскорѣ явиться предъ Скутари. Сдачу Эрзерума сераскиръ относилъ собственно къ измѣнѣ жителей, говоря, что сначала по его настоянію они было рѣшились защищаться, но потомъ, обольщенные прокламаціею русскаго главнокомандующаго, отказались отъ сопротивленія, не взирая на всѣ усилія городскаго начальства.

Лазутчики, посланные во всѣ стороны, сообщили между тѣмъ, что крѣпость Байбуртъ, лежащая въ 117 верстахъ отъ Эрзерума, на дорогѣ въ Трапезондъ, по слабости гарнизона готова сдаться. Положеніе Байбурта на предѣлахъ Лазистана, дѣлало необходимымъ его занятіе, тѣмъ болѣе, что это могло обезпечить и безопасность Эрзерума. Главнокомандующій отправилъ туда 1 іюля отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бурцова.

7-го іюля окрестности Эрзерума были свидѣтелемъ благодарственнаго молебствія, принесеннаго нашимъ корпусомъ за дарованныя побѣды въ Европѣ и Азіи. Громъ крѣпостной и полевой артиллеріи заключилъ церковный парадъ. Къ вечеру цитадель и городъ были иллюминованы, сожженъ фейерверкъ, и цѣлую ночь жители христіанскаго исповѣданія изъявляли радость пѣснями и народною музыкою. Сами турки, безъ всякаго приглашенія, обнаружили участіе въ этомъ торжествѣ, украсивъ окна домовъ разноцвѣтными фонарями. Этотъ же день ознаменовался занятіемъ Байбурта. Городъ и крѣпость, почти равняющіеся обширностію Карсу и замѣчательные чисто-

тою улицъ и красотою зданій, сдались войскамъ нашимъ безъ сопротивленія. Бездѣйствіе, продолжавшееся по взятіи Эрзерума почти цѣлый мѣсяцъ, было неизбѣжно. Согласно предначертаній государя надлежало по овладѣніи резиденціею Анатоліи исполнить второе предположеніе кампаніи, то есть идти до Сиваза; но предпринять этого нельзя было до прибытія изъ Грузіи и Ахалцыха подкрѣпленій и до совершеннаго обезпеченія собственнаго нашего положенія въ завоеванной землѣ.

Гроза между тѣмъ собиралась противу малочисленнаго отряда нашего въ Байбуртѣ. Генералъ-маіоръ Бурцовъ первоначально успѣлъ склонить на нашу сторону правителя Испирскаго санджака Али-Бека и старшинъ Офскаго округа. Они охотно вступили въ миролюбивыя сношенія, прося дозволить возобновленіе торговли съ Байбуртскимъ санджакомъ; но когда мы потребовали, чтобы они собрали часть своего ополченія для службы съ нашими войсками, двусмысленность ихъ поступковъ тотчасъ обнаружилась. Офскіе жители рѣшительно объявили, что не могутъ этого исполнить, отзываясь необходимостію заняться сборомъ хлѣба на поляхъ байбуртскихъ, засѣваемыхъ ими по найму.

Подъ этимъ же самымъ предлогомъ, около 17 числа, народъ большими толпами началъ стекаться въ селенія, лежащія на Офской границѣ, и вскорѣ потомъ аванпосты нашего отряда открыли въ селеніи Хартъ значительную часть вооруженной пѣхоты, занявшей дороги въ Офъ и Трапезондъ.

Не взирая на увѣренія въ миролюбіи, партія пѣшихъ лазовъ, перейдя 18 числа офскую границу, приблизилась къ нашимъ аванпостамъ и завязала перестрѣлку, стараясь оттѣснить ихъ къ Байбурту.

Видя, что дерзость и силы лазовъ увеличиваются съ каждымъ днемъ и что положеніе отряда нашего, въ случаѣ отступленія къ городу, можетъ сдѣлаться гораздо хуже, ген. Бурцовъ счелъ необходимымъ дѣйствовать рѣшительно, надѣясь внезапнымъ нападеніемъ разрушить замыслы непріятеля въ первую минуту, пока силы его еще были незначительны.

Поручивъ охраненіе Байбуртской крѣпости двумъ ротамъ, онъ раздѣлилъ малочисленныя войска свои на двѣ части и съ ними выступилъ въ ночь на 19 іюля къ селенію Хартъ, по двумъ дорогамъ.

По предварительной диспозиціи, нападеніе должно было произойти на утренней зарѣ; но правая колонна маіора Засса, встрѣтивъ на пути препятствіе, опоздала присоединиться. Предъ разсвѣтомъ 19 іюля Бурцовъ подошелъ къ селенію Хартъ; оно возвышалось надъ окрестною долиною, имѣло на крутизнахъ нѣсколько башенъ и сверхъ того было обнесено завалами и колючею засѣкою. Непріятельскіе пикеты замѣтили наше движеніе, но не взиряя на то и на промедленіе маіора Засса, генералъ Бурцовъ, обольщенный прежними успѣхами и надеждою не встрѣтить большаго сопротивленія, рѣшился атаковать деревню одною своею колонною, чтобы не дать времени непріятелю опомниться.

Гренадеры первоначально встрѣтили самое слабое сопротивленіе; штыками вытѣснили лазовъ изъ оврага, окружающаго селеніе, и заняли часть домовъ; но посреди узкихъ переулковъ бой завязался кровопролятный. Многочисленныя толпы, засѣвъ въ строеніяхъ, осыпали наши роты пулями, задерживая наступленіе; артиллерійскій огонь нашъ противъ каменныхъ построекъ оказывался недѣйствительнымъ. Дѣло продолжалось до 10 часовъ утра безъ успѣха и въ довершеніе отчаяннаго положенія отряда большія непріятельскія толпы показались за селеніемъ, огибая лѣвый флангъ позиціи Бурцова.

Видя значительную потерю въ людяхъ и гибель въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, Бурцовъ отступилъ и занялъ новую позицію, позади кладбища, въ 200 саженяхъ отъ домовъ селенія. Съ трудомъ можно было вывести войска изъ тѣсныхъ переулковъ и строеній, непріятель сильно напиралъ и тяжело раненыхъ большею частію пришлось оставлять въ добычу ярости лазовъ.

Около полудня войска были собраны на новой позиціи и въ то время показался наконецъ въ тылу Харта маіоръ Зассъ съ своею колонною. Приближеніе свѣжихъ силъ ободрило войска. Тотчасъ Зассу приказано обходить непріятеля, зани-

мавшаго высоты на западной сторонѣ селенія. Встрѣченные сильнымъ огнемъ, гренадеры стремительно бросились впередъ, тѣсня непріятеля къ возвышенію, противу котораго находился нашъ Мусульманскій полкъ. Уже многія толпы лазовъ, засѣвшія въ оврагѣ, были обойдены и совершенно отрѣзаны, когда г. Бурцовъ, желая довершить успѣхъ атаки, далъ приказаніе произвести совокупный ударъ съ другой стороны, а самъ повелъ впередъ Мусульманскій полкъ. Непріятель, выбитый въ свою очередь изъ оврага, былъ окруженъ; посреди жаркаго нападенія, въ пылу преслѣдованія лазовъ, храбрый генералъ Бурцовъ, лично настигая одного непріятельскаго знаменщика, былъ раненъ имъ въ упоръ изъ пистолета на вылетъ въ грудь. Этотъ несчастный случай внезапно остановилъ атаку и лишилъ насъ плодовъ достигнутаго успѣха. Артиллеріи подполковникъ Линденфельдъ, оставшійся старшимъ, поспѣшилъ возстановить порядокъ, сосредоточивъ всѣ войска на позицію; но новыхъ усилій употребить было уже невозможно. Почти третья часть людей выбыла изъ фронта; въ зарядахъ и патронахъ оказался недостатокъ и бой, продолжавшійся съ 4 часовъ утра до 4 по полудни, истощилъ послѣднія силы солдатъ. Пославъ приказаніе, чтобы изъ Байбурта вышла одна рота въ помощь, Линденфельдъ началъ отступать эшелонами; раненые были отправлены впередъ. Утомленный непріятель не преслѣдовалъ, и войска наши, переночевавъ въ 7 верстахъ отъ Харта, возвратились 20 числа утромъ въ Байбуртъ.

Уронъ, понесенный въ этой экспедиціи, былъ очень великъ: убиты 1 офицеръ и 60 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранено, кромѣ генералъ-маіора Бурцова, умершаго вскорѣ, 234 человѣка, въ томъ числѣ 12 офицеровъ.

Непріятное и печальное происшествіе это замедлило и даже измѣнило предположенія главнокомандующаго. Тотчасъ на помощь байбуртскому отряду двинутъ былъ съ колонною генералъ Муравьевъ, а вслѣдъ затѣмъ графъ Эриванскій и самъ выступилъ туда съ другою частью войска, а въ Эрзерумѣ подъ начальствомъ генерала Панкратьева оставлена половина корпуса.

25 іюля около полудня главнокомандующій съ передовою частію войскъ достигъ Байбурта и при въѣздѣ въ городъ былъ встрѣченъ печальнымъ церемоніаломъ похоронъ храбраго Бурцова, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ скончался отъ полученной при Хартѣ раны. Общими искренними слезами начальниковъ, офицеровъ и солдатъ былъ отданъ послѣдній долгъ памяти достойнаго генерала.

26 числа войска соединились при Байбуртѣ и заняли лагерь въ 8 верстахъ впереди города, у деревни Ханзаверекъ, на обширной хлѣбородной долинѣ. Главною цѣлью дѣйствій избрана деревня Хартъ; надлежало унизить непріятеля въ томъ самомъ мѣстѣ, которое послѣ неудачи Бурцова лазы считали недоступнымъ. Три тысячи лазовъ составили гарнизонъ Харта, обрекли себя на смерть и, по мусульманскому обычаю, въ знакъ твердой рѣшимости, одѣлись въ бѣлыя рубахи.

Непріятель, получившій въ теченіе ночи и утромъ подкрѣпленіе около 5,000 человѣкъ, казалось, нисколько не былъ смущенъ близкимъ появленіемъ нашимъ. По увеличившемуся протяженію и высотѣ шанцевъ и заваловъ примѣтно было, что укрѣпленія усилены новыми работами. На скалѣ, прикрытой башнею, и на сѣверныхъ возвышеніяхъ спокойно стояли вооруженныя толпы.

Перерѣзавъ дороги, ведущія изъ селенія Хартъ въ селеніе Ардуста и Зегряды, отрядъ нашъ сдѣлалъ поворотъ правымъ плечемъ и выстроился на высотахъ противу восточной стороны селенія. Первая линія подвинулась на 200 саженъ отъ шанцевъ и открыла огонь изъ 12 орудій. Намъ отвѣчали ружейною пальбою; но при каждомъ выстрѣлѣ изъ артиллеріи нашей въ селеніи происходило необыкновенное движеніе; оглашая окрестность дикими криками, лазы, казалось, хотѣли удивить дерзостію своею, и ежеминутно должно было ожидать вылазки.

27-го числа войска наши окончательно окружили Хартъ и послѣ сильной канонады двинулись на штурмъ заваловъ и шанцевъ, окружавшихъ деревню. Не взирая на отчаянную защиту, лазы, съ громадными потерями, къ вечеру были вытѣснены изъ всѣхъ закрытій и вогнаны въ деревню, которую

наши войска оцѣпили, и за наступившею темнотою отложили окончаніе дѣла до утра. Между тѣмъ ночью Османъ-паша, съ подкрѣпленіемъ въ 2 тысячи человѣкъ и нѣсколькими орудіями, обходилъ нашъ лѣвый флангъ. Открытый разъѣздами, онъ былъ атакованъ, разбитъ, потерялъ оба орудія и преслѣдованъ до совершеннаго разсѣянія. Сидѣвшіе въ Хартѣ лазы воспользовались этою суматохою и большею частью бѣжали ночью же. Потеря наша въ оба дня простиралась до 66 человѣкъ; у непріятеля взято 150 человѣкъ въ плѣнъ.

Принявъ за правило не допускать турокъ сосредоточивать силы свои, главнокомандующій недолго оставался въ бездѣйствіи послѣ побѣды подъ Хартомъ. 4-го числа весь корпусъ сдѣлалъ маршъ впередъ по сивазской дорогѣ, до селенія Балахора. Движеніемъ этимъ мы прикрывали отъ покушеній воинственныхъ горцевъ покорные и хлѣбородные санджаки Эрзерумскаго пашалыка, доставляя жителямъ возможность спокойно заняться жатвой, которая при чрезвычайной затруднительности подвозовъ изъ Грузіи могла обезпечить будущее продовольствіе нашихъ войскъ.

5-го августа главнокомандующій предпринялъ съ частію войскъ усиленное обозрѣніе отъ Балахора по направленію къ Куансъ-Кале, а 6-го числа со всѣми дѣйствующими силами выступилъ къ Килкитъ-Чифтлику. Равнина, по которой слѣдовали войска, представляла повсюду богатыя пажити и чрезвычайное изобиліе въ сухомъ фуражѣ, еще не убранномъ съ полей. Отъ селенія Посуса, гдѣ отрядъ имѣлъ ночлегъ, отправлена впередъ легкая партія.

9-го августа предположено было рѣшительно атаковать непріятельскую позицію у Шепъ-су; но полученное предъ разсвѣтомъ извѣстіе измѣнило это намѣреніе. Непріятель въ глухую полночь оставилъ лагерь и бѣжалъ по разнымъ направленіямъ, бросивъ свой тяжелый обозъ. Авангардъ нашъ преслѣдовалъ его безуспѣшно 30 верстъ до деревни Исламъ-Турсумъ.

10 и 11-го августа главныя силы оставались въ Чифтликѣ. Повсемѣстное бѣгство турокъ открывало почти безпрепятственный путь къ Сивазу, и главнокомандующій намѣревался

продолжать туда движеніе, но полученныя въ это время изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣнія заставили измѣнить планъ дѣйствій.

Удаленіе главныхъ силъ изъ Эрзерума дало поводъ нѣкоторымъ враждебнымъ жителямъ начать подстрекательства къ возбужденію волненій. 25-го іюня былъ открытъ цѣлый заговоръ, цѣль коего была внезапное истребленіе всѣхъ русскихъ. 12 главныхъ зачинщиковъ были схвачены и отосланы въ Эривань; спокойствіе такимъ образомъ удержано. Но случай этотъ, хотя и не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, при успѣхѣ могъ однако быть для насъ гибельнымъ, по связи съ предпріятіями куртинцевъ, открывшихъ въ послѣднее время набѣги въ занятые нами округа. Все это не могло не воспрепятствовать исполненію дальнѣйшихъ предположеній втораго періода кампаніи. Съ одной стороны движеніемъ впередъ къ Сивазу и Токату мы бы удалялись значительно отъ собственныхъ границъ, при не совершенно успокоенномъ состояніи Ахалцыхскаго и Карскаго пашалыковъ, гдѣ происками аджарскаго Ахметъ-паши и непріязненными внушеніями бековъ, управлявшихъ горными санджаками, народъ легко могъ быть возбужденъ къ возмущенію. Съ другой стороны сборы лазовъ на правомъ флангѣ и предпріятія куртинцевъ Мушскаго и Ванскаго пашалыковъ могли угрожать Эрзеруму, среди котораго еще, безъ сомнѣнія, оставались искры тайнаго недоброжелательства. А всѣ окрестные беки по собраннымъ свѣдѣніямъ, тоже сочувствовали туркамъ и обѣщали содѣйствіе въ случаѣ прибытія сераскира съ новыми войсками. Главнокомандующій рѣшился отказаться отъ покоренія Сиваза и движенія на Трапезондъ, тѣмъ болѣе, что путь туда чрезъ высокія скалистыя горы представлялъ громадныя затрудненія; къ тому же и недостатокъ фуража стѣснялъ дѣйствія корпуса.

При подобныхъ обстоятельствахъ успѣхъ экспедиціи на Трапезондъ приходилось основать на одной слишкомъ невѣрной удачѣ, и польза покоренія этого города въ тогдашнее время далеко не могла искупить всѣхъ трудовъ и усилій. Поэтому, 23 августа, гр. Паскевичъ предпринялъ обратное движеніе отъ селенія Сейкеръ и 24 прибылъ къ Байбурту.

Во время дневки 25-го числа рѣшено было въ Байбуртѣ гарнизона не оставлять и крѣпость взорвать на воздухъ.

26 августа главная квартира со всѣми обозами и тяжестями, подъ прикрытіемъ половины войскъ, выступила изъ Байбурта, а 27 къ вечеру главнокомандующій прибылъ въ Эрзерумъ.

До этого значительные сборы курдовъ на границахъ Мушскаго пашалыка побудили генерала Панкратьева поручить генералъ-маіору Сергѣеву особый отрядъ, въ которомъ былъ баталіонъ Кабардинскаго полка, для наказанія куртинцевъ за нападенія на транспорты хнисскихъ жителей, и сверхъ того предупредить занятіе турками Хниса, гдѣ собирались для нихъ запасы провіанта. Сергѣевъ успѣлъ настигнуть хищниковъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, послѣ небольшой перестрѣлки отнялъ 150 воловъ, захваченныхъ у мирныхъ жителей, и сверхъ того изъ собственныхъ стадъ куртинцевъ отбилъ 3,000 штукъ рогатаго скота и 1,000 овецъ. Отрядъ нашъ занялъ Хнисъ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока купленный у жителей хлѣбъ былъ совершенно вывезенъ въ Эрзерумъ; 15 августа генералъ Сергѣевъ, взявъ съ собою изъ Хниса крѣпостныя орудія и снаряды, отошелъ на позицію къ селенію Килли.

Повсемѣстное разсѣяніе непріятельскихъ сборищъ, водворившееся въ селахъ и городахъ спокойствіе и наступившая въ первыхъ числахъ сентября дождливая, довольно холодная осень подавали надежду, что военныя дѣйствія въ Азіи совершенно прекратятся.

Въ этомъ ожиданіи главнокомандующій, сосредоточивъ главныя силы дѣйствующаго корпуса къ Эрзеруму, предполагалъ до появленія зимы часть войскъ, преимущественно кавалерію и артиллерію, возвратить въ Грузію. Отдаленное слѣдованіе до штабъ-квартиръ, на пространствѣ почти до 700 верстъ, чрезъ хребты: Саганлугскій, Акзибіукскій и Безодбальскій, побуждало заблаговременно начать возвратное движеніе.

Это удаленіе нѣкоторой части главныхъ силъ съ театра военныхъ дѣйствій пробудило опять надежды непріятеля и было поводомъ къ различнымъ толкамъ. Новый сераскиръ спѣ-

шилъ воспользоваться легкомысліемъ и непостоянствомъ народа; вѣсть, что русскіе отступаютъ и должны будутъ вскорѣ оставить самый Эрзерумъ, быстро пронеслась отъ одного конца къ другому, и общимъ отголоскомъ было единодушное мнѣніе, что опять наступилъ благопріятный часъ къ поголовному возстанію мусульманъ.

Легко азіятскія ополченія уступаютъ побѣду хорошо устроенному европейскому войску; но съ такою же легкостію производится ихъ новый сборъ и вооруженіе. Легковѣріе и всеобщій воинскій образъ жизни этому благопріятствуютъ. Не будучи подчинены всѣмъ условіямъ и строгому устройству регулярныхъ армій, ополченія эти возникаютъ, такъ сказать, мгновенно; хотя существованіе ихъ въ такой же степени непродолжительно. Упадшій духъ народа былъ снова возбужденъ; вездѣ спѣшили ополчаться и сильнѣйшія вооруженія оказались преимущественно между лазами, по особенному вліянію новаго сераскира, лично принадлежавшаго къ ихъ племени. Вскорѣ подъ начальствомъ турецкаго главнокомандующаго, вмѣсто 5,000 человѣкъ, бывшихъ въ его распоряженіи, собралось на правомъ нашемъ флангѣ, въ Байбуртѣ, до 10,000 человѣкъ и въ Килкитъ-Чифтликѣ до 6,000; обоимъ этимъ отрядамъ предназначалось идти къ Эрзеруму, какъ только выступитъ въ Грузію часть русскаго корпуса.

Слухи о предпріятіи сераскира между тѣмъ подтверждались съ каждымъ днемъ. Сборы турецкихъ войскъ въ Байбуртѣ и Чифтликѣ все усиливались и положеніе передоваго отряда полковника Миклашевскаго, оставленнаго въ Туржанскомъ санджакѣ, становилось въ особенности затруднительнымъ.

Вооруженіе жителей въ Байбуртѣ и Чифтликѣ, общее пробужденіе враждебнаго намъ духа мусульманъ и дѣятельность сераскира могли привести къ послѣдствіямъ для насъ не совсѣмъ выгоднымъ. Дерзость турецкихъ партій увеличивалась ежедневно. Часть дели 13 сентября осмѣлилась выдвинуться до селенія Хоша-Пунгаръ, что на половинѣ дороги между Эрзерумомъ и Байбуртомъ, и даже приближалась къ селенію Мегмасуръ, гдѣ стоялъ нашъ передовой отрядъ.

Около 20 сентября получено достовѣрное извѣстіе, что султанъ далъ сераскиру настоятельный фирманъ отнять у русскихъ Эрзерумъ и прислалъ моремъ изъ Константинополя 7 орудій, перевезенныхъ за 10 дней предъ тѣмъ изъ пристани Платано въ Килкитъ-Чифтликъ. Воззванія турецкаго главнокомандующаго о всеобщемъ возстаніи повторялись въ мечетяхъ муллами, а на площадяхъ старшинами; чувства религіозной нетерпимости и старой къ намъ ненависти явно волновали народъ; въ воинственныхъ округахъ Лазистана образовались уже три довольно значительныя скопища.

Эта необыкновенная дѣятельность и усиленныя мѣры, предпринимаемыя турецкимъ начальствомъ, внезапно остановили предположенное возвращеніе нѣкоторой части войскъ въ Грузію. Главнокомандующій видѣлъ, что подобное состояніе дѣлъ не могло обѣщать зимняго спокойствія и что слѣдовало или воспользоваться временемъ и настоящимъ составомъ русскихъ войскъ, для предупрежденія непріятельскихъ намѣреній, или оставить для охраненія Эрзерума и удержанія за собой завоеванной части края не менѣе 10,000 человѣкъ, то есть отрядъ, несравненно превосходившій прежнее на этотъ предметъ исчисленіе, и продовольствовать который въ теченіе зимы было бы почти невозможно. И во всякомъ случаѣ послѣдній способъ казался не весьма надежнымъ, потому что турки и среди зимнихъ мѣсяцевъ не останавливались въ своихъ покушеніяхъ.

Около 15 сентября начали носиться слухи о мирныхъ переговорахъ, будто бы открытыхъ въ Адріанополѣ, но не только офиціальныхъ, но даже правдоподобныхъ частныхъ свѣдѣній еще о томъ не было, и дня черезъ три извѣстія эти сами собою умолкли, Не теряя времени, главнокомандующій рѣшился открыть новыя наступательныя дѣйствія вторичнымъ походомъ на Байбуртъ. Тайна предположеннаго движенія такъ хорошо была скрыта, что до минуты отданія приказа никто не зналъ о выступленіи. Войска двинулись 24 сентября и направлены къ Байбурту двумя колоннами, слѣдуя усиленными маршами. Всю ночь на правомъ берегу Чорохи, по горамъ, вокругъ турецкихъ окоповъ, видны были большіе огни. Воз-

вратившіеся лазутчики наши привели съ собою нѣсколько поселянъ изъ ближайшихъ деревень. Показанія ихъ были согласны. Число непріятельскихъ войскъ въ Байбуртѣ простиралось дѣйствительно до 12,000 человѣкъ, съ 6-ю орудіями. Особый, столь же сильный отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ сераскира, находился въ 6 часахъ отъ города, неподалеку отъ селенія Балахоръ, откуда въ тотъ же день прислано было въ Байбуртъ значительное подкрѣпленіе. Вслѣдъ затѣмъ ожидали прихода самого сераскира съ остальными войсками.

Чтобы не дать имъ времени соединиться, главнокомандующій предположилъ съ разсвѣтомъ 28 числа всѣми силами атаковать городъ по обходной дорогѣ, съ западныхъ высотъ.

По сдѣланной деспозиціи, войска вышли съ мѣста въ 5 часовъ утра и атаковали Байбуртъ. Сраженіе окончилось около 4-хъ часовъ пополудни, и турки въ этой несчастной для нихъ битвѣ потеряли на пространствѣ 16 верстъ, 6 пушекъ, 12 знаменъ и болѣе 700 человѣкъ, исключая 1,236 взятыхъ въ плѣнъ. Уронъ съ нашей стороны не превосходилъ 100 человѣкъ; въ томъ числѣ убиты 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера и контужено 7 офицеровъ.

Самая бѣдственая участь постигла городскихъ жителей. Безразсудный паша, по какому-то неосновательному разсчету, удержалъ въ городѣ большую часть женщинъ и дѣтей, увѣривъ ихъ въ совершенной безопасности. Даже въ день самаго сраженія турецкое начальство не позаботилось предварить жителей объ опасности; нѣкоторыя семейства спокойно оставались въ домахъ, другія собрались на крутизнѣ горы подъ защиту лазовъ; почти всѣ они подверглись горькому жребію. Хотя въ преслѣдованіи солдаты наши щадили дѣтей и женщинъ, но многія изъ нихъ побиты артиллеріею въ толпѣ отступавшихъ войскъ. Трудно понять, что заставило безразсуднаго пашу столь наглымъ образомъ обманывать жителей; ибо собственный багажъ свой онъ удалилъ заблаговременно изъ города.

Сераскиръ съ 26 на 27 число имѣлъ ночлегъ у селенія Балахоръ, что въ 5 часахъ отъ города, и въ день сраженія шелъ съ 10,000 человѣкъ на помощь Байбурту. Въ полдень мы уже замѣчали его передовыя партіи въ 5 верстахъ предъ

собою. Они видѣли несчастную участь Байбурта, видѣли часть пѣхоты и артиллеріи нашей, поставленной на высотахъ лицомъ къ Балахору, и, предувѣдомленныя бѣжавшими изъ города о претерпѣнномъ пораженіи, спѣшили скрыться. Въ тотъ же день сераскиръ отступилъ къ Балахору, а на другое утро потянулся къ Гюмишъ-Хане.

Байбуртъ останется памятнымъ въ исторіи войны русскихъ въ Азіятской Турціи въ 1829 году. Первоначально изъявивъ добровольную покорность, онъ двукратно потомъ ознаменовалъ себя возстаніемъ. Кромѣ истребленія жителей въ бою, кромѣ ихъ плѣна и другихъ несчастій, неминуемыхъ во время штурма, третья часть города сдѣлалась жертвою пламени. Неизвѣстно, сами ли жители, или неосторожность нашихъ солдатъ были причиною пожара; но поднявшійся вѣтеръ обратилъ въ пепелъ почти всѣ дома и не было возможности оказатъ какую либо помощь.

Между тѣмъ главнокомандовавшій 2-ю арміею генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, тотчасъ по утвержденіи адріанопольскаго мира *), послалъ въ Азіятскую Турцію двухъ курьеровъ съ извѣщеніемъ объ этомъ. Моремъ на Трапезондъ отправленъ адъютантъ его ротмистръ Могучій, а сухопутно, чрезъ Токатъ и Сивазъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Дюгамель; съ послѣднимъ слѣдовалъ курьеръ отъ турецкаго правительства къ сераскиру. Судно, на которомъ плылъ Могучій, прибыло къ берегамъ Трапезонда 22 или 23 сентября. Братъ сераскира, бывшій тамъ начальникомъ, долго противился его входу на рейдъ и даже сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Послѣ усиленныхъ настояній, хотя курьеръ нашъ и былъ принятъ; но ему объявлено, что трапезондское начальство, не имѣя отъ своего правительства извѣстія о мирѣ,

*) Какъ только начались переговоры о мирѣ, англійскій и французскій послы уже впередъ объявили, что Россія не удержитъ за собою ни одной пяди завоеванныхъ земель... Нельзя безъ сожалѣнія вспомнить, что тогда не настояли на удержаніи Ардагана и Карса, стоившихъ впослѣдствіи столько крови и затормозившихъ успѣхи наши въ послѣдней войнѣ! Да, только читая всѣ дѣла тѣхъ временъ, можно убѣдиться, какая вражда и зависть искони орудуетъ дѣйствіями западныхъ державъ противъ Россіи.

не вѣритъ его посольству и не можетъ дозволить ему слѣдовать къ русскому главнокомандующему. Братъ сераскира прибавилъ къ тому: «Какой главнокомандующій нуженъ вамъ? Графа Паскевича нѣтъ уже въ Турціи, а голову другаго генерала, на мѣсто его здѣсь оставленнаго, на дняхъ привезли въ Трапезондъ». Ротмистръ Могучій ясно видѣлъ ложь и настаивалъ, чтобы его отправили по крайней мѣрѣ къ сераскиру; но трапезондскій начальникъ требовалъ, чтобы въ такомъ случаѣ распечатаны были всѣ бумаги, при курьерѣ находившіяся, и не иначе какъ на этихъ условіяхъ соглашался дать пропускъ. Видя, что никакія представленія не могутъ убѣдить турокъ, Могучій рѣшился, не тратя времени, отплыть къ другимъ черноморскимъ портамъ.

Обо всемъ происшедшемъ въ Трапезондѣ сераскиръ былъ предувѣдомленъ въ тотъ же день. Не взирая на то и на частныя письма изъ внутреннихъ областей Турціи, которыми онъ предваренъ былъ о дѣйствительномъ заключеніи мира, главнокомандующій турецкій скрылъ отъ насъ столь важныя обстоятельства. Впослѣдствіи обнаружилось, что онъ за нѣсколько дней прежде уже имѣлъ фирманъ отъ своего двора, гдѣ султанъ, предувѣдомляя его о начавшихся переговорахъ, повелѣвалъ остаться нѣкоторое время въ оборонительномъ положеніи и, сколько возможно, уклоняться отъ сраженій.

Почти такимъ же образомъ поступлено было и въ отношеніи другаго курьера, штабсъ-капитана Дюгамеля *). Онъ прибылъ въ Трапезондъ 26 сентября, въ сопровожденіи султанскаго курьера, и англійскаго переводчика; городское начальство, удержавъ его, отправило къ сераскиру гонца съ испрошеніемъ на этотъ счетъ распоряженія. Въ ночь съ 26 на 27 число гонецъ прибылъ въ турецкій лагерь; но не прежде взятія нами Байбурта (27 сентября) сераскиръ рѣшился извѣстить главнокомандующаго о доставленномъ свѣдѣніи на счетъ заключенія мира. Посланный турецкій чиновникъ явился въ главную квартиру нашу, въ Байбуртъ, ночью 28 числа. Се-

---

*) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи, сенаторъ, генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

раскиръ, извѣщая, что чрезъ нѣсколько дней будетъ отправленъ имъ курьеръ графа Дибича, просилъ до того времени заключить перемиріе и настаивалъ, чтобы русскія войска не предпринимали дальнѣйшаго движенія впередъ. Нельзя было дать полной вѣры подобному извѣстію, и главнокомандующій въ ту же ночь и чрезъ того же посланнаго отвѣчалъ, что если увѣренія сераскира справедливы, то для заключенія перемирія будетъ выслано съ нашей стороны чрезъ нѣсколько часовъ особое лицо. Къ этому графъ Эриванскій присовокуплялъ, что, принимая съ душевною радостію вѣсть о мирѣ, онъ по утру дѣлаетъ движеніе впередъ на 25 верстъ, чтобы скорѣе встрѣтить русскаго курьера.

На разсвѣтѣ въ самомъ дѣлѣ посланы были къ сераскиру дѣйствительный статскій совѣтникъ Влангали и отставной подполковникъ Яновичъ съ условіями перемирія; имъ велѣно было приступить къ этому только въ такомъ случаѣ, если сераскиръ предъявитъ съ своей стороны официальныя бумаги отъ турецкаго правительства о заключеніи мира, или о началѣ переговоровъ.

Вечеромъ прибыли наши чиновники въ станъ сераскира, расположенный при Гюмишъ-Хане. При ихъ встрѣчѣ истощены были возможныя почести; паша, сопровождаемый большою свитою, выѣхалъ за три версты отъ лагеря и провелъ такимъ образомъ ихъ до ставки сераскира, мимо войскъ, нарочно растянутыхъ въ одну линію. Пріемъ сопровождался самымъ затѣйливымъ восточнымъ угощеніемъ. Послѣ первыхъ неизбѣжныхъ привѣтствій, чиновники наши были допущены къ свиданію съ штабсъ-капитаномъ Дюгамелемъ, и имъ дѣйствительно былъ предъявленъ султанскій фирманъ о заключеніи мира.

Немедленно съ столь пріятнымъ извѣщеніемъ отправленъ къ главнокомандующему нарочный офицеръ, который на зарѣ 1-го октября прискакалъ въ лагерь нашъ при селеніи Урушты, въ 25 верстахъ отъ Бауйбурта, куда отрядъ сдѣлалъ движеніе 30 сентября. Выйдя изъ ставки, главнокомандующій приказалъ тотчасъ дежурному по артиллеріи приготовить холостые заряды и сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ нежданно по-

здравилъ войска съ радостною вѣстью. Чрезъ четверть часа весь лагерь стоялъ въ рядахъ: офицеры спѣшили принести главнокомандующему поздравленіе и взаимно привѣтствовали другъ друга, обнимаясь съ тѣмъ искреннимъ чувствомъ, какое только и бываетъ среди военнаго стана. Громкое «ура» долго не умолкало въ рядахъ солдатъ.

Вслѣдъ затѣмъ возвратились въ лагерь Влангали и Яновичъ, а съ ними прибылъ и Дюгамель. Тотчасъ собранъ былъ церковный парадъ, отслужено благодарственное молебствіе и сто одинъ выстрѣлъ вмѣстѣ съ повтореннымъ ура! вновь разбудили байбуртскую окрестность.

Весь слѣдующій день войска оставались на мѣстѣ, при селеніи Урушты, а 3-го октября выступили къ Эрзеруму.

Въ Байбуртѣ главнокомандующій пробылъ два дня, собралъ жителей, разсѣянныхъ по окрестностямъ отъ голода и разворенія, приказалъ снабдить ихъ продовольствіемъ, сколько нашлось у насъ въ излишествѣ, и роздалъ значительную денежную сумму на вспоможеніе, стараясь вообще облегчить, по возможности, бѣдственную судьбу потерпѣвшихъ во время послѣдняго приступа.

Немедленно за симъ посланы надлежащія приказанія о повсемѣстномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій. Генералъ-лейтенанту Панкратьеву предписано сверхъ того прекратить крѣпостныя работы въ Эрзерумѣ, остановить покупку хлѣба, а всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ при послѣднемъ штурмѣ Байбурта, отпустить, снабдивъ ихъ на 4 дня продовольствіемъ.

4 октября главнокомандующій возвратился въ Эрзерумъ и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе относительно отправленія части войскъ дѣйствовавшаго корпуса въ Грузію, а 15 октября самъ выѣхалъ изъ Эрзерума.

Для занятія и охраненія завоеваннаго края, до совершеннаго исполненія условій по статьямъ адріанопольскаго мира, оставлены въ пашалыкахъ: Эрзерумскомъ, Баязетскомъ и Карскомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Панкратьева, почти вся 20 пѣхотная дивизія, также полки: Кабардинскій (1 баталіонъ въ самомъ Эрзерумѣ, а 2 съ полковымъ штабомъ

въ Гассанъ-Кале), 42 егерскій и пять донскихъ казачьихъ полковъ съ 28 орудіями; войскамъ этимъ назначено расположиться преимущественно по крѣпостямъ и окрестнымъ деревнямъ на главныхъ сообщеніяхъ.

Распространившееся повсюду извѣстіе, что русскіе должны съ наступленіемъ весны очистить почти весь завоеванный край, погрузило жителей христіанскаго исповѣданія въ глубокую горесть. Невозможно было безъ чувства жалости проѣзжать чрезъ ихъ селенія; цѣлыя толпы семействъ тѣснились вокругъ главнокомандующаго, съ просьбою не покидать ихъ на жертву мщенія турокъ и хищничества куртинцевъ. До 4 тысячъ этихъ семействъ переселены въ Грузію и Армянскую область.

Кампанія 1829 года, ознаменованная столь важными успѣхами, продолжалась, какъ и предыдущая, съ небольшимъ четыре мѣсяца. Въ теченіе этого времени войска русскія, пройдя около 600 верстъ отъ границы почти до Трапезонда, уничтожили многочисленную непріятельскую армію и всю полевую ея артиллерію; взяли въ плѣнъ турецкаго главнокомандующаго и правителя обширнаго края, со всѣми важнѣйшими его военными и гражданскими сановниками; овладѣли нѣсколькими укрѣпленными лагерями, четырьмя крѣпостями и самою резиденціею сераскира; покорили пашалыки: Эрзерумскій, Мушскій и часть Трапезондскаго; пріобрѣли 262 пушки, 65 знаменъ, 10 бунчуковъ, жезлъ сераскира и свыше 3,000 плѣнныхъ.

Война въ Азіятской Турціи 1828 и 1829 годовъ представляетъ рѣдкій примѣръ быстрыхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ самое короткое время, съ средствами весьма ограниченными и незначительными потерями. Побѣды кавказскихъ войскъ много содѣйствовали тѣмъ важнымъ результатамъ, какіе пріобрѣла Россія этою войною, и, можно сказать, облегчили путь европейской нашей арміи чрезъ Балканы до стѣнъ Адріанополя. Движеніе графа Паскевича отъ Эрзерума къ Сивазу и Трапезонду заставило дворъ Константинопольскій содрогнуться отъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ должно было ожидать, еслибы корпусу нашему удалось проникнуть далѣе внутрь

Анатоліи и пресѣчь такимъ образомъ главную связь Царьграда съ Діарбекиромъ и Багдадомъ. Слухи объ этомъ до того встревожили Оттоманскую Порту, что она начала опасаться появленія русскихъ со стороны Кавказа предъ Скутари.

Побѣды кавказскихъ войскъ тѣмъ большее производили вліяніе, что въ предшествовавшихъ войнахъ оружіе наше никогда не являлось въ Арменіи и Анатоліи далѣе стѣнъ Карса и Ахалцыха. Счастливые берега Евфрата, на которые воображеніе наше переноситъ идею рая земнаго, впервые спустя 13 вѣковъ послѣ паденія Рима, узрѣли европейскія знамена. Мусульмане содрогнулись, взирая съ изумленіемъ на быстрый, побѣдоносный походъ нашей рати; порабощенные христіане тѣхъ странъ, угнетенные въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій подъ игомъ тяжкой тираніи, оживились духомъ. Суевѣріе мусульманъ предвидѣло паденіе Оттоманской Порты; радостныя надежды христіанъ ожили при видѣ блистательныхъ успѣховъ единовѣрцевъ. Преимущества нашей арміи надъ многочисленными, но безпорядочными толпами османовъ были очевидны: офицеры и начальники наши, подавая примѣръ солдатамъ, умирали въ передовыхъ рядахъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ взятъ въ плѣнъ, тогда какъ главнѣйшіе сановники непріятельской арміи и самъ ихъ предводитель составляли побѣдные трофеи наши.

По адріанопольскому миру присоединенъ къ Россіи Ахалцыхъ, гнѣздо буйной вольницы, нѣкогда столь опасной своимъ сосѣдствомъ для Грузіи. Не взирая на весьма значительныя выгоды и право побѣдителей, Россія великодушно отказалась отъ другихъ пріобрѣтеній въ Азіи и возвратила Портѣ, вопреки существенныхъ своихъ пользъ, богатѣйшую провинцію, какова Карскій пашалыкъ.

Цѣлый годъ пробыли Кабардинскіе баталіоны въ Эрзерумѣ, похоронили тамъ и своего славнаго полковаго командира Швецова, умершаго отъ болѣзни, и только 30 іюля 1830 г. выступили чрезъ Кутаисъ и Гори, по Военно-грузинской дорогѣ, и возвратились 1 декабря въ свою полковую штабъ-квартиру Нальчикъ, пробывъ въ безпрерывныхъ походахъ три съ половиною года. Въ теченіе этого времени полкъ потерялъ умер-

шими болѣе 1,400 человѣкъ, изъ которыхъ убиты въ сраженіяхъ только 19...

Командовать полкомъ былъ назначенъ подполковникъ Кострицкій, который чрезъ полтора года сдалъ полкъ подполковнику Коломійцеву, а этотъ тоже прокомандовалъ съ небольшимъ годъ и передалъ полкъ 7 октября 1832 года полковнику Пирятинскому, бывшему командиру Бутырскаго пѣхотнаго полка, пріобрѣвшему извѣстность боеваго, распорядительнаго штабъ-офицера во многихъ дѣлахъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, гдѣ Бутырскій полкъ, въ составѣ 14 дивизіи, нѣсколько лѣтъ находился.

За персидскую и турецкую кампаніи полку даны на кивера знаки, съ надписью «за отличіе». Нижніе чины получили разновременно въ два баталіона 58 георгіевскихъ крестовъ, почти всѣ офицеры слѣдующіе чины или ордена, юнкера же и подпрапорщики всѣ произведены въ офицеры.

Императоръ Николай, весьма довольный результатами войны, 6 октября 1829 г. обратился къ войскамъ съ слѣдующимъ приказомъ:

Благословеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя незабвенною новою славою, и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный.

Въ двухъ странахъ свѣта неумолкно раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду, и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего незнавшихъ побѣдителей. Смѣлою стопою переносились вы чрезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Контантинополя, принудили его къ торжественному сознанію, что мужеству вашему противустоять онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣжденными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени русскихъ воиновъ!

Въ ознаменованіе толикихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству, повелѣваю: носить всѣмъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ въ 1828 и 1829 годахъ, установленную мною особую медаль за турецкую войну, на лентѣ ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія.

Да будетъ знакъ сей памятникомъ вашей славы и моей къ вамъ признательности! да послужитъ онъ залогомъ и будущей вѣрной вашей службы!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Списокъ шефовъ полка.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. . . .	Съ 3 марта 1881 г.
Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ	Съ 1879 г. февраля 28 по 1 марта 1881 г.
Генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ	Съ 21 марта 1844 г. по 21 іюня 1857 г.
Генералъ-фельдмаршалъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій	Съ 30 августа 1858 г. по 25 февраля 1879 г.

Генералъ-маіоры, командовавшіе въ тоже время полкомъ:

Царевичъ Грузинскій Маріамъ Ираклієвичъ.	Съ 1797 по 1798 г.
Александръ Дмитріевичъ Арсеньевъ, изъ Преображенскаго полка	Съ 1798 по 17 декабря 1799 г.
Петръ Ивановичъ Кохіусъ.	Съ 17 декабря 1799 г. по 29 января 1800 г.
Василій Степановичъ Гуляковъ. . . . . . (Въ службѣ былъ съ 1767 года, въ чинѣ маіора 1790 г. въ Великолуцкомъ полку, изъ котораго назначенъ шефомъ мушкетерскаго Кохіуса, т. е. Кабардинскаго полка. Отличный офицеръ, гроза лезгинъ, павшій геройскою смертью въ бою съ ними).	Съ 1800 по 3 марта 1804 г.
Князь Дмитрій Захаровичъ Орбельянъ . . (Послѣ князя Орбельяна, назначеннаго командующимъ 20 пѣх. дивизіею, шефами были временно полковники: Емельяновъ въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ и Петериковъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ).	Съ 3 марта 1804 г. по 24 августа 1811 г.
Степанъ Леонтьевичъ Тихановскій	Съ 17 февраля 1812 г. по 1 сентября 1814 г., т. е. по день упраздненія званія шефовъ.

Списокъ офицеровъ, получившихъ ордена св. Георгія во время служенія въ Кабардинскомъ полку.

Когда получили.	
	2-й степени:
1859 г. Августа 10.	Шефъ полка, фельдмаршалъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, за покореніе Восточнаго Кавказа.
	3-й степени:
	За отличія въ сраженіяхъ противъ турокъ:
1770 г. Марта 12.	Подполковникъ Христофоръ Ивановичъ Петерсонъ (командиръ баталіона).
1770 г. Сентября 12.	Бригадиръ, баронъ Іосифъ Андреевичъ Игельштромъ (командиръ полка).
1770 г. Декабря 4.	Полковникъ Францъ Николаевичъ Кличка (командиръ полка; имѣлъ 4-й ст., полученный во время служенія въ Ярославскомъ полку 22 сентября того же 1770 года).
Того же числа.	Секундъ-маіоръ Ѳедоръ Ивановичъ Мекнобъ (командиръ баталіона).
1803 г. Апрѣля 14.	Генералъ-маіоръ Василій Степановичъ Гуляковъ (шефъ полка) за пораженіе джаробѣлоканскихъ лезгинъ.
	4-й степени:
	За отличія въ сраженіяхъ противъ турокъ:
1770 г. Іюля 27.	Маіоръ, баронъ Іоганъ фонъ-Ферзенъ (въ 1775 г., послѣ перевода изъ полка, получилъ 3-й степени; а въ 1794 году, будучи генералъ-поручикомъ и графомъ, за разбитіе польскихъ конфедератовъ и взятіе въ плѣнъ Костюшки, получилъ 2-й степени).

1773 г. Августа 19.	Маіоръ Николай Рахмановъ.

За отличія въ экспедиціи противъ хевсуръ, въ 1813 г.

1813 г. Ноября 8.	Маіоръ князь Иванъ Орбельянъ (баталіонный командиръ).
—	Капитанъ Трофимъ Юдинъ.

За отличія въ экспедиціи въ Ахульго, въ 1839 году.

1839 г. Декабря 3.	Маіоръ Михаилъ Шагановъ.
1840 г. Февраля 28.	Капитанъ Иванъ Сервіяновъ.
—	Поручикъ Андрей Дятьковъ.
1842 г. Апрѣля 8.	Штабсъ-капитанъ Андрей Шелаевъ, за отличіе при занятіи въ 1841 г. Хубарскихъ высотъ.
1845 г. Іюня 14.	Флигель-адъютантъ, полковникъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій (батальонный командиръ), за отличіе при занятіи Андійскихъ высотъ въ 1845 г.
1854 г. Марта 16.	Флигель-адъютантъ, полковникъ баронъ мандиръ полка), за отличіе при взятіи Мичиковскихъ заваловъ въ 1853 г.
1859 г. Іюля 29.	Подпоручикъ Григорій Коленко, за отличіе при взятіи Веденя въ 1859 г.
1878 г. Февраля 17.	Штабсъ-капитанъ Николай Анастасіенко, за отличіе при взятіи штурмомъ возставшаго аула Цудахаръ въ 1877 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ XVII ГЛАВѢ I т.

Рапортъ Императору Павлу, Генералъ-Лейтенанта Кнорринга 2-го.

По всеподданѣйшемъ донесеніи моемъ В. И. В. отъ 10-го сего августа о разныхъ извѣстіяхъ, полученныхъ мною изъ Грузіи отъ Его Высочества Грузинскаго Царя Георгія Ираклієвича и отъ статскаго совѣтника Коваленскаго, относительно подвиговъ войскъ Баба Хана подъ командою Аббасъ-Мирзы состоящихъ и угрожающихъ впаденіемъ въ области Царства Грузинскаго, наипаче по убѣжденію бѣжавшаго изъ Грузіи Царевича Александра, дошли ко мнѣ отъ 12-го сего августа отъ Его Высочества Царя Георгія Ираклієвича и отъ статскаго совѣтника Коваленскаго увѣдомленіи, что перехвачено одно письмо бѣжавшаго Царевича Александра зъ стана Персидскихъ войскъ, къ матери его вдовствующей Царицѣ Даріи, содержащее описаніе, сколь онъ милостиво принятъ Аббасъ-Мирзою, одаренъ троекратно халатами и будто войски Персидскіе умноженые 4-мя т. и спабжены 4-мя пушками, къ 15-го сего августа непремѣнно впадутъ въ Грузію. Что такожъ перехвачены и разные другіе благосклонные фирманы отъ Аббасъ-Мирзы къ нѣкоторымъ Грузинскимъ вельможамъ, выхваляющіе ихъ преданность къ Царевичу Александру, и на продолженіе оной ихъ подкрѣпляющіе. Его Высочество Царь приведенъ будучи таковыми довольно достовѣрными вѣстьми въ разстройство, требовалъ отъ меня всевозможнаго поспѣшнѣйшаго откомандированія къ нему

хотя одного на первый разъ пѣхотнаго полка; что оный кромѣ принесенія собою знатнаго пособія на защиту Грузіи отъ непріятелей, подастъ Грузинскимъ подданнымъ надежду на покровительство Вашего Императорскаго Величества, а непріятелей можетъ быть удержитъ отъ покушеній.

По сему немедля ни мало предписалъ я ближайшему къ Грузіи мушкатерскому Гулякова полку однимъ баталіономъ въ Екатериноградѣ, а другимъ въ Моздокѣ расположенному, съ слѣдующею къ нему артиллеріею и сту казакамъ изъ поселенныхъ на Кавказской линіи войскъ соединиться поспѣшнѣе въ Моздокѣ; да и тѣмъ пяти эскадронамъ драгунскаго Пушкина полка, одному баталіону Гренадерскаго Тучкова 2-го, одному баталіону мушкатерскаго имени моего и одному баталіону егерскаго Лихачева 1-го полковъ, съ артиллеріею къ нимъ слѣдующею и съ частію батарейной, также и четыремъ стамъ казаковъ, о которыхъ войскахъ всеподданѣйше донесъ я В. И. Величеству 25-го минувшаго іюля, приказалъ собраться въ Моздокъ же. А между тѣмъ, какъ имѣлъ я письма отъ чиновниковъ Грузинскихъ, для построенія дороги посланныхъ, что дорога и мосты только еще къ 27-му сего августа исправленіемъ кончатся, получилъ 29-го текущаго мѣсяца писанныя 14-го числа извѣщеніи отъ Его Высочества Царя Грузинскаго, что письмо Александра Царевича къ матери его оказалось совсѣмъ не въ томъ видѣ важности, какъ представлялось оно начально; при томъ и всѣ фирманы Аббасъ-Мирзы къ Грузинскимъ вельможамъ ни что иное были какъ послѣдняя попытка Царевича Александра снискать себѣ въ Грузіи партію, весьма мало ему удавшаяся. Что Аббасъ-Мирза совсѣмъ войскомъ своимъ поднявшись отъ Эривани пошелъ назадъ. Что однако зная коварство Персіянъ, полагаетъ Его Высочество, что сіе едва-ли не хитрость, которою мыслятъ ослабивъ въ Грузіи приготовленіе къ ожиданію непріятеля, впасть въ нее неожиданно. Что хотя бы отступленіе Аббасъ-Мирзы и было прикрыто хорошими для спокойствія Грузіи видами, но въ то самое (время:) какъ сей непріятель подвигъ свой на Грузію кажется оставляетъ, готовится ей опасность съ другой стороны. Что дагестанскіе владѣльцы Омаръ-Ханъ Лезгинской по соединеніи съ Сурхай Ханомъ Казыкумыкскимъ, Мехметъ-Ханомъ Джангутейскимъ и съ Кадіями Акушинскимъ и Андинскимъ намѣреваются учинить нападеніе на Грузію. Что сіе конечно предпринимается Дагестанскими владѣльцами по возбужденію Аббасъ-Мирзы для содѣйствія покушенію на Грузію войскъ Персидскихъ; что слѣдст-

венно при настоящемъ сихъ послѣднихъ удаленіи, предпріятіе сіе можетъ и рушится. Но что наконецъ онъ весьма ожидаетъ назначенныхъ въ Грузію Вашимъ Императорскимъ Величествомъ войскъ,

Соображая всѣ вышеописанныя обстоятельства и опасаясь дабы и въ самомъ дѣлѣ Дагестанскіе владѣльцы столь обыкшіе чинить грабительскіе впаденіи въ Грузію, тѣмъ же больше склонные къ пособію въ таковыхъ случаяхъ Персіянамъ, какъ доказалось то въ нападеніи на Грузію войскъ Аги-Мехметъ-Хана, невторглись въ области Его Высочества Царя Грузинскаго, чего и пресѣчь своевременно грузины одни не въ состояніи, имѣя землю отъ стороны Дагестана открытую; и руководствуяся Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣніемъ, даннымъ мнѣ отъ 10-го минувшаго іюля, командирую туда мушкатерскій Гулякова полкъ съ слѣдующею къ нему артиллеріею и сто казаковъ. Деташаментъ сей подъ командой Генералъ-Маіора Гулякова, сей же день переправился въ Моздокѣ на противный брегъ Терека и будучи снабженъ на особомъ транспортѣ 20-ти дневномъ провіантомъ, кромѣ запаснаго 9-ти дневнаго, выступитъ завтра въ предлежащій путь, имѣя для себя, по увѣреніямъ Его Высочества Царя, отъ первой черты Грузинскаго владѣнія до Тифлиса, готовый по пути провіантъ и всѣ пособіи на безъ затруднительное его Кавказскихъ дефилей прошествіе.

О семъ Вашему Императорскому Величеству всеподданѣйше донести осмѣливаюсь. За тѣмъ долгъ имѣю всѣнижайше представить, что противоположные кордону здѣшнему горскіе народы, особливо Гребенчуковцы извѣстные изъ всеподданѣйшаго рапорта моего отъ 17-го числа іюня сего года, видя приготовленіе столь не малаго числа войскъ къ походу въ Грузію и соступленіе ихъ съ настоящихъ мѣстъ къ зборному мѣсту въ Моздокъ, весьма примѣтно начали умножать покушеніи свои на кордонъ такъ, что въ теченіи одной настоящей недѣли дѣлали двѣ попытки въ дистанціи расположенія по Тереку поселеннаго Моздокскаго казачьяго полку въ коихъ одинъ разъ осторожностію казаковъ они прогнаны, а въ другой восемь человѣкъ забрались въ чрезвычайную густоту лѣса и защитя себя срубленными деревьями хотя и были окружены ротою полку моего имяни чтобъ взять ихъ живыхъ, но дотоль отстраивались, что убивъ двухъ рядовыхъ, сами всѣ легли мертвыми на мѣстѣ.—Изъ сего предвидя, что ежели нужда потребуетъ слѣдовать названнымъ войскамъ въ Грузію, то на линіи вящше усилятся грабежи и разбои отъ столь жадно выжидающихъ

только случая на то многихъ горскихъ народовъ, въ коихъ и молва объ ономъ носится да и самые изготовленіи уже дѣлаются какъ извѣстно мнѣ чрезъ лазутчиковъ, то между тѣмъ какъ Его Высочеству предстанетъ необходимость въ большемъ пособіи, теперь мною еще не предусматриваемомъ, располагаю произвесть экспедицію на народъ извѣстный подъ названіемъ большая Атага и Гребенчуковцы, *) имѣя на оное Всевысочайшее соизволеніе В. И. В. въ повелѣніи отъ 8-го минувшаго іюля изображенное. Войски же употреблю на то тѣ самые, кои будучи въ Грузію изготовлены, собрались теперь въ Моздокѣ и въ близкихъ къ оному мѣстахъ. Способъ сей есть только одинъ удобный устрашить сильнымъ ударомъ сихъ неукротимыхъ злодѣевъ, дабы они и тогда какъ войски выступятъ въ Грузію, опасались покушаться на нашъ кордонъ?

Благополучный городъ Моздокъ.
Августа 1800 г.

---

*) Т. е. Чеченцы; такъ называли ихъ тогда по двумъ значительнымъ auламъ Германчикъ и Атага; впослѣдствіи. по аулу Чеченъ, мы ихъ стали звать Чеченцами, а собственно ихъ названіе «Начхэ».

Прим. авт.

